

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1901.

1890

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., собств. домъ.

1901.

AP50
R875
v. 22:10
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЛЫБИНСКОЕ ДѢЛО. Повѣсть.—А. Алпатьина. <i>Окончаніе</i> . . .	1
II. ЗЛОБЫ ЖИЗНИ. Картины провинціального быта. Густава Вида. Переводъ съ датскаго.—А. и П. Ганзенъ.	53
III. ПУТЬ БЪ СЛАВЪ. Повѣсть.—И. Н. Потапенка.	118
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Юрія Свѣтогора.	155
V. РАЗСКАЗЫ О ПРОШЛОМЪ. Изъ автобіографіи моего прія-теля.—С. Я. Елпатьевскаго. <i>Продолженіе</i>	157
VI. ОПЫТЪ ОЗДОРОВЛЕНІЯ ДЕРЕВНИ.—П. Г. Ганзена. <i>Окончаніе</i>	1
VII. ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ ВЪ С. ШТАТАХЪ.—Л. А. Б—ича.	19
VIII. БЕНАРЕСЪ. Очеркъ.—А. Ф. фонъ-дерь-Лауницъ. <i>Окончаніе</i>	41
IX. ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗИИ. Этюдъ по сравнительной исторіи ли-тературы Игнація Матушевскаго. Перев. съ польск.—В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	76
X. Н. И. СТОРОЖЕНКО. (По поводу тридцатилѣтія научно-ли-тературной дѣятельности).—П. С. Когана.	105
XI. ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ ГЕРБАРТА. (« <i>Mission: L'éducation par l'instruction et les théories pedagogiques de Herbart</i> »).—А. Л—снаго	119
XII. ОБРЫВКИ ПРОШЛАГО. (Изъ исторіи русской литературы и культуры XIX вѣка).—Вл. Калаша.	140
XIII. АЛЕССАНДРО МАНЦОНИ. (Новѣйшая итальянская литература о Манцони).—М. В. Ватсонъ. <i>Окончаніе</i>	150
XIV. ДОБРЫЙ ПОЧИНЪ.—В. А. Гольцева	172
XV. ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ВИННОЙ МО-НОПОЛИ.—И. Х. Озерова.	175

852264

	Стр.
XVI. ЭВОЛЮЦІЯ ФРАНЦУЗСКАГО РОМАНА. (<i>Georges Pellissier</i> : «Le mouvement littéraire contemporain»)—С. Л.	190
XVII. ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ШЕЛГУНОВА.—В. А. Гольцева.	203
XVIII. ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ. (Замѣтки и впечатлѣнія).—С. А. Волнова	208
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Нѣсколько замѣчаній о попечительствахъ о бѣдныхъ.—Необходимость изслѣдованія жизни бѣдныхъ въ Москвѣ.—Постройка ночлежныхъ домовъ.—Предписаніе городамъ производить свои заказы въ Россіи.—Реформа городского самоуправления.—Предстоящая продовольственная кампанія.—Земско-статистическіе конфликты.—Изъ жизни провинціи.	219
XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	245
XXI. НИСЪМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. «Дикая утка», драма Г. Ибсена (Художественный театр).—«Разрывъ-трава», фантастич. сказка Е. П. Гославскаго (Новый театр).—Я. А. Ф—ина.	252
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Публицистика.—Философія, педагогика.—Исторія.—Географія, этнографія, путешествія.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1901 г.	269
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

ЛЫБИНСКОЕ ДѢЛО *).

(Повѣсть).

ХV.

Наконецъ, насталь май мѣсяць. Пустынныя, широкія городскія улицы давнымъ давно успѣли очиститься отъ снѣга, высохнуть отъ липкой, глубокой грязи и теперь безцеремонно обдавали проходившихъ и проѣзжавшихъ облаками бѣлой, жесткой, ѣдкой пыли.

Большое, неуклюжее зданіе окружнаго суда, выкрашенное въ сѣро-желтую краску, выходило на главную улицу окнами на западь. Съ обѣихъ сторонъ къ нему примывали заборы, черезъ которые привѣтливо свисали сочныя, липкія вѣтви недавно распустившихся, желто-зеленыхъ тополей. Здѣсь, около подъѣзда съ утра толпились извозчики, входили и выходили люди. Въ душныхъ, сырыхъ коридорахъ тагъ же ходили и толпились люди. Въ судѣ шла сессія, одна изъ самыхъ трудныхъ въ году и продолжительныхъ. Дѣло Когоши было назначено послѣднимъ.

Еще за нѣсколько дней Качаевъ, взволнованный и задумчивый, сталъ появляться въ залѣ засѣданій и терпѣливо сидѣть въ нихъ, слушая самыя неинтересныя дѣла. Тотъ же старый и опытный товарищъ Дургановъ его надумилъ.

— Вы, батенька, — сказалъ онъ, — сначала хорошенько къ присяжнымъ приглядитесь. Это необходимо! Каждый составъ всегда особенный, а вѣдь самое важное — вѣрный тонъ взять.

И Качаевъ сталъ изучать присяжныхъ и искать такого тона. Еще ранѣе, когда онъ ознакомился съ дѣломъ и внимательно читалъ его, онъ только и отыскивалъ, только и замѣчалъ въ немъ одно то, что уличало Когошу въ поджогъ. Поэтому, должно быть, у Качаева

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1901 г.

совершенно не встрѣчалось никакихъ сомнѣній въ его виновности. Между тѣмъ онъ зналъ, что на такое дѣло обращено общее вниманіе, что оно можетъ попасть въ газеты, что, проведя его хорошо, возможно выдвинуться, быть замѣченнымъ, и понемногу вышло какъ-то такъ, что отъ того, удастся ли несчастнаго Кокочу сослать въ Сибирь, стало зависѣть его собственное благополучіе. И Качаевъ волновался. Ему было извѣстно, что присяжныхъ собралось только 20 человѣкъ. Отведя троихъ, онъ могъ свободно сорвать дѣло и заставить его отложить, а потому становилось необходимымъ рѣшить, нужно ли пускать дѣло съ такимъ составомъ, который былъ налицо. На первый взглядъ однако составъ этотъ казался благоприятнымъ. Въ немъ было много крестьянъ, а они всегда считались самыми надежными въ дѣлахъ о поджогахъ. Потомъ въ немъ находилось нѣсколько помѣщиковъ. Съ ними Качаевъ намѣревался поговорить объ общихъ вопросахъ, на тему о дворянствѣ, о томъ, сколько приносятъ вреда, какую незаслуженную тѣнь бросаютъ на все сословіе такіе люди, какъ Кокоча. Эти мысли Качаеву нравились сами по себѣ, ему хотѣлось высказать ихъ публично, но кромѣ того ему представлялось необходимымъ по такому дѣлу коснуться общественныхъ вопросовъ. Ему припоминалось, что знаменитые судебные ораторы не проходили молчаніемъ общественное значеніе тѣхъ процессовъ, по которымъ они выступали. Наконецъ, въ составъ присяжныхъ сидѣлъ докторъ Зосимовъ, тотъ самый Зосимовъ, который такъ былъ озлобленъ противъ Кокочи, такъ яростно доказывалъ въ клубѣ его виновность и, слѣдовательно, можно было предполагать, что онъ успѣлъ уже и остальныхъ настроить въ томъ же обвинительномъ духѣ.

Однако сначала Качаевъ было смутился. Первое же дѣло, на которое онъ попалъ, было дѣло о кражѣ. Судился самый настоящій профессиональный воръ, несчетное уже число разъ сидѣвшій по тюрьмамъ и на этотъ разъ укравшій хомутъ, съ которымъ его поймали на мѣстѣ преступленія. Въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ, между двумя скучающими конвойными солдатами, онъ такъ спокойно, равнодушно и даже съ отѣнкомъ нѣкотораго юмора рассказывалъ, какъ онъ укралъ, и какъ ловко его сцапали, что присяжные невольно переглядывались и улыбались, и тѣмъ не менѣе они торжественно объявили: «нѣтъ, не виновенъ».

— Вотъ такъ приговоръ! — развелъ только руками товарищъ предсѣдателя Брянцевъ.

Но слѣдующее дѣло было гораздо сложнѣе, гораздо запутаннѣе, съ самыми темными уликами, и тѣ же присяжные обвинили.

— Нѣтъ, составъ хорошій, совсѣмъ хорошій! — даже выкативъ

глаза, внушительно заявилъ Брянцевъ, когда его стали разспрашивать Качаевъ.

— Однако рецидивиста и съ сознаниемъ оправдали!—возразилъ было тотъ.

— Ну, вотъ, батюшка, словно вы въ первый разъ въ судъ попали. Укралъ рваный хомутъ, тутъ же его отобрали, самого, раба Божьяго, посадили и шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ держали! Чего же вамъ требуется еще? Нѣтъ, составъ хорошій, и самое важное: толковый составъ!

Но Качаевъ всетаки волновался.

Вернувшись домой, онъ весь вечеръ сидѣлъ въ своемъ номерѣ, обдумывая въ сотый разъ, что онъ будетъ говорить. Онъ рѣшительно начиналъ трусить. Самыя странныя сомнѣнія возникали у него. А вдругъ онъ что-нибудь забудетъ, вдругъ ошибется, вдругъ будетъ говорить песклядно, заикаясь. А кто знаетъ, что это за адвокатъ, вѣдь какой-то московскій! Но кромѣ всѣхъ этихъ терзавшихъ его вопросовъ было что-то еще другое, гораздо худшее и болѣе мучительное. Качаевъ изо всѣхъ силъ старался отвязаться отъ этой назойливой мысли, шагаль по номеру, садился на окно, смотрѣлъ вдоль унылой перспективы улицы, тонувшей въ сѣромъ сумрагѣ свѣжей, ясной, майской ночи. Все было напрасно, все одна и та же мысль не выходила изъ головы, и онъ то и дѣло думалъ:

«Зачѣмъ это именно Лыбинъ обвиняется, тотъ Лыбинъ, съ которымъ хоть изрѣдка, а приходилось встрѣчаться, лысый, добродушный, смѣшной?»

И Качаевъ ежился плечами, и сердце его неприятно сжимало. Онъ плохо спалъ и пошелъ въ судъ, словно на экзамень.

XVI.

Засѣданіе, какъ всегда, было назначено въ 10 часовъ утра, но уже по крайней мѣрѣ за полчаса коридоры суда наполнились публикою и совершенно особенною публикою, которую здѣсь обыкновенно и встрѣчать не приходилось. Слышалось шуршаніе платьевъ, мелькали дамскія шляпки, запахло, наконецъ, духами всѣхъ сортовъ.

— Чистый театръ на масляной недѣлѣ!—покручивая усы, съ удовольствіемъ говорилъ старый помощникъ секретаря.

— Вы хоть бы сегодня другіе штаны надѣли!—замѣтилъ ему Брянцевъ, брезгливо его оглядѣвши, но тотъ притворился, что не разслышалъ.

Дѣйствительно, стало похоже на театръ. Весь городъ всполо-

пился. Предстояло невиданное зрѣлище. Судили Бюкошу, того Бюкошу, котораго знали рѣшительно всѣ, начиная съ любого дворника и кончая высшей аристократіей. Оказалось столько желающихъ слушать дѣло, что предсѣдатель суда, наконецъ, спохватился и рѣшилъ пускать публику по билетамъ. Но, во-первыхъ, было уже поздно, а во-вторыхъ, билеты оказывались ни къ чему. Въ судъ то и дѣло являлись все новыя лица, вызывали своихъ знакомыхъ служащихъ и требовали, чтобы тѣ провели ихъ и посадили хоть гдѣ-нибудь.

— Вѣдь вы отъ духоты пропадете! — пытался урезонивать одну даму Брянцевъ, строго выкатывая глаза. — Наконецъ, вы знаете, что для входа нужно имѣть билетъ.

— Помилуйте, я въ первый разъ слышу о билетѣ, помилуйте... я должна быть... я знаю Николая Николаевича, мнѣ необходимо быть!

Брянцевъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Попробуйте! Только ужъ извините, не понимаю совершенно, гдѣ вы сумѣете сѣсть.

Дама, шумя шелковыми юбками и потряхивая перомъ на шляпкѣ, немедленно вошла въ залу и какимъ-то образомъ всетаки изловчилась найти себѣ мѣсто.

Въ десять часовъ вся зала оказалась биткомъ набита людьми, и судебный приставъ, старый, съ разбитыми ногами человѣкъ, началъ уже утирать покраснѣвшій свой лобъ, мечась, какъ угорѣлый, и изъ послѣднихъ силъ отстаивая переднюю лавку, назначенную для присяжныхъ и свидѣтелей.

— Словно подъ Шипкой, ей-Богу! — говорилъ онъ, беспомощно озираясь по сторонамъ.

А зала уже успѣла принять совершенно необычный ей видъ. Вмѣсто скучающихъ, грязно одѣтыхъ людей, наполнявшихъ ее обыкновенно, всюду пестрѣли платья, шляпки, сюртуки, всюду слышался оживленный говоръ и даже французскій языкъ. Общество, какъ всегда, разбилось на отдѣльныя группы. Въ одномъ мѣстѣ собралась знать, городская аристократія, въ другомъ чиновничество попроще, нѣсколько отдѣльно отъ другихъ помѣстились двѣ судебныя дамы, любительницы уголовныхъ дѣлъ, чувствовавшія себя въ судѣ, какъ дома. Впрочемъ, одна изъ нихъ, съ огромными синими глазами и великолѣпными золотистыми волосами, была болѣе занята своими кавалерами, которыхъ оказалось сразу очень много, чѣмъ предстоящимъ процессомъ.

Бъ одной барынѣ подошелъ чрезвычайно чисто одѣтый молодой человѣкъ съ коротенькими бачками около ушей и подаль ей коробку конфетъ.

— Что это?—удивилась та.—Съ утра и конфеты!

— Это необходимо! Вы услышите столько горькаго, что имѣть въ запасѣ сладкое необходимо!

И барыня весело смѣялась.

— А что же это за рѣшетка?—наивно освѣдомлялась среди аристократіи одна очень томная, худая и сильно напудренная дама, разглядывая залу въ лорнетъ:

— Это та рѣшетка, за которой очень неприятно находиться!—увѣренно отвѣчалъ ей толстый и довольный собою господинъ съ каштановой бороδοю.

— Временная квартира мосье Кокоши на сегодняшній день,—сострилъ кто-то.

— Вы знаете, что графиня тоже собиралась сюда,—слышалось въ другомъ мѣстѣ. Но ее отговорили. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ такъ душно... она не вынесетъ!

— А Михаилъ Даниловичъ не собирался?—спросилъ кто-то.

— Ахъ, что вы! Михаилъ Даниловичъ говорить, что нога его никогда не будетъ въ судѣ, развѣ призовутъ повѣсткой.

Въ отвѣтъ слышался опять смѣхъ.

Между тѣмъ Качаевъ прошелъ прямо къ судьямъ. Онъ сразу увидѣлъ, что съѣхался весь городъ, и не зналъ, смущаться ли этому или радоваться. Судьи тоже уже собрались. Сѣдой Пафнугій Аванасевичъ Гроздевъ полулежалъ на диванѣ, заложивъ руки за затылокъ. Колобковъ расхаживалъ взадъ и впередъ, смотря себѣ подъ ноги.

— Да, вчера мы засидѣлись. Это уже вина предсѣдателя! нельзя два большихъ дѣла назначать подъ-рядъ!—говорилъ Гроздевъ, у котораго отъ вчерашняго засѣданія все еще былъ туманъ въ головѣ и болѣла спина.

— Кто же это могъ ожидать, что дѣло такъ осложнится, и мы просидимъ до двѣнадцати часовъ ночи,—отвѣтилъ Брянцевъ, разбирая бумаги, и сейчасъ же обратился къ Качаеву:

— Ну-съ, вчера у насъ тоже слушался поджогъ и не чета сегодняшнему! И тѣмъ не менѣе обвинили! Вотъ какой составишь! А вы сомнѣваетесь!

— Чего сомнѣваться!—сказалъ на это Гроздевъ.—Битое дѣло! Нужно только удивляться, что Лыбинъ не сознается!

— Однако и начинать бы пора!—замѣтилъ Колобковъ, продолжая ходить. Онъ давно уже начиналъ себя чувствовать по утрамъ нехорошо, утомленнымъ, недовольнымъ, почти больнымъ, а сегодня, послѣ вчерашняго сидѣнья въ душевной залѣ до двѣнадцати часовъ ночи, ему было особенно не по себѣ.

— Присяжного одного еще нѣтъ!—сказалъ Сергѣй Леонидовичъ и приказалъ сторожу позвать секретаря.

Вошелъ тотъ же помощникъ секретаря съ усами и съ кокомъ на головѣ.

— Узнайте, пожалуйста, пришелъ ли Никитскій,—сказалъ ему Брянцевъ.

— Никитскій давно здѣсь!—развязно отвѣтилъ секретарь.—Онъ въ залѣ дамами занимается.

Брянцевъ даже глаза вытаращилъ и сразу разгорячился.

— Что же, вы не знаете, что мы всё ждемъ его! Почему же вы не скажете? И судебный приставъ тоже хорошъ!—Позовите его!

— Публики очень много!—охотно сталъ объяснять секретарь, окончательно безъ церемоніи облокотившись рукою на столъ и картинно заложивъ одну ногу за другую.—Настоящій пассажъ въ Москвѣ!—Но тутъ Брянцевъ совершенно разсердился.

— Извольте дѣлать, что вамъ приказываютъ!—прикрикнувъ онъ, и когда секретарь, нисколько не смутившись, не спѣша направился въ залу, прибавилъ:

— Совершенно дуракъ. Помѣшанный какой-то!

— А вы чего же его не прогоните? Давнымъ бы давно выгнать слѣдовало!—заявилъ Колобковъ, все шагая назадъ и впередъ.

— И слѣдовало бы!—согласился Брянцевъ.—А куда прикажете его выгнать, на мостовую? У этого дурака большая жена и двое дѣтей. Тоже, батюшка, у насъ въ канцеляріи двадцать лѣтъ прослужить за тѣ гроши, которые даютъ, всякій дуракомъ станетъ.

На это никто ничего не возразилъ.

— Присяжные всё собрались!—провозгласилъ судебный приставъ, у котораго теперь окончательно глаза разлѣзлись въ разные стороны.

— И давно собрались, это вы зѣваете!—проворчалъ Брянцевъ, беря дѣло Кокоши.

— Ничего сдѣлать невозможно!—оправдывался приставъ.—Публики ужасно много! Все барыни, никакъ не совладаешь!

— Безобразіе! чего лѣзутъ!—сказалъ, тяжело подымаясь, Гроздевъ.

— Гнать нужно!—сердито произнесъ Колобковъ.—Публичный судъ, публичный судъ! а выходитъ развратъ какой-то!

— Ну, пойдѣте!—проговорилъ Брянцевъ, и всё двинулись въ залу.

XVII.

Качаевъ съ замираніемъ сердца вошелъ въ двери и оглянулся на беспорядочно волнующуюся и подымающуюся пеструю толпу, среди которой, какъ шальной, бѣгаль судебный приставъ, озабоченно крича: встать! судъ идетъ! встаньте!

Но очутившись на привычномъ мѣстѣ, справа отъ судей, за отдѣльнымъ столомъ съ конторкой, Качаевъ сразу успокоился. Яркій, веселый майскій день, блестявшій сбоку изъ оконъ, бодрилъ его, наполнявшіи комнату знакомыя лица уже не смущали,—напротивъ, они придавали энергію, и ему теперь, во что бы то ни стало, хотѣлось вести дѣло. Онъ сѣлъ, сдѣлалъ серьезное лицо и мелькомъ оглядѣлъ свой мундиръ, все ли въ немъ въ порядкѣ.

Неподалеку отъ него Скурагинъ въ новомъ съ иголочки фракѣ, съ маленькимъ бѣленькимъ значкомъ, еще болѣе свѣжій, розовый и цвѣтушій, чѣмъ всегда, внимательно осматривалъ его. Онъ тоже видимо волновался. Онъ считалъ дѣло безнадежнымъ и всетаки хотѣлъ вѣрить въ свое счастье и удачу. Онъ сѣлъ за свой столикъ. Рядомъ съ нимъ помѣстился другой адвокатъ, съ замѣтно еврейскимъ лицомъ, представитель интересовъ страхового общества, гражданскій истецъ. Онъ также съ любопытствомъ оглядѣлъ своего союзника Качаева. Качаевъ не измѣнялъ принятой позы. Ему казалось, что весь интересъ теперь сосредоточенъ на немъ, что все въ его рукахъ, и все отъ него зависитъ.

Въ залѣ было очень свѣтло. Изъ раскрытыхъ оконъ, не переставая ни на минуту, непрерывно трещали экипажи.

— Закройте окна! — сморщившись, сказалъ Брянцевъ, рассладившая около себя бумага.

— Отъ духоты помремь! — возразилъ было ему сидѣвшій слѣва Колобковъ.

— Вы слышите, какая стукотня! — замѣтилъ на это только Брянцевъ, тоскливо глядя передъ собою на разноцвѣтные платья и шляпки.

— Слушается дѣло о дворянинѣ Лыбинѣ, обвиняемомъ въ поджогѣ. Введите подсудимаго! — громко провозгласилъ онъ, когда окна, наконецъ, были закрыты, и въ залѣ вдругъ сдѣлалось совершенно тихо.

Все сейчасъ же заволновалось, задвигалось. Мѣшаясь, перепутываясь, дамы поднимались съ мѣстъ, тянулись, старались какъ-нибудь устроиться такъ, чтобы лучше все видѣть. Всѣ лица были обращены налѣво, туда, гдѣ рядомъ съ прокурорскимъ мѣстомъ была

устроена рѣшетка, а за нею видѣлась одностворчатая дверь, выкрашенная подъ дубъ въ желтую краску. Она отворилась. Бокомъ, неловко ступая, задѣвъ на ходу плечомъ о притолку, стуча и звеня чѣмъ-то, показался конвойный солдатъ, и вдругъ появился Кокоша. Сотни глазъ устремились, впились въ него, съ удивленіемъ принялись разглядывать его странно, противъ обыкновенія неряшливо сидѣвшій на немъ и морщившійся скуртугъ, его желтую лысину, замѣтно осунувшееся и постарѣвшее лицо и, наконецъ, бороду, которая изъ аккуратно подстриженной треугольникомъ, вдругъ сдѣлалась круглой, окладистой, торчавшей по бокамъ отдѣльными прядями волосъ. Кокоша, тагъ всегда любившій общество, при видѣ множества знакомыхъ лицъ, невольно оборотился къ публикѣ и уже, кажется, готовъ былъ озариться своей благодушной улыбкой, но вдругъ круто повернулся и скорѣе сѣлъ между двумя конвойными солдатами, ставшими по бокамъ съ обнаженными шашками.

— Подсудимый, встаньте! Вы дворянинъ, Николай Николаевичъ Лыбинъ?—громко и самоувѣренно началъ было Брянцевъ, но сейчасъ же съ тоскою во взглядѣ положилъ находившееся у него въ рукахъ дѣло на столъ.

— Я прошу публику вести себя тихо и не шумѣть,—раздраженно заговорилъ онъ,—иначе я вынужденъ буду всѣхъ удалить!

— Вамъ тридцать шесть лѣтъ?—обратился онъ опять къ Кокошѣ.—Копію обвинительнаго акта, списокъ судей и присяжныхъ за сѣдателей получили?

Кокоша на все отвѣчалъ «да» тихимъ и невнятнымъ голосомъ.

Окончивъ переговоры съ нимъ, предсѣдательствующій спросилъ, всѣ ли свидѣтели явились. Оказалось, трое не явилось: рабочій, служившій въ Лыбингѣ, Ѳедоръ Павловъ, горничная жены Кокоши и горничная Болдиной. Брянцевъ спросилъ Качаева, признаетъ ли онъ возможнымъ слушать дѣло.

Медленно поднявшись, мелькомъ окинувъ глазами публику, Качаевъ громко и отчетливо сказалъ, что, по его мнѣнію, несмотря на важность показаній этихъ свидѣтелей, дѣло всетаки слушать можно. Адвокаты съ нимъ согласились.

— Присяжные въ томъ же составѣ?—спросилъ тогда судебного пристава Брянцевъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, снова обратился къ Качаеву съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ кого-нибудь изъ присяжныхъ отвести.

Качаевъ небрежно протянулъ руку, взялъ списокъ и вычеркнулъ двоихъ. Одинъ былъ тотъ, кто, будучи старшиною, оправдалъ реци-

дивиста вора, другой самъ просилъ Качаева отвести себя, такъ какъ ему было нужно по своимъ дѣламъ уѣхать въ деревню.

Посмотрѣвъ на списокъ, Брянцевъ подалъ его адвокату.

— Предупреждаю васъ,—сказалъ онъ,—осталось всего восемнадцать человекъ, и если вы отведете хоть одного, дѣло не можетъ состояться и его придется отложить.

Скурагинъ повернулся къ Кокошѣ и тихо проговорилъ:

— Хотите, чтобы дѣло было отложено? Между присяжными нѣтъ такихъ лицъ, которыхъ вамъ необходимо удалить изъ состава, которые могутъ быть предубѣждены почему-либо противъ васъ?

Но Кокоша послѣ долгаго, одинокаго сидѣнія въ тюрьмѣ, попавъ сюда въ свѣтлую, большую залу, сразу очутившись среди множества знакомыхъ людей и главное дамъ, былъ, какъ во снѣ, и ничего не могъ сообразить.

— Можетъ быть, лучше дѣло отложить? — продолжалъ Скурагинъ. — Или вы непременно хотите, чтобы его слушали сейчасъ?

— Да, сейчасъ, сейчасъ! — пробормоталъ, наконецъ, Кокоша.

Скурагинъ повернулся къ предсѣдательствующему и объявилъ, что никого не отводитъ.

Такимъ образомъ, дѣло состоялось. Брянцевъ вздохнулъ, взялъ урну и началъ вынимать оттуда билеты, выкрикивая имена присяжныхъ. Многие изъ нихъ со страхомъ слѣдили за этою процедурою. Всѣхъ пугало, что дѣло большое и, пожалуй, придется въ судѣ ночевать.

Тѣмъ временемъ Качаевъ рылся въ своихъ запискахъ. Онъ дѣлалъ видъ, что ему совершенно все равно, кто попадетъ въ число присяжныхъ, но въ дѣйствительности онъ весь насторожился и очень внимательно слушалъ.

Алексѣй Ивановичъ Зосимовъ, — вдругъ донеслось до него — и сердце его радостно сжалось. Онъ даже не удержался и улыбнулся. Составъ, въ самомъ дѣлѣ, подбирался прекрасный. Кромѣ Зосимова попало четыре крестьянина, четыре помѣщика, одинъ купецъ и два чиновника.

«Съ этими можно быть спокойнымъ!» — подумалъ Качаевъ.

Присяжные избрали старшиною Зосимова. Когда они усѣлись на поставленныхъ въ два ряда креслахъ на противоположной сторонѣ залы отъ Кокоши, и въ комнатѣ стало опять совсѣмъ тихо, Брянцевъ взялъ обвинительный актъ и, откашлянувшись, самъ началъ его читать нарочно какъ можно раздѣльнѣе и яснѣе.

При первыхъ же его словахъ, слышавъ свое имя, Кокоша слегка наклонилъ голову и сталъ было внимательно прислушиваться. По-

видимому, онъ даже заинтересовался тѣмъ, что читали, но это продолжалось недолго. Онъ очень скоро перевелъ глаза на окна, принялъ скучающій видъ и, кажется, задумался совсѣмъ о постороннихъ вещахъ. Публика тоже начала скучать. Среди нея послышался шепотъ. Тамъ и тамъ стали пытаться разговаривать. Одни присяжные слушали, по крайней мѣрѣ старались слушать. Сухой, рябоватый Зосимовъ сидѣлъ съ края и, насмѣшливо кривя губы, то и дѣло искоса поглядывалъ на Кокошу.

Обвинительный актъ былъ на нѣсколькихъ листахъ. Въ немъ подробно было изложено, какъ произошелъ пожаръ, и почему въ поджогѣ обвиняли Кокошу. Въ немъ рассказывалось, что фабрика стояла гораздо дешевле, чѣмъ была застрахована, что Кокоша очень нуждался въ деньгахъ, что въ день пожара онъ былъ въ имѣнii и, уѣзжая изъ него, зашелъ на фабрику и совершилъ поджогъ. Обвинительный актъ былъ написанъ легко, складно, въ немъ постоянно были ссылки на показанiя свидѣтелей, и нельзя было не придти къ убѣжденiю, что Кокоша дѣйствительно виновенъ. Провозгласивъ, наконецъ, что дворянинъ Лыбинъ предается суду съ присяжными засѣдателями, предсѣдательствующей положилъ дѣло, вынулъ платокъ, обтеръ имъ лицо и обратился къ Кокошѣ.

— Подсудимый, — опять постаравшись пріободриться, громко сказалъ онъ, — вы обвиняетесь въ томъ, что въ январѣ, въ своемъ имѣнii, съ цѣлю получить страховую премiю, умышленно подожгли принадлежащую вамъ фабрику. Признаете ли вы себя въ этомъ преступленii виновнымъ?

Кокоша всталъ, хотѣлъ что-то сказать, но множество знакомыхъ, искаженныхъ отъ любопытства лицъ, сотни глазъ, безъ церемонii разсматривавшихъ его, всяѣта странная, необыкновенная обстановка такъ затуманили ему голову, что онъ, криво распустивъ губы, стоялъ, не говоря ни слова.

— Признаете ли вы себя виновнымъ? — повторилъ Брянцевъ, съ недоумѣнiемъ смотря на него.

Кокоша молчалъ попрежнему.

Лицо Брянцева вдругъ слегка дрогнуло.

— Если вы не желаете давать объясненiя, — началъ онъ мягко, — вы можете объ этомъ заявить суду. Это ваше право. Вы хотите отвѣтить на мой вопросъ? Виноваты вы въ поджогѣ?

Кокоша, наконецъ, овладѣлъ собою. Губы его вытянулись, и онъ, усиленно зашевеливъ ими, тихо отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

— Садитесь! пригласите свидѣтелей!—торопливо сказалъ председательствующій.

«Что? что онъ сказалъ? что сказалъ Бюкоша?»—засуетившись, забезпокоившись, заволновавшись, спрашивали другъ у друга въ публикѣ.—Но въ это время началось настолько интересное, что всё опять начали тянуться, стараясь получше все увидѣть и рассмотреть. Боковая дверь налѣво широко растворилась, и изъ нея сразу нахлынула цѣлая толпа. Почти всё въ ней были знакомые.

— Смотрите, князь Вресскій, — шептали въ разныхъ мѣстахъ. — И Мейеръ! И Щавельскій! А это кто? кто это дама?

— Гдѣ?

— Вонъ та, въ темномъ платьѣ?

— Господи, да это Болдина! Болдина!

— Ахъ, вотъ она Болдина!

Все это говорилось съ такимъ азартомъ, съ такимъ воодушевленіемъ, что Марья Павловна свободно все могла слышать. Но она ничего не слыхала. Она вошла замѣтно блѣдная, стройная, высокая, надменно и злобно смотря передъ собою и, остановившись передъ судейскимъ столомъ, сейчасъ же робко погосилась налѣво.

Бюкоша, съ полуоткрытымъ ртомъ, съ растрепавшейся бородою, глядѣлъ на нее изъ-за рѣшетки, словно желая протянуть къ ней руки за помощью.

Начался долгій предварительный допросъ свидѣтелей объ ихъ званіи, именахъ, вѣроисповѣданіи. Какъ и у другихъ, Брянцевъ спросилъ у Болдиной, не состоитъ ли она въ какихъ-либо особыхъ отношеніяхъ къ Бюкошѣ. Марья Павловна гордо подняла голову, свернула глазами и ничего не отвѣтила.

— Вы не родственница подсудимому? — пояснилъ свой вопросъ председательствующій.

— Нѣтъ! — громко, на всю залу отвѣтила она и медленно отошла въ сторону.

Когда, наконецъ, все было исполнено и свидѣтели, принявъ присягу, опять пошли толпою въ ту же комнату, откуда явились, Брянцевъ съ отчаяніемъ взглянулъ кругомъ и вдругъ, бросивъ дѣло, сказалъ:

— Дѣлаю перерывъ на 10 минутъ! Судебный приставъ, прикажите открыть окна и освѣжить комнату. Этакъ и изъ засѣданія не выйдешь, прямо на погостъ попадешь! — сказалъ онъ Гроздеву, вставая.

И все вокругъ опять задвигалось и заволновалось. Въ раскрытыя окна густою волною хлынулъ весенній душистый, казавшійся теперь холоднымъ, воздухъ, и бойко затрещали экипажи.

XVIII.

Послѣ перерыва началась самая важная часть процесса, судебное слѣдствіе и допросъ свидѣтелей, началось то, отъ чего главнымъ образомъ и зависѣла участь Кюкоши. Но все сразу оказалось противъ него.

Первымъ явился Мейеръ. Высокій, прямой, съ торчащими щеткою бѣлыми волосами, съ сѣдыми бакенбардами, Иванъ Адольфовичъ самоувѣренно остановился на указанномъ ему судебнымъ приставомъ мѣстѣ и, слегка выдвинувъ одну ногу впередъ, началъ, не слѣша, говорить сухимъ дѣловымъ тономъ. Онъ разсказалъ о томъ, какъ Кюкоша приходилъ къ нему послѣ пожара просить денегъ; разсказалъ, что фабрика была застрахована гораздо дороже, чѣмъ стоила, и что Кюкоша очень нуждался въ деньгахъ, проигравшись въ карты; добавилъ, наконецъ, что пожаръ произошелъ за нѣсколько дней до того, какъ нужно было платить въ страховое общество, и что поэтому никого другого нельзя подозрѣвать въ поджогъ, кромѣ самого Кюкоши. Показаніе Мейера было такое убѣдительное, опредѣленное и ясное, что Качаевъ не предложилъ ему ни одного вопроса.

Онъ только внимательно посмотрѣлъ на присяжныхъ и совершенно остался доволенъ.

Сидѣвшій съ края Зосимовъ съ злобною усмѣшкою поглядывалъ на Кюкошу.

Но дошла очередь до Скурагина, и онъ сейчасъ же рѣшилъ какъ-нибудь да продернуть этого свидѣтеля. Онъ потерялъ свои красивыя руки и, не слѣша, глядя не на Мейера, а внизъ на стоявшій передъ нимъ столъ, началъ:

— Вы, кажется, сказали, что господинъ Лыбинъ на вашихъ глазахъ проигралъ семьсотъ рублей?

— Да, — развязно отвѣтилъ Мейеръ, ничего не ожидая.

— Часть изъ нихъ приходится на вашу долю?

Мейеръ сразу сконфузился.

— Не такъ ли я говорю? Вѣдь вы участвовали въ игрѣ?

— Да, но я не помню... выигралъ ли что съ него я, — смѣшавшись, отвѣтилъ Иванъ Адольфовичъ.

— Прекрасно! Теперь вотъ что позвольте услышать отъ васъ. Не извѣстно ли вамъ, сколько въ дѣйствительности стоила сгорѣвшая фабрика?

Мейеръ, поджавъ губы, подозрительно взглянулъ на него.

— Насколько я слышалъ, за нее давали три съ половиною тысячи, — отвѣтилъ онъ небрежно, словно ему было не только неприятно, но даже обидно говорить съ какимъ-то адвокатомъ.

— Ну, да вѣдь давать можно, пожалуй, и гораздо менѣе! Мнѣ и суду интересно знать, сколько она дѣйствительно стоила?

Иванъ Адольфовичъ окончательно враждебно взглянулъ на Скурагина и ничего не отвѣтилъ.

— Во всякомъ случаѣ, ея стоимость была гораздо менѣе восемнадцати тысячъ?

— Гораздо менѣе.

— Если я не ошибаюсь, вы—агентъ страхового общества, да?

— Да.

— Такъ вотъ, пожалуйста, объясните слѣдующую загадку,—громко, какъ можно сильнѣе подчеркивая слова, оглядѣвшись по сторонамъ, заговорилъ Скурагинъ. — Вы, господа агенты, только тогда интересуетесь стоимостью застрахованнаго имущества, когда оно сгораеть?

— Я васъ не понимаю,—отвѣтилъ Мейеръ, отвернувшись.

— Если бы я, напримѣръ, вздумалъ за восемнадцать тысячъ застраховать такое имущество, которое стоитъ два двугривенныхъ, вы его тоже приняли бы на страхъ?

Въ публикѣ послышалось что-то вроде смѣха.

— Господинъ защитникъ! — вмѣшался въ это время Брянцевъ, который уже давно насторожился и внимательно слѣдилъ за адвокатомъ.—Я прошу предлагать вопросы, относящіеся къ дѣлу. При чемъ тутъ два двугривенныхъ?

— Такъ какъ же?—словно не слыша, продолжалъ Скурагинъ.

— Я васъ не понимаю,—слегка приподнявъ брови вверху, сухо повторилъ Мейеръ.

— А вотъ я не понимаю, какимъ образомъ у васъ въ обществѣ оказываются застрахованными въ восемнадцать тысячъ фабрики, стоящія три съ половиною тысячи, — сказалъ Скурагинъ. — Я не имѣю болѣе вопросовъ,—и онъ спокойно началъ просматривать свои записки. Цѣль его была достигнута. Онъ сумѣлъ сконфузить одного изъ своихъ враговъ, ибо каждый свидѣтель обвиненія представлялся ему теперь врагомъ.

Однако на помощь Мейеру сейчасъ же явился Качаевъ. Онъ не могъ допустить никакого торжества своего противника.

— Но господинъ Лыбинъ говорилъ вамъ, что его фабрика стоитъ восемнадцать тысячъ?—спросилъ онъ.

— Конечно!—сразу оживился Мейеръ, услужливо обернувшись къ товарищу прокурора.

— И вы ему довѣряли?

— Да, я ему довѣрялъ! Я считалъ его за порядочнаго человѣка! — также охотно продолжалъ Мейеръ.

— Я ничего болѣе не имѣю! — заключилъ Качаевъ и побѣдоносно покосился на Скурагина.

Но тотъ нисколько не смутился и только лѣниво спросилъ:

— Значить, вы считали его за порядочнаго человѣка, когда онъ вамъ платилъ деньги, а когда вамъ самимъ пришлось ему платить, вы перестали считать его за порядочнаго человѣка?

— Это опять не относится къ дѣлу! — раздраженно перебилъ Брянцевъ и распорядился пригласить другихъ свидѣтелей.

Въ залу, наконецъ, вошелъ Горскій.

Едва онъ остановился передъ столомъ, Качаевъ значительно посмотрѣлъ налѣво, туда, гдѣ сзади судей сидѣло нѣсколько его товарищей и самъ Эрнестъ Карловичъ, какъ бы приглашая быть теперь особенно внимательными. Онъ считалъ этого свидѣтеля очень важнымъ и рассчитывалъ на его помощь чрезвычайно.

Горскій, одѣтый въ потертый, но тщательно вычищенный сюртукъ, въ накрахмаленной и чистой рубашкѣ, молча повернулъ свое, какъ всегда, плохо выбритое лицо съ торчавшими щетинистыми съдыми усами, окинулъ быстрыми карими глазами Бокосу и сейчасъ же снова обратился къ судьямъ, спокойно заложивъ руки назадъ.

Бокоса тоже поднялъ голову и съ любопытствомъ поглядѣлъ на своего Ршешелье.

— Разскажите, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу, — строго произнесъ Брянцевъ, откидываясь на задокъ кресла и приготовившись слушать.

Горскій кашлянулъ и заговорилъ спокойнымъ, тихимъ, размышленнымъ и почтительнымъ голосомъ, изрѣдка хитро поводя бровями. Онъ началъ съ того, какъ пріѣхалъ въ имѣніе Бокоса. По его словамъ, онъ казался очень растеряннымъ и взволнованнымъ и все говорилъ, что ему совершенно необходимо достать деньги. Денегъ въ экономіи, конечно, небыло, объ этомъ Бокоса, конечно, прекрасно зналъ, и вотъ тутъ онъ сталъ говорить странныя вещи. Прежде всего, — разсказывалъ Горскій, — онъ сталъ его уговаривать продать описанное въ имѣніи имущество.

— Я тогда же доложилъ имъ, — невозмутимо продолжалъ Ршешелье, — что воля ваша, но продать я не могу, продать это будетъ противъ закона. Тогда господинъ Лыбинъ сдѣлалъ другіе намеги... т.-е., изволите ли видѣть, насчетъ фабрики. Конечно, я и на это не могъ согласиться.

— Послушайте, свидѣтель, — заговорилъ предсѣдательствующій,

безпокойно завозившись на своемъ мѣстѣ.—Вы говорите яснѣе. Я не понимаю, что вы хотите сказать,—какіе намеки?

Горскій наклонилъ голову, шевельнулъ усами, усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Вы что же удостовѣряете, что подсудимый пытался склонить васъ поджечь фабрику?

— Ну да ужъ конечно!—отвѣтилъ Горскій, снова усмѣхнувшись.

— Это неправда!—вдругъ раздался неожиданный громкій голосъ, и Кокоша вскочилъ съ своего мѣста.

— Подсудимый... вамъ будетъ предоставлено слово послѣ, не прерывайте свидѣтеля,—попробовалъ успокоить его Брянцевъ, но Кокоша не хотѣлъ его слушать. Онъ долго казался ко всему безучастнымъ, но теперь, когда Горскій, тотъ самый Горскій, которому онъ во всемъ такъ довѣрялъ, который распоряжался въ Лыбинкѣ всѣмъ, какъ хотѣлъ, этотъ Горскій спокойно и безцеремонно разсказывалъ про него то, чего вовсе никогда не было,—онъ не выдержалъ. Красный, дрожащій, съ растрепавшеюся бородою, Кокоша смѣшно махалъ руками, не замѣчая, что глаза всѣхъ снова впились въ него, что всѣ собравшіеся сюда люди, эти его прежніе знакомые и пріятели, опять лѣзутъ другъ изъ-за друга, чтобы лучше заглянуть ему въ лицо.

— Это неправда! Онъ говоритъ неправду!—горячился Кокоша, какъ будто только теперь, только сію минуту постигнувъ и свое отчаянное положеніе, и весь позоръ, которому его подвергли.

— Я повторяю, вы дадите свое объясненіе послѣ. Подсудимый, сядьте! Сядьте, говорю я вамъ, или я велю васъ вывести!—прикрикнулъ, наконецъ, Брянцевъ.

Кокоша разинулъ ротъ и смолкъ. Потомъ обернулся къ публикѣ, тупо взглянулъ на пеструю толпу и вдругъ съ шумомъ хлопнулся на прежнее мѣсто.

— Потрудитесь, свидѣтель, вспомнить, — обратился Брянцевъ сейчасъ же къ Горскому снова,—какіе же это были намеки. Вспомните подлинныя слова, сказанныя вамъ подсудимымъ.

— Дѣло было, ваше превосходительство, такъ давно,—замаялся Горскій.—Я, конечно, не могу выразить спеціально, что такія за слова были, но конечно слова были насчетъ главнымъ образомъ фабрики, т.-е. относительно того, что фабрика хорошо застрахована и что лучше всего было бы, если бы ее поджечь!

— Вы это твердо помните?—переспросилъ Брянцевъ.

— Помню-съ!—и Горскій съ улыбкою, съ лицомъ исполненнымъ полной готовности на всякія услуги, поглядѣлъ на судей.

— Хорошо-съ! рассказывайте дальше.

Горскій опять началъ рассказывать. Онъ сообщилъ о томъ, что Кокоша вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на фабрику, всю ее осматривалъ, что заходить ему туда во второй разъ было совершенно не зачѣмъ, и что пожаръ произошелъ очень скоро послѣ его отъѣзда изъ Лыбинки

— Гдѣ начался пожаръ?—спросилъ предсѣдательствующій.

— На чердакѣ! Тамъ у насъ солома и всякій хламъ находился. А лѣстница на чердакѣ около входныхъ дверей устроена была,—добавилъ онъ, коварно улыбнувшись.

— Фабрика строеніе было крѣпкое или старое, ветхое?

— Помилуйте-съ, только три года, какъ выстроено!

— Въ помѣщеніи, о которомъ вы говорите, около входа, гдѣ находилась лѣстница, въ полу щелей не было?

— Какія щели! Никакихъ щелей не было!

— Значить, нельзя было заронить спичку куда-нибудь и случайно произвести пожаръ?

— Что вы, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, даже засмѣявшись, Горскій.—Вѣдь тамъ и наката не было. Вѣдь зима же, снѣгъ вездѣ! Это помѣщеніе, изволите ли видѣть, вродѣ сѣней было!

Брянцевъ смолкъ и взглянулъ на Качаева. Хотя лучшаго показанія нельзя было и ожидать, но Качаеву жаль было разстаться съ такимъ свидѣтелемъ. Онъ рѣшилъ немного оживить засѣданіе, дабы объясненія Горскаго еще болѣе остались памятными.

— Скажите, свидѣтель,—началъ онъ, картинно облокотившись о конторку одною рукой.—Вы сейчасъ же увѣдомили господина Лыбина о пожарѣ?

— Сейчасъ же! Съ нарочнымъ письмо послалъ.

— Ну, что же, господинъ Лыбинъ пріѣхалъ къ вамъ?

— Пріѣхалъ!—Горскій покрутилъ головою и засмѣялся.—Лошадей имъ на станцію высылали, только они въ Хохловку отправились.

— Это что такое Хохловка?—удивился Качаевъ, мелькомъ взглянувъ на публику.

— А гдѣ госпожа Болдина живетъ,—отвѣтилъ Горскій, усмѣхнувшись.

— Ахъ, гдѣ госпожа Болдина живетъ!—замѣтилъ Качаевъ, какъ будто и не подозревалъ объ этомъ, и снова покосился на публику, среди которой сразу послышалось движеніе.—Онъ что же часто бывалъ тамъ?

— Часто-съ! Больше тамъ и бывалъ, чѣмъ въ своей экономіи.

— Почему же такъ?

— Значить, тамъ веселѣе! — отвѣтилъ Горскій, тоже невольно покосившись на публику, въ которой послышалось уже что-то вродѣ смѣха.

— Они, стало быть, находились... въ дружественныхъ отношеніяхъ? — продолжалъ Качаевъ, но тутъ къ немалой досадѣ публики его перебилъ Брянцевъ.

— Послушайте... какое значеніе для настоящаго дѣла могутъ имѣть отношенія подсудимаго къ госпожѣ Болдиной, — мягко, но съ неудовольствіемъ замѣтилъ онъ.

Качаевъ улыбнулся и сѣлъ. Очередь опять пришла за Скурагинымъ. Онъ зналъ, что Горскій былъ самый сильный, самый злой его врагъ. Но онъ былъ готовъ и его встрѣтить.

— Вотъ что расскажите суду, — началъ онъ, спокойно прислонившись къ спинкѣ стула. — По вашимъ словамъ тутъ выходило, что непременно подсудимый поджогъ фабрику. Ну, а развѣ никто другой ужъ такъ и не могъ ее поджечь?

— Да, какъ же это другой? — удивился Горскій, вытягивая лицо къ Скурагину и, какъ тараканъ, зашевеливъ усами.

— Какъ кто другой? — равнодушно продолжалъ адвокатъ, вертя въ рукахъ карандашъ. — Развѣ не было никакихъ людей недовольныхъ вами? Развѣ у васъ не происходило никакихъ столкновеній, не существовало никакой вражды съ мѣстными крестьянами?

— Помилуйте! — осклабился Горскій. — Я восемь лѣтъ въ Лыбинской экономіи нахожусь, слава Богу, никакихъ ѣтакихъ специальныхъ отношеній не было. Народомъ довольны. У насъ до этого случая тихо было.

— Да вамъ-то отъ чего народомъ быть недовольнымъ. Народъ-то былъ ли вами доволенъ?

— Всесовершенно!

— Всесовершенно? Ну, а какъ же это незадолго до пожара десять крестьянъ на васъ земскому начальнику жалобу подали?

— То-есть какую же жалобу? — переспросилъ Горскій, сконфузившись.

— Какую? А такую, что вы имъ денегъ не платите!

Горскій засмѣялся и закачалъ головою.

— Вѣдь это кто же и подавалъ ее! У насъ, знаете, какъ по деревенскому дѣлу, за полштофъ и не такую еще жалобу подадутъ! Известно, наши писаки кабацкіе орудуютъ! Одно слово: адвокаты! — заключилъ Горскій, ехидно посмотрѣвъ на Скурагина.

Въ публикѣ опять раздался смѣхъ, и Брянцевъ снова вынужденъ былъ сдѣлать ей внушеніе.

Скурагинъ, однако, на произведенное Горскимъ впечатлѣніе не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ такъ же спокойно:

— Ну, а денегъ вы всетаки не заплатили?

— Теперь въ расчетъ!—съ гордостью заявилъ Горскій.

— Я говорю не о теперя!—брезгливо замѣтилъ Скурагинъ.— Ну, вотъ что скажите еще,—продолжалъ онъ сейчасъ же.—Пожаръ начался очень скоро послѣ отъѣзда господина Лыбина?

— Очень скоро-съ!

— Ну, а какъ? Часа черезъ два?

— Помилуйте!—ослабился Горскій.

— Ну, черезъ пять минутъ?

Горскій, наконецъ, сбился и не зналъ, что отвѣчать.

— Какъ же, однако?—не отставалъ защитникъ.

— Право, я не знаю, какъ и говорить вамъ,—сказалъ Горскій, какъ будто немного обидѣвшись.—Только успѣлъ я чаю напиться, какъ и закричали, что горимъ!

— Ну, а чай-то вы какъ пьете? Можетъ быть, цѣлый самоваръ усиживаете?

— Ну вотъ!—отвернувшись, возразилъ Горскій.

— Стало быть, полсамовара?

Тутъ, однако, Брянцевъ опять вступился.

— Вѣдь свидѣтель довольно ясно вамъ сказалъ, что пожаръ начался скоро. Конечно, по часамъ онъ не слѣдилъ! Вы другихъ вопросовъ не имѣете?

— Нѣтъ!—холодно отвѣтилъ Скурагинъ.

— Свидѣтель, садитесь!—произнесъ Брянцевъ и обратился къ Кокошѣ.—Вотъ теперь вы можете дать свои объясненія. Встаньте... Передъ судомъ вы должны говорить, стоя.

Кокоша поднялся и устался на судей. Водворилось долгое мучительное молчаніе.

— Ну что же?—спросилъ предсѣдательствующій, постукивая пальцами по столу.

Смутился ли совсѣмъ Кокоша, истомился ли онъ совершенно, но онъ попрежнему упорно молчалъ. Только и слышалось въ залѣ, что шуршаніе платьевъ въ плотной толпѣ, старавшейся какъ-нибудь подвинуться поближе.

— Ничего не имѣете объяснить?

То же молчаніе въ отвѣтъ.

— Вы не подговаривали свидѣтеля Горскаго поджечь свою фабрику? Нѣтъ?

— Нѣтъ!—беззвучно прошептали вытянутыя губы Кокоши.

— Вотъ что скажите, — если, конечно, желаете: зачѣмъ вы заходили на фабрику во второй разъ при отъѣздѣ изъ имѣнія? Вѣдь вы, кажется, торопились на поѣздъ? Зачѣмъ же вы теряли время, оставались и заходили?

Кокоса опять молчалъ.

— Или вы это обстоятельство отрицаете? Этого вовсе не было?

Но и на это онъ ничего не отвѣтилъ.

— Если вы не желаете дать объясненій, то такъ и скажите. Это ваше право. Такъ заходили вы на фабрику?

— Да! — вдругъ раздался невнятный голосъ Кокоси.

— Что? Что сказалъ, что сказалъ? — опять пронесся шепотъ въ публикѣ.

— «Да» сказалъ!

— Сознается?

— Сознается!

— Зачѣмъ же вы заходили? — между тѣмъ продолжалъ допрашивать Брянцевъ.

— Не знаю! — раздался тотъ же невнятный голосъ.

— Ну, какъ же такъ не знаю? Подумайте, припомните, — видимо, искренно желая помочь ему, уже ласково произнесъ председательствующій.

Но Кокоса ничего не хотѣлъ припомнить и не могъ, не былъ въ состояніи подумать.

— Ну, садитесь! — сказалъ тогда Брянцевъ и велѣлъ позвать свидѣтеля, вучера Кокоси Аѳанасія.

Пока судебный приставъ, утирая на ходу градомъ катившіяся съ его лба потъ, бѣгалъ за нимъ, Качаевъ внимательно оглядѣлъ присяжныхъ и сейчасъ же спокойно развалился, оставшись вполне доволенъ. Лица всѣхъ были строги и суровы, а Зосимовъ попрежнему, злобно сжавъ губы съ рѣдкими перепутанными усами, то и дѣло насмѣшливо окидывалъ Кокосу глазами съ ногъ до головы.

Аѳанасія допрашивали подробно и долго, допрашивали всѣ, но какъ Скурагинъ ни старался, ему не удалось сбить этого свидѣтеля, оказавшагося еще болѣе опаснымъ, чѣмъ Горскій. Все таки изъ его показанія выходило такъ, что Кокоса, уѣзжая изъ Лыбинки и зайдя на фабрику, зажигалъ тамъ огонь. Но еще хуже было то, что, по словамъ Аѳанасія, пожаръ былъ имъ замѣченъ послѣ того очень скоро. Скурагинъ, наконецъ, вздохнулъ и уныло сталъ смотрѣть въ лежавшія передъ нимъ бумаги.

За Аѳанасіемъ явился лакей Кокоси, Петръ. Худой, длинный,

и совершенно недовольный, онъ лѣниво сталь на мѣстѣ и принялся разглядывать свои ноги.

— Расскажите, что вы знаете по настоящему дѣлу, — спросилъ Брянцевъ, закрывая отъ утомленія глаза.

— По какому дѣлу? — довольно грубо переспросилъ Петръ.

Брянцевъ раскрылъ глаза и слегка вспыхнулъ.

— Вы что же, въ первый разъ призываетесь къ допросу? Извольте говорить, что вамъ извѣстно!

— Что намъ извѣстно? Ничего намъ не извѣстно! — мрачно отвѣтилъ Петръ, упрямо склонивъ голову на-богъ.

— Господинъ товарищъ прокурора, не угодно ли вамъ предлагать вопросы, — почти жалобнымъ голосомъ произнесъ председательствующій.

Качаевъ мелькомъ заглянулъ въ свои записки и началъ.

— Вы помните, когда произошелъ пожаръ въ Лыбинкѣ? При васъ г. Лыбинымъ было получено извѣстіе о пожарѣ?

— При насъ! — злобно отвѣтилъ Петръ.

— Ну, скажите, какъ отнесся подсудимый къ этому извѣстію.

Петръ склонилъ голову на другой бокъ и молчалъ.

— Что, былъ онъ очень огорченъ, или, напротивъ, обрадовался этому извѣстію? — продолжалъ Качаевъ.

— А я почему знаю? Нешто онъ станетъ объ этомъ мнѣ говорить? — совершенно уже враждебно отвѣтилъ Петръ, возбудивъ въ публикѣ смѣхъ.

Качаевъ немного сконфузился и разсердился.

— Однако, позвольте, вы судебному слѣдователю показывали другое, вы удостовѣряли, что Лыбинъ видимо обрадовался.

— Что же, можетъ и обрадовался! — невозмутимо продолжалъ Петръ. — Да развѣ я это знать могу? Развѣ я знаю, что вы теперь обрадовались или нѣтъ?

Публика опять засмѣялась, а Качаевъ махнулъ рукою и откинулся на задокъ кресла.

Скурагинъ покосился на присяжныхъ. Они улыбались. Онъ тоже улыбнулся и ничего не сталъ спрашивать.

Между тѣмъ духота дѣлалась невыносимая. Начинало вечерѣть. Солнце вдругъ заглянуло въ окна, зазолотило воздухъ, бросило блестящія пятна на дряблое лицо Бюкоши, стало слѣпить глаза публикѣ.

Брянцевъ мелькомъ взглянулъ на часы и распорядился показать присяжнымъ коробочку спичекъ, найденную около фабрики. Когда судебный приставъ послѣ долгой и торопливой возни кое-какъ, при

помощи перочиннаго ножа, распаковалъ эту коробку, Брянцевъ велѣлъ положить ее къ себѣ на столъ и взялъ дѣло.

— Я прочту протоколъ осмотра,—сказалъ онъ, чтобы вы знали, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, и откашлянувшись, онъ началъ читать:

«Обыкновенная коробка шведскихъ спичекъ,—громко и раздѣльно отчеканивалъ онъ слова,—желтаго цвѣта, фабрики Лапшина. На оборотной сторонѣ изображенъ карандашомъ профиль головы безъ волосъ и надписано: «Когоша лысый».

Въ публикѣ вдругъ поднялся общій смѣхъ, и Брянцевъ окончательно возмутился.

— Какой разъ мнѣ предупреждать и говорить, что я удалю всѣхъ изъ залы?... я закрою двери!—крикнулъ онъ, бросивъ дѣло на столъ.

— Предъявите вещественное доказательство сторонамъ и господамъ присяжнымъ засѣдателямъ,—въ отчаяніи откинувшись на спинку кресла, произнесъ онъ, когда опять водворилась тишина.

Судебный приставъ торжественно, глупо протянувъ руки впередъ, сталъ носить коробочку шведскихъ спичекъ. Присяжные, видимо довольные, что имъ немножко можно размяться, вставали, толпились, брали коробку въ руки. Качаевъ почти на нее не посмотрѣлъ. Ему все и такъ должно было быть извѣстно, а Скурагинъ только презрительно усмѣхнулся и отворотился.

Когда, наконецъ, снова все успокоилось, Брянцевъ опять взглянулъ на часы и громко воскликнулъ съ видимою радостью:

— Дѣлаю перерывъ на два часа. Прошу всѣхъ въ залу засѣданія къ 7^{1/2} часамъ вечера! Это вродѣ какъ въ аду!—шепнулъ онъ Гроздеву, вставая.

Но Гроздевъ даже ничего не отвѣтилъ. Спина его нестерпимо ныла, а въ головѣ начинало кружиться, чего онъ боялся болѣе всего на свѣтѣ. Всѣ трое молча вышли изъ залы, взяли фуражки и отправились домой.

Но въ самой залѣ никто особенно не торопился. Огня опять были открыты, и душистый воздухъ такъ и билъ потоками оттуда. Всѣ смотрѣли, какъ поднялся Когоша и какою-то новою, старческою походкой ушелъ съ солдатами въ дверь за рѣшеткою. Стоявшій среди другихъ Тулузовъ попробовалъ ему кивнуть головой, но онъ не замѣтилъ.

XIX.

— Вотъ это значить: поджечь, расписаться и даже портретъ свой на всякій случай оставить!—сказалъ Зосимовъ, когда присяжные засѣдатели собрались въ своей комнатѣ и, усѣвшись, кто на стульяхъ, кто на раскрытыхъ окнахъ, принялись взапуски курить.

— Да, молодчика словили!—замѣтилъ толстый помѣщикъ, отдуваясь и вытирая платкомъ свою жирную, красную, мокрую шею.

— Я вотъ чего не понимаю,—сказалъ техникъ, отчего этотъ свидѣтель, какъ его... ну, управляющій, отчего его тоже не посадили рядомъ съ Лыбинымъ за одну рѣшетку. Вѣдь онъ тоже долженъ былъ непремѣнно участвовать въ поджогѣ.

— Вы думаете?—спросилъ, сразу заинтересовавшись, Зосимовъ.

— Да вы посмотрите на него, что это за гусь, совсѣмъ вѣдь прохвость!

— Подлецъ-то онъ павѣрное,—замѣтилъ Зосимовъ, хмурясь и что-то соображая про себя.

— Да и кромѣ того,—продолжалъ техникъ.—Вѣдь конечно, у нихъ для поджога все было раньше заготовлено. Иначе не успѣлъ бы Лыбинъ и съ чердака сойти, какъ пожаръ начался бы. Навѣрное они что-нибудь тамъ устроили, свѣчу какую-нибудь или что-нибудь еще въ этомъ родѣ!

— Это вѣрно! Тутъ безъ свѣчи не обошлось,—оживленно заговорилъ одинъ изъ крестьянъ, бывший волостной старшина, богатый мужикъ и торговецъ.—У насъ въ деревнѣ былъ такой случай. И онъ разсказалъ, какъ въ этой деревнѣ хотѣли у помѣщика сжечь гумно и какъ тамъ нашли въ соломѣ зажженную свѣчу. То-есть какъ, стало быть, догорѣла, такъ и шабашъ, пошло бы драть. Вѣдь чуть-чуть не захвати, и готово! прямо Богъ спасъ.

Зосимовъ продолжалъ внимательно слушать.

— Ну, а вы какъ думаете?—спросилъ онъ другого мужика проще.

Тотъ взмахнулъ волосами и неувѣренно отвѣтилъ:

— Кажись, что подожгли!

— А жалкій онъ какой-то!—вдругъ замѣтилъ, покачавъ головою, толстый помѣщикъ.

— Это кто, Лыбинъ?—сказалъ техникъ.—Ну, вотъ, есть чего жалѣть!

Съ этимъ, повидимому, всѣ были согласны, одинъ Зосимовъ не проронилъ ни слова. Онъ вообще вдругъ почему-то переѣнилъ весь свой прежній самоувѣренный тонъ, все больше спрашивалъ другихъ,

а самъ ничего не высказывалъ и сдѣлался чрезвычайно сдержанъ и остороженъ.

— А по моему никакихъ уликъ нѣтъ!—неожиданно громко и нервно заговорилъ одинъ изъ чиновниковъ, худой, съ шишкой около глаза, должно быть, чахоточный человекъ.

— То-есть какъ же такъ? — освѣдомился, сощурившись, Зосимовъ.

— Да помиуйте, все это одна фантазмагорія какая-то да гипотезы... Гдѣ же данныя? А, можетъ быть, и поджога-то вовсе не было.

— Экъ хватили!—засмѣялся толстый помѣщикъ.—Что же, по вашему, фабрика сама сгорѣла?

— Я ничего не знаю! Сама ли, не сама, я говорю: нѣтъ данныхъ,—сразу начавъ раздражаться, возразилъ чиновникъ.

— Да какія же вамъ еще нужны данныя?—вступился другой помѣщикъ, молодой, чисто одѣтый, веселый, съ аккуратно-прибранными усами.

— Я не знаю, какія нужны данныя,—упрямо продолжалъ чиновникъ,—я говорю только, что нѣтъ данныхъ.

— Восемнадцать тысячъ страховой преміи, вотъ вамъ данныя,—подхватилъ техникъ, слѣзая съ огня и улыбнувшись.—Пойдемте, господа, намъ, кажется, обѣдъ несутъ!

— Но неужели же намъ ночевать здѣсь!—уныло воскликнулъ толстый помѣщикъ, тоже тяжело спускаясь съ подоконника.

— Конечно, заночуемъ!—замѣтилъ съ улыбкою Зосимовъ.

— И чего это повызывали столько народа! И такъ все понятно и ясно!—продолжалъ помѣщикъ, вздыхая.

Между тѣмъ, Бюкоша, пока о немъ такъ спокойно разсуждали присяжные, сидѣлъ одинъ въ большой, почти вовсе пустой комнатѣ, пахнувшей смазными сапогами отъ двухъ конвойныхъ солдатъ, скупавшихъ около дверей. Сначала онъ прислушивался къ тому, какъ, громко разговаривая, расходилась публика. Понемногу все затихло, и только въ раскрытую форточку окна снизу доносился неумолкаемый ни на минуту трескъ экипажей. Такъ какъ перерывъ былъ короткій, то Бюкошу не повели въ тюрьму. Голушкинъ объявилъ, что, если онъ захочетъ, онъ устроить ему какъ-нибудь здѣсь пообѣдать. Но Бюкоша совершенно не хотѣлъ ѣсть. Онъ попросилъ только позволенія покурить и дать ему чая. Но и чай онъ пилъ больше машинально. У него теперь было только одно желаніе: ему ужасно хотѣлось, чтобы всѣ отъ него ушли, чтобы онъ остался одинъ, совсѣмъ одинъ, и чтобы, главное, было тихо, совершенно тихо. Ему казалось, что тогда онъ

успокоится, и въ головѣ у него сдѣлается просторнѣе. Но, какъ нарочно, онъ ни на минуту не могъ быть одинъ, и всевозможные звуки, и бодрый трескъ ѣзды по мостовой, и ходьба сторожей, и гулко разносившіеся чьи-то шаги и голоса по находившейся подлѣ пустой залѣ засѣданій, не переставая, колотили ему въ виски. Онъ попробовалъ было прилечь на жесткій, деревянный, желтый диванъ. Но едва онъ зажмурился, какъ онъ увидѣлъ все лица, лица, женскія, знакомыя, покраснѣвшія отъ жары, взволнованныя, веселыя, безъ церемоніи заглядывающія прямо ему въ глаза, и онъ стремительно поднялся опять и сѣлъ.

Дверь вдругъ отворилась и вошелъ Скурагинъ. Онъ весело улыбался, обтиралъ свои мягкіе бѣлокुरые усы бѣлымъ, пахнущимъ знакомыми духами, платкомъ и подсѣлъ рядомъ съ Кокошей.

— Ну что? Бодритесь! Помните, въ жизни бодрость и смѣлость— первый залогъ успѣха.

Кокоша молча смотрѣлъ на него потуснѣвшими глазами.

— Я вотъ что хотѣлъ вамъ сказать,—продолжалъ адвокатъ, слегка похлопавъ его по плечу.— Вы ужъ черезчуръ волнуетесь, когда хотите дать объясненія суду. Это невыгодно для васъ. Вы постарайтесь высказаться. Напримѣръ, для дѣла очень важная вещь выяснить, для чего вы заходили на фабрику, отправляясь на станцію. Постарайтесь припомнить. Вѣдь какая-нибудь цѣль да была же у васъ?

«Господи, опять хотятъ меня мучить!»—говорилъ совершенно отупѣлый взоръ Кокоши. И онъ молчалъ.

— Ну, если вы забыли, сообразите, для чего это могло быть, сочините что-нибудь! Если вамъ трудно и тяжело самимъ объясняться передъ судомъ, передайте мнѣ, я скажу за васъ!—ласково приставалъ Скурагинъ.

— Ничего, ничего я не знаю и не понимаю! У меня голова пескомъ набита!—вдругъ въ отчаяніи пробормоталъ Кокоша.

— Если вы чувствуете себя больнымъ, можно отложить дѣло,—сказалъ было Скурагинъ.

Но тутъ Кокоша весь даже задрожалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, ради Бога! Нѣтъ, только бы поскорѣе, поскорѣе, пожалуйста, все это кончить!—воскликнулъ онъ прерывающимся голосомъ.

Скурагинъ пожалъ плечами, посидѣлъ немного еще молча и тихо вышелъ.

А тѣмъ временемъ на дворѣ начинался тихій, задумчивый, майскій вечеръ. Солнце успѣло совсѣмъ уйти за дома, и улицы поддер-

нулись фіолетовыми, прозрачными тѣнями. На зелено-голубомъ небѣ кой-гдѣ выступили маленькія, розовыя облачка, и отъ всего этого спокойнаго, кроткаго вида въ большой залѣ засѣданія становилось еще неуютнѣе, непривѣтливѣе, мрачнѣе. Несмотря на захватившій всѣхъ интересъ и на раздраженное до послѣдней степени любопытство, разодрѣтыя дамы и ихъ кавалеры, усаживаясь на мѣста, невольно морщились и всюду слышалось:

— А какой чудный вечеръ!

— Да, вотъ бы за городъ.

— А что теперь будетъ?

— Ахъ, самое интересное!

— Мнѣ, главное, хочется посмотрѣть Болдину. Какъ она будетъ говорить!

— Да, это очень любопытно!

И все болѣе и болѣе наполнялась комната, все оживленнѣе трещали голоса, опять становилось жарко.

Наконецъ, вышли и судьи съ усталыми, измученными лицами.

— Пригласите свидѣтеля Щавельскаго,—сказалъ Брянцевъ, когда все успокоилось и присяжные заняли свои мѣста.

Но только что судебный приставъ хотѣлъ бѣжать въ свидѣтельскую комнату, какъ Зосимовъ, перемигнувшись съ своими товарищами, поднялся на ноги.

Брянцевъ сморщился и вопросительно взглянулъ на него.

«Эхъ! что-то надумали, такъ мы никогда не кончимъ!»—проворчалъ Колобковъ.

— Господа присяжные засѣдатели,—сразу оробѣвъ и сконфузившись, заговорилъ Зосимовъ,—желаютъ выяснитъ, какой хозяинъ былъ подсудимый?

— Что? какой хозяинъ? я васъ не вполне понимаю!—отвѣтилъ, дѣйствительно немного растерявшись, Брянцевъ.

— То-есть, былъ ли онъ хорошій, дѣятельный хозяинъ, или онъ имѣніемъ своимъ мало занимался и ни во что не входилъ?

Брянцевъ пожалъ плечами и сталъ шептаться съ членами суда. Бачаевъ, весь обратившись въ слухъ, недоумѣвающе смотрѣлъ на судей. Скурагинъ даже съ мѣста слегка приподнялся и, нахмурившись, напрягалъ всѣ силы догадаться, что значилъ этотъ неожиданный вопросъ.

Одинъ Кокоша попрежнему ко всему былъ равнодушенъ.

— Къ сожалѣнію, этимъ обстоятельствомъ слѣдствіе совершенно не занималось,—заговорилъ, наконецъ, Брянцевъ.—Вы слышали, что подсудимый посѣщалъ свое имѣніе, даже жилъ въ немъ лѣтомъ.

Если хотите, можно передпросить свидѣтеля Горскаго и мѣстнаго старосту, уже допрошенныхъ.

— Да, мы бы желали!—окончательно оробѣвъ, отвѣтилъ Зосимовъ.

— Свидѣтель Горскій, пожалуйста сюда!—съ тоскою произнесъ Брянцевъ.

Горскій немедленно вышелъ.

— Предлагайте ему вопросы!—обратился предсѣдательствующій къ Зосимову и снова сталъ шептаться съ судьями и пожимать плечами.

— Что Лыбинъ, какой былъ хозяинъ?—спросилъ Зосимовъ, запинаясь.

— Чего-съ?—сощурившись и словно соображая, не готовится ли для него самого какой-либо ловушки, въ свою очередь спросилъ Горскій.

— Хорошій былъ хозяинъ? занимался имѣніемъ или ни во что не входилъ?

— Деньги брали аккуратно!—отвѣтилъ Горскій не безъ ехидства, возбуждая смѣхъ въ публикѣ.

— Ну, а такъ, въ остальномъ, мало дѣлами интересовался, вы все дѣлали?

— Все я!—отвѣтилъ Горскій увѣренно.

— Больше ничего не имѣете?—спросилъ Брянцевъ.

— Вы уноминали еще о старостѣ!—отвѣтилъ Зосимовъ, вдругъ неожиданно разозлившись.

— Староста, пожалуйста!—безнадежно вздохнувъ,скомандовалъ Брянцевъ.

Пришелъ рыжій, бородатый староста. Ему Зосимовъ предложилъ тѣ же вопросы, и онъ тоже не сразу ихъ понялъ.

— А, хозяинъ! Насчетъ значить хозяйства!—наконецъ, радостно воскликнулъ онъ, догадавшись.—Ну, какой хозяинъ! Гдѣ же имъ этакимъ дѣломъ заниматься. Такъ, баринъ хорошій былъ, нечего говорить, добрый баринъ былъ!—закончилъ онъ съ особымъ удареніемъ, даже вздохнувъ, и вдругъ вся публика вздрогнула и повернулась къ Бюкошѣ.

Неожиданно странный звукъ, не то стонъ, не то громкій вздохъ или сдавленныя рыданія вырвались у него изъ груди, и онъ быстро схватилъ себя руками за лицо.

Весь сморщившись, Брянцевъ повернулся къ нему.

— Подсудимый, если вы чувствуете себя дурно, я могу сдѣлать перерывъ.

Но Кокоша успѣвши овладѣть собою; отнявъ руки отъ лица и, затряса головой, произнесъ невнятно: «нѣтъ ничего». Онъ даже попытался улыбнуться. Однако улыбки не вышло. Вышла только безобразная гримаса.

Полная тишина воцарилась на нѣсколько секундъ въ комнатѣ. На лицахъ публики изобразился страхъ и что-то вродѣ стыда, словно всѣ въ первый разъ сообразили, что присутствовали не на театральномъ зрѣлищѣ, а при совершении очень важнаго, очень серьезнаго и вовсе не забавнаго дѣла.

— Садитесь, свидѣтель, — торопливо сказалъ Брянцевъ, но присяжные все еще продолжали перешептываться между собою, и Зосимовъ опять всталъ.

— Еще имѣете что-нибудь? — съ окончательнымъ страданіемъ въ голосѣ освѣдомился предсѣдательствующій.

— Господа присяжные засѣдатели желаютъ также выяснить, — заговорилъ Зосимовъ уже твердо и самоувѣренно, — не было ли въ округѣ какихъ-либо подозрительныхъ людей, напримѣръ, конокрадовъ, или людей, подозрѣвавшихся въ поджогахъ, не было ли случая въ недавнее время, чтобы общество кого-нибудь сослало въ Сибирь.

— Свидѣтель староста, пожалуйста опять! — снова сказалъ Брянцевъ, на этотъ разъ однако и самъ какъ будто заинтересовавшись. Онъ предложилъ старостѣ вопросы, о которыхъ сказалъ Зосимовъ. Однако оказалось, что никакихъ такихъ людей въ округѣ не было.

— Въ Сибирь за послѣднее время никого общество не удаляло? — освѣдомился Брянцевъ.

— Одного сослали! — понутивъ голову, словно сконфузившись, отвѣтилъ староста. — Фильку печника! Былъ такой грѣхъ!

— За что?

— Да тоже въ этакихъ дѣлахъ замѣченъ былъ!

— Это когда же было?

— А ужъ годовъ пять будетъ.

— Онъ къ вамъ назадъ ни разу не возвращался? — спросилъ вдругъ Зосимовъ.

— Возвращался.

— Давно?

— Да года полтора! Только его схватили. Такъ онъ въ тюрьмѣ и померъ.

— Такъ что же вы о немъ рассказываете, если онъ померъ! — раздраженно замѣтилъ Брянцевъ, даже невольно передразнивъ свидѣтеля, и тутъ же незамѣтно взглянулъ на часы.

— Больше нѣтъ вопросовъ? — спросилъ онъ Зосимова.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ тотъ, уже сконфуженный.

У Качаева отъ сердца отлегло, и онъ спокойно усѣлся, ожидая Щавельскаго.

Брянцевъ считалъ, что главное по дѣлу уже выяснено и началъ спѣшить. Черезъ нѣсколько минутъ Щавельскій, рассказавъ, какъ Коккоша проигрался въ карты и не заплатилъ своего проигрыша, и какъ послѣ того не стѣсняясь высказывалъ желаніе, чтобы сгорѣла его фабрика, уже сидѣлъ на первой скамейкѣ между другими свидѣтелями.

За Щавельскимъ пришелъ князь Вресскій.

Едва только показалась его сутуловатая громоздкая фигура, какъ публика начала весело переглядываться, словно увѣренная, что сейчасъ непременно произойдетъ что-нибудь очень забавное. Однако князь имѣлъ совершенно равнодушный и апатичный видъ. Остановившись на свидѣтельскомъ мѣстѣ, онъ покосился на Коккошу, но поскорѣ перевелъ глаза въ противоположную сторону и вдругъ уставился на Зосимова. Его лицо при этомъ изобразило такое искреннее и сильнѣйшее изумленіе, что тотъ невольно потупился и даже отвернулся.

— Что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу? — между тѣмъ обратился Брянцевъ къ нему съ обыкновенною фразой.

Вресскій долго не могъ оторвать глазъ отъ рябоватаго желчнаго лица Зосимова, наконецъ, повернулся къ судьямъ и, опустивъ лохматую голову, задумался.

— Г. товарищъ прокурора, не угодно ли вамъ предлагать вопросы, — торопливо сказалъ Брянцевъ, безнадежно подперевъ щеки руками.

— Свидѣтель, — сейчасъ же охотно началъ этотъ. — Вы г. Лыбина знаете?

Князь Вресскій тяжело поднялъ голову.

— Коккошу лысаго? Вотъ такъ! Коккошу лысаго не знать! — пробасилъ онъ, и всѣ въ залѣ погатились отъ смѣха.

Брянцевъ вдругъ совершенно разсвирѣпѣлъ.

— Г. судебный приставъ, удалите публику! — воскликнулъ онъ, весь побагровѣвъ, но такъ какъ сдѣлать это было физически невозможно, и судебный приставъ только бессильно затапцовалъ на одномъ мѣстѣ въ отвѣтъ, то Брянцевъ въ отчаяніи швырнулъ дѣло на столъ.

— Неужели же вы не можете понять, — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ, — что тамъ, гдѣ рѣшается вся участь, вся жизнь человѣка, тамъ нѣтъ мѣста для смѣха! Это не комедія, не театр!

И помолчавъ немного и видимо довольный впечатлѣніемъ своихъ словъ, ибо немедленно водворилась полная тишина, а у большинства сдѣлались сконфуженныя лица, онъ обратился къ Вресскому:

— А васъ, свидѣтель, я прошу быть серьезнѣе! Вы находитесь передъ судомъ.

Князь ухмыльнулся, вздохнулъ и провелъ рукою по волосамъ.

— Скажите,—между тѣмъ продолжалъ Качаевъ,—въ какомъ положеніи были денежные дѣла подсудимаго.

Князь грустно покачалъ головою.

— Онъ очень нуждался въ деньгахъ?

— Онъ, лысый? А кто же теперь не нуждается въ деньгахъ?—возразилъ Вресскій съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что публика, несмотря на всѣ старанія сдержаться, снова захохотала.

Брянцевъ ничего уже не сказалъ и только внимательно сталъ разглядывать князя.

— Вы послѣ пожара, конечно, видѣли подсудимаго?—не унимался Качаевъ.—Скажите, пожалуйста, объяснял ли онъ вамъ причину пожара и, если объяснял, то какимъ образомъ?

— Говорилъ, что Николай чудотворецъ помогъ!—забасилъ Вресскій, возбуждая опять общій смѣхъ, и сказавъ, вдругъ тяжело и громко вздохнулъ на всю комнату.

Тутъ Брянцевъ слегка прищурился и, повернувшись къ Качаеву, тихонько мигнулъ ему.

Качаевъ тоже пристально поглядѣлъ на князя и, послѣдно откинувшись на задокъ кресла, произнесъ:

— Я больше вопросовъ не имѣю.

— Ну, и такъ ладно!—объявилъ князь, мотнувъ лохматой головой, и на этотъ разъ уже самъ засмѣялся вмѣстѣ съ другими.

— Свидѣтель, садитесь!—строго сказалъ ему Брянцевъ.

— Сюда?—тяжело шмыгая ногами, громко спросилъ Вресскій.

— Да посадите его, наконецъ!—теряя послѣднее терпѣніе, воскликнулъ Брянцевъ судебному приставу и сердито покосился на Тулунова, который, сидя сзади судей, весь изгибался отъ хохота.

Князь, безъ церемоніи расталкивая другихъ, наконецъ, засѣлъ на скамейку, утомился и сразу затихъ, даже какъ будто задремалъ. Онъ совсѣмъ соскучился сидѣть въ свидѣтельской комнатѣ, а потому во время перерыва выпилъ за уснѣхъ своего друга Кокоши двѣнадцать рюмокъ водки. Должно быть, отъ этого здѣсь, въ залѣ засѣданія, въ страшной жарѣ и духотѣ его совершенно разморило. На него долго еще глядѣли и тянулись другъ изъ-за друга въ публикѣ, перешепты-

ваясь, смѣясь и остря между собою, но возгласъ Брянцева: пригласите свидѣтельница Болдину, сразу воѣхъ заставилъ позабыть о немъ.

Все снова задвигалось, заволновалось, воѣ снова тѣснились и рвались впередъ, не зная куда глядѣть, на Кокошу ли, который при имени Марьи Павловны весь передернулся и напрасно старался куда-нибудь спрятать свое совершенно измученное лицо, на большія ли, окрашенные подъ дубъ двери, откуда должна была появиться Болдина. И двери эти распахнулись, и изъ нихъ, мягко шурша платьемъ, тихо, немножко даже торжественно прошла Марья Павловна. Такая же гордая и надменная, она остановилась на свидѣтельскомъ мѣстѣ, окинула мелькомъ присяжныхъ, судей и вдругъ испуганно покосилась туда, направо, за рѣшетку. Весь съежившись, пригнувъ подбородокъ къ груди, Кокоша сидѣлъ съ наливающимся кровью лицомъ. Онъ не смѣлъ поднять голову, онъ не смѣлъ взглянуть на Болдину.

— Свидѣтельница, расскажите, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу?—снова раздалось съ предсѣдательскаго мѣста.

Болдина сдѣлала надъ собою усилие. Грудь ея поднялась отъ глубокаго вздоха, и она повернулась къ судейскому столу, блестя пристально глядѣвшими глазами.

— Я ничего не знаю по этому дѣлу!—громко, зазвенѣвшимъ на всю залу голосомъ отвѣтила она.

— Не угодно ли посмотрѣть, это ваша вещь?—спросилъ Брянцевъ, протягивая ей раскрытый футляръ съ свергавшей брильянтами брошью.

— Моя!—сказала она, не сдѣлавъ ни одного шага къ столу и съ какою-то гадливостью покосившись на раскрытый футляръ.

— Вы давали эту вещь подсудимому съ порученіемъ ее исправить?

— Бажется!—съ презрѣніемъ отвѣтила она и опять покосилась на Кокошу, но сейчасъ же снова отвернулась, нервно передернувшись плечами.

— Расскажите подробно, какъ это было?—спокойно произнесъ Брянцевъ, удобно привалившись къ спинкѣ стула.

— Я не знаю, что я должна рассказывать!—сердито заговорила Болдина, смѣло глядя на него темными глазами. М-г Лыбинъ какъ-то былъ у меня, я ему отдала эту брошку... Онъ потомъ ее привезъ ко мнѣ... что же я должна рассказывать?

— Онъ получилъ ее до пожара?

— Бажется.

— А привезъ послѣ?

— Насколько помню, послѣ

— Не угодно ли вамъ предлагать вопросы?—обратился предсѣдательствующій къ Бачаеву.

— Да, у меня есть вопросы!—внушительно сказалъ онъ, покосившись на публику и, поднявшись, облокотился о конторку.

— Свидѣтельница, вы Лыбину дали опредѣленное порученіе исправить брошь?

Марья Павловна повернулась было къ нему, но такъ какъ она въ то же время должна была очутиться лицомъ къ лицу съ Кокошей, то сейчасъ же, содрогнувшись, опять поворотилась къ судьямъ.

— Что вы хотите знать?—спросила она, морща брови.

— Я хочу знать,—развязно продолжалъ Бачаевъ,—отдали ли вы брошь подсудимому съ совершенно опредѣленною цѣлью, чтобы онъ исправилъ ее и вернулъ вамъ обратно.

Марья Павловна хотѣла что-то отвѣтить, но голосъ ея вдругъ пресѣкся, и она, видимо разсердившись на это, слегка вспыхнула и нарочно нѣсколько разъ кашлянула.

— Я,—заговорила она, наконецъ... я... я такъ мало заинтересована этою вещью, что, право... я не понимаю, чего вы отъ меня теперь требуете?

— Да я ничего не требую! Я только хочу знать,—строго нахмурившись, продолжалъ товарищъ прокурора,—какимъ образомъ и для чего вы отдали подсудимому свою брошь.

Марья Павловна неестественно пожала плечами.

— Эта вещь очень долго валялась у меня,—тихо проговорила она,—я совершенно даже позабыла о ней... но какъ-то зашелъ какой-то разговоръ... я не въ состояніи помнить о такихъ пустякахъ все въ подробностяхъ! Словомъ, я отдала ее м-гу Лыбину, потому что онъ живетъ въ городѣ.

— Однако, конечно, онъ долженъ былъ вамъ привезти ее обратно.

— Что значить—долженъ?—спросила, злобно блеснувъ глазами, Марья Павловна.

— Какъ что значить долженъ! Не могъ же онъ ее продать, напримеръ?

Болдина уже ничего не отвѣтила и только опустила голову.

— Хорошо-съ!—продолжалъ такъ же спокойно, такъ же жестоко Бачаевъ.—Вамъ извѣстно было, что подсудимый эту брошь заложилъ? Знали вы объ этомъ?—повторилъ Бачаевъ, видя, что Болдина не отвѣчаетъ и только смотреть себѣ подъ ноги.

— Я этимъ совершенно не интересовалась и не интересуюсь! твердо, опять зазвенѣвшимъ голосомъ отвѣтила она, мелькомъ, быстро взглянувъ на Бачаева.

— То-есть какъ же такъ?—уже слегка усмѣхнувшись, опять спросилъ онъ.— Развѣ у г. Лыбина были какія-нибудь права на ваши вещи?

Это было уже слишкомъ. Болдина вся вспыхнула, вся разомъ встрепенулась, она уже хотѣла что-то отвѣтить, но смогла на полусловъ и вдругъ заметалась на своемъ мѣстѣ. Она опять, совершенно случайно, совершенно противъ своей воли, борясь съ собою, но взглянула на Кюкошу и похолодѣла отъ ужаса. Она была увѣрена, что съ нимъ сейчасъ, сію минуту повторится то же самое, что случилось тогда, когда она увидѣла его въ тюрьмѣ, у Голушкина, и онъ, рыдая, повалился на диванъ.

Но Кюкоша только крѣпче прижималъ бороду къ груди и словно весь застылъ.

— Такъ какъ же, знали вы, что онъ заложилъ вашу брошь?— не отставалъ Качаевъ.

— Къ чему это? Что это относится къ пожару?—вдругъ заговорила она уже съ мольбою въ голосъ.

— Послушайте, свидѣтельница,—вступился, наконецъ, Брянцевъ, давно нетерпѣливо возившійся на своемъ мѣстѣ и все почему-то морщившійся.—Отъ васъ желаютъ слышать только, говорилъ ли подсудимый вамъ, что онъ закладывалъ вашу брошь?

— Нѣтъ! Къ чему было ему говорить?—растерянно отвѣтила она.

— Какъ къ чему? развѣ опъ въ правѣ былъ распоряжаться вашими вещами?—особенно подчеркнул эти слова Качаевъ.

— Мы вмѣстѣ росли съ м-г Лыбинымъ, мы знаемъ другъ друга съ дѣтства, — прерывающимся голосомъ отвѣтила Болдина. — Я не понимаю, о какихъ правахъ вы говорите!

— Хорошо, свидѣтельница, садитесь, — сказалъ Брянцевъ, поспѣшивъ воспользоваться тѣмъ, что Качаевъ, должно быть, не предвидѣвшій ея отвѣта, сбился и смолкъ.

— Нѣтъ, я имѣю вопросы!—заговорилъ тогда Скурагинъ, тоже вставая и оправляя фракъ.

— Имѣете? — Ну спрашивайте!—вздохнувъ и почти съ отчаяніемъ сказалъ Брянцевъ.

— Вотъ что потрудитесь сказать, свидѣтельница, — обратился адвокатъ совсѣмъ сухимъ и дѣловымъ тономъ къ Болдиной, которая, не зная что дѣлать, беспомощно стояла на прежнемъ мѣстѣ.—Вы знали, что у г. Лыбина дѣла плохи, и что онъ очень нуждается въ деньгахъ?

— Да, знала, — отвѣтила Болдина, испуганно смотря на Скурагина.

— Онъ никогда не просилъ у васъ денегъ въ займы?

— Нѣтъ! — съ живостью отвѣтила Марья Павловна. — Никогда!

— Никогда? А вы могли бы ему помочь?

— Конечно.

— И онъ зналъ объ этомъ?

— Да, зналъ.

— И тѣмъ не менѣе никогда къ вамъ съ подобными просьбами не обращался? Вы это удостовѣряете?

— Да, я это удостовѣряю! Мало того, однажды я сама предложила ему занять у меня, но онъ отказался.

— Я больше не имѣю вопросовъ! — громко сказалъ Скурагинъ и, не спѣша, опустился на свой стулъ.

— Садитесь! — снова провозгласилъ, обрадовавшись, Брянцевъ, но Болдина все стояла на своемъ мѣстѣ и опять въ ужасъ глядѣла на Бобошу. Она видѣла, что съ нимъ происходитъ что-то необыкновенное. Она слишкомъ хорошо его знала, чтобы не замѣтить это. А Бобоша тихо началъ качаться на своей скамейкѣ, и все нескладно подымалъ руки вверхъ, и все ими судорожно хваталъ себя за безволосые виски.

Наконецъ, судебный приставъ осторожно дотронулся до руки Болдиной и отвелъ ее на переднюю лавку. Марья Павловна, какъ въ туманѣ, опустилась между Щавельскимъ и княземъ.

Между тѣмъ Качаевъ, повидимому, совсѣмъ не ожидавшій, какой оборотъ приметъ допросъ вызванной имъ же самимъ свидѣтельницы, суетливо, нервно перебиралъ свои записки. Едва Марья Павловна сѣла, какъ онъ торопливо вскочилъ и сказалъ:

— Я просилъ бы предложить вопросъ самому подсудимому, не желаетъ ли онъ самъ объяснить, какимъ образомъ и изъ какихъ побужденій онъ закладывалъ чужую брошь.

Брянцевъ уже повернулъ голову къ Бобошѣ, но въ ту же минуту къ нему наклонился или сдѣлалъ видъ, что наклонился, Скурагинъ и сейчасъ же, порывисто вставъ, сказалъ, отчеканивая своимъ теноромъ каждое слово:

— Подсудимый просить меня заявить суду, что, пользуясь правомъ обвиняемаго, онъ не желаетъ давать объясненій по возбужденному прокуроромъ вопросу.

Брянцевъ, видимо довольный, наклонилъ голову, а Скурагинъ невольно радостно взглянулъ на Зосимова, который, сидя съ края, положилъ себѣ руки на колѣни и явно совершенно не одобрялъ того, что передъ нимъ происходило.

XX.

Брянцевъ обѣщалъ къ одиннадцати часамъ непременно кончить допросъ свидѣтелей и сдержалъ свое слово. Всѣ уже успѣли совершенно истомиться, духота сдѣлалась совершенно невозможная, когда онъ, собравъ послѣднія силы, бодро выпрямился на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ и выкрикнулъ:

— Закрываю засѣданіе! Прошу всѣхъ завтра къ десяти часамъ. Все поднялось и зашумѣло.

— У меня голова стала вотъ такая!—произнесъ Брянцевъ, выскакивая въ комнату судей и разставляя руки надъ своею плѣшивою головою.

Болобовъ, къ которому онъ обратился, ничего не отвѣтилъ и только, шмыгая ногами, продолжалъ безцѣльно толкаться въ разные стороны, отыскивая фуражку.

А въ освѣщенной свѣчами и лампами залѣ стоялъ стонъ стономъ. Публика, съ удовольствіемъ чувствуя, какъ дуло прохладю изъ раскрытыхъ оконъ, громко разговаривала между собою, условливалась, куда ѣхать и гдѣ провести остатокъ вечера.

— Ты куда?—спросилъ Тулуновъ князя.

— Въ клубъ,—отвѣтилъ тотъ, отдуваясь, и сейчасъ же спросилъ:—кто у лысаго аблокать?

— Московскій, братецъ, Скурагинъ!—отвѣтилъ Савелій Генадіевичъ.

— Дуракъ онъ, этотъ Скурагинъ! Скотина! Бить мало!—отрѣзалъ князь.—Зосимова изъ присяжныхъ не отвелъ! Зосимова! Пропалъ теперъ Кокоса! Пропалъ лысый ни за пятіалтынный.

И князь, безнадежно махнувъ рукою, спотыкаясь, сталъ спускаться съ лѣстницы.

Между тѣмъ Кокоса сейчасъ же ушелъ въ свою комнату подсудимыхъ и, пока публика шумѣла и расходилась въ залъ, сѣлъ на деревянный диванъ. Голушкинъ, пріѣхавшій самъ за нимъ, чтобы его не вести съ конвоемъ по улицамъ, попробовалъ было подсесть къ нему и заговорить, но не добился отъ него ни одного слова. Онъ только странно косилъ глаза въ отвѣтъ и безучастно смотрѣлъ ими, какъ смотрятъ глухонѣмые. Наконецъ, все стихло, и Голушкинъ сказалъ, что можно ѣхать. Кокоса всталъ и пошелъ. Мелькнули стѣны лѣстницы, хлопнули на блокахъ входныя двери, и вдругъ стало совсѣмъ темно и тихо, и свѣжій пахучій вѣтерокъ ласково защекоталъ ему лицо, и блѣдныя, не яркія звѣзды глянули на него съ сѣраго безцвѣтнаго неба, тамъ, надъ линіею противоположной крыши.

— Ну, поѣдѣте на зимнія квартиры! — сострилъ Голушкинъ, смотря, какъ онъ неуклюже взбирался на извозчицю пролетку и съ размаху сѣлъ въ нее съ одной стороны.

— Пошелъ! — крикнулъ Голушкинъ.

Пролетка оглушительно затрещала по мостовой, заколотила Кокошу въ уши, въ голову. Онъ морщился и, раскрывъ ротъ, какъ птица въ жару, жадно вдыхалъ несущійся навстрѣчу вѣтеръ. Наконецъ, онъ былъ почти одинъ; наконецъ, нѣтъ этой толпы, свѣта, этихъ ужасныхъ разговоровъ.

«Отдохнуть, отдохнуть!» мелькнуло у него въ головѣ, и ему представлялось огромнымъ счастьемъ и блаженствомъ та минута, когда онъ очутится опять въ своей полукруглой тихой камерѣ-башнѣ и ляжетъ подъ одѣяло.

А пролетка трещала и трещала на разные тоны, назойливо, мучительно громко. Яркій свѣтъ вдругъ ударилъ сбоку. Кокоша повернулъ было голову, но, весь сейчасъ же содрогаясь, отворотился. Большое каменное зданіе клуба съ колоннами, съ горѣвшими огнями окнами, съ какими-то темными силуэтами людей въ нихъ, потянулось мимо. Кокоша закрылъ глаза, попробовалъ дремать, но не могъ. Мѣшала та же трескотня, тѣ же непереставаемые толчки по камнямъ. Онъ вздрагивалъ, ударялся бокомъ о какой то крюкъ, наконецъ, встряхнулся, выпрямился, посмотрѣлъ передъ собою и невольно удивился. Длинная перспектива пустынной неосвѣщенной улицы уходила, суживаясь, впередъ, далеко, туда, гдѣ была тюрьма. И тамъ, на самомъ краю, подъ совѣмъ блѣдными, едва замѣтными звѣздами переливалась серебромъ и перламутромъ ночная, весенняя, неугасающая заря. Маленькое облачко, темно-лиловаго, почти чернаго цвѣта, отчетливо протянулось надъ силуэтами крышъ, ярко выступивъ изъ прозрачнаго свѣта рѣзкими краями. И Кокоша удивился, какъ было хорошо это весеннее небо, какъ таинственна эта спокойная пахучая ночь, и какъ странно, что теперь, сейчасъ, въ первый разъ онъ увидѣлъ и понялъ все ея величіе, всю ея красоту.

«Завтра все кончится! Все навсегда! А теперь отдохнуть, отдохнуть!» приходило опять ему въ голову, и онъ все не могъ оторваться отъ переливающегося на горизонтѣ фосфорическаго блѣднаго сіянія.

Но едва онъ улегся на своей кровати и попробовалъ закрыть глаза, какъ понялъ, что и здѣсь ему не было отдыха. Опять блеснули свѣчи, и всюду замелькали все лица, лица, смотрящія на него, наблюдающія за нимъ. Тонкая фигура Бачаева въ мундирѣ извивалась и тянулась кверху. Огромный князь, какъ быкъ опустивъ голову, повернулся къ Кокошѣ, конвойные солдаты наваливались на него по

бокамъ. Онъ вертѣлся, мѣнялъ положеніе, закрывался съ головою, но ничего не помогало. Порою онъ какъ будто на минуту затихалъ и забывался. Но сейчасъ же кто-то безцеремонно толкалъ его въ бокъ, и онъ сразу вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на знакомыя стѣны, испещренныя безобразными тѣнями, и все опять начиналось сначала. Свѣчи, лица, Качаевъ, князь, конвойные солдаты и она, Марья Павловна, съ измученнымъ, искаженнымъ отъ ужаса лицомъ.

Часы тянулись за часами, монотонно, однообразно, медленно. Наконецъ, совсѣмъ поблѣдло въ комнатѣ. Кто-то вошелъ и погасилъ лампу. Синій, холодный, раздражающій утренній свѣтъ ворвался широкимъ потокомъ изъ окна. Въ недалекомъ монастырѣ стали звонить къ заутренѣ. И вдругъ Кочоша почувствовалъ мучительную слабость и, какъ лежалъ навзничъ, лохматый, желтый, съ раскрытымъ слегка ртомъ, замеръ и затихъ, неожиданно заснувъ глубокимъ, тяжелымъ сномъ безъ грѣзъ и сновидѣній.

XXI.

Было уже половина одиннадцатаго, а засѣданіе все еще не началось. Въ судейской комнатѣ толпились и громко разговаривали пришедшіе послушать рѣчи. Появилось много лицъ новыхъ, которыхъ вчера не было видно. Всѣ интересовались посмотреть, какъ осудятъ Кочошу. Даже мрачный членъ суда Парумовъ, говорившій, что у него слишкомъ достаточно своихъ собственныхъ засѣданій, чтобы еще сидѣть на чужихъ, и тотъ пришелъ. Погручивая кончики черной подстриженной бороды, онъ насмѣшливо двигалъ бровями и язвительно поглядывалъ по сторонамъ.

— А въ какомъ настроеніи присяжные?—спросилъ кто-то.

— Ну это, знаете, сфинксъ!—отвѣтилъ Брянцевъ, собирая бумаги.— Судебный приставъ рассказываетъ, что вчера до часа ночи все кричали и спорили. Кто же ихъ разберетъ. Впрочемъ, дѣло стоитъ прѣкрасно. По моему Лыбинъ уличенъ совершенно.

Тѣмъ временемъ Качаевъ готовился къ рѣчи. Онъ нарочно ушелъ отъ всѣхъ въ пустую комнату и расхаживалъ здѣсь, стараясь все въ послѣдній разъ обдумать и сообразить. Ему тоже казалось, что Кочоша уличенъ вполнѣ, что другого приговора, кромѣ обвинительнаго, быть не могло, но тѣмъ не менѣе онъ очень волновался. Онъ боялся, что рѣчь его пройдетъ незамѣченной, и что уснѣхъ дѣла объяснять вовсе не впечатлѣніемъ отъ его словъ. Онъ до того увлекся происшедшимъ у него до сихъ поръ скрытымъ споромъ и борьбою, что ему

и теперь хотѣлось продолжать бороться и спорить и выйти настоящим побѣдителемъ. И онъ старался вспомнить и собрать всѣ мысли, которыя ему приходили въ голову, когда онъ обдумывалъ обвиненіе. Но уже времени не было.

— Пожалуйте, все готово!—раздался голосъ судебного пристава.

И вздрогнувъ и слегка поблѣднѣвъ, Качаевъ пошелъ въ коридоръ. Гулъ голосовъ собравшейся въ залъ публики донесся до него.

— Ну, пойдѣте сражаться!—сказалъ ему Дургановъ.

— А мы посмотримъ!—самодовольно сострилъ Бобылевъ.

Всѣ двинулись къ дверямъ. И двери раскрылись, и тѣсно сплоченная густою разноцвѣтною толпою публика, шума, волнуясь поднялась съ своихъ мѣстъ. Судьи не спѣша размѣстились за столомъ, за ними, сзади, вдоль стѣны и около оконъ, сѣли пришедшіе слушать дѣло.

Опять, звеня и стуча, вошли конвойные солдаты съ Кокочей. Онъ немедленно опустился на лавку и скорѣе отвернулся отъ публики.

— Не имѣютъ ли стороны дополнить чѣмъ судебное слѣдствіе?—освѣдомился Брянцевъ, оглядѣвшись вокругъ, и, когда отвѣта не послѣдовало, обратился къ присяжнымъ:

— Вы не имѣете ли еще какихъ вопросовъ, или для васъ дѣло ясно?

Зосимовъ взглянулъ на своихъ товарищей и, строго хмурясь, отрицательно покачалъ головою.

— Въ такомъ случаѣ объявляю судебное слѣдствіе законченнымъ. Судъ приступить къ выслушанію преній. Господинъ товарищъ прокурора, за вами слово!

Лицо Качаева слегка передернулось. Онъ выпрямился, задѣлъ ногою за конторку, всталъ, оглянулся. Онъ видимо дѣлалъ всѣ усилія, чтобы овладѣть собою и подавить охватившее его волненіе. Наконецъ, онъ забралъ побольше воздуха и, произнеся какъ можно громче обычное обращеніе «гг. присяжные засѣдатели»—сразу заговорилъ бодро и свободно. И началась та часть процесса, которую такъ любить публика. Начался турниръ между сторонами, началась борьба не на животь, а на смерть за участь несчастнаго Кокочы, какъ будто все теперь зависѣло отъ того, насколько окажется ловкимъ и остроумнымъ обвинитель или защитникъ, какъ будто присяжные, цѣлый день слушавшіе судебное слѣдствіе, не догадались сами подумать и разсудить, былъ ли виноватъ сидѣвшій передъ ними за рѣшеткой этотъ измученный человѣкъ. И Качаевъ оказывался и ловкимъ, и остроумнымъ. Онъ говорилъ звучнымъ, яснымъ молодымъ голосомъ, говорилъ понятно и совершенно гладко, говорилъ съ воодушевленіемъ и увѣренностью.

Онъ не пропустилъ ничего, онъ воспользовался всѣмъ, что было на судебномъ слѣдствіи, онъ не забылъ ни одной мелочи и нарисовалъ яркую и блестящую картину. Онъ подробно и живо рассказалъ, какъ необходимы были Кокосѣ деньги, особенно когда онъ заложилъ чужую брошь и проигрался въ карты, какъ у него возникъ замыселъ совершить преступленіе и какъ онъ поджегъ свою фабрику. Можно было подумать, что обвинитель самъ присутствовалъ при всемъ, все видѣлъ и подмѣтилъ. И между тѣмъ все, что ни говорилъ онъ, только само собою выходило изъ того, о чемъ такъ много рассказывалось цѣлый вчерашній день. Качаевъ чувствовалъ, что рѣчь его убѣдительна, и приходилъ въ настоящее вдохновеніе. Объяснивъ, какимъ образомъ былъ совершенъ поджогъ, онъ началъ говорить о самомъ Кокосѣ, о томъ, что это за человекъ и насколько можетъ онъ возбуждать сожалѣніе. Тутъ Качаеву хотѣлось быть остроумнымъ, хотѣлось развлечь и повеселить слушателей. Но это ему не удалось. У него не хватило юмора. Его слова были слишкомъ злы и безпощадны, и Кокоса выходилъ у него отвратительнымъ. Качаевымъ ничего не было забыто, ни его разоренія и кутежей, ни его отношеній къ Марьѣ Павловнѣ и исторіи съ ея брошкой. Даже на самую Марью Павловну невольно легла какая-то тѣнь, словно и она оказывалась всему причастна. Напрасно Кокоса возился на своемъ мѣстѣ, напрасно пряталъ свое лицо, хваталъ руками себя за виски, Качаевъ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ весь увлеченъ борьбою, онъ чуялъ близость побѣды. Онъ закончилъ красивыми, блестящими, давно взлѣдѣянными имъ фразами объ общественномъ значеніи настоящаго процесса и сѣлъ, обливаясь потомъ, задыхаясь и съ наслажденіемъ слушающая, какъ сразу пошло движеніе и гулъ въ публикѣ.

Послѣ него говорилъ скрипучимъ голосомъ гражданскій истецъ, говорилъ недолго и неинтересно, новторя уже сказанное обвинителемъ, и только прибавилъ кое-что отъ себя по адресу Кокосы, чтобы очернить его еще больше.

Наконецъ, наступила очередь Скурагина. Его положеніе было самое тяжелое. Весь его расчетъ былъ только на случай или мягкосердечіе присяжныхъ. Въ такихъ дѣлахъ, — говаривалъ онъ, — остается одно средство: вести партизанскую войну. И онъ добросовѣстно велъ до сихъ поръ эту войну, заключавшуюся въ томъ, чтобы сбивать свидѣтелей, какъ-нибудь подорвать къ нимъ довѣріе, а главное по возможности запутать и затемнить дѣло. Теперь его задачей было сбить и спутать самихъ присяжныхъ. И онъ принялся дѣйствовать. Онъ съ особеннымъ удареніемъ заявилъ, что пожаръ въ Лыбинкѣ произошелъ отъ поджога, но что изъ этого еще никакъ не слѣдовало, чтобы

поджогъ совершилъ именно Кокоша. И онъ очень тонко и остроумно началъ высмѣивать всѣ доводы обвиненія. Его мягкій добродушный голосъ, его молодой цвѣтущій видъ и, главное, тотъ юморъ, котораго нехватало Качаеву, отлично помогаль ему. Онъ не разъ потѣшалъ публику, но самую эффектную часть его рѣчи оказалась опять-таки характеристика Кокоши. Скурагинъ на нее-то главнымъ образомъ и рассчитываль. Онъ старательно доказываль, что Кокоша былъ круглый дуракъ, вродѣ идиота, и что по этому невозможно дѣлать никакихъ разумныхъ выводовъ изъ его поступковъ. И публика была въ восторгѣ. Скурагинъ дѣйствительно былъ забавенъ и до того, наконецъ увлекся своимъ остроуміемъ, что Брянцевъ вынужденъ былъ сдѣлать ему замѣчаніе. Но это нисколько его не смутило.

Рѣчи говорились долго. За рѣчами пошли возраженія. Брянцевъ нѣсколько разъ дѣлаль перерывы, и сейчасъ же всюду подымался оживленный говоръ и споры, шумѣли и въ залѣ, и въ комнатѣ судей, гудѣли голоса изъ комнаты присяжныхъ, а коридоры опять наполнялись дамами. Въ совершенномъ азартѣ онѣ выбѣгали сюда съ красными, потными отъ жары и увлеченія лицами, сталкивались, расходились, метались взадъ и впередъ, на ходу поправляли растрепавшіяся прически, опять убѣгали назадъ въ залу, словно обезумѣвъ отъ всего того, что происходило.

— Мюръ и Мерилизъ, одно слово!—съ удовольствіемъ замѣчалъ старый помощникъ секретаря, глядя на происходившую суету.

— Ну, что, какъ? ничего? все я сказалъ?—спросилъ Качаевъ Брянцева.

— Bravo! мертвой хваткой взяли!—отвѣтилъ тотъ ему.

Наконецъ, все было переговорено. Измученный до послѣдней степени, Брянцевъ обратился къ Кокошѣ:

— Подсудимый, ваше послѣднее слово! Встаньте!

Кокоша неуклюже, неловко, тяжело поднялся съ своего мѣста. Что онъ могъ сказать? И онъ уставился помутившимися стеклянными глазами передъ собою.

— Не хотите ли что-нибудь добавить къ рѣчи вашего защитника?—продолжалъ Сергѣй Леонидовичъ, видя, что Кокоша какъ будто не понимаетъ, чего отъ него требуютъ.

— Присяжные засѣдатели сейчасъ пойдутъ васъ судить,—продолжалъ мягко Брянцевъ,—не желаете ли что сказать имъ сами въ свою защиту?

— Ничего не имѣете?—проговорилъ снова Брянцевъ.

Кокоша повернулъ глаза къ публикѣ, увидѣлъ на первой скамейкѣ сидѣвшую Болдину и, опять, весь содрогаясь, отвѣтилъ:

— Ничего.

— Ну, садитесь! объявляю пренія сторонъ оконченными, — сказалъ Брянцевъ.

Кокоша съ трудомъ, словно у него болѣла спина, опустился на свое мѣсто и сталъ гладить себя по лысинѣ. Онъ слышалъ, что опять заговорили о немъ и на этотъ разъ предсѣдательствующій.

Брянцевъ прочелъ вопросы, которые должны были разрѣшить присяжные. Ихъ было два. Одинъ о томъ, сгорѣла ли фабрика отъ поджога, другой—виновенъ ли Кокоша въ этомъ поджогѣ. Брянцевъ пространно и долго объяснялъ присяжнымъ, что если они отвѣтятъ на первый вопросъ утвердительно, то должны разрѣшить второй вопросъ, если же на первый вопросъ скажутъ, что поджогъ не доказанъ, то тогда на второй вопросъ имъ ничего уже отвѣчать не нужно. Впрочемъ, — сказалъ онъ, — первый вопросъ никакихъ затрудненій не представляетъ: конечно, нельзя сомнѣваться, что пожаръ произошелъ отъ поджога, и Брянцевъ опять началъ все сначала. Онъ раза два смотрѣлъ на часы, видимо торопясь скорѣе окончить, но понемногу самъ увлекся и сталъ ударяться все въ большія и большія подробности. Удобно привалившись къ высокой спинкѣ кресла, потирая руки, онъ говорилъ съ удовольствіемъ, свободно и, повидимому, безпристрастно. Но онъ уже незамѣтно для самого себя успѣлъ совершенно убѣдиться въ виновности Кокоши, а потому рѣчь его тоже влилась къ обвиненію.

— Вообще, — наконецъ, добрался онъ до конца — разрѣшите все на основаніи убѣжденія вашей совѣсти, — и въ заключеніе Брянцевъ прочелъ цѣлое наставленіе о томъ, что присяжные могутъ подсудимому дать снисхожденіе, если онъ того заслуживаетъ, но что прощать и миловать виновнаго, въ силу своей присяги, они не имѣютъ права.

Сказавъ это, Брянцевъ протянулъ руку съ вопроснымъ листомъ. Сидѣвшій съ края Зосимовъ поспѣшно поднялся съ своего кресла, взялъ этотъ листъ и, угрюмо опустивъ голову, вмѣстѣ съ толпою своихъ товарищей направился въ находившуюся рядомъ съ мѣстами присяжныхъ дверь. Дверь эта сейчасъ же затворилась, около нея сталъ одинъ изъ сторожей, и въ залъ опять поднялся шумъ, движеніе, разговоры, ходьба.

XXII.

Какъ только присяжные удалились, Кокоша сейчасъ же торопливо ткнулся въ свою дверь, сопровождаемый конвойными солдатами. Очутившись въ своей комнатѣ, въ которую черезъ окна уже начало

заглядывать успѣвшее перейти на западъ золотое солнце, онъ жадно вдохнулъ стѣжій воздухъ, поднявъ обѣ руки къ вискамъ, слегка передернулся плечами и, наконецъ, сѣлъ около раскрытаго окна. Внизу продолжали трещать экипажи. Широкій тротуаръ и бѣлыя стѣны домовъ подернулись голубоватою тѣнью. И Кокоша вдругъ засмотрѣлся на эту улицу, на этотъ тротуаръ и дома. Здѣсь, въ такое время, весною, онъ любилъ гулять, встрѣчаться съ знакомыми, собирать городскія новости, смѣяться и острить. Все это было такъ еще недавно, и все это вдругъ такъ ушло далеко, словно то были воспоминанія дѣтства, ушло совсѣмъ, навсегда. Онъ зналъ, что сейчасъ, здѣсь черезъ одну только комнату, говорили о немъ, рѣшали его судьбу, но странно: онъ нисколько не волновался, даже почти не интересовался тѣмъ, что скажетъ ему этотъ мрачный, непривѣтливый и враждебный Зосимовъ. Гораздо важнѣе для него было другое. То, что совершалось надъ нимъ въ эти два дня, вся эта мука и терзанія, онъ зналъ, уже кончились, навѣрное кончились, — его отпустить и болѣе не потребуютъ сюда, въ этотъ неуютный, душный, наполненный людьми залъ, на позоръ и поруганіе. И это было самое главное. Онъ съ наслажденіемъ чувствовалъ, какъ голова его освобождается отъ того, что ее давило, какъ сладкая истома усталости разливается по его изнывшему, наболѣвшему тѣлу. А легкій вѣтерокъ продолжалъ непрерывною теплою струею ласкать ему горѣвшее лицо. Онъ вдругъ улыбнулся, оперся обѣими руками о подоконникъ и положилъ на нихъ лысую желтую голову. И сейчасъ же онъ онустился внизъ и покатился быстро, легко и свободно. И все задернулось туманомъ, и темнота охватила его со всѣхъ сторонъ, и Кокоша неожиданно заснулъ блаженнымъ сладкимъ сномъ.

А тѣмъ временемъ въ комнатѣ присяжныхъ опять гудѣли, то смолкая, то подымаясь почти до крика, голоса. Въ ихъ шуму прислушивались и въ залѣ, и въ судейской комнатѣ. Публика разбрелась по разнымъ мѣстамъ. По коридорамъ шмыгали платья, трещали разговоры, смѣхъ, пахло опять духами.

— Отчего такъ долго?—слышались замѣчанія.

— Пожалуй, опять до вечера придется сидѣть.

— Нѣтъ, врядъ ли! дѣло простое!

— Вы думаете, обвинять?

— Конечно, хотя Кокошу лысаго жалко!

— Нѣтъ, когда оправдываютъ, гораздо интереснѣе! — наивно сказала какая-то дама.

— Что же вы не попросили присяжныхъ оправдать!—острилъ ея кавалеръ.

Въ судейской комнатѣ тоже шелъ разговоръ и даже начали спорить. Мрачный Шарумовъ неожиданно сталъ утверждать, что по дѣлу ничего не доказано.

— Вотъ тебѣ разъ!—сказалъ Брянцевъ.

— Конечно!—вытаращивъ глаза, говорилъ Шарумовъ.—Построили обвиненіе на томъ, что Лыбинъ заходилъ на фабрику. А если послѣ него кто-нибудь еще заходилъ, тогда что!

— Ну, Илья Ѳедоровичъ, вы Богъ знаетъ что говорите!—отозвался Гроздевъ, уже успѣвшій расположиться на излюбленномъ своемъ мѣстѣ, на диванѣ.

— Вотъ вамъ и Богъ знаетъ что! Присяжные выйдутъ и скажутъ: нѣтъ не виновенъ.

— Увидимъ!—возразилъ Брянцевъ.

— Вотъ и увидимъ!—продолжалъ тотъ, язвительно улыбаясь.

Гроздевъ только рукою махнулъ.

Тѣмъ временемъ Качаевъ не могъ найти себѣ мѣста. Онъ то заходилъ къ Эрнесту Карловичу, то пробовалъ сидѣть одинъ у себя въ кабинетѣ, то заглядывалъ къ судьямъ. Но здѣсь онъ сейчасъ же начиналъ слышать гулъ голосовъ изъ комнаты присяжныхъ и въ тревогѣ опять уходилъ куда-нибудь. Онъ старался не думать, не волноваться и не могъ. Ему вдругъ начинало казаться совершенно очевиднымъ, что присяжные обвиняютъ Кокошу, и тогда онъ сейчасъ же невольно вспоминалъ этого Кокошу, въ неаккуратно-застегнутомъ сюртукѣ, сторбленнаго, несчастнаго, съ желтымъ измученнымъ лицомъ, и онъ болѣзненно морщился. Но черезъ минуту ему уже представлялось, что Кокошу непременно пожалѣютъ и оправдаютъ, и все внутри у Качаева сжималось горечью обиды, и ему казалось, что онъ разбить, побѣжденъ, опозоренъ.

Вдругъ, когда онъ проходилъ по коридору, его остановилъ развязный секретарь съ кокомъ.

— Присяжные дѣло разрѣшили! Обвинили!—весело сообщилъ онъ.

Качаевъ весь вздрогнулъ и съ заколотившимся сердцемъ взглянулъ на него.

— Вы почему знаете?

— Судебный приставъ слышалъ, когда чай имъ носилъ. Зосимовъ ужъ очень настаивалъ!

— Вы бы лучше объ этомъ не рассказывали! Развѣ можно разглашать такія вещи?—замѣтилъ Качаевъ, напрасно сисясь сдержатъ расплывавшуюся по всему его лицу улыбку.

— Я это только вамъ!—отвѣтилъ секретарь.

Но тѣмъ не менѣе слухъ объ этомъ быстро распространился и между другими.

— Говорять, обвинили!—слышалось въ разныхъ мѣстахъ.

— Кто говорить? Развѣ это можно знать?

— Навѣрное, говорятъ.

— Это меня старый опытный прокуроръ училъ, — замѣтилъ гражданскій истецъ Качаеву. — Когда присяжные долго не выходятъ и совѣщаются, значитъ приговоръ обвинительный.

Качаевъ ничего не могъ съ собою подѣлать и все продолжалъ радостно улыбаться.

Слухъ дошелъ и до Скурагина. Онъ поморщился, вздохнулъ и пошелъ отыскивать Болдину.

Марья Павловна ушла изъ залы въ конецъ коридора, гдѣ было меньше народа, и сѣла на деревянномъ диванѣ. При видѣ Скурагина она вздрогнула и съ испугомъ взглянула на него.

— Долго совѣщаются!—сказалъ онъ. — Вообще дѣло стоитъ нехорошо!

— Нехорошо?—переспросила она, подымая брови.

— Да. Во всякомъ случаѣ надо быть ко всему готовымъ.

Болдина ничего не отвѣтила и только уныло опустила голову.

— Надо пойти къ Николаю Николаевичу, немножко подбодрить, приготовить его!—сказалъ снова Скурагинъ, вставая.

— Да, да... Пойдите, найдите къ нему!—съ живостью проговорила Болдина, передернувшись плечами.

Скурагинъ прошелъ къ комнатѣ подсудимыхъ, на секунду пріостановился, потомъ вздохнулъ и отворилъ дверь. Но видѣ Бюкоши сразу его ободрилъ. Короткій, но глубокий и здоровый сонъ его освѣжилъ. Около него на подоконникѣ стоялъ стаканъ чая. Бюкоша даже, кажется, улыбался и привѣтливо посмотрѣлъ на своего защитника.

— Ну-съ, Николай Николаевичъ, какъ мы себя чувствуемъ? На видѣ вы смотрите молодцомъ!

Бюкоша продолжалъ благодушно улыбаться.

— Да-съ... А всетаки нужно быть ко всему готовымъ, — небрежно продолжалъ Скурагинъ, опустивъ голову и играя цѣпочкою отъ часовъ на своемъ открытомъ жилетѣ. И такъ какъ Бюкоша ничего ему не сказалъ на это, онъ сейчасъ же опять заговорилъ самъ. — Духомъ падать, во всякомъ случаѣ, нечего. При исходѣ неблагоприятномъ можно попытаться перенести дѣло въ сенатъ, кассировать — и тогда все начнемъ съ самаго начала!

— Какъ начнемъ сначала?—испуганно переспросилъ Бюкоша.

— Да, видите ли, Николай Николаевичъ, я не могу отъ васъ

скрыть. Дѣло наше не очень хорошо. Такъ неблагопріятно сложились всѣ обстоятельства! Главное, остается совершенно непонятнымъ, кто могъ поджечь? Ну, кто? Просто ума не приложишь.

— Я, знаете, что теперь думаю?—спокойно отвѣтилъ Кокоша.— Я думаю: это парни сожгли!

— Какіе парни?—не понялъ Скурагинъ.

— Да наши деревенскіе парни,—охотно сталъ объяснять Кокоша, ослабляясь въ улыбку.—До меня какъ-то доходили слухи, что они тамъ на фабрикѣ, на чердакѣ, рандеву устраивали съ своими дамами сердца!

— Что?—громко, подскочивъ на своемъ мѣстѣ, воскликнулъ Скурагинъ.

Кокоша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего адвоката.

— Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ объ этомъ говорили,—сконфуженно отвѣтилъ онъ.

— Кто вамъ говорилъ?—стремительно поднявшись на ноги и совершенно разсердившись, снова спросилъ Скурагинъ.

— Да, говорили же, право! Вотъ Федоръ, кажется, говорилъ, рабочій, котораго не отыскали.

Но адвокатъ только махалъ въ отчаяніи руками.

— Что вы дѣлаете? Что вы дѣлаете, Николай Николаевичъ? Да неужели же вы не понимаете, что вы дѣлаете? Какъ же вы раньше не рассказали мнѣ объ этомъ?—И онъ блестящими злыми глазами уставился на Кокошу.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! Чортъ знаетъ что такое! Чортъ знаетъ!—почти началъ кричать Скурагинъ.—Объ этомъ не сказать мнѣ! Промолчать! О самомъ важномъ промолчать! Да поймите, что если бы мнѣ это было извѣстно, тогда... О, Господи! Да тогда все обвиненіе разбилося бы вдребезги! О, о, о!—уже застоналъ Скурагинъ и схватилъ себя за голову.

Кокоша, распустивъ губы, виновато смотрѣлъ на него.

— Э-эхъ!—воскликнулъ Скурагинъ, махнулъ рукою и даже отвернулся.

— Что же теперь дѣлать? Ну что? Что?—несвязно бормоталъ онъ самъ съ собою и снова злобно поглядѣлъ на своего кліента.

Но съ него рѣшительно нечего было взять. Онъ до того казался забитымъ, замученнымъ, что адвокатъ только опять махнулъ рукою.

— Такъ вамъ объ этомъ рассказывали?—спросилъ онъ снова.

— Да, рассказывали,—отвѣтилъ Кокоша.—Но вѣдь меня не сошлютъ на каторгу? Меня сошлютъ на поселеніе?—робко спросилъ онъ сейчасъ же.

— Какая тамъ каторга!—сердито отвѣтилъ Скурагинъ, и вдругъ, сорвавшись съ своего мѣста, быстро пошелъ изъ комнаты, стуча сапогами.

Онъ безъ церемоніи подошелъ къ Болдиной, сидѣвшей все на томъ же мѣстѣ, и не стѣсняясь, воскликнулъ:

— Нашъ клиентъ, Марья Павловна, просто сумасшедшій!

Та, вся вздрогнувъ, вскинула на него расширившіеся глаза.

— Я всего могъ ожидать, все предвидѣть, но это... извините... Представьте, сейчасъ говорить мнѣ, отчего могъ произойти пожаръ. Видите ли, ему рассказывали давнымъ давно, будто у него на фабрикѣ, на чердакѣ, простите, парни крестьянскіе съ дѣвками свиданія устраивали. Теперь говорить! теперь! Сто разъ спрашивали его на слѣдствіи, здѣсь на судѣ, я по цѣлымъ часамъ съ нимъ бился, и вотъ, извольте, сейчасъ только догадался! Что вы?

Марья Павловна порывисто вскочила съ своего мѣста.

— Послушайте, но это нужно сказать! Нужно сказать имъ, сейчасъ... сейчасъ же сказать!—забормотала она, порываясь впередъ.

— Кому сказать? Что сказать? Да успокойтесь, ради Бога! Нечего теперь и не кому говорить. Уже поздно! поймите, поздно! Марья Павловна, что вы дѣлаете?—воскликнулъ Скурагинъ, схвативъ ее за руку.—На насъ смотреть, наконецъ!

Но Болдиной теперь ни до кого не было дѣла.

— Какъ поздно! Невиннаго человѣка осудили, а вы говорите поздно! Не можетъ быть,—убѣжденно воскликнула она, вырываясь отъ него.—Но чего же вы? Идите же, идите!—продолжала она, не обращая вниманія на дѣйствительно пріостановившихся двухъ дамъ и принявшихъ ее лорнировать.

— Вы желаете скандала? Да? Скандала? — громко шепталъ растерявшійся Скурагинъ, загораживая ей дорогу.

Въ это время въ залѣ, на дверяхъ комнаты присяжныхъ, стукнулъ звонокъ.

Все было кончено, участь Кокочи была рѣшена!

По коридорамъ сейчасъ же поднялось движеніе, и отовсюду толпами бросились въ залу.

— Пойдемте, присяжные выносятъ приговоръ!—сказалъ Болдиной Скурагинъ.

Она всплеснула руками и вдругъ тяжело опустилась на свое прежнее мѣсто, на ту же скамейку.

— Не могу!—простонала она, наклонивъ голову и начавъ безпомощно качать ею.

— Простите! Я долженъ идти!

И, постоявъ еще немного, Скурагинъ махнулъ рукою и почти бѣгомъ пустился къ залѣ.

Все разомъ стихло. Болдина вдругъ вскочила на ноги, въ ужасѣ оглянулась по сторонамъ и, подхвативъ платье, кинулась туда же.

Безцеремонно всѣхъ расталкивая, не обращая вниманія на отовсюду провожавшія ее изумленные и негодующія лица, она протѣснилась впередъ и крѣпко уцѣпилась за спинку одной изъ скамеекъ.

Вся зала стояла на ногахъ. Налѣво изъ двери вышелъ Кокоша и, подойдя къ самой рѣшеткѣ, положилъ на нее обѣ руки. Его лицо, какъ во все время процесса, казалось равнодушнымъ и апатичнымъ. Онъ только продолжалъ отвертываться и старался ни на кого не глядѣть.

Зосимовъ подошелъ къ самому судейскому столу, сердито посмотрѣлъ на Брянцева и сунулъ ему вопросный листъ. Торопливо, даже задрожавшими немного руками, Брянцевъ взялъ, взглянулъ на него, и на лицѣ его изобразилось полное недоумѣніе. Судьи потянулись сбоку черезъ его плечи и тоже, видимо, удивлялись. Колобковъ мигнулъ глазами Качаеву, но тотъ ничего не понялъ. Изъ всѣхъ силъ стараясь быть равнодушнымъ и спокойнымъ, онъ тѣмъ не менѣе поблѣднѣлъ слегка и напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы прочесть отвѣтъ. Но наставали уже сумерки, и было такъ далеко, что разобрать ничего не удавалось.

«Обвинительный!» — одною, мелькнуло у него въ головѣ, потому что Колобковъ взялъ Уложение, а Брянцевъ, подписавъ листъ, протянулъ его назадъ Зосимову и самъ откинулся на задокъ кресла.

«Если бы былъ оправдательный, стали бы сейчасъ же писать резолюцію», — соображалъ онъ.

— Прочтите вопросы и ваши отвѣты, — провозгласилъ громко и торжественно Сергѣй Леонидовичъ.

Зосимовъ взялъ листъ, мелькомъ взглянулъ на Кокошу и, естественно, непужно выкригивая и подчеркивая каждое слово, прочесть: доказано ли, что въ январѣ мѣсяцѣ въ селѣ Лыбинкѣ была умышленно подожжена застрахованная бумажная фабрика, принадлежащая потомственному дворянину Николаю Николаевичу Лыбину?

Тутъ Зосимовъ приостановился, снова взглянулъ на Кокошу и на всю залу выкрикнулъ:

— Нѣтъ, не доказано!

И вся зала ахнула: «оправдали»; оправдали! загудѣло по ней.

Брянцевъ схватилъ колокольчикъ и сталъ звонить.

— Подсудимый, — проговорилъ онъ, когда все, наконецъ, опять стихло. — Объявляю васъ отъ суда и изъ подъ стражи свободнымъ! Удалите конвой!

Но солдаты сами вложили немедленно шашки въ ножны и, столкнувшись въ дверяхъ, поспѣшно скрылись за ними.

Брянцевъ взялъ листъ бумаги и сталъ писать приговоръ.

Шепоть и гулъ снова понесся по залѣ. Огромный князь, сидѣвшій на передней лавкѣ, кивалъ головою Коккошѣ, Тулуповъ украдкой улыбался ему съ своего мѣста сзади судей, но Коккоша, все такой же старый, желтый, неубранный и апатичный, продолжалъ стоять, держа руки на рѣшеткѣ.

Марья Павловна, приподнявъ брови, не спускала съ него глазъ. Когда она услышала: «нѣтъ, не доказано», она почувствовала, что колѣни ея подогнулись, и сдѣлала усилие, чтобы не зашататься. Но силы ее вдругъ оставили. Она прислонилась къ стѣнѣ, поскорѣе подняла обѣ руки къ лицу и неожиданно тихо и беззвучно заплакала.

— Объявляю резолюцію! — воскликнулъ Брянцевъ, хлопнувъ пресь-бюваромъ по написанному.

— Встать! Прошу встать! — всполохился судебный приставъ, замахавъ руками.

— Окружный судъ опредѣлилъ, — громко отчеканилъ Брянцевъ, — въ силу рѣшенія гг. присяжныхъ засѣдателей и на основаніи 1 п. 771 ст. Устава уголовного судопроизводства потомственного дворянина Николая Николаевича Лыбина считать по суду оправданнымъ! Закрываю засѣданіе! — и поспѣшно вставъ, онъ двинулся изъ залы. — Слава Тебѣ Господи, кончили! — сказалъ онъ, выйдя въ судейскую комнату.

— Вотъ такъ приговоръ! — произнесъ, разставивъ руки, Колобковъ, и сейчасъ же поднялся громкій оживленный разговоръ и споръ. Спорили и говорили судейскіе, слушавшіе дѣло, спорили и говорили въ залѣ среди расходившейся публики.

— Гдѣ Коккоша? Гдѣ Коккоша лысый? — вдругъ взбунтовался князь, начавъ всѣхъ расталкивать локтями. — Генадичъ, — крикнулъ онъ, замѣтивъ Тулупова. — Генадичъ, идемъ лысую чучелу отыскивать. Хочу съ Коккошей насвистаться! Хочу, понимаешь, вотъ какъ насвистаться!

Но Коккоша исчезъ. Какъ только зашумѣла публика, онъ поспѣшно юркнулъ въ свою дверь.

— А, позвольте познакомиться! — воскликнулъ князь, увидѣвъ въ это время Скурагина. — Отъ всего сердца спасибо! Спасибо! Понимаете? — и онъ такъ стиснулъ руку у удивленнаго адвоката, что тотъ даже присѣлъ. — Извините! — забасилъ Вресскій. — Но понимаете... отъ полноты чувствъ. Честь вамъ и слава! спасли невинную душу! Да гдѣ же Коккоша! — засуетился снова князь и безъ церемоніи схва-

тиль за плечи окончательно замытарившагося, сбившагося съ послѣднихъ ногъ судебного пристава.

— Голубчикъ, скажите, гдѣ Кокоша?

— Господинъ Лыбинъ?—спросилъ тотъ, отдуваясь.—Господинъ Лыбинъ находится въ комнатѣ подсудимыхъ, только вы не ходите туда! Они не совсѣмъ здоровы.

— Какъ такъ?—удивился князь.

— Да-съ.

— Что же съ нимъ такое?

— Нервы, должно быть. Развѣ этакую исторію легко вынести?

— Да что же съ нимъ дѣлается?

— Они плачуть-съ!—отвѣтилъ судебный приставъ.

— Плачеть?

И князь разставилъ руки и сразу сбился со всякаго толка.

— Вотъ такъ штука!—пробурчалъ онъ.—Генадичъ, Генадичъ, слышалъ? Лысый-то!

Между тѣмъ зала быстро пустѣла. Интересъ кончился, нужно было приниматься за обычные занятія, спѣшить обѣдать, дѣлиться впечатлѣніями, обсудить, все ли было въ порядкѣ и правильно.

Товарищъ прокурора Дургановъ былъ знакомъ съ Зосимовымъ, который обыкновенно лѣчилъ его дѣтей. Онъ рѣшилъ непременно узнать у него, почему оправдали Кокошу. Онъ пошелъ за нимъ слѣдомъ и догналъ его на улицѣ.

— Алексѣй Ивановичъ!—крикнулъ онъ ему.—Съ окончаніемъ поздравляю!

Зосимовъ остановился и усмѣхнулся.

— И есть съ чѣмъ поздравить! Одна ночевка въ судѣ чего стоитъ.

— А что?

— А вотъ когда-нибудь попробуйте, узнаете!

Дургановъ прошелся съ нимъ немного рядомъ и сказалъ:

— Что пожалѣли Лыбина, оправдали?

Зосимовъ даже приостановился и сердито взглянулъ на него.

— Пожалѣли! Ну, батюшка, за такія вещи не жалѣютъ! А вотъ вы лучше скажите, зачѣмъ вы этого чудака два дня съ грязью смѣшивали?

И Зосимовъ, опустивъ голову, зашагалъ опять.

— Да развѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, убѣждены въ его невиновности?

— Вотъ чудакъ! Что же это мы такъ, зря вынесли приговоръ? У насъ, батюшка, вотъ чего требовали. Напиши имъ не просто «не доказано», а «совершенно не доказано!» Только вѣдь это что же, ба-

лаганъ будетъ. Сколько спорили, насилу отговорилъ. Единогласно постановили, да-съ!

— Такъ отчего же пожаръ произошелъ?—спросилъ въ недоумѣніи Дургановъ.

— Кто же знаетъ, отчего; только, конечно, не отъ поджога и во всякомъ уже случаѣ не отъ этого чудака. Вы посмотрите на него хорошенько, ну, развѣ онъ похожъ на поджигателя? Да и кто станетъ такъ поджигать! Нѣтъ, батенька, намъ мужички помогли. Не даромъ они интересовались, какой хозяинъ Лыбинъ. Стали мы разсуждать, а они и говорятъ: у такого хозяина все, что угодно, стануть дѣлать. Небось, на его фабригѣ, говорятъ, всякіе бѣглеы и бродяги жили, долго ли до грѣха, развѣ подпалить трудно. Разсказали намъ, какъ разъ такой же случай произошелъ, у кого-то рига сгорѣла. Стали тоже говорить: поджогъ, да поджогъ, а въ ригѣ сгорѣвшаго человѣка нашли. Оказалось, нищій ночевалъ, съ трубкою заснулъ, да и сгорѣлъ. Вотъ вамъ и поджогъ! А ужъ что говорили-то на судѣ, какую грязь повыкопали. Нѣтъ, не дай Богъ попасть къ вамъ за рѣшетку! Мнѣ жаль этого простяка. Вѣдь онъ добрый, — и Зосимовъ снова опустилъ голову.

Дургановъ, сильно нахмурившись, сталъ размышлять о чемъ-то.

— Одно утѣшеніе — хоть восемнадцать тысячъ получить! Ему они нужны!—сказалъ снова Зосимовъ.—Вы куда?

— Домой.

— Ну, куда теперь идти домой, пойдемте лучше въ клубъ, побѣдаемъ тамъ и поболтаемъ.

Дургановъ безъ возраженій согласился.

XXIII.

Понемногу зала и коридоры суда совсѣмъ опустѣли. Только кое-гдѣ еще бродили свидѣтели мужики, ожидавшіеся выдачи прогоновъ. Здѣсь, среди нихъ странно было видѣть элегантно сшитое темное платье и модную съ цвѣтами шляпку Болдиной. Она то останавливалась около окна и смотрѣла на пустой дворъ съ ярко выступавшими силуэтами деревьевъ сосѣдняго сада, черезъ которые сквозила и горѣла золотая вечерняя майская заря, то принималась ходить взадъ и впередъ. Она видимо ждала кого-то. Ея энергичное лицо съ темными бровями съ немного блестящими глазами казалось теперь совершенно измученнымъ. Наконецъ, въ глубинѣ коридора показался Скурагинъ. Она поспѣшила къ нему навстрѣчу.

— Я не знаю, что дѣлать, — заговорилъ адвокатъ, смущенный и

растерянный.—Онъ рѣшительно не хочетъ уходить. Его и судебный приставъ уговариваетъ, и начальникъ тюрьмы, и ничего не помогаетъ. Твердить одно и то же: «некуда мнѣ идти». Можетъ быть, вамъ, Марья Павловна, удастся убѣдить его.

Марья Павловна нахмурила брови и вдругъ, высоко приподнявъ свою грудь, глубоко взобрала ея воздухъ.

— Хорошо!— сказала она и рѣшительнымъ шагомъ направилась къ Бюкошѣ.

— Вотъ сюда, сюда,—указывалъ ей дорогу адвокатъ.

Она растворила дверь и па минуту приостановилась.

Бюкоша сидѣлъ на деревянномъ диванѣ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Здравствуйте!— постаравшись улыбнуться, произнесла Болдина на ходу Голушкину, который съ большими закрученными усами весело и съ любопытствомъ наблюдалъ, что около него происходило. Марья Павловна сейчасъ же прошла мимо вонецъ измученнаго судебного пристава къ Бюкошѣ.

— Николай Николаевичъ,— сказала она ему,— что съ вами? Пора ѣхать домой.

Онъ весь передернулся и ничего не отвѣтилъ.

— Послушайте, насъ всѣ ждутъ! Ну, что вы, въ самомъ дѣлѣ, словно маленькій, вѣдь все теперь кончилось.

— Какъ? Какъ?— вдругъ забормоталъ Бюкоша и порывисто обернулся и быстро, быстро затрясъ руками съ растопыренными пальцами.— Какъ кончилось? Какъ вы говорите, кончилось?— захлебываясь, задыхаясь, выдавливалъ онъ изъ себя голосъ.— Какъ! Меня здѣсь два дня мучили, позорили, со мною, Богъ знаетъ что, сдѣлали, а вы говорите кончилось! Меня... надо мною...— онъ не находилъ словъ и, весь дрожа, поднялся на ноги.— Меня... меня просто догола передъ всѣми раздѣли, помоями съ ногъ до головы облили, а вы говорите: кончилось!...— и совершенно захлебнувшись, онъ опять хлопнулся на диванъ и дѣйствительно, какъ упрямый ребенокъ, снова отворотился лицомъ къ стѣнѣ.

Марья Павловна съ минуту стояла надъ нимъ молча, сильно нахмурившись, и заговорила опять:

— Мы поѣдемъ съ вами въ Хохловку, прямо на лошадахъ. Бюляска уже около подъѣзда. Намъ ѣхать тридцать пять верстъ. Николай Николаевичъ, неужели вы, вы отказываетесь ѣхать со мною?

Бюкоша схватилъ себя за голову и опять поднялся на ноги. Но онъ уже ничего не отвѣтилъ. Онъ только странно подбиралъ губы съ взлохмаченными усами.

— Ну, идѣте!—рѣшительно проговорила Болдина, и когда онъ, наконецъ, сторбившись, какъ старикъ, зашмыгалъ за нею ногами, она на ходу сказала Скурагину:

— Мы съ вами обо всемъ переговоримъ послѣ... Вы видите?

— Ахъ, ради Бога, не безпокойтесь, — весело отвѣтилъ адвокатъ.

Бокоша спустился по лѣстницѣ въ швейцарскую. На него, какъ на манекенъ, надѣли пальто, шляпу.

— Ну, садитесь!—сказала Болдина, легко впрыгивая въ коляску и подбирая платье, чтобы дать ему мѣсто.

Бокоша тяжело, грузно сѣлъ рядомъ, даже покосивъ весь экипажъ на одну сторону.

— Поѣзжай переулками!—приказала Марья Павловна кучеру, и тройка вороныхъ, крупныхъ лошадей, запрыгавъ и загорячившись, весело тронулась впередъ. Мимо протянулось неуклюжее, похожее на сундукъ, зданіе суда съ блестящими на зарѣ стеклами въ окнахъ. Коляска, сейчасъ же свернувъ налѣво, помчалась вдоль пустынныхъ, унылыхъ переулковъ.

Марья Павловна, привалившись къ мягкой, выдававшейся немного впередъ упругой спинкѣ, молчала и изрѣдка изъ-подъ шляпки поглядывала на своего сосѣда. Онъ упрямо не говорилъ ни слова и грузно трясся и качался на толчкахъ. Мягкая, измявшаяся шляпа сбилась у него немного на затылокъ, воротникъ пальто завернулся и поднялся кверху. Онъ вдругъ совсѣмъ замеръ, затихъ, можетъ быть, задремалъ.

А коляска продолжала нестись дальше. Переулки становились еще пустыннѣе, и вдругъ открылось поле, съ огромнымъ, раскинувшимся во всѣ стороны потемнѣвшимъ небомъ, съ туманными полосами отдаленныхъ лѣсовъ. Сзади, весь утопая въ зелени, уходилъ все дальше и дальше городъ. Множество церковей маяками торчали среди крышъ и деревьевъ, а съ краю рисовалось темнымъ силуэтомъ, съ узорчатыми башнями и оградой, причудливое зданіе тюрьмы. Но и она была назади, совсѣмъ назади. Послѣ оглушительнаго треска по неровной, выбитой городской мостовой стало вдругъ совершенно тихо. Пахучій весенній вѣтеръ дулъ навстрѣчу. Онъ несъ запахъ земли и какихъ-то цвѣтовъ, а впереди, тамъ, далеко, серебромъ и золотомъ переливалась неугасающая во всю ночь майская заря.

Вдругъ Бокоша вздрогнулъ и выпрямился и поправилъ свою шляпу. Онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Болдину и протянулъ къ ней руки.

Она молча подала ему свою маленькую руку, туго обтянутую черной лайковой перчаткой.

И Когоша схватилъ эту руку и нагнулся къ ней и затрясъ своей головой.

— Марья Павловна! Марья Павловна! — забормоталъ онъ, прижимаясь къ тугой перчаткѣ губами. — Простите... простите... — и онъ не въ силахъ былъ ничего болѣе сказать, и слезы потекли у него по щекамъ, по носу, попали въ ротъ, закапали на перчатку.

— Я... я... — и слова не слушались его и не выговаривались.

Марья Павловна не отрывала своей руки. Она поправила ему воротникъ пальто и оставила другую руку на его плечѣ.

— Марья Павловна, — забормоталъ онъ снова. — Я... я молюсь на васъ, вы... вы святая! вы ангелъ!... Вы меня... меня... и не презираете! — И онъ снова затрясся и заколотился губами о ея смоченную его слезами перчатку. — Теперь, — продолжалъ онъ, — все начнется новое, все будетъ другое... другое... совсѣмъ другое! И я докажу, докажу вамъ, что я не такой, какъ обо мнѣ говорили!

Марья Павловна продолжала держать свою руку на его плечѣ и попрежнему молчала. Она ничего не могла сказать ему. Она не знала, чтò говорить, чѣмъ его утѣшить. Она сама тихонько, глотая слезы, плакала.

А впереди попрежнему золотилась, переливалась заря. Одна за другою надъ ней въ прозрачномъ зеленоватомъ небѣ начинали вспыхивать и мигать мелкія, блѣдныя звѣзды. Гдѣ-то сбоку, около дороги, въ кустахъ вдругъ принялись переклигаться соловьи.

А. Алпатынь.

ЗЛОБЫ ЖИЗНИ.

Картины провинціального быта. Густава Вида.

(Переводъ съ датскаго).

I.

Городокъ пріютился у самаго фьорда. Съ пѣшеходныхъ тропинокъ, на задахъ садовъ и огородовъ, открывается видъ на весь заливъ, холмы, лѣса и селенія вдали.

Городокъ старинный, хорошенькій, съ маленькими причудливой архитектуры домиками, извилистыми, узкими улицами и тупиками самыхъ удивительныхъ наименованій.

Посреди города, на пригоркѣ, возвышается большая, бѣлая церковь съ разноцвѣтными оконными стеклами и кровлей щипцомъ. Зовутъ ее «Церковью бѣлыхъ сестеръ». Имя это уцѣлѣло съ тѣхъ еще временъ, когда городъ былъ католическимъ, и за его усыпанными щебнемъ валами ютились монастыри, богоугодныя заведенія и церковныя школы, гдѣ сыновей и дочерей горожанъ поучали подъ гнѣніе псалмовъ и дымъ кадильный тому, что «жизнь земная должна быть странствіемъ съ молитвой на устахъ, въ полномъ самоотреченіи», что это «трудный, тернистый путь по дремучимъ лѣсамъ, по краямъ грозныхъ пропастей, путь, гдѣ человѣка на каждомъ шагу стерегутъ тысячи бѣдъ и по которому можно придти къ цѣли цѣлымъ и невредимымъ, не споткнувшись, лишь съ утра до вечера устремляя взоры и мысли, и всѣ свои желанія, и вожделѣнія не къ міру и всему мірскому, а къ непостижимой, неизъяснимой тайнѣ», что «жизнь лишь вѣчная смерть, а смерть порогъ вѣчной жизни» и т. п.

Такъ жили и учили въ тѣ времена. Теперь все стало по другому.

Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что городъ сталъ «безбожнымъ». Отнюдь нѣтъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ рѣзныя, деревянныя скамьи въ «Церкви бѣлыхъ сестеръ» наполнялись

народомъ, благочестиво внимавшимъ словамъ пастора и звукамъ органа. Горожане съ полной готовностью платили налоги и десятину, какъ свѣтскому, такъ и духовному своему начальству, поставленному надъ ними отъ Бога. Нищимъ подавали и гроши и куски хлѣба съ жиромъ, а передъ Рождествомъ весь городъ усердно вязалъ фуфайки и теплые штанишки для уличныхъ оборвышей. Но тутъ-то и таилась разница между прошлымъ и настоящимъ: теперь ходили въ церковь, подавали хлѣбъ съ жиромъ, платили налоги и десятину и вязали фуфайки и штанишки не потому, что чувствовали внутреннюю непреодолимую потребность, или считали долгомъ поступать такъ... Нѣтъ, потому... что сосѣди такъ дѣлали!

Городокъ былъ, вѣдь, маленькій. Улицы узенькія, тѣсныя. Каждый могъ заглянуть въ жилище ближняго, обонять запахи его кухни.

И почему-жъ бы, скажите на милость, фру *) Лассенъ не попотчевать гостей жареными цыплятами и киселемъ во вторникъ, если фру Гейльбунтъ уже поважничала этими лакомыми блюдами въ воскресенье!

Была суббота, день генеральной чистки и уборки. Часы па церковной башнѣ только что пробили семь, и движеніе на улицахъ еще не начиналось.

Но по городу уже несло жужжанье голосовъ и хихиканье служанокъ, которыя стояли въ развѣвающихся ситцевыхъ платьяхъ на оконныхъ выступахъ и, держась одной рукой за верхніе края переплетовъ, другою, при помощи намоченой въ водѣ тряпки, протирали оконныя стекла до полного блеска.

— А куда же нашъ «Томсенокъ» запропастился? — крикнула длинная Энгелина, протиравшая окна въ гостиной жившаго въ первомъ этажѣ консула Мёрка съ такимъ усердіемъ, что стекла щебетали, словно птички.

— Дай ему сперва надѣть чистенькое! — прогудѣла точно изъ бочки толстуха Ривка, служанка телефоннаго директора изъ второго этажа.

Энгелина взвизгнула и закатилась такъ, что поскорѣй схватилась за переплетъ обѣими руками, не то слетѣла бы внизъ.

— Что она сказала? Что такое? Ривка что-нибудь отмочила? — посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Она говоритъ, что «Томсенку» мѣняютъ пеленки.

*) „Фру“ — госпожа. — *Прим. перев.*

— Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!—захихикалъ, зафыркалъ цѣ-
лый хоръ, и ситцевыя платья такъ и заколыхались въ воздухѣ.

— Хо-хо-хо!—передразнила дѣвушекъ старая Дорта въ мезони-
нѣ.—Зубоскалки!—Затѣмъ, хлопая диванными подушками фрѣжень
Рейерсенъ, словно деревянными скалками, добавила: — Только бы
языки чесать!

Изъ-подъ монастырскихъ воротъ съ грохотомъ выѣхала телѣга.
Лошади трусили мелкой рысдой, а возница сидѣлъ, весь сгорбившись
и моргая глазами, словно еще не совсѣмъ проснулся.

Грохотъ тяжелыхъ колесъ по мостовой наполнилъ всю улицу и
заставилъ дребезжать стекла въ окнахъ.

Нѣкоторые изъ дѣвушекъ повернули головы и крикнули парню:
— Здравствуй!

Въ ту же минуту надъ крышами пронесся порывъ вѣтра, и ситце-
выя платья раздулись пузырями.

— Гы-гы-гы!—оскалилъ зубы парень, разомъ проснувшись и
тыча кнутомъ вверхъ, гдѣ стояла Энгелина.—Ишь, икряная!

— Ахъ ты мужланъ!—рявнула изъ бочки толстая Рикка.—
Это ему по зубамъ!

И снова по всѣмъ этажамъ пронеслось фырганье. Парень снова
заготовалъ и, шурясь кверху, проѣхалъ.

Это была главная улица города, «Сюндергаде». Дома по обѣимъ
сторонамъ ея напоминали два ряда сѣдрыхъ зубовъ,—такіе были
старые, неровные, то широкіе, то узкіе, то высокіе, то низенькіе.

Въ маленькомъ зубкѣ, одноэтажномъ, съ трехконнымъ фаса-
домъ домишкѣ, сжатомъ между двумя длинными зубищами въ два
этажа съ мезониномъ, проживалъ пресловутый «Томсенокъ» или, какъ
его также прозвали, «шалый-малый».

«Суровская и галантерейная торговля вдовы Барень Томсенъ»,—
гласила вывѣска надъ дверями помѣщавшейся въ домишкѣ лавочки.

«Томсенокъ», по имени Эмануилъ, и былъ сынъ вдовы Барень
Томсенъ.

— Вотъ и онъ!—просвистѣла Энгелина рѣзкимъ, пронзитель-
нымъ, словно сквознякъ, проникающій въ замочную скважину, ше-
потомъ.

Толстая Рикка наклонила свое одобрное лицо съ отвислыми мяси-
стыми щѣками и кивнула:

— Здравсте, господинъ Томсенъ!

— Здравсте, господинъ Томсенъ!—подхватили за нею Энгелина
и всѣ остальные хоромъ.—Здравсте! Здравсте!...

Но маленькій человѣчекъ внизу какъ будто не видалъ, не слышалъ ничего.

Онъ вышелъ изъ дверей лавочки съ лейкой и метлой въ рукахъ и принялся спокойно и тщательно поливать тротуаръ и часть уличной мостовой, приходившуюся передъ его домомъ. Поливалъ онъ какъ по линейкѣ—ни одной капельки ни на участокъ сосѣда, ни на участокъ визави. Даромъ, что самъ Томсенъ былъ кривобогъ.

Бончивъ поливку, онъ взялся за метлу.

Изъ сосѣднихъ дверей и воротъ выбѣгали дѣвушки и женщины, направляясь кто въ булочную, кто къ молочнику. Работники и молодые заспанные приказчики возились со ставнями лавочныхъ оконъ и дверей.

Солнце золотило верхушки деревъ въ городскомъ саду, домовыя трубы начали куриться сизымъ утреннимъ дымкомъ.

— Проваль меня возьми, Томсенъ, не пойму, какая вамъ охота мести тутъ каждый Божій день!—сказалъ работникъ, вышедшій изъ сосѣднихъ воротъ и лѣниво прислонившійся къ стѣнѣ, зѣвая и потягиваясь такъ, что у него хрустѣло въ суставахъ.—Не пойму,—продолжалъ онъ.—Проваль меня возьми! А вы еще и вечеромъ будете мести... Сегодня, вѣдь, суббота... Здравствуйте!!—закончилъ онъ во все горло, разозлившись, что «Томсенокъ» невозмутимо молча продолжаетъ свое дѣло.

— Здравствуйте!—отвѣтилъ Томсенъ учтиво, но головы не поднялъ.

— Вамъ бы обзавестись слуховой трубой, какъ у фрѣкенъ Рейерсенъ!—сказалъ парень и, призываемый кѣмъ-то во дворъ, добавилъ, исчезая въ воротахъ:—А то съ нимъ разговариваютъ, съ образиной...

Эмануилъ Томсенъ не удостоилъ его и тутъ отвѣтомъ.

Телѣга за телѣгой громыкала изъ-подъ монастырскихъ воротъ. Большинство было нагружено деревянными влѣтками, въ которыхъ втиснута была одна, пара, а то и цѣлая тройка свиней. По субботамъ въ городѣ кололи свиней, и окрестные крестьяне съ утра везли ихъ на бойню.

Убаюканныя ѣздою по мягкой грунтовой дорогѣ, животныя просыпались отъ толчковъ на неровной мостовой города, визжали и хрюкали на всѣ лады: ой-ой! эфъ, эфъ! и-и! уву, уву!

Дѣвушки на оконныхъ выступахъ передразнивали свиней, визжали съ ними взапуски и махали возницамъ тряпками.

— Гм!—пробурчалъ Томсенъ, когда одна телѣга разрѣзала ко

лесами тщательно сметенную имъ кучку сора прямо передъ домомъ. — Глаза-то есть!

— А ты бы заборчигомъ обнесъ! — огрызнулся возница. — Улица, чай, для проѣзда!

— Вотъ я и готова! — кригнула Энгелина, спрыгивая съ подоконника въ комнату.

— И я, — отозвалась толстуха Ривка, осторожно бочкомъ пролѣзая въ окно. — Прощайте, Томсень! — кивнула она затѣмъ, прежде чѣмъ совсѣмъ затворить окошко. — Кланяйтесь «Мортенсену»!

Башенные часы пробили три четверти восьмого. Всѣ лавки открылись, и на улицахъ началось движеніе. То и дѣло слышался визгъ и хлопанье отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей и звонъ дверныхъ колокольчиковъ. Мальчишки-газетчики, насвистывая, шлепали по мостовой деревянными башмаками. А по всей лѣвой сторонѣ улицы начисто отполированные оконныя стекла пылали пожаромъ отъ бившихъ въ нихъ лучей утренняго солнышка.

«Томсенокъ», отнеся лейгу и метлу, занялся чисткой мѣдной ручки на дверяхъ лавочки.

Повивальная бабка Фредериксень съ сумкой въ рукахъ, поровнявшись съ Томсенокъ, приостановилась и сказала:

— Всегда за работой, Томсень!

— Надо работать, фру Фредериксень. Для того и живешь на свѣтѣ.

— Ну, а я предпочла бы поваляться въ постели!

— Да, кто какъ...

Разговаривая, Томсень не отрывался отъ своего занятія.

— Здравствуйте, фру Фредериксень! — крикнулъ съ противоположнаго тротуара бывший школьный инспекторъ Клаусень, совершавшій свою утреннюю прогулку. — Развѣ аистъ уже прилетѣлъ? Такъ рано? Хэ-хэ-хэ... Здравствуйте, Томсень!

— Здравствуйте, господинъ инспекторъ!

— Да, — отозвалась повитуха. — Молодые люди нынче ретивы, господинъ инспекторъ.

— Хэ-хэ-хэ! — и господинъ инспекторъ продолжалъ свой путь.

— Чудесный человекъ! — сказала фру Фредериксень, кивая ему вслѣдъ. — Люблю такихъ.

— Пожалуй, немножко невоздержанъ на языкъ для бывшаго воспитателя юношества, — высказалъ свое мнѣніе Томсень.

— Ну, ужъ вы... — замахнулась на него своей сумкой повитуха.

— Да, да, фру Фредериксень. Въ свѣтѣ столько соблазновъ..

— Экій вы кисляй, Томсень!

— Каковъ есть, таковъ есть, фру Фредериксенъ.

— Если не вышло ошибки...

— Непонятно, что вы хотите сказать?

Томсенъ вообще *никогда* не употреблялъ слова «я».

— Я хочу сказать, что если васъ разобрать хорошенько, пожалуйста, вы окажетесь женщиной.

Томсенъ покраснѣлъ и низко пригнулся къ ручкѣ, которую чистилъ.

— Ну, ну, я пошутила, — разсмѣялась повитуха, добродушно хлопая его по плечу. — Ну, пора мнѣ и домой, выспаться. Прощайте! Кланяйтесь мамашѣ!

По тротуарамъ засмѣнили школьники и школьницы, одиночками или маленькими кучками, съ ранцами за плечами или съ сумочками и ременными книгоносками въ рукахъ. Дѣвочки держались особо, мальчики особо, а если сталкивались, дѣвочки боязливо кидались въ сторону, провожаемые презрительными взглядами мальчиковъ.

— Томсенокъ! Шалый-малый! — крикнули во все горло двое верзилъ-школьниковъ, проходя мимо лавочки вдовы Томсенъ, и тотчасъ же припустились во всю прыть, опасаясь преслѣдованія.

Но маленькій человѣчекъ не удостоилъ ихъ даже взглядомъ, спокойно и усердно продолжая дѣлать свое дѣло, какъ человѣкъ, знающій чего хочетъ.

— Что же ты не идешь пить кофе, сынокъ?

— Сначала кончаютъ дѣло, мамаша.

— Да, да, да; такъ я пока попью, — сказала матушка Баренъ, переходя изъ лавочки въ слѣдующую за нею каморку.

— Пей! — отозвался Томсенъ.

— А ты скоро придешь?

— Черезъ четверть часа...

И только, когда дверная ручка и замокъ заблестѣли, какъ золотые, онъ собралъ всѣ свои снаряды и направился къ себѣ пить утренній кофе.

Когда онъ отворилъ дверь лавочки, изъ нея выскользнулъ большой дымчатый котъ и принялся ласково тереться о ноги хозяина.

— А вотъ и Ёнорсъ пожаловалъ, — ласково привѣтствовалъ животное Томсенъ и, несмотря на то, что руки у него и такъ были заняты, нагнулся и взялъ кота на руки. — Какъ поживаетъ котикъ?

— Мяу, — отозвался Ёнорсъ, засовывая мордочку въ рукавъ хозяина.

Мадамъ *) Томсенъ сидѣла въ комнатѣ за лавочкой въ своемъ креслѣ у окошка, занимаясь подрубкой носовыхъ платковъ.

Дневной свѣтъ, пробираясь между цвѣтами въ горшкахъ, яркими бликами ложился на ея серебристые волосы и свѣжія, румяныя щеки. Матушка Каренъ смотрѣла еще молодцомъ! Свѣтлые, голубые глаза ея глядѣли кротко и благодушно.

— Ну, я принесу тебѣ кофейку, сынонь, — сказала она, торопливо подымаясь съ кресла, какъ только сынъ вошелъ въ комнату.

— Спасибо, спасибо, мамаша! — кивнулъ онъ и усѣлся на диванъ за овальный столъ краснаго дерева.

Столъ былъ покрытъ бѣлой вязаной скатертью. Спинку дивана и сидѣнія стульевъ тоже прикрывали бѣлыя вязаныя салфеточки.

— Ну, Ёнорсъ, какъ дѣла?— снова обратился Томсенъ къ коту, котораго все не спускалъ съ рукъ.

Ёнорсъ потерялъ носомъ о рукавъ хозяина и попытался замурыкать.

Котъ былъ старый-престарый. Шерсть на спинѣ у него совсѣмъ повылѣзла; уши были разодраны и искусаны въ безчисленныхъ любовныхъ перепалкахъ. Вдобавокъ, онъ былъ кривъ на одинъ глазъ.

— Есть мыши въ мышеловѣѣ, мамаша?— крикнулъ Томсенъ по направленію къ кухнѣ.

— Онъ ужъ получилъ ихъ, — раздалось оттуда.

— А много было?

— Парочка. Только онъ не ѣстъ ихъ.

— Ну, да. Но надо же ему позабавиться!... А, котикъ? Мы, вѣдь, не прочь поиграть съ ними? — продолжалъ Томсенъ, проводя ладонью по носу кота. — Это насъ забавляетъ? А?

Ёнорсъ чихнулъ.

— Мы чихаемъ? Мы простудились?— заботливо спросилъ Томсенъ и бережно уложилъ кота въ уголокъ дивана.

Мадамъ Томсенъ вошла изъ кухни съ подносомъ.

— Кушай, сынонь, пока тепленькій.

Томсенъ потянулъ носомъ. — Нигому въ Даніи не сварить кофе лучше мамаша!

Старуха самодовольно улыбнулась и снова взялась за свою работу.

Сынъ каждое утро такъ похваливалъ ея кофе. И не сдѣлай онъ этого, она бы подумала, что онъ боленъ, или что съ нимъ стряслась какая-нибудь бѣда.

*) Женщинъ попроче называютъ въ Даніи по большей части не „фру“, а „мадамъ“, какъ и дѣвушекъ изъ простаго класса—не „фрѣкенъ“, а „юмфру“.—Прим. переа.

Вообще они жили между собой въ мирѣ и согласіи, хотя... хотя...

Мадамъ Томсенъ вздохнула и боязливо погосилась на «сынка».

Бнорсь уютно лежалъ въ углу, свернувшись въ клубокъ, а Томсенъ съ аппетитомъ прихлебывалъ изъ чашки кофе, изрѣдка отламывая отъ булки кусочки и подсовывая ихъ подъ носъ коту, который, не торопясь, смаговалъ ихъ.

Въ комнатѣ было уютно и тепло. Стоялъ еще только конецъ апрѣля, и печка топилась, а горшокъ съ благовонными травами, стоявшій на угловомъ шкапчикѣ, такъ и благоухалъ отъ тепла.

— Ну, теперъ ему ужъ скоро капуть, — вдругъ вырвалось у Томсена.

Старуху точно толкнуло въ бокъ.

— Да вѣдь это давно ужъ говорятъ, сыногъ...

— Вотъ славный денекъ будетъ, когда кто-то опять вѣдетъ во дворъ собственной усадьбы!—Глаза Томсена сверкали.

— Да, да... Только мы ужъ почти обжились тутъ...

— Тогда кое-кому не надо будетъ больше увиваться вокругъ этихъ горожанъ, которые задираютъ передъ нимъ носъ!

— Ну, что ты, сыногъ, они такіе славные...

— Въ декабрѣ ему капуть.

— Да вѣдь у тебя же не хватитъ денегъ, сыногъ.

— И деньги будутъ, мамаша, будутъ... Въ декабрѣ ему капуть.

И тогда...!—Томсенъ торжествующе прищелкнулъ пальцами.

— Откуда тебѣ знать срогъ?

— Купецъ Бегъ. Онъ *не хочетъ* больше ждать. Старый другъ отца.

— Какая это дружба!...

— Ну, тогда мы *не могли* удержать усадьбы.

— Захотѣлъ бы этотъ Бегъ, такъ...

— Тутъ кредитное общество дѣйствовало. У Бека была вѣдь *вторая* закладная.

— Такъ-то такъ, а всетаки...

— Мамаша!—и сынъ энергично повернулся къ огню всѣмъ корпусомъ.—Почему ты всегда противъ усадьбы?

— Да, я не противъ, сыногъ, только...

— Что?

— Только знать бы, что у насъ дѣло пойдетъ.

— Развѣ не произошелъ отъ отца земледѣльца и землевладѣльца? Развѣ не провелъ на мельницѣ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ?

— Да, да, да, сыногъ. И, если Господь благословить, то конечно...

— Господь за насъ! — рѣшительно произнесъ Томсенъ. — Имѣется свидѣтельство, какъ тебѣ извѣстно.

— Да, да, ты говоришь...

Томсенъ обвелъ комнату сіяющимъ взглядомъ. — И вся мебель цѣла! И не забыто ни единого мѣстечка, какъ и гдѣ и что размѣстить!

Но тутъ по лицу его пробѣжала тѣнь.

— Только бы Мортенсенъ пожилъ! За Бюрса не такъ боишься; тотъ выживетъ. А Мортенсенъ... Больно ужъ онъ плохъ сталъ за послѣднее время.

— Ну, что ты! Онъ все такой же.

— Да, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ томятся они вдали отъ родимаго гнѣзда, какъ и мы! — продолжалъ Томсенъ въ элегическомъ тонѣ. — Сердце болитъ, глядя на нихъ... На мебель они, вѣдь, радоваться не могутъ, — добавилъ онъ, поводя рукой по направленію къ большому старинному бюро красного дерева, блестящему зеркальной политурою въ глубинѣ комнаты у стѣнки, отдѣлявшей послѣднюю отъ кухни. На бюро изящно сгруппированы были каменные топорики, клинья, стрѣлы и пестрыя раковины. — И «картинки» имъ не понятъ!

«Картинка» была кричащая акварель, висѣвшая въ углу надъ курительнымъ столикомъ. Изображала акварель деревенскій домикъ ослѣпительной бѣлизны, съ шафранной соломенной крышей и ярко-зелеными дверями и оконными рамами, окруженный гигантами деревьями съ темнокрасными стволами и огромными голубовато-зелеными листьями. Неподалеку же отъ домика, вправо отъ воротъ, виднѣлось мельничное колесо, вокругъ котораго неистово пѣнилась вода, похожая на густыя взбитыя сливки, цвѣта снятого молока.

Это была «усадебъ», родовое владѣніе Томсеновъ, парисованная со всѣмъ усердіемъ братомъ мадамъ Томсенъ, сельскимъ учителемъ и понамаремъ, и отъ чистаго сердца поднесенная имъ сестрѣ съ племянникомъ, спустя годъ послѣ ихъ переселенія въ городъ.

«Картинка» эта и являлась предметомъ благоговѣйнаго почитанія въ домикѣ вдовы.

Томсенъ съ минуту сидѣлъ, погруженный въ думы, потомъ вдругъ разомъ поднялся съ дивана.

— Спасибо за кофе, мамаша.

— На здоровье, сынокъ.

— Пора и на дворѣ прибраться.

— Ступай, прибирайся, сынокъ.

Томсенъ собралъ кофейный приборъ на подносъ, смахнулъ съ дивана на ладонь нѣсколько крошекъ, opravилъ скатерть и вышелъ въ кухню, говоря: — Кстати и подносъ убрать.

— Спасибо, сыночек.

Мадамъ Томсенъ подняла отъ работы свое добродушное личико и поглядѣла вслѣдъ сыну. Потомъ тихонько покачала головой и опять принялась шить.

Дрова въ печкѣ весело потрескивали; въ комнатѣ становилось все теплѣе, и котелокъ съ водой, всегда стоявшій въ печкѣ, заплѣл.

— Здравствуйте!—вдругъ громко произнесла старуха, привѣтливо раскланиваясь въ окошко. По тротуару мимо окошка проходила одна изъ городскихъ дамъ.

Въ печкѣ обрушилась головешка, и на полъ съ трескомъ вылетѣло нѣсколько искръ.

— Ой, Господи!—воскликнула мадамъ Томсенъ, испуганно оглянувшись на печку.

Искры на полу тотчасъ же погасли. Но въ глубинѣ комнаты стоялъ такой сумракъ, что на стѣнѣ ярко игралъ отблескъ огня изъ печи, озаряя старыя, выщѣтшія, симметрично развѣшанныя фотографіи: одна большая посрединѣ, а другія помельче вокругъ нея въякомъ. Рамка большой была украшена иммортельками. Это былъ дѣдушка Томсенъ, красивый старикъ съ большой, сѣдой бородой.

Опять рухнула головешка и заслонила отверстіе въ печной заслонкѣ,—портреты снова погрузились во мракъ.

Старуха сложила шитье на колѣняхъ и задумалась, глядя въ пространство.

Задумалась о сынѣ и его *idée fixe*.

Господи Владыко! Вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ они живутъ въ этомъ славномъ домикѣ, устроились, обжились... А у Мануила только и думъ, что о старой усадьбѣ. Только и заботъ, что о ней. Что бы онъ ни дѣлалъ, за что бы ни брался, цѣлью всегда былъ выкупъ усадьбы. И жили они чуть не впроголодь, чтобы отгладывать деньги. Право, онъ точно помѣшался на томъ, чтобы выкупить усадьбу! И все изъ спеси. Не погляди на него, что съ виду такой кроткій да покорный. Въ душѣ-то такая гордыня,—самъ папа римскій, да и только! Ну, конечно, онъ человѣкъ, работающій и заботливый; въ этомъ надо отдать ему честь. И чистоплотный... Пожалуй, даже черзуръ; даже на ея взглядъ, а она, вѣдь, женщина. И то ужъ люди надъ нимъ посмѣиваются. Но Мануилъ идетъ себѣ своей дорожкой и вниманія на нихъ не обращаетъ... О-охъ, Господи Владыко! Оно, конечно, славно бы опять поселиться въ старомъ гнѣздѣ. Тутъ и мельница, и садъ. Но откуда же онъ денегъ возьметъ? Да и не справиться ему съ дѣломъ! Не справиться. Ну, пока она жива—поможетъ ему

и въ томъ и въ другомъ, посовѣтуетъ. А когда помретъ? О-охо-хо-хо! Господи Владыко... Но Мануиль самъ себѣ хозяинъ!...

И, покачивая головой, мадамъ Томсенъ опять взяла работу; игла такъ и заходила въ ея проворныхъ пальцахъ.

Мало-по-малу шуршанье нитки о жесткій холстъ, однообразное потрескиваніе дровъ въ печкѣ и тихое пѣніе котелка успокоили ея мятушіяся мысли.

Время отъ времени по улицѣ грохотали тяжелыя телѣги, потрясая домишко до самаго основанія и заставляя дребезжать камешки на бюро. Но теперь это уже не беспокоило старуху, какъ въ первое время послѣ переселенія въ городъ. Она только машинально вскидывала при этомъ глаза на проѣзжавшую телѣгу и затѣмъ снова нагло-пялась надъ своимъ шитьемъ.

Изъ ящиковъ стараго рабочаго столика, у котораго она шила, поднимался пріятный, слегка затхлый запахъ лаванды и высушенныхъ розъ. И благоуханіе горшка съ пахучими травами становилось все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ нагрѣвалась комната.

Глаза старухи полузакрылись, она уронила руки на колѣни и откинулась головой на спинку кресла.

Она никакъ не могла отказать себѣ въ такой предобѣденной дремотѣ!... Такъ хорошо посидѣть, закрывъ глаза, минутъ пять... Не больше... Хи-хи! Покойникъ мужъ тоже не могъ, бывало, присѣсть въ это кресло, чтобы не задремать... Послѣ обѣда, бывало, сидеть... и вечеромъ, въ сумерки... Охо-хо-хо!... Да, время-то какъ идетъ... Вотъ онъ и захворалъ... Закрылъ ли Мануиль окошко на чердакѣ? А то подымается вѣтеръ... И заперъ ли курь... да двери въ сарайчикъ?... Мыши... да, пара мышей попалась сегодня... Охо-хо-хо... Пфу-а... Пфу-а...

Мадамъ Томсенъ сладко засопѣла.

День-день-день!—зазвенѣлъ дверной колокольчикъ. Въ лавочку вошелъ покупатель.

Старуха растерянно вспрыгнула съ кресла и протерла глаза.

— Господи Владыко! — прошептала она и, быстро проведя руками по платью, кинулась въ лавку.

Дворикъ, примыкавшій къ домику Барень Томсенъ, имѣлъ шесть аршинъ въ длину и пять въ ширину; съ двухъ сторонъ его стискивали высокія стѣны сосѣднихъ домовъ, а съ третьей замыкалъ низенькій деревянный сарайчикъ, крытый соломой.

Въ сарайчикѣ складывались дрова. Кромѣ того, тамъ хранились

нѣсколько ящиковъ, груда упакованной мебели, козлы для шилки дровъ и чурбанъ для ихъ колки.

Низенькая дверь сарайчика стояла настежь. Томсенъ усердно колотъ дрова.

Во дворѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось изъ-за высокой стѣны сосѣдняго дома, обращенной къ востоку.

Наконецъ, оно поднялось надъ самымъ гребнемъ крыши, и стало лить свои теплые, яркіе лучи прямо въ уголокъ около колодца.

«Томсенокъ» отложилъ топоръ и направился въ глубину сарайчика, говоря:

— Ну, Мортенсенъ, теперь и тебѣ пора на солнышко!

И онъ нагнулся въ самый уголокъ, подъ маленькимъ овошечкомъ, что-то осторожно вынулъ оттуда обѣими руками и бережно понесъ на дворъ.

Это былъ пѣтухъ. Древній, преддревній пѣтухъ. Худой, общипанный, калѣка. Брылья беспомощно повисли по бокамъ, а въ хвостѣ торчало всего два взъерошенныхъ, поломанныхъ пера. Ноги отъ худобы казались неестественной длины, но на пяткахъ попрежнему торчали воинственные шпоры, которыя судорожно скрестились теперь, словно пара клинковъ.

Во все время, пока его несли, пѣтухъ не пивнулъ. Томсенъ перенесъ его въ уголокъ на самое солнышко и сказалъ:

— Тутъ Мортенсену будетъ хорошо, тепло! — и онъ со всѣми предосторожностями снустилъ птицу на каменную мостовую. — Тутъ настоящее лѣто!

Мортенсенъ не сразу-то нашелъ точку опоры, а сначала закачался словно отъ морской качки, но кое-какъ справился. Голова неподвижно повисла на длинной, почти облысѣвшей шеѣ, сморщенный темно-желтый гребешокъ свисъ на бокъ, глаза закрылись. А на длинныхъ, худыхъ, какъ спицы, ногахъ попрежнему торчали убойственные шпоры!

Онъ напоминалъ эскадроннаго командира, которому перевалило за 90.

— Что, плохи дѣла?—спросилъ Томсенъ тономъ безграничнаго сожалѣнія, и бережно погладилъ пѣтуха по взъерошенной спинѣ. — Плохи дѣла?

Пѣтухъ зашатался отъ прикосновенія его руки, вѣки его захлопали, а голова затряслась.

Томсенъ засунулъ руки въ карманы брюкъ и постоялъ съ мину-

ту, задумчиво уставясь на своего друга. Потомъ круто повернулъ опять къ сараю и принялся за прерванную работу.

Бнорсъ и Мортенсенъ родились на мельницѣ незадолго до смерти старика Томсена и, когда усадьба, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пошла съ торговъ, и Баренъ съ сыномъ переѣхали въ городъ, Мануилъ взялъ животныхъ съ собой. «Бнорсъ» такъ и назывался Бнорсомъ съ самаго рожденія, а Петька получилъ свое прозвище въ честь старика работника на мельницѣ, который продолжалъ жить тамъ и до сихъ поръ.

Мануилъ рыдалъ, словно его стегали внудомъ, когда уѣзжалъ изъ родного дома. А матушка Баренъ сидѣла рядомъ съ нимъ блѣдная, тихая, и шикала на сына и уговаривала его. Бнорса онъ держалъ на колѣняхъ, а Мортенсенъ находилъ въ закрытой корзинкѣ у его ногъ.

Случилось это почти пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Мануилу было тогда девятнадцать, и онъ до тѣхъ поръ и двухъ дней подъ рядъ не проводилъ вѣкъ родного дома.

Въ городѣ неуклюжій деревенскій недоросль, съ круглымъ, какъ луна, лицомъ и маленькими подслѣповатыми глазками сразу сталъ притчей во языцѣхъ, тѣмъ болѣе, что былъ вдобавокъ кривобокъ, и правая рука его, когда онъ торопливо шагалъ по улицѣ, казалась гораздо длиннѣе лѣвой.

— Вишь, какой прыткій. И все бочкомъ, бочкомъ норовить!— смѣялись люди.— Вѣрно, и у него одна почка, какъ у собакъ.

Мануилъ, впрочемъ, не очень-то бѣгалъ вначалѣ, а больше все прятался отъ людей. Въ головѣ у него только и думъ было, что о родной мельницѣ, о домѣ, о садѣ, обо всемъ, что ему съ матерью пришлось покинуть.

И вотъ, въ одну прекрасную ночь, годъ спустя послѣ переселенія, приснился ему сонъ. Самъ онъ называлъ это «откровеніемъ». Ему явился отецъ и сказалъ, что новый владѣлецъ имѣнья разорится, за нимъ еще двое, и тогда Эмануилъ вновь вступитъ во владѣніе роднымъ гнѣздомъ.

Бромъ того, ему былъ данъ намекъ, что дѣлу не бывать, если Бнорсъ и Мортенсенъ умрутъ раньше, чѣмъ снова коснутся ногами родной земли, на которой узрѣли свѣтъ.

Въ утру въ душѣ Эмануила созрѣло великое рѣшеніе. Онъ будетъ копить деньги. Будетъ зарабатывать всѣмъ, чѣмъ придется, хоть бы развѣзая по городу съ мусорной тележкой.

Было всего пять часовъ утра, и еще не разсвѣтало, но онъ всталъ,

зажегъ свѣчу, одѣлся и пошелъ къ матери. У нихъ на чердакѣ были отдѣльныя каморки для спанья.

Мадамъ Томсенъ такъ и привскочила на постели и дико уставилась на сына.

— Господи Иисусе! Что ты, Мануиль?

Но Мануиль преспокойно присѣлъ на стулъ возлѣ кровати, держа свѣчу въ рукахъ, и сказалъ:

— Имѣлъ откровеніе.

Матушка Баренъ залилась слезами.

— Господи Владыка! Вотъ до чего дошло!...

Тогда сынъ тихо и внушительно повѣдалъ ей свой сонъ, и все, что сказалъ отецъ насчетъ усадьбы, новыхъ владѣльцевъ, Ънорса и Мортенсена.

Старуха слушала его, сидя на кровати, и, наконецъ, сказала:

— Чего не видятъ люди во снѣ, Мануиль.

— Но разъ видишь собственнаго отца, какъ на яву, мамаша! Онъ стоялъ въ самыхъ ногахъ кровати. И даже слышно было, какъ онъ затворилъ за собою дверь.

Мадамъ Томсенъ потрясла головой.

— Да, да, но деньги, деньги!... Откуда ихъ взять?

— Будетъ дано знать и это, — кивнулъ сынъ торжественно, — когда отецъ явится опять.

— Да развѣ онъ явится опять, Мануиль?

— Онъ сказалъ.

— И ты полагаешь, что это все статочное дѣло?

— Разъ видѣлъ его собственными глазами! — произнесъ Эмануиль со взглядомъ настоящаго фанатика. — Видѣлъ, какъ вотъ сейчасъ тебя.

Старуха молчала. Она не смѣла больше противорѣчить сыну. Въ потемкахъ онъ смотрѣлъ такъ, точно самъ чортъ былъ ему не братъ.

Въ тотъ же день назначенъ былъ аукціонъ въ залѣ городской гостиницы, на которомъ, между прочимъ, подлежала продажѣ и томсенская мебель. Въ числѣ прочихъ вещей было много хламу, и эта мебель такъ и сіяла среди нихъ — солидная, добротная, краснаго дерева. Мадамъ Томсенъ посовѣтовали взять ее съ собою въ городъ, гдѣ можно было надѣяться продать ее выгоднѣе, чѣмъ въ деревнѣ. Мебель, однако, больше года загромождала всѣ углы и уголки маленькаго домика. Старуха все не могла рѣшиться разстаться съ вещами. И только, наконецъ, въ упомянутый день въ десять часовъ утра онѣ должны были поступить въ продажу.

Но чуть только разсвѣтало, Эмануиль явился въ аукціонную залу и потребовалъ мебель обратно, заявляя, что «рѣшено обождать съ продажей».

Весь городъ смѣялся и потѣшался, а кое-кто и злился. Тутъ-то за «Томсенкомъ» и утвердилось еще прозвище «шалаго-малаго».

Часа черезъ два мебель была привезена обратно и разсована по всему дому, и на чердакъ, и въ сарайчикъ, куда только можно было приткнуть.

Мадамъ Томсенъ качала сѣдой головой и молчала. Въ ней крѣпко засѣлъ какой-то мистическій ужасъ, навѣянный событіемъ предшествующей ночи. Къ тому же, Мануиль въ концѣ концовъ былъ *мужчина*, а она привыкла къ тому, что мужчины всегда умнѣе.

Тогда-то и открыта была лавочка.

— Отецъ сказалъ,—заявилъ Эмануиль, и мать пикнуть не посмѣла.

— Такъ онъ опять являлся тебѣ?

— Да, ночью.

Маленькій человѣчекъ вдругъ обрѣлъ какую-то особую рѣшительность и лаконичность въ обращеніи съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ сношенія съ «тѣмъ міромъ». «Откровенія» словно подкрепляли его, придали ему стойкости и энергіи. У него явилась цѣль жизни. И онъ сталъ работать за десятерыхъ, чтобы достигнуть ея. Трудился неустанно съ утра до вечера. Самъ устроилъ всю лавочку: пилилъ, строгалъ, сколачивалъ, соорудилъ и прилавокъ, и полки, красилъ, чистилъ, полировалъ—все самъ. А когда все было готово и торговля у матушки Барень наладилась, онъ пустился на тысячи измышлений, чтобы и самому кое-что зарабатывать. Сталъ мастерить разныя вещицы изъ картона и кожи, саквояжки, чемоданчики, пенальчики и проч., которые и сбывались въ собственной лавочкѣ; пытался организовать экспортъ бывшихъ въ употребленіи марогъ; занялся скупкой по деревнямъ и усадьбамъ старой мебели, картинъ и всякихъ издѣлій изъ мѣди и бронзы, которыя затѣмъ подновлялъ и продавалъ часто за цѣну вдвое противъ заплаченной; доставалъ, благодаря своему замѣчательно красивому почерку, переписку изъ областной конторы и отъ городскихъ адвокатовъ; подалъ прошеніе о мѣстѣ телеграфнаго рассыльнаго и даже нѣсколько разъ появлялся на городскомъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ, гдѣ предлагалъ пріѣзжимъ свои услуги по части доставки ихъ багажа въ гостиницу. Но присяжные носильщики и городскіе посыльные сумѣли своими тяжеловѣсными остротами положить предѣлъ такимъ его порывамъ.

Деньжонки онъ всетаки понемножку сколачивалъ всѣми возмож-

ными способами. Доходило до того, что онъ едва позволялъ себѣ и матери ѣсть до сыта. Старухѣ приходилось отдавать ему отчетъ въ каждой проданной въ лавочкѣ иголкѣ. И онъ самъ выдавалъ ей деньги на хозяйство. Въ первый годъ по переселении въ городъ старуха Томсень держала для посылокъ и помощи по хозяйству приходящую дѣвочку-служанку, которая получала за свои услуги по двѣ кроны *) въ мѣсяцъ и обѣдъ. Но въ одинъ прекрасный день ее разочли. Эмануилъ разсудилъ, что двое одинокихъ людей, какъ они, могутъ обойтись и безъ прислуги. Двѣ кроны въ мѣсяцъ составляютъ, вѣдь, *двадцать четыре* кроны въ годъ! Да еще *обѣды!*... И вотъ онъ самъ принялся мыть полы, мести улицу, мыть и протирать окна, носить воду и дрова и бѣгать за всѣми покупками по городу, кривясь на одинъ богъ еще больше, чѣмъ прежде, и размахивая длинной рукой по воздуху, словно мельничнымъ крыломъ.

Люди, разумѣется, смѣялись. А онъ не обращалъ вниманія.

«Погодите, не то запоете, когда кто-то вѣдетъ въ усадьбу, — говорилъ онъ про себя, таинственно-лукаво щуря свои подслѣповатые глазки. — Тогда будетъ *мой* чередъ смѣяться».

Эта-то мысль и поддерживала его, и дѣлала его почти нечувствительнымъ къ насмѣшкамъ и обиднымъ вличкамъ. Онъ былъ непоколебимо увѣренъ въ томъ, что настанетъ день, когда онъ торжественно вернется въ родное гнѣздо и опять вступить во владѣніе имъ.

Однако, онъ тщательно скрывалъ эту побудительную причину своего трудолюбія и всего поведенія ото всѣхъ, кромѣ матери. И чтобы никто въ городѣ и не подозрѣвалъ, что у него съ теченіемъ времени дѣйствительно скопился капиталчикъ, онъ держалъ деньги въ столичномъ банкѣ. При этомъ у него еще хватило хитрости постоянно имѣть нѣсколько сотъ кронъ въ городской сберегательной кассѣ, и время отъ времени для вида вынимать оттуда или же вкладывать туда по десятку, по два кронъ; первое дѣлалось обыкновенно передъ наступленіемъ сроковъ платежей городскихъ сборовъ и податей, а второе, когда ему удавалось обдѣлать выгодное дѣльце, о которомъ разносился слухъ по городу. Недаромъ онъ происходилъ изъ крестьянъ! А люди не могли же не понимать, что Томсень съ матерью зашибаютъ больше, чѣмъ проживаютъ.

Но даже сама старуха Томсень не подозрѣвала, сколько именно зашибаютъ.

Наколовъ дровъ, Мануилъ сложилъ ихъ вдоль стѣнки сарайчига, убралъ всѣ щепки и повѣсилъ топоръ на гвоздь.

*) Приблизительно 1 рубль. *Примѣч. переводч.*

Затѣмъ онъ испытующе обвелъ кругомъ взглядомъ, нашель, что все въ порядкѣ, и вышелъ изъ сарайчика во дворъ.

Солнце собиралось скрыться за высокимъ сосѣднимъ домомъ. Только узенькая полоска лучей падала еще въ уголокъ около стѣны.

Пѣтухъ попрежнему сидѣлъ въ углу около колодца, съ безпомощно повисшими крыльями, уткнувъ носъ въ землю, жалкій, дряхлый, безжизненный. Онъ даже не шевельнулся съ тѣхъ поръ, какъ его тутъ посадили.

— Ну, дружокъ, Мортенсенъ, солнышко ушло! — сказалъ Томсенъ, подходя къ птицѣ. — Теперь самое лучшее будетъ вернуться въ свое гнѣздышко.

И онъ снова бережно поднялъ пѣтуха обѣими руками и понесъ въ сарайчикъ въ самый дальній уголъ подъ окошечкомъ. Въ этомъ углу былъ насыпанъ песокъ, настланы солома и сухіе листья, и устроена невысокая нащель — не больше какъ на поларшина отъ полу. Мортенсенъ, впрочемъ, уже пятый годъ не садился на нее, а въ наступавшемъ маѣ 27 числа должно было исполниться ровно три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ подавалъ голосъ!

Въ клубѣ «Датскихъ ѣдоковъ» предстояло собраніе.

Почти въ центрѣ Сюдергаде, на углу переулка Маренъ Бузничихи, находилась гостиница «Старый городокъ». Въ малой залѣ этой гостиницы клубъ и устраивалъ свои собранія — четыре въ годъ, три зимою и одно лѣтомъ. Теперь предстояло послѣднее изъ зимнихъ собраній.

Взносъ опредѣленъ былъ въ двадцать двѣ кроны за кувертъ, и фундаментомъ должны были служить три рюмки люсгольмской водки на каждаго члена.

Согласно постановленію учредителей, клубъ вообще, начиная съ самаго названія и кончая продовольствіемъ, долженъ былъ быть строго національнымъ. Но избранный въ прошломъ году предсѣдателемъ редакторъ Гейльбунтъ предложилъ измѣнить соотвѣтствующій параграфъ такимъ образомъ, что хоть напитки, потребляемые на собраніяхъ, *могли* быть интернаціональными, что и было принято единогласно въ тотъ же моментъ.

Тотъ же Гейльбунтъ добился увеличенія взноса съ пятнадцати кронъ за кувертъ до двадцати двухъ, а также провелъ въ уставъ условіе, чтобы въ члены принимались только лица не моложе пятидесяти лѣтъ отъ роду и не меньше шести пудовъ вѣсу.

— Имѣть настоящій вѣсъ въ обществѣ — это главное, — сказалъ онъ.

Число членовъ не было постояннымъ. На это собраніе ихъ записалось шесть.

Всѣ собранія были «закрытыми». Когда являлся послѣдній изъ сочленовъ, двери залы, соединявшія ее съ помѣщеніемъ кафе, запирались на ключъ, и не запиралась лишь дверь въ коридоръ, ведущій въ кухню, откуда подавались яства.

Клубъ держалъ также собственнаго слугу.

Это былъ Эмануиль Томсенъ.

Добиваться такого мѣста заставила Мануила исключительно его ненасытная жажда заработка на какомъ бы то ни было поприщѣ. Но онъ глубоко страдалъ, присутствуя при этомъ, съ его точки зрѣнія, противоестественномъ расточительствѣ. Горы яствъ и питій, потреблявшіяся на собраніяхъ, возмущали его до глубины души.

Но еще больше возмущали его горы остатковъ.

Когда съѣденный лишь наполовину гусь, или почти что не тронутый бараній окорокъ, или ростбифъ снова уносились со стола въ кухню, Томсенъ чуть не плакалъ отъ бѣшенства.

Уже одно то, что эти люди объѣдались и опивались до того, что чуть не лопались, было безобразіемъ, достойнымъ кары. Но то, что они еще столько *оставляли* несъѣденнымъ, тогда какъ за все это были заплачены деньги... И какія деньги!... За это ужъ мало было каторги!

На слѣдующій день послѣ такого собранія маленькій человѣчекъ обыкновенно бочкомъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ за лавочкой, размахивая длинной правой рукой съ такимъ азартомъ, что старуха Томсенъ тряслась на своемъ креслѣ и блѣднѣла отъ страху.

— Готовъ отказаться отъ мѣста! Готовъ отказаться отъ мѣста! — вскрикивалъ Томсенъ. — Это не достойно людей!

— Такъ откажись, сынокъ...

Но «сынокъ» *не* отказывался.

Мѣсто давало ему по пяти кронъ каждый разъ, не считая возможности найдаться до отвала, за что онъ тоже каждый разъ и расплачивался страшнымъ расстройствомъ желудка.

Было безъ четверти восемь.

Томсенъ въ своемъ синемъ шевіотовомъ костюмѣ и въ большомъ ослѣпительной бѣлизны передникѣ появился изъ коридора, неся обѣими руками холодильникъ съ бутылками Люсгольмской водки. Несъ онъ этотъ предметъ почти такъ же бережно, какъ носилъ Мортенсена.

Какъ разъ, когда онъ вошелъ въ залу, хозяинъ ввелъ туда изъ кафе трехъ комми-вояжеровъ, которымъ хотѣлось посмотреть столъ, накрытый для членовъ клуба. Убранство этого стола далеко разно-

сило славу гостиницы, и почтенный хозяинъ охотно показывалъ столъ посѣтителемъ, чтобы раздражить ихъ аппетитъ.

У комми-вояжеровъ даже духъ захватило. Это было поистинѣ волшебное зрѣлище!

Въ центрѣ накрытаго бѣлоснѣжною скатертью стола помѣщалось колоссальное блюдо съ полдюжиной огромныхъ, сияющихъ пурпуромъ омаровъ. По омару на брата. Это было первое блюдо. Вокругъ же него размѣстились блюда со всевозможными холодными яствами, изготовленными изъ рыбъ, млекопитающихъ и птицъ. Тутъ были и камбалы вершка въ два толциною, гарнированны зелеными лимонами, и паштетъ изъ дичи съ трюфелями, и бычачье филе съ гарниромъ, и окорокъ телятины, и молодой барашекъ чуть ли не прямо изъ чрева матери, и молодья утки, и гуси, и каплуны. На обоихъ концахъ стола красовалось по пирамидѣ изъ яицъ пестолицъ, искусно вставленныхъ въ сырой песокъ. Тарелочки съ сардинами, сардельками, селедками, икрой, копченой гусиной грудинкой, страсбургскими пирогами, семгой и языкомъ, разбросанныя между большими блюдами, представляли лакомыя точки отдыха для глазъ. Кромѣ того, тутъ были налицо семь сортовъ варенья, редиски изъ парниковъ, пять сортовъ сыру и сливочное масло первѣйшаго сорта.

Передъ каждымъ приборомъ стояло по четыре бокала: для красного вина (*ad libitum*), рейнвейна (къ рыбѣ), портера (къ икрѣ) и мадеры (къ сыру).

Трое комми-вояжеровъ благоговѣнно сложили руки.

— Да, — сказалъ хозяинъ, дѣлая размашистый жестъ рукой, — вотъ какъ у насъ кушаютъ, господа! — и добавилъ съ тонкой улыбкой: — Тѣ, кто умѣетъ платить.

— Можно взглянуть на вина? — спросилъ одинъ изъ созерцавшихъ, тучный господинъ съ красной физиономіей.

— Вонъ! — отвѣтилъ хозяинъ, указывая на столъ въ углу, на которомъ красовалась цѣлая батарея бутылокъ. — То-есть, здѣсь, разумѣется, лишь красное, которое подается при извѣстной температурѣ, — прибавилъ онъ. — Остальное въ шкафу со льдомъ. Тутъ, вѣдь, имѣешь дѣло со знатоками!

Хозяинъ былъ прогорѣвшій столичный рестораторъ. Но прогорѣлъ онъ «съ шикомъ», какъ самъ выражался.

Часы въ кафе пробили восемь.

— Идутъ! — сказалъ Томсенъ, молча, съ удрученнымъ видомъ, стоявшій у стола.

— Да, да, идутъ! — повторилъ хозяинъ. — Господа, прошу васъ... Сюда!

Онъ поклонился и указалъ рукою на дверь:

— Пэрдонъ, господа!

Бомми-вояжеры нехотя попятились назадъ.

Ровно десять минутъ девятаго всё члены клуба оказались въ сборѣ. Когда послѣдній изъ нихъ переступилъ порогъ залы, Томсенъ поспѣшилъ занереть дверь на ключъ.

Всѣ были въ обѣденныхъ туалетахъ: въ сюртукахъ, сѣрыхъ брюкахъ и черныхъ галстукахъ.

— Всѣ члены налицо. Собраніе открыто!—провозгласилъ густымъ басомъ предсѣдатель.

Серьезно, словно на церковномъ торжествѣ, обступили члены особый столъ, въ центрѣ котораго находился холодильникъ съ водкой, а отъ него шестью лучами расходились рюмки, по три въ каждомъ лучѣ. Рюмки были узкія, высокія и на тонкихъ, витыхъ ножкахъ.

Томсенъ старательно наполнилъ холодной, какъ ледъ, водкой всѣ восемнадцать рюмокъ. Наливать полагалось вровень съ краями, такъ что приходилось глядѣть въ оба, чтобы не расплескать драгоценную влагу, поднося рюмки къ губамъ.

— За короля!—провозгласилъ редакторъ.

Шесть крайнихъ рюмокъ были подняты, опрокинуты въ ротъ и со стукомъ поставлены на столъ. Все, какъ по командѣ.

— За женщину!

Второй рядъ рюмокъ послѣдовалъ за первымъ.

— За свободу!

Осушили и третій.

Вступительный обрядъ былъ продѣланъ, и можно было перейти къ очереднымъ дѣламъ. Всѣ заняли мѣста за большимъ столомъ.

Во главѣ стола возсѣдалъ самъ предсѣдатель, редакторъ Гейльбунтъ, настоящая гора мяса, чудо природы, внушавшее почтительное изумленіе. На манишку его спускались три подбородка, а красное лицо такъ и лоснилось въ рамкѣ сѣдыхъ, курчавыхъ волосъ, словно полная луна, окаймленная снѣжными облаками.

По правую его руку сидѣлъ вице-предсѣдатель, школьный инспекторъ въ отставкѣ Клаусенъ. Это былъ худой, но ширококостный человѣкъ, который, благодаря росту и плотному костяку, легко стяжалъ необходимый вѣсъ.

За нимъ шелъ Рёссель съ огромной бородой, ложившейся на его сюртукъ словно бобровый съ просѣдью воротникъ, и голымъ, какъ тыква, черепомъ. Рёссель былъ владѣльцемъ винокуреннаго завода.

У нижняго конца стола сидѣлъ рантье Эриксенъ, низенькій, коротконогіи, съ безобразнымъ животомъ, который по слухамъ поддер-

живался особымъ весьма хитрымъ механизмомъ. Эта особенность и стяжала Эриксену прозвище «Шикарнаго брюха».

Затѣмъ шелъ ревизоръ Лассенъ, а по лѣвую руку предсѣдателя приходился таможенный контролеръ Кнагстедъ. Лассенъ былъ рослый, статный мужчина съ римскимъ носомъ и водянисто-голубыми глазами навывкатъ. Кнагстедъ былъ пониже ростомъ, коренастый и широкоплечій, съ короткой шеей. Подернутые просѣдью волосы его торчали короткими вихрами, а темнорыжая борода росла чуть не отъ самыхъ глазъ. Изъ ноздрей и ушей тоже торчали пучки волосъ. Прибавьте къ этому мохнатые брови колесомъ и мохнатые руки. Эта богатая растительность придавала ему суровый, неприступный видъ, и сочлены втайнѣ называли его «Исавомъ».

Таковъ былъ наружный видъ членовъ клуба «Датскихъ ѣдоковъ».

Когда всё прочно усѣлись на мѣстахъ, предсѣдатель поднялъ свою лапищу съ пальцами вродѣ сосисокъ, и Томсенъ живо подставилъ по бутылкѣ краснаго къ каждому прибору.

Бокалы были налиты.

— За покойниковъ! — сказалъ предсѣдатель.

Бокалы были осушены. Настала очередь омаровъ.

Любо-дорого было поглядѣть, какъ основательно и серьезно приступили къ дѣлу почтенные члены. Совершалось какъ бы священное жертвоприношеніе: благоговѣнно поливался на жертвы укусъ, легкимъ облакомъ, словно ладанъ, ложился перецъ... Самыя жертвы вкушались въ молчаніи и въ молчаніи же заѣдались поджаренымъ хлѣбомъ съ масломъ первѣйшаго сорта.

Такъ, вѣроятно, вкушали египетскіе жрецы отъ первыхъ плодовъ полей, приносимыхъ вѣрующими въ жертву Озирису и Изидѣ!

Но мало-по-малу языки развязывались. Блюдо смѣняло блюдо. Бокалъ осушался за бокаломъ. И старые глаза замаслились, а толстые пальцы принялись ласкать полныя бутылки.

— Голубковъ! Подвиньте ко мнѣ голубковъ! — бормоталъ «Шикарнаго брюхо».

— Баранины! Баранины! — вопилъ Исавъ. Онъ напоминалъ людоѣда въ полный разгаръ пиршества. Вихры его такъ и шевелились.

Винокуренный заводчикъ Рёссель съ инспекторомъ Клаусеномъ занимались каждый своей камбалой. Редакторъ Гейльбунтъ пожиралъ кровавый ростбифъ. А ревизоръ Лассенъ, большой лакомка, все налегалъ на закуски.

Томсенъ, словно краббъ, суетливо, бочкомъ кружился около стола, ставя длинною рукою все новыя и новыя бутылки къ приборамъ.

Настроеніе подымалось, и голоса все повышались. Провозглаша-

ли интимные тосты, подталкивали другъ друга локтями и поддразнивали старыми, мохомъ поросшими грѣшными юности.

— Лассенъ!—кричалъ черезъ весь столъ Рёссель ревизору Лассену:—Помнишь, старина, французенку *Marie* съ заячьей губой?

Лассенъ поперхнулся игрой и портеромъ, такъ что Бнагстедъ вынужденъ былъ поколотить его по загорбку.

— Хо-хо!—захрюкалъ редакторъ. Потъ выступилъ у него на лбу подъ сѣдыми волосами.—Это было у Маркусена въ Копенгагенѣ!

Въ городѣ съ давнихъ временъ было принято экскурсировать въ столицу, если хотѣлось развернуться хорошенько.

— Да, да!—отозвался Лассенъ, придя въ себя.—Это было еще въ шестьдесятъ второмъ, батенька!—и онъ прищелкнулъ языкомъ въ знакъ того, какое это было славное времечко.

— Да! Тутъ-то тебѣ и наклеили носъ!—сказалъ Рёссель.

— Хо-хо!—опять захрюкалъ редакторъ.—Это какъ разъ онъ отбилъ тогда красотку у товарища. Да, въ *тѣ* времена мы были огонь!

— Чортъ побери, мы и теперь еще молодцы!—заявилъ «Шиварное брюхо».

— Само собой, Эриксенъ!—кивнулъ редакторъ.—Твое здоровье, старый цирюльникъ! Только и знаешь стричь купоны.

— Твое здоровье... старый гиппопотамъ. Отъ тебя воняетъ!

— Что-о?

— Воняетъ, говорю я, какъ и отъ твоей газеты. Скверную краску берешь.

— Тресните его кто-нибудь!—крикнулъ редакторъ.—Тресните его пузатаго!—Онъ сталъ какъ будто еще краснѣе въ лицѣ. Краска была его большимъ мѣстомъ.

Тутъ Клаусенъ позвонилъ о свой бокалъ. Это былъ клубный ораторъ.

— Господа сочлены!—началъ онъ.—Жизнь земная—юдоль скорби...

— Ерунда!—пробурчалъ Лассенъ.

— Цыцъ, бабій ревизоръ!—сказалъ Клаусенъ и демонстративно повторилъ:—Жизнь земная—юдоль скорби. Но мы обрѣли себѣ уголокъ, куда скорбь не имѣетъ доступа.

— Слушайте, слушайте!

— ...А кто притягиваетъ насъ въ этотъ чудный уголокъ? Нашъ достойный, хорошо сложенный предсѣдатель. (Тутъ редакторъ Гейльбунтъ тихо отложилъ въ сторону ножъ и вилку.) Онъ оплотъ и сила нашего клуба.

— А краску беретъ вонючую,—пробормоталъ Эриксенъ.

— ...И хотя онъ день за днемъ, такъ сказать, владеть свои мозги и нервы подъ прессъ...

— Ловко сказано! Клаусенъ неподражаемъ!

Инспекторъ самодовольно улыбнулся и продолжалъ:

— Владеть свои мозги и нервы подъ прессъ,—не перестаетъ, какъ блаженной памяти Горацій, думать о пользѣ и удовольствіи со-членовъ. Правду я говорю?

— Да, а всетаки онъ беретъ вонючую краску!...

— Убирайся ты со своими глупостями, Эриксенъ!... Что случилось бы съ нами безъ него; этого рыцаря безъ страха и упрека, спрашиваю я? Когда мы готовы заплесневѣть отъ скуки, обабиться...

— Bravo! Bravo!

Инспекторъ снова улыбнулся.

— Заплесневѣть отъ скуки, обабиться,—онъ снаряжаетъ своего Меркурія постучаться въ наши двери...

— У него вонючая краска!...

— И мы облакаемся въ праздничныя одѣянія и радостно спѣшимъ на его призывъ... Ахъ, Благстедъ! Да перестанешь ли ты барабанить ножомъ по столу?

Контролеръ все время выбивалъ тактъ рѣчи инспектора, три долгихъ удара и два короткихъ: разъ, два, три—разъ-два. Разъ, два, три—разъ-два. Теперь онъ пересталъ, но вихры на его головѣ встали торчкомъ.

Клаусенъ продолжалъ, уже нѣсколько спавъ съ тона:

— Такъ я и имѣлъ въ виду, какъ, вѣроятно, всѣ давно догадались...

— У него вонючая краска!...

— Нѣтъ, такъ невозможно говорить рѣчь!

— Въ самомъ дѣлѣ, чортъ поberi, уймешься ли ты, Эриксенъ?—сказалъ Лассенъ, давая сосѣду по загривку.

«Шикарное брюхо» захохоталъ такъ, что весь заколыхался. Онъ былъ уже на-веселѣ.

Инспекторъ затянулъ снова:

— Такъ я и имѣлъ въ виду предложить вамъ выпить за здоровье нашего превосходнаго предсѣдателя.

— У него краска вонюч...

Лассенъ быстро зажалъ Эриксену ротъ рукою.

Клаусенъ возвысилъ голосъ:

— Разумѣется, въ немъ «есть за что зацѣпиться»...

— Пфф! Хи-хи! Великолѣпно!

— Но все же «худымъ» человѣкомъ его никакъ нельзя назвать!

Итакъ, да здравствуетъ нашъ классическій предсѣдатель, редакторъ Гейльбунтъ, на многія лѣта!

Раздалось девятикратное ура, и бокалы были осушены до дна.

Пирующіе развернулись во-всю.

— Еще вина, Томсень! Вина!

— Кто хочетъ сыра съ мясомъ?

— Ступай къ чорту!

— Когда я шель въ походъ...

— Рюмочку люсгольмской, старина?

— Тьфу! совсѣмъ теплая стала.

— Да здравствуетъ Данія! Да здравствуютъ наши сочлены!

— Многія лѣта! Многія лѣта!

Бричали и голосили наперебой.

Хохотали, пѣли, впадали въ чувствительность, трепали другъ друга по плечу, обнимались. Старые глаза свѣтились блаженствомъ, и всѣ лица сіяли. Инспекторъ намѣревался было опять держать рѣчь, но никто не хотѣлъ слушать. Ревизоръ Лассенъ пытался балансировать на носу бутылкой портера. Эриксенъ расчесывалъ пышную бороду Рёсселя влешней омара.

Голоса и звуки сливались въ одинъ общій шумъ и гамъ, въ которомъ уже ничего нельзя было разобрать.

— Господа, господа!—взывалъ Гейльбунтъ, развалиаясь на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ, словно Фальстафъ.—Вы переходите границы.

Но въ эту минуту Благстедъ схватилъ своими мохнатыми ручищами большую круглую головку голландскаго сыра и со всего размаху покатилъ ее по полу, прямо въ центръ батареи пустыхъ бутылокъ.

Казалось, рушится самая зала.

А въ самомъ дальнемъ углу, у дверей въ коридоръ, стоялъ Манупль, возмущенный, негодующій, пораженный ужасомъ. Точно па-стуха на шабашѣ вѣдьмъ.

Если выйти изъ города черезъ Монастырскія ворота и направиться по проѣзжему тракту, а потомъ свернуть на первую проселочную дорогу направо, то въ какіе-нибудь полчаса можно было дойти до усадьбы съ мельницей, бывшаго родового владѣнья Томсеновъ.

Не только отецъ Мануила, но и дѣдъ, и прадѣдъ его владѣли этимъ клочкомъ земли, жили и умерли на немъ.

Къ усадьбѣ, кромѣ мельницы, принадлежало около тридцати десятинъ земли.

Мельничный прудъ или озеро, какъ величали его Томсены, лежалъ въ саду позади жилого дома. И когда мельница была пущена, старый домъ весь ходуномъ ходилъ отъ грохота, и стекла дребезжали въ рамахъ.

— Кто имѣлъ счастье родиться и провести дѣтскіе годы въ такомъ мѣстѣ, — говаривалъ Мануилъ дядѣ по матери, понамарю, — и съ нѣжной юности привыкъ внимать мелодичному журчанью струй и грохоту мельничныхъ колесъ и жернововъ, тотъ въ зрѣломъ возрастѣ не можетъ не томиться желаньемъ вернуться туда!... Особенно, — прибавлялъ онъ, мрачно покачивая головой, — кто родился съ грустью въ душѣ.

Вокругъ пруда разстился садъ. Теперь онъ совсѣмъ заглохъ. Деревья и кусты росли, какъ попало, безъ всякаго призора и ухода, всѣ переплелись, перепутались. Дорожки заросли травой; кое-гдѣ уцѣлѣвшіе цвѣты едва успѣвали выглянуть на свѣтъ Божій, какъ ихъ душили сорные травы.

У Томсеновъ же этотъ садъ былъ любимымъ дѣтищемъ, ихъ гордостью.

Тутъ были липовыя бесѣдки съ большими круглыми каменными столами — старыми, брошенными и обросшими мхомъ жерновами. Вокругъ столовъ шли искусно сдѣланные изъ обрубковъ деревьевъ, кривыхъ стволовъ и вѣтвей «натуральные» скамейки и стулья. Это была работа дѣдушки Томсена. Подъ мощнымъ каштаномъ на пьедесталѣ — дубовомъ пнѣ — возвышалась старинная купель изъ Линденбургской церкви. А стволъ одного бука былъ плотно охваченъ по самой серединѣ, почти на высоту человѣческаго роста, позеленѣвшимъ, обросшимъ мхомъ, жерновомъ. Въ давно минувшія времена жерновъ этотъ тоже служилъ столомъ, и сквозь его круглое отверстіе было пропущено и посажено тоненькое деревцо. Съ теченіемъ времени деревянные подпорки — ножки стола сгнили, а стволъ дерева наполнилъ все отверстіе и приподнял камень на добрый аршинъ вверху. Тамъ и сямъ подъ деревьями лежали разбросанныя и поломанныя круглыя, пестрыя раковины, нѣкогда изящно окаймлявшія дорожки и куртины. А если нагнуться да поискать хорошенько въ высокой травѣ, можно было еще найти тамъ и сямъ то каменный топорикъ, то стрѣлку, памятники каменнаго вѣка, которые Томсены выпаживали изъ своихъ полей и заботливо собирали.

Зато сосѣдніе крестьяне и поговаривали, что послѣдніе владѣльцы мельницы, отецъ Эмануила и дѣдъ, были еще «чуднѣе» и «дурковатѣе», чѣмъ вообще всѣ мельники и землевладѣльцы.

И потому, дескать, съ семьей и вышло то, что вышло.

«Томсенокъ», по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ прокрадывался въ старую усадьбу позднимъ вечеромъ; охотнѣе всего при лунномъ свѣтѣ.

Онъ не шелъ торной дорогой, гдѣ могъ рисковать встрѣтить народъ, быть узаннымъ и подвергнуться насмѣшкамъ, но прокрадывался по межамъ и канавамъ, словно маленькій кривобокій тролль, поднявъ воротникъ и надвинувъ шляпу на самые глаза.

На площадкѣ передъ воротами онъ останавливался и, притаясь въ тѣни, долго приглядывался и прислушивался, не покажется ли кто передъ домомъ.

Три бѣлыхъ смежныхъ флигеля такъ и сіяли при лунномъ свѣтѣ. И сквозь полосатыя занавѣски въ окнахъ «чистой» комнаты просвѣчивалъ огонь лампы.

Мануилъ подкрадывался ближе. Ощупывалъ стѣны и оглядывалъ ворота и калитки. Штукатурка во многихъ мѣстахъ облупилась, и выглядывалъ голый кирпичъ. Съ воротъ конюшни сошелъ весь деготь, и они криво висѣли на заржавѣвшихъ петляхъ. Свѣтло-голубая окраска оконъ и дверей жилого дома стала сѣрой отъ грязи и сырости.

Эмануилъ глубоко вздыхалъ, а руки у него такъ и чесались, такъ бы и принялся тутъ бѣлить, красить, чинить соломенную крышу, полоть сорную траву, которою густо заросъ мощный дворъ.

Трехъ владѣльцевъ перемѣнила усадьба за эти пятнадцать лѣтъ. Первый держался шесть лѣтъ, второй—четыре. Теперь и третій, Размусъ Корнеліусъ, допѣвалъ свою лебединую пѣсенку.

За усадьбой утвердилась дурная слава. Она слыла «гнѣздомъ разоренія». Никто не могъ удержаться въ ней.

И каждый разъ, какъ она переходила въ другія руки, Мануилъ сваливался въ постель отъ горя и досады, что все еще не успѣлъ скопить достаточно денегъ для выкупа ея.

Но въ послѣдній разъ, то-есть около пяти лѣтъ тому назадъ, когда онъ также метался по постели, словно въ горячкѣ, и, наконецъ, обезсиленный, измученный, впалъ въ забытѣе, ему опять было «отравленіе». Отецъ снова явился ему, и въ рукахъ у него была дощечка, на которой яркими, бѣлыми цифрами выдѣлялось число 23,811.

Разумѣется, это обозначало, что Мануилу слѣдовало купить выигранный билетъ.

Нѣсколько дней онъ бѣгалъ бочкомъ, какъ угорѣлый, извивался, какъ угорь, при мысли о деньгахъ, которыя пужно въ такомъ случаѣ выложить чистоганчигомъ на прилавокъ.

Но когда отецъ въ одну изъ слѣдующихъ ночей явился вторично

съ той же дощечкой и тѣмъ же числомъ на ней, Мануиль рѣшился, и на утро покатилъ въ Копенгагенъ.

Само собой, въ городѣ никто не долженъ былъ знать, что Мануиль покупаетъ выигрышный билетъ. Тутъ пошли бы такіе разговоры и сплетни! О цѣли поѣздки не подозрѣвала даже сама старуха Томсень. Сынъ какъ-то инстинктивно утаилъ отъ нея послѣднее «откровеніе».

Въ Копенгагенѣ Томсень долго бѣгалъ изъ улицы въ улицу. Онъ избѣгалъ шикарныхъ кварталовъ. Ужъ, навѣрно, тамъ содрали бы съ него за билетъ въ три-дорога! И вотъ, онъ все рыскалъ, да рыскалъ. Наконецъ, попалъ въ узенькій, темный переулокъ, съ маленькими грязными домишками, сталъ озираться вокругъ, и надъ одной дверью разглядѣлъ красную лотерейную вывѣску. На лбу Мануила выступилъ потъ: онъ рѣшилъ попытать здѣсь счастья.

Поднявшись по лѣстницѣ въ первый этажъ, онъ прочелъ надъ дверью: «Бюнтора открыта отъ 8 до 11», позвонилъ, и его впустили.

Въ конторѣ оказалась очень приличная пожилая дама. Мануиль испытующе покосился на нее, потомъ выудилъ изъ кармана ключокъ бумаги и протянулъ ей:

— Хотѣлось бы имѣть этотъ номеръ.

— Это зависитъ отъ того, найдется ли у насъ такой номеръ, добрѣйшій.

— Найдется ли?... Такъ нельзя за свои деньги получить такой номеръ, какой желательно?!

У Томсена даже рубашка прилипла къ тѣлу, такъ прошибъ его потъ.

— Можно, если заказать билетъ еще до выхода серіи, — отвѣтила дама.

— Серіи?...

Мануиль жалѣлъ, что зашелъ сюда. Ясно было, что она хочетъ надуть его.

Дама стала не торопясь перелистывать пачку билетиковъ, смачивая при этомъ пальцы водой. И вдругъ вытянула одну бумажку и подала Томсену.

— Представьте! Нашелся-таки вашъ номерокъ! — сказала она. — Но это четвертной *) билетъ. Хотите?

Мануиль схватилъ билетъ и принялся разсматривать его со всѣхъ сторонъ.

— Сколько стоитъ?

*) То-есть на четвертую часть всего выигрыша, могущаго прійтись на данный номеръ. *Прим. перев.*

— Видите ли, бывший владѣлецъ пропустилъ сроки двухъ послѣднихъ взносовъ, и я сама заплатила за него передъ розыгрышами. Такъ если хотите приобрести этотъ билетъ, уплатите мнѣ убытки, не то я лучше оставлю его за собой.

Заплатить два взноса, когда розыгрыши уже состоялись!... Мануиль бочкомъ забѣгалъ взадъ и впередъ около прилавка. — Розыгрыши уже прошли, тутъ ужъ ничего нельзя выиграть!

— Нѣтъ, конечно, нельзя. Но вы можете выиграть въ слѣдующій розыгрышъ.

— А вы выигрывали?—спросилъ онъ вдругъ, останавливаясь.

— Нѣтъ! — тутъ дама, сидѣвшая за конторкой, лукаво склонила голову и прибавила:

— Но вы вѣдь видѣли во снѣ этотъ номеръ, значитъ, выиграете навѣрно.

У Томсена ноги подкосились.

— Какъ?... Кто?... Что?...

Дама, продолжая улыбаться, спросила:

— Ваше имя? Адресъ?

Томсень машинально пробормоталъ свою фамилію и адресъ. Все вѣдѣніе дамы внушило ему почтительный страхъ.

Но вотъ дѣло дошло до суммы, которую слѣдовало ему уплатить.

— Развѣ нельзя подешевле?

— Нѣтъ. Здѣсь цѣны казенныя, безъ запросу.

— А на сколько времени годится билетъ?

— Это годовой билетъ, и остается еще шесть розыгрышей.

— Да, но если выиграешь въ первый же розыгрышъ, значитъ, задаромъ заплатилъ за остальные!

Тутъ дама обнаружила нетерпѣніе.

— Здѣсь не лавочка, гдѣ торгуются, — заявила она, вставая и толкая стулъ къ конторкѣ. — Угодно вамъ, добрѣйшій, купить билетъ или не угодно?

Дѣло могло бы, пожалуй, затянуться еще надолго, не явись въ контору новый покупатель.

Томсень быстро схватилъ билетъ и сунулъ въ карманъ:

— Вотъ вамъ деньги.

— Благодарю. Но къ билету надо приложить штемпель.

— Штемпель? Какой?

— Съ адресомъ конторы. А то вы можете забыть.

— Нѣтъ.

— Фу! — устало вздохнула она. — Штемпель *всетаки* обязательно долженъ быть приложенъ.

Мануиль неохотно вернул билетъ, повернувъ его кверху оборотной стороной, чтобы новый покупатель не могъ разсмотрѣть номера.

Наконецъ, билетъ былъ въ полномъ порядкѣ, и Томсенъ заботливо уложилъ его въ бумажникъ. Затѣмъ онъ постоялъ немного, и спросилъ:

— Не надо вѣдь дѣлать заявленія въ полицію или кому-нибудь тамъ?

— Нѣтъ.

— А если выиграешь?...

— Объ этомъ узнаете изъ тиражнаго листка.

— На него можно положиться?

— Да-а.

— И въ городѣ ничего не будутъ знать?

— Нѣ-ѣтъ. Бромъ васъ да меня никто не будетъ знать вашего номера... Прощайте, господинъ Томсенъ.

— Прощайте...

Дама уже обратилась къ новому покупателю, пожилой женщинѣ съ корзинкой на рукѣ, какъ вдругъ Мануиль тихонько отодвинулъ старуху въ сторону, нагнулся надъ прилавкомъ и, приблизивъ ротъ къ уху продавщицы, шепнулъ, лугаво подмигивая подслѣповатыми глазами.

— Только бы выиграть! За *благодарностью* дѣло не станетъ.

Дама расхохоталась.

— Хорошо, хорошо, добрыйшій. Я постараюсь.

Томсенъ кивнулъ ей въ знакъ того, что они поняли другъ друга, еще разъ мефистофельски подмигнулъ, — на этотъ разъ лишь однимъ глазкомъ — и вышелъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ вынулъ билетъ изъ бумажника и принялся разсматривать его.

И вдругъ, онъ точно застылъ отъ избытка счастья.

Теперь онъ *зналъ, зналъ, зналъ* навѣрное, что выиграетъ. На штемпелѣ было обозначено: «Улица Ларса 23, отъ 8 до 11». То-есть то же самое число: 23,811, совпадавшее съ номеромъ самаго билета. Вотъ *почему* отецъ и являлся два раза.

И въ довершеніе всего звали отца какъ разъ Ларсомъ!

Какія же послѣ этого могли быть еще сомнѣнія?

Мануиль даже затрепеталъ весь, невольно сложилъ руки и чуть-чуть было не сталъ въ своихъ новыхъ парадныхъ брюкахъ на колѣни на грязный каменный полъ, да во-время опомнился. Какъ бомба, вылетѣлъ онъ изъ наружныхъ дверей и, скривясь больше, чѣмъ когда-либо на одинъ богъ, помчался на вокзалъ, вскочилъ въ вагонъ

и покати́лъ домой. Внутри его такъ и лиговало. И разъ сто за этотъ двухчасовой переѣздъ представлялъ онъ себѣ свой торжественный въѣздъ въ «родовое владѣніе».

Увы! съ того блаженнаго дня прошло пять лѣтъ, а Томсенъ все еще не выигралъ на свой билетъ и пяти кронъ.

Но онъ возобновлялъ его ежегодно, и это стоило ему по 26 кронъ, 20 эре въ годъ. Пять разъ по 26 кронъ, 20 эре—итого 131 крона, не считая расходовъ на пересылку!

Между консуломъ Мёркомъ и таможеннымъ контролеромъ Бнагстедомъ существовали какія-то странныя отношенія. Они вѣчно были вмѣстѣ. Надо, однако, сказать, что искалъ-то общества другого собственно Бнагстедъ. Консулъ же, повидимому, терпѣть не могъ «мытаря» и, вѣроятно, предпочелъ бы обходиться безъ его общества.

И всетаки ихъ постоянно видѣли вмѣстѣ.

Съ Мёркомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ случился апоплексическій ударъ, и онъ ходилъ, волоча ноги и опираясь на налку. Выраженіе лица его было тупое, деревянное, а языкъ ворочался во рту съ трудомъ и многихъ буквъ не выговаривалъ.

Но курильщикомъ Мёркъ оставался страстнымъ. Да это и была почти единственная радость, что осталась ему въ жизни.

Табакъ такъ славно одурманивалъ, гналъ прочь мысли. Мёркъ былъ настоящимъ мученикомъ страха смерти. И днемъ, и ночью мерещилось ему это пугало, и онъ не зналъ покоя. Даже во время послѣобѣденнаго сна.

И хуже всего было то, что Бнагстедъ вѣчно говорилъ о смерти. Только о смерти и о ея спутникахъ... О болѣзняхъ, недугахъ, лѣкарствахъ, предсмертной исповѣди, похоронахъ.

Когда «мытарь» заводилъ свою рѣчь, у Мёрка начинали бѣгать мурашки по спинѣ. Онъ съ наслажденіемъ прогналъ бы Бнагстеда прочь, вытянулъ бы его своей дубинкой! И всетаки продолжалъ съ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ слушать его. Консула какъ будто гипнотизировали рѣчи пріятеля; онъ напоминалъ въ данномъ случаѣ ребенка, который жадно слушаетъ рассказы о привидѣніяхъ, хотя отъ страха у него волосы встаютъ дыбомъ.

Они ходили вмѣстѣ гулять. Бнагстедъ почти ежедневно заходилъ подъ вечеръ за консуломъ.

Однажды вечеромъ, часовъ въ шесть-семь, двое пріятелей и плелись внизъ по лѣстницѣ изъ квартиры Мёрка.

— Ну, голубчикъ, Мёркъ, куда мы направимъ сегодня наши стопы?—спросилъ «Исавъ», когда они очутились на улицѣ.

— Это твое дѣло,—пролепеталъ консулъ.

— Такъ пройдемся по Принцессиной дорожкѣ.

По спинѣ Мёрка забѣгали мурашки. Дорожка эта какъ разъ вела на кладбище.

— Лучше по другой.

— Ты самъ же сказалъ, чтобы я выбралъ.

— Да, да, пойдемъ.

— Видно, скверно тебѣ сегодня?

— Вовсе нѣтъ. Отлично!

— А ночь, конечно, не спалъ?

— Не много.

— Да ужъ какой тутъ сонъ подъ старость!

Княгстедъ взялъ Мёрка подъ руку, и они поплелись по Сундергаде.

— Поменьше бы тебѣ курить, Мёркъ,—опять началъ «мытарь».

— Ну, что тамъ! Пара трубокъ...

— А ты читалъ утромъ газеты?

— Да.

— Такъ прочелъ?

— Что?

— Корреспонденцію изъ Нѣстведа.

— О чемъ?—по тѣлу консула пробѣжала холодная дрожь.

— Объ одномъ человѣкѣ.

— Что съ нимъ?

— Умеръ!

— Ну, да, всѣмъ помирать придется...

— Отравился никотиномъ. Тебѣ бы слѣдовало принять это къ свѣдѣнію.

— Спасибо,—злобно буркнулъ консулъ.—Ты всегда такъ внимателенъ.

Вихры «Исава» злорадно затопорщились, но онъ ни слова не сказалъ.

— Вѣрно, сигары куришь?—продолжалъ Мёркъ, немного погодя.

— Тамъ сказано: *табакъ*.

Молчаніе.

Они шли шагъ за шагомъ. Консулъ большой, сутуловатый, сгорбленный, напирая на палку и на руку пріятеля. Княгстедъ, напротивъ, маленькій, коренастый, съ молодцоватой осанкой, словно нетронутый годами и событіями.

Около гостиницы они завернули за уголъ и пошли по переулку Маренъ Кузнечихи, упиравшемуся въ Принцессину дорожку.

— Знаешь, мы на-дняхъ отлично провели вечерокъ въ нашемъ клубѣ, — сказала «мытарь», указывая на огна залы, въ которой происходили собранія «Датскихъ Ёдоковъ».

— Гм! — буркнулъ консуль, глядя въ другую сторону.

— Право, тебѣ слѣдовало бы поступить въ члены, Мёркъ!

— Вздорь! — отозвался Мёркъ, и тупой взоръ его сверкнулъ.

— Хи-хи!...

Никто въ городѣ не зналъ о прошломъ «мытаря». Появился онъ въ городѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда прежній контролеръ таможи умеръ. Кнагстедъ былъ переведенъ на мѣсто послѣдняго изъ Ютландіи, гдѣ исправлялъ такую же должность. Въ городѣ о новомъ контролерѣ понятія не имѣли, пока вдругъ въ одинъ прекрасный день не узрѣли его передъ дверями таможи на берегу, гдѣ онъ стоялъ и мрачно глядѣлъ на воду. На немъ былъ новенькій вице-мундиръ, но фуражки не было, и его рыжіе волосы такъ и горѣли на солнцѣ. Горожане зашептались и порѣшили, что приобрѣли «хорошаго гуся» на мѣсто старика Матисена, который былъ кротокъ и привѣтливъ, какъ майскій день. А когда хорошенько разглядѣли вновь прибывшаго, и его вихры, и брови, и пучки волосъ, росшіе изъ ноздрей и ушей, и волосатые чуть не до самыхъ ногтей руки, то живо нашелся острякъ, окрестившій его «Исавомъ».

А «мытарь» предоставилъ людямъ зубоскалить. Онъ нанялъ себѣ двѣ комнаты у пожилой вдовы въ маленькомъ домигѣ близъ таможи, перевезъ туда свое небольшое имущество и зажилъ въ одиночествѣ, проводя время или въ таможнѣ, или дома.

Вначалѣ онъ и столовался у хозяйки, но больше двухъ недѣль не выдержалъ и сталъ ходить въ гостиницу.

Тутъ онъ сталкивался по большей части лишь съ комми-воежерами, такъ какъ коренные граждане питались, какъ оно и подобало, у домашняго очага.

Но однажды вечеромъ хозяинъ гостиницы почтительно коснулся гибкимъ среднимъ пальцемъ плеча редактора Гейльбунта, возсѣдавашаго въ кафе за стаканомъ пунша.

— Извините, господинъ редакторъ!

Гейльбунтъ съ трудомъ повернулъ къ хозяину лицо.

— Вы знаете, я не люблю, чтобы меня тревожили.

Хозяинъ склонился, какъ былинка подъ дуновеніемъ вихря.

— Боже избави, господинъ редакторъ. Знаю. Но...

— Что такое?

— Господину редактору надо бы познакомиться съ новымъ контролеромъ... осмѣлюсь доложить.

— Съ этимъ дикобразомъ!

— Хи-хи-хи!... Смѣю думать, господинъ редакторъ не будетъ жалѣть. Онъ страсть какой балагуръ.

— Да-а? Что-жъ онъ говорить?

— Что говорить?—хозяинъ заголыхался всёмъ туловищемъ.— Что именно онъ говорить, я не могу вамъ сейчасъ передать, господинъ редакторъ... не припомню точно... Но послушать только, какъ онъ обрабатываетъ за табель-д'отомъ комми-вояжеровъ! Тагъ и брѣ-еть ихъ. Чудо просто. Хи-хи-хи!

— Имъ это встати.

— Хи-хи-хи! Да. Въ этомъ народцѣ вообще не много шигу... А, вотъ, вспомнилъ, господинъ редакторъ!...—хозяинъ опять дотро-нулся мягкимъ пальцемъ до плеча редактора.—Если господинъ редакторъ позволить?...

— Гм...

— Какъ-то на-дняхъ онъ сказалъ,—это было какъ разъ за дес-сертомъ,—что можно подуматъ, будто Господь Богъ создалъ нашу бургомистершу изъ тѣста: шлепъ одинъ комокъ—вышелъ носъ, шлепъ два—щеки, еще одинъ—подбородокъ... Хи-хи-хи! По моему, страсть какъ остроумно... Не правда ли?

— Дальше?

— Хи-хи-хи! Дальше онъ сказалъ (хозяинъ деликатно прибли-зилъ ротъ къ самому уху редактора), онъ сказалъ, что бургомистер-ша, вѣрно, не дождалась остального, ушла... Хи-хи! Оттого и оста-лась безъ... бюста и... и... (тутъ хозяинъ сдѣлалъ ладонью нѣсколько округленныхъ жестовъ въ воздухѣ) и прочихъ округленныхъ частей женскаго тѣла. Хи-хи!... Что скажете?

Гейльбунтъ посидѣлъ съ минутой, не шевеля ни однимъ муску-ломъ лица, затѣмъ съ усилениемъ повернулъ голову на полвершка въ сторону и сказалъ черезъ плечо:

— Я не намѣренъ принимать участія въ подобномъ зубоскаль-ствѣ насчетъ начальствующихъ лицъ. Чтобы вы впередъ знали это!

Хозяинъ на минуту лишился языка. Затѣмъ растерянно распарк-нулъ нѣсколько разъ, пробормоталъ что-то невнятное и съ недоумѣ-вающею, бессмысленною улыбкою вернулся за стойку.

Но нѣсколько дней спустя редакторъ обѣдалъ за табель-д'отомъ. И за кофе спросилъ Кнагстеда, играетъ ли онъ въ ломберъ.

Такимъ образомъ, таможенный контролеръ былъ введенъ въ общество.

Вскорѣ затѣмъ онъ сдѣлался членомъ клуба «Датскихъ Ёдоговъ» и сталъ на «ты» съ многими изъ сочленовъ. Но особенныхъ симпатій себѣ не стяжалъ.

Скорѣе же вселилъ почтительный страхъ къ себѣ, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Его именно почитали и трепетали. Всякій боялся попасть къ нему на зубокъ, и потому всѣ избѣгали его и заискивали передъ нимъ.

— Злющій, какъ сатана! — говаривалъ водочный заводчикъ Рёссель.

— Это самъ сатана! — подхватывалъ ревизоръ Лассенъ.

— Самъ Вельзевулъ, косматый и рогатый! — добавлялъ Эриксенъ — «Шикарное брюхо».

И всѣ старались убраться отъ «мытаря» подалеже по добру, по здорову.

Онъ же вдругъ привязался къ консулу Мёрку и сталъ почти ежедневно гулять съ нимъ.

Именно съ Мёркомъ, который уже годы сиднемъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и о которомъ городъ въ суетѣ житейской почти позабылъ совсѣмъ:

И «добрѣйшія» дамы сейчасъ застрекотали: «Вотъ видите, видите! *Что* мы всегда говорили? Что къ бѣдному Ёнагстеду несправедливы, несправедливы и несправедливы! Бѣднякъ! Такой некрасивый! Природа была такъ *скупа* къ нему... То-есть, съ одной стороны даже *слишкомъ щедра!* Хи-хи-хи!... Одинокій безъ семьи и безъ надежды *обзавестись* ею когда-либо... Потому что, *спрошу* я васъ, фру Гейльбунтъ (это говорила фру Лассенъ), кто *пошелъ* бы за него?... Мой мужъ былъ разъ съ нимъ въ банѣ... Такъ, понимаете, весь косматый... Какъ *мъхъ*, — прошу покорно!... И, разумѣется, этотъ бѣдный обиженный судьбой холостякъ *томился* своимъ одиночествомъ и все искалъ на кого бы излить запасъ своихъ чувствъ! Кто бы нуждался въ его любви... И вотъ, нашелъ *Мёрка*». И фру Лассенъ даже призывала Бога въ свидѣтели того, какъ она умиляется поступкомъ Ёнагстеда. Именно тѣмъ, что онъ выбралъ Мёрка. «Вы, вѣдь, сами знаете, фру Гейльбунтъ, какой это былъ всегда... ужасно неприятный человекъ!» Кромѣ того фру Лассенъ высказывала непоколебимую увѣренность, что Ёнагстедъ страдалъ отъ *несчастной любви*. «Непремѣнно! Люди его не поняли. Но сердце-то, дорогая фру Гейльбунтъ, сердце-то у насъ у всѣхъ есть, только бы добраться до него!... Уфъ! Нѣтъ!... Развѣ еще полчашечки?... Что-то очень жарко стало! Не открыть ли окошечко?»

Итакъ, дамы умилялись и восхищались Бнагстедомъ за чашкой кофе. И «мытарь» носилъ нѣкоторое время ореолъ героя романа.

Пока понемножку не разузналось, какимъ образомъ онъ совершалъ свой «подвигъ любви».

Тогда дамы стали возводить очи горѣ и креститься.

Но многіе также злорадствовали втайнѣ: было время, что Мёркъ былъ первымъ тузомъ въ городѣ.

Сколько, однако, ни ломали головы, разобраться въ мотивахъ поведенія Бнагстеда не могли. Онъ оставался загадкой. Загадкой заманчивой, дразнящею, которую никогда не уставали разгадывать.

Фру Лассенъ даже писала своей подругѣ въ тотъ городъ, откуда былъ переведенъ «мытарь». Но подруга могла сообщить лишь то, что къ нимъ Бнагстеда перевели изъ такого-то города, и что и у нихъ всѣ боялись его.

Послѣ этого фру Лассенъ дала Бнагстеду прозвище: «*Злоба жизни*»,—она увлекалась Якобсеномъ *)—и водила прїѣзжавшихъ къ ней иногороднихъ знакомыхъ мимо таможни, чтобы показать имъ «замѣчательнаго» человѣка.

Дѣло было вечеромъ въ концѣ іюня. Высоко по небу плылъ мѣсяцъ, заставляя своимъ блескомъ меркнуть звѣзды. Надъ лугами и болотами нависъ плотной пеленою туманъ. Въ воздухѣ не шелюхнулось.

Шелъ одиннадцатый часъ. Размусъ Корнелиусъ и вся его семья давнымъ-давно покоились грѣбкимъ сномъ, убаюканные шумомъ мельничныхъ колесъ и плескомъ водяныхъ струй.

Размусъ сталъ теперь такимъ бариномъ, что держалъ работника для надзора за мельницей въ ночные часы. А для работъ днемъ въ полѣ и дома держалъ другого. Самъ же изучалъ «химію» въ Линденбургской харчевнѣ. «Химію» и «счетоводство», какъ онъ самъ выражался, т.-е. пилъ водку и игралъ въ карты.

По тропинкѣ за мельничнымъ садомъ скользила маленькая кривая тѣнь. Поровнявшись съ крайними деревьями, гдѣ прежде начиналась изгородь, тѣнь остановилась и приложила руку къ уху, словно прислушиваясь. Нигдѣ не слышно было ни звука, кромѣ журчанья воды. Тогда тѣнь шмыгнула въ кусты и въ садъ.

Это Мануиль Томсенъ совершалъ свою вечернюю прогулку.

Онъ прокрадывался съ мѣста на мѣсто. Тутъ не было ни одной

*) Намекъ на цѣтчастость языка въ романахъ названнаго датскаго писателя. Примѣч. переводч.

пяди земли, которой бы онъ не топталъ своими ногами еще ребенкомъ и потомъ подросткомъ. Онъ зналъ тутъ каждое деревцо, каждый кустикъ. И хотя теперь дорожки почти сливались съ лужайками, онъ шелъ увѣренной стопой, какъ слѣпой между мебелью въ знакомой комнатѣ.

Мѣсяцъ стоялъ прямо надъ верхушками деревьевъ, и его лучи отвѣсно падали въ промежутки между неподвижными листьями.

Мануилъ вошелъ въ липовую бесѣдку съ каменнымъ столомъ и присѣлъ на одинъ изъ искалѣченныхъ «натуральныхъ» стульевъ. Въ просвѣты кустовъ ему виденъ былъ прудъ, блестящій какъ полоса стали, на которой, однако, тамъ и сямъ темнѣли какія-то безформенныя пятна. Это были тростникъ и водоросли, росшіе со дна пруда, затаянутаго жирнымъ иломъ.

— Ахъ, мерзавцы, мерзавцы! — пробормоталъ Мануилъ, сжавъ кулаки и вставая. — Въ *наше* время озеро было какъ вылощенное!

На лужайкѣ подъ деревомъ попрежнему возвышалась купель. Томсенъ пріостановился подлѣ нея, и пальцы его принялись ощупывать язвы и раны, нанесенныя ей за пятнадцать лѣтъ ребятишками этихъ «негодяевъ».

— Заплатятъ они за это, когда нѣкій человѣкъ выкупитъ свою усадьбу! — шептали его губы.

Затѣмъ онъ съ улыбкой кивнулъ буку, на которомъ плотно сидѣлъ массивный жерновъ аршина на три отъ земли.

— До *этого* имъ не добраться было!

Прокравшись черезъ весь садъ, Мануилъ перебрался черезъ оврагъ, который былъ залитъ водой, такъ какъ шлюзы и жолоба не содержались въ порядкѣ. Но самая мельница шумѣла и бурлила такъ же чудесно, и Томсенъ съ тоской взглянулъ на четырехугольное оконце, гдѣ свѣтился огонекъ.

— Мортенсенъ! — шепнулъ онъ. — Мортенсенъ! Это я, Эмануилъ...

Старикъ работникъ не слыхалъ.

Тогда Томсенъ скользнулъ къ воротамъ и заглянулъ во дворъ.

Дворъ весь густо заросъ сорной травой. Плуги и бороны были разбросаны гдѣ попало. Ворота риги стояли настезь. Стекла были повыбиты. Въ бѣлыхъ стѣнахъ зіяли большія дыры.

При первомъ владѣльцѣ Мануилъ однажды отважился побывать въ усадьбѣ и даже зайти въ жилой домъ. Это было въ тотъ день, когда онъ мимоходомъ замѣтилъ, что телега наѣхала на уголь строенія и отвортила кусокъ штукатурки.

Онъ вошелъ въ чистую комнату и сказалъ, что вотъ проходилъ

мимо и зашелъ поздороваться съ семействомъ новаго владѣльца своего бывшаго гнѣзда.

Его приняли очень радушно, угостили, потомъ повели по всему дому, показывали все.

Но маленькій человѣчекъ не смогъ удержаться, сталъ указывать пальцами на всѣ прорѣхи и говорить, что-де въ «наше время» ничего подобнаго не было. И слѣдовало бы исправить все это возможно скорѣе!

Онъ не могъ бы удержаться отъ такихъ рѣчей даже подъ страхомъ смерти.

Владѣлецъ подъ конецъ и разолился такъ, что выгналъ «шалаго-малаго» вонъ со двора, осыпая бранью и угрозами.

Черезъ нѣкоторое время владѣлецъ нумеръ первый разорился, и въ усадьбѣ поселился нумеръ второй.

Усадьба успѣла, однако, придти въ еще большій упадокъ, а у новаго владѣльца не было ни средствъ, ни ума поднять ее.

Разъ Томсенъ встрѣтилъ его на дорогѣ около усадьбы и разговорился съ нимъ. Говорили, говорили и договорились до того, что «негодяй» поднялъ свою дубинку и сталъ призывать всѣхъ чертей убрать отъ него эту скрюченную мартышку въ тартарары, не то онъ самъ...

Но Мануиль еще въ серединѣ заклинанія былъ уже на полпути къ городу.

Съ нумеромъ третьимъ онъ ужъ и не пытался заводить сношеній.

Томсенъ продолжалъ въ раздумьѣ стоять у воротъ. Въ головѣ у него все вертѣлась лоттерея.

Подумать, что онъ до сихъ поръ не выигралъ! Потратилъ сто тридцать одну крону и все задаромъ. И въ октябрѣ снова предстоитъ выложить тринадцать кронъ, десять эре... Но вѣдь *долженъ* же онъ выиграть, *долженъ*. Иначе зачѣмъ же отецъ открылъ ему нумеръ? И продавщица сама сказала, что онъ непременно выиграетъ... Представить только, что Корнелиусъ объявится несостоятельнымъ въ декабрѣ, и другой опять купить усадьбу! Въ мозгъ Томсена какъ будто вонзилась иголка при этой мысли.—А у него все еще недостаточно денегъ. Какъ ни сколачивалъ, ни копилъ онъ за эти пятнадцать лѣтъ, его счетъ въ банкѣ не превышалъ 5,265 кронъ. А усадьба пошла въ послѣдній разъ съ торговъ за 21,000. Двадцать одна тысяча! И девять тысячъ надо было внести сразу чистоганомъ. Двадцать одна тысяча... Ему не сколотить такихъ денегъ, если Самъ Господь Богъ Всемогущій не придетъ ему на помощь. Не сколотить!... И въ мозгу Томсена запрыгали дикія мысли: уграться, убить, огра-

бить... Ему нужно во что бы то ни стало выкупить усадьбу!... Хоть бы только строенія—мельницу и домъ съ садомъ. Землю пусть другіе берутъ. Мануилъ никогда не былъ земледѣльцемъ, и поля мало интересовали его. Но самая усадьба, домъ, мельница и садъ... Господи! Онъ былъ бы такъ признателенъ, такъ признателенъ! Во всемъ мірѣ не нашлось бы признательнѣе его... Ужъ какъ бы онъ сталъ ухаживать за домомъ, и садомъ, и мельницей! Бѣлить, чинить, копать, полоть. Ни пятнышка бы не допустилъ на бѣлыхъ стѣнахъ, ни единой травинки въ саду...

Мануилъ прильнулъ къ строенію и нѣжно сталъ гладить рукою стѣны.—Славная старая стѣнка!—шепталъ онъ.—Славная старая стѣнка...

По щекамъ его медленно текли крупныя слезы.

Часы на башнѣ Линденбургской церкви пробили двѣнадцать. Бой ихъ рѣзко и гулко разносился въ недвижимомъ воздухѣ.

Томсенъ выпрямился, нервно передернулъ нѣсколько разъ кривымъ плечомъ и, затѣмъ, весь сгорбившись, съ понурой головой, жалкій, безутѣшный побрелъ домой.

Но на дорогѣ онъ нашелъ подкову съ тремя гвоздями (знаменіе Пресвятой Троицы!), и значительно воспрянулъ духомъ.

Двое «неразлучныхъ», консулъ Мёркъ и контролеръ Бнагстедъ, опять совершали вечернюю прогулку.

И по обычаю свернули въ переулокъ Маренъ Бузнечихи, а затѣмъ на Принцессину дорожку.

Солнце низко спустилось надъ фьордомъ. Вечеръ стоялъ теплый, прекрасный. Домики на дальнихъ холмахъ на томъ берегу фьорда такъ и сияли на солнцѣ.

Мёркъ попросилъ пріятеля присѣсть, ссылаясь на усталость. На самомъ дѣлѣ ему, видно, хотѣлось по возможности оттянуть неизбежное посѣщеніе владѣльца.

И вотъ онъ сидѣлъ, уныло сгорбившись, опустившись всѣмъ туловищемъ, и вяло чертилъ палкой по мягкому песку дорожки. А «мытарь», молодцовато откинувшись на спинку скамейки, насвистывалъ.

Этому роду искусства онъ предавался только во время совмѣстныхъ прогулокъ съ консуломъ. Бнагстедъ зналъ, что свистъ бѣситъ пріятеля, какъ свидѣтельство физической и духовной бодрости.

Невдалекѣ отъ нихъ рѣзвилась толпа ребятишекъ.

— Погляди-ка!—сказалъ Бнагстедъ, указывая на нихъ.

Мёркъ очнулся и поднялъ голову.—Да-а...

— И мы такими были когда-то.

— Да-а..

— Только давно миновало это времечко.

— Да-а...

— Что бы ты далъ Мёркъ, чтобы опять стать такимъ?

— Это невозможно...

— Конечно. Но что бы ты далъ за то, чтобы это стало возможнымъ?

— Я не охотникъ до глупыхъ фантазій! — сердито сказалъ консуль.

— Отчего бы тебѣ не обратиться къ знахаркѣ въ Драгбю, Мёркъ?

— Опять глупости.

— Ей-Богу, нѣтъ. Весной она вылѣчила ветеринара Гансена; знаешь, котораго ночью хватилъ параличъ.

— Ничего я этого не знаю.

— Ну, да; она всетаки вылѣчила его. И теперь онъ опять и ходить и ѣздить на практику.

— Гмь... Онъ, вѣрно, не былъ такъ плохъ, какъ я.

— Какъ разъ. Также ударъ былъ. И языкъ отнимался.

Мёркъ искоса испытующе поглядѣлъ на пріятеля. Но лицо «мытаря» было закрытой книгой.

Тогда консуль сказалъ:

— И ты говоришь, онъ поправился?

— Совершенно. Могъ бы пуститься наперегонки вотъ съ этими пострѣлятами.

— Гмь... Что же она давала ему?

— Что-то такое въ бутылкѣ... А что бы ты сказалъ, если бы опять могъ порхать по баламъ, старый Донъ-Жуанъ?

— Хэ-хэ... глупости.

— Ветеринаръ поправился въ двѣ-три недѣли.

— Мнѣ и не добраться до нея...

— Ну-у, добраться-то добрался бы. Но ты можешь и послать за ней.

— Она развѣ приходитъ?

— Да, конечно, приходитъ... Представь только, что ты могъ бы поѣсть съ нами гуся въ Мартыновъ день въ гостиницѣ!

— Глупости, Кнагстедъ! — пробурчалъ консуль. Но въ глубинѣ его души червячкомъ зашевелилась надежда.

— Право, попробуй, Мёркъ! — не отставалъ «мытарь».

— Да отчего не попробовать... И ветеринаръ совсѣмъ здоровъ, говоришь ты?

— Какъ былъ. Буда здоровѣй даже, чѣмъ былъ до болѣзни.

— И женщина эта придетъ, если послать за ней?

— Безъ сомнѣнія.

— Ну, ну,—сказалъ консулъ, оживленно качая головой.—Да, стать бы мнѣ опять человѣкомъ, Бнагстедъ! Гмъ, гмъ, гмъ... Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ я не ,человѣкъ больше... О, Господи... Да, да, да.

И Мёркъ отъ радости закачался изъ стороны въ сторону. Раздутыя параличныя руки ощупывали палку, а губы шевелились.

Бнагстедъ покосился на него, и рѣсницы его злобѣще сомкнулись, какъ у кошки, фиксирующей взглядомъ мышъ.

Затѣмъ онъ проговорилъ спокойнымъ тономъ:—Но только надо глядѣть въ оба, Мёркъ.

— Что-о?—испуганно спросилъ консулъ. У него ознобъ пробѣжалъ по спинѣ отъ одного тона «мытаря».

— Надо глядѣть въ оба, говорю я.

— Почему...?

— Да, видишь ли, у насъ въ Ютландіи, откуда я пріѣхалъ, тоже была одна такая знахарка...

— Гмъ!—Мёркъ все больше и больше падалъ духомъ.

— Такъ вотъ, она разъ дала одному больному по ошибкѣ такого снадобья, что...

— Ну!...—вырвалось стономъ изъ груди консула.

— Знаешь, на этотъ народецъ, вѣдь, нельзя вполнѣ полагаться, какъ на настоящихъ врачей...

— Нѣтъ...

— Они никакого экзамена не сдавали... Никакого экзамена не сдавали, говорю я.

— Слышу, слышу.

— И въ сущности не имѣютъ права лѣчить...

— Нѣтъ...

— ... чтобы не уморить кого-нибудь. Та знахарка, о которой я рассказываю, должно быть, взяла не то снадобье...

— Гмъ... И что же больной...?

— Больной? Да умеръ. Она отравила его. Разумѣется, нечаянно, дружище! Хэ-хэ! Но на знахарку изъ Драгбю, кажется, можно положить.

Консулъ не отвѣчалъ. Онъ опять весь сгорбился, свѣсивъ подбородокъ на грудь; и руки повисли вдоль тѣла, какъ плети.

Но «мытарь» вдругъ всталъ.

— Теперь пора еще пройтись немножко.

И, не дожидаясь со стороны пріятеля какого-либо проявленія согласія, продѣлъ руку подъ его локоть, съ трудомъ приподнялъ его со скамьи и потащилъ дальше по дорожкѣ къ кладбищу.

Мадамъ Томсенъ была, какъ сказано, во всѣхъ отношеніяхъ довольна своимъ житьемъ-бытьемъ въ городѣ.

Послѣ того, какъ всѣ тревоженія, связанныя со смертью мужа, продажей имѣнія и переселеніемъ изъ родного гнѣзда въ городъ, улеглись, старуха понемножку обжилаась и вошла въ новую колею.

И, говоря по чести, тихая, мирная жизнь въ маленькомъ домикѣ въ Сюндергадѣ даже нравилась ей куда больше суеты и сутолоки въ усадьбѣ, гдѣ мадамъ Томсенъ съ утра до вечера бывало не присядеть и на четверть часика изъ боязни что-нибудь упустить да не досмотрѣть въ большомъ хозяйствѣ.

О послѣднихъ двухъ годахъ, проведенныхъ у одра больного мужа въ жуткомъ предчувствіи близкаго разоренія, и говорить нечего.

Каренъ Томсенъ, конечно, любила мужа. Но любила «по-крестьянски», то-есть, главнымъ образомъ *почитала*, какъ полагается по завѣту апостольскому: жена да убойтся своего мужа. И смерть его, конечно, оплакивала и облеклась по немъ въ трауръ.

Но событія она принимала безъ ропота, не споря съ судьбой; словно все такъ и должно было быть. Да и не лучше ли было и для самого покойника Ларса и для нея, что онъ покончилъ всѣ счеты съ жизнью, нежели, если бы ему пришлось лежать въ постели еще долгіе годы на горе и мученіе себѣ самому и другимъ и безъ всякой пользы міру?

А Мануилъ? Да, онъ все время только и дѣлалъ, что суетился и копошился тамъ въ усадьбѣ, бѣдняга!

Она не разъ робко намекала мужу, что не лучше ли было бы для парнишки немножко потолкаться между людьми, поглядѣть на чужое житье-бытье. Такъ куда тебѣ! Ни отецъ, ни дѣдъ,—онъ тогда еще живъ былъ,—не могли и подумать обойтись безъ мальчугана, хоть денегъ не видѣть его около себя.

— Ну, ладно!—только скажетъ бывало Каренъ и уйдетъ къ своимъ дѣламъ.

А Мануилъ такъ и оставался дома.

Но нельзя сказать, чтобы онъ лодырничалъ или занимался чѣмъ дурнымъ. Отнюдь нѣтъ. Онъ былъ занятъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Помогалъ отцу и на мельницѣ, и въ полѣ, возилъ домой сѣно, снопы. Но любимымъ его занятіемъ было копошиться съ дѣдушкой во дворѣ или въ саду. Они чинили, бѣдили, красили, пололи,

копали, чистили, сажали, подрѣзывали. Всѣ строенія блестяли у нихъ бѣлизной не хуже только что выстираннаго столоваго бѣлья. Ни былинки не проглядывало между камнями, которыми былъ замощенъ дворъ. Ни единого плевела на грядкахъ или на дорожкахъ въ саду. Сдунеть вѣтеръ соломинку со скирды, и ту сейчасъ заботливо подберутъ съ дороги. Забудется курица, усѣвшись на оглоблю телѣги, Эмануилъ тотчасъ же мчится съ мокрой тряпкой и уничтожаетъ слѣды этой забывчивости.

Такъ старикъ и парнишка и возились день-деньской. А вечеромъ клеили разныя вещички изъ картона, выпиливали рамки. Или Мануилъ читалъ дѣдушкѣ вслухъ изъ своихъ школьныхъ книжекъ съ разсказами.

Потомъ старикъ умеръ. Схватилъ воспаленіе легкихъ и сторѣлъ какъ свѣча въ какіе-нибудь два дня.

Его похоронили на городскомъ кладбищѣ, гдѣ схоронена была и его жена, а на могилѣ воздвигли великолѣпный памятникъ изъ песчаника. Это было еще въ «хорошія» времена. Но, благодаря Бога, на плитѣ осталось еще довольно мѣста для именъ самого Мануила и его родителей!

По смерти дѣдушки Мануилъ взялъ на себя всѣ заботы по содержанію въ порядкѣ строеній и сада. Это ужъ вошло у него въ плоть и кровь. «Дворъ» долженъ былъ смотрѣть, какъ игрушка. И такъ оно и было, пока усадьба находилась въ Томсенскихъ рукахъ. Мануилъ чинилъ, чистилъ, бѣлилъ, красилъ, пололъ, копалъ съ неизмѣннымъ усердіемъ. Собранную дѣдушкой коллекцію каменныхъ топоровъ, стрѣлъ, клинцевъ и проч., сдѣланные старикомъ изъ мельничныхъ жернововъ столы, «натуральные» скамейки и стулья и купель содержалъ въ прежнемъ порядкѣ. Зато ему уже некогда было работать на мельницѣ или въ полѣ, да онъ и потерялъ почти всякую охоту къ подобной работѣ. Тѣмъ болѣе, что тамъ отлично могли управляться отецъ съ Мортенсеномъ. Но, если матери нужна была помощь по дому, въ случаѣ, напримѣръ, генеральной чистки и уборки весной и осенью, Мануилъ былъ тутъ какъ тутъ съ тряпкой и керосиномъ и изо всѣхъ силъ помогалъ вытирать и полировать мебель, доводя ея глянецъ до того, что всѣ углы и выступы ея сверкали, какъ брильянты, когда солнце ударило въ начисто протертыя стекла.

Мадамъ Томсенъ закивала головой и опустила шитье на колѣни.

Да, да, онъ всегда былъ такой проворный, Мануилъ... А только лучше бы Господу Богу произвести его на свѣтъ дѣвочкой. Тогда матери бы скорѣе удалось взять его въ руки... И, пожалуй, ей удалось бы тогда спасти кое-какіе крохи въ тѣ годы, когда мужъ сталъ хи-

рѣть... Охо-хо-хо! А Мануилъ все самъ хотѣлъ командовать. И терпѣть не могъ, чтобы посторонніе мѣшались въ дѣла усадьбы. А отецъ напоследкахъ по слабости своей только потакалъ ему... Но она никакъ не думала, чтобы сынъ когда-нибудь справился послѣ этого удара. Когда пришли покупать усадьбу, онъ сидѣлъ весь бѣлый, какъ мѣлъ, застылъ, какъ истуканъ. Ей пришлось рѣшительно все взять на себя: и говорить, и писать, и бумаги всѣ доставать, и подписывать... О, Господи Батюшка! А потомъ она всю ночь напролетъ слышала, какъ онъ ворочался на постели, вздыхалъ и стоналъ... Она ужъ боялась, что ей придется потерять и его... Когда же надо было уѣзжать, онъ приволокъ этого kota и пѣтуха и ни за что не хотѣлъ съ ними разстаться!... Охо-хо-хо! Несладкіе то были деньки, несладкіе!...

Матушка Баренъ глубоко вздохнула и усталилась своими ясными голубыми глазами въ пространство.

Но Господь милосердный всегатаки устроилъ все къ лучшему. Теперь, благодаря Бога, они живутъ себѣ въ своемъ маленькомъ домикѣ безъ нужды; есть что перекусить, во что одѣться. И коснись ея самой, ей никакой перемѣны и не нужно!... Но—Господи прости ей ея согрѣшеніе!—она больше любила Мануила, какимъ онъ былъ въ первое время по переѣздѣ. Тогда она могла ухаживать за нимъ, баловать его, и онъ былъ такъ благодаренъ ей за все... Съ тѣхъ же поръ какъ было ему это «отравленіе», онъ сталъ какой-то рѣзкій, совсѣмъ какъ мужчина. Даже страхъ бралъ. И доходило до того, что онъ говорилъ съ нею чуть ли не грубо, даже кричалъ, если она не сразу сдавалась на всѣ его выдумки... Нечего и говорить тоже, что онъ удивительно поправился... настоящій мужчина теперь. Но ей всегда приходилось покоряться мужской волѣ, и дома, и въ школѣ, и когда вышла замужъ, такъ что не худо было бы хоть подъ старость пожить на своей вольгѣ! И потомъ Мануилъ сталъ такой скупой... Ей приходилось отдавать ему отчетъ въ каждой проданной ниткѣ. И такой же строгій отчетъ требуетъ отъ нея въ расходахъ на ѣду. Но *поумнѣлъ* онъ съ годами, этого нельзя у него отнять. Чѣмъ и какъ только не зашибаетъ деньги. И сколько работаетъ! Право, скоро у него будетъ цѣлый миллионъ въ банкѣ, такъ онъ копилъ за эти пятнадцать лѣтъ...

Баренъ Томсенъ опять вздохнула, и взоръ ея отуманился.

Еслибъ еще Мануилъ думалъ о своей старости или объ ея старости, она бы ни слова не сказала противъ, а только хвалила и благодарила бы его за бережливость. Но все это дѣлалось ради усадьбы, только усадьба и была у него въ головѣ. Просто помѣшался на томъ, чтобы выкупить ее! Охо-хо-хо!... Ну, и положимъ, онъ добьется сво-

его. Положимъ, что у него сколочены деньжонки, и онъ выкупить ее, когда придетъ время... Дѣло, всетаки, не пойдетъ. Никогда въ жизни! Деньги будутъ выброшены задаромъ, все равно какъ въ мельничный прудъ, или въ окошко. Мануилу не справиться съ хозяйствомъ. На это у него не хватитъ ума, какъ онъ тамъ ни уменъ въ другомъ. Кончится тѣмъ же: придутъ и отнимутъ у нихъ усадьбу еще разъ...

Каждый разъ, какъ мадамъ Томсенъ доходила въ своихъ размышленіяхъ до этого пункта, она вся съеживалась въ своемъ креслѣ, собиралась въ комочекъ, и ее пробирала дрожь отъ страха за будущее. Она складывала руки и начинала искренно молить Бога повелѣть отцу Мануила внушить сыну, что все это пустое и что изо всей этой затѣи съ усадьбой ничего кромѣ горя и бѣды не выйдетъ.

Увы! Господь, повидимому, не внималъ ея мольбамъ, и она сама пыталась мягко и осторожно образумить сына.

Но онъ сразу вспыхивалъ, какъ порохъ. Начиналъ бѣгать и кружиться бочкомъ по комнатѣ, размахивать длинной рукой, кричать, чуть ли не прямо грозить матери.

А мадамъ Томсенъ съеживалась въ своемъ креслѣ и говорила только:

— Да, да, Мануилъ! Да, да, сыночекъ! Тебѣ лучше знать. Тебѣ лучше знать.

Въ послѣдніе годы она почти что и не пыталась больше противорѣчить сыну въ этомъ дѣлѣ. Напротивъ, даже какъ будто вполнѣ соглашалась съ нимъ, и поддерживала его, когда онъ, бывало, размечтается вслухъ насчетъ будущаго устройства все болѣе и болѣе приходившаго въ упадокъ родового гнѣзда.

И по мѣрѣ того, какъ время шло, а Мануилъ, повидимому, не предпринималъ ничего для осуществленія своихъ плановъ насчетъ усадьбы, въ сердцѣ старухи понемножку крѣпла надежда, что все это были лишь однѣ фантазіи. Сынъ копилъ деньги просто потому, что это доставляло ему удовольствіе, а на «усадьбу» ссылался, чтобы мать не вздумала теребить съ него деньги.

Она сама была природная крестьянка и знала врожденную въ этомъ сословіи страсть къ скопидомству и склонность хитрить, когда дѣло касалось деньжонокъ.

Она съ своей стороны тоже, вѣдь, *копила* тайкомъ отъ сына, откладывая по пятнадцати-двадцати эре *) въ недѣлю изъ денегъ, выдаваемыхъ ей на хозяйство.

*) Эре=1/2 копейки.

Городскія дамы охотно заходили въ лавочку вдовы Томсенъ. Лавочка была такая чистенькая, сама мадамъ такая славная и прямо даже «милая», приличная и обходительная.

Иногда онѣ просили позволенія зайти къ ней въ комнатку и посмотрѣть на ея рѣдкости и старинную замѣчательную мебель.

— Что это за картина?—спрашивали онѣ неукоснительно, указывая на акварель, висѣвшую надъ столикомъ.

— Господи, да вѣдь это усадьба.

— Усадьба?... Ахъ, да, ваша бывшая мельница?

— Да.

— Правда, что вашъ сынъ думаетъ выкупить ее?

Матушка Баренъ отрицательно махала рукой.

— Да, да, говорятъ.

Старуха продолжала энергично отмахиваться.

— Говорятъ, что онъ копить деньги для этого.

— Хи-хи!—и мадамъ Томсенъ рѣшительно трясла сѣдой головой въ знакъ полного отрицанія.

Но «романтическая головка» фру Лассенъ, вѣчно и во всемъ отыскивавшая что-нибудь такое «необыкновенное», и какъ разъ недавно обжегшаяся на Кнагстедъ, продолжала, не смущаясь:

— Боже мой! Вотъ, должно быть, престель—вновь очутиться въ родномъ гнѣздѣ! Восхитительно! Даже, если домъ совсѣмъ крохотный. Онъ, вѣдь, не великъ, мадамъ Томсенъ?... Но представить себѣ—очутиться въ тѣхъ же самыхъ *комнатахъ*! Сидѣть подъ тѣми же старыми *деревами*! Пахать тѣ же *поля*!... Не правда ли, фру Гейльбунтъ? А по вечерамъ, на закатъ солнца, загонять домой мычащій скотъ, прислушиваясь къ звону церковнаго колокола, замирающему вдали надъ дремлющими полями... а-ахъ!

У фру Лассенъ отъ восторга перехватывало въ горлѣ, и она принуждена была остановиться.

Но Баренъ Томсенъ оставалась равнодушной.

— Намъ хорошо и здѣсь!—повторяла она. И никакъ нельзя было расшевелить ее.

Вообще же она была словоохотлива и охотно пускалась въ бесѣду. Она вѣдь большую часть дня сидѣла дома одна-одинешенька: Мануиль бѣгалъ по своимъ дѣлишкамъ или сидѣлъ у себя на чердачкѣ и мастерилъ что-нибудь.

Иногда въ маленькую комнатку за лавочкой набивалось до десятка дамъ, и тогда-то языкамъ было настоящее приволье.

Ни дать, ни взять на птичьемъ дворѣ подъ вечеръ. Дамы щебетали наперебой, разбирая городскія происшествія и скандалчики.

А матушка Каренъ сидѣла себѣ въ креслѣ у окошка и съ довольной улыбкой слушала.

Но вдругъ кому-нибудь изъ дамъ вздумается сказать:

— Милая, мадамъ Томсень, фру Брандструпъ страсть хочется взглянуть на вашего пѣтуха.

— Да, да! Пожалуйста!—попросить фру Брандструпъ, въ первый разъ навѣстившая мадамъ Томсень.

Улыбка мгновенно пропадаетъ съ лица старухи.

— Нѣтъ, нѣтъ!—спѣшить она отдѣлаться, испуганно качая головой.—Мануилъ не любить его показывать.

— Но вѣдь его нѣтъ дома, мадамъ Томсень.

— Нѣтъ, а если вдругъ вернется?

— Ну, милая мадамъ Томсень, пожалуйста!—упрашиваетъ фру Брандструпъ.

— Только взглянуть!—поддерживаетъ ее фру Гейльбунтъ.

— Вѣдь птицѣ же ничего отъ этого не сдѣлается!—присоединяется фру Лассень.

— Мы всегда у васъ покупаемъ!—говоритъ фрѣкенъ Рейерсень, которая туга на ухо и поэтому кричитъ во все горло.

Матушка Каренъ ежится, не зная, какъ быть. Но кончаетъ всегда тѣмъ, что сдается. Мануилъ самъ разъ сказалъ ей, что не слѣдуетъ ничѣмъ отваживать покупателей. И разъ онъ не узнаетъ ничего...

Она тихонько идетъ въ лавочку, пріотворяетъ дверь и осторожно выглядываетъ на улицу на обѣ стороны—не видать ли гдѣ вдали сына?

Затѣмъ она возвращается.

— Нѣтъ, его еще не видать.

И спѣшить на цпочкахъ, хотя и безъ того въ мягкихъ утреннихъ туфляхъ, къ дверямъ кухни, таинственно маня за собой дамъ рукою.

— Сюда, сюда!—шепчетъ она.—Только не замѣшайтесь, сударыни!

И дамы заражаются ея таинственностью и слѣдуютъ за нею въ молчаніи, неслышными шагами и жадно раскрывъ глаза, черезъ крохотную кухню, гдѣ на полкахъ по стѣнамъ блеститъ множество старой мѣдной посуды.

Приведя дамъ во дворъ, старуха открываетъ сарайчикъ.

— Тссъ!

Дамы, сбившись въ кучку и, сдвинувъ головы вмѣстѣ, заглядываютъ въ полутемное помѣщеніе.

— Вонъ онъ сидитъ!—говоритъ фру Гейльбунтъ вполголоса.—Глядите! Глядите!

Мортенсенъ сидитъ въ своемъ углу подь окошкомъ, скупо пропускающемъ свѣтъ. Сидитъ неподвижно, свѣсивъ голову на грудь и закрывъ глаза. Тощій, обципаннйй. Тамъ и сямъ видны настоящія лысины, а въ хвостѣ печально торчатъ два обломанныхъ, взъерошенныхъ пера. Но грозныя шпоры скрещены, какъ два серпа... Настоящій Донъ-Кихоть птичьяго царства!

И вдругъ онъ медленно, судорожно развѣваетъ клювъ, пытается поднять голову и слабо шевелитъ почти безперыми крыльями.

— Это онъ поеть!—шепчетъ мадамъ Томсенъ.—Потому что стало свѣтлѣе.

Но изъ горла птицы не исходитъ ни единого звука.

Старуха тихо запираетъ двери, и всѣ возвращаются въ комнату.

Только здѣсь къ дамамъ возвращается языкъ.

— У! Какая гадость!—говоритъ фру Брандструпъ, содрогаясь.

— Отвращеніе!—вторитъ фру Гейльбунтъ.

— И охота вамъ держать его!—удивляется фру Лассенъ.

— Вамъ надо прирѣзать его!—кричитъ фрѣкенъ Рейерсенъ.

— Прирѣзать!...—Мадамъ Томсенъ въ ужасѣ широко раскрываетъ глаза.—Да, если съ нимъ что-нибудь случится...—Но тутъ она вдругъ сжимаетъ губы и умолкаетъ.

— Что жъ тогда?—спрашиваютъ ее.

— Нѣтъ, ничего особеннаго...—улыбается старуха своей обычной привѣтливой улыбкой.—Пустяги!

— Да, нѣтъ, вы скажите! Почему вы не можете прирѣзать эту противную птицу?

— Тсъ! Тсъ!—шикаетъ Каренъ, съ безпокойствомъ поглядывая на дверь въ лавочку. — Вамъ не годится такъ говорить, сударыни! Еще придетъ Мануилъ да услышитъ!

И такъ дамы больше ничего и не добьются отъ нея.

Но, когда гости уходятъ, и мадамъ Томсенъ опять остается одна въ комнатѣ, ее начинаетъ занимать мысль: а что, если бы въ самомъ дѣлѣ съ пѣтухомъ что-нибудь случилось?... Мануилъ самъ сказалъ, что тогда не видать имъ усадьбы... И они жили бы тогда да поживали здѣсь до самой смерти... А много ли нужно такому дохлому животному, чтобы...

Но, зайдя такъ далеко въ своихъ мысляхъ, старуха вся вздрагиваетъ отъ страха, что Господь Богъ прочтетъ въ ея сердцѣ эти грѣшныя желанія.

И она въ смятеніи душевномъ затягиваетъ псаломъ, отбивая тактъ ногой, чтобы отогнать отъ своего дома дьявола со всѣми его присными.

— Какъ Господу Богу будетъ угодно! Да будетъ во всемъ Его святая воля!—шепчетъ она и берется за работу. —Онъ все устраиваетъ къ лучшему. Охо-хо-хо! Буди Господи, воля твоя!

— А-кхъ!... Бхъ!... Хрр... Хрр...

— Мортенсенъ! Плевать въ печку.

— Гмъ... Да... Тьфу!... Чортъ бы подралъ мой кашель!

Это говорилъ старый работникъ «мельникъ-Мортенсенъ», который пришелъ навѣстить сына своего бывшаго хозяина.

Онъ вообще часто заходилъ къ Мануилу по воскресеньямъ, и тогда оба забирались навѣрхъ въ собственную каморку Мануила, чтобы на свободѣ покаякать о прошломъ и о будущемъ.

Матушка Каренъ недолюбливала этихъ посѣщеній, такъ какъ мельникъ-Мортенсенъ разжигалъ въ Мануилѣ желаніе выкупить усадьбу, и «сынокъ» всякій разъ такъ взвинчивался, что можно было подумать, будто онъ и впрямь уже выкупилъ мельницу и сидитъ тамъ, да величается!

И пусть бы еще сидѣли въ горенкѣ внизу да калякали. Тогда старуха нѣтъ-нѣтъ да и окатила бы ихъ пылъ холодной водицей. Такъ, вѣдь, нѣтъ! Заберутся на чердакъ, даромъ что Мортенсенъ еле ковлялъ со своей больной ногой по лѣстницѣ. Зато, старуха иной разъ такъ бы вотъ и подсыпала Мортенсену мышьяку, слыша надъ своей головой его тяжелое ковлянье и отхаркиванье! Стиснетъ, бывало, кулаки и грозится ими вверхъ, откуда доносится до нея немолчное гудѣнье двухъ мужскихъ голосовъ.

Эмануилъ сидѣлъ въ своей каморкѣ у стола подъ окошкомъ, прилежно занимаясь обклейкой маленькаго хорошенькаго чемоданчика.

Мельникъ-Мортенсенъ, какъ прозвалъ его Мануилъ въ отличіе отъ пѣтуха-Мортенсена, развалился на старомъ плетеномъ стулѣ и дымилъ трубкой-носогрѣйкой. Когда-то старикъ былъ высокимъ, статнымъ мужчиной, но годы успѣли согнуть его. Волосы росли грязными сѣдыми прядями лишь кое-гдѣ за ушами да на затылкѣ. Подбородокъ окаймляла полукругомъ жесткая, сѣдая борода. Во рту не оставалось ни единого зуба, почему мундштукъ трубки и былъ обмотанъ тряпицей, перевязанной веревочкой; не то старику больно было бы прикусывать старыми деснами жесткій роговой черенокъ. Глаза у Мортенсена были, однако, еще ясные и острые, какъ у ястреба, и носъ такой же крючковатый. Замѣчательнѣе же всего была у него шея, торчавшая изъ воротника: длинная, худая, вся въ морщинахъ и складкахъ, какъ у кондора или у индока. Затѣмъ лѣвая нога старика была вдвое толще правой и не гнулась.

— Не-е,— продолжалъ Мортенсенъ, съ трудомъ привставая со стула, отъ чего тотъ заскрипѣлъ,— люди нынче не стоятъ хлѣба, который жуютъ, Манувиль.

— Вотъ табакъ,— сказалъ Мануиль, вынимая изъ ящика стола бумажный картузъ и подавая старику. Табакъ былъ цѣной въ 12 аръ за четвертку.

— Спасибо на угощеньѣ... Куда бы выбить трубку?

— Въ печку.

Мортенсенъ заковылялъ къ печкѣ въ углу. Онъ былъ въ однихъ чулкахъ—огромныхъ, сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ. Деревянные башмаки снимались передъ входомъ въ лавочку.

— А ужъ ефтотъ молодчикъ всѣхъ хуже,— снова продолжалъ старикъ, выколачивая трубку.— Совсѣмъ себя не соблюдаетъ, а кто жъ безъ ефтаго долго продержится? Насвинятничалъ въ усадьбѣ хуже борова. И кажинный день приходитъ домой пьянехонекъ, какъ стелька, кувырнется въ перины, храпитъ, какъ свинья, а на завтра опять за то же.

— А ты всетаки думаешь, что онъ извернется въ декабрѣ съ платежами?

— Извернется... Хоть и не своимъ горбомъ. Суцая бѣда. Такая силища хлѣба уродилась нынче—страсть.

Старикъ заковылялъ къ Мануилу и положилъ руку ему на плечо.

— Онъ-то самъ не стоитъ и крупицы соли, которую жреть.

— А какъ внутри, въ домѣ?—спросилъ Томсенъ.

— Помойная яма! —махнулъ рукой Мортенсенъ.— Что толку, что «сама»-то мечется день-деньской и старается высуня языкъ? Не наколднешь, вѣдь, добра во дворъ, коль муженекъ знать ничего не хочетъ. А теперь еще приплода ждеть... На ефто его взять!

Мануиль покрутилъ головой.

— Да, много грѣха на свѣтѣ!...

— Ну, плодиться-то намъ самимъ Господомъ Богомъ указано. Только въ трезвомъ видѣ... А-ехъ!... ехъ!... Хрр... хрр...

— Мортенсенъ,—въ печку.

— Да, да. Я соблюдаю... Тьфу!... Чортъ бы подралъ мой кашель!

И старикъ, набивъ и распаливъ носогрѣйку, опять усѣлся на стулъ, вытянувъ впередъ больную ногу.

— А добрый табачокъ у тебя, чортъ побори! — произнесъ онъ затѣмъ, со смакомъ затягиваясь трубкой.

— Да-а...

— А самъ все не куришь?

— Нѣтъ. Не по вкусу.

— Не по вкусу? — Мортенсенъ даже глаза вытаращилъ. — Фу, ты!... Да не будь у меня моей носогрѣйки, я бы давно ноги протянулъ.

— Не всѣ люди одинаковы...

— Ну, да; ефто точно.

Долгая пауза. Томсенъ прилежно возился со своимъ чемоданчикомъ. А старикъ дымилъ трубочкой. Потомъ онъ медленно повернулъ свою птичью шею къ окну.

— Пакъ, пакъ, пуфъ!... А они-таки скувырнули купель.

Мануилъ такъ и ривскочилъ. — Скувырнули!? Купель?!

— Да. Терebили, терebили ее, и теперь валяется таки на землѣ.

— Священный сосудъ! — еле выговорилъ маленькій человѣчекъ, весь блѣдный отъ волненія.

— Имъ и горюшка мало.

Томсенъ бочкомъ забѣгалъ по комнатѣ.

— А! Попадись онъ кому-то! Попадись онъ кому-то въ руки! —

Пальцы Мануила судорожно перебирали въ воздухѣ.

— Да-а, — вивнулъ Мортенсенъ. — Его бы и стоило прихлопнуть.

— Посягнуть на священный сосудъ!...

— Да, купель, право слово, была хорошая.

— И что она, мѣшала ему, что ли?

— Не-е... Пакъ, пакъ, пуфъ!... Ефто, вѣдь, ребятишки опрокинули ее.

— Это все равно — кто.

— Ну, да. Его же свиное отродье.

— Ахъ! Еслибъ можно было выкупить дворъ сейчасъ! — сказалъ Эмануилъ, простирая руки къ потолку. — Еслибъ можно было выкупить сейчасъ!...

— Онъ-то съ радостью бы продалъ.

— Подумать! Вдругъ, онъ начнетъ срывать строения?

— Не-е. Онъ непутевый, дуракъ, да не вовсе безъ ума... А только покупай, Мануилъ!

— Было бы на что!

— Люди говорятъ, у тебя есть въ кошнѣ.

— Гроши!...

Томсенъ вдругъ схватилъ старика за плечи и встряхнулъ. — Вотъ кабы выиграть въ лотерею!...

— А у тебя есть билетъ?

— Нѣтъ! — рѣшительно заявилъ маленькій человѣчекъ и опять забѣгалъ по каморкѣ.

— Ну, такъ неча и думать выиграть.

Мануиль остановился и впился въ гостя глазами.

— Ты вѣришь въ откровенія, Масъ Мортенсенъ?

— От-гро-ве-нiя?...

— Да. Знаешь, что во снѣ открывается челоуѣку?

— Тебѣ, что-ль, открылось?

— Да.

— Ефто отъ лукаваго! — и старикъ даже вынулъ трубку изъ рта. — Что-жь тебѣ привидѣлось?

— Отецъ.

— Покойнигъ? Ефто отъ лукаваго.

— И онъ сказалъ, что дворъ опять перейдетъ ко мнѣ.

— Такъ и сказалъ?

— Да. Какъ перемѣнить троихъ владѣльцевъ, такъ и перейдетъ ко мнѣ, — сказалъ.

Мортенсенъ поправился на стулѣ, вытянулъ длинную шею по направлению къ собесѣднику и шепотомъ повѣдалъ:

— Я его тоже видалъ.

— Ты?

— Да... Ночью апосля того, какъ они скувырнули купель. Сижу ефто себѣ у постава на мѣшкѣ, да дремлю. Вдругъ, слышу: дверь наружу заскрипѣла, и словно вѣтромъ пахнуло... Я обернулся, глядь, онъ стоитъ у лѣстницы, какъ живой, и глядитъ прямо на меня... У меня такъ мурашки по спинѣ и забѣгали... Въ жисть свою хуже ничего не видывалъ, чортъ меня побори!

— Онъ ничего не сказалъ? — тоже шепотомъ спросилъ Мануиль.

— Не-е.

— И ничего не сдѣлалъ?

— Не-е. Только постоялъ. И пропалъ. Я подумалъ было, что ефто мнѣ къ смерти... Годы ужъ не малые...

— Нѣтъ, — рѣшительно отвергъ Томсенъ. — Это не къ тому.

— Само собой, коль и ты его видалъ.

Мортенсенъ сталъ вдругъ необычайно торжествененъ. И трубка выпала у него изъ рта.

— Такъ дворъ перейдетъ къ тебѣ апосля Корнеливуса? — Но тутъ старика опять схватилъ приступъ кашля. — А-кхъ!... кхъ!... хрр... хрр... Чортъ бы подралъ мой кашель!... Тьфу!... Ахъ, да! Надо было въ печку... Такъ, стало, дворъ перейдетъ къ тебѣ, когда эфтотъ свинтусъ лопнетъ?

Томсенъ разсѣянно кивнулъ. Его взяло раздумье: что бы это означало, что и Мортенсенъ имѣлъ откровеніе?

— А тебѣ еще не на что его выкупить?—опять спросилъ старикъ.

Эмануилъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Но Господь какъ-нибудь поможетъ.

— Да-а. Онъ всѣмъ намъ помощникъ!... А только... Надо постараться спровадить его какъ-нибудь по иному...

— Да какъ же?

— Ну-у... посмекаемъ!... Можно набить трубочку?

— Изволь.

Томсень присѣлъ къ столу и слѣдилъ глазами за всѣми движеніями старика, ковылявшаго къ печкѣ и обратно.

— Ну?—спросилъ онъ, когда Мортенсенъ усѣлся и закурилъ.— Что ты надумалъ?

Мортенсенъ замигалъ своими хитрыми ястребиными глазами и скорчилъ глубокомысленную фізіономію.

— Да-а... Пакъ, пакъ, пуфъ!—началъ онъ, попыхивая носогрѣйкой.—Машина, вишь ты, такъ она машина и есть, Манувилъ...

— Да...

— Тамъ тебѣ и колесы, и зубцы, и валы, и всякая такая штука... И все ефто цѣпляется другъ за дружку, и коль что зацѣпить, такъ ужъ не выпустить... А-вхъ!... вхъ!... хрр... хрр... Что?... Какъ зачнетъ вертѣть, вромсать, молоть...

— Ты это насчетъ мельницы?

Томсень съ полнымъ недоумѣніемъ глядѣлъ на старика, не понимая, куда клонится его болтовня.

— Насчетъ мельницы,—кивнулъ Мортенсенъ.—Ефто вѣдь тоже машина.

— Ну, да; но...

— Какъ есть машина... Я разъ подошелъ больно близко... зубцами и захвати мою блузу... Такъ не подвернись твоей отецъ, да не останови за разъ колесо, не ковылять бы мнѣ больше по бѣлу свѣту. А-вхъ! Вхъ! Хрр... хрр... Тьфу!

— Да, Боже сохрани бывало подойти близко, когда былъ маленькимъ... Все твердили: берегись.

— Какъ же. Дѣдушка съ матушкой такъ и караулили. Помню. Нѣтъ, что, бишь, я хотѣлъ сказать?—тутъ глаза Мортенсена какъ-то помутнѣли и забѣгали.—Да. Такъ Корнелиусъ иной разъ всетаки заходитъ на мельницу... Сидитъ, сидитъ въ харчевнѣ, да и зайдетъ... Ну, вотъ...

Мануилъ вздрогнулъ. Онъ началъ догадываться.

— Корнелиусъ?...

— Да-а. И почитай всякій разъ лыка не вяжетъ... Взять, да его пощупать слегка сзади, а?

— Нѣтъ, нѣтъ!—быстро заговорилъ Мануиль, блѣдный какъ смерть.—Этимъ не шутять, Мась Мортенсенъ.

— Шутить! Да я и не шучу!

— Но...

— Рази-жь его не надо спровадить, чтобы ты могъ заполучить усадьбу?

— Да-а, но...

— Такъ чего-жь еще!... Не все-ль едино какой смертью помирать собакъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не хочу этого.

— Ну, ладно, Мануиль, ладно. Пусть себѣ коптитъ небо. А только, значить, и тебѣ не видать усадьбы... Можно набить трубочку?

— Изволь.

Мортенсенъ выколотилъ и набилъ трубку въ третій разъ.

— Какъ, какъ, пуфъ!—затянулся онъ опять.—Ну, такъ что-жь, пощупать его?

— Нѣтъ. Сказано тебѣ, нѣтъ. Брось вздоръ городить.

— Ну, ну, помолчимъ... А только вѣдь ежели заговорилъ я, такъ тебя жалѣючи... Да и себя тоже, понятно. Какъ свой былъ у васъ съ малыхъ лѣтъ.

— Усадьба и безъ того не уйдетъ...

— Ну!

— А то онъ еще начнетъ бродить тамъ по ночамъ...

— Не бѣда. Супротивъ ефтаго-то есть средства. Еще разъ спровадили бы его.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Чтобы не знавать покоя ни днемъ, ни ночью!...

— Ну-у, не станешь же ты тужить, раздавимши клоца!

Томсенъ зажалъ уши и почти крикнулъ:

— Нѣтъ! И слушать не хочу!

— Такъ помолчимъ, Мануиль, помолчимъ!—закивалъ старикашка.

— Ты самъ сказалъ, что онъ еще извернется въ декабрѣ.

— Сказалъ.

— Такъ время, значить, терпить. А тамъ видно будетъ. Все уладится.

— А-вхъ! Кхъ! Хрр... хрр... Не родишь же ты деньги.

— Все уладится, уладится,—повторялъ Эмануиль. — До юня больше полугода. Мало ли что можетъ случиться въ такой срокъ.

— Ну, да, понятно. Пожалуй, и купель продадутъ.

— Продадутъ?!

— Намедни приходилъ одинъ... Смотрѣлъ ее... И камни тоже.

— Ты врешь!—Мануилъ схватилъ гостя за шиворотъ и трясъ его такъ, что голова моталась на худой шеѣ.

— Ну, ну, ну, Манувиль!...

Томсенъ, наконецъ, выпустилъ старика.

— Ты врешь!

— Какъ не вру, —сказалъ Мортенсенъ, вправляя шею въ воротникъ.—Ты поди-ка справься.

— Купель? И дѣдушкины столы изъ жернововъ?

— Надо же ему раздобыть денегонь, чтобъ учиться ефтой своей, какъ ее? «химіи», какъ онъ говорить.

— А кто же, кто хотѣлъ купить?

— А тотъ мохначъ, какъ его? Таможенный...

— Бнагстедъ?

— Бнагстедъ его зовутъ?

— Бнагстедъ. На что ему эти вещи?

— Тоже, вѣрно, захотѣлось разукрасить свой садъ...

— Да у него и сада-то нѣтъ.

— Ну? Такъ, можетъ, продать собирается нѣмцамъ, иль въ Сибирь... Такіе бродяги весь свѣтъ обрышутъ.

Томсенъ опять забѣгалъ по каморкѣ. Его круглое, гладкое лицо совсѣмъ побагровѣло. А длинной рукой онъ такъ размахивалъ, что задѣвалъ объ стѣны и о потолокъ.

Мортенсенъ же сидѣлъ себѣ невозмутимо на плетеномъ стулѣ, попыхивая трубкой. Только острые глаза его такъ и бѣгали, внимательно слѣдя за всѣми движеніями Мануила.

— Ну?—спросилъ онъ, спустя нѣкоторое время.

— Человѣчество такъ и кишитъ разбойниками!

— Да-а, не безъ того... Такъ что же мнѣ браться, за дѣло?

Мануилъ остановился.

— Да зачѣмъ мнѣ-то непременно знать объ этомъ?

— Не-е... Только оно какъ-то крѣпче, коли двое заодно.

— А если онъ начнетъ бродить по ночамъ?

— Супротивъ эфтого есть средствія.

— А если дѣло откроется?

— Я не вчера на свѣтъ родился.

— А если *всетаки* откроется?

— А-кхъ! Кхъ! Хрр... хрр... Такъ эфто все будетъ моихъ рукъ дѣло... Хрр... Тѣфу!... Чортъ бы подралъ мой кашель!... Ну?

Томсенъ задышалъ часто, часто, со свистомъ, прижимая руки къ груди, словно отъ боли. Потъ крупными каплями катился по его лицу.

— Ну?—повторилъ старикъ.

— Надо сперва узнать, что скажетъ отецъ, — отрѣзалъ наконецъ Эмануиль.

— Гм...

— Отецъ посоветовалъ копить деньги.

— Да-а, ты говорилъ.

— И ты, вѣдь, его видѣлъ?

— Да-а... И думалъ ефто *мнѣ* знаменіе. Анъ выходитъ Борнеливусу.

— Это неизвѣстно.

— Да-а, напрямикъ-то онъ ничего не сказалъ.

— Если на то есть воля Божія... то... то... объ этомъ будетъ дано знать.

— Погодить, значить?

— Да.

— Гм... Пагъ, пагъ, пуфъ!... А ежели теперь... купель и столы... того?

— Пустяки!... Тогда я самъ ихъ куплю.

— Ну, понятно, можно... А дешевле было бы купить все сразу, гуртомъ.

Мануиль не отвѣчалъ. Онъ стоялъ подъ самымъ окошкомъ, спиной въ комнату, и чертилъ пальцемъ на стеклѣ какіе-то кабалистическіе знаки.

Мортенсенъ покосился на него.

— Такъ я пойду себѣ, Манувиль, — сказалъ онъ, вставая со стула.

— Ну...

— Я обѣщалъ вернуться къ четверемъ. «Сама» въ гости собиралась, и я обѣщалъ присмотрѣть за ребятишками.

— Ну...

— Такъ прощай пока, Манувиль!

Эмануиль обернулся и какъ-то разсѣянно промолвилъ:

— Прощай!

— А насчетъ того, значить, потолкуемъ апосля... когда...

— Да, да!

Мортенсенъ подошелъ къ столу.

— А нельзя ли табачку на дорожку?

Томсенъ сразу пришелъ въ себя.

— Табаку? Да-а... Видишь, онъ собственно для угощенья... чтобы ты курилъ, пока здѣсь...

— Такъ, такъ... Ну, а набить?

— Набить? Набей, изволь!

Мортенсенъ набилъ, закурилъ и заговялялъ во-свояси.

Вдоль фьорда, позади городскихъ садовъ, бѣжала извилистая дорожка, убитая щепнемъ, ровная и осыпанная развѣсистыми липами. Это и былъ городской «променадъ».

По воскресеньямъ, побывавъ въ церкви и отдавъ Богу Боже, всѣ спѣшили занести домой молитвенники, чтобы затѣмъ направиться на «променадъ», поразмять ноги, сдѣлать моціонъ передъ обѣдомъ.

Поразмять ноги... да, и поупражнять глаза и языки!

Мѣстные дочери Евы не упускали случая появиться на променадѣ въ какой-нибудь новой, невиданной еще въ городѣ шляпкѣ или накидкѣ.

И когда подобная шляпка гордо плыла мимо, или революціонная накидка, развѣваясь отъ вѣтра, нескромно выставляла на видъ свою свѣтлую шелковую подбивку, всѣ «прошлогоднія» шляпки и жакетки на скромной люстриновой подкладкѣ сбивались носами вмѣстѣ и затягивали пѣсенку, которую можно было бы помѣстить въ собраніи церковныхъ гимновъ подъ заглавіемъ: «Анаема модницамъ».

Но черезъ недѣлю променадъ уже пестрѣлъ такими «фурорными» шляпками и шумящими шелковой подбивкой накидками.

Въ тихіе лѣтніе вечера, когда въ воздухѣ не шелохнулось, и солнце мирно садилось за холмами и лѣсами по ту сторону фьорда, добрые граждане тоже выходили на променадъ подышать ароматомъ липъ, послушать вечернюю молитву птицъ и полюбоваться бѣлой церковью, казавшеюся въ дымкѣ тумана изваянной изъ снѣга и мрамора.

Стоялъ какъ разъ такой вечеръ. И щепень такъ и хрустѣлъ подъ ногами гуляющихъ.

Тутъ гуляли и ревизорша фру Лассенъ съ редакторшей фру Гейльбунтъ—«сіамскіе близнецы», какъ ихъ прозвали. И пасторъ Энгельгардъ со своей маленькой востроносенькой женой, которая «прибавляла соли» въ его проповѣди. И атлетъ-булочникъ Винбергъ, и регентъ Кэръ со своей эконожкой, и дрогистъ Рибензи, и лѣсопромышленникъ Кюле, и прочіе, и прочіе. А на скамейкѣ, обращенной спинкой къ саду окружного врача Смита, сидѣлъ инспекторъ Клаусенъ, на бѣду свою наткнувшійся на престарѣлую, глухую фрѣкенъ Оливію Рейерсенъ, сестру бургомистра, которая и не выпускала своей добычи.

Глуха она была, какъ верстовой столбъ, и, чтобы отвѣчать ей на ея безчисленные вопросы, бѣднягъ Клаусену приходилось надрывать себѣ легкія, крича что есть мочи въ слуховой рожокъ, который фрѣкенъ съ невѣроятной быстротой каждый разъ вставляла въ лѣвое ухо.

Инспекторъ единственный изъ «Датскихъ Ёдоговъ» снисходилъ до посѣщенія «променада».

— Кто тамъ идетъ?—спросила фрѣкенъ Оливія. — Съ краснымъ перомъ.

— Это фру Опперманъ!—проревѣлъ Клаусенъ въ рупоръ.

— Что вы говорите?

— Фру Опперманъ!!

— А-а! Повивальная бабка?

— Нѣтъ, у нея книжная торговля!

— Во-отъ? А какъ же зовутъ повивальную бабку?

— Фру Фредериксенъ!

— А-а! Фру Фредериксенъ. Я никакъ не могу различить этихъ двухъ дамъ. Все сбиваюсь.

— Неужели?

— Что вы говорите?

— Неужели?!

— Да, да... Какъ она расфуфырилась!

— Да.

— Что вы говорите?... Вы погромче.

— Да-а-а!!

Фру Опперманъ плыла въ толпѣ, привѣтливо кивая на всѣ стороны, сопровождаемая пятерыми дѣтьми—тремя дѣвочками и двумя мальчиками, прехорошенькими и пренарядными.

И гдѣ она проходила, разговоры смолкали, глаза мужчинъ загорались, а губы дамъ сжимались въ ниточку.

— Славная бабенка!—сказалъ лѣсопромышленникъ Бюле, подталкивая въ бокъ дрогиста Рибензи. —Аппетитная!

— Первый сортъ!—поддакнулъ дрогистъ.

И регентъ Кэръ потихоньку отъ своей экономки потянулъ за рукавъ булочника Винберга, шепча:

— Вѣнскій тортъ, а?

Но ревизорша не могла не признаться редакторшѣ, что не понимаетъ, откуда берутся у фру Опперманъ всѣ эти наряды.

— Потому что, согласитесь сами, фру Гейльбунтъ, кто же покупаетъ книги? Берешь у знакомыхъ!

Больше всего, впрочемъ, раздражало ревизоршу то обстоятель-

ство, что фру Опперманъ была тоже ярой поклонницей Якобсена и даже назвала своего старшаго сына Могенсомъ *), а остальныхъ своихъ дѣтей, обыкновенно представляла подъ однимъ общимъ наименованіемъ: «Остальные мои новеллы!»

Такого остроумія ревизорша положительно не могла простить фру Опперманъ. Отчасти потому, что сама не выдумала ничего такого, отчасти же, и даже главное, потому, что у нея самой за все пятнадцатилѣтнее супружество съ Лассеномъ такъ-таки и не было ни единого чада.

Солнце сѣло. Надъ фьордомъ заглублился туманъ. Въ вѣтвяхъ липъ невнятно зашумѣло, и сердцеобразные листья затрепетали.

— Холодно становится!—крикнула фрёкенъ Рейерсенъ.

— Да!—проревѣлъ въ рупоръ Клаусенъ.—Вамъ пора домой, фрёкенъ Рейерсенъ.

— Я и сама думаю... До свиданія, господинъ инспекторъ! Для меня было истиннымъ удовольствіемъ!

— И для меня тоже!

— Что вы говорите?

— И для меня тоже!!

— Помилуйте!

И они разстались.

Инспекторъ остался сидѣть на скамейкѣ, склонивъ голову на бокъ и глядя вслѣдъ старой фрёкенъ, удалявшейся мелкими быстрыми шажками, изящно приподнявъ платье.

— Затѣмъ онъ добродушно улыбнулся, потянулся и зѣвнулъ.

— Веселая компанія!—раздался возлѣ него густой басъ. Это былъ булочникъ Винбергъ.

Клаусенъ тихонько разсмѣялся.

— Да, стариковъ тянетъ другъ къ другѣ.

— Пойдемъ вмѣстѣ?—спросилъ булочникъ.

— Нѣтъ, я, пожалуй, посижу еще немножко. Тутъ тагъ славно... Смотрите, какъ красиво!—блвнулъ онъ, указывая на фьордъ, гдѣ, пыхтя и разбрасывая искры, ползъ буксиръ. А за нимъ на палевомъ небѣ рѣзко вырисовывались темныя высокія мачты и огромный мрачный корпусъ корабля.

Булочникъ поглядѣлъ туда.

— Э, да это нашъ буксиръ!—И онъ пошелъ своей дорогой.

На променадѣ становилось все темнѣй и темнѣй. На улицахъ зажигались фонари,—луна была въ ущербѣ.

*) Имя героя одной изъ новеллъ Якобсена. *Примѣч. перев.*

— Тамъ-тамъ-тарарамъ! — напѣвалъ инспекторъ, направляясь по дорожкѣ къ гавани.

Таможня была уже заперта, и всѣ огни потушены. «Злоба жизни» ушелъ въ свою одинокую квартирку.

Въ огняхъ маленькихъ, низенькихъ домиковъ на Гаваньской площади вспыхивали огоньки. Сквозь стекла глухо доносились на улицу говоръ, пѣніе, веселый смѣхъ. А порой и сердитая ругань, дѣтскій крикъ, женскіе вопли и удары кулакомъ по столу.

Инспекторъ завернулъ налѣво и пошелъ въ гору, откуда открывался видъ на западъ—на окрестныя деревни и усадьбы. На востокъ, у подошвы горы пріютился самый городокъ, гдѣ дома жались къ церкви, точно стая цыплятъ подъ крыло насѣдки.

Спустившись съ горы, Клаусенъ направился къ вокзалу, лежавшему на другомъ концѣ города. Большая площадь передъ вокзаломъ лежала мрачная, пустынная. Кое-гдѣ разбросанные фонари кидали жидкій свѣтъ на извилистую сѣть рельсовъ за палисадомъ.

Внутри палисада, передъ низкимъ, чернымъ деревяннымъ строеніемъ, на углу площади, стояли двѣ наполовину опорожненные платформы съ углемъ.

Какъ разъ, когда инспекторъ проходилъ мимо, дверь низенькаго строенія распахнулась, и оттуда выскочилъ сторожъ съ фонаремъ.

— Ахъ, вы, воришки проклятые!

Въ ту же минуту, словно стая воробьевъ, съ визгомъ разлетѣлось въ разныя стороны съ подюжины оборванныхъ ребятишекъ, сбивая другъ друга съ ногъ и улепетывая по рельсамъ къ палисаду. Въ одну минуту всѣ улепетнули. Слышалось только дробное топтанье деревянныхъ башмаковъ по мостовой, пока не замерло вдали.

— Воришки этакіе! — пробормоталъ сторожъ и сталъ свѣтить подъ платформы. — Вишь, что выдумали! Уголь таскать!

Въ уголку, за колесомъ одной изъ платформъ, прижалась дѣвчушка лѣтъ четырехъ-пяти. Глаза у нея стали совсѣмъ круглые отъ страха, когда свѣтъ фонаря вдругъ освѣтилъ ея убѣжище. Руки и все лицо ребенка были чернехоньки.

Сторожъ вытащилъ ее.

— Ахъ, ты, чертенокъ! Я тебѣ задамъ воровать!

Дѣвочка пронзительно взвизгнула.

— Пошла! — заоралъ сторожъ и затопталъ ногами, словно собираясь припуститься въ погоню за дѣвочкой.

А та, какъ шарикъ, катилась уже по дорогѣ на своихъ маленькихъ, искривленныхъ ножонкахъ, и скоро ея и слѣдъ простылъ.

— Хлопотливое дѣло, Кристоферъ!—сказалъ инспекторъ, оставившійся у забора.

Сторожъ приподнялъ фонарь.

— Ахъ, это вы, господинъ инспекторъ!... Да, хлопотливое... И жалко дубасить ихъ. Извѣстно, родители ихъ посылаютъ. А теперь имъ еще влетитъ дома за то, что вернулись съ пустыми руками!

— Ну, и пусть бы себѣ собирали, что просыпано, Кристоферъ.

— Нельзя; у насъ правила, господинъ инспекторъ!...

— Ну да, конечно... Прощайте, Кристоферъ!

— Прощайте, господинъ инспекторъ!

Когда инспекторъ скрылся за вокзаломъ, а сторожъ ушелъ къ себѣ, изъ воротъ противоположнаго дома выскользнула маленькая, кривобокая тѣнь и стала осторожно озираться во все стороны—нѣтъ ли гдѣ живой души. Но на площади было полное безлюдье и мертвая тишина. Тогда тѣнь неслышно подобралась къ калиткѣ, черезъ которую удрали ребятишки, наклонилась и быстрыми, нервными хватками собрала въ узелъ концы стараго изношеннаго передника, на который была набросана маленькая кучка угля. Затѣмъ тѣнь выпрямилась, снова оглянулась по сторонамъ и, какъ краббъ, поползла со своей добычей въ переулокъ, выходявшій прямо къ Монастырскимъ воротамъ, неподалеку отъ домика вдовы Каренъ Томсенъ...

На башнѣ церкви Бѣлыхъ сестеръ пробило десять. Высоко въ божьемъ небѣ горѣли неизмѣнныя звѣзды.

«Шикарное брюхо» умеръ. Сидѣлъ за обѣдомъ, за вторымъ блюдомъ—великолѣпной телятиной (съ почками!)—и вдругъ положилъ ножикъ и вилку, грустно поглядѣлъ на свою экономку и сказалъ:

— Не могу больше, юмфру Свендсенъ!

Затѣмъ откинулся на спинку стула и испустилъ духъ.

Похоронили его очень торжественно,—Эриксенъ былъ одинъ изъ первыхъ тузовъ города—и все сочлены покойнаго по клубу «Датскихъ ѣдоковъ» явились на похороны in сохроге, въ цилиндрахъ, обвитыхъ чернымъ крепомъ, и съ прилично-задумчивыми физиономіями.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, покончивъ переписку въ конторѣ, Эмануиль Томсенъ направлялся по Принцессиной дорожкѣ къ кладбищу.

Въ послѣднее время онъ частенько уединялся сюда для размышлений, облюбовавъ себѣ для этого мѣстечко на скамейкѣ, полускрытой въ кустахъ бузины.

Съ того самаго вечера, какъ мельникъ Мортенсенъ подалъ мысль «пощупать» Борнелуса, въ мозгу Мануила словно засѣла острая за-

ноза, не дававшая ему покоя. День и ночь мучила его эта мысль и доводила временами чуть не до изступленія. Тогда онъ весь трясся, видя на улицѣ веселыхъ, смѣющихся людей. Его такъ и подмывало пнуть ихъ подъ колѣнку носкомъ своего тяжелаго сапога. Какъ они могли веселиться и шутить въ то время, какъ онъ чуть не кричалъ отъ горя и мукъ!

А дома, сидя въ своей горенкѣ за лавкой, онъ иногда ни съ того, ни съ сего, вдругъ нагидывался на старуху-мать съ бранью и упреками за то, что она будто бы слишкомъ много тратитъ на хозяйство, плохо торгуетъ, мало шьетъ, мало работаетъ и вообще не старается зашибить деньгу!

— Тутъ бьешься изо всѣхъ силъ, работаешь, какъ волъ, бѣгаешь, какъ собака, а она сидитъ себѣ, развалиясь, въ креслѣ, да раскланивается въ окошко, словно королева какая, или генеральша!— визжалъ онъ, грозно размахивая длинной рукой.

— Мануилъ! Мануилъ! Это ты матери такъ-то?...

— Да, хныкать—это твое дѣло!

И Томсенъ, брюзжа какъ шмель, выбѣгалъ изъ комнаты и отправлялся къ себѣ наверхъ въ свою каморку.

Двѣ недѣли тому назадъ мельникъ Мортенсенъ опять заходилъ къ Мануилу. Но ни одинъ изъ нихъ даже не заикнулся о Борнелиусѣ. У обоихъ языкъ такъ и чесался заговорить о будущей судьбѣ мельницы, но ни тотъ, ни другой не хотѣлъ начать.

Такъ они и просидѣли каждый въ своемъ углу, угрюмо поглядывая другъ на друга.

Подымивъ носогрѣйкой да похаркавъ съ четверть часа, старикъ приподнялся и заковылялъ къ дверямъ:

— Пакъ! Пакъ! Пуфъ!... Такъ прощай, Мануилъ!

— Прощай!

Какъ сказано, «шалый-малый» въ тотъ вечеръ опять явился на свое насиженное мѣстечко на кладбищѣ и, запрокинувъ голову на спинку скамейки, беспомощно свѣсилъ маленькія, толстыя ноги, не достававшія до земли, и съ мольбой и отчаяніемъ глядѣлъ на небо.

Онъ въ толгъ не могъ взять мірового порядка!

— Господи, Боженька, милостивый, Отецъ нашъ на небеси!— бормоталъ онъ:— Что нѣкто сдѣлалъ Тебѣ, что Ты не хочешь излить на него живую воду своей милости? Ты такъ хорошо началъ, Боженька, послалъ ему покойнаго отца! Зачѣмъ же Ты это сдѣлалъ, если у Тебя ничего не было на умѣ?... Отецъ небесный! Остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!... Вовѣки вѣковъ ни въ чемъ не упрекни Тебя, добрый, милосердный Владыко не-

бесный, только бы Ты послалъ мнѣ выигрышъ на мой номеръ! Даровалъ моей бѣдной старой матери на склонѣ жизни радость въѣхать опять въ тотъ домъ, гдѣ нѣкто провелъ свое невинное дѣтство и молился Тебѣ въ духѣ истины!... Царь небесный! Да будетъ воля Твоя на землѣ! Аминь!

Томсенокъ перекрестился большимъ крестомъ, какъ, онъ видѣлъ, крестился пасторъ Энгельгардъ, и его маленькіе водянисто-голубые глазки наполнились слезами умиленія надъ собственнымъ своимъ почти сверхчеловѣческимъ смиреніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ себя подкрѣпленнымъ и утѣшеннымъ. Господь не могъ не помочь существу, которое умѣло такъ трогательно и красиво молиться и преклоняться всѣмъ сердцемъ передъ Его неисповѣдимыми путями!...

Направо отъ широкой средней дороги и прямо противъ фасада кладбищенской часовни находилась свѣжая могила Эриксена, убранная вѣнками и цвѣтами.

Мануилъ, глубоко засунувъ руки въ карманы брюкъ, созерцалъ свѣжую насыпь.

Такъ вотъ гдѣ легъ рантѣ Эриксенъ, чтобы обратиться въ землю, изъ которой взять! Въ городѣ говорили, что его ужасно разнесло, такъ что родные боялись, какъ бы онъ не лопнулъ прежде, чѣмъ его успѣютъ уложить въ гробъ и заколотить. Это ему въ наказаніе за обжорство! «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ», — говоритъ Господь. — Возблагодаримъ же Его за собственное воздержаніе и скромное поведеніе!...

Балитка, ведущая съ Принцессиною дорожки, заскрипѣла, и Мануилъ быстро улепетнулъ на боковую дорожку и притаился за кустами.

Это была фрѣкенъ Оливія Рейерсенъ, быстро сѣменившая ножками по дорожкѣ, неся въ одной рукѣ зонтикъ, а другою придерживая торчавшій изъ кармана слуховой рожокъ.

Приблизясь къ могилѣ «Шиварнаго брюха», она остановилась и оглядѣлась по сторонамъ, какъ курица, забравшаяся на грядки.

Томсенъ привсталъ на ципочки и просунулъ голову сквозь кусты. «Божественное» разомъ соскочило съ него. Онъ опять сталъ человѣкомъ.

Фрѣкенъ Оливія наклонилась надъ могилой, быстро сорвала съ нея три-четыре лучшихъ цвѣтка и исчезла за часовней.

Мануилъ окаменѣлъ.

— Родная сестра бургомистра! — пробормоталъ онъ. — Родная сестра бургомистра!

Затѣмъ онъ шмыгнулъ изъ-за кустовъ и прокрался за фрѣкенъ.

Она стояла передъ семейной могилой кузнеца Сѣренсена и, перегнувшись черезъ рѣшетку, срѣзывала перочиннымъ ножичкомъ бутоны и полураспустившіяся розы съ кустовъ, посаженныхъ на могилахъ.

Но когда она повернулась, чтобы продолжать путь, цвѣтовъ у нея не оказалось.

Подойдя къ другой могилѣ, фрѣкенъ опять оглядѣлась вокругъ и опять принялась срѣзывать цвѣты. Такъ она перебѣгала отъ могилы къ могилѣ, срѣзая гдѣ бутонъ, гдѣ цвѣтокъ. Но куда же она ихъ дѣвала?

Томсенъ весь дрожалъ отъ волненія. И когда фрѣкенъ приблизилась къ могилѣ его отца и дѣда, онъ ужъ не выдержалъ, выскочилъ изъ засады и схватилъ старую барышню за руку какъ разъ, когда она собиралась срѣзать большую пунцовую розу.

— Сударыня!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Фрѣкенъ! Что же это вы дѣлаете!

Оливія взвизгнула и выронила ножъ, но, разглядѣвъ нападавшаго, мигомъ пришла въ себя и, гордо выпрямившись всѣмъ своимъ маленькимъ туловищемъ и закинувъ головку, надменно произнесла:

— Послушайте, однако, любезный!...

— Вы что тутъ дѣлаете?—повторилъ Мануиль, все крѣпче сжимая ея руку.

— Пустите меня, шальной вы человекъ!

— Куда вы дѣвали цвѣты?—спросилъ онъ.

— Пустите меня, говорить вамъ!

— Не пуцу!—Мануиль даже поблѣднѣлъ отъ волненія.—Куда вы дѣвали цвѣты?

— Что вы говорите? Я не слышу, вы знаете.

— Вздоръ! — грубо сказалъ Мануиль. И вдругъ рванулъ отъ нея зонтикъ, завидѣвъ высывавшійся изъ его складокъ зеленый листокъ.

— А! Вотъ они гдѣ!

Фрѣкенъ завизжала:

— Нахаль! Невѣжа!

Но Мануиль раскрылъ зонтикъ, и цвѣты посыпались оттуда дождемъ.

Оливія затараторила:

— Мнѣ позволили хозяева могилъ!

— Такъ вамъ позволили красть цвѣты и на *нашей* могилѣ?

Фрѣкенъ ловко выхватила у него изъ рукъ зонтикъ и хотѣла уйти.

— НѢТЬ! Стойте!—и онъ загородилъ ей дорогу.—Мы тутъ побудемъ съ вами, пока не подойдетъ кто-нибудь! *Красть* на кладбищѣ!...

Старая барышня не слышала, что онъ говоритъ, но, по выраженію его лица, видѣла, что положеніе серьезно. Въ отчаяніи она встала въ ухо рожокъ и спросила:

— Что вамъ надо отъ меня?

— Передать васъ въ руки полиціи!—протрубилъ Томсенъ, внѣ себя отъ негодованія.

— Полиціи!

— Да! *Красть* на кладбищѣ!...

— *Красть!*... Два-три цвѣтка!

— Нельзя обижать мертвецовъ!

— Пропустите меня!

— НѢТЬ!

— Что вы говорите?

— Не пропущу!

— Но я не могу долго стоять. У меня почки...

— Сядемъ на скамейку.

— Что вы говорите?

— Сядемъ на скамейку!

— Да что же вамъ надо?

— Свидѣтелей!

— Свидѣтелей?

— Да. Пусть весь городъ узнаетъ, что вы воруете цвѣты съ могилъ!

— О, пропустите меня!—взмолилась фрѣкенъ.

— НѢТЬ!... Я позову сторожа!

— Ради Бога!...

Мануилъ пригнулся къ рожку и быстро проговорилъ:

— А что дадите?

— Дамъ?

— Да, за то, что я отпущу васъ?

— Вы денегъ хотите?

— Да! Тогда я ничего не скажу... Скорѣе! Кто-то идетъ!

Глаза Мануила сверкали; онъ былъ похожъ въ эту минуту на жирную лисицу, напавшую на добычу.

— Скорѣе, говорятъ вамъ! Скорѣе!

— Но я...

— Поздно! — сказалъ Томсенъ, снова хватая ее за руку.— Вотъ онъ!

За часовой послышались тяжелые шаги, и на дорожку вышель смотритель.

— Пора запирать кладбище! — сказалъ онъ. — Прошу васъ, господа!

Фрёкенъ Рейерсенъ извивалась, какъ угорь, силясь вырваться, но Мануилъ держалъ крѣпко.

Смотритель подошелъ поближе.

— Что тутъ такое? — спросилъ онъ; затѣмъ, признавъ находившихся передъ нимъ, воскликнулъ:— Вы съ ума сошли, Томсенъ!

— Эта дама украла всѣ эти розы съ могиль!

— Вы съ ума сошли, Томсенъ! Пустите ее!

Мануилъ выпустилъ свою жертву, и родная сестра бургомистра пустилась наутекъ.

— Да вы поглядите! Сколько цвѣтовъ!...

— Да, да, да. Что дѣлать! — сказалъ старикъ, качая головой. Онъ былъ убѣленъ сѣдинами и зналъ свѣтъ.

— Развѣ ей *это* позволено?

— Само собой нѣтъ!

— Вѣдь это же святотатство!

— Да, да, само собой...

— За это взыскивается!

— Да, да, конечно!... Ну, идите же съ Богомъ, Томсенъ... Пора запирать.

Мануилъ глядѣлъ на смотрителя, какъ на привидѣніе.

— Развѣ *можно* красть на кладбищѣ?

— Нѣ-ѣтъ, само собой нѣтъ! — повернулъ головой старикъ. — Само собой нѣтъ! Но...—тутъ онъ, снисходя къ усердію Томсена, перешелъ на конфиденціальныи шепотъ. — *Всѣ* онъ такъ дѣлають, Томсенъ! Всѣ наши барыни и особенно старыя барышни. Такъ лучше и не затѣвать исторіи!... Давайте-ка соберемъ цвѣточки... Возьмите съ собой букетикъ матушкѣ... И я снесу женѣ, и—дѣло съ концомъ!

Мануилъ сгорбился, подобралъ розы, спряталъ ихъ за пазуху, хорошенько застегнулся и ушелъ.

А. и П. Ганзенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ.

(Повѣсть).

I.

Пять комнатъ въ третьемъ этажѣ большого многолюднаго дома на Николаевской улицѣ были ярко освѣщены. Въ квартирѣ зажгли всѣ, какіе только нашлись, свѣтильники, и въ самомъ дѣлѣ ужъ былъ освѣщенъ каждый уголокъ, каждая вещица.

Бѣглый осмотръ обстановки приводилъ къ заключенію, что здѣсь обитаютъ люди средней руки и средняго достатка. Въ гостиной, какъ полагается, — диванъ, два кресла, четыре мягкихъ стула, обитые коричневой «полуселковой» матеріей; у стѣны нѣсколько стульевъ съ задешево-золочеными спинками, круглый столъ подъ черное дерево и круглый столикъ, тоже подъ черное дерево; нѣсколько большихъ и малыхъ горшковъ съ пальмами, которыя плохо росли и постоянно подсыхали, у стѣны пианино Шредера, на стѣнѣ два мрачныхъ пейзажа въ чрезвычайно темныхъ тонахъ.

Въ небольшой столовой — столъ подъ висячей лампой, еще столикъ въ сторонѣ, для закусокъ, буфетъ и стулья. Въ передней «ясе-невый приборъ», — вѣшалка, столикъ, два стула и зеркало. Словомъ, все такъ, какъ бываетъ у людей «средней руки и средняго достатка», не вѣдающихъ ни нужды, ни излишка.

Но знакомство съ кабинетомъ являло уже болѣе опредѣленное представленіе о хозяинѣ, какъ о человѣкѣ, любящемъ книгу.

Не говоря уже о двухъ большихъ шкапахъ, наполненныхъ книгами, въ порядкѣ и въ красивыхъ переплетахъ, въ книгохранилице были превращены всѣ четыре стѣны, въ которыхъ, въ каждомъ свободномъ мѣстечкѣ, были вставлены полки, обремененныя книгами въ переплетахъ и безъ оныхъ. Надъ полками висѣли портреты ученыхъ и писателей какъ русскихъ, такъ и чужестранныхъ. Книги лежали

на письменномъ столѣ, на подоконникахъ, даже на стульяхъ и креслахъ.

И при всемъ томъ ближайшее изслѣдованіе всѣхъ этихъ книжныхъ сокровищъ показало бы, что хозяинъ едва ли былъ ученый человекъ и едва ли имѣлъ прямую и непосредственную прикосновенность къ книгѣ. Во всякомъ же случаѣ онъ не былъ любителемъ порядка и системы: книги у него размѣщались какъ попало, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ поступали въ домъ: Пушкинъ стоялъ рядомъ съ Дарвиномъ, Спенсеръ былъ добрымъ сосѣдомъ Поля Бурже, а Шекспиръ былъ поставленъ въ необходимость терпѣть около себя томикъ какихъ-то новѣйшихъ поэтовъ, которыхъ онъ не пустилъ бы къ себѣ на порогъ.

Есть люди, обожающіе скачки, но никогда въ жизни не сидѣвшіе на лошади. Есть люди, страстно любящіе книги и почти никогда ихъ не читающіе. Они любятъ имѣть у себя книгу; видъ шкаповъ, наполненныхъ книгами, опьяняетъ ихъ; ихъ пульсъ учащается, когда они проходятъ мимо витринъ книжныхъ магазиновъ, и, если они увидятъ новую книгу, какой у нихъ еще нѣтъ и имъ удастся купить ее, они чувствуютъ себя такъ, какъ влюбленный въ тотъ мигъ, когда онъ уловилъ сочувствіе въ глазахъ своей милой.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ Василій Марковичъ Лебеядцевъ, хозяинъ квартиры въ третьемъ этажѣ большого многолюднаго дома на Николаевской улицѣ. Хорошо, если онъ бѣгло просмотрѣлъ сотую часть принадлежавшихъ ему книгъ. Но это не мѣшало ему искренно любить ихъ и собирать неустанно. Собиралъ онъ ихъ уже лѣтъ тридцать, а отъ роду ему было нѣсколько больше пятидесяти.

Службу свою по судебному вѣдомству онъ началъ рано и съ самаго начала всегда мечталъ о томъ времени, когда онъ, выслуживъ пенсію, оставитъ ее, — и это случилось года два тому назадъ. Съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ скромной пенсіей, подкрѣпленной небольшимъ, но вѣрнымъ доходомъ съ маленькаго имѣнія въ Псковской губерніи, онъ теперь свободно, какъ истый дилетантъ, рылся въ своихъ книгахъ, посѣщалъ и принималъ у себя ученыхъ писателей, людей другихъ благородныхъ профессій, студентовъ всевозможныхъ мундировъ и былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ счастливыхъ людей въ столицѣ.

Его вѣрная подруга Варвара Николаевна, несмотря на нѣкоторую полноту, живая и разговорчивая, сохранившая густые и совершенно черные волосы и завидный цвѣтъ щекъ, въ свое время пользовалась славой передовой женщины и даже до сихъ поръ сохранила привычку носить стриженные волосы и курить папиросу. Но это было все, что

осталось отъ прежней ея славы. Теперь она была хорошая хозяйка, заботливая жена и любящая мать своихъ двухъ взрослыхъ дѣтей: сына Андрея, кончавшаго уже курсъ медицинской академіи съ надеждой и шансами на профессуру въ будущемъ, и дочери Ирины, которая собственно и была виновницей блестящаго освѣщенія квартиры Лебедянцевыхъ въ этотъ вечеръ.

Ирина Васильевна—вся въ отца, необыкновенно стройная блондинка, съ миловидными дѣтскими чертами лица, съ улыбающимися глазами, окаймленными длинными золотыми рѣсницами. Про нее говорили, что она вовсе не красива, но прелестна. Было что-то чарующее, что-то неотразимо-привлекательное въ ея наивно-ребяческой улыбкѣ, въ вопросительно недоумѣвающимъ выраженіи ея свѣтлыхъ и умныхъ глазъ, въ дѣтскихъ манерахъ, въ дѣтской простотѣ обращенія со всѣми—съ молодыми и старыми.

Но, несмотря на свои двадцать два года, Ирина Васильевна уже не носила фамилію Лебедянцевыхъ. Фамилія ея была Брянчинова, но самаго обладателя этого звонкаго имени въ домѣ Лебедянцевыхъ никто никогда не видѣлъ и знали о его существованіи только по слухамъ.

Раньше замужество Ирины Васильевны составляло какъ бы пятно на свѣтломъ фонѣ пріятной и радостной жизни Лебедянцевыхъ. Это была непріятная исторія, случившаяся за границей, куда они поѣхали послѣ выхода въ отставку Василія Марковича. Встрѣча съ Брянчиновымъ произошла гдѣ-то на водахъ. Необыкновенно быстрое очарованіе,—причемъ очарована была не только Ирина, но и оба старика (брата Ирины, Андрея, не было тамъ), столь же скорое сближеніе и замужество чуть не черезъ мѣсяць послѣ свадьбы смѣнились рядомъ открытій, обрисовавшихъ избранника въ такомъ свѣтѣ, что полный и безповоротный разрывъ наступилъ всего лишь черезъ полгода послѣ свадьбы, и у Ирины Васильевны отъ этого эпизода остались только новое имя и прескверныя воспоминанія.

И Ирина, уѣхавшая за границу дѣвушкой, вернулась оттуда соломенной вдовой, жила попрежнему у родителей, и никто не хотѣлъ признать ее Брянчиновой, а всѣ называли ее Лебедянцевой и даже такъ адресовали ей письма.

Но неудачное замужество принесло Ирину Васильевну неожиданнй процентъ. Она вдругъ сдѣлала открытіе, что въ ней скрывается сильное сценическое дарованіе.

Раньше она играла на любительскихъ спектакляхъ, но дѣлала это вяло, безъ призванія, хотя и тогда уже люди, обладающіе опытнымъ глазомъ, находили въ ней «нѣчто», но это «нѣчто» было въ

такомъ зачаточномъ состояніи, что о немъ нельзя было говорить серьезно.

Теперь вдругъ она почувствовала въ себѣ актрису и стала усердно и поспѣшно учиться у одного извѣстнаго актера. Василій Марковичъ, наравнѣ съ книгами, обожалъ свою дочь и по первому ея слову въ срединѣ этой зимы устроилъ въ небольшомъ залѣ одного клуба въ присутствіи избранной публики спектакль, на которомъ Ирина плѣнила не только своихъ добрыхъ знакомыхъ, но и присяжныхъ цѣнителей, обязательно приглашенныхъ сюда Василіемъ Марковичемъ, и въ газетахъ появились очень опредѣленные сообщенія о томъ, что на театральномъ горизонтѣ восходитъ звѣзда первой величины, а также опасенія, «какъ бы наши театральные астрономы не прозѣвали ее».

Послѣ этого Ирина Васильевна сидѣла дома и ждала, что вот-вотъ придутъ и пригласятъ ее на большую сцену, — о маленькой она не хотѣла и слышать, о большой же мечтала день и ночь, — но никто не приходилъ.

Большой сценой, на которую были устремлены глаза какъ самой Ирины, такъ и ея родителей, завѣдовалъ великій знатокъ театральнаго дѣла, полуразорившійся баринъ, Торопкинъ. Прежде чѣмъ занять столь отвѣтственное амплуа, онъ основательно изучилъ театральное дѣло, самъ играя на сценѣ, а также и при помощи трехъ актрисъ, которыхъ онъ опекалъ сперва поочередно, а потомъ всѣхъ трехъ разомъ, что обошлось ему въ полмилліона.

Такимъ образомъ знаніе театральнаго дѣла досталось ему не даромъ, но зато уже онъ дѣйствительно зналъ его досконально: въ театральныхъ сферахъ смотрѣли на него, какъ на божество. Онъ самъ планировалъ сцены, передѣлывалъ пьесы, за что авторы были ему благодарны, подрисовывалъ декорации, проектировалъ костюмы и даже, въ случаѣ надобности, выкраивалъ ихъ собственноручно. Поэтому онъ царилъ на сценѣ, и его слава была законна.

Такъ какъ очень долго не приходили просить Ирину на большую сцену (въ это время, между прочимъ, было три предложенія куда-то въ глубокую провинцію, на что Лебедянцевы даже не обратили вниманія), то Василій Марковичъ рѣшилъ однажды надѣть фракъ и поѣхать къ Торопкину. Онъ надѣялся, что чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и звѣзда, которую онъ для этого случая прицѣпилъ, доставятъ ему любезный пріемъ у театральнаго владыки. Но онъ вернулся домой разстроенный и даже не сразу рассказалъ Иринѣ о пріемѣ.

Его, конечно, приняли, но узнавъ, что онъ предлагаетъ актрису,

очень кратко объяснили, что въ труппѣ всѣ амплуа заняты и по-этому, къ сожалѣнію, ничего не могутъ общать.

Василій Марковичъ заговорилъ было о дебютѣ, но ему сказали, что изъ этого ничего не выйдетъ, такъ что не зачѣмъ и беспокоиться.

Торопкина нельзя было винить за столь холодное отношеніе къ домогательству Лебеяднцава. За свою многолѣтнюю практику онъ видѣлъ столько отцовъ, дядей, опекуновъ и всякаго рода покровителей, которые являлись къ нему въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, съ лентами и звѣздами, и предлагали таланты. Въ первое время онъ принималъ и даже пробовалъ, но полная безуспѣшность этихъ пробъ отбила у него охоту. Онъ убѣдился, что таланты являются какъ-то иначе, съ какой-то другой стороны.

Ужъ чего нельзя было отнять у Торопкина, такъ это того, что онъ искренно любилъ театръ и старался сдѣлать для него все отъ него зависящее.

Когда Василій Марковичъ, наконецъ, рассказалъ дома о своей неудачѣ, Ирина впала въ огорченіе. У нея явилось даже сомнѣніе въ своихъ силахъ и разочарованіе въ своей артистической будущности. Но жажда сценическаго чада скоро подняла ея духъ, и она рѣшилась сама пойти къ режиссеру.

Режиссеръ посмотрѣлъ на нее и сказалъ: .

— У васъ сценическая наружность, но я вашихъ способностей не знаю. И при этомъ вѣдь все зависитъ отъ Торопкина.

— Но въ такомъ случаѣ дайте мнѣ дебютъ, и вы узнаете мои способности, — сказала Ирина.

— Дебютъ, это зависитъ отъ Торопкина, — былъ отвѣтъ.

Такимъ образомъ Торопкинъ былъ во всемъ и все было въ немъ. Все отъ Торопкина. Ирина довольно долго была въ нерѣшительности. И вдругъ, вотъ теперь въ концѣ фѣвраля, на-дняхъ, произошло событіе, которое никто не могъ бы даже объяснить. Однажды Ирина пришла домой и заявила:

— Ну, вотъ я и добилась... Подписала контрактъ на два года... по двѣ тысячи въ годъ. Для начинающей это вѣдь очень хорошо!

Въ первыя минуты Василій Марковичъ и Варвара Николаевна только смотрѣли на нее большими, непонимающими глазами и ничего не могли постигнуть.

— Какой контрактъ? Гдѣ? Съ кѣмъ?

— Контрактъ въ театрѣ... у Торопкина.

— У Торопкина? Но какъ? Какимъ образомъ ты добилась?

— Да я и не добивалась. Я просто пошла къ нему сама, прочи-

тала ему монологъ Софьи изъ «Горя отъ ума». Ему очень понравилось, и онъ сказалъ: «беру васъ на двѣ тысячи». Это, конечно, не много для актрисы на первое амплуа. Обыкновенно гораздо больше платять. Но для меня это очень хорошо...

Ирина, разумѣется, была въ дикомъ восторгѣ отъ своей удачи, а Лебедянцевы радовались и не могли достаточно надивиться. Очевидно, Торопкинъ съ одного взгляда призналъ въ Иринѣ талантъ. Съ этого и надо было начать. Никогда не слѣдуетъ дѣйствовать окольными путями, а всегда надо идти напрямикъ.

Ирина переживала блаженное состояніе. Ея мечта осуществилась. Сцена. Большая, настоящая сцена, здѣсь въ Петербургѣ, а не гдѣ-нибудь въ захолустьи, куда ее звали... и она не могла бы даже сказать то, что рисовалось у нея въ головѣ. Театръ представлялся ей храмомъ. Въ театральномъ залѣ собираются вѣрующіе и благоговѣйно ждутъ, когда подымется таинственная завѣса... сцена—это алтарь, гдѣ избранные жрецы приносятъ жертвы...

И вонъ она—жрица. Служба ея начнется съ сентября. Она выберетъ роль для дебюта. Эту роль она будетъ готовить все лѣто и, конечно, выступитъ во всемъ блескѣ своего дарованія.

Вотъ по какому случаю довольно скромная квартира Лебедянце-выхъ въ концѣ февраля была ярко освѣщена и всѣ углы ея были заполнены многочисленными друзьями этого дома. Болѣе солидные, у которыхъ въ бородахъ уже появилась предательская просѣдь, наполнили кабинетъ Василя Марковича, а молодые, преимущественно студенты всѣхъ мундировъ и дамы всѣхъ возрастовъ, помѣщались пока въ гостиной. Но рано или поздно должно было произойти объединеніе всѣхъ возрастовъ въ столовой, гдѣ уже на длинномъ столѣ разставлялись приборы и вино, а на маленькомъ, въ сторонѣ,—закуски и водки.

Такъ какъ поводъ торжества всецѣло примыкалъ къ области искусства, то и разговоры въ кабинетѣ и въ гостиной вертѣлись на искусствѣ.

Въ кабинетѣ больше сосредоточивались на воспоминаціяхъ.

Кто видѣлъ, какъ выступала Ермолова, кто аплодировалъ Савиной на ея первомъ дебютѣ, кто вспоминалъ Самарина, Шумскаго, Рыбакова, Прова Садовскаго. Тутъ цитировались имена изъ эпохи золотого вѣка Михайловскаго театра, когда эта сцена чуть ли не соперничала съ Парижскимъ домомъ Мольера; звучали имена: Сальвини, Росси, Дузе, а кто-то углублялся даже до Рашели.

Въ гостиной не оказывали никакого вниманія старинѣ, да и характеръ разговора тутъ былъ совсѣмъ иной. Здѣсь горячо спорили

объ искусствѣ. Молодое общество раздѣлилось на партіи. Одни утверждали, что искусство выполняетъ огромную, важную задачу, поднимая духъ общества, улучшая нравы, бросая въ толпу новыя идеи. Другіе утверждали, что оно служитъ только мимолетнымъ развлеченіемъ, правда, благороднымъ, но не глубокимъ, и что сфера его вліянія узка и ограничена.

Противники кипѣли въ горячихъ схваткахъ, вступали въ бой, молодые голоса звенѣли, но представители обѣихъ партій равномерно отъ времени до времени влюбленными глазами посматривали на очаровательную виновницу торжества. Ирина, упоенная своимъ счастьемъ, въ этотъ вечеръ смотрѣла на всѣхъ благосклонно, всѣхъ одаряла своей милой дѣтской улыбкой и всѣхъ любила одинаково, какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ искусства.

Что касается Варвары Николаевны, то она съ своими подстриженными волосами, съ папирсой въ зубахъ, конечно, присутствовала въ гостиной. Сама она активнаго участія въ разговорахъ уже не принимала, чувствуя себя сильно отставшей отъ новыхъ теченій. Но ей гораздо больше нравилось слушать жаркіе споры молодыхъ людей, чѣмъ, какъ она говорила, «присутствовать при вялой жвачкѣ воспоминаній» старцевъ въ кабинетѣ.

Но больше всѣхъ, можетъ быть, даже больше самой Ирины, сіялъ Василій Марковичъ, который въ трепетномъ волненіи, почти въ опыненіи, носился по всѣмъ комнатамъ и принималъ участіе одинаково какъ въ воспоминаніяхъ, такъ и въ горячихъ спорахъ.

Было въ домѣ только одно лицо, воздержавшееся отъ участія въ томъ и въ другомъ. Это былъ высокій, сухощавый старикъ, съ узенькой, совершенно сѣдой бородкой, но вполне черными волосами на головѣ. Его звали Петромъ Ивановичемъ Синявинимъ. Онъ былъ товарищемъ Василя Марковича по службѣ, но не выпелъ въ отставку, а еще дѣйствовалъ и даже шелъ въ гору.

Половину вечера онъ просидѣлъ въ креслѣ, разсѣянно перелистывая книги, лежавшія на столѣ, и къ общимъ воспоминаніямъ не прибавивъ ни одного своего. Иногда онъ какъ будто вслушивался въ чей-нибудь рассказъ, иногда кивалъ головой и улыбался, какъ бы подтверждая или сочувствуя. Но, кажется, дѣлалъ это единственно для того, чтобъ его не считали дикаремъ, и едва ли даже вполне слышалъ то, что говорилось.

Онъ былъ крестнымъ отцомъ Ирины и хорошимъ пріателемъ Василя Марковича. Нѣсколько требовательный и щепетильный по части вѣдшей благовоспитанности, онъ недолюбливалъ Варвару Нико-

лаевну за ея «стрижку» и папирсы, но, впрочемъ, относился къ ней почтительно.

Просидѣвъ часа два въ креслѣ, онъ поднялся, точно хотѣлъ расправить члены, перешелъ въ гостиную и тамъ тоже молча посидѣлъ около часу. Потомъ, уловивъ моментъ, когда Василій Марковичъ проходилъ черезъ столовую, сильно озабоченный опозданіемъ закусокъ, онъ прошелъ туда и поймалъ Василю Марковича за рукавъ.

— Да ну, полно тебѣ хлопотать о пустякахъ,—сказалъ онъ, удерживая его,—и безъ тебя все сдѣлаютъ... Наконецъ, не естественнѣе ли этимъ заняться Варварѣ Николаевнѣ? Давай поговоримъ.

Этотъ удивительный человѣкъ, по своей должности въ судѣ говорившій отлично и даже пріобрѣвшій репутацію выдающагося оратора, совсѣмъ не умѣлъ или, можетъ быть, не хотѣлъ говорить въ обществѣ, а потому всегда молчалъ. Но когда онъ оставался съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, особенно, если это былъ близкій пріятель, къ нему возвращался даръ краснорѣчія.

— Поговоримъ, о чемъ?—разсѣянно вопрошалъ Василій Марковичъ, голова котораго была занята совсѣмъ другими вещами.

— А вотъ присядемъ здѣсь...

И онъ потащилъ его къ маленькому столику, вокругъ котораго стояло нѣсколько стульевъ съ отмѣткой, что они заранѣе заняты какимъ-нибудь сговорившимся молодымъ кружкомъ.

— Ты только вотъ что,—говорилъ Синявинъ:—сядь спиной къ тѣмъ столамъ, чтобъ не видѣть ни закусокъ, ни лакеевъ, иначе ты будешь разстраиваться.

— Ну, вотъ еще. Ну, ладно, сяду,—промолвилъ Василій Марковичъ и, въ самомъ дѣлѣ, сѣлъ спиной къ лакеямъ и къ закускамъ.

Синявинъ тоже сѣлъ.

— Скажи, пожалуйста... Я вотъ никакъ не могу этого взять въ толкъ... Какимъ образомъ это случилось?

— То-есть что?—спросилъ Василій Марковичъ.

— Да вотъ эти самые ангажементъ и контрактъ...

— Да очень просто: пошла, прочитала, это понравилось и—контрактъ.

— Постой, постой. Это-то я знаю. Это я слышалъ два раза отъ Ирины, шесть разъ отъ Варвары Николаевны и девять разъ отъ тебя.

— Ну, такъ чего же ты?

— Да, видишь ли, все это странно... Ото всего этого пахнетъ чудомъ...

— Что же тутъ страннаго, мой милый?

— Много страннаго. Не принимали, всѣ амплуа были заняты,

даже разговаривать не хотѣли и вдругъ—амплуа освободилось, и приняли...

— Ну, ты наивенъ, Петръ Ивановичъ, право, наивенъ. Точно ты не понимаешь, что всё эти рѣчи насчетъ амплуа были просто отговоркой, чтобъ отдѣлаться...

— Да, но режиссеръ видѣлъ ее? почему-жъ онъ не захотѣлъ послушать?

— Потому что режиссеръ ничего не значить. Всѣ они тамъ ничего не значать. Торопкинъ тамъ все...

— Да, Торопкинъ... А ты знаешь, что такое Торопкинъ.

— Но зачѣмъ мнѣ знать, что такое Торопкинъ? Ирина будетъ служить искусству, а не Торопину.

— Гм... конечно, конечно,—задумчиво говорилъ Синявинъ.— Но все же... какъ-то это очень ужъ поспѣшно вышло... Пришла, прочитала и—контрактъ... Такъ обыкновенно не дѣлается...

— Да что ты собственно хочешь сказать, Петръ Ивановичъ?...

— Ничего, Василій Марковичъ, ничего я не имѣю права сказать, но гадать и опасаться я могу... Ты же знаешь, какъ я люблю Ирину...

— Мой другъ,—серьезно и внушительно сказалъ Василій Марковичъ:—Ирина моя воспитана въ такихъ правилахъ,—ты знаешь въ какихъ,—и этого достаточно, чтобы разсѣять всѣ твои опасенія. Ты просто не увѣренъ въ ея талантѣ, вотъ и все. Ты всегда колебался...

— О, что ты, что ты, Василій Марковичъ, если я колебался, то... я вѣдь всегда и во всемъ колеблюсь... Я никогда ничего не принимаю на вѣру и не рѣшаю вдругъ. Но я всегда считалъ Ирину выдающимся дарованіемъ. Ну, вотъ ты и разсердился... ай, ай, ай!...

— Не разсердился я, а неприятно, что ты всегда и на все наглядываешь свои печати по черному сургучу... Меня разстраиваетъ всякій трауръ...

— Ну, ладно, ладно. Больше не буду. Ступай себѣ и распоряжайся по части закусокъ.

Но Синявинъ не успокоился на этомъ. Передъ ужиномъ онъ поймалъ Ирину и оттащилъ ее въ уголокъ.

— Боже, сколько у тебя счастья въ глазахъ, Ирина,—сказалъ онъ,—ты очень счастлива сегодня?

— О, я на небѣ!—восторженно отвѣтила Ирина,—вы, миленькій мой крестный, этого не понимаете.

— Нѣтъ, отчего же? Я понимаю. Но, видишь ли, можно чувствовать себя на небѣ, а въ то же время ползать по землѣ...

— Ну, этого ужъ я не понимаю и не хочу понимать... сегодня, сегодня, крестный. Вы скажете мнѣ это завтра.

И она вскочила съ мѣста съ явнымъ намѣреніемъ упорхнуть. Но Синявинъ остановилъ ее:

— Погоди, Ирина... А какое впечатлѣніе на тебя произвелъ Торопкинь?

— Впечатлѣніе?—спросила Ирина и на минуту задумалась, какъ бы припоминая, какое, въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе. — Онъ довольно неприятный... въ немъ есть что-то отталкивающее... но все же онъ милый... и я ему благодарна... Вѣдь подумайте, миленькій крестный, вѣдь это онъ пустил меня на сцену...

— Онъ, говорятъ, очень дурной человѣкъ, Ирина...

— А мнѣ до него лично нѣтъ никакого дѣла... Ну, вотъ уже зовутъ ужинать, крестный. Пойдемте? Вѣдь вы будете водку пить, такъ вамъ надо идти раньше... Давайте руку.

Синявину оставалось предложить ей руку и идти въ столовую.

Старцы уже пили здѣсь водку. Но когда Синявинъ ввелъ въ столовую Ирину, они поставили на столъ свои рюмки и начали дружно аплодировать Иринѣ. Тогда хлынула молодежь изъ гостиной и въ квартирѣ поднялся настоящій громъ аплодисментовъ. Слава какъ бы давала своей любимицѣ щедрый задатокъ...

Ирина улыбалась, отъ волненія кусая губы и блѣднѣя. Начался ужинъ. И по мѣрѣ того, какъ бутылки опорожнялись, воспоминанія и споры становились горячѣе. Потомъ воспоминанія слились со спорами, появилось шампанское, застучали ножи о рюмки, заговорили тосты, раздались поздравительные крики, началось чоганье.

Пирушка затянулась часовъ до четырехъ утра, когда всѣ разомъ, точно опомнившись, поднялись и стали прощаться и уходить.

Ирина отлично спала эту ночь и проснулась поздно, около полудня. Въ головѣ ея не было ни одной тревожной мысли. Будущее все сливалось передъ нею въ какомъ-то радужномъ свѣтѣ.

Несмотря на пережитую ею неудачу въ замужествѣ, она еще была наивна, вѣрила въ чистоту своего призванія и ни одно облачко не омрачало эту ея вѣру.

II.

Все было дѣйствительно такъ, какъ рассказывала Ирина Васильевна. Она отправилась къ Торопкину точно по какому-то наитію. Ее что-то толкнуло и шепнуло ей: «иди». Столько ни сиди, никто не придетъ просить тебя. И она пошла. День былъ непріемный. Въ кассѣ

она узнала, что Торопкинь въ театрѣ, въ своемъ кабинетѣ, который находился при конторѣ.

— Только сегодня онъ не принимаетъ,—сказали ей въ кассѣ. Но у нея было наитіе, которое толкало ее дальше.

Ей пришлось проходить черезъ фойе. Здѣсь она встрѣтила множество артистовъ. Должно быть, у нихъ была «считка», для которой они собрались здѣсь. Она многихъ узнала, но ея, разумѣется, никто не зналъ. Она очень часто бывала въ театрѣ и главныхъ актеровъ и актрисъ знала въ лицо.

Вотъ первая драматическая актриса Маргольская. Здѣсь она по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ старше, чѣмъ на сценѣ. Вотъ комическая старуха Лелявина. Она и въ бѣличьей шубейкѣ такъ же комична, какъ въ своихъ роляхъ. Вотъ первый любовникъ Аріостовъ. На него Ирина посмотрѣла долгимъ взглядомъ. Она была поклонницей его таланта... Но почему это у него такое желтое и испитое лицо? Точно онъ всю ночь кутилъ или былъ боленъ...

Но все это мимолетныя впечатлѣнія и мысли. Она шла довольно быстро и пришла въ контору. Здѣсь она спросила «господина Торопкина». Уже это было нарушеніе мѣстныхъ приличій. Директора всѣ называли не иначе, какъ Виссаріономъ Сергѣевичемъ, даже когда говорили о немъ, какъ о третьемъ лицѣ.

— Виссаріонъ Сергѣевич сегодня не принимаетъ,—съ непоколебимымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ ей господинъ, стоявшій за конторкой надъ какими-то цифрами, которыя онъ проставлялъ въ графахъ.

— Мнѣ непременно, непременно нужно,—сказала Ирина и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, а просто по женской привычкѣ, посмотрѣла на него такимъ ласковымъ и кокетливо-просительнымъ взглядомъ, что тотъ улыбнулся.

— И всетаки онъ не приметъ. Вы приходите послѣзавтра, когда у него будетъ приемъ. А сегодня я даже доложить не могу. Онъ меня убьетъ.

— Но я могу подождать здѣсь и... дождаться...

— Сдѣлайте милость, если вамъ не жаль даромъ потратить ваше время.

— Но онъ, вѣдь, выйдетъ сюда?

— А непременно выйдетъ, потому что другого хода нѣтъ и вонъ тамъ, въ передней, его шуба и калоши. Но онъ будетъ торопиться и прошмыгнетъ мимо васъ, какъ стрѣла...

— Всетаки я подожду...

— Пожалуйста... вонъ стулъ... не угодно ли?

Все это было очень любезно, но ничего хорошаго не обѣщало.

Ирина Васильевна сѣла на предложенный стулъ и ждала добросовѣстно часа полтора. Ни на минуту ея рѣшимость не ослабѣвала, ни разу ей не пришло въ голову уйти, отложить на послѣзавтра, а тѣмъ болѣе совѣмъ бросить свою затѣю. Человѣкъ, стоявшій за конторкой, отъ времени до времени взглядывалъ на нее, очевидно, любуясь ею, а можетъ быть и сожалѣя, что такая хорошенькая дама тратитъ даромъ свое время.

За эти полтора часа Ирина видѣла десятка полтора людей, прикосновенныхъ къ театру. Они всѣ влетали въ контору и безъ всякаго доклада проходили прямо къ директору. Тогда за дверью подымался шумъ, крикъ, споръ и вошедшій черезъ нѣкоторое время такъ же стремительно вылеталъ оттуда и мчался по дѣламъ. Очевидно, дѣло тутъ горѣло.

Послѣдними на глазахъ Ирины вошли двое, и человѣкъ, стоявшій за конторкой, сказалъ Иринѣ:

— Ну, теперь ужъ у васъ не можетъ быть никакой надежды. Это два архитектора. Виссаріонъ Сергѣевичъ сейчасъ пойдетъ съ ними осматривать сцену.

— Сейчасъ?—вдругъ оживившись, спросила Ирина.

— Да, сейчасъ, такъ какъ осмотръ назначенъ въ три съ половиной.

И въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ пять дверь, на которой была надпись: «кабинетъ директора», растворилась, и оттуда вышли сперва два архитектора, а затѣмъ и самъ Торопкинъ.

Ирина до сихъ поръ никогда не видѣла этого знаменитаго человѣка, но, разумѣется, сразу его признала. Лицо у него было непріятное: суровое и холодное, съ выраженіемъ крайней надменности и презрѣнія ко всѣмъ, на кого онъ смотрѣлъ. Высокій, худощавый, онъ былъ бы довольно стройный, еслибъ не имѣлъ дѣловой привычки вѣчно торопящагося человѣка, постоянно нагибаться впередъ, какъ бы собираясь бѣжать. Лицо все выбритое, кожа на немъ точно восковая, но безъ морщинъ, волосы на головѣ довольно густые, съ легкой просѣдью.

Они продолжали разговоръ на быстромъ ходу, и Торопкинъ дошелъ уже почти до двери, которая вела въ переднюю, какъ вдругъ его остановила быстро придвинувшаяся къ нему Ирина, буквально преградившая ему дорогу.

— Могу я отнять у васъ пять минутъ?—спросила она своимъ мягкимъ и въ то же время звучнымъ «сценическимъ голосомъ»

Торопкинъ отъ неожиданности вздрогнулъ и, еще не разглядѣвъ смѣлой просительницы, строго посмотрѣлъ на человѣка, стоявшаго

за конторкой, явно дѣлая ему молчаливый выговоръ за недостаточную бдительность.

— Объявите день и часъ приѣма,—бросилъ онъ ему и хотѣлъ обойти просительницу, чтобы продолжать путь.

— Мнѣ объявили, но... но мнѣ необходимо,—отвѣтила Ирина.

Только теперь Торопкинъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы, и его долгій пристальный и холодный взглядъ остановился на ея лицѣ. Богъ знаетъ, что произошло въ головѣ директора въ эту минуту, но его намѣренія вдругъ измѣнились.

— Вамъ необходимо?—спросилъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

— Да, я очень просила бы,—отвѣтила Ирина и вдругъ сильно смутилась подъ его страннымъ взглядомъ.

— Хорошо, пожалуй! Господа, одну минуту. Извините!—сказалъ онъ, обращаясь въ переднюю, гдѣ уже были архитекторы, и затѣмъ прибавилъ Иринѣ:—Прошу васъ,—и указалъ на дверь въ кабинетъ.

Это было такъ непривычно, что человѣкъ, стоявшій за конторкой, сорвался съ своего мѣста и, растворивъ настежь дверь въ кабинетъ, прошепталъ:

— Пожалуйста!

И Ирина первая прошла въ кабинетъ, а вслѣдъ за нею Торопкинъ. Дверь затворилась.

— Садитесь,—торопливымъ голосомъ сказалъ Торопкинъ и быстрымъ жестомъ указалъ на стулъ.

Ирина сѣла. Онъ тоже занялъ свое мѣсто за длиннымъ столомъ.

— Ну-те-съ?—промолвилъ онъ и посмотрѣлъ на нее вопросительнымъ взглядомъ.

Ирина вдругъ почувствовала такое глубокое смущеніе, что не знала, какъ начать свою рѣчь, а онъ все смотрѣлъ на нее, и странная усмѣшка скользила по его губамъ, по лицу и бѣгала въ его глазахъ. Онъ какъ бы смѣялся надъ ея смущеніемъ. Но онъ же, очевидно, великодушно захотѣлъ выручить ее.

— Вы, конечно, хотите поступить на сцену?—сказалъ онъ.

— О, да!—вырвалось у Ирины изъ глубины души.

— Какія же у васъ для этого есть основанія?

— Мнѣ кажется,—начала Ирина, но остановилась и перевела дуъ.—Мнѣ кажется, что у меня есть... способности.

— И это еще кому-нибудь кажется?—съ усмѣшкой спросилъ Торопкинъ.

— Да! Мой отецъ устроилъ для меня маленькій спектакль.

— Ахъ, такъ вы г-жа Лебедянцева?—спросилъ Торопкинъ, и въ глазахъ его мелькнула тѣнь разочарованія.

— Да, урожденная. По мужу я—Брянчинова.

— Какъ? Вы замужемъ?—почему-то съ изумленіемъ спросилъ директоръ.

— Да, но только...

Тутъ ужъ Ирина окончательно запнулась. Ей самой вдругъ показалось страннымъ, съ какой стати она посвящаетъ его въ свою личную жизнь, и она, вмѣсто задуманнаго конца своей фразы, просто проговорила:

— Да, замужемъ.

— Я слышалъ про этотъ спектакль,—замѣтилъ Торопкинъ,—но васъ тогда такъ хвалили въ газетахъ, что я не повѣрилъ и, признаться, не вѣрю. Однако, что же вы хотите? Вашъ папа, если не ошибаюсь, былъ у меня, и я имѣлъ честь объяснить ему, что у насъ всѣ амплуа заняты.

— Позвольте мнѣ высказать то, что я думаю,—сказала Ирина, вдругъ овладѣвъ собой и какъ-то всѣми своими нервами почувствовавъ, что это страшно важный моментъ въ ея жизни, который не дай Богъ упустить.—Я думаю, что какъ бы ни была полна труппа, но если въ ней серьезно относятся къ искусству, то истинному дарованію никогда не дадутъ пройти мимо... Развѣ это не такъ?

— Если хотите, такъ. Но истинное дарованіе... это такая рѣдкость. Вы считаете себя истиннымъ дарованіемъ?—съ тонкой усмѣшкой спросилъ Торопкинъ.

— Иначе я не пришла бы къ вамъ,—отвѣтила Ирина.

— Чѣмъ же вы можете доказать это? Дебютомъ, конечно. Но я смотрю на неудачные дебюты, какъ на эксплуатацію вниманія публики. Публика платитъ деньги не за пробы, а за настоящее искусство. У васъ есть наружность—очень оригинальная... голосъ... да... но это далеко еще не все, что нужно. Для сцены недостаточно одного-двухъ-трехъ качествъ, надо имѣть всѣ качества.

— Позвольте мнѣ прочитатъ вамъ.

— Сейчасъ? Но меня ждуть два архитектора.

— Я отниму у васъ всего еще три минуты.

— Вы такъ настойчивы... Извольте...

Ирина не поднялась съ мѣста, не стала въ позу, даже не отодвинулась, не пошевелинулась, а такъ, какъ сидѣла, начала читать монологъ Софьи и сдѣлала это такъ просто, какъ будто Торопкинъ вдругъ превратился въ Чацкаго, а она продолжала прерванный разговоръ съ нимъ.

Онъ такъ заинтересовался и такъ вошелъ въ ея чтеніе, что, когда она на минуту остановилась, онъ подалъ ей реплику изъ роли Чацкаго, и Ирина, поблагодаривъ его чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы, продолжала.

Въ ея чтеніи не было ничего приподнятаго, патетическаго, актерскаго. Но эта простота, эта легкость, съ которой она безъ всякихъ ухищреній, безъ помощи жестовъ и движеній, передавала душевное состояніе героини, просто поразили Торопкина своей неожиданностью.

— Довольно, довольно и... я люблю говорить правду: восхиительно, — воскликнулъ Торопкинъ. — Теперь я начинаю думать, что вы не заблуждаетесь. Можете вы посидѣть здѣсь двадцать минутъ? Мы осмотримъ тамъ кое-что, и я вернусь. Пожалуйста!

И, не дожидаясь отвѣта, онъ поднялся и вышелъ изъ-за стола. Ирина, вся охваченная ею же произведеннымъ впечатлѣніемъ на директора, утвердительно кивнула ему головой и осталась, а Торопкинъ вышелъ.

Все это было похоже на сонъ, но Ирина видѣла въ этомъ только справедливость. Она чувствовала въ себѣ дарованіе и вѣрила, что рано или поздно весь міръ долженъ почувствовать это такъ же, какъ и она.

Тѣмъ не менѣе въ продолженіе четверти часа отсутствія Торопкина сердце ея билось усиленно, и эти четверть часа показались ей вѣчностью.

Торопкинъ вернулся и, безъ дальнѣйшихъ предисловій, предложилъ ей ангажементъ и двѣ тысячи, прибавилъ:

— Это окладъ, ради котораго всякая начинающая актриса дала бы себя провести сквозь строй, а вамъ онъ достается даромъ.

Ирина, конечно, не торговалась и подписала контрактъ, даже не просмотрѣвъ его.

Вотъ какъ произошло это событіе, такъ обезпокоившее Петра Ивановича Синявина. Но въ интимномъ кругу Лебедянцевыхъ не одинъ Синявинъ скептически смотрѣлъ на сказочный успѣхъ Ирины. Братъ ея Андрей тоже не выразилъ восторга по этому поводу; но у него были для этого особыя причины.

Андрей Лебедянецъ принадлежалъ къ той партіи, которая снисходительно смотрѣла на искусство, отводя ему довольно жалкую роль въ ряду различныхъ проявленій дѣятельности человѣческаго духа. Онъ готовилъ себя къ врачебной работѣ и былъ убѣжденный медикъ. Онъ воспринялъ ярче всего тѣ идеи, которыя, безъ глубокаго убѣжденія, его мать Варвара Николаевна проповѣдовала лѣтъ пятнадцать тому назадъ и которыя она сама теперь хорошо позабыла.

Онъ былъ народникъ и рѣшилъ посвятить свою дѣятельность безпомощной деревнѣ. «Чортъ возьми,—говорилъ онъ,—у ста милліоновъ людей нарыва некому разрѣзать. Двадцать милліоновъ гниетъ отъ дурныхъ и отъ хорошихъ болѣзней, а ты, Ирина, мечтаешь о какомъ-то служеніи какому-то тамъ искусству... Ха! Искусство заставляетъ смѣяться или плакать чиновниковъ, получающихъ круглые казенные оклады, и торговцевъ, обманывающихъ честный народъ».

И когда Ирина рассказала о своей необыкновенной удачѣ у Торопкина, Андрей только скорчилъ кислую мину и промолчалъ. На вечеринкѣ онъ веселился, но просто потому, что была «хорошая компанія» и было весело. Но самому поводу онъ не придавалъ никакого значенія.

Такимъ образомъ, четверо ближайшихъ людей около Ирины тотчасъ раздѣлились на три партіи. Василій Марковичъ и Варвара Николаевна слѣпо вѣрили, что ангажементъ Ирины есть благо, безусловное благо, безъ всякихъ оговорокъ и исключеній. Петръ Ивановичъ Синявинъ, полагая также, что по существу это—благо, былъ смущенъ обстоятельствомъ, при которыхъ оно случилось, и боялся, какъ бы, благодаря этимъ обстоятельствамъ, благо не превратилось въ зло. Андрей же и по существу признавалъ это за зло.

Но такъ какъ отрицаніе легче сближаетъ людей, то Синявинъ скорѣе рассчитывалъ найти сочувствіе у Андрея и потому на вечерѣ, передъ тѣмъ какъ проститься, отвелъ Андрея въ сторону и сказалъ ему:

— Не зайдешь ли ко мнѣ завтра? Хотѣлось бы поговорить...

Андрей уже понималъ, что предметомъ разговора можетъ быть только Ирина и ея ангажементъ, и ему тутъ же хотѣлось сказать, что дѣло это, на его взглядъ, не стоитъ выѣденнаго яйца, но онъ уважалъ Синявина и потому отвѣтилъ:

— Я приду.

— Въ завтраку?

— Могу и къ завтраку.

И на другой день послѣ праздника Андрей около полудня былъ у Синявина. Петръ Ивановичъ Синявинъ, занимавшій одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ столичной судебной бюрократіи и съ большими шансами мѣтившій въ сановники, вель образъ жизни, нисколько не похожій на тотъ, какой вели въ большомъ, многолюдномъ домѣ на Николаевской улицѣ.

Квартира его помѣщалась на Моховой, состояла изъ четырехъ большихъ, свѣтлыхъ, высокихъ комнатъ, которыми полновластно завѣдовалъ лакей и мажордомъ Евсеій, онъ же Авсей, и онъ же Пи-

латъ. Послѣднее имя онъ получилъ непосредственно отъ самого Петра Ивановича за то, что во всѣхъ случаяхъ, когда ему приказывали сдѣлать что-нибудь противъ его собственнаго убѣжденія, на примѣръ, закрыть у печки трубу раньше, чѣмъ онъ считалъ своевременнымъ, или выставить рамы, когда, по его мнѣнью, погода еще была «простудная», онъ говорилъ:

— Извольте-съ, ваше превосходительство, только я умываю руки... простудитесь, такъ я ужъ умываю руки-съ.

И онъ такъ часто «умываль руки», что Петръ Ивановичъ, наконецъ, сказалъ ему:

— Ну, ты не Евсей и не Авсей, а Понтій Пилать.

И съ тѣхъ поръ его рѣдко пазывали принадлежащимъ ему именемъ, а больше Понтиемъ или Пилатомъ.

Квартира Синявина была обставлена богато, красиво и какъ только можно уютно; но въ ней недоставало чего-то, что даетъ присутствіе и вкусъ женщины. Василій Марковичъ говорилъ, что у Синявина «обстановка эгоистическая».

Синявинъ никогда не былъ женатъ, держалъ лакея и повара, — женщины въ его квартирѣ только мыли окна передъ большими праздниками. Но онъ далеко не былъ ненавистникомъ женщинъ. Въ свое время у него были романы и даже опасность, которой онъ однако-жъ очень счастливо избѣжалъ, и остался холостякомъ.

Борректный, сдержанный, воспитанный, любящій жизнь въ ея изящныхъ формахъ, Синявинъ былъ чрезвычайно терпимъ по части мнѣній, допуская все, во что человѣкъ вѣруеть искренно, но однако-жъ все, кромѣ одного. У него не было опредѣленныхъ философскихъ убѣжденій, онъ допускалъ какіе угодно отгѣнки въ области морали и политики, при немъ могли высказывать самыя различныя мнѣнія, онъ ихъ выслушивалъ съ улыбкой. Но если заходила рѣчь о «судебныхъ уставахъ», тутъ онъ настораживался и каждую минуту готовъ былъ защищать и нападать. «Судебные уставы» были его вѣрой, онъ началъ свою службу вмѣстѣ съ ними и тогда же безповоротно увѣровалъ въ нихъ.

Въ этой области въ послѣдніе годы ему пришлось перенести много огорченій и обидъ, и не разъ у него являлась мысль о выходѣ въ отставку.

Онъ говорилъ себѣ: «Когда твои дорогіе принципы выходятъ въ отставку, то и ты долженъ выходить съ ними».

Но тутъ же онъ и возражалъ себѣ: «А кто же долженъ защищать ихъ и проводить во что бы то ни стало? Времена измѣнчивы. А правда никогда не умираетъ. Рано или поздно она возродится, и тогда — какъ

ты будешь смотрѣть имъ въ глаза, ты, онустившій руки, когда въ нихъ есть еще сила?»

И онъ оставался. Въ карьерѣ для жалованья онъ не нуждался: у него были свои хорошія средства, а бюрократическое честолюбіе было ему почти чуждо.

Съ Лебедянцевымъ онъ былъ друженъ съ школьной скамьи и теперь питалъ самыя нѣжныя чувства къ дѣтямъ Василя Марковича: къ Андрею и, въ особенности, къ своей крестницѣ Иринѣ. Уже одинъ разъ онъ испыталъ огорченіе, когда, помимо его совѣта, гдѣ-то за границей, легкомысленные старики допустили ея бракъ съ какимъ-то проходимцемъ. Теперь что-то опасное совершается на его глазахъ, и онъ принужденъ оставаться зрителемъ. Ихъ точно мчитъ какой-то неустойчивый потокъ, они не слышатъ предостерегающихъ криковъ.

И когда въ передней раздался звонокъ и послышались шаги Андрея, Петръ Ивановичъ выбѣжалъ изъ кабинета и пошелъ ему навстрѣчу.

— Ну, вотъ и прекрасно. Сейчасъ будемъ завтракать. У меня есть свободныхъ цѣлыхъ два часа... Нилать, Пилать! Не готовъ ли завтракъ?—говорилъ Синявинъ.

— Пожалуйте-сь, готово,—откликнулся Пилать изъ столовой, и хозяинъ съ гостемъ направились туда.

Небольшой четырехугольный столъ былъ сервированъ нарядно, съ излишествомъ разноцвѣтныхъ рюмокъ и стакановъ, съ букетомъ розъ посрединѣ, съ разнообразнымъ выборомъ самыхъ пикантныхъ закусокъ.

Синявинъ, по опредѣленію Пилата, «жилъ съ удовольствіемъ», и каждый его обѣдъ и завтракъ былъ маленькимъ пиршествомъ.

— Ну, Петръ Ивановичъ,—говорилъ Андрей,—когда я въ моемъ желудкѣ ощущаю побужденіе къ разврату, я всегда иду къ вамъ пировать.

— И ты совершенно правъ, мой другъ,—почти серьезно отвѣтилъ Синявинъ.—Только это не развратъ, а философски обоснованное убѣжденіе.

— Даже философски, Петръ Ивановичъ?

— Безъ сомнѣнія. Обѣдъ и завтракъ—это единственныя реальныя блага, неподверженныя какому бы то ни было контролю и какимъ бы то ни было ограниченіямъ и урѣзкамъ извнѣ. Обѣденный столъ—единственное мѣсто, гдѣ гражданинъ можетъ свободно проявлять свой вкусъ. Такъ ужъ надо этимъ пользоваться, хотя бы для того, чтобы хоть на чемъ-нибудь упражнять инстинктъ свободы.

— Ой, ой! какъ это гудряво и замысловато. А главное, что при

такого рода упражненіяхъ инстинктъ свободы разжирѣеть и едва ли будетъ къ чему-либо способенъ, кромѣ постояннаго возвращенія къ этимъ же упражненіямъ. Но вы не для этихъ же упражненій позвали меня въ свой домъ?

— Отчасти нѣтъ... но сперва закусимъ, а потомъ ужъ перейдемъ и къ другимъ предметамъ.

— Къ рыбѣ, зелени и жаркому.

— Вмѣсто рыбы будутъ устрицы... Ты ничего противъ нихъ не имѣешь?

— Въ принципѣ имѣю, но на практикѣ ѣмъ съ удовольствіемъ.

Андрей походилъ лицомъ на мать. Средняго роста, коренастый, съ темной бородкой, съ здоровымъ, пріятнымъ, грубоватымъ лицомъ, онъ вообще былъ тяжеловатъ и неловокъ, а въ рѣчахъ рѣзокъ и прямъ. Военный мундиръ медицинскаго студента сидѣлъ на немъ какъ-то нелѣпо, и онъ смотрѣлъ на него, какъ на нѣчто временное, собираясь, отслуживъ казнѣ, что полагается, снять его. Планъ его жизни пока былъ простъ: никакой службы, никакого жалованья, работа на свой страхъ въ деревнѣ. Объ этомъ онъ мечталъ, и его огорчало только то обстоятельство, что этого нельзя начать сейчасъ же. «Еще, чего добраго, пройдетъ пыль... У многихъ, говорятъ, потомъ это проходитъ».

— Ты, вѣроятно, догадываешься, о чемъ я хочу говорить съ тобой?—сказалъ, наконецъ, Синявинъ, когда Пилать подалъ устрицы.

— Еще бы не догадаться! О чемъ же, какъ не о вашемъ общемъ кумирѣ, объ этомъ сосудѣ скудельномъ, которому грозитъ опасность разбиться,—грубовато отозвался Андрей.

— Ты говоришь такъ, какъ будто не любишь свою сестру.

— Ирину? Люблю самымъ нѣжнымъ образомъ. И оттого-то и предоставляю ей дѣлать съ собой то, что она хочетъ, несмотря на то, что дѣлаетъ она явныя глупости.

— Вотъ объ этомъ-то я и говорю.

— Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы не объ этомъ говорите. Это вамъ только кажется, что объ этомъ, а въ сущности совсѣмъ о другомъ. Я вамъ сейчасъ скажу, какая разница.

Андрей во время закуски выпилъ двѣ рюмки водки, а устрицы довольно усердно запивалъ превосходнымъ шабли, и оттого языкъ его, обыкновенно не слишкомъ-то поворотливый, дѣйствовалъ очень свободно.

— Вы полагаете, что Ирина вмѣщаетъ въ себѣ драгоценный кладъ—сценическій талантъ, который можетъ освѣтить тьму, въ коей блуждаетъ человѣчество, новымъ, еще невиданнымъ, свѣтомъ, но что вступленіе ея на сцену произошло при такихъ обстоятельствахъ

которыя... ну, которыя вамъ не нравятся. Я же думаю, что и самому таланту, какъ бы онъ ни былъ великолѣпенъ, грошъ цѣна. А, значить, и вопросъ объ обстоятельствахъ вступленія его на сцену не имѣеть серьезнаго значенія.

— Но погоди, Андрей, это не такъ, — возразилъ Петръ Ивановичъ. — Ты можешь на талантъ Ирины смотрѣть, какъ тебѣ угодно, но тутъ уже дѣло не въ талантѣ, тутъ выступаетъ на первый планъ женщина и твоя сестра... Ты самъ только что сказалъ, что любишь ее.

— Что же изъ того, что люблю?

— Любишь, значить, долженъ принимать близко къ сердцу ея интересы.

— Ея интересы устроены великолѣпно. Она достигнетъ желаемого. Ея завѣтная мечта осуществилась. Много ли на свѣтѣ такихъ людей, которые могутъ похвастаться этимъ? Вы понимаете: завѣтная мечта. Она вѣдь, повидимому, для того и создана, чтобъ никогда не осуществляться, а тутъ вдругъ осуществилась.

— Послушай, Андрей, ты или не видишь, или не хочешь признавать оборотной стороны медали, — возразилъ Петръ Ивановичъ.

— Совсѣмъ нѣтъ: я и вижу, и признаю. Но вѣдь медаль не мыслима безъ оборотной стороны. И кто хочетъ любоваться лицевой, тотъ неизбежно долженъ признать и оборотную. Притомъ же оборотная сторона всегда соотвѣтствуетъ лицевой, значить, вся суть въ томъ, кто какую медаль для себя предпочитаетъ...

— Полно. Не станешь же ты желать для своей сестры чего-нибудь позорнаго... О Торопкинѣ ты кое-что слышалъ... и ты понимаешь, что это не такой экспансивный человекъ, чтобы, на основаніи перваго впечатлѣнія, опредѣлить талантъ и торопиться съ контрактомъ. Очевидно, кромѣ таланта для сцены, тутъ еще на него произвела впечатлѣніе наружность Ирины, и это ужъ не для сцены, а для себя...

Тутъ Синявинъ почувствовалъ, что сказалъ слишкомъ много, остановился и налилъ вина въ стаканы.

— Ты попробуй краснаго, послѣ мяса красное пріятнѣе. Это очень доброкачественный Pontecanet.

— Ну, знаете, Петръ Ивановичъ, послѣ вашихъ завтраковъ мудрено добровольно отправиться въ деревню лѣчить мужиковъ... Когда я отслужу свой срокъ и буду собираться въ деревню, я мѣсяца за три передъ этимъ перестану у васъ завтракать! — промолвилъ Андрей, пробуя красное вино.

— А ты на этомъ всетаки упорно настаиваешь?

— Упорно.

— Но зачѣмъ тебѣ бросать военную службу? Развѣ солдатъ не тотъ же мужикъ? Ты будешь лѣчить солдатъ, вѣдь это все равно.

Андрей засмѣялся.

— Вы думаете, что я ищу чести лѣчить мужика во что бы то ни стало. Но увѣряю васъ, что, если бы случилась такая невѣроятная пертурбація, что вдругъ въ городахъ не осталось бы ни одного врача, а всѣ пошли въ деревню и не кому было бы лѣчить чиновниковъ, я остался бы въ городѣ, чтобы лѣчить чиновниковъ. Я просто хочу пойти съ своими врачебными знаніями къ тому, кого не кому лѣчить. А у солдата есть врачъ, я ему не нуженъ.

Подали фрукты и кофе, на столѣ появились коньякъ и шартрезъ. Андрей почувствовалъ, что у него въ головѣ забродилъ хмель, и отодвинулъ отъ себя и то, и другое.

— Это будетъ слишкомъ весело, — сказалъ онъ, — а я въ настоящую минуту не вижу повода для веселья.

— Сигару, — предложилъ Синявинъ.

— Тоже позвольте избѣжать, — отвѣтилъ Андрей, и закурилъ папиросу.

— А всетаки ты не отгליкнулся на мое сомнѣніе? — не довольно рѣшительно промолвилъ Синявинъ.

— Это насчетъ позорнаго, — воскликнулъ Андрей, всталъ одновременно съ хозяиномъ изъ-за стола и, съ чашкой кофе въ рукахъ, переселился на маленькій диванчикъ — мягкій, уютный, высокій, съ отлогой спинкой. — Насчетъ позорнаго я вамъ, Петръ Ивановичъ, отвѣчу слѣдующее: я уже замѣтилъ по поводу медали: кто какую выбираетъ. На оборотной сторонѣ обыкновенно бываетъ надпись. Такъ вотъ, значить, кто хочетъ соблюсти себя, тотъ выбираетъ такую медаль, на оборотной сторонѣ которой надпись приличная. А кто о соблюденіи себя не думаетъ, а мечтаетъ только о томъ, чтобы получить медаль побольше и поблестящей, такъ тотъ, того и гляди, обрѣтетъ такую на оборотной сторонѣ надпись, что постороннему человѣку и показать ее стыдно... Ну, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь...

— Ты такъ на это смотришь? — промолвилъ Петръ Ивановичъ, съ изумленіемъ глядя на своего гостя.

— Такъ я смотрю на это, Петръ Ивановичъ, — спокойно и съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Андрей.

— Такъ что, еслибъ съ Ириной случилось что-нибудь позорное, тебя это даже... даже не опечалило бы.

— Что значить: опечалило бы. Да, конечно, опечалило бы и очень даже. Но... когда человѣкъ вступаетъ, и притомъ добровольно, въ

завѣдомое болото, смѣшно говорить: ахъ, какъ бы онъ не запачкался!... и къ тому же позорное не случается. То, что случилось, то есть помимо насъ, не позорно, потому что мы за него не отвѣтственны. Позорное обыкновенно сидитъ въ человѣкѣ, такъ сказать, въ потенциальномъ состояніи.

— Погоди, погоди... Ты считаешь болотомъ сценическую карьеру?

— Для женщины — почти да. У насъ въ Россіи еще, пожалуй, одной изъ десятка, сдѣлавшихъ хорошую сценическую карьеру, удастся остаться не запачканной, но вы послушали бы, что мнѣ рассказывала одна французская актриса...

— А ты знакомъ съ французскими актрисами?—спросилъ Синявинъ, и въ его голосѣ и глазахъ появился игривый отгѣнокъ.

— Ну, вотъ видите, вы сами не можете безъ фривольной улыбки спрашивать даже объ этомъ знакомствѣ,—замѣтилъ Андрей и этимъ замѣчаніемъ, видимо, сконфузилъ Синявина.—Да, такъ она мнѣ рассказывала вотъ что: въ Парижѣ, да и вообще во Франціи, будь женщина съ гениальнымъ талантомъ въ области искусства, ей ни за что не дадутъ всплыть на поверхность и занять видное мѣсто, если она не запасется такъ называемымъ «покровителемъ». Многія изъ тѣхъ, чьи имена нынѣ гремятъ, пробовали добиваться самостоятельно, но ихъ отовсюду оттирали... и только, когда онѣ приобрѣтали себѣ un ami, этотъ ami проводилъ ихъ, куда надо. Такова монополія мужчинъ... А въ концѣ концовъ,—прибавилъ Андрей, поставивъ кофейную чашку на каминъ и, видимо, собравшись прощаться:—каждый имѣетъ право распорядиться своей особой, какъ ему угодно... Ну, и Ирина тоже... До свиданія, Петръ Ивановичъ, вамъ тоже вѣдь пора!

— Я подвезу тебя, не хочешь ли? — предложилъ Петръ Ивановичъ.

— Спасибо, но мнѣ тутъ въ двухъ шагахъ въ глазную лѣчебницу... Интересная операція будетъ.

Андрей простился и ушелъ, оставивъ Синявина недоумѣвающимъ и неудовлетвореннымъ.

«Какіе, однако, опредѣленные взгляды на жизнь у нынѣшнихъ молодыхъ людей,—сказалъ онъ себѣ,—они не колеблются, не сомнѣваются и о всѣхъ вещахъ судятъ такъ, какъ будто прожили долгую жизнь, чувствовали и страдали»...

III.

Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ вечеринки, Петръ Ивановичъ заѣхалъ къ Лебедянцевымъ прямо изъ суда, часовъ въ пять вечера,

онъ не засталъ дома Ирины, а стариковъ нашелъ обоихъ въ дурномъ настроеніи. Они долго не выдавали своей тайны, но такъ какъ Синявинъ допытывался, то Василій Марковичъ не выдержалъ и объяснилъ, когда они были вдвоемъ въ кабинетѣ.

— Видишь ли, прескверное обстоятельство... До сихъ поръ я тебѣ не говорилъ ничего, что касается этого... отвратительное обстоятельство...

Область, которую держали прикрытой отъ наблюдательныхъ глазъ Синявина, была, однакожъ, ему очень хорошо извѣстна. Это было все, что касалось Брянчинова, его нынѣшнихъ отношеній къ Лебедянцевымъ и даже обстоятельству, сопровождавшихъ самый бракъ Ирины.

Было рассказано просто, что произошла ошибка. Бываетъ же такъ, что люди не сойдутся характерами. Но Петръ Ивановичъ хорошо зналъ, что тутъ дѣло не въ характерахъ только. И понималъ онъ, почему Лебедянцевы, которые были съ нимъ во всемъ откровенны, въ этомъ дѣлѣ играли въ прятки. Они чувствовали себя виноватыми передъ нимъ. Они знали его нѣжное отношеніе къ Иринѣ и, по справедливости, должны были посоветоваться съ нимъ. И, если бы они это сдѣлали, ужасный бракъ Ирины съ этимъ господиномъ не состоялся бы. Къ такого рода тинамъ у Синявина былъ нюхъ и, кромѣ того, были средства навести справки.

Синявинъ потомъ и навелъ эти справки и узналъ, что наивный дѣйствительный статскій совѣтникъ, всю жизнь судившій плутовъ, воровъ и разбойниковъ, человекъ, передъ глазами котораго прошли тысячи самыхъ хитросплетенныхъ плутовскихъ исторій, попался на самую шаблонную удочку.

Что Ирина увлеклась красивымъ, блестящимъ, хорошо воспитаннымъ, ловкимъ молодымъ человекомъ, носившимъ, къ тому же, фамилію, почтенные представители которой попадались въ Россіи на важныхъ мѣстахъ и въ большихъ чинахъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго. Всѣ русскіе, жившіе въ то лѣто въ маленькомъ нѣмецкомъ курортѣ, были въ восторгѣ отъ Брянчинова. Но дѣйствительному статскому совѣтнику слѣдовало бы хорошенько подумать, прежде чѣмъ благословить.

Брянчиновъ дѣйствительно принадлежалъ къ почтенной фамиліи, но почтенная фамилія осталась въ Россіи и его давно уже не признавала. Врачи говорили, что онъ былъ дегенерантъ, а съ точки зрѣнія Синявина—это былъ «прирожденный пассажиръ парохода, отправляющагося на Сахалинъ».

Двадцати двухъ лѣтъ, получивъ порядочное образованіе и дойдя до третьяго курса высшаго учебнаго заведенія, по инженерной части,

онъ совершилъ цѣлую тѣму разныхъ мелкихъ мошенничествъ, надавалъ родительскихъ и разныхъ другихъ векселей, отлично поддѣлывая всѣ нужныя подписи, чѣмъ огорчилъ своего сановнаго отца до того, что съ тѣмъ сдѣлался ударъ и онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ.

Единственное, что могли сдѣлать для его спасенія, да виѣстѣ и для своего спокойствія родственники, это — отправить его за границу, а дома замѣть и затереть всѣ его продѣлки.

Но за границей молодой человѣкъ не потерялся, а повелъ себя смѣло и бойко, совершая блестящія, иногда гениальныя извороты, играя и нерѣдко выигрывая крупныя суммы въ разныхъ казино, гдѣ были баккара и рулетка, а въ промежуткахъ очаровывая русскихъ на разныхъ лѣтнихъ курортахъ.

Ириной онъ, кажется, увлекся искренно и, когда у Лебедянце-выхъ открылись глаза, не хотѣлъ разставаться съ нею до тѣхъ поръ, пока Василий Марковичъ не погрозилъ ему полиціей и не поставилъ ребромъ вопросъ объ его личной свободѣ. Тогда они разстались, и Лебедянцевы «бѣжали» отъ него въ Петербургъ, куда для Брянчинова возвратъ былъ невозможенъ.

Но надо сказать правду, что съ тѣхъ поръ, какъ они разстались, Брянчиновъ ни разу ихъ не обезпокоилъ. Онъ не грозилъ, не требовалъ денегъ и вообще не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ. Едва ли это былъ систематическій плутъ, способный дѣйствовать по опредѣленному плану. Человѣкъ минуты, онъ могъ быть и честнымъ, и великодушнымъ, когда у него была удача. И, по всей вѣроятности, въ эти два года ему везло.

Все это зналъ Синявинъ, но не отъ Лебедянцевыхъ, а изъ другихъ источниковъ, но, очевидно, произошло что-то новое, чего онъ еще не зналъ.

— Да, — замѣтилъ Синявинъ, на признаніе Василя Марковича. — Ты мнѣ не говорилъ, но это только потому, что ты былъ неправъ.

— Это совершенно вѣрно, Петръ Ивановичъ, совершенно вѣрно. Я былъ неправъ противъ тебя.

— Но ты не трудись рассказывать. Я все знаю. Не отъ тебя, но все равно, это такъ же достовѣрно, какъ бы и отъ тебя. Но что же теперь еще случилось?

— Видишь ли, — началъ повѣствовательнымъ тономъ Василий Марковичъ, — тутъ я опять, должно быть, виноватъ. Человѣкъ этотъ ничѣмъ себя не проявлялъ, оставляя насъ въ покоѣ, а мнѣ вдругъ пришло въ голову...

— Предложить ему денегъ, что ли, — смѣясь, спросилъ Снявинъ.

— Въ этомъ родѣ...

— Оригинально и великодушно.

— Нѣтъ, выслушай! Хотя онъ и ничѣмъ не напоминалъ о себѣ, тѣмъ не менѣе, что тамъ ни говори, у Ирины есть мужъ, способный каждую минуту выкинуть такую штуку, отъ которой мы всѣ покраснѣемъ... Надъ Ириной, а стало быть и надъ нами, виситъ Домогловъ мечъ... И вотъ я узналъ его адресъ и написалъ ему...

— Ты написалъ ему? Да, это было неосторожно.

— По всей вѣроятности. Я написалъ ему слѣдующее: если въ вашей душѣ осталась хоть капля порядочности, то вы должны понимать, что такое положеніе не можетъ продолжаться. Вашъ бракъ съ моею дочерью—это несчастье, въ которомъ, однако, я виню не васъ, а себя. Потрудитесь же объяснить мнѣ, на какихъ условіяхъ вы согласитесь дать ей свободу, то-есть разводъ.

— Великолѣпно. И послѣ этого я сказалъ бы, что онъ совершеннѣйшій глупецъ, если не заломилъ съ тебя сто тысячъ.

— Не совсѣмъ такъ. Вотъ что я получилъ отъ него въ отвѣтъ.
Читай!

Онъ досталъ изъ ящика письменнаго стола необыкновенно торжественный и расфранченный конвертъ съ сургучной печатью. Въ конвертъ было письмо на большомъ почтовомъ листѣ очень крупнымъ элегантнымъ почеркомъ.

«Милостивый государь, Василій Марковичъ! Ваше предложеніе—это счастливѣйшая изъ мыслей, какая когда-либо приходила въ голову человѣку. Вамъ извѣстно, что моими дѣйствіями по отношенію Ирины Васильевны руководило одно только искреннее чувство; по всей вѣроятности, то же было и со стороны Ирины Васильевны. Но чувства не прочны и теперь ужъ они канули въ Лету. Бракъ же безъ чувства есть нелѣпость, а слѣдовательно, и нашего брака фактически уже нѣтъ. Однако-жъ уничтоженіе факта не всегда совпадаетъ съ прекращеніемъ права. Въ данномъ случаѣ фактъ уничтоженъ, а право осталось. Признаюсь, я никогда не думалъ объ этомъ, и, увѣрю васъ, ни разу въ моей головѣ не гостила мысль о томъ, что право мое можетъ быть реализовано въ нѣкоторой суммѣ, способной на болѣе или менѣе продолжительное время доставить мнѣ спокойную жизнь. Но вы дали мнѣ эту мысль и утвердили ее въ моей головѣ. Въ настоящее время я сдѣлался скромнѣе, и мнѣ совершенно достаточно, для моего полнаго счастья, ежегодной ренты въ три тысячи франковъ, для чего требуется сумма—100,000 франк., что по сегодняшнему курсу составляетъ тридцать семь тысячъ рублей. Эти цифры и да послу-

жать моимъ отвѣтомъ на ваше предложеніе. Съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга Борисъ Брянчиновъ».

— Теперь ты понимаешь, почему я такъ разстроился, — сказалъ Василій Марковичъ, когда Синявинъ прочиталъ письмо. — Я, конечно, не остановился бы передъ этимъ ради спокойствія Ирины, но ты знаешь, что у меня средства небольшія, составляются они изъ пенсіи и маленькаго дохода семейнаго.

— Поймай, Василій Марковичъ, я не хуже тебя знаю, изъ чего составляются твои средства, — перебилъ его Синявинъ. — Но, если бы у тебя было свободныхъ денегъ сто разъ по тридцать семь тысячъ рублей, то все же ты не долженъ былъ бы дать этому молодцу ни одного рубля. Скажи, Ирина про это знаетъ?

— Ни Боже мой, все это я затѣялъ помимо нея.

— И прекрасно. Хотя ты и устранилъ меня отъ этого дѣла... но Богъ съ тобой. Я тебѣ это прощаю, — ради Ирины, конечно. И вотъ что: отдай мнѣ это письмо и вообще поручи это дѣло мнѣ. Я тебѣ устрою его ровно за одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ, которыя ты истратишь на гербовыя марки. А теперь даже прекратимъ этотъ неприятный разговоръ. Гдѣ же Ирина?

— Она поѣхала къ своему учителю поговорить насчетъ лѣта.

— То-есть, какъ такъ?

— Да вѣдь она должна готовиться къ дебюту. Сегодня утромъ пріѣзжалъ къ ней Торопкинъ.

— Что?! Торопкинъ?

— Ну, да, Торопкинъ!... Онъ, конечно, пріѣзжалъ ко мнѣ, но, разумѣется, чтобъ поговорить съ Ириной... Они долго выбирали и остановились на Луизѣ въ «Коварство и Любовь» Шиллера. Торопкинъ находитъ, что Иринѣ эта роль наиболѣе удастся.

— Ужъ находить! — съ сильнымъ подчеркиваніемъ воскликнулъ Петръ Ивановичъ.

— Да, и она поѣхала къ актеру Самохвалову, съ которымъ она проходитъ роли.

Синявинъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Скажи, пожалуйста, ты, въ самомъ дѣлѣ, находишь это, въ порядкѣ вещей, что Торопкинъ, этотъ орелъ театральной сферы, самовлично пріѣзжаетъ поговорить о дебютѣ съ начинающей, еще даже не выступившей актрисой?

— Ну, ты опять свое, Петръ Ивановичъ... — съ выраженіемъ крайняго недовольства замѣтилъ Василій Марковичъ.

— Я всегда свое, Василій Марковичъ... Ты только отвѣтъ на мой вопросъ.

— Нѣтъ, лучше ты отвѣтъ на мой: скажи ты мнѣ, что же ты хотѣлъ бы, чтобы Ирина не приняла его или, такъ какъ онъ пріѣхалъ не къ ней, а ко мнѣ, не вышла бы къ нему, или, наконецъ, отказалась отъ ангажемента и отъ всей карьеры? да?

— О, это уже совсѣмъ новая постановка вопроса, — сказалъ Синявинъ съ ѣдкимъ сарказмомъ. — Разъ стали на эту почву, на почву карьеры, я тутъ спорить не могу... и мы это прекратимъ. И вообще, въ самомъ дѣлѣ, лучше мнѣ не вмѣшиваться... Эхъ, какъ я засидѣлся... мнѣ надо торопиться... до свиданія!... передай, пожалуйста, отъ меня привѣтъ Варварѣ Николаевнѣ... до свиданія! до свиданія!...

И онъ вдругъ такъ заторопился, что Василій Марковичъ не нашелъ даже времени остановить его. Видимо, человекъ разсердился или обиженъ. Не прошло и полминуты, какъ Синявинъ уже исчезъ, а Василій Марковичъ стоялъ въ передней въ глубокомъ раздумьи и въ огорченіи, что все это такъ произошло.

Варвара Николаевна, узнавъ въ чемъ дѣло, махнула рукой.

— Э, онъ всегда былъ жертвой своихъ правилъ высокаго тона. Пересердится и пріѣдетъ.

Но Ирина отнеслась къ этому эпизоду не такъ легко. Когда она вернулась отъ Самохвалова и ей рассказали о внезапномъ исчезновеніи Петра Ивановича, она огорчилась и сказала:

— Я не хочу, чтобъ крестный сердился на насъ. Онъ сорокъ лѣтъ не сердился и вдругъ...

Въ самомъ дѣлѣ, это случилось съ Синявинымъ чуть ли не въ первый разъ ихъ знакомства и дружбы. И Ирина сейчасъ же почувствовала, что это не легкая вспышка недовольства, а что-то глубокое. Она очень цѣнила вѣрность, съ которой относился къ ней Петръ Ивановичъ. И теперь, несмотря на то, что уже былъ часъ обѣда, и въ столовой все было готово, она не сняла шубы, а рѣшила сейчасъ же ѣхать къ Синявину.

— По всей вѣроятности, крестный накормитъ меня обѣдомъ, такъ что вы не ждите, — сказала она, выходя изъ дому.

На лѣстницѣ она встрѣтила Андрея и, объяснивъ ему въ двухъ словахъ, что Синявинъ разсердился и что она ѣдетъ укрощать его, прибавила:

— Поѣдемъ вмѣстѣ Андрей.

Андрей какъ-то странно покосился на нее и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, ужъ претерпи-ка одна его поученія, одобренныя старымъ французскимъ виномъ... Я люблю его завтраки и обѣды, но не особенный поклонникъ этой сибаритствующей добродѣтели.

Ирина съ недоумѣніемъ выслушала эту реплику и пропустила его наверхъ. Она поѣхала одна.

Синявина застала она въ волненіи расхаживающаго по своему огромному кабинету. Лицо у него было хмурое, лобъ наморщенъ. Но, когда онъ увидѣлъ ее входящею въ комнату, лицо его тотчасъ прояснилось.

— Ахъ, крестный, развѣ можно сердиться больше получаса, — воскликнула Ирина, цѣлуя его въ щеку.

Ея ласковый взглядъ, мягкій и въ то же время глубокой голосъ, ея наивно-дѣтская манера—все это рѣшало судьбу всѣхъ настроеній Петра Ивановича. И въ эту минуту онъ, разумѣется, ужъ больше не сердился и, если еще хмурилъ лобъ, то единственно, какъ самъ онъ говорилъ, «для оказательства».

— А развѣ можно оставаться спокойнымъ, глядя на то, что у васъ дѣлается?—воскликнулъ въ свою очередь Синявинъ.

— У насъ дѣлается? Да что-жъ у насъ дѣлается?

— Богъ знаетъ что,—словъ нѣтъ для опредѣленія.

— Крестный, все это у васъ отъ дурно настроеннаго воображенія.

— Ты наивна, какъ семилѣтняя дѣвочка. Ты ничего не понимаешь...

Ирина размѣялась.

— И откуда пошла эта легенда о моей наивности? Это мои глаза все надѣлали... Но, крестный, увѣрю васъ, что я ни капли не наивна. Я знаю все, и если хотите, могу по пальцамъ перечестъ всѣ ваши мрачныя подозрѣнія.

— Перечти, перечти,—замѣтилъ Синявинъ, въ глубокой увѣренности, что со стороны его крестницы это не болѣе, какъ хвастовство.

Ирина забралась на широкій и мягкій диванъ и помѣстилась въ уголгѣ, поджавъ подъ себя ноги. Это была ея любимая поза; а Синявинъ продолжалъ ходить по кабинету, но уже совсѣмъ увѣреннымъ темпомъ.

— Ну, слушайте: пунктъ первый,—начала Ирина съ тѣмъ выраженіемъ тихаго смѣха въ глазахъ, которое почти никогда не покидало ихъ.—Торопкинъ, заключающій контрактъ съ личностью, никому не извѣстной, съ первой встрѣчи, чуть не съ одного взгляда, сдѣлалъ это не спроста. Быть можетъ, красивые глазки неизвѣстной личности (вѣдь я знаю, крестный, что у меня красивые глазки) понравились ему больше, чѣмъ ея талантъ. Не такъ ли?

— Гм... очень близко къ правдѣ,—съ нѣкоторымъ удивленіемъ откликнулся Синявинъ.

— Отвѣтъ: если даже и такъ. Что же изъ этого?

— Какъ что изъ этого?! Изъ этого слѣдуетъ многое, очень многое.

— Изъ этого не слѣдуетъ ничего. Во-первыхъ, когда у женщины во лбу красивые глаза, она не можетъ ихъ спрятать въ карманъ... во-вторыхъ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до побужденій, какими руководился господинъ Торопкинъ.

— Тебѣ нѣтъ дѣла, но ему есть дѣло.

— Погодите, крестный. Пунктъ второй: Торопкинъ, дѣлающій визитъ начинающей актрисѣ, дѣлаетъ этотъ визитъ, конечно, не таланту, который ничѣмъ еще себя не доказалъ, а опять же той парѣ красивыхъ глазъ.

— И это близко къ истинѣ.

— И на это отвѣтъ: пусть его! а мнѣ какое дѣло?!

— Но пойми же ты, что Торопкинъ не изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ что-нибудь даромъ, что каждое твое завоеваніе обязательно будетъ сопровождаться требованіемъ съ его стороны... что каждый успѣхъ у такихъ людей покупается дорогою цѣной.

— Ну, крестный, если я вамъ торжественно пообѣщаю, что останусь такою, какою вы меня знаете—васъ это успокоитъ?

— Нѣтъ, не успокоитъ. Ты не знаешь, что такое успѣхъ на сценѣ передъ публикой. Это нѣчто нездоровое, это болѣзнь, это психозъ... О, я имѣлъ случай близко наблюдать это!... слишкомъ близко!...

— Я знаю...—нерѣшительно промолвила Ирина.—Ваша дружба съ актрисой Волошиновой.

— Да, это было давно... и я встрѣтился съ нею, когда она смѣла на вещи и говорила вотъ такъ, какъ ты. Но потомъ, когда она близко сопригоснулась съ этимъ тысячу разъ проклятымъ успѣхомъ, съ этой публичной славой и когда ей пришлось охранять завоеванное мѣсто... о, ты не можешь себѣ представить, на что, на какія низости она готова была рѣшиться... И рѣшалась... Ты знаешь, что меня связывало съ нею истинное и глубокое чувство, но... но я не нашелъ другого исхода, какъ, послѣ долгой борьбы, уйти отъ нея навсегда... Теперь она умерла, и я не хочу возмущать ея памяти... Но это былъ ужасный періодъ моей жизни... страшный періодъ!...

И съ такимъ глубокимъ страданіемъ говорилъ это Петръ Ивановичъ, что Иринѣ сдѣлалось жаль его. Она слышала о его давнемъ романѣ съ актрисой Волошиновой, но не знала, что это было такъ серьезно и что исторія эта нанесла ему рану.

— Со мной ничего подобнаго не случится, крестный; глянусь

вамъ въ этомъ! Пусть вокругъ меня будетъ все грязное, я останусь чистой...—говорила она серьезнымъ, грустнымъ голосомъ.—Ну, если вы мнѣ не довѣряете, не довѣряете моей твердости, то даю вамъ слово, что, какъ только я увижу, что нѣтъ иного пути—я уйду, я брошу все—и успѣхъ, и славу, и мечты—и зарююсь въ деревню... Даю вамъ слово, крестный!...

Синявинъ ничего не отвѣчалъ, а молча ходилъ мимо нея взадъ и впередъ. Она тоже замолчала, и оба они переживали какое-то неуловимое грустное чувство.

Потомъ онъ остановился и, какъ бы стряхнувъ съ себя тяжелое воспоминаніе, сказалъ простымъ и бодрымъ тономъ:

— Ты вѣдь пообѣдаешь со мной?

Она утвердительно кивнула головой.

— Ну, пойдѣмъ въ столовую. И знаешь что—мы больше не будемъ говорить о тебѣ, а лучше я за обѣдомъ расскажу тебѣ исторію той женщины. Въ ней ты найдешь много, много поучительнаго для себя, для своей будущей карьеры.

— Ахъ, крестный!... это очень интересно... но я боюсь... вѣдь вамъ тяжело.

— Не легко, но это ничего. Иногда мучительныя воспоминанія разряжаютъ нависшую надъ нами тяжелую атмосферу. Пойдемъ, Ирина.

Онъ позвонилъ. Вошелъ Пилать и получилъ приказаніе подавать обѣдъ. Ирина разсталась съ своей любимой позой, поднялась съ дивана, и они прошли въ столовую. Здѣсь они усѣлись другъ противъ друга. Петръ Ивановичъ началъ свой рассказъ, прерывая его только тогда, когда Пилать входилъ съ новымъ блюдомъ. Впрочемъ, и это онъ дѣлалъ больше для Ирины, такъ какъ исторія съ Волошиновой прошла вся на глазахъ у Пилата, и онъ зналъ всѣ ея подробности.

— Это началось двадцать девять лѣтъ тому назадъ, когда я только начиналъ свою карьеру. Мнѣ было тридцать лѣтъ, но, несмотря на это, я еще ни разу не любилъ. Бывали встрѣчи, легкія увлеченія, маленькія паденія. Молодежь была тогда не нынѣшняя. Мы умѣли и пылать религіознымъ чувствомъ къ обожаемой идеѣ, и хорошо кутнуть. Это совмѣщалось. И я велъ бурный образъ жизни. Волошинову я встрѣтилъ въ домѣ ея родственниковъ. Она происходила изъ почтенной семьи въ провинціи. Отецъ ея служилъ тамъ по контролю, занималъ хорошее положеніе, но значительныхъ средствъ не имѣлъ. Она приѣхала сюда противъ желанія родныхъ. Талантъ, большой талантъ далъ ей крылья, и она прилетѣла сюда искать славы... Да, мой другъ, всѣ вы говорите и вамъ такъ кажется, что вы

жаждете служить вашему дорогому искусству, но въ сущности вы жаждете одного: успѣха, извѣстности, славы. Славы во что бы то ни стало.

— Что это было за дивное очаровательное существо! Стройная, гибкая, съ золотистыми кудрями, съ милымъ наивнымъ дѣтскимъ личикомъ—вотъ какъ у тебя... Организмъ, весь сотканный изъ тончайшихъ нервовъ. Душа чуткая, впечатлительная, отзывчивая. При малѣйшемъ дуновеніи, такъ сказать, духовнаго вѣтерка она вспархивала, какъ птица, и отлеткалась всѣмъ своимъ существомъ... Петербургскіе родственники были очарованы ею, хлопотали за нее, и ей уже былъ обѣщанъ дебютъ, правда, въ небольшой и не очень отвѣтственной роли.

— Я влюбился въ нее съ первой встрѣчи. Я тоже былъ тогда красивъ, Ирина, и женщины отдавали мнѣ должное... И моя очаровательная фея благосклонно отвѣтила на мое чувство. Сказать короче, уже черезъ три недѣли послѣ первой встрѣчи я заговорилъ съ нею о бракѣ. Да, первый разъ въ жизни мнѣ пришла въ голову мысль о бракѣ. Это было противъ всѣхъ моихъ взглядовъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ я больше всего цѣнилъ личную свободу, а бракъ, вѣдь, это есть, такъ сказать, наглядное отрицаніе личности, а значить и личной свободы. Но я забылъ объ этомъ и сознательно шелъ въ рабство...

— Но, къ моему изумленію, я встрѣтилъ самый энергическій отпоръ. Представь, что Волошинова смотрѣла на бракъ такъ же, какъ и я.

— Я хочу служить искусству,—говорила она,—а для этого мнѣ нужна вся моя личность безъ остатка... Какъ женщина я принадлежу тебѣ, но какъ личность—искусству.

— Ну, и мнѣ нечего прибавлять, что въ самомъ скоромъ времени она, какъ женщина, дѣйствительно принадлежала мнѣ. Я, разумѣется, былъ на самой верхней ступени счастья, какое только доступно человѣку. Подумай: вполне раздѣленное чувство—и при этомъ мнѣ оставлена моя личная свобода. Высшее блаженство—и ни малѣйшей жертвы. Сообрази, какъ долженъ быть счастливъ при такихъ обстоятельствахъ такой законченный эгоистъ, какимъ я и тогда уже былъ. Такимъ образомъ началась моя близость къ Волошиновой.

— Это было въ концѣ зимы. Приближалось время дебюта. Ты понимаешь, я чувствовалъ себя такъ, точно вмѣстѣ съ нею предстояло дебютировать мнѣ. Мы вмѣстѣ проходили роль, причемъ мнѣ приходилось играть, по крайней мѣрѣ, дюжину дѣйствующихъ лицъ. Въ это время я таки порядочно запустилъ свою службу...

— Ну, вотъ и день дебюта. Моя милая цѣлый день горѣла въ лихорадкѣ, и вечеромъ ея щеки сильно нуждались въ румянахъ, чтобъ со сцены она не походила на смерть. Заботы о туалетѣ, о перчаткахъ, о ботинкахъ, о шляпкѣ... ахъ,—и главное, что мы были очень навивны во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ. Насталъ вечеръ, спектакль. Волошинова премило сыграла свою роль, но вѣдь ее задавила главная актриса, у которой была большая и прекрасная роль. Ее почти не замѣтили. Такъ, два рецензента вскользь, снисходительно сказали въ газетахъ, что вотъ молъ «кажется, если не ошибаемся»—свѣжее дарованьице...

— Но зато съ этого-то и началось... Начался психозъ, дошедшій, по моему, до безумія. Это былъ другой театръ, не тотъ, въ которомъ ты собираешься пожинать лавры. Этого тогда еще не существовало. И завѣдовалъ тѣмъ театромъ нѣкій маленькій человѣчекъ, правда, понимавшій дѣло, но безъ характера и вліянія. А имъ вертѣлъ и дѣлалъ, что хотѣлъ, нѣкій важный баринъ, весьма титулованный и вліятельный, князь Андуровъ. Этотъ князь оказывалъ особое расположеніе первой драматической ingénue Васильковой, и, понятно, Василькова играла, что хотѣла, и всѣ другія актрисы были передъ нею нули. А надо тебѣ сказать, что Василькова большимъ талантомъ не отличалась. Такъ себѣ дарованьице было, но скучная была актриса. Публика къ ней привыгла и терпѣла ее больше потому, что не было ничего болѣе яркаго. Но появивъ что-нибудь маломальски свѣженькое—публика сейчасъ отвернулась бы отъ премьерши. Уже и такъ, когда Волошинова сыграла три-четыре второстепенныя роли, у многихъ лица при ея появленіи на сценѣ оживлялись... Василькова была умна и тотчасъ замѣтила это и, конечно, ей стоило сказать два слова... даже не князю, а своему ближайшему начальству, чтобъ грозившая ей опасность была устранена. И вотъ моей Волошиновой не стали давать даже второстепенныхъ ролей, а выпускали ее такъ—для какой-нибудь одной фразы... Эта наука, мой другъ, называется «затираніемъ», и ты, конечно, тоже сама познакомишься съ нею.

Я не узнавалъ мою милую Волошинову. Она металась въ тоскѣ, худѣла и блѣднѣла. Характеръ ея испортился, всегда раздражена, чувствительна, обидчива, несправедлива... Уже тогда кончились мои золотые дни, и я, съ болью въ сердцѣ, сталъ исправнѣе относиться къ своей службѣ. Какъ я ни успокоивалъ ее, увѣряя, что нужно терпѣніе, что все придетъ постепенно, она ничего не хотѣла слушать.

«Я талантъ,—говорила она,—а та, что такое она? Жалкая по-

средственность!... съ какой же стати я буду занимать послѣднее мѣсто, а она первое...

— Что подѣлаешь, если она стоитъ въ исключительныхъ условіяхъ,—осторожно возражалъ я.

— Значить, исключительныя условія это—все?

— Очевидно.

— Въ такомъ случаѣ, надо и мнѣ поставить себя въ исключительныя условія...

— Я дѣлалъ большіе глаза, стараясь не понимать то, что она говорила, или объяснять какъ-нибудь иначе. Но это мнѣ не долго удавалось. Скоро я замѣтилъ, что Волошинова буквально подстерегаетъ князя, чтобы пройти мимо него, чтобы заставить его взглянуть на нее, словомъ, такъ или иначе замѣтить ее и обратить на нее вниманіе. При этомъ она и одѣвалась такъ, чтобы быть какъ только можно милѣе, чтобы подчеркнуть всѣ свои лучшія стороны. И... о, эти господа очень впечатлительны къ тому, что дается имъ въ руки. Мѣсяца два стараній, и уже князь захотѣлъ познакомиться съ ней. Дальше онъ оказываетъ ей особенное вниманіе, а Василькова уже бьетъ и ломаетъ все, что попадаетъ ей подъ руку въ уборной, рветъ на куски декорации и швыряетъ туфлю въ суфлерскую будку.

— Я встревоженъ. Я предостерегаю, умоляю, закливаю... но все это напрасно. Моя милая катится подъ гору и не можетъ остановиться. Князь сказалъ: «это странно, что такое свѣжее дарованіе остается въ тѣни. Надо его показать публикѣ, надо похлопотать...» И въ тотъ день, когда онъ это сказалъ, Василькова у себя дома, за обѣдомъ, надѣла на голову своей кухаркѣ миску съ горячимъ супомъ...

Но, наконецъ, это исполнилось. Сдѣлать это было не такъ-то легко. Князь боялся Васильковой и могъ сдѣлать это развѣ какъ-нибудь невзначай. Тихонько, на ушко, было поручено Волошиновой приготовить Софью изъ «Горя отъ ума».

— Софью?—вдругъ съ какимъ-то глубокимъ любопытствомъ переспросила Ирина.

— Софью. Ахъ, да!... вѣдь ты тоже добилась успѣха черезъ Софью... вотъ какое совпаденіе!...

— Я еще успѣха не добилась, крестный.

— У Торопкина, по крайней мѣрѣ... Да, роль Софьи! И Волошинова два мѣсяца готовила эту роль. Увы, я былъ тогда очень слабымъ человѣкомъ и, несмотря ни на что, я помогалъ ей, исполняя обязанности то Чацкаго, то Молчалина, то Фамусова. Я помогалъ ей приблизиться къ пропасти. И былъ такой случай: на афишѣ «Горе

отъ ума». Въ шесть часовъ вечера отъ Васильковой записка: она больна, проситъ перемѣнить пьесу. Экстренно зовутъ Волошинову и, вмѣсто перемѣны пьесы, расклеиваютъ анонсы (заранѣе заготовленные) о томъ, что, по болѣзни Васильковой, роль Софьи исполнитъ Волошинова. Ну, конечно, многіе, взявшіе билеты, отдають ихъ обратно въ кассу. Кто знаетъ Волошинову? и театръ далеко не полонъ.

— Въ безъ четверти восемь въ театрѣ разыгрывается скандалъ. Василькова узнала о случившемся великомъ событіи и больная прилетѣла въ театръ.

— Я играю. Я сама играю.

— Но, помилуйте, вы больны.

— Ничего, пусть больна! Всетаки я играю.

А она дѣйствительно больна. Ее трясетъ настоящая лихорадка. На лицѣ отражается температура добрыхъ тридцать девять. Завертѣлись, забѣгали, не знаютъ, что дѣлать. Волошинова тоже пришла въ какое-то бѣшенство и заявляетъ, что роли не отдастъ и что, если Василькова дѣйствительно будетъ играть, она тоже выйдетъ на сцену и тоже будетъ играть. Пусть будетъ двѣ Софьи и пусть публика судить, которая лучше.

— Ты видишь, мой другъ, что искусство тутъ уже было не при чемъ. Тутъ было только «я» и «которая лучше»... Въ это время пріѣхалъ князь и, въ то время какъ ему объясняли, что произошло, онъ направился прямо въ уборную Волошиновой. Я только что вышелъ оттуда и, когда я черезъ нѣсколько минутъ хотѣлъ опять войти туда, дверь была заперта. Князь провелъ у нея десять минутъ и, когда вышелъ, изрекъ:

— Вздоръ! Больная актриса не должна являться передъ публикой. Больные должны ѣхать домой и лѣчиться.

И отправился въ свою ложу. Съ Васильковой сдѣлался истерическій припадокъ и ее, совсѣмъ больную, отвезли домой, а Волошинова играла Софью.

— Какъ она играла? Боже мой, что это былъ за спектакль! Она была выше всякаго возможнаго описанія. Въ каждомъ ея движеніи были умъ и талантъ. Публика увидѣла передъ собою новую Софью— изящную, воспитанную, тонко чувствующую аристократку... Былъ безумный успѣхъ, театръ гремѣлъ, а я... я просто съ ума сошелъ. Я влюбился въ нее сызнова и въ миллионъ разъ безумнѣе, чѣмъ прежде... Безумнѣе—понимаешь ли ты Ирина—въ то самое время, когда я терялъ и почти уже потерялъ ее...

— Говорить ли, что было дальше, — продолжалъ Петръ Ивановичъ, послѣ продолжительнаго молчанія. — Передъ послѣднимъ актомъ,

когда я, весь дрожащій отъ восторга, стоялъ за кулисами, Волошинова побѣждала ко мнѣ, обхватила обѣими руками мою шею и горячо поцѣловала меня.

— Прости, не сердись, поѣзжай домой... — сказала она и убѣждала.

— Что это значило, я въ эту минуту не понялъ, но я понялъ это позже. Триумфъ продолжался, и послѣ спектакля Волошинова поѣхала «ужинать» съ княземъ...

— Послѣ этого я больше двухъ недѣль не видалъ ея. Я боялся увидѣть ее, чтобъ не узнать то, что я, въ сущности, зналъ... Но не выдержалъ и зашелъ таки. Ну что жъ? Я былъ свидѣтелемъ горькихъ и самыхъ искреннихъ слезъ... Она передо мною исповѣдалась... Она проклинала свое тщеславіе, высказывала презрѣніе и ненависть къ князю, который былъ ей противенъ, но чувствовала себя безсильной отказаться отъ тѣхъ преимуществъ, которыя для нея уже наступили.

— Да, все измѣнилось. Все ходило передъ ней на заднихъ лапкахъ, она царила надъ всѣми. Василькова была не только побѣждена, но скомкана. Ея карьера, раздутая, благодаря покровительству князя, кончилась. Всѣ увидѣли, что, въ сравненіи съ Волошиновой, она самая ординарная актриса. Она сказалась больной надолго, взяла отпускъ и уѣхала. Возвратилась ли она потомъ, не знаю. Всѣ скоро забыли ее.

— А вы, крестный?—спросила Ирина.

— Я,—качая головой промолвилъ Синявинъ: — я долженъ признаться тебѣ въ слабости, въ позорной слабости, Ирина... Я боролся, но... рѣдко побѣждалъ. Несмотря ни на что, я въ теченіе еще двухъ лѣтъ поддерживалъ съ Волошиновой прежнія отношенія. Я дѣлилъ мою возлюбленную съ княземъ, съ этимъ престарѣлымъ сатиромъ, который бралъ ее, какъ властелинъ, не спрашивая о чувствѣ... Но, наконецъ, я изнемогъ и разстался съ ней.

— И послѣ этого не встрѣчались?

Синявинъ не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Въ лицѣ его произошла перемена. Недавній сарказмъ, относившійся къ «престарѣлому сатиру», замѣнился какимъ-то мягкимъ, печальнымъ выраженіемъ. Онъ посмотрѣлъ на Ирину грустными глазами.

— Не только встрѣтились, но... ахъ, это, Ирина, было нѣчто безконечно печальное!... Ты, вѣроятно, слышала, что карьера Волошиновой была очень недолга. Она не жила, а горѣла или, лучше сказать, сжигала себя... На сценѣ она страдала по настоящему и, приѣзжая домой послѣ роли съ драматическимъ концомъ, она продолжала здѣсь рыдать. До чего она проникалась ролью, можешь судить

изъ слѣдующаго: когда пьеса кончалась печально для героини, она дома плакала и нервничала, но если дѣло кончалось смертью героини, она дома, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, сидѣла блѣдная, сумрачная, неподвижная, мертвая... Но зато, когда вдругъ она оживала, она дѣлалась безумной, и тутъ-то начиналось самосжиганіе, въ полномъ смыслѣ этого слова...

— Такой жизнью она изнурила себя и въ четыре года довела свой организмъ до полного истощенія. Въ послѣдніе мѣсяцы ужъ ей, чтобъ натянуть нервы передъ спектаклемъ, требовались и мышьякъ и шампанское, а подъ конецъ даже морфій. А однажды вдругъ она слегла въ постель и узнала, что у нея чахотка, которая втихомолку развилась такъ, что уже не было спасенія. Послѣ этого она ужъ больше на сценѣ не появлялась. И вдругъ до нея никому не стало дѣла...

— Это шаблонъ, Ирина, по которому развиваются и кончаются всѣ такого рода экстренныя карьеры... Въ театрѣ уже откопали новое «свѣженькое дарованіе» и занялись имъ. А тутъ ограничились тѣмъ, что «отпустили денежное пособіе» — правда, очень щедрое, на которое недавняя царица сценъ, источникъ высокихъ наслажденій, могла умереть съ комфортомъ...

— И тутъ-то моя бѣдняжка вспомнила обо мнѣ. Я получилъ отъ нея страстно трогательную записку, надъ которой рыдалъ, какъ ребенокъ. Я, конечно, побѣждалъ къ ней. Ахъ, что я нашель?!... Это была уже не женщина, а хрупкое вмѣстилище души, такой же больной и истерзанной, какъ и ея жилище... Я покорно принялъ это наслѣдіе ея безумной карьеры, бѣшеной, не знающей границъ, ничего не щадившей въ погонѣ за успѣхомъ, за славой... Я взялъ отпускъ и повезъ ее, какъ больного ребенка, въ Ментону. Хотѣлъ везти въ Каиръ, но не было возможности. Силъ у нея осталось такъ мало, что она этого путешествія не перенесла бы. Да и все равно—возврата не было...

— Черезъ два мѣсяца я похоронилъ мою любовь и съ тѣхъ поръ, Ирина... съ тѣхъ поръ я не любилъ ни одной женщины. У меня были встрѣчи, романы, но все это было мелко и пошло—безъ любви... Вотъ что такое успѣхъ и слава, Ирина, — закончилъ свой рассказъ Петръ Ивановичъ и, поднявшись съ мѣста, началъ ходить по комнатѣ.

Рассказъ Синявина произвелъ глубокое впечатлѣніе на Ирину, но не тѣми сторонами, на которыя рассчитывалъ Петръ Ивановичъ. Она просто была тронута печальной судьбой талантливой женщины. Но когда она примѣняла ея карьеру къ себѣ, ей казалось, что нѣтъ

даже возможности сравнивать ихъ. Успѣхъ, слава..., конечно, и она любить успѣхъ, и она не откажется отъ славы, но у нея на первомъ планѣ — служеніе своему богу — искусству. И не станетъ она сжигать себя. Напротивъ, она будетъ скаречно расходовать свои силы, совершенствоваться, чтобъ дойти до высоты, недосягаемой.

Было уже часовъ девять вечера, когда они кончили свой долгій обѣдъ. Ирина вспомнила, что дома, навѣрно, о ней беспокоятся.

— О, мы поѣдемъ вмѣстѣ! — сказалъ Синявинъ. — Я отвезу тебя. Встати, надо помириться съ твоимъ отцомъ, а то я какъ-то глупо вскипѣлъ и совсѣмъ неожиданно уѣхалъ.

Затѣмъ онъ велѣлъ приготовить ѡжинажъ, и минутъ черезъ десять они уже ѣхали по направленію къ Николаевской улицѣ. Всю дорогу они говорили о случайныхъ предметахъ и только, когда уже подѣхали къ дому, Синявинъ сказалъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала ко мнѣ.

— Я и впредь все хорошо буду дѣлать, крестный! Это замѣтьте! — отвѣтила Ирина. — Я только кажусь наивной и пусть всѣ такъ считаютъ. А вамъ по секрету скажу, крестный: я хитрая!... Я и Торопкина перехитрю!

— Посмотримъ, посмотримъ... А хитрой быть тутъ надо! Булисы — это арена состязанія хитростей. Талантъ, это — ребенокъ, котораго надо пеленать въ хитрость и умъ... Безъ этихъ пеленокъ онъ никогда не выживетъ: простудится и зачахнетъ...

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мертвая зыбь.

Если при полномъ отсутствіи вѣтра начинается волненіе, моряки говорятъ: „Это—*мертвая зыбь*, гдѣ-то въ отдаленіи была штормъ“.

Ты спросила меня, милый другъ,
Отчего въ этотъ вечеръ лазурный
Въ нашей гавани плещетъ приливъ,
Непонятный, стремительно бурный?

Милый другъ, это—«мертвая зыбь»...
Наши волны безпечно дремали,
Но, услышавъ нежданную вѣсть,
Пробудились онѣ, зароптали.

И про то загудѣли онѣ,
Что вчера въ необъятномъ просторѣ,
У далекихъ чужихъ береговъ,
Разгулялось сердитое море,

Что молитвы неслись къ небесамъ
И сливались со стономъ буруна,
Что боролась весь вечеръ, всю ночь—
Но сдалась одинокая шкуна...

Отъ далекихъ чужихъ береговъ
Эти вѣсти сюда долетѣли,
И чужимъ незнакомымъ волнамъ
Наши волны въ отвѣтъ загудѣли.

Ты недавно спросила меня,
Отчего я печаленъ порою,
И не мило мнѣ счастье мое,
И звучать мои пѣсни тоскою?

Милый другъ, это— «мертвая зыбь»,
Это—вѣсть изъ невѣдомой дали,
Наболѣвшаго сердца призывъ,
Дуновенье незримой печали...

Отъ далекихъ чужихъ береговъ
Это—стоны ко мнѣ долетѣли,—
И заплакали пѣсни мои
И отвѣтной тоской зазвенѣли.

Юрій Свѣтогоръ.

РАЗСКАЗЫ О ПРОШЛОМЪ *).

Изъ автобіографіи моего пріятеля.

ХІІ. Новыя времена. Ученье.

Брутыя Горы никогда не были крѣпостными, и «воля» не отразилась на нихъ тотчасъ же крупными переменами; но кругомъ шло движеніе, — что - то уходило назадъ, что - то нарождалось и входило въ жизнь, новое, странное, яркое. Появились новые люди, исчезали старые.

Генеральша уѣхала изъ Богоявленскаго въ теплые края, и лѣтъ пять домъ стоялъ заколоченнымъ; разбѣжались куда-то псы, наводившіе ужасъ на округу. Земля была сдана исполу Богоявленскимъ и нашимъ мужикамъ, часть лѣса была продана. Дѣдушка Карпъ вынулъ кубышку и купилъ подходившую къ нашей землѣ пустошь; глядя на него, стали и другіе прикупать пустоши и лѣсокъ, и луговины, продававшіеся тогда во множествѣ. Умеръ помѣщикъ Созонтъ; имѣніе куплено было рощенникомъ Захаромъ Аванасъичемъ, а все, что было въ домѣ, распродалось по мелочамъ, и екатерининскихъ временъ мебель разошлась по рукамъ священниковъ, дьяконовъ и деревенскихъ купцовъ. Дядя Николай Михайловичъ купилъ старинныя клавикорды, а отецъ приобрѣлъ новый срубъ и пристроилъ горницу; и барское зеркало въ потемнѣвшей золоченой рамѣ, огромный старинный диванъ краснаго дерева и два кресла съ бронзовыми инкрустациями такъ удивленно смотрѣли на новое общество, въ которомъ очутились, — простые самодѣльные стулья, узорчатые изразцы печи и пloxоньгіе обои дьяконовой горницы.

Миѣ было около восьми лѣтъ, когда объявили волю, и я смутно помню это, но новыя времена настали и для меня, — я началъ учиться. Около этого времени умеръ нашъ дьячокъ Лука Лукичъ, и на

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1901 г.

его мѣсто прислали новаго дьячка изъ окончившихъ курсъ семинаріи, которыхъ начали называть псаломщиками. Новый псаломщикъ открылъ у себя маленькую школу, въ которую меня отдали учиться.

Собственно «азы» я началъ изучать еще за годъ предъ тѣмъ, и первымъ моимъ учителемъ былъ отецъ. «Азы» начались очень торжественно. Наканунѣ въ церкви былъ отслуженъ молебенъ «передъ начатиемъ ученія», а на утро отецъ заперся со мной во вновь пристроенной горницѣ, и мы оба снова помолились предъ образами. Въ моихъ рукахъ была выточенная отцомъ мудреная указка, на стѣнѣ надъ моимъ плечомъ была повѣшена двухвостая плетка, какъ эмблема образования, и ученіе началось. Я думаю, ученіе труднѣе доставалось учителю, чѣмъ ученигу: всякій разъ послѣ урока отецъ вставалъ красный, вспотѣвшій, словно послѣ горячей молотбы. Онъ очень обрадовался, когда пріѣхалъ новый псаломщикъ.

— Студентомъ *) кончилъ!—съ уваженіемъ говорилъ отецъ.

Николай Петровичъ былъ высокій, неуклюжій, застѣнчивый семинаристъ, съ худымъ, блѣднымъ, изрытымъ оспой, лицомъ. Онъ росъ сиротой, воспитывался на казенный счетъ и, вѣроятно, былъ бѣднѣйшій изъ бѣдныхъ казеннокоштныхъ семинаристовъ.

Тѣ два-три года, которые онъ прожилъ у насъ, я помню его все въ томъ же длинномъ казенномъ сюртукѣ, застегнутомъ у горла булавкой, и я не увѣренъ, всегда ли было у него бѣлье.

Кромѣ меня, въ науку къ Николаю Петровичу отдали двухъ внуковъ и внучку Алексѣя Сафроныча, роценникъ Захаръ Афанасьевъ привелъ своего сына, о. Платонъ помѣстилъ двухъ мальчиковъ изъ числа непереводившихся у него племянниковъ. Мать настояла, чтобы учили и Варьку, — Настя, старшая сестра, была уже на выданьи и выучилась только читать, а писать не умѣла.

Образовалось нѣчто вродѣ маленькой школы, помѣстившейся въ задней избушкѣ овдовѣвшей дьячихи Дарьи Степановны, въ той же комнатѣ, гдѣ жилъ и самъ Николай Петровичъ. Новый учитель училъ насъ такъ же, какъ учился и самъ, — тѣ же «азъ-ангелъ», «буки-Богъ», «буки-азъ-ба», «вѣди-азъ-ва», тѣ же прописи, съ которыхъ мы списывали велемудрыя изреченія, навѣки вонзившіяся въ наши мозги, вмѣстѣ съ палками и крючками, въ которыхъ долго насъ упражняли, пока допустили къ буквамъ.

Низеньгая съ полатями, закоптѣлая крестьянская изба, посрединѣ бѣлый сосновый столъ, съ подложенной подъ ножку щепочкой,

*) Въ первомъ разрядѣ.

кругомъ—скамьи, а на скамьяхъ сидимъ мы и, зажавши уши, громко, наперебой выкрикиваемъ: «бри, ври, дри, жри»...

Онъ очень старался, этотъ добрый и славный Николай Петровичъ, и, вѣроятно, наше ученье шло бы быстрѣе, если бы его не таскали на требы, не мѣшала полевая работа, не отрывалъ отъ ученья батюшка, посылавшій за нимъ посовѣтоваться насчетъ полученной отъ благочиннаго бумаги или просто попить чайку. Тогда его замѣняла Дарья Степановна, жившая черезъ сѣни въ своей кухонькѣ. Дарья Степановна сама читать не умѣла, но имѣла уши слушать, зубримъ ли мы «ври-гри», или молчимъ и ловимъ мухъ,—быстро развивавшійся въ школѣ родъ спорта, въ которомъ я оказывалъ большіе успѣхи, чѣмъ въ наукахъ. Какъ только гудѣнье нашихъ голосовъ ослабѣвало, Дарья Степановна, красная отъ печки, влетала съ линейкой въ рукъ въ нашу комнату, равномерно вытягивала каждого изъ насъ по спинѣ и безмолвно скрывалась къ своей печкѣ, гдѣ всякую минуту могли выкипѣть щи. Словъ, впрочемъ, и не нужно было,—линейка говорила убѣдительно: дисциплина быстро возстановлялась, и дружное жужжаніе нашихъ голосовъ не мѣшало Дарьѣ Степановнѣ предаваться ея хозяйственнымъ занятіямъ.

Это былъ періодъ моего яростнаго увлеченія слогосложеніемъ—какая-то страсть. Я сложилъ имена пріятелей—и Бузьку, и Бирьку Шестипалаго, имена всѣхъ моихъ семейныхъ. Мнѣ пришлось порядочно повозиться съ дѣдушкой—«кьянъ» вязло въ зубахъ, но въ особенности много огорченій доставилъ мнѣ балетмейстеръ Перро, не извѣстно, какими путями забравшійся въ домъ крутогорскаго дьякона и висѣвшій въ темной рамкѣ, между зеркаломъ и генералиссимусомъ Суворовымъ. Когда я укладывался спать на свой войлокъ, балетмейстеръ Перро ярко выступалъ въ свѣтѣ лампы, пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза и, казалось, издѣвался надо моими усиліями. И я долго ворочался и не засыпалъ, тщетно стараясь сложить «мейстеръ». Зато, когда я побѣдилъ балетмейстера Перро, я «рѣзалъ» на немъ всѣхъ моихъ товарищей по наукѣ и не зналъ больше никакихъ трудностей, кромѣ слова «тиру-у-у», составлявшаго, по чистосердечному признанію самого Николая Петровича, задачу, превышавшую человѣческія силы.

Когда отецъ бралъ меня съ собой въ городъ и нашъ Сивко шагкомъ, со всевозможной скромностью и почтительностью деревенскаго коня, пробирался по главной улицѣ, я скороговоркой складывалъ всѣ вывѣски, а отецъ вздыхалъ и ласково говорилъ:

— Ну, Стѣпа, не думалъ я, что Господь тебя такими способностями наградить!

Вывѣски всё сложены, прописи списаны, молитвы выучены. Отслуженъ молебенъ «въ путь шествующимъ»; горькими слезами плачетъ надо мной мать, дружнымъ хоромъ ревуть сестры, истово крестить бабушка и суетъ въ руку старинный полтинникъ. Сивко трогается и такъ лѣниво и неохотно плетется изъ Крутыхъ Горъ, словно знаетъ, что везетъ меня въ чужую сторону, на горькое ученье, подъ страшныя училищныя розги.

Маленькая келья архимандрита, смотрителя духовнаго училища. Я падаю ему въ ноги, а отецъ низко кланяется и стоитъ съ кулечкомъ, изъ котораго выглядываютъ баранки, банка меду, фунтъ цвѣточнаго чая и бутылка ямайскаго рома. Мнѣ предлагаютъ два-три вопроса, словно въ туманѣ, я что-то отвѣчаю, благословляетъ рука архимандрита—и я принять въ духовное училище.

Новая жизнь, новыя впечатлѣнія... Въ Крутыя Горы приходится ѣздить только на лѣто, да разъ-два, на короткое время, зимой. И чѣмъ рѣже прїѣзжаю я домой, тѣмъ ярче мечется мнѣ въ глаза все то новое, что дѣлается въ Крутыхъ Горахъ. Такъ много переменъ въ нашей семьѣ. Безъ меня женится и поступаетъ дьякономъ въ дальній уѣздъ мой старшій братъ, не кончившій богословскій классъ; безъ меня выходитъ замужъ за старшаго сына роценника Захара Аванасъича моя сестра Настя,—все больше мѣняется строй нашего дома.

И другіе люди вспоминаются мнѣ.

XIII. Алексѣй Сафронычъ и Филать-бондарь.

Высокій и сухой старикъ, въ очкахъ, съ коротко остриженными сѣдыми волосами и худымъ морщинистымъ умнымъ лицомъ, Алексѣй Сафронычъ сидитъ въ своей конторѣ, заваленной счетами, книгами и старыми журналами. Онъ одѣтъ, какъ всегда, въ наглухо застегнутый длинный сюртукъ, вродѣ теперешняго редингота, шея повязана широкимъ темнымъ, какъ на портретахъ людей 40-хъ годовъ, галстукомъ, изъ - подъ котораго выглядываетъ высоко подпиравшій голову бѣлый воротникъ рубашки.

Алексѣй Сафронычъ производилъ подробный экзаменъ тому, что прошли мы. Я собственно пришелъ попросить отъ имени отца «картузъ» табаку (почему - то тогда говорили «картузъ» табаку) и не люблю этихъ экзаменовъ,—онъ все спрашиваетъ меня по географіи и въ особенности по ариметикѣ, къ которой я не чувствую особенной склонности, и все заставляетъ рѣшать въ умѣ задачи, которыя надоѣли мнѣ и въ училищѣ. Искусными маневрами я стараюсь перевести разговоръ на латинскіе герундіи и греческіе аористы, въ кото-

рыхъ я могъ бы кой-чѣмъ удивить его, но онъ презрительно говоритъ:

— Дураки у васъ учителя - то, дохлятинѣ учать. Нѣтъ чтобы нѣмецкому языку обучать...

Алексѣй Сафронычъ попадаетъ на свою любимую тему. Экзаменъ оканчивается, и онъ въ десятый разъ начинаетъ рассказывать, какіе нѣмцы до всего дотошные люди и какіе ловкачи по торговой части и какіе мы, русскіе—дураки отпѣтые, въ сравненіи съ нѣмцами, и какъ безъ нихъ мы шагу ступить не умѣемъ.

Алексѣй Сафронычъ былъ чудной человѣкъ. Нашъ же крутогорскій крестьянинъ, онъ какъ-то попалъ на хлопчато-бумажную фабрику въ нашемъ уѣздѣ и постепенно отъ мальчика при конторѣ поднялся до званія управляющаго фабрикой и довѣреннаго всѣхъ дѣлъ фирмы. Онъ прослужилъ около пятидесяти лѣтъ на фабрикѣ и, незадолго до освобожденія крестьянъ, воротился въ Крутыя Горы, когда умерла старуха Гладырина, во всемъ полагавшаяся на своего управляющаго, и дѣло пожелали вести молодые хозяева, съ которыми не сошелся суровый властный старикъ.

Контора Алексѣя Сафроныча давно существовала въ Крутыхъ Горахъ. Пока онъ служилъ на фабрикѣ, его дѣти оставались въ деревнѣ и вели дѣло. Парни женились, дѣвки выходили замужъ въ другія деревни; всѣмъ онъ отпускалъ съ фабрики пряжу и всѣ они—и сыновья и зятья—раздавали эту пряжу по деревнямъ, по тѣмъ фабричкамъ, о которыхъ я говорилъ, гдѣ ткали по зимамъ дѣвки и молодые парни.

Старикъ устроился отдѣльно отъ семьи, въ новомъ деревянномъ домикѣ, выстроенномъ на городской манеръ и состоявшемъ изъ двухъ комнатъ—собственно конторы и его кабинета. Онъ не вель знакомства съ духовенствомъ и окрестными богатыми крестьянами, повидимому, рѣдко видался даже съ семьей и проводилъ цѣлые дни въ своей конторѣ, погруженный въ дѣла и книги и старые журналы. Дѣло свое онъ вель, какъ слѣдуетъ, прижимисто, и мужики говорили про него «жохъ». Мой отецъ недолюбливалъ его и говорилъ, что онъ гордецъ и насмѣшникъ и вѣру потерялъ, такъ какъ въ церковь рѣдко ходилъ, а бабушка съ своимъ особеннымъ выраженіемъ прибавляла:

— Книгъ начитался!...

Должно быть, онъ, дѣйствительно, «книгъ начитался». Вѣроятно, въ долгихъ скитаніяхъ по нижегородскимъ, харьковскимъ и ирбитскимъ ярмаркамъ, въ поѣздкахъ въ Москву и Петербургъ, по дѣламъ фабрики, ему приходилось встрѣчаться съ людьми, носившими эти широкіе темные галстуки и подпиравшіе голову бѣлые воротники ру-

башефъ; должно быть, отъ нихъ онъ перенялъ любовь къ тѣмъ книгамъ и журналамъ, наполнявшимъ его комнату, и, надо думать, изъ этихъ книгъ, изъ своихъ скитаній вынесъ онъ свою непоколебимую вѣру въ нѣмца и то уваженіе къ нѣмецкой культурѣ, которое онъ привезъ въ Крутыя Горы.

Онъ очень сблизился съ новымъ псаломщикомъ. Сначала Николай Петровичъ похаживалъ въ контору изрѣдка, отъ скуки поболтать, почитать «вѣдомости», а потомъ сталъ столоваться у Алексѣя Сафроныча и проводить тамъ все свободное время. Посылки за табакомъ не разъ повторялись—старикъ тоже курилъ,—и мнѣ приходилось бывать тамъ по вечерамъ. Николай Петровичъ въ своемъ семинарскомъ сюртукѣ, заколотомъ булавкой у горла, расхаживалъ по конторѣ и, размахивая длинными руками, горячо говорилъ, а Алексѣй Сафронычъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ поднятыми на лобъ очками, посматривалъ своими насмѣшливыми глазами на волновавшагося псаломщика и подавалъ короткія реплики. Я покашливалъ и старался обратить ихъ вниманіе, но споръ разгорался, и они не замѣчали меня. Я не понималъ и не знаю, о чемъ они спорили, но у меня остались въ памяти имена, которыя они упоминали и которыя я снова услышалъ только долго спустя.

Однажды бабушка, изрѣдка бывавшая у жены Алексѣя Сафроныча, принесла извѣстіе, взволновавшее крутогорскій миръ.

— Нашъ-то умникъ!—въ это слово въ Крутыхъ Горахъ влаглось много ядовитаго.—По нѣмецкому вздумалъ учиться на старости лѣтъ!—сообщила бабушка.—Николай Петровичъ учить...

Извѣстіе было справедливо, я не знаю, много ли понималъ псаломщикъ въ нѣмецкомъ языкѣ, но не разъ видѣлъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Сафронычемъ, которому было уже за шестьдесятъ, подолгу сидѣли надъ нѣмецкой грамматикой. Повидимому, обученіе шло взаимное, и если Николай Петровичъ руководилъ занятіями нѣмецкимъ языкомъ, то Алексѣй Сафронычъ поучалъ его тому, до чего онъ дошелъ самъ и что заключалось въ тѣхъ книгахъ его, которыя я часто встрѣчалъ въ задней комнаткѣ Дарьи Степановны.

Повидимому, старый вольнодумецъ смутилъ Николая Петровича. Псаломщикъ прожилъ у насъ года два-три и, вмѣсто прихода и священническаго сана, который предстояло ему получить, взялъ мѣсто учителя уѣзднаго училища въ дальнемъ сибирскомъ городѣ, куда въ то время вызывали желающихъ. Скоро послѣ него уѣхалъ и Алексѣй Сафронычъ. Большія фабрики начали сокращать раздачу пряжи по деревнямъ, и старикъ перебрался на житье въ Москву, оставивши начавшее умирать дѣло попрежнему на сыновей и зятьевъ.

Онъ уѣхалъ не одинъ. Должно быть, образованіе и нѣмцы легли основными устоями въ его міросозерцаніе, вѣроятно, его страстно тянуло къ тому и другому и, быть можетъ, для того, чтобы добывать и того и другого—если не для себя, то для своихъ—онъ и переѣхалъ въ Москву.

Онъ отобралъ у своихъ сыновей и дочерей старшихъ внуковъ и внучатъ и увезъ ихъ съ собой въ Москву. Много было плача и криковъ въ Крутыхъ Горахъ и деревняхъ, куда были отданы дочери; но дѣти не выходили изъ воли суроваго старика, а разговоры у него были коротки.

Трехъ дѣвочекъ онъ отдалъ, въ Москвѣ же, въ пансіоны съ иностранными языками, моихъ пріятелей—Митьку и Алѣшку, отправилъ въ рижскій политехникумъ, Ефимку лопухаго, моего сверстника и компаньона по игрѣ въ бабки, какъ самаго шустрого, отправилъ съ пріятелемъ - нѣмцемъ въ Германію, въ какое-то заведеніе, обучаться коммерческимъ наукамъ, и только младшаго, Сафронушку, помѣстилъ въ русское учебное заведеніе—московское коммерческое училище. Самъ же со старухой-женой снялъ квартиру, гдѣ-то на Бабьемъ городкѣ, и наблюдалъ за воспитаніемъ внуковъ, на которыхъ уходили всѣ его сбереженія.

Онъ и тутъ устроился оригинально, по-своему. Много лѣтъ спустя, когда я уже учился въ Москвѣ, одинъ изъ моихъ пріятелей рассказалъ мнѣ про большого оригинала, хозяина его квартиры, оказавшагося Алексѣемъ Сафронычемъ. Старикъ занимаетъ съ своей женой всего двѣ комнаты, а остальные четыре сдаетъ жильцамъ, но не пускалъ къ себѣ ни приказчиковъ, ни конторщиковъ, ни чиновниковъ, а только студентовъ университета и технического училища, учителей, вообще—умственныхъ людей. Мой пріятель былъ очень доволенъ своимъ хозяиномъ и только жаловался, что старикъ часто ходитъ къ своимъ жильцамъ съ нѣмецкой газетой, которую онъ выписывалъ, и подолгу засиживался, обсуждая, что дѣлается за границей, отъ политическихъ волненій до новѣйшихъ техническихъ открытій включительно.

Сыновья и зятья Алексѣя Сафроныча доживали вѣкъ въ деревняхъ, занимались не землей, а около земли,—скупкой хлѣба, лѣснымъ дѣломъ, деревенской торговлей, а внуки и внучки остались въ городахъ и почти всѣ хорошо устроились. Внуковъ онъ устроилъ на свой ладъ,—ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался ни докторомъ, ни учителемъ, ни адвокатомъ. Одинъ вышелъ бухгалтеромъ, женился на дочери хозяина и сталъ во главѣ крупной фирмы; другой пошелъ по инженерной части; третій—директоромъ частнаго банка, а Ефимка лопухій

вернулся изъ Германіи крупнымъ комиссіонеромъ какихъ-то германскихъ фирмъ и играетъ на биржѣ такъ же страстно, какъ раньше игралъ въ бабки, въ Крутыхъ Горахъ. Дѣвочки окончили пансіоны и повиходили замужъ за купцовъ и докторовъ. И въ шикарно одѣтыхъ, красивыхъ посѣтительницахъ Малаго театра и московскихъ рестораторовъ нельзя узнать босоногихъ крутогорскихъ дѣвчонокъ, рывшихъ картошку и полоскавшихъ бѣлье въ нашихъ бочагахъ.

Какъ потомъ оказалось, учениками Николая Петровича были не одни ребята.

Я уже два года учился въ духовномъ училищѣ, зналъ четыре правила ариеметики, могъ ночью, сонный, не переводя духу, сказать таблицу умноженія, «Вѣрю» и зналъ многія другія удивительныя вещи. Когда я пріѣхалъ на вакацію въ Крутыя Горы, Николая Петровича уже не было, и вмѣсто него прислали стараго дьячка изъ упраздненнаго прихода, который могъ читать только по церковному и кое-какъ по старинному, съ титлами, подписывать свою фамилію. Присуществовавшая три года школа была закрыта, и учениковъ разобрали по домамъ.

Въ первое же воскресенье, послѣ обѣдни, меня остановилъ Филать-бондарь, — жившій на другомъ концѣ села, несообщительный, замкнутый мужикъ лѣтъ сорока, котораго я мало зналъ.

— Зайди-ко ужъ, Степа!—какъ-то богомъ сказалъ онъ мнѣ. — Дѣльце есть до тебя... Медку припасу.

Я очутился въ роли учителя. Филать ждалъ меня, одѣтый въ чистую рубаху, у покрытаго бѣлымъ столешникомъ стола, на одномъ концѣ котораго стояли тарелки съ медомъ и баранками, а на другомъ—сѣрые листы бумаги, по которой расплзлись неуклюжія рыжія буквы. Оказалось, что Филать—учившійся, какъ признался онъ, съ Николаемъ Петровичемъ крадучись, по вечерамъ, чтобы люди не смѣялись,—успѣлъ съ нимъ овладѣть только слогами и самъ кое-какъ добрался до искусства читать, а писаніе его остановилось на палкахъ и крючкахъ, и Филать только и умѣлъ выводить на бумагѣ огромныя печатныя буквы. Мы справились съ писаньемъ, но Филату хотѣлось знать все больше и больше, и въ продолженіе лѣта мы успѣли съ грѣхомъ пополамъ,—учитель самъ путался въ крупныхъ цифрахъ,—пройти сложеніе и вычитаніе.

Ученье, впрочемъ, этимъ не кончилось,—Филать началъ возить меня въ духовное училище.

— Какія такія дѣла у Филата въ городѣ объявились?—удивился отецъ.—Все Степу возить...

Скромность не позволяла мнѣ разъяснить отцу, что онъ возилъ меня изъ-за желанья учиться у меня.

Лѣнливо перебираетъ ногами толстая, похожая на корову, буланая лошадь, а Филатъ учится.

— Такъ, Степа... Ты говоришь, всякая эта звѣздочка махонькая, — вродѣ земли, большая?

Я отвѣчаю, что еще гораздо больше.

— И, говоришь, жидкая?

— Жидкая.

— Ну, хорошо... А теперь мѣсяцъ взять — твердый вѣдь онъ, можетъ на немъ человѣкъ жить?

Мои свѣдѣнія въ небесныхъ мірахъ довольно проблематичны. И я неопредѣленно отвѣчаю:

— Въ трубу смотреть... Озера, говорятъ, есть, горы...

— А насчетъ земли — это ужъ вѣрно? — не знаю, въ который разъ спрашиваетъ меня Филатъ. — Круглая? И такъ себѣ, значить, безо всего виситъ, да вертится? И звѣзды эти тоже все кругъ другъ дружки вертятся?

Я снова выкладываю ему то, что выучилъ назубокъ въ училищѣ, — доказательства шарообразности земли, гдѣ наша Крутогорская колокольня, постепенно открывающаяся и скрывающаяся, играетъ главную роль.

Должно быть, что-то у меня выходитъ, — Филатъ долго молчитъ и, по своей привычкѣ, кряхтитъ, ворочаясь въ розвальняхъ.

Мнѣ дремлетъ въ отцовскомъ тулупѣ, въ который я весь завернутъ; но Филатъ все учится и все вытягиваетъ изъ меня мой богатый багажъ знаній. Мы рѣшаемъ въ умѣ ариѳметическія задачи, складываемъ и вычитаемъ, множимъ и дѣлимъ, а ему все мало, и все кряхтитъ Филатъ, и спрашиваетъ меня, глупаго маленькаго ребенка, о всемъ томъ, о чемъ болитъ думами его большая мужицкая голова и чего жадно хочетъ проснувшаяся деревенская мысль.

Покряхтитъ-покряхтитъ Филатъ и выпалитъ какимъ-нибудь неожиданнымъ вопросомъ:

— Что я, Степа, думаю! Взять теперича француза, али нѣмца, тоже аглицкій народъ и другіе прочіе...

Я не знаю, куда клонитъ Филатъ, и настаораживаюсь.

— Въ Христа-то они вѣрятъ?

— Вѣрятъ, — говорю.

— А въ Богородицу? Николу Милостиваго? Троицу? Сергія?

— Въ Сергія, говорю, не вѣрятъ.

— Ну, ладно! — продолжает Филать. — Значить, ихъ всѣхъ те-
перича въ адъ?

Минутку я колеблюсь, но потомъ рѣшительнымъ голосомъ от-
вѣчаю:

— Въ адъ!

— Ну, хорошо, — возражаетъ онъ, — будемъ говорить — въ адъ...
Которые большіе, понимать могутъ... А взять — ребята малые, про-
стой народъ, темный человекъ — въ адъ? — повторяетъ онъ.

Филать нѣкоторое время молчитъ, потомъ поднимаетъ голову къ
небу, глубоко вздыхаетъ и говоритъ въ раздумьи:

— Бусурманская вѣра, да бусурманская, а какъ и почему — не-
извѣстно... Небось и они сейчасъ такъ-то вотъ промежду себя про
нашу вѣру сказываютъ?

Я энергично отстаиваю нашу вѣру, но запутываюсь болѣе и бо-
лѣе, и вопросъ о басурманской вѣрѣ остается открытымъ подъ широ-
кимъ звѣзднымъ небомъ, смотрящимъ на всѣ вѣры.

Тихо плетется лошадь, чуть скрипятъ полозья по снѣжной доро-
гѣ, а изъ занесеннаго снѣгомъ большого овчиннаго воротника слы-
шатся медленные, глухія слова:

— Ахъ, темны мы, Степа... Вотъ какъ темны! Былъ бы я мо-
лодой, кажись, бросилъ бы все и пошелъ бы куда глаза глядятъ, уче-
ныхъ людей разыскивать...

Тяжелыми глыбами, угрюмыми сугробами безконечно синѣютъ
кругомъ снѣга. Высоко надъ землей вызвѣздившееся небо мерцаетъ
мириадами огней! Одиноко, глухо и жалобно звучать въ холодной
тишинѣ слова темнаго человекъ.

Зато въ городѣ Филату раздолье. вмѣстѣ со мной жили ученики
старшаго отдѣленія, оканчивающіе училище и готовящіеся перейти въ
семинарію, — безконечное тянулось чаепитіе съ привезеннымъ Фила-
томъ медомъ, до глубокой ночи учился Филать, а я только восхи-
щался, слушая, какъ хорошо и легко рѣшаютъ ученые люди всѣ Фи-
латовы вопросы и сомнѣнія.

Филать уѣзжаетъ. Мои благородные товарищи великодушно жерт-
вуютъ ему свои истрепанные ариеметики, грамматики и географіи,
съ ободранными корешками и исполосованными на отливку бабожь-
свинчатокъ листами, а Филать стоитъ въ дверяхъ комнаты, одѣтый
въ нагольный тулупъ, подпоясанный кушакомъ, съ кнотомъ въ ру-
кахъ, и какъ-то бокомъ, глядя въ сторону, спрашиваетъ меня:

— Когда на Святую-то распустятъ? Приѣзжать, что ли?...

XIV. Желѣзная дорога.

А событія все шли, и все болѣе врывалось новое въ крутогорскую жизнь.

Прошли слухи о желѣзной дорогѣ; появились въ нашихъ мѣстахъ какіе-то люди, осматривавшіе болота, мѣрившіе лѣса, то и дѣло по округѣ говорили о покупкахъ московскими купцами нашихъ лѣсовъ. Въ темной чащѣ выросли бѣленькіе домики, явились лѣсныя конторы, застучали топоры, завизжала пила въ тихихъ лѣсахъ. Щепетильникъ привезъ картинку, на которой былъ изображенъ поѣздъ и смотрящіе на него мужики и бабы, а внизу помѣщалось длинное стихотвореніе, начинавшееся четырьмя строчками, которыя я только и помню:

«До чего народъ доходить—
 Самоваръ въ запряжѣ ходить!
 До того ли онъ дойдетъ,
 Что полштофъ съ виномъ поидетъ?»

И сердитые синіе генералы раздвинулись, и между ними и мышами, хоронившими kota, помѣстилась въ крестьянскихъ избахъ «желѣзная дорога».

Первымъ дѣломъ, какъ только пріѣхалъ я на вакацію—я все еще учился въ училищѣ—было побѣжать взглянуть на желѣзнодорожную просѣку. Я замеръ отъ неожиданности. Направо и налево, куда только могъ я окинуть взглядомъ,—безъ изгибовъ, прямая какъ стрѣла, тянулась широкая просѣка, по бокамъ которой неподвижно темнѣли ряды елей. Какой-то страхъ защемилъ мое сердце,—казалось, что-то неимоვნю страшное пронеслось посрединѣ лѣсовъ, смяло, разбило въ дребезги и куда-то унесло огромную полосу лѣса и словно обрѣзало двѣ темныя, безконечно тянувшіяся стѣны. Предо мной укладывали шпалы, дальше, на насыпи, тянувшейся по направленію къ Бого-явленской рѣчкѣ, ползали, какъ муравьи, люди съ тачками, крутомъ изъ лѣсу неся шумъ, раздавались голоса.

Странники и старыя старухи говорили о послѣднихъ временахъ, о чортѣ съ огромными бѣшеными глазами, который сидитъ впереди машины и съ дикимъ хохотомъ возить по лѣсамъ православный народъ; но масса крутогорскаго люда, повидимому, также какъ я, была захвачена этимъ гигантскимъ дѣломъ людей,—тѣмъ страшно сильнымъ, непреоборимымъ и непреклоннымъ, чѣмъ казалась эта огромная просѣка. Жизнь совсѣмъ по другому сложилась въ то лѣто. Весь день мы вертѣлись около насыпи, каждое воскресенье, послѣ обѣдни, мужики и бабы собирались къ желѣзнодорожному полотну, усажива-

лись на буграхъ вырытой земли и вели долгіе разговоры, осилить ли они Богдавленскую рѣку, широко разливавшуюся по веснамъ, справятся ли съ Поганымъ болотомъ, котораго не миновать просѣлкѣ. И чѣмъ дальше шла просѣлка, чѣмъ глубже входили въ землю каменные устои, чѣмъ выше росла насыпь около рѣки, тѣмъ больше являлось увѣренности, что *они* совладаютъ и съ рѣкой, и съ болотомъ и что нѣтъ удержу этой *железной* дорогѣ, нѣтъ силы, которая бы остановила ее. Постепенно и хороводъ перешелъ изъ села къ насыпи, — было что-то радостное и веселое въ этой внезапно просвѣтлѣвшей чашѣ темныхъ лѣсовъ. Только черезъ годъ, на слѣдующее лѣто, когда мнѣ пришлось поступать въ семинарію, я поѣхалъ въ первый разъ по желѣзной дорогѣ.

Мы долго дожидались съ отцомъ на маленькой, одиноко стоявшей въ лѣсу станціи, и я живо помню, какъ что-то страшное, съ дымомъ и свистомъ, пронеслось мимо меня и, тяжело загромыхавши, остановилось. Кто-то втиснулъ меня и я очутился въ вагонѣ.

— Закрой глаза, не смотри на столбы, не смотри на столбы, — шепталъ надо мной отецъ, — голова закружится...

Я долго сидѣлъ съ закрытыми глазами, вцѣпившись руками въ лавку, въ ежеминутномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ мы наскочимъ на что-нибудь, и совершится нѣчто неимовѣрно ужасное. А вагонъ тихо покачивался, дребезжали рамы въ окнѣ, что-то громыхало кругомъ.

Понемногу я открылъ глаза. Рядомъ со мной, съ взволнованнымъ лицомъ, крестился отецъ, крестились крестьяне, сѣвшіе вмѣстѣ съ нами на станціи, а мимо меня страшно неслись деревья и мелькали телеграфные столбы. Кружилась голова, какъ предсказывалъ отецъ, но у меня не было уже силъ закрыть глаза и, припавши къ окну, я, не отрываясь, смотрѣлъ, какъ все несется кругомъ, развертываются луга и поля, мелькаютъ деревенскія избы, а темный лѣсъ все куда-то бѣжитъ и бѣжитъ... И я уже не думалъ, что мы наскочимъ на что-нибудь, и весь отдавался очарованію этой могучей ѣзды, въ сладкой истомѣ прислушивался къ тихому перезвону рельсъ и только желалъ все летѣть, безконечно летѣть...

Много происшествій случилось въ то лѣто. Въ Ключинѣ, гдѣ была наша волость, появился земскій докторъ Матвѣй Ивановичъ. Это былъ сынъ священника нашей же губерніи, веселый человекъ, ходившій въ поддевѣ и смазныхъ саноггахъ, пѣвшій пѣсни въ хороводѣ и совсѣмъ не похожій на лѣкаря. Онъ не потрошилъ мертвыхъ тѣлъ, не ѣздилъ съ полиціей на слѣдствія, не собиралъ съ міра «положенаго», не касался рекрутчины, а только лѣчилъ и лѣчилъ всѣхъ даромъ и даромъ же отпускалъ всѣмъ лѣкарства.

Первымъ проложилъ къ нему дорогу Антонъ-баба, прозванный «бабой» за то, что изъ-за своихъ больныхъ ногъ не могъ работать въ полѣ и справлялъ дома бабью работу. Докторъ далъ ему какого-то лѣкарства, велѣлъ все лѣто купаться въ кадѣ съ соленой водой—и, хотя согнутая нога не расправилась, Антонъ пересталъ хворать и, на удивленіе всего міра, сталъ ходить не только въ церковь, но и въ поля и въ лѣсъ, гдѣ давно уже не бывалъ. Также много шуму надѣлалъ въ селѣ случай, когда не могла разродиться наша сосѣдка, и опытная въ этихъ дѣлахъ Спиридониха велѣла уже положить роженицу подъ образа и затеплила надъ ней восковую свѣчу. Привезенный, по настоянію моей матери, Матвѣй Ивановичъ очень скоро помогъ разродиться и спасъ и мать и ребенка. Но особенно много разговоровъ было, когда Матвѣй Иванычъ снялъ какую-то пелену съ глазъ бабушки Ненилы, и давно не видѣвшая старуха прозрѣла. Что-то вродѣ ярмарки стало дѣлаться у квартиры доктора въ пріемные дни, и слава его все разносилась по округѣ...

Большую сенсацию среди духовенства произвело другое извѣстіе, что дѣвица Солтухина поступила учительницей въ земскую школу, открытую въ Малыхъ Пустошахъ, гдѣ жилъ дядя Николай Михайловичъ. Я помню горячіе споры среди гостей въ ближайшій нашъ праздникъ: изъ-за чего дѣвица Солтухина, —племянница Богоявленскаго генерала Солтухина—могла пойти учить мужицкихъ ребятишекъ. Одни говорили, что по бѣдности, — мужиковъ отобрали, а можетъ еще и родные обидѣли, — сирота; другіе предполагали, что насчетъ жениховъ незадача, изъ себя не больно, да и въ годахъ; но о. Платонъ энергично отрицалъ и то и другое, хотя давно уже не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о семействѣ Солтухиныхъ. Подѣхавшій дядя своими объясненіями еще больше увеличилъ недоумѣніе публики, такъ какъ оказалось, что дѣвица Солтухина и лицомъ ничего себѣ и не перестарокъ и нельзя сказать, чтобы жила въ бѣдности, — много сундуковъ привезла съ собой, покупала на свой счетъ книжки и разныя картинки для школы и машинку, на которой показывала ученикамъ, какъ молнія дѣлается. А успѣвшая подружиться съ учительницей Анна Павловна все рассказывала, какъ много учительница возится съ ребятишками, какъ по воскресеньямъ собираетъ взрослыхъ и тоже учить ихъ грамотѣ...

И праздникъ нашъ какой-то совсѣмъ особенный вышелъ. Буда-то ушелъ генералиссимусъ Суворовъ съ своими безчисленными побѣдами и чудачествами. И, вмѣсто исторіи про Семибашенный замокъ, о. Платонъ обстоятельно и подробно рассказывалъ о засѣданіи окружнаго

суда, гдѣ ему пришлось быть. Появились молодые священники и оканчивающіе курсъ семинаристы, и вечерами шли горячіе споры о земствахъ, новыхъ судахъ, обсуждались спеціально духовныя новости—выборные благочинные, епархіальные съѣзды, отмѣна порки въ училищахъ и семинаріяхъ. Велись вольныя рѣчи про то, что пишутъ въ газетахъ, и какіе слухи идутъ изъ Питера.

А отецъ махалъ руками на вольныхъ говоруновъ и вздыхалъ и плотнѣе затворялъ двери, но такъ жадно слушалъ.

И два новыхъ романа разучивали: «Что такъ жадно глядишь на дорогу...» и «Бѣду ли ночью по улицѣ темной».

А бабушка сидѣла одна. На ней былъ тотъ же торжественный праздничный повойникъ и плечи покрыты той же ковровой шалью, но она не выходила въ горницу къ гостямъ. И сидѣла она, какъ каменное изваяніе, въ своей старой кухнѣ, за стариннымъ столомъ, за которымъ давно перестала обѣдать семья. Остановившіеся неподвижные незрячіе глаза, казалось, пристально смотрѣли далеко предъ собой, и застывшее лицо, полное недоумѣнія и вопроса, казалось, напряженно прислушивалось къ доносившимся изъ горницы новымъ словамъ, вольнымъ рѣчамъ, къ грохоту и свисту несущихся мимо Крутыхъ Горъ поѣздовъ...

Какъ все близко стало! Чтобы добраться до той далекой Москвы, о которой раньше только смутные слухи доходили до насъ, нужно было какихъ-нибудь четыре-пять часовъ,—почти столько же, сколько употребляли мы на поѣздку въ нашъ уѣздный городъ.

И Крутыя Горы скоро поѣхали въ Москву. Поѣхало духовенство и всѣ, кому нуженъ былъ губернской городъ, такъ какъ оказалось ближе, дешевле и удобнѣе ѣхать въ него черезъ Москву, чѣмъ на лошадахъ прежнимъ путемъ. Поѣхали плотники.

Первымъ собралъ артель и отлучился на заработки въ Москву Ларивонъ, второй сынъ Барпа. Артель заработала хорошія деньги, а на третій годъ Ларивонъ не вернулся и остался въ Москвѣ подрядчикомъ. Онъ все ширился, купилъ домъ, вель большія дѣла и только изрѣдка, пока былъ живъ Барпъ, наѣзжалъ въ Крутыя Горы—полный, кормленый и важный, съ перстнемъ на рукѣ, въ пиджакѣ, съ толстой серебряной цѣпочкой на жилеткѣ. Всякій разъ онъ привозилъ гостинцы, какія-нибудь новинки—фигурный самоваръ, часы съ боемъ, новую гармонику съ колокольчиками; женѣ кофту со стеклярусомъ. Глядя на Ларивона, многіе крутогорскіе и окрестные крестьяне стали тоже ѣздить въ Москву.

Они также привозили оттуда самовары и поддевки тонкаго сугна, и сапоги съ подборомъ, и манишки, и московскія пѣсни, московскіе нравы и московскую рѣчь. Въмѣсто стариннаго «цово», стали какъ-то особенно нѣжно выговаривать «чиво», и пѣвучее московское «аканье» начало вытѣснять грубое крутогорское «о». Падгія на моды, деревенскія дѣвки скоро выучились «акать» и говорить «чиво», скоро заплѣли московскія пѣсни, стали снимать сарафаны и шить себѣ кофты и шерстяныя платья по тѣмъ фасонамъ, которые привозила ѣздившая изрѣдка къ мужу Ларивонова жена.

Все было совершенно такъ же, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ, когда знатные русскіе люди стали ѣздить въ Парижъ и привозили оттуда французскіе слова и парики, французскіе нравы и французскую болѣзнь. И, какъ екатерининскихъ временъ молодые кавалеры-модники, побывавшіе въ Парижѣ, крутогорскіе ферлакуры жадно подбирали по московскимъ трактирамъ модныя словечки и удивляли деревенскихъ дѣвокъ замысловатыми оборотами рѣчи и пахучими остротами...

Все больше появлялись деньги въ селѣ, рѣже наѣзжали щепетильники и крашенинники, исчезали лапти, крашенина, потухала лучина.

Побывавшіе въ Москвѣ привозили съ собой новый воздухъ, новыя потребности, новые вкусы, — запросили чаю, хорошей одѣжи. Имъ стало тѣсно въ старинныхъ дѣдовскихъ семьяхъ. И старики стали поговаривать, что парни набаловались и начинаютъ перечить старшимъ. Первой распалась огромная семья Барпа, въ которой было больше сорока человекъ. Кромѣ Ларивона, послѣ смерти отца, увезшаго изъ села свою семью и совсѣмъ осѣвшаго въ Москвѣ, выдѣлился и младшій братъ Макаръ, и въ длинной, тянувшейся по переулку избѣ Барпа остался только Максимъ, старшій братъ, пѣвшій на елросѣ басомъ, да подростки отъ умершаго третьяго брата. Глухой шумъ пошелъ по селу.

А отпускать въ Москву надо было. Лѣса вздорожали и быстро таяли, перестали раздавать по деревнямъ пряжу съ фабрикъ, заработки на мѣстѣ убавились, а деньги дѣлались все нужнѣе и нужнѣе. И дѣдушки ничего не могли сказать, какъ быть въ новыхъ порядкахъ, приходилось самому рѣшаться и предпринимать, самому выбирать новыя пути.

Нарождался человекъ. Безъ барина, изъ однообразной сѣрой массы мірянъ случайно поднимала голову человѣческая личность и изъ воли семьи, воли міра обособлялась единичная воля. Онъ не всегда былъ пріятель, этотъ новый деревенскій человекъ, какъ не

все было приятно въ той вѣшной культурѣ, которую онъ несъ съ собою въ деревню, но это былъ человѣкъ, почувствовавшій свое я, начинавшій думать, добивавшійся своихъ «правовъ». То новое, что дала воля и присылала Москва и везла желѣзная дорога, какъ желѣзные влинья въ кряжистый пенъ, глубоко входило въ вѣковые устои крѣпкаго крутогорскаго міра, ломало и коверкало его, вытѣсняло старинные пѣсни и костюмы, шатало древнюю мораль. Во всемъ этомъ было дурное и хорошее, и въ томъ дурномъ и хорошемъ было нѣчто роковое и неизбѣжное, какъ, надо думать, неизбѣжно было тѣмъ же русскимъ людямъ взять изъ Парижа прежде слово и потомъ уже понятія, сначала надѣть на головы парики и потомъ уже воспринять то, что было во французскихъ головахъ, и какъ есть пѣчто роковое въ гибели низшихъ культуръ, сталкивающихся съ высшими.

Желѣзно-дорожные поѣзда все носились мимо Брутыхъ Горъ и все возили къ намъ и новыя моды, и невиданные костюмы, и лампы, и шандоринъ, и вѣдомости.

Дѣдушки ничего на этотъ счетъ не завѣщали. Они только сказку сложили про того Иванушку, котораго забравшіе силу старшіе братья называли дурачкомъ. Дѣдушки наградили его «хотѣньемъ» и «щучьимъ» велѣньемъ, по которому сани ѣздили безъ лошадей, и леталъ Иванушка на коврѣ самолѣтѣ, и надѣвалъ сапоги скороходы, ходившіе по сту верстъ въ день.

Та сказка былью стала. Въ міръ чудесъ, въ которомъ жили дѣдушки, ворвалось новое чудо — длинной вереницей носились передъ Иванушкой желѣзно-дорожные поѣзда, какъ молніи летали по тонкимъ проволокамъ человѣческія мысли, хромые начинали ходить и слѣпые — видѣть; но это было другое чудо — въявь на глазахъ всѣхъ, по человѣческому хотѣнью, оно дѣлалось, до него человѣкъ «доходилъ». Въ міръ вѣры и чувства, мечты и фантазіи въ первый разъ пробивалось новое слово — «наука» и новое представленіе о силѣ человѣческой мысли.

Въ этомъ свѣтѣ новаго старая деревенская тьма стала еще темнѣе, какъ чернѣе кажется ночь послѣ свѣта комнаты, и крутогорскій темный человѣкъ, съ проснувшейся мыслью и поднявшимися въ душѣ жадными вопросами, подолгу стоялъ предъ гудѣвшей день и ночь желѣзной проволокой телеграфа и говорилъ:

— Темны мы... Ахъ, какъ темны!

А кругомъ все свѣтлѣло... Прояснилось въ нашихъ темныхъ лѣсахъ, грохотъ и свистъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ распугалъ ту нечисть, которая владѣла погаными болотами, угрюмыми лѣсными

чащами. Отъ порошковъ Матвѣя Иваныча, отъ машинки дѣвицы Солтухиной, отъ шума и гомона новой жизни, безъ барина, оробѣлъ старый крутогорскій лѣпшій и сталъ покидать стремнины и впадези, и озера, и покровы банные. Сталъ покидать и души людскія, и отецъ мой удивлялся, почему все рѣже и меньше кричатъ въ церкви кликуши...

Не было въ Крутыхъ Горахъ человѣка, счастливѣе Антона-бабы. Старый мечтатель съ выздоровѣвшими ногами безъ удержу восхищался всѣмъ тѣмъ, воочію явившимся въ Крутыхъ Горахъ, о чемъ онъ только смутно мечталъ.

— Народъ-то, Степа, чугуникъ какъ обрадовался,—говорить мнѣ Антонъ, провожая глазами переполненный людьми поѣздъ. — Все ѣдетъ, все ѣдетъ... Каждому лестно!

Сидитъ Антонъ на желѣзно-дорожной насыпи и любитъся.

— Ешпафету гонять...— прислушается онъ къ гудящей провололкѣ.—Примай, молъ, гостей, дровъ—воды припасай...

Какъ первымъ Антонъ проложилъ дорогу къ Матвѣю Иванычу, такъ онъ же первымъ, изъ крутогорскихъ, поѣхалъ на чугуникъ. Побывалъ Антонъ въ Москвѣ, наслушался всласть митрополичьяго хора, навезъ оттуда нотъ и, закинувши назадъ голову, съ закрытыми глазами, въ сладкой истомѣ выводилъ нутромъ на нашемъ клиросѣ новые предпрічастные гимны. Побывалъ Антонъ присяжнымъ засѣдателемъ и долго ни о чемъ, кромѣ суда, говорить не могъ.

А старые люди, хранители древнихъ устоевъ, съ тревожнымъ испугомъ прислушивались ко всему новому, нахлынувшему на деревенскій міръ.

— Чего смотришь-то? Не больно весело...—угрюмо говорила бабушка, когда ее начинали уговаривать сдѣлать надъ глазами операцию, исходъ которой Матвѣй Иванычъ обнадеживалъ.—Божье изволенье... Чай, тамъ насъ и такъ пустятъ, Домна?—прибавляла она.

И сидѣла она долгіе зимніе вечера съ Домной въ своей старой кухнѣ, прислушиваясь, какъ тихо потрескиваетъ лучина, и вели онѣ длинные разговоры про новые порядки, какъ пошло все шиворотъ-навыворотъ,—мужики сѣли въ барскія хоромы, а генеральская племянница живетъ въ избѣ и мужицкихъ ребятишекъ учить; молодые перечать старшимъ и дѣдушки судятся въ волости съ внуками; и желѣзная дорога глотаетъ старые крутогорскіе скирды и холсты, и масло, и яйца и вмѣсто хлѣба везетъ кринолины и «вѣдомости», и самовары, и всякое баловство. И рѣшали онѣ, что не будетъ отъ всего этого добра ни намъ-семьѣ, ни Крутымъ Горамъ.

Гордецы люди стали, противъ божьяго изволенія пошли, выше Бога хотять быть. Сводили разъ бабушку къ желѣзной дорогѣ, долго слушала она, какъ громяхаютъ поѣзда, гудить проволока, но больше туда не ходила. Дядя Николай Михайловичъ вздумалъ разъ объяснить бабушкѣ о телеграфѣ, что это — та же молнія, которая сверкаетъ изъ тучи, и что теперь человекъ пустилъ эту молнію по проволокаѣ и бѣгаетъ она кругомъ всего міра.

Но бабушка сурово остановила его:

— Ври, да не завирайся... То—премудрость Божія, а это—хитрость людская!...

С. Елпатьевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опытъ оздоровленія деревни *).

II.

Изданный недавно «Отчетъ уполномоченнаго» по оказанію въ 1899 г. трудовой помощи пострадавшему отъ неурожае населенію въ губерніяхъ Базанской, Вятской и Симбирской представляетъ богатый матеріалъ для освѣщенія вопроса о значеніи трудовой помощи въ связи съ выясненіемъ экономическихъ и бытовыхъ условій народной жизни. Самый характеръ отчета, однако, не позволяетъ въ отношеніи выясненія упомянутыхъ условій вдаваться въ болѣе частныя подробности и заставляетъ, напротивъ ограничиваться, главнымъ образомъ, общими выводами. Между тѣмъ, подробности эти, выступавшія передъ людьми, дѣйствовавшими на поприщѣ трудовой помощи, представляютъ весьма существенный интересъ какъ сами по себѣ, такъ и въ смыслѣ той роли, какую онѣ могутъ сыграть въ дѣлѣ оказанія трудовой помощи народу на будущее время.

Всякому ясно, насколько могло бы облегчатся рѣшеніе такой сложной задачи, какъ оказаніе вполне рациональной для каждой мѣстности трудовой помощи, если бы всѣ приступающія къ этой задачѣ лица были предварительно основательно посвящены въ мѣстныя экономическія и бытовыя условія. Отсутствие такой подготовки сильно усложняетъ дѣло, вводитъ свѣжаго человѣка въ заблужденія и затрудненія, отъ которыхъ не всегда въ состояніи оградить его даже содѣйствіе и совѣты мѣстныхъ дѣятелей. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось наталкиваться на явленія, которыя на нѣкоторое время приводили меня въ недоумѣніе и затрудненіе, а между тѣмъ я уже имѣлъ извѣстную подготовку, изучивъ постановку трудовой помощи въ Даніи, Швеціи и Норвегіи **). Желаніе по мѣрѣ силъ содѣйствовать облегченію для каждаго вступающаго на поприще оказанія трудовой помощи взятой имъ на себя задачи и побудило меня въ прошломъ году помѣстить на страницахъ *Русской Мысли* первый мой очеркъ «Опытъ

*) См. *Русская Мысль*, 1900 г., кн. III, IV и V.

**) «Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ» П. Г. Ганзена. (Изданіе канцеляріи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.) книга X, 1901 г.

оздоровленія деревни», посвященный яслямъ-пріютамъ, а теперь дать и второй, касающийся прочихъ видовъ трудовой помощи, которые мнѣ приходилось примѣнять на дѣлѣ.

Завѣдываніе яслями-пріютами въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи особенно обогатило меня наблюденіями бытового характера, но и при выполненіи другихъ работъ, имѣвшихъ ту же цѣль—оказаніе трудовой помощи населенію этого уѣзда, мнѣ пришлось наблюдать не мало интереснаго и характернаго, причемъ наиболѣе интересную въ бытовомъ отношеніи картину развернула передо мной первая изъ предпринятыхъ работъ. Но прежде чѣмъ перейти къ самому описанію этой работы, позволяю себѣ высказать нѣкоторыя общія замѣчанія о трудовой помощи.

Значеніе трудовой помощи особенно ярко выступаетъ въ сравненіи съ даровою. Трудовая помощь можетъ быть примѣнена во всякое время, тогда какъ даровая можетъ быть допускаема лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, доведено до полной утраты трудовой способности, и должна прекращаться какъ только способность эта принятыми мѣрами восстановлена. Если же даровая помощь не вызвана упомянутыми условіями, а является только въ качествѣ до нельзя упрощенной формы благотворенія, она неминуемо вызываетъ злоупотребленія и является причиной распространенія тунеядства. Примѣръ слишкомъ заразителенъ, и трудоспособный, хотя и не бѣдствующій крестьянинъ, видя неосновательно оказываемую даровую помощь его сосѣду, тоже трудоспособному, хотя бы и бѣдствующему, легко соблазняется желаніемъ также заполучить кое-что безъ труда. Въ подтвержденіе можно привести много примѣровъ, но ограничусь однимъ, особенно характернымъ. Часть крестьянъ постигнутой неурожаемъ деревни, работавшая на фабрикѣ, узнавъ, что остальнымъ ихъ односельчанамъ выдается даровой паекъ, бросила работы и вернулась въ деревню, требуя и себѣ такого же пайка.

Опасность даровой помощи, такимъ образомъ, не въ томъ лишь, что тутъ непроизводительно тратятся благотворительныя средства, которыя при правильномъ примѣненіи могли бы принести большую пользу, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что такую помощью можно сгубить въ концѣ трудовую способность населенія, убивъ въ немъ сначала нравственное чувство, согласно которому каждый человѣкъ чувствуетъ себя обязаннымъ трудиться по мѣрѣ силъ и трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ. Нашему крестьянину чувство это въ особенности присуще, равно какъ и чувство совѣстливости, ярко рисующееся, на примѣръ, въ дневникахъ *) надзира-тельница пріютовъ-яслей, открытыхъ лѣтомъ 1899 года на средства «попечительства» въ Малмыжскомъ уѣздѣ. Случалось нерѣдко, что крестьянинъ отказывался отдать своихъ дѣтей въ ясли, смѣшивая ихъ назначеніе съ назначеніемъ даровыхъ дѣтскихъ столовыхъ отъ Краснаго Креста и стѣ-

*) См. *Русская Мысль*, кн. IV, стр. 72.

сняясь пользоваться такою помощью;—«самъ какъ-нибудь прокормлю»—говорилъ крестьянинъ.

Совѣстливость же качество настолько драгоцѣнное, что его во что бы то ни стало слѣдуетъ оберегать отъ губительныхъ соблазновъ. Лицъ, не стѣсняющихся пользоваться общественною помощью и не видящихъ въ этомъ грѣха, и такъ достаточно, но пока они преимущественно ютятся въ городахъ; а при болѣе широкомъ распространеніи по лицу земли русской неправильной даровой помощи можно опасаться, что язва тунеядства источитъ и сердце государства—деревню. Единственное спасеніе отъ этого зла—трудовая помощь, охраняющая, а не губящая духовныя и физическія силы трудящагося крестьянскаго населенія.

Еще во время предварительнаго объѣзда Вятской губерніи отрядъ нашъ ознакомился съ мѣрами для облегченія нужды населенія, предпринятыми земствомъ, и собралъ свѣдѣнія о наиболѣе желательныхъ мѣрахъ съ нашей стороны. По прибытіи же лишь на мѣсто своего назначенія въ гор. Малмыжъ, который, съ принадлежащимъ къ нему уѣздомъ, ограничивалъ районъ моей личной дѣятельности, были собраны дополнительныя свѣдѣнія отъ соотвѣствующихъ мѣстныхъ учреждений и компетентныхъ лицъ, причѣмъ выяснились наиболѣе неотложныя нужды и наиболѣе желательныя виды оказанія помощи населенію, сообразно мѣстнымъ условіямъ.

На первомъ планѣ изъ такихъ нуждъ, удовлетвореніе которыхъ давно уже стояло на очереди, находились: осушеніе болотъ около села «Кулыги» (66 верстъ отъ гор. Малмыжа), являвшихся источникомъ эпидемическихъ болѣзней, постройка дома труда въ г. Малмыжѣ и проложеніе новой прямоѣзжей дороги отъ названнаго города до р. Вятки (при устьѣ несудоходной рѣки Шопмы, на которой стоитъ городъ). Дорога эта должна была сократить подѣздъ къ городу съ рѣки Вятки—сверху на 6 верстъ и снизу приблизительно на 20 верстъ.

За отсутствіемъ необходимыхъ подробныхъ свѣдѣній и смѣтъ по двумъ послѣднимъ указаннымъ задачамъ, пришлось для начала ограничиться осуществленіемъ первой—осушеніемъ болотъ около с. Кулыги.

Въ протоколѣ «засѣданія 5-го мая 1899 г. особой комиссіи, созданной въ г. Малмыжѣ для обсужденія вопроса о возможныхъ въ уѣздѣ, въ видахъ воспособленія нуждающемуся населенію лѣсныхъ, земляныхъ и другихъ работъ и вопроса объ организаціи и развитіи пунктовъ «трудоу помощи» говорится между прочимъ:

«Въ 1892 г. уѣздное малмыжское земство обратило вниманіе губернскаго земства на необходимость осушки кулыжскихъ болотъ, окружающихъ село Кулыги, Вятско-Полянскоі (бывшей Усадскоі) волости; эти болота непроизводительно занимаютъ площадь до 200 десятинъ и вредно вліяютъ на здоровье ближайшаго населенія своими испареніями и свойствомъ самой воды въ озерахъ этихъ болотъ, которою пользуются жители для своихъ надобностей: въ селѣ Кулыгахъ лихорадки и тифозныя заболѣванія не прекращаются. Когда-то сами крестьяне имѣли намѣреніе и пытались осу-

пить эти болота; но за недостаткомъ средствъ *) не могли привести свое намѣреніе въ исполненіе. Работы по осушкѣ крестьянскихъ болотъ были найдены полезными, цѣлесообразными и желательными и уѣзднымъ и губернскимъ земскими собраніями 1892 г., но до сихъ поръ не исполнены. Тогда же, въ 1892 г. была снята на планъ половина этихъ болотъ **) и составлена смѣта на работы».

Въ виду тѣхъ измѣненій почвы, какія могли произойти въ промежутокъ со времени произведенныхъ въ 1892 году изысканій, рѣшено было прежде всего произвести дополнительные изысканія и нивелировку.

Благодаря энергичному содѣйствію губернскихъ техниковъ, г. Горностаева и г. Калачевича, предварительныя работы эти были скоро закончены, а также составлена смѣта.

Уровень воды кулыжскихъ болотъ оказался, какъ это видно изъ акта, составленнаго упомянутыми техниками, на 0,5 саж. выше уровня воды въ нижележащемъ озерѣ «Оксара», куда воды болотъ и могли быть спущены; изъ озера же въ свою очередь въ р. Вятку. Кромѣ того, часть воды изъ болотъ могла быть спущена въ озеро «Кушакъ», прилегающее къ болотамъ, являвшимся, въ сущности, затянущимся тиной и иломъ, продолженіемъ этого озера, а затѣмъ, также въ р. Вятку, посредствомъ вновь прорытыхъ канавъ. Предполагая, что для спуска воды изъ болотъ и озеръ придется прорыть не менѣе 2 версты канавъ шириною ложа въ 0,3 саж., глубиною 0,5 саж. и съ двойными откосами, причѣмъ потребуется вынуть 844 куб. саж. земли, и, считая на вынутіе каждаго куба земли по 3 по денщины, и составлена была смѣта въ 1,012 р. 80 к. (2,532 по денщины, по 40 коп.). Въ дѣйствительности работы обошлись много дешевле, но даже и такую сумму, какъ означенная въ смѣтѣ, нельзя было не считать незначительною въ виду достиженія такихъ серьезныхъ задачъ, какъ избавленіе населенія отъ источниковъ эпидемическихъ заболѣваній, приобрѣтеніе нуждающимся въ землѣ крестьянскимъ обществомъ до 200 десятинъ заливныхъ луговъ и оказаніе производствомъ работъ истинной трудовой помощи нуждающемуся населенію.

Понятно, поэтому, какое значеніе я долженъ былъ придавать осуществленію этой задачи, самое осуществленіе которой казалось къ тому же столь простымъ, что предполагалось покончить со всѣмъ дѣломъ въ какинибудь три недѣли.

По утвержденіи смѣты и ассигновкѣ нужной суммы изъ предоставленныхъ въ наше распоряженіе средствъ «Попечительства», оставалось только заручиться приговоромъ крестьянъ с. Кулыгъ, какъ свидѣтельствомъ о ихъ согласіи на производство означенныхъ работъ.

*) Слѣдуетъ прибавить: и необходимыхъ техническихъ свѣдѣній и указаній. П. Г.

**) „Площадь, занимаемая въ общей сложности болотами, равняется приблизительно 200 десятин.; изъ нихъ на планъ снята только половина, остальная же половина, за недоступностью весной, лѣтомъ и осенью, можетъ быть снята лишь послѣ сильныхъ морозовъ, когда послѣдніе скуютъ топь“. (Изъ донесенія агронома, смотрителя губернскаго земства, по Малм. уѣзду, 30-го сентября 1293 г.).

Приговоръ этотъ считался чистою формальностью; о какихъ-либо затрудненіяхъ съ этой стороны никто и не помышлялъ, настолько очевидно казалась польза осушки вредныхъ болотъ для самихъ же мѣстныхъ крестьянъ, являвшихся лицами наиболѣе заинтересованными въ дѣлѣ уничтоженія источника постоянныхъ эпидемій и приобрѣтенія заодно 200 десятинъ сѣноносныхъ луговъ.

Вслѣдствіе одновременнаго указанія на дурное свойство питьевой воды, употребляемой кулыжанами, было рѣшено, кромѣ осушки болотъ, произвести добавочныя работы по расчисткѣ находящихся близъ села Кулыги ключей, на что была ассигнована, согласно смѣтѣ, дополнительная сумма въ 174 руб. 54 коп.

Какъ сказано, оставалось только получить приговоръ крестьянъ и затѣмъ приступить къ работамъ, но тутъ-то и возникъ цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ препятствій, замедлившихъ начало работъ на три недѣли, т.-е. на такой срокъ, который расчитанъ былъ на осуществленіе всего дѣла.

Вмѣсто ожидаемаго согласія крестьянъ, послѣдовалъ съ ихъ стороны рѣшительный отказъ. Въ приговорѣ, составленномъ на сельскомъ сходѣ 3 іюня 1899 года, крестьяне заявили, что «*ничего этого (т.-е. ни осушки болотъ, ни расчистки ключей) имъ не нужно*».

Отказъ этотъ явился до того неожиданнымъ и ни съ чѣмъ не сообразнымъ, что я сразу заподозрилъ присутствіе совершенно особыхъ вызвавшихъ его причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ основною цѣлью нашего благого предложенія крестьянамъ. Разысканіе этихъ причинъ и нарисовало предо мною въ высшей степени интересную и характерную бытовую картину, которую вкратцѣ и набросаю здѣсь.

Прежде всего приведу отрывокъ изъ письма техника г. Калачкевича, извѣстившаго меня о результатахъ сельскаго схода 3 іюня.

«*Въ вечеру сходъ былъ собранъ въ возможно полномъ составѣ, т.-е. пришло на него $\frac{2}{3}$ крестьянъ, имѣющихъ право голоса.*

«*Волостной писарь прочиталъ имъ отношеніе земскаго начальника, которое я пояснилъ, и рассказалъ имъ весь планъ предполагаемыхъ работъ, явную пользу ихъ и предоставилъ имъ выбрать одно изъ двухъ направлений, намѣченныхъ для проведенія ручья въ оврагъ, пролегающій по селу,—одно, которое я вамъ указывалъ въ нашу поѣздку съ Л. Б. Враскимъ, т.-е. черезъ озимыя поля помощью канавы и запруды въ разстояніи 1—2 версты отъ села. Я вамъ тогда говорилъ, что сомнѣваюсь, согласятся ли крестьяне на проведеніе канавы въ настоящее время, и что мы можемъ ограничиться одной запрудой, предоставляя работы по устройству канавы крестьянамъ послѣ уборки хлѣба.*

«*Проектъ этотъ я возобновилъ потому, что мѣстный зажиточный крестьянинъ, лѣсопромышленникъ Санниковъ *)*, въ случаѣ согласія крестьянъ, хотѣлъ пожертвовать на устройство канавы 300 руб. и давалъ формальное

*) Нынѣ уже умершій.

обязательство выполнить эту работу осенью. Сходъ и слушать не хотѣлъ объ исполненіи подобнаго предположенія. Другое предложеніе—расчистку ключей и проведеніе источниковъ къ селу по лугамъ, а также устройство колодца въ центрѣ селенія было встрѣчено сходомъ равнодушно, безъ всякихъ видимыхъ проявленій согласія или несогласія.

«Послѣ того, когда обстоятельно было выяснено крестьянамъ все дѣло, имъ предоставили обсудить выгоды предложеннаго и высказать свое рѣшеніе.

«Обсуждали они слышанное около часу, а когда мы вышли спросить, на чемъ остановилось ихъ рѣшеніе, единогласно заявили, что болотъ осушать не желаютъ, ибо тогда не станетъ воды въ озерѣ; что же касается проведенія ключа черезъ луга, а также устройства колодца, то просятъ занести въ приговоръ ихъ согласіе на производство означенныхъ работъ. Приговоръ былъ составленъ въ присутствіи крестьянъ волостнымъ писаремъ и прочитанъ имъ. Сходъ удостовѣрилъ словесно согласіе написаннаго съ высказаннымъ имъ рѣшеніемъ, но подписать приговоръ кулыжане отказались. Мотивовъ отказа въ подписяхъ они никакихъ не указали. Мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми изъ крестьянъ и я старался узнать у нихъ, чѣмъ можно себѣ объяснить подобное рѣшеніе.

«Я доказывалъ имъ, что вода изъ озера не уйдетъ, а только понизится ея уровень; она и теперь лѣтомъ не сообщается ни съ какой проточной водой, такъ что порча ея неминуема; весной же осушка болотъ не можетъ вліять на пониженіе уровня р. Вятки, и разливъ этой рѣки будетъ попрежнему затоплять мѣстность. Съ этимъ они согласились, но видимо скрывали настоящую причину своего отказа. Одинъ только старикъ заявилъ, что «противъ Божьей колесницы идти нельзя». Когда часть схода разошлась, нѣкоторые оставшіеся участники схода рискнули высказаться яснѣе. Они сообщили, что боятся въ случаѣ осушки болотъ новыхъ сборовъ казенныхъ и земскихъ: земля, которая теперь подъ водою, считается неудобной и не обложена, а стапеть она лугами, и сейчасъ же ее обложить налогомъ, а быть можетъ, казна и возьметъ благоустроенные луга въ свою собственность, что крестьянамъ нежелательно, такъ какъ и теперь растетъ кой-гдѣ трава для подножнаго корма, и общество лишится возможности выгонять туда скотину. Вообще крестьяне не могутъ понять, чтобъ кто-нибудь, правительство или частное лицо, могли имъ дѣлать полезное, не имѣя задней мысли. Это, вѣроятно, и было причиной отказа общества въ подписяхъ на приговоръ.

«Предполагая, что, по пословицѣ, «утро вечера мудренѣе», мы рѣшили еще попытаться собрать сходъ на слѣдующій день, рассчитывая, что крестьянамъ сразу трудно уяснить себѣ всю пользу предложеннаго, а потолкуютъ другъ съ другомъ, обсудятъ все хорошенько и, можетъ быть, придутъ къ другому, болѣе осмысленному заключенію. Чтобы окончательно разсѣять ихъ опасенія насчетъ спада водъ въ озерѣ, предложено было на слѣдующій день утромъ приступить на средства, предоставленныя вамъ,

въ устройствѣ перепруды въ мѣстѣ, гдѣ озеро сообщается съ болотомъ, но настроеніе общества стало еще хуже прежняго. Сходъ утромъ отказался абсолютно отъ всѣхъ работъ и отъ составленія какого бы то ни было приговора, даже отъ того, на что соглашались наканунѣ: «никакого намъ ключа не надо. Колодцы у насъ есть, да вода озерная, а болота созданы Господомъ-Богомъ; захочетъ—такъ сами просохнуть, а не захочетъ—на то Его воля. Наши дѣды и отцы пили воду изъ болотъ и слава Богу, прожили свой вѣкъ, и мы проживемъ по ихнему. Противъ Бога идти грѣшно, безъ его согласія дѣлай что хочешь, а болотъ не осушишь». Вотъ доподлинныя слова крестьянъ, и никакія убѣжденія на нихъ не подействовали. Пришлось ограничиться составленіемъ не приговора, а акта, который получится отъ земскаго начальника. Не рискуя еще болѣе раздражать и такъ уже взволнованныхъ крестьянъ, я прекратилъ свои работы по нивелировкѣ мѣстности и уѣхалъ въ городъ.

«На обратномъ пути я заѣхалъ къ земскому начальнику. Узнавъ о печальныхъ результатахъ схода, онъ заявилъ, что готовъ съѣздить въ Кулыги для переговоровъ съ крестьянами, если это окажется желательнымъ, но въ успѣхѣ сомнѣвается.

«Вотъ видите, П. Г., какъ еще наши вятскіе крестьяне мало развиты и какъ имъ трудно различать добро отъ зла. Мнѣ въ первый разъ пришлось присутствовать на сходѣ, и вынесъ я очень печальное впечатлѣніе. Всю дорогу обратно въ городъ я обдумывалъ все слышанное, и мнѣ было грустно. Да, у насъ еще мало, очень мало свѣта, на сходъ явилось только 4 человѣка грамотныхъ на 150 человѣкъ, значитъ менѣе 3%, а вѣдь на сходъ приходятъ только представители отдѣльныхъ семействъ, самыя развитыя единицы. Въ Кулыгахъ слишкомъ 1,000 жителей; если это принять въ расчетъ, то получится не болѣе $\frac{1}{2}\%$ грамотныхъ, не считая подростковъ. При такомъ положеніи вещей единичныя грамотныя личности не могутъ оказать сильнаго вліянія на толпу и повернуть ея рѣшеніе въ хорошую сторону. Да, и солидарность у нихъ замѣчательная; я увѣренъ, что нѣкоторые соглашались съ нами, но идти противъ міра не рискнули».

Получивъ такой неожиданный отвѣтъ кулыжскихъ крестьянъ, я обратился за совѣтомъ къ предсѣдателю уѣздной земской управы В. А. Батуеву, который съ обычною готовностью взялся способствовать разъясненію дѣла, лично съѣздивъ въ с. Кулыги и разузнавъ у крестьянъ истинныя причины ихъ отказа отъ явно-полезныхъ для нихъ работъ. Самъ же я рѣшилъ воздержаться отъ всякаго личнаго участія въ переговорахъ съ крестьянами во избѣжаніе всего, что могло бы походить на прямое или косвенное давленіе на нихъ и на посягательство на свободу ихъ рѣшенія. Вмѣшательство въ дѣло такого опытнаго земскаго дѣятеля, какъ В. А. Батуевъ, не замедлило принести плоды, и дѣло выяснилось. По возвращеніи изъ Кулыгъ г. Батуевъ написалъ мнѣ письмо, выдержки изъ котораго приведу здѣсь:

«Техникъ г. Калачкевичъ, вернувшись изъ Кулыгъ, сообщилъ мнѣ, что кудыжскіе крестьяне категорически отказались не только отъ производства работъ по осушенію болотъ, но даже не согласились на проведеніе источниковъ ключевой воды въ ихъ селеніе, не представивъ никакихъ сколько-нибудь уважительныхъ основаній въ подтвержденіе своего отказа. Меня поразило и крайне заинтересовало такое съ перваго взгляда бессмысленное рѣшеніе сельскаго общества. Я никакъ не могъ допустить, чтобы толковый русскій крестьянинъ могъ такъ неразумно отказываться отъ столь благихъ предложеній, исходящихъ къ тому же отъ учрежденія, состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Мнѣ думалось, что въ данномъ случаѣ произошло не что иное, какъ простое недоразумѣніе, и я послѣдшилъ лично разслѣдовать на мѣстѣ обстоятельства этого интереснаго дѣла.

«Въ Кулыгахъ я остановился у мѣстнаго священника о. Василія, который, какъ мнѣ извѣстно, пользуется заслуженнымъ уваженіемъ своихъ прихожанъ. Священникъ, узнавъ отъ меня подробности дѣла и о цѣли моего прїѣзда, также не мало заинтересовался этимъ вопросомъ и общалъ мнѣ свое содѣйствіе. Мы оба явились на сходъ, который собрался въ числѣ болѣе ста человѣкъ.

«Много пришлось мнѣ выслушать разнообразныхъ сужденій, и я убѣдился, что сходъ далеко не безъ основаній отказывался ранѣе дать приговоръ на осушеніе болотъ и проведеніе источниковъ ключевой воды. Такъ, напримѣръ, крестьяне опасались, что осушенные болота перейдутъ въ пользу ихъ однопоселенца, богатаго лѣсопромышленника, Санникова, и вотъ что собственно дало поводъ къ такому опасенію.

«1) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ участокъ земли, примыкающій къ болотамъ, какимъ-то незаконнымъ, по словамъ крестьянъ, путемъ и противъ ихъ воли перешелъ во владѣнія Санникова, который теперь весьма выгодно эксплуатируетъ эту землю. 2) Служащіе земства и волостные начальники, бывшіе по этому дѣлу въ с. Кулыгахъ, всегда останавливались въ домѣ у того же Санникова. 3) На предыдущемъ сходѣ, собранномъ техникомъ Калачкевичемъ, по вопросу объ осушеніи болотъ, самъ Санниковъ принималъ участіе и изъявилъ готовность пожертвовать на осушеніе болотъ 300 рублей. 4) Мѣстный земскій начальникъ не разъ на сходахъ предостерегалъ крестьянъ не связываться съ Санниковымъ, какъ съ человѣкомъ вреднымъ для общества. Все же это, вмѣстѣ взятое, и вселило крестьянамъ мысль, что Санниковъ жертвуетъ 300 р. изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, а не для общественной пользы, на что онъ, по ихъ мнѣнію, не способенъ, и что волостные съ земствомъ дружатъ съ Санниковымъ, а потому и стараются помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

«Не трудно было доказать крестьянамъ всю несостоятельность опасеній по поводу корыстолюбивыхъ поползновеній Санникова. Но оказалось, что у крестьянъ имѣются другія болѣе вѣскія и основательныя причины къ отказу отъ осушенія болотъ: крестьяне боялись остаться вовсе безъ

воды. Они говорили, что они не надѣются на обиліе источниковъ ключевой воды, что они уже пытались провести эти источники, но послѣдніе терялись въ полѣ, что болото имѣетъ непосредственное сообщеніе съ озеромъ, изъ котораго берутъ воду, и потому осушеніе перваго повлечетъ за собой осушеніе втораго, что лучше имѣть какую-нибудь воду, чѣмъ остаться вовсе безъ воды, по пословицѣ: «лучше синица въ рукѣ, чѣмъ журавль въ небѣ».

«Эти соображенія привели крестьянъ и меня къ той мысли, что сначала необходимо устроить источники ключевой воды, и если эти источники окажутся настолько обильными, что будутъ снабжать питьевой водою все село, и если притомъ они будутъ настолько прочны, что не затеряются въ полѣ отъ сухой погоды, и не вымерзнутъ зимой отъ морозовъ, то тогда уже приступить къ осушенію болота».

«На этомъ рѣшеніи остановилось большинство благоразумныхъ крестьянъ, но вопросъ не былъ еще вполнѣ исчерпанъ: сходъ соглашался на производство работъ по устройству источниковъ ключевой воды, но не хотѣлъ давать письменнаго о томъ приговора. Крестьяне говорили: «Копайте въ полѣ, мы не препятствуемъ, но приговора дать мы не согласны». И это, на первый взглядъ непонятное упрямство объяснялось весьма простыми и понятными причинами.

«Я уже упоминалъ, что къ Санникову, по словамъ крестьянъ, перешелъ, якобы противъ ихъ воли, участокъ земли, прилегающій къ болоту, и этотъ переходъ произошелъ не иначе, какъ путемъ составленія приговора. Затѣмъ, лѣтъ пять тому назадъ, все общество крестьянъ с. Кулыгъ было оштрафовано земскимъ начальникомъ за то, что отказалось, по недостатку средствъ, доставить дрова для школы, въ чемъ общество обязывалось также на основаніи приговора. Отсюда очевидно, что крестьяне села Кулыгъ горькимъ опытомъ убѣдились, что давать кому-либо приговоры не всегда безопасно и удобно для интересовъ общества».

«Послѣ продолжительной бесѣды крестьяне, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что составленіе приговора въ предложенной мною редакціи не представляетъ для нихъ никакой опасности, и громаднымъ большинствомъ согласились подписать приговоръ. Отказались отъ подписки человекъ 5—6, и тѣ изъ числа рыбаковъ, которые съ осушеніемъ болота могли лишиться привычнаго заработка отъ рыбной ловли на озерѣ».

«Не обошлось и безъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, когда я старался доказать крестьянамъ, что я въ этомъ дѣлѣ лично ничѣмъ не заинтересованъ и хлопочу лишь объ удобствахъ и выгодахъ самихъ же крестьянъ, одинъ крестьянинъ сказалъ мнѣ: «Извѣстно, ты хлопочешь изъ-за того, чтобы угодить Государынѣ и ея посланцамъ». Другой оригиналъ высказывалъ такіа соображенія: «Зачѣмъ вамъ нуженъ нашъ приговоръ? Копайте безъ приговора, коли есть на то разрѣшеніе. Вѣдь не спрашиваютъ крестьянъ, когда ихъ земли отводятъ подъ желѣзную дорогу. Царь захочетъ— все можетъ сдѣлать и безъ нашего спроса».

«По этому поводу мнѣ подробно пришлось разъяснять этому чудачу законъ объ отчужденіи земель частныхъ владѣльцевъ для цѣлей государства и доказывать, что настоящій случай не имѣетъ никакого отношенія къ упомянутому закону, и что Государь, хотя и самъ издаетъ законы для государства, но самъ же первый и строго соблюдаетъ ихъ.

«Въ заключеніе я долженъ сказать, что остался очень доволенъ своей поѣздкой, такъ какъ лишній разъ убѣдился, что русскіе крестьяне вовсе не бессмысленно относятся къ окружающимъ явленіямъ, а, напротивъ, вполне разумно и осмотрительно. Они не привыкли принимать на вѣру все новое, имъ неизвѣстное, а предпочитаютъ предварительно убѣдиться на опытѣ въ цѣлесообразности какого-либо новшества. Они инертны, но инертны благоразумно. Такая черта русскаго крестьянина не благопріятствуетъ скорому прогрессу, но зато прогрессъ совершается съ меньшимъ рискомъ, и достигнутые результаты прочнѣе.

«Я не особенно горюю о томъ, что кулыжскіе крестьяне останутся до будущаго года, или даже дольше, со своими зловредными болотами. Важно уже и то, что въ самомъ ближайшемъ времени они могутъ получить прекрасную питьевую воду вмѣсто негодной и вредной для здоровья стоячей озерной воды, причѣмъ это будетъ достигнуто затратой такой ничтожной суммы, какъ 170 рублей».

Оба сообщенія, какъ техника Калачкевича, такъ и предсѣдателя земской управы г. Батуева, представляютъ въ данномъ случаѣ весьма цѣнные документы. Сообщенія эти одинаково искренни и правдивы, дышатъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ крестьянамъ и желаніемъ имъ добра. Нѣкоторая разница во взглядахъ на истинныя причины отказа объясняется тѣмъ, что техникъ Калачкевичъ, еще сравнительно молодой человекъ, не отличается такимъ знаніемъ крестьянской среды, какъ усвоившій себѣ это знаніе путемъ многолѣтняго опыта предсѣдатель уѣздной земской управы. Кромѣ того, одна изъ главныхъ причинъ—недовѣріе и нелюбовь крестьянъ къ ихъ богатому односельчанину Санникову, вовсе не была извѣстна г. Калачкевичу, отчего онъ и долженъ былъ искать другихъ причинъ неговорчивости крестьянъ, такъ, повидимому, неразумно отказывавшихся отъ собственной пользы.

Въ одномъ оба свидѣтеля сходятся,—въ свидѣтельствѣ, что крестьяне вообще не могутъ понять, чтобы кто-нибудь, правительство или частныя лица, могли дѣлать имъ добро безъ какой-либо задней мысли. Меня такое отношеніе крестьянъ ко всякимъ благимъ начинаніямъ извнѣ сначала очень поразило и наполнило недоумѣніемъ, по затѣмъ, поближе познакомившись съ бытомъ крестьянъ, я пересталъ удивляться такому отношенію.

Крестьяне, по большей части, такъ задавлены заботой о хлѣбѣ насущномъ, что всѣ ихъ помыслы вращаются около вопроса: какъ справиться, какъ извернуться съ семьей цѣлыми и сытыми изъ всей массы лежащихъ на нихъ сложныхъ житейскихъ нуждъ и тяготъ. Первое, что ихъ интересуетъ и заботитъ въ каждомъ дѣлѣ, и есть потому матеріальная сторона

его, т.-е. выгодно оно или нѣтъ для нихъ лично, въ смыслѣ отношенія къ ихъ благосостоянію. Но относясь такъ, въ силу суровой необходимости, къ каждому дѣлу сами, крестьяне и о всѣхъ другихъ лицахъ невольно судятъ по себѣ, не имѣя иныхъ критерій для сужденія. Разубѣждаться же въ правильности такого сужденія кулыжскимъ крестьянамъ доселѣ, какъ видно, не приходилось.

Вторая характерная черта, остановившая мое вниманіе въ этомъ интересномъ дѣлѣ—умѣніе мужиковъ, когда надо, напустить на себя умышленную наивность для замаскированія истинныхъ причинъ тѣхъ или иныхъ своихъ поступковъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, не зная хорошенько, въ какихъ отношеніяхъ состоятъ техники къ опасному для нихъ богачу односельчанину, у котораго эти лица всякій разъ, пріѣзжая въ село, останавливаются, и не рискуя откровенно выложить г. Калачкевичу причинъ своей боязни передъ осуществленіемъ предлагаемаго имъ полезнаго дѣла, крестьяне ссылаются на Бога: «Противъ Божьей колесницы не пойдешь», «болота созданы Господомъ Богомъ, захочетъ—сами просохнуть» и т. д., а также ссылками на примѣръ отцовъ и дѣдовъ. Противъ такихъ доводовъ, дескать, никто пойти не можетъ, и мы въ сторонѣ,—къ намъ не придерешься. Вмѣстительство г. Батуева разъяснило дѣло, и отъ мнимаго слѣпота консерватизма крестьянъ, на который съ сокрушеніемъ указываетъ техникъ, не осталось и слѣда.

Полученный мною отъ кулыжанъ приговоръ отъ 5 іюня, гласилъ такимъ образомъ, что крестьяне просятъ «попечительство» произвести работы по доставленію населенію ключевой воды для питья, вмѣсто стоячей, на осушеніе же болотъ крестьяне изъявляютъ свое согласіе тогда, когда убѣдятся, что ключи окажутся въ состояніи снабжать населеніе водой въ достаточномъ количествѣ, и не будетъ болѣе надобности въ озерной водѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне обставили это свое согласіе условіемъ, что осушенные болота останутся въ ихъ полномъ владѣніи и безъ ихъ особаго согласія отчуждены быть не могутъ. Приговоръ былъ скрѣпленъ 111 подписями.

Къ работамъ по расчисткѣ ключей и проведенію воды въ село было приступлено немедленно, и не прошло двухъ недѣль, какъ крестьяне, убѣдясь въ обиліи ключевой воды, а также, вѣроятно, побуждаемые тѣмъ соображеніемъ, что надо пользоваться помощью, пока она предлагается, и что на будущій годъ уже не приходится рассчитывать на средства «попечительства», составили новый приговоръ (отъ 17 іюня), въ которомъ просили немедленно приступить также къ работамъ по осушкѣ болотъ, «съ условіемъ, чтобы загородить озеро Кушагъ отъ Камышинаго болота, съ цѣлью удержать воду въ этомъ озерѣ, и сдѣлать на переузѣ навалку съ той же цѣлью; и мы просимъ еще провести ключъ изъ Срединаго поля по Зановой улицѣ въ озеро Кушагъ. Перепруду между болотомъ и озеромъ сдѣлать 10 саж. ширины и устлать ее лужкомъ. На работы стороннихъ

не пускать просимъ». Новый приговоръ былъ скрѣпленъ 113 подписями *)).

Этотъ вторичный приговоръ былъ составленъ по личному почину самихъ крестьянъ и безъ всякаго содѣйствія со стороны ближайшаго ихъ начальства, чѣмъ и объясняется нѣкоторая неловкость редакціи приговора, въ которомъ крестьяне ставятъ «попечительству» «условія» и просятъ не пускать на работы постороннихъ, т.-е. не кулыжанъ. Последняя просьба еще могла быть умѣстной, если бы кулыжское общество вмѣстѣ съ тѣмъ обязалось выставить отъ себя количество рабочихъ, достаточное для правильного хода работъ и окончанія ихъ до наступленія страдной поры, т.-е. до той поры, когда въ сущности и кончалась надобность въ подобныхъ работахъ, предпринимаемыхъ съ цѣлью доставить нуждающемуся населенію заработокъ во время безработицы.

Пришлось указать крестьянамъ на неумѣстность таковой редакціи приговора, и 28 іюня ими былъ составленъ новый приговоръ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ проволочекъ я на этотъ разъ рѣшилъ самъ поѣхать въ Кулыги (теперь уже нечего было бояться оказать давленіе) и пригласилъ присутствовать при составленіи приговора мѣстнаго земскаго начальника, г. Базилевскаго.

Пока сельскій сходъ составлялъ приговоръ, я находился у мѣстнаго священника, отца Василія. Въ отвѣтъ на высказанное мною удовольствіе, что наконецъ-то удалось разъяснить всѣ недоразумѣнія и устранить всѣ препятствія къ осуществленію такого полезнаго дѣла, о. Василій поразилъ меня сообщеніемъ, что предстоитъ уладить еще одно непредвидѣнное препятствіе: до священника дошелъ слухъ, будто бы сосѣдніе куршинскіе крестьяне намѣрены, какъ только начнутся работы по осушкѣ болотъ, заявить протестъ, такъ какъ озеро Аксаръ и часть прилегающихъ къ нему луговъ принадлежать имъ, а они на производство работъ по осушкѣ своего согласія не давали. Перспектива такого новаго препятствія поразила меня тѣмъ болѣе, что тутъ ясно скрывалось какое-то злое намѣреніе повредить дѣлу, намѣреніе, которое кому-то нужно было держать въ запасѣ, въ тайнѣ до начала работъ. Заподозрить въ такомъ зломъ намѣреніи крестьянское общество я не могъ, руководствуясь сложившимися уже у меня представленіями о последнемъ. Оставалось приписать такой злой умыселъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, которые могли имѣть расчетъ впутать въ дѣло крестьянъ или, дѣйствуя отъ ихъ имени, даже безъ ихъ вѣдома и согласія пытаться добиться какихъ-нибудь выгодъ для себя.

Предположеніе это и оправдалось впоследствии, но пока буду держаться хода дѣла. До поры до времени оставалось довольствоваться достигнутыми результатами и удостовѣриться въ справедливости слуха и основательности претензій куршинскихъ крестьянъ.

Разслѣдованіе слуха взялъ на себя земскій начальникъ г. Базилевскій и черезъ три дня, 25 іюня, сообщилъ мнѣ телеграммой, что «препятствій

*) 14 грамотныхъ крестьянъ подписались за себя и за остальныхъ неграмотныхъ.

куршинцевъ нѣтъ». Сообщеніе это было подтверждено затѣмъ доставленнымъ мнѣ приговоромъ куршинцевъ отъ 28 іюня. Въ приговорѣ изъяснялось согласіе послѣднихъ на проведеніе черезъ ихъ покотипу канавы и высказывалась покорнѣйшая просьба, «если возможно не отказать въ устройствѣ черезъ канаву моста, такъ какъ канавой будетъ прерванъ проѣздъ и проходъ на нашъ выгонъ для скота, и устроить въ каменномъ мостѣ въ Черномъ озерѣ трубу».

И на то и на другое послѣдовало немедленное согласіе, и съ того же дня было приступлено къ работамъ по осушкѣ болота. Работы велись подъ наблюденіемъ техника г. Калачкевича и его помощника настолько энергично, что были закончены въ одну недѣлю; въ нихъ принимало участіе все населеніе Кулыгъ. Особенно оживленная дѣятельность кипѣла 5, 6 и 7 іюля, когда работало 200 пѣшихъ и 25 конныхъ мужчинъ, 631 женщина и 8 подростковъ, итого 862 человѣка.

Благодаря такому энергичному веденію работъ, какъ предполагавшійся для нихъ срокъ, такъ и расходъ значительно сократились: вмѣсто ассигнованной суммы въ 1,012 р. работы по осушкѣ болотъ и устройству плотины обошлись въ 630 р. 89 к.

Какъ сказано, неожиданныя осложненія казавшагося съ виду столь простымъ, явно желательнымъ и полезнымъ для крестьянъ предпріятія затянули срокъ начала работъ на цѣлыхъ три недѣли, которыми я и воспользовался для подготовленія другого предпріятія—проложенія дороги, которое иначе, пожалуй, не такъ-то скоро дождалось бы своей очереди. Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію послѣдняго предпріятія явилось отсутствіе плановъ и смѣтъ, и неожиданная проволочка съ дѣломъ осушки болотъ позволила мнѣ энергичнѣе приняться за устраненіе этого препятствія. Благодаря дружному и энергичному содѣйствию земской и городской управъ, это удалось, и оказалось возможнымъ въ-время приступить къ работамъ.

Уѣздный г. Малмыжъ расположенъ въ 2 $\frac{1}{2}$ в. отъ р. Вятки (или отъ устья несудоходной р. Шошмы на которой расположенъ Малмыжъ и которая впадаетъ въ р. Вятку), между тѣмъ, за отсутствіемъ иной дороги, пріѣзжающимъ водою снизу приходилось уже въ виду самаго города продолжать путь вверхъ по р. Вяткѣ еще на протяженіи 10 в. до пристани Гоньба, отъ которой до Малмыжа оставалось сдѣлать еще 6 в. сухимъ путемъ. Если прибавить къ этому, что дорога отъ Гоньбы на Малмыжъ пролегаетъ въ одномъ мѣстѣ черезъ довольно высокую глинистую гору, сильно затрудняющую ѣзду, особенно въ весеннюю и осеннюю распутицу, то станетъ понятнымъ, почему проложеніе новой прямой дороги отъ рѣки Вятки на Малмыжъ давно уже являлось желанною мечтою жителей Малмыжа и сосѣднихъ уѣздовъ и было указано намъ въ числѣ дѣлъ, осуществленіе которыхъ являлось наиболѣе желательнымъ; я съ своей сто-

роны тѣмъ охотнѣе взялся за это дѣло, что оно какъ нельзя болѣе соответствовало нашей основной задачѣ—оказанію трудовой помощи населенію путемъ выполненія разныхъ общепользныхъ дѣлъ, имѣющихъ оставить по себѣ прочный слѣдъ въ общемъ благосостояніи края.

На работы были приглашены крестьяне изъ ближайшей деревни Горь и окрестныхъ. Исполненіе отдѣльныхъ работъ, сооруженіе каменныхъ трубъ и мостовъ были сданы артелямъ и отдѣльнымъ крестьянамъ. Непосредственное наблюденіе за работами было поручено студенту С.-Петербургскаго технологическаго института Филиппову, въ помощь которому даны были десятскіе, сообразно числу рабочихъ на разныхъ участкахъ дороги, а главный надзоръ за ходомъ работъ ввѣренъ былъ губернскому технику г. Балачкевичу. Главныя земляныя работы заняли до 500 чел., получавшихъ до 45 к. въ день.

Кромѣ уже упомянутыхъ работъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ были произведены еще слѣдующія: построенъ домъ труда въ г. Малмыжѣ и домъ прізнанія и труда въ с. Вильмези, устроены въ нѣсколькихъ наиболѣе бѣдныхъ деревняхъ противопожарныя запруды, организована постоянная трудовая помощь кустарямъ-веревочникамъ и, наконецъ, были открыты 15 лѣтнихъ пріютовъ-яслей.

Осушеніе болотъ, занимавшихъ 200 десятинъ и обѣщающихъ превратиться послѣ осушенія изъ источниковъ постоянныхъ эпидемій въ сѣнокосные луга, кромѣ значенія, которое имѣло это предпріятіе въ смыслѣ временной трудовой помощи населенію и доставленія ему доходной статьи въ будущемъ, представило еще значеніе въ томъ смыслѣ, что открыло глаза крестьянамъ и администраціи, показавъ имъ, какъ иногда пропадаютъ у нихъ втунѣ большія пространства земли, между тѣмъ какъ правильная утилизація ихъ вполне въ силахъ самихъ крестьянъ при условіи нужныхъ указаній со стороны свѣдущихъ лицъ.

Когда оказалось, что главныя работы по осушенію болотъ могли быть произведены, при дружномъ участіи всего мѣстнаго крестьянскаго населенія, въ одну недѣлю, многіе изъ крестьянъ горько сѣтовали на то, «что никто не надоумилъ и не помогъ имъ совѣтами и указаніями раньше. Они были и копали, да не тамъ, гдѣ слѣдовало».

Проложеніе новой дороги, сократившей подъѣздъ въ городъ съ рѣки Вятки снизу на 20 в. и сверху на 6 в., также можетъ служить яркимъ примѣромъ счастливаго соединенія оказанія трудовой помощи нуждающимся съ осуществленіемъ общепользнаго дѣла.

Значеніе этой работы еще увеличивается тѣмъ, что въ данномъ случаѣ при небольшихъ сравнительно затратахъ (около 2¹/₂ тысячъ) и въ короткій срокъ (около 3 мѣс.) удалось осуществить такое предпріятіе, которое дождалось своей очереди десятки лѣтъ. Притупляющая сила привычки заставляла жителей мириться съ условіями, которыя на свѣжаго человѣка производили впечатлѣніе чего-то неностижимаго.

Какъ только дорога была готова—въ сущности вчернѣ, такъ какъ

не была шоссирована—по ней немедленно открылось движение, и через год огромное значение этого предприятия для всего Малмыжского уезда и прилегающих къ нему выяснилось настолько, что «попечительство» ассигновало на шоссировку дороги добавочную сумму въ 6,000 рублей.

Сооружение и устройство въ городѣ Малмыжѣ дома труда также давно стояли на очереди, но все откладывались за неимѣніемъ у города средствъ. О крайней бѣдности города лучше всего свидѣтельствуютъ отчеты городской управы, показывающіе постоянно нарастающій дефицитъ, равнявшійся въ 1899 г. уже 2,109 р. при общей суммѣ расходовъ въ 20,000 р. Всѣ же благотворительные фонды города исчерпываются капиталомъ въ 10,000 р., внесеннымъ въ 1867 г. чиновникомъ Васильевымъ въ Елабужскій общественный банкъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ капитала, около 400 руб., ежегодно расходовались передъ праздникомъ Пасхи на пособіе бѣднымъ жителямъ гор. Малмыжа и учащимся.

И вотъ городъ съ такимъ, болѣе чѣмъ скромнымъ, бюджетомъ, въ силу своего положенія среди волостей съ крайне бѣднымъ населеніемъ (большею частью татары, которые, особенно въ Кошкинской волости, доведены почти до нищеты) является центромъ, куда стекаются въ поискахъ работы массы народу. Отсюда ясно видно, что учрежденіе въ такомъ городѣ дома труда является насущною потребностью, но разъ городъ не въ состояніи вообще сводить концовъ съ концами по текущимъ расходамъ, то тѣмъ болѣе не откуда было взяться средствамъ на экстренные расходы.

Осматривая во время объѣзда нашимъ отрядомъ Вятской губерніи устроенные въ послѣднее время «дома трудолюбія», я не нашелъ среди нихъ ни одного, соответствующаго образцу, рекомендуемому «попечительствомъ»: почти всѣ осмотрѣнные мною дома являлись скорѣе смѣсью богадѣльни и дѣтскаго приюта, нежели «домомъ труда» въ истинномъ значеніи этого слова. Я и пришелъ къ тому заключенію, что успешное и вполне цѣлесообразное развитіе этой формы благотворительности обуславливается, во-первыхъ, истинною потребностью даннаго города или мѣстечка въ такой формѣ помощи и, во-вторыхъ, наличностью общественныхъ силъ, способныхъ вести самое дѣло какъ должно. Въ данномъ случаѣ оба условія были налицо: крайняя нужда гор. Малмыжа въ подобномъ учрежденіи прямо бросалась въ глаза, составъ же лицъ—членовъ «попечительства малмыжскаго дома труда» (среди которыхъ находятся такіе выдающіеся общественные дѣятели, какъ П. И. Александровъ и В. А. Батуевъ), вполне ручался за умѣлое веденіе дѣла.

Къ устройству дома призрѣнія и труда въ с. Кильмези дало поводъ существованіе въ этомъ селѣ крестьянской богадѣльни, открытой въ 1894 г. на средства самихъ крестьянъ. Узнавъ о ея существованіи, я поспѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ ознакомиться съ этимъ не совсемъ обычнымъ въ деревнѣ учрежденіемъ.

Помѣщалась богадѣльня въ нанятомъ домѣ, довольно просторномъ, но за ветхостью далеко не удобномъ, а содержалась на средства мѣстныхъ

крестьянъ, добровольно обязавшихся всею волостью вносить ежегодно по 7 коп. съ души (въ годъ всего около 150 р.), а также на частныя пожертвованія (въ 1898 г. 535 р. 61 коп.). Число призрѣваемыхъ не было строго опредѣлено и находилось въ зависимости отъ наличныхъ денежныхъ средствъ. За пять лѣтъ своего существованія богадѣльня дала приютъ 30 чел.: 10 мужчинамъ, 15 женщинамъ и 5 дѣтямъ.

Число это, конечно, не велико, но въ общемъ, въ силу того, что подобныя учрежденія, несмотря на всю ихъ насущную необходимость, крайне рѣдки въ сельскомъ быту, нельзя не привѣтствовать и такую попытку, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ и инициатива и матеріальныя средства исходили отъ самихъ крестьянъ.

Самой главной и тяжелой статьей расходовъ по Кильмезской богадѣльнѣ являлась плата за наемъ помѣщенія (100 р. въ годъ), и потому попечительный совѣтъ богадѣльни давно уже былъ озабоченъ изысканіемъ средствъ для возведенія собственнаго зданія.

Нользуясь командировкою въ 1889 г. въ Вятскую губернію отряда отъ «попечительства о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ», предсѣдатель попечительнаго совѣта богадѣльни, мѣстный земскій начальникъ, г. Забудскій, и обратился ко мнѣ съ просьбой о субсидіи, представивъ при этомъ приговоръ волостного схода, въ которомъ высказывалась та же просьба и было поставлено на видъ, что часть новаго зданія для богадѣльни будетъ отведена подъ домъ трудолюбія, а также, что мѣсто для постройки (20 саж. въ ширину и 60 саж. въ длину) отводить само общество.

Какъ уже было упомянуто выше, я вынесъ изъ обзора «домовъ трудолюбія» Вятской губерніи, то впечатлѣніе, что они скорѣе являются смѣсью богадѣльни и дѣтскаго приюта. Обстоятельство это, разумѣется, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что *наиболѣе настоятельная нужда ощущается именно въ этихъ учрежденіяхъ, и, за неимѣніемъ ихъ, безусловно прспособляютъ къ этому назначенію мѣстныя „дома трудолюбія“, не всегда возникшіе въ силу действительной потребности въ нихъ въ данномъ мѣстѣ.* Въ с. Кильмези же мнѣ пришлось столкнуться какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ: крестьяне прежде всего удовлетворили насущной потребности въ мѣстномъ приютѣ для неспособныхъ къ труду стариковъ, старухъ и малолѣтнихъ сиротъ, добровольно обложивъ себя сильнымъ сборомъ, и затѣмъ уже стали хлопотать о присоединеніи къ богадѣльнѣ особаго отдѣленія для оказанія трудовой помощи безработнымъ. Принимая во вниманіе этотъ естественный, обусловливаемый самой жизнью, порядокъ возникновенія упомянутыхъ учреждений, вполне и можно было надѣяться на успѣшное нормальное развитіе ихъ, сообразно мѣстнымъ нуждамъ.

Одной изъ бѣднѣйшихъ волостей, не только Малмыжскаго уѣзда, но и всей Вятской губерніи, является Кошкинская волость. Благодаря хроническимъ неурожаямъ, населеніе ея находится въ неоплатномъ долгу и у казны, и у земства, и не разъ даже возбуждался вопросъ о поголовномъ

переселеніи жителей куда-либо въ другія мѣста. Часто проѣзжая по этой волости, я успѣлъ довольно близко ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ; особенно вопіющая нужда замѣчалась въ деревняхъ Кошкинѣ и Янцобино. Часть населенія первой деревни была всетаки занята на работахъ по исправленію дорогъ, предпринятыхъ нынѣшнею весною земствомъ для оказанія народу трудовой помощи, населеніе же деревни Янцобино, главное занятіе котораго «варавиное», т.-е. веревочное дѣло, сидѣло безъ работы за отсутствіемъ заказовъ и средствъ на закупку матеріала для работъ на свой страхъ. Я, наведя справки и добывъ нужныя свѣдѣнія относительно мѣстныхъ условій производства и сбыта веревочныхъ издѣлій, предложилъ земской управѣ организовать въ этой деревнѣ «варавиное дѣло» отъ земства, для чего могла быть ассигнована изъ средствъ «попечительства» извѣстная сумма денегъ. Земская управа съ своей стороны признала этотъ видъ помощи особенно соответствующимъ въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что сбытъ товара на мѣстномъ рынкѣ былъ вполне обезпеченъ и прибавила въ ассигнованнымъ отъ «попечительства» 1,200 р. изъ своихъ средствъ еще 600 руб. съ тѣмъ, чтобы они оставались въ оборотѣ до октября, т.-е. до того времени, когда операція по выдѣлкѣ и сбыту веревочныхъ издѣлій могла считаться законченною.

Закупка конопли и раздача ея производилась складомъ земской управы въ с. Вятскія Поляны и всего было роздано конопли на сумму 1,800 р. Занимались витьемъ веревокъ 130 чел. (изъ деревень Янцобино и Нижняя Тойма) на 33 колесахъ, вырабатывалось три сорта веревокъ, и заработокъ съ пуда равнялся, глядя по сорту, 65—90 коп. Сбытъ веревокъ оказался вполне обезпеченнымъ, самая продажа заготовленныхъ издѣлій производилась на мѣстѣ въ с. Вятскія Поляны и доходъ не только вполне окупилъ связанные съ организаціей дѣла расходы, но и положенный въ дѣло оборотный капиталъ увеличился почти вдвое.

Въ виду такого удачнаго опыта было рѣшено оставить вложенныя въ дѣло изъ средствъ попечительства 1,200 руб. въ видѣ постояннаго фонда для оказанія трудовой помощи кустарямъ-веревочникамъ.

Организація помощи кустарямъ-веревочникамъ, очутившимся и безъ заказовъ, и безъ средствъ на покупку матеріала для работы на свой страхъ, удалась, благодаря живѣйшему содѣйствію земской управы, настолько, что могла бы послужить образцомъ для организаціи подобныхъ видовъ помощи, вообще практикуемыхъ вятскимъ земствомъ. Какъ ни проста съ виду организація подобной помощи, она требуетъ отъ организаторовъ особенной осмотрительности и основательнаго знакомства со всеміи условіями дѣла, такъ какъ иначе легко впасть въ ошибки и создать нежелательную конкуренцію вольнымъ работникамъ, мастерамъ и торговцамъ. При правильной же постановкѣ дѣла трудно найти лучший способъ помощи кустарямъ.

Значеніе устройства противопожарныхъ заградъ въ 7 бѣднѣйшихъ селеніяхъ, стоявшаго всего 200 р., не нуждается въ поясненіи.

Введеніе же нынѣшнимъ лѣтомъ пріютовъ-яслей одновременно въ 5 гу-

берніяхъ настолько чревато послѣдствіями, что благое значеніе этого дѣла трудно пока опредѣлить.

Подробности этого послѣдняго дѣла, т.-е. введенія яслей-пріютовъ, читатели найдутъ въ *Русской Мысли*, въ указанномъ выше очеркѣ моемъ «Деревенскіе ясли-пріюты», а подробности остальныхъ предпріятій въ «Отчетѣ уполномоченнаго», здѣсь же я позволю себѣ прибавить только еще нѣсколько словъ объ условіяхъ моей дѣятельности въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

Въ общемъ можно сказать, что условія эти были весьма благоприятны какъ въ силу того, что задачи представлялись все самыя благодарныя, такъ и въ силу готовности содѣйствовать ихъ выполненію, проявленной земской уѣздной управой и отчасти городской. Представители земства всегда готовы были помочь, гдѣ и когда только было нужно. Такъ, уѣздная земская управа взяла на себя посредничество при подготовленіи и приведеніи въ исполненіе всѣхъ упомянутыхъ выше полезныхъ предпріятій, выдачу денегъ и веденіе отчетности. Подобное отношеніе малмыжской земской управы служить ручательствомъ, что всѣ посѣянные въ этомъ уѣздѣ сѣмена трудовой помощи не заглохнутъ, и такимъ предпріятіямъ, какъ домъ труда въ Малмыжѣ, домъ призрѣнія и труда въ Кильмези, помощь кустарямъ-веревочникамъ и яслямъ-пріютамъ обезпечены въ будущемъ разумный надзоръ и энергичное содѣйствіе со стороны представителей вятскаго земства, вполне оправдывающаго свою издавна сложившуюся репутацію.

П. Ганзень.

Общественныя библіотеки въ С. Штатахъ.

Минувшее десятилѣтіе отмѣчено въ С. Штатахъ замѣчательнымъ ростомъ и развитіемъ общественныхъ библіотекъ, что несомнѣнно служить признакомъ подъема интеллектуальнаго уровня американцевъ.

Въ эпоху Чикагской выставки я, пользуясь двумя свободными недѣлями, осмотрѣлъ, насколько это было возможно, Бостонъ, Вашингтонъ и Нью-Йоркъ, и болѣе всего поразили меня въ этихъ различныхъ по характеру центрахъ (научномъ, административномъ и торгово-промышленномъ) колоссальныя общественныя библіотеки. Поразили онѣ меня тогда грандіозностью зданій, количествомъ книгъ и читателей, рациональнымъ устройствомъ, удобствами, но за краткостью времени я не могъ ознакомиться съ такими интересовавшими меня вопросами, какъ ихъ исторія, организація и вліяніе на общественныя массы. Богатая американская литература по этимъ вопросамъ, заинтересовавшимъ въ послѣднее время и западно-европейскую печать, служитъ теперь для меня прекраснымъ пособіемъ къ моимъ личнымъ еще сохранившимся, хотя бы и поверхностнымъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ, и я думаю, что настоящій очеркъ вызоветъ интересъ и у насъ, гдѣ, какъ и повсюду, съ каждымъ годомъ выражается ярче та тенденція, что созданіе общественныхъ библіотекъ—есть дѣло общественной пользы. Государства, создающія школы, университеты, госпитали и музеи принимаютъ все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ основаніи и содержаніи общественныхъ библіотекъ, въ Соединенныхъ же Штатахъ послѣдніе годы истиннѣе царствуетъ библіотечная лихорадка, «одна изъ формъ той великой и благородной лихорадки», по выраженію П. Буржэ, «которая охватила все общество Америки, еще юное, но жаждущее цивилизаціи».

Не только каждое образовательное учрежденіе, каждая ассоціація ученыхъ или артистовъ хочетъ имѣть свою собственную, насколько возможно богатую библіотеку, но безъ библіотеки не обходятся ни одно политическое или религіозное общество, ни одна церковь, ни одинъ клубъ, госпиталь, фабрика, ни одна желѣзнодорожная компанія. Можно даже сказать, что безъ библіотеки въ С. Штатахъ ни одинъ домъ не обходится,—даже въ скромныхъ семействахъ вы найдете библіотеку, какъ найдете столовую и гостиную...

Въ особенности поразительно множатся и развиваются въ С. Штатахъ *общественныя* библіотеки, которыя собственно и составляютъ предметъ нашей работы. Большія библіотеки Вашингтона (Congressional Library), Бостона (Public Library), Нью-Йорка (Astor, Lenox and Tilden; Columbia), Альбани (New-York State Library), Чикаго (Newberry, John Crerar, and Public Library), Филадельфіи (Loganian Library), Балтиморы (Epoch Pratt Free Library), Цинцинати (Public Library) и др., хотя онѣ наиболѣе интересны и наиболѣе достойны изученія, не должны умялять вниманія къ другимъ, болѣе скромнымъ, но болѣе многочисленнымъ и процвѣтающимъ рядомъ съ ними и, какъ мы увидимъ, подъ ихъ покровительствомъ.

Въ этомъ отношеніи впереди другихъ идутъ штаты Новой Англіи, а во главѣ ихъ—Массачузетъ. Какъ видно изъ отчета комиссіи общественныхъ библіотекъ за 1898 годъ, въ штатѣ этомъ только 6% населенія лишены пользованія библіотеками. Изъ 353 городовъ и селеній штата—только 10 не имѣютъ общественныхъ библіотекъ, въ графствѣ же Уорчестерѣ всѣ 56 селеній имѣютъ библіотеки. Почти таковыя же условія и въ Нью-Гампширѣ.

Замѣтимъ, что существованіе одной или нѣсколькихъ библіотекъ, какъ бы ни были онѣ значительны, отнюдь не служитъ препятствіемъ къ основанію новыхъ рядомъ со старыми. Въ Вашингтонѣ, напримѣръ, помимо библіотеки конгресса, т.-е. національной библіотеки С. Штатовъ, обладающей 748,115 томами и 245,000 брошюръ *), имѣются двѣ библіотеки каждая съ болѣе чѣмъ 100,000 томовъ, четыре—въ 50—100 тысячъ, двѣ—отъ 30 до 40 тысячъ и нѣсколько мелкихъ. Даже въ маленькихъ городахъ, какъ въ Амгерствѣ, напримѣръ, гдѣ всего лишь 4,000 жителей, мы видимъ двѣ общественныя библіотеки, кромѣ двухъ, принадлежащихъ колледжу.

Одна изъ нихъ въ 7,500 томовъ (1896 г.) ежегодно приобрѣтаетъ до 500 томовъ. Въ С. Штатахъ не забыты даже мелкія селенія, лишеныя постоянныхъ библіотекъ,—для нихъ организованы такъ называемыя «Itinerant Collections» или «Travelling Libraries», т.-е. передвижныя коллекціи или библіотеки,—самое названіе которыхъ указываетъ ихъ устройство.

Библіотека штата Нью-Йоркъ, въ Альбани, особенно хорошо организована въ этомъ отношеніи,—она всегда имѣетъ приготовленными ящики въ 20—100 томовъ, которые и высылаются въ отдаленныя селенія по первому требованію, съ приложеніемъ 5 долларовъ на покрытие расходовъ по пересылкѣ. По особымъ каталогамъ высылаются или небольшія общія библіотеки, или библіотеки по специальнымъ предметамъ, напримѣръ, 50 лучшихъ руководствъ по политической экономіи, 60 томовъ по земледѣлію, 26 книгъ по англійской и американской литературѣ, 46 лучшихъ трудовъ по исторіи С. Штатовъ и т. д.

*) Согласно отчету 1896 года.

Движеніе это въ полномъ разгарѣ въ настоящую минуту въ С. Штатахъ и, какъ кажется, не достигло своего кульминаціоннаго пункта. Повсюду растутъ новыя зданія библиотекъ, подчасъ настоящіе дворцы, предназначенные быть «dispensaires de l'âme», по выраженію А. Шинца въ его обстоятельной работѣ «Les bibliothèques publiques aux Etats-Unis». Не проходитъ дня, чтобы заатлантическія газеты не сообщали объ открытіи гдѣ-либо новой общественной библиотеки отъ самыхъ скромныхъ до колоссальныхъ размѣровъ, и, какъ и во всемъ въ Америкѣ, города, общества и учрежденія стараются побить рекордъ въ этомъ отношеніи. Едва весною 1895 г. Бостонъ открылъ двери своей «New Public Library», великолѣпнаго дворца изъ мильфордскаго гранита, вмѣщающаго (дворецъ) 2 милліона томовъ, какъ въ Вашингтонѣ воздвигли библиотеку, внушительными размѣрами своими превосходящую всѣ библиотеки міра, а Нью-Йоркъ соединилъ въ одну двѣ громадныя библиотеки Астора и Ленокса и строить колоссальное зданіе, планы котораго послѣ долгихъ дебатовъ утверждены были въ 1897 году, и которое, по словамъ *Bulletin of the New-York Public Library* (январь, 1898 г.), будетъ стоить 2 $\frac{1}{2}$ милліона долларовъ. Въ томъ же Нью-Йоркѣ достраивается великолѣпная библиотека Колледжа Колумбіи на средства президента этого учрежденія, а Принсетонскій университетъ (Нью-Джерсей) только что открылъ новую грандіозную библиотеку, замѣнившую старую, не удовлетворявшую университетъ размѣрами своими.

Очевидно, что не только для устройства, но и для поддержки и администраціи такихъ библиотекъ требуются громадныя суммы, а въ таковыхъ у американцевъ не бываетъ недостатка, когда дѣло идетъ объ учрежденіяхъ общественной пользы...

Сравненіе бюджетовъ нѣкоторыхъ библиотекъ С. Штатовъ съ бюджетами европейскихъ (кромя Британскаго музея) вызываетъ печальную улыбку.

Изъ перечня ста библиотекъ (не университетскихъ), въ книгѣ В. Флетчера «The Public Libraries in America», мы видимъ, что только шесть библиотекъ располагали бюджетомъ въ 2,000 долларовъ и ниже, — пятьдесятъ девять — отъ 2,000 до 10,000 долларовъ, тридцать три — отъ 10 до 100 тысячъ долларовъ и двѣ — свыше 100 тысячъ, а именно — библиотека въ Чикаго — 125 тысячью и Бостонская — 170. Цифры эти относятся къ 1894 г., но изъ частнаго сообщенія М. Н. Пэтнама, библиотекаря бостонской «New Public Library», А. Шинцу видно, что въ 1898 г. библиотека получила отъ города 1.259,000 фр. и $\frac{1}{2}$ % съ капитала 35,800 фр., а всего 1.294,800 фр., или болѣе чѣмъ полмилліона рублей...

Откуда берутся такія средства?

Общественная библиотека, дитя Америки такъ могуче развившееся, родилось здѣсь полтора вѣка назадъ. Отцомъ его былъ Веньяминъ Франклинъ. Кто не читалъ въ его автобіографіи слѣдующихъ строкъ: «Когда я поселился въ Филадельфію, ни въ одной изъ колоній къ югу отъ Бостона не было ни одной порядочной библиотеки, и тѣ, которые хотѣли читать.

выписывали книги изъ Англіи. Каждый изъ членовъ Джунты *) имѣлъ по нѣсколько книгъ. Мы покинули Ale-House, гдѣ раньше собирались, и наняли другой залъ для собраній. Я предложилъ собрать сюда всѣ наши книги... Такимъ образомъ, онѣ могли приносить общую пользу. Такъ и было сдѣлано; и нѣкоторое время эта организація удовлетворяла насъ...

Черезъ годъ я придумалъ мой первый проектъ общественнаго учрежденія, т.-е. бібліотеки по подпискѣ. Несмотря на всѣ усилія мои, я могъ собрать не болѣе 50 человекъ, по большей части молодежи-ремесленниковъ, согласившихся для реализаціи моего плана уплатить единовременно по 40 шиллинговъ и затѣмъ ежегодно платить по 20 шилл. Съ этимъ маленькимъ капиталомъ мы и начали. Были выписаны книги. Для выдачи книгъ бібліотека открывалась разъ въ недѣлю. Особенной подпиской члены бібліотеки обязывались уплачивать двойную стоимость испорченныхъ или потерянныхъ книгъ».

Таковы исторія и уставъ первой бібліотеки С. Штатовъ. «Добросовѣстный историкъ напоминаетъ намъ,—говоритъ А. Шинцъ,—что первая общественная бібліотека была открыта много раньше, за 168 лѣтъ до Р. Х., Азиніусомъ Полліономъ въ храмѣ свободы въ Римѣ, что даже ранѣе Полліона Лукуллусъ предоставлялъ въ распоряженіе общества свои книги. Наконецъ, можно утверждать, что существовали въ болѣе отдаленные вѣка подобнаго же рода учрежденія въ Халдеѣ, ибо намъ извѣстна система выдачи книгъ изъ знаменитой бібліотеки Вавилона, часть которой перенесена въ Британскій музей. Это такъ, но выраженіе «общественная бібліотека» приобрѣло свой истинный смыслъ только въ эпоху, когда стали думать объ общественной грамотности».

Событія, о которыхъ рассказываетъ Франклинъ, происходили въ 1732 г. Нововведеніе было встрѣчено благопріятно, отовсюду стекались дары, книгами въ особенности, и по образцу Франклиновской основывались новыя бібліотеки.

Шли годы и бібліотеки прогрессировали; между прочимъ, книгами бібліотекъ разрѣшено было пользоваться всѣмъ гражданамъ города въ помѣщеніи бібліотекъ, и подписчики имѣли льготу лишь брать книги на домъ, на опредѣленный срокъ.

Въ срединѣ нашего столѣтія въ С. Штатахъ пришли къ убѣжденію, что существовать лишь на частныя средства бібліотеки почти не могутъ, что ограничивать ихъ этими средствами, значитъ препятствовать ихъ прогрессу. Нѣкоторые штаты освободили уже свои бібліотеки отъ налоговъ, а съ 1835 года штатъ Нью-Йоркъ началъ ассигновывать достаточно большія суммы школьнымъ бібліотекамъ и его примѣру вскорѣ послѣдовали другіе штаты. Въ 1847 г. мэръ Бостона J. Quincy jr. (младшій) предложилъ муниципалитету просить у правительства штата Массачузетъ разрѣшенія обложить населеніе извѣстнымъ налогомъ для учрежденія *бесплат-*

*) Клубъ, основанный Франклиномъ.

ной общественной библиотеки. Разрѣшеніе было дано, но это была пока привилегія одного Бостона,—законъ, разрѣшающій всѣмъ городамъ и селеніямъ учреждать библиотеки на общественныя средства, вотирированъ былъ впервые въ Нью-Гампширѣ въ 1849 г. Теперь же по пальцамъ можно сосчитать штаты, въ законахъ которыхъ нѣтъ статьи относительно этого расхода.

Въ Штатѣ Колорадо налогъ въ пользу библиотекъ не долженъ превышать $\frac{1}{1,000}$ съ доллара дохода, въ городахъ же съ населеніемъ свыше 100,000 ч. долженъ равняться $\frac{1}{3,000}$. Приблизительно такова же величина налога и въ прочихъ штатахъ.

Нерѣдко въ С. Штатахъ закономъ предусматриваются и другія мѣры для развитія библиотекъ. Въ 1890 г. съ этой цѣлью въ штатѣ Массачузетъ образована была коммиссія изъ пяти членовъ, которая въ 1891 г. успѣла основать библиотеки въ 36 городахъ и селеніяхъ. Въ небольшихъ городахъ библиотеку можно найти въ зданіи муниципалитета, но это бываетъ сравнительно рѣдко, такъ какъ обыкновенно кто-либо изъ щедрыхъ гражданъ даритъ домъ специально для библиотеки. Во многихъ городахъ къ прямому налогу въ пользу библиотекъ прибавляютъ нѣкоторыя и спеціальныя; такъ въ Уорчестерѣ (Массачузетъ) годовой бюджетъ библиотеки увеличивается до 6,000 долларовъ, поступающихъ отъ налога на собакъ.

Такихъ доказательствъ громаднago интереса, питаемаго американцами къ ихъ библиотечкамъ, можно было бы привести множество, но не мало гражданъ, которыхъ все это не удовлетворяетъ еще. Такъ, В. Флетчеръ, котораго намъ часто придется цитировать, одинъ изъ энергичнѣйшихъ радѣтелей этого благого движенія, въ 1891 году на собраніи во Франциско ассоціаціи библиотечарей, говорилъ: «Нельзя сомнѣваться, что эта эволюція законодательства достигнетъ идеальнаго закона, который обяжетъ всѣ города и селенія имѣть и содержать библиотеки именно такъ, какъ они обязаны имѣть и содержать школы».

Тѣмъ не менѣе широкая помощь государства не мѣшаетъ частнымъ лицамъ продолжать въ значительной мѣрѣ содѣйствовать полезному дѣлу пропагандой и матеріальными средствами. Они устраиваютъ конференціи, музыкальныя и литературныя вечера, сборъ съ которыхъ употребляется на покупку новыхъ книгъ; клубы маленькихъ городовъ въ концѣ года отдають библиотечкамъ всѣ полученные за годъ журналы; наконецъ, масса общественныхъ библиотекъ основана и поддерживается исключительно средствами какаго-либо кружка и даже одного лица. Воззванія къ гражданамъ жертвовать сколько и что кто можетъ въ пользу той или другой библиотеки—весьма обычны въ Соединенныхъ Штатахъ. При открытіи публичной библиотеки въ Бостонѣ, въ 1858 году, Эдуардъ Эверетъ просилъ присутствующихъ каждаго подарить библиотекѣ по одной книгѣ,—библиотека сразу увеличилась на 1,500 томовъ.

Въ общемъ, американцы очень искусно эксплуатируютъ тотъ психо-

логическій законъ, что мы гораздо больше любимъ тѣхъ, кому оказывали благодареніе, чѣмъ тѣхъ, которые намъ его оказываютъ.

Каждый годъ бібліотеки печатаютъ отчетъ о сдѣланныхъ въ ихъ пользу пожертвованій, самыхъ незначительныхъ даже, и очень мало встрѣчается гражданъ, которые не цѣнятъ этой чести. Такимъ образомъ, каждый сознаетъ, что и онъ чѣмъ-нибудь послужилъ дѣлу процвѣтанія бібліотекъ, чувствуетъ себя солидарнымъ съ этимъ движеніемъ впередъ, достоинство каждаго затронуто и великодушіе каждаго выражается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чувствительнѣе его тщеславіе.

Болѣе значительные дары обнаруживаются въ «Журналѣ бібліотекъ» («Library Journal»), мѣсячномъ органѣ «Американской ассоціаціи бібліотечарей». Въ апрѣльской книгѣ 1896 г., напримѣръ, этого журнала мы находимъ списокъ слѣдующихъ даровъ: долларовъ 25,000, 7,000, 1,000, 12,600, 10,000, 1,000, 500, 500, 1,000, 100,000, всего 158,000 дол., въ которыхъ слѣдуетъ прибавить 19,000 долларовъ условныхъ пожертвованій, прекрасно рисующихъ спекулятивный характеръ янки. Впрочемъ, если бы спекуляція служила исключительно только такимъ благимъ предпріятіямъ, она давно нашла бы своего поэта. Такъ, изъ упомянутыхъ только что 19,000 долларовъ, 10,000 были пожертвованы мистеромъ Н... изъ Оватаны (Миннезота) на постройку бібліотеки съ тѣмъ условіемъ, чтобы такая же сумма на тотъ же предметъ дана была городомъ, кромѣ 5,000 на покупку книгъ. Бібліотека въ Балтиморѣ, одна изъ величайшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обязана своимъ существованіемъ жертвователю такого же рода. М. Энохъ Праттъ въ 1882 году предложилъ городу капиталъ въ 833,000 долларовъ, или свыше полутора милліона рублей для основанія бібліотеки на условіи, что городъ гарантируетъ ей ежегодный доходъ въ 50,000 долларовъ. Городъ рисковалъ, но предложеніе было заманчиво, тѣмъ болѣе, что Праттъ прибавлялъ 200,000 долларовъ на самое зданіе бібліотеки, и муниципалитетъ Балтиморы подписалъ условіе.

Съ 1891 по 1893 годъ въ штатѣ Массачузетъ на бібліотеки въ общемъ пожертвовано было свыше полумилліона долларовъ, и изъ 341 бібліотеки штата, зданія 108-и построены исключительно на пожертванія гражданъ.

Очень часто дары такіе оставляются по завѣщаніямъ, что очень часто, въ свою очередь, не нравится наслѣдникамъ завѣщателей. Примѣромъ тому можетъ служить знаменитое дѣло о завѣщаніи Тильдена въ Нью-Йоркѣ. Въ 1886 г. въ этомъ городѣ умеръ Самуэль Тильденъ, оставивъ по завѣщанію, составленному въ 1884 году, 7.000.000 долларовъ на основаніе общественной бібліотеки въ Нью-Йоркѣ, но племянникъ его, адвокатъ по профессіи и одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго, предъявилъ искъ о признаніи завѣщанія недействительнымъ и выигралъ его. Къ счастью для народнаго просвѣщенія другой наслѣдникъ отказался отъ своей доли наслѣдства (2.000.000 дол.) въ пользу «Tilden Library», и эти деньги были употреблены при соединеніи въ одну двухъ бібліотекъ Нью-Йорка Астора и Ленкса, о которыхъ мы выше говорили.

Посмотримъ теперь, что это за библіотеки, требующія такихъ громад-ныхъ расходовъ и вызывающія такія щедрыя пожертвованія, и, прежде всего, познакоимся съ самими зданіями библіотекъ.

Многія изъ зданій этихъ являются замѣчательными сооружениями, благодаря ихъ внушительнымъ размѣрамъ и артистической роскоши. Въ особенноти послѣдняя не знаетъ границъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ.

Въ этой странѣ, гдѣ безусловно царствуетъ долларъ, наблюдатель выноситъ то впечатлѣніе, что если интеллектуальная эра человечества должна наступить, то здѣсь, въ Соедин. Штатахъ, она уже у порога. Чтобы сдѣлать совершенными эти «убѣжища мысли», въ Соедин. Штатахъ соединили все великолѣпіе дворцовъ древнихъ деспотовъ Востока и всю прелесть и расточительный комфортъ римлянъ временъ Имперіи съ высшими идеями искусства, украшавшаго соборы среднихъ вѣковъ. Съ точки зрѣнія ихъ размѣровъ, лучшимъ примѣромъ можетъ служить библіотека конгресса въ Вашингтонѣ. Въ 1886 году, послѣ четырнадцатилѣтняго спора, рѣшено было выстроить новое зданіе для библіотеки. За 600,000 долларовъ купленъ былъ участокъ земли въ 10 акровъ (435,600 квадр. футовъ) и работы начались немедленно. Черезъ два года строителямъ пришлось сократить колоссальные планы и *ограничиться постройкой зданія въ 4.000,000 долларовъ*; но еще черезъ годъ американцамъ стало стыдно за слабость свою и на постройку добавлено было еще 2.000,000 долларовъ. Какъ и надѣялись строители, зданіе это, стоимостью въ 12.000,000 рублей, закончено было постройкой въ началѣ 1897 года. Зданіе занимаетъ площадь, стороны которой равняются 470 и 340 футамъ, и имѣетъ четыре внутреннихъ двора, каждый въ 100 фут. длины и 75—100 ширины, такъ что площадь, занимаемая самимъ зданіемъ, равняется 111,000 квадр. футамъ, чѣмъ американцы не мало гордятся, такъ какъ величайшая до этой поры въ мірѣ библіотека британскаго музея покрываетъ площадь лишь въ 90,000 квадр. футовъ. Библіотека Конгресса, если не превосходитъ еще, то можетъ превосходить библіотеку Британскаго музея и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, *на имѣющихся уже теперь полкахъ* библіотеки можетъ быть разставлено 1.800,000 томовъ, но библіотека можетъ вмѣстить до 4.500,000 томовъ, а въ случаѣ нужды сдѣлать во внутреннихъ дворахъ пристройки, въ которыхъ вмѣстятся еще 2 милліона томовъ *).

Благодаря этому, по расчетамъ администраціи библіотеки, она не требуетъ новаго зданія ранѣе 200 лѣтъ.

По количеству томовъ, библіотека конгресса является величайшей въ Соединенныхъ Штатахъ. По отчету, изданному въ іюнь 1897 года, она имѣетъ 748,115 томовъ и 245,000 брошюръ. Второй является публич-

*) Богатѣйшая въ мірѣ библіотека „Bibliothèque Nationale“ въ Парижѣ имѣетъ 2.225,000 томовъ; библіотека британскаго музея—1.750,000 и 55,000 рукописей, но и та и другая не въ состояніи, безъ дополнительныхъ строеній, вмѣстить лишній милліонъ книгъ.

ная библиотека Бостона съ 508,664 томами, къ которымъ слѣдуетъ добавить 169,714 томовъ, находящихся въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ библиотеки, расположенныхъ въ разныхъ концахъ города.

Въ бостонской библиотекѣ постоянно занято служащихъ днемъ—153 человекъ, вечеромъ—55 и въ отдѣленіяхъ—59, и однѣ эти цифры рисуютъ уже намъ дѣятельность библиотеки, принимая во вниманіе, что въ Соединенныхъ Штатахъ даромъ жалованье не платятъ. Число служащихъ въ библиотекѣ конгресса значительно меньше, но библиотека эта пока на домъ книгъ не выдаетъ *).

Мѣсто намъ не позволяеть описывать артистическую роскошь библиотекъ Конгресса, Нью-Йорка, Альбани и др.,—ограничимся нѣсколькими словами о бостонской библиотекѣ.

Построенное по образцу библиотеки св. Женевьевы въ Парижѣ, въ стилѣ Возрожденія, новое зданіе общественной библиотеки Бостона съ внѣшней стороны великолѣпно. Три фасада зданія выстроены изъ бѣловато-сѣраго гранита, производящаго прекрасный эффектъ, а каждая архитектурная деталь—*chef d'oeuvre* въ своемъ родѣ. Внутренній видъ библиотеки ни въ чемъ не уступаетъ внѣшнему, и посѣтителя прежде всего поражаетъ центральная лѣстница, «не имѣющая себѣ равной въ С. Штатахъ по богатству и великолѣпію», какъ, не колеблясь, говорятъ американцы. Вся она сдѣлана изъ привезеннаго изъ Сіены желтаго мрамора съ черными прожилками, причемъ мраморъ расположенъ по отгѣнкамъ, чѣмъ достигается поразительный эффектъ. Первые ступени лѣстницы сдѣланы почти изъ чисто-желтаго мрамора съ очень рѣдкими черными прожилками, которыя по мѣрѣ подъема становятся чаще и замѣтнѣе и, наконецъ, въ верхнемъ этажѣ мраморъ почти черенъ. Само собою разумѣется, что такимъ же образомъ скомбинированы и куски мрамора на стѣнахъ.

Затѣмъ, вниманіе посѣтителя обращаютъ на себя великолѣпныя фрески. Вотъ фигурировавшія въ 1895 году въ Парижѣ, въ салонѣ *Champ de Mars* «Музы, пріивѣтствующія генія-вѣстника свѣта»—Пюви де Шавана; вотъ фрески Аббея **) «*Recherche du Saint Grahal*, наконецъ (ихъ больше всего), фрески знаменитаго американца художника Саржента. Всѣ религіознаго содержанія, онѣ украшаютъ залъ Саржента, но, къ сожалѣнію, такъ сложны при ихъ громадныхъ размѣрахъ, что становятся понятны лишь по прочтеніи длиннаго объяснительнаго текста.

Разъ заговоривъ уже о роскоши бостонской библиотеки, слѣдуетъ упомянуть великолѣпный залъ Совѣта (*Truste's Room*), для котораго куплена мебельровка, украшавшая Гаарлемскій павильонъ, дворець Людовика Бонапарта и Гортензіи Богарне, короля и королевы Голландіи.

Естественнымъ слѣдствіемъ этой артистической роскоши является то,

*) Новый библиотекаръ М. Джонъ Россель Юнгъ, въ отчетѣ за іюнь 1897 года, выражаетъ надежду, что реформа въ этомъ отношеніи скоро послѣдуетъ.

**) Фрески Пюви де Шавана украшаютъ центральную лѣстницу, а Аббея—залъ, гдѣ производится выдача книгъ.

что бостонскую библиотечку, какъ и другія въ ея жанрѣ, посѣщаютъ какъ музей,—ради осмотра, и администраціи приходится благодаря этому принимать мѣры, чтобы тысячи любопытныхъ, фланирующихъ по различнымъ заламъ, не мѣшали работающимъ: вокругъ нѣкоторыхъ залъ устроены галереи специально для этихъ любопытныхъ. Мѣры эти знаменательны, но во всякомъ случаѣ посѣтителей этой категоріи здѣсь не боятся. Въ самомъ дѣлѣ, любопытные предметы, которымъ мѣсто столько же въ библиотекѣ, сколько въ музей—вовсе не рѣдки. Такъ, напримѣръ, въ бостонской библиотекѣ съ гордостью показываютъ посѣтителю книгу «Columbus Letter», напечатанную въ 1493 году,—это первая книга, въ которой говорилось объ открытіи Америки (куплена она была за 14,500 франковъ). Здѣсь же вы найдете первые документы, касающіеся Новой Англии и Массачузета; «Bay Psalm Book», напечатанную въ Кембриджѣ въ 1640 году; первое и второе изданіе перевода Библии на индійскій языкъ (1663 г.), сдѣланнаго Джономъ Элиотомъ, апостоломъ краснокожихъ; первую книгу, напечатанную въ Бостонѣ, и т. д.

Нерѣдко, однако, въ С. Штатахъ по пути этой артистической роскоши въ библиотекахъ заходятъ слишкомъ далеко, забывая истинную ихъ цѣль. Въ этомъ въ особенности упрекаютъ библиотеки Ньюбери, Чикаго и Бостона, и въ «Appleton's Pop. Science Monthly» (іюль, 1897 г.), «мы можемъ найти любопытную рѣчь одного изъ выдающихся библиотечарей Соединенныхъ Штатовъ, Джона Ботона Дана, который, между прочимъ, говорилъ:

«Разъ хотятъ, чтобы библиотека была дѣйствительно мѣстомъ работы, она должна безусловно удовлетворять требованіямъ ея ежедневныхъ посѣтителей относительно свѣта, пространства и воздуха. Отнюдь не требуется, чтобы библиотека подчинялась различнымъ соображеніямъ, имѣющимъ предмѣтами эффекты архитектуры, торжественные залы, красивыя перспективы и декоратіонные мотивы.

«Истинное зданіе библиотечки, большой или малой, построенной такъ, чтобы она отвѣчала исключительно ея цѣли,—существуетъ пока лишь въ теоріи».

И не принося въ жертву эстетики, можно, однако, соорудить библиотечку, до извѣстной степени отвѣчающія требованіямъ, о которыхъ говоритъ Дана,—доказательствомъ этого служить библиотечка штата Нью-Йорка въ Альбани, находящаяся подъ управленіемъ Мельвила Дьюи, извѣстнаго автора системы децимальной классификаціи, о которой мы будемъ вскорѣ говорить.

Что касается до внутренняго устройства библиотекъ, то мы будемъ говорить лишь о существеннѣйшихъ частяхъ ихъ, упомянувъ только о переплетныхъ мастерскихъ и типографіяхъ, напримѣръ, которыя имѣются при нѣкоторыхъ большихъ библиотекахъ штатовъ.

Съ точки зрѣнія внутренняго устройства, американскія библиотечки, построенныя по современнымъ планамъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ системы: или все зданіе раздѣляется на двѣ отличныя части, —одну для со-

храненія книгъ, другую для читателей—или вся коллекція раздѣляется на отдѣлы, а по числу отдѣловъ раздѣлено и зданіе библіотеки.

Первая система, называемая «Stacks», имѣетъ цѣлью размѣстить возможно большее количество книгъ на возможно меньшемъ пространствѣ. Въ залѣ, довольно обширной и непременно высокой (чаще всего отъ 45 до 50 футовъ), въ желѣзныхъ клѣткахъ-колоннахъ устраиваютъ полки отъ низу до самаго верху, причѣмъ клѣтки-колонны устанавливаются такъ часто, чтобы оставалось лишь мѣсто, строго-необходимое для прохода между ними, не больше. Эти колонны и называются «Stacks». Все это, какъ мы говорили, дѣлается изъ желѣза, во-первыхъ, ради экономіи мѣста, а во-вторыхъ, для безопасности отъ огня. Колонны раздѣлены на этажи, каждый въ 7 футовъ высоты, перегородками изъ желѣзной рѣшетки или стекла, а этажи соединены между собою небольшими лѣстницами и подъемными машинами. Незначительная высота этажей позволяетъ библіотекарямъ доставать книги даже съ верхнихъ полокъ безъ помощи лѣстницъ и скамеекъ *).

Главнымъ неудобствомъ этой системы является невозможность поддерживать повсюду равную температуру,—зимою, послѣ топки, тепло подымается вверхъ и чрезмѣрно нагрѣваетъ верхніе этажи, тогда какъ внизу царитъ холодъ. А между тѣмъ и думать нельзя объ уменьшеніи высоты колонъ и увеличеніи ихъ ширины, такъ какъ при такихъ условіяхъ свѣтъ совсѣмъ не будетъ достигать центра зала; при настоящихъ, высокихъ Stacks'ахъ и то уже начинаютъ прибѣгать къ электрическому освѣщенію.

Для доставленія книгъ изъ Stacks'овъ въ бюро раздачи или въ читальную залу, по крайней мѣрѣ, въ значительныхъ библіотекахъ, пришлось подумать о болѣе быстрыхъ способахъ, чѣмъ переноска книгъ служащими. Въ Бостонѣ въ этомъ отношеніи принята слѣдующая система. По заполненіи читателемъ графъ печатнаго бланка—требованія, послѣднее передается пневматически по трубкѣ на ту «станцію полученія» въ Stacks'ахъ, которая должна быть ближайшей къ требуемому тому. (Въ каталогахъ для каждой книги указана ея станція, и номеръ послѣдней выставляется читателемъ на требованіи). Отысканный томъ служащій владетъ на вагонетку, которая силою электричества движется по рельсамъ во всѣхъ этажахъ (ширина пути—8 дюймовъ). Прежде всего вагонетка выходитъ на главный путь этажа, автоматически попадаетъ въ подъемную машину, опускается и доходитъ до того пункта, гдѣ онѣ разгружаются. Также автоматически вагонетки и назадъ возвращаются. Движутся вагонетки со скоростью 150 метровъ въ минуту. Въ Бостонѣ, чтобы дать начало движенію вагонетки, ее надо толкать; въ вашингтонской же библіотекѣ вагонетки движутся непрерывно, и служащимъ остается лишь положить на пробѣгающую вагонетку книгу, чтобы она достигла своего назначенія. Здѣсь движеніе до-

*) Сколько намъ извѣстно, система эта принята и въ новой библіотекѣ Московскаго университета.

стигаетъ 100 футовъ въ минуту, такъ что книги, расположенныя въ отдаленнѣйшихъ отъ бюро отдѣленіяхъ, доставляются въ бюро черезъ 3—4 минуты *).

Помимо того неудобства, которое представляетъ отопленіе, и нѣкоторыхъ другихъ неудобствъ, система Stacks превосходна въ тѣхъ случаяхъ, когда читателю извѣстны необходимыя ему книги-пособія, но система эта неудовлетворительна, когда читатель долженъ разыскать и сдѣлать выборъ книгъ по извѣстной отрасли знанія, не зная имени авторовъ и названій книгъ. Въ такихъ случаяхъ предпочтительна система, принятая W. F. Role'emъ въ чикагской библиотекѣ, которой послѣдовали многія другія библиотеки въ С. Штатахъ. Здѣсь всѣ книги извѣстнаго отдѣла расположены вмѣстѣ въ одной залѣ и такъ, что читатель, подойдя къ полкамъ, можетъ знакомиться съ заглавіями книгъ и именами авторовъ, дѣлать изъ нихъ выборъ и тутъ же садится читать, или работать, для чего каждый залъ снабженъ всѣмъ необходимымъ. Такая система, однако, примѣнима только тамъ, гдѣ книги не выдаются на домъ, гдѣ въ библиотекахъ исключительно работаютъ, гдѣ можно располагать многими большими, свѣтлыми и комфортабельно для работы устроенными залами. Въ британскомъ музеѣ, напримѣръ, гдѣ книги на домъ не выдаются, система эта, однако, не примѣняется и въ единственной читальной залѣ расположены къ непосредственнымъ услугамъ читателей лишь книги справочнаго отдѣла,—прочія же доставляются, какъ сказано выше. Въ тѣхъ библиотекахъ, гдѣ книги выдаются на домъ, собраніе ихъ изъ различныхъ отдѣловъ въ бюро для выдачи на руки—крайне затруднительно и требуетъ значительно больше времени, чѣмъ когда книги расположены въ Stacks'ахъ.

Эти соображенія привели къ примѣненію комбинаціи системъ Stacks и Пуля, въ библиотекѣ конгресса, напримѣръ. Зданіе этой библиотеки въ Вашингтонѣ имѣетъ форму громаднаго прямоугольника, съ обширнымъ дворомъ внутри, раздѣленнымъ въ свою очередь на четыре двора нѣсколько меньшими по размѣрамъ строеніями, расположенными въ формѣ креста. Центръ креста занятъ громадной читальной залой; сѣверная, южная и западная вѣтви креста—гигантскими stacks, могущими вмѣстить каждая по 800,000 томовъ, восточная же—монументальной лѣстницей и роскошнымъ вестибюлемъ. Восточная и западная вѣтви соединяютъ залы креста съ залами внѣшняго прямоугольника, въ которомъ расположены собранія специальныхъ книгъ въ залахъ, гдѣ примѣнена система Пуля.

Очевидно, однако, что комбинируя удобства той и другой системы, нельзя избѣжать ихъ неудобствъ. Такъ, напримѣръ, не имѣя извѣстныхъ сочиненій въ нѣсколькихъ экземплярахъ, очень трудно рѣшить, куда ихъ помѣстить—въ общую ли библиотечку, или въ специальные отдѣлы. Въ Уорчестерѣ (Массачузетъ) въ данную минуту испытывается еще одна система.

*) Въ британскомъ музеѣ книги перевозятся также на вагонеткахъ, но ручнымъ, и посетителямъ нерѣдко приходится ожидать книгъ 20—30 минутъ. И здѣсь предполагается въ скоромъ времени ввести электрическую тягу.

Вся библиотека раздѣлена на двѣ части: одна предназначена для выдачи книгъ на домъ, другая—для чтенія на мѣстѣ, но и здѣсь является вопросомъ, какимъ критеріумомъ руководствоваться, помѣщая сочиненіе, имѣющееся въ одномъ экземплярѣ, въ тотъ или другой отдѣлъ библиотеки.

Все это, конечно, касается большихъ библиотекъ, но въ библиотечкахъ менѣе чѣмъ въ 100,000 томовъ соединеніе системъ Stacks и Пула вполне примѣнимо безъ ихъ неудобствъ. Такая комбинація примѣнена Флетчеромъ въ организованной имъ библиотекѣ (60 тысячъ томовъ) въ небольшомъ университетскомъ городѣ Амгерстѣ. Вся библиотека помѣщена вблизи читальной залы, гдѣ размѣщены, какъ въ Британскомъ музеѣ, книги справочнаго характера, журналы и газеты и откуда въ библиотеку свободенъ доступъ всѣмъ посѣтителямъ. Семизатная библиотека имѣетъ 1, 3, 5, 7 и 9 stacks'ы по правой сторонѣ и 2, 4, 6, 8 и 10—по лѣвой и окна, пробитыя во всю высоту зданія, даютъ столько свѣта, что въ широкихъ промежуткахъ между stacks'ами за удобно разставленными столами можно превосходно работать.

Библиотекари Соединенныхъ Штатовъ, какъ и ихъ коллеги Европы, не мало поработали надъ вопросомъ классификаціи книгъ, и практической здравый смыслъ первыхъ привелъ къ классификаціямъ, несравненно превосходящимъ европейскія классификаціи. Въ особенности отличается своею ясностью и простотою десятичная система Мельвила Дьюи, библиотекаря штата Нью-Йорка, въ Альбани.

Первоначально всѣ книги по ихъ содержанію раздѣляются на 10 главныхъ категорій, каждая изъ которыхъ имѣетъ свой номеръ:

Общій отдѣлъ	0
Философія	1
Религія	2
Соціологія	3
Филологія	4
Естественныя науки	5
Прикладныя науки	6
Изящныя искусства	7
Литература	8
Исторія и географія	9

Каждая изъ этихъ десяти категорій подраздѣляется въ свою очередь на 10. Возьмемъ, напримѣръ, литературу = 8.

Общая	80
Американская	81
Англійская	82
Германская	83
Французская	84
Итальянская	85
Испанская	86

Латинская	87
Греческая	88
Прочихъ языковъ	89

Затѣмъ каждая категорія опять дѣлится на 10. Возьмемъ, напримѣръ, французскую литературу=84 и мы получимъ:

Общая французская литература . .	840
Поэзія	841
Театръ	842
Беллетристика	843
Критика	844
Ораторскія рѣчи	845
Письма	846
Сатиры	847
Смѣсь	848
Провансальская литература . . .	849

И такъ далѣе подраздѣленія продолжаются, пока не исчерпываются, причѣмъ отнюдь не нужно, чтобы всѣ рубрики были пополнены, — десятичное подраздѣленіе можетъ продолжаться, несмотря на это. Такъ, напримѣръ, французскій театръ=842 раздѣленъ лишь на 7 категорій:

Общій отдѣлъ	8420
Театръ до XV столѣтія	8421
XV вѣкъ	8422
XVI вѣкъ	8423
XVII вѣкъ	8424
XVIII вѣкъ	8425
XIX вѣкъ	8426

7, 8 и 9 категорій остаются для пополненія, тогда какъ къ остальнымъ можно продолжать примѣнять систему.

Простота этой системы бросается въ глаза: постоянно переходя отъ одного, болѣе общаго класса къ другому, болѣе спеціальному и т. д., нельзя не дойти до книги нужной читателю. Очевидны и всѣ удобства системы этой, главнымъ преимуществомъ которой является то, что она въ одной и единой схемѣ соединяетъ всѣ принципы различныхъ классификацій, пользуясь, смотря по удобству, то той, то другой, не нарушая ясности ансамбля. Такъ, въ приведенной нами схемѣ мы видимъ сперва классификацію по отраслямъ знаній, затѣмъ подраздѣленіе по національностямъ, новое родовое раздѣленіе, наконецъ, подраздѣленіе по эпохамъ.

Продолжая подраздѣленіе далѣе, напримѣръ, французской литературы, театра XVII вѣка=8424, мы придемъ къ классу, составленному по именамъ авторовъ, Пьеръ Корнель—84241, Мольеръ—84242, Бурсо—84243 и т. д.

Система эта безусловно превосходитъ всѣ прочія, но и она страдаетъ у Дьюи нѣкоторыми погрѣшностями, и не каждый одобритъ его подраздѣ-

лепня, исправить же ихъ поздно, такъ какъ масса библиотекъ Соединенныхъ Штатовъ приняла уже первоначальную классификацію Дьюи. Для общаго соглашенія относительно главныхъ подраздѣлений Альбертъ Шинцъ рекомендуетъ съѣздъ извѣстныхъ ученыхъ по каждой изъ 9 главныхъ категорій.

Съ точки зрѣнія легкости розыска книги система Дьюи—непогрѣшима. Конечно, есть книги, которыя могутъ и должны быть занесены въ нѣсколько различныхъ рубрикъ, но условіе, чтобы книга не фигурировала въ каталогѣ болѣе одного раза, не составляетъ sine qua non хорошей классификаціи. Что касается до распредѣленія книгъ на полкахъ—система Дьюи должна подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, такъ какъ важно, чтобы одно и то же названіе не фигурировало въ разныхъ мѣстахъ, что и случается, когда въ одной группѣ изъ 10 предметовъ примѣнены два принципа классификаціи, какъ это мы видѣли, напримѣръ, у Дьюи въ его отдѣлѣ «Философіи» =100.

110—Общая метафизика.	150—Психологія.
120—Спеціальныя отдѣлы метафизики.	160—Логика.
130—Душа и тѣло.	170—Этика.
140—Философскія системы.	180—Древніе философы.
	190—Современные философы.

Здѣсь «Логика» Аристотеля, напримѣръ, должна находиться и подъ № 160 и подъ № 180, а «Этика» Спинозы по №№ 170 и 190, такъ что для того, чтобы устранить затрудненія, нужно дѣлать выборъ между классификаціей по эпохамъ и по содержанію. Желая распредѣлить книги на полкахъ по системѣ Дьюи, ее не трудно скombинировать съ каталогомъ, по которому разыскиваются книги, и если книга, которую нужно классифицировать, уже помѣщена гдѣ-либо, ее записываютъ второй разъ и въ примѣчаніи красными чернилами указываютъ, гдѣ она находится въ дѣйствительности.

Въ вопросѣ о каталогахъ американскіе библиотекари также достигли значительнаго прогресса съ точки зрѣнія упрощенія. Они считаютъ совершенно достаточнымъ имѣть 4 каталога: 1) каталогъ поступающихъ книгъ, 2) каталогъ по именамъ авторовъ, 3) каталогъ по содержанію и 4) каталогъ по порядку на полкахъ.

Первый является, такъ сказать, дѣловымъ каталогомъ, четвертый же облегчаетъ ревизію библиотекы и необходимыми для читателей являются второй и третій каталоги, соединяемые иногда, какъ въ Бостонѣ, напримѣръ, въ одинъ.

Печатные каталоги постепенно исчезаютъ въ библиотекахъ С. Штатовъ и если нѣкоторыя еще и печатаютъ ихъ, какъ въ Бостонѣ, напримѣръ, то единственно для того, чтобы многочисленныя мелкія библиотекы, находящіяся въ сношеніяхъ съ бостонскою, могли знать, какія книги могутъ быть даны въ ихъ распоряженіе. Библиотекы, продолжающія еще печатать свои

каталоги, имѣютъ свои собственныя типографіи, что значительно уменьшаетъ ихъ расходы. Вообще печатаніе каталоговъ здѣсь признается безполезнымъ: библиотека конгресса увеличивается ежегодно на 17,000 томовъ, Бостонская на 25,000, и какъ бы часто ни печатали эти библиотеки свои каталоги—они всегда будутъ отставать отъ дѣйствительности. Гораздо болѣе удобнымъ является писанный каталогъ, дополненія къ которому составляются и афишируются въ читальной залѣ ежедневно, благодаря чему читатели постоянно находятся au courantъ всѣхъ литературныхъ новинокъ *).

Для каталоговъ теперь почти повсюду въ С. Штатахъ принята система фишекъ или карточекъ. Каждая книга представляется своей карточкой въ $5 \times 12\frac{1}{2}$ сантиметровъ или $7\frac{1}{2} \times 12\frac{1}{2}$ сантиметровъ, если на карточкѣ даются какія-либо дополнительные указанія, кромѣ имени автора, названія книги, имени издателя, года и мѣста изданія, формата и числа томовъ. На бортахъ карточки имѣются №№ книги, отдѣла и т. д.

Карточки эти помѣщаются въ небольшихъ ящикахъ, гдѣ фиши при пересмотрѣ ихъ скользятъ надѣтыя на тонкую мѣдную проволоку, укрѣпленную вдоль ящика, благодаря чему фиши никогда не могутъ быть ни перепутаны, ни унесены. Выгоды системы этой очевидны; каждый разъ, какъ въ библиотеку поступаетъ новая книга, въ соответствующій ящикъ помѣщается новая карточка или нѣсколько фишекъ въ разные ящики, если книга по содержанію своему должна быть занесена въ различные отдѣлы. Въ Бостонѣ каталогъ состоитъ изъ 800,000 фишекъ.

Чѣмъ меньше карточекъ въ ящикѣ, тѣмъ, конечно, удобнѣе, такъ какъ тѣмъ большее число читателей можетъ одновременно справляться съ каталогомъ. Ящики эти обыкновенно располагаются на столахъ вокругъ зала.

Запись и провѣрка книгъ, выдаваемыхъ на домъ, ведется такимъ образомъ. Съ внутренней стороны переплета каждой книги имѣется карманъ, въ которомъ лежатъ двѣ карточки, бѣлая и голубая, на которыхъ написанъ № книги и ея названіе. При выдачѣ книги карточки эти вынимаются **) и по надписи на нихъ фамиліи читателя (въ нѣкоторыхъ библиотекахъ требуется собственноручная подпись) заносятся въ двѣ книги, по алфавиту авторовъ, послѣ чего карточки помѣщаются въ ящикъ, раздѣленный на 12 отдѣленій по числу дней, въ теченіе которыхъ можно пользоваться книгой (2 недѣли безъ двухъ воскресеній), начиная съ 1-го отдѣленія. По сдачѣ читателемъ книги карточки вынимаются изъ ящика и вновь вкладываются въ карманъ книги. Когда наполнено 12-е отдѣленіе—1-е, конечно, должно быть пусто, а если въ немъ есть карточки, то, слѣдовательно, нѣкоторые книги не сданы въ срокъ, а запоздавшіе объ этомъ

*) Это практикуется и въ Британскомъ музеѣ, гдѣ названія новыхъ книгъ не вписываются, однако, въ каталогъ, а наклеиваются въ соответствующихъ мѣстахъ ленточки бумаги съ напечатанными заглавіями, каковыя ленточки вырѣзываются по истеченіи мѣсяца изъ каталога новостей, публикуемаго и афишируемаго ежемѣсячно.

**) На карманѣ книги дѣлается отмѣтка о днѣ выдачи книги.

оповѣщаются. Карточки поступаютъ въ другой ящикъ, а 1-е отдѣленіе начинаетъ наполняться новыми карточками книгъ, выданныхъ въ 13-й день и т. д.

Говорятъ, что библіотеки С. Штатовъ мало гарантированы отъ расхищенія книгъ, но случаи пропажъ книгъ гораздо чаще въ національной библіотекѣ въ Парижѣ, напримѣръ, гдѣ строгости чрезмѣрны, чѣмъ въ библіотекахъ С. Штатовъ, гдѣ требуется (и то не вездѣ) подпись на карточкѣ. Здѣсь право пользованія библіотекой распространяется поголовно на всѣхъ и только въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, по примѣру Британскаго музея, требуется поручительство третьяго лица. По мнѣнію американцевъ, веденіе поручительскихъ каталоговъ и переписка съ поручителями въ случаѣ пропажи книгъ обходятся дороже, чѣмъ приобрѣтеніе пропавшихъ книгъ,—такъ незначительно число послѣднихъ.

Пожалуй, самое главное различіе между библіотеками европейскими и американскими именно въ томъ и заключается, что въ первыхъ думаютъ о книгахъ, а во вторыхъ—о читателяхъ, ибо въ Америкѣ библіотека оцѣнивается по степени той пользы, которую она приноситъ, а не по рѣдкости и стоимости самихъ книгъ.

Мы говорили уже, что въ большихъ городахъ, для облегченія пользованія книгами живущимъ на далекихъ разстояніяхъ отъ библіотеки, устраиваются отдѣленія таковой въ различныхъ отдаленныхъ кварталахъ. Въ Бостонѣ такихъ отдѣленій 12 и имѣютъ они вмѣстѣ 169,714 томовъ. Для тѣхъ же, кто хочетъ работать въ самой библіотекѣ, всегда имѣется общая большая зала для работы и нѣсколько малыхъ для специальныхъ работъ,—напримѣръ, по праву, археологіи, архитектурѣ, музыкѣ и т. д. Нерѣдко при библіотекахъ имѣются залы, которымъ предназначено быть артистическими галереями, собраніями фотографій и даже картинъ, какъ въ Вашингтонской библіотекѣ Конгресса и Нью-Йоркской—Ленокса.

Въ Уорчестерѣ, съ котораго взяли примѣръ Бостонъ и Нордгэмптонъ, для привлеченія публики устраиваются временныя выставки картинъ, гончарнаго искусства, предметовъ, относящихся къ исторіи страны, и т. д. Нерѣдко залы библіотекъ, какъ въ томъ же Уорчестерѣ, служатъ для публичныхъ лекцій, вечернихъ классовъ и т. д. Наконецъ, при библіотекахъ имѣются большія залы исключительно для пользованія многочисленными американскими и иностранными журналами. Бостонская библіотека получаетъ 1,500 журналовъ. Приблизительно треть ихъ размѣщена на столахъ, остальные выдаются по требованію. Въ среднемъ библіотеки С. Штатовъ регулярно получаютъ до 200 журналовъ каждая.

Также громадны и хорошо устроены залы для чтенія ежедневныхъ газетъ, гдѣ, однако, европейскіе органы весьма немногочисленны.

Въ послѣдніе годы въ С. Штатахъ наблюдается новая тенденція—дать въ библіотекахъ мѣсто и дѣтямъ. Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ дѣтямъ выдаются книги на домъ и они допускаются въ рабочія залы, начиная съ 12 лѣтъ, специальныя же залы для дѣтей устроены пока лишь въ централь-

ныхъ и западныхъ штатахъ. Въ 1896 году и Бостонская библиотека приняла этотъ принципъ и устроила исключительно для дѣтей такую залу съ 1,300 томами, гдѣ дѣти при ихъ небольшомъ ростѣ сами могли бы доставать съ полокъ книги. Въ залѣ этой царствуетъ полная свобода, и, не спрашивая разрѣшеній, дѣти могутъ выбирать здѣсь по ихъ вкусу книги, большею частью иллюстрированныя, историческаго содержанія, путешествія, фантастическія повѣствованія и т. д. Единственное ограниченіе состоитъ въ томъ, что дѣти моложе 12 лѣтъ не могутъ брать книгъ на домъ. Стѣны залы этой украшены пано историческаго содержанія и предметами античнаго искусства. Зала эта, наполненная дѣтишками, серьезно погруженными въ чтеніе, гордыми тѣмъ, что и они допущены въ «большую библиотеку», представляетъ чрезвычайно интересную и единственную картину. Въ залѣ постоянно находится почтенная дама, готовая дать всѣ необходимыя разъясненія каждому юному читателю *). Здѣсь умѣстно добавить, что библиотеки С. Штатовъ отличаются исключительной вѣжливостью служащихъ къ посѣтителямъ, которые отъ первыхъ никогда не слышатъ и не видятъ нетерпѣливаго слова или жеста,—что, впрочемъ, не такъ удивительно, ибо въ С. Штатахъ $\frac{9}{10}$ служащихъ въ библиотекахъ—женщины.

Большія библиотеки С. Штатовъ отличаются отъ европейскихъ еще и тѣмъ, что забота объ удобствахъ читателей доведена въ первыхъ до того, что при выходѣ, напримѣръ, читателя изъ библиотеки никто не требуетъ отъ него доказательства въ томъ, что онъ сдалъ книги, которыми пользовался, и никто не бросаетъ инквизиторскихъ взглядовъ на вашъ портфель и карманы. Мало того, во многихъ библиотекахъ читателю предоставляется свободный доступъ въ самые stacks'ы для выбора книгъ по его желанію. Последняя льгота, впрочемъ, не практикуется въ очень большихъ библиотекахъ, гдѣ посѣтитель буквально можетъ заблудиться среди stacks'овъ и не найти необходимую ему книгу. Въ библиотекахъ средней величины этотъ вопросъ является еще спорнымъ,—въ университетскихъ, напримѣръ, доступъ читателямъ свободенъ въ stacks'ы, въ муниципальных—не всегда.

Противниковъ этой мѣры не мало,—такъ, напримѣръ, изъ 31 библиотеки штата Висконсинъ 12 допускаютъ читателей въ stacks'ы, 5—испытываютъ эту мѣру, 1—допускаетъ въ stacks'ы лишь лицъ, принадлежащихъ къ преподавательскому персоналу, и 13 никого не допускаютъ.

Такимъ же спорнымъ въ С. Штатахъ является и вопросъ объ открытіи библиотекъ въ воскресные дни. Въ положительномъ смыслѣ вопросъ этотъ разрѣшенъ въ богомольной Америкѣ еще въ очень немногихъ городахъ,—въ Уорчестерѣ съ 1872 года и въ Цинцинати (Ohio) въ двухъ библиотекахъ. Горячимъ проповѣдникомъ въ пользу открытія библиотекъ

*) Такая же зала для дѣтей открыта и при новой Нью-Йоркской библиотекѣ.

въ воскресные дни является тотъ же Флетчеръ, о которомъ мы упоминали не разъ, но проповѣдь его пока не имѣетъ добрыхъ результатовъ.

Относительно того, въ сколькихъ экземплярахъ библіотеки должны имѣть нѣкоторыя книги, иначе—какія книги болѣе всего читаются, интереснымъ является докладъ, прочитанный м-ромъ Брэнденъ въ 1895 году, въ «Eliot Society», въ Сень-Луи. Въ теченіе полугода библіотека должна была приобрести постепенно, по мѣрѣ все растущихъ требованій, 71 экземпляръ «Трильби»... За 1894—95 годъ къ имѣющимся 13 экземплярамъ «Монте-Кристо» нужно было прикупить 68 экземпляровъ этого романа. Затѣмъ болѣе другихъ читаются: «Ярмарка тщеславія», «Труженики моря», «Бень-Гуръ», «Давидъ Боперфильтъ», «Айвенго», «Хижина дяди Тома», «Три мушкетера», «Мракъ и свѣтъ», «Лавка древностей», «Вѣчный жидъ», «Пэнденисъ» и т. д. Въ литературѣ для дѣтей первое мѣсто занимаетъ Луиза Алькотъ, и къ 73 экземплярамъ ея «Маленькой женщины» въ 1895 году пришлось прикупить еще 53 экземпляра... Эту же книгу библіотека Клевеланда (Огіо) въ 1897 году имѣла въ 178 экземплярахъ и Праттовскую «Американскіе историческіе рассказы»—въ нѣсколькихъ стахъ.

Широко требуется, однако, не одна беллетристика: м-ръ Брэнденъ въ 1895 году долженъ былъ купить 71 экземпляръ новаго изданія твореній Шекспира и 14 экземпляровъ *Критики чистаго разума* Канта.

Въ данную минуту *Library Journal* разрабатываетъ проектъ объ устройствѣ центральнаго бюро, благодаря которому библіотеки могли бы заимствовать другъ у друга и обмѣниваться книгами. Служа читателямъ и исполняя всѣ ихъ требованія, библіотеки встрѣчаютъ, однако, довольно серьезныя осложненія. На первомъ планѣ, напримѣръ, является вопросъ, до какой степени дѣйствительно хорошо и полезно дѣлать уступки требованіямъ публики и слѣдуетъ ли, напримѣръ, поощрять чтеніе сенсационныхъ романовъ, напояняя ими библіотеки? Всѣ библіотекари Соединен. Штатовъ признаютъ тотъ несомнѣнный фактъ, что болѣе другихъ въ библіотекахъ требуются books of fiction, т.-е. романы или произведенія, наименѣе развивающія читателя, и фактъ этотъ былъ главнымъ пунктомъ рѣчей противниковъ публичныхъ библіотекъ. О'Брайнь въ Англіи далъ очень интересныя по этому поводу статистическія свѣдѣнія. Въ Ньюкастлѣ въ 1880 г. изъ библіотеки потребованы были 2,001 разъ романы миссъ Брэддонъ и 12 разъ Бенювское «Mental and moral Science»; 1,320 разъ—романы Гранта и 15 разъ—«Analogy of Religion» Бутлера; 4,605 разъ—романы Левра и 4 раза—«Критику чистаго разума»; 6,810 разъ—романы Диккенса и 8 разъ—Спенсера; 4,901 разъ—романы Литтона и 14 разъ—«Логикъ» Дж. Ст. Милля и т. д.

С. С. Гринъ, библіотекаръ Уорчестера, какъ кажется, рациональнѣе другихъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, изъясъвъ изъ каталоговъ всѣ безнравственные романы и допуская свободное обращеніе романовъ, возбуждающихъ воображеніе. По его мнѣнію, библіотека, не идущая впереди желаній публики—не достигаетъ своей цѣли, и романы, несмотря на ихъ не-

достатки, главнымъ изъ которыхъ является тотъ, что они даютъ ложное представленіе о дѣйствительности, во всякомъ случаѣ отвлекаютъ читателей отъ дѣяній болѣе вредныхъ, чѣмъ чтеніе этихъ романовъ, а, во-вторыхъ, чтеніе романовъ нерѣдко открываетъ путь къ чтенію болѣе серьезному, такъ какъ вкусы ко всему интеллектуальному не бываютъ врожденными, а приобретаются и развиваются постепенно. Рациональнымъ выборомъ книгъ можно даже вызвать и укрѣпить этотъ результатъ, въ виду чего въ Соединен. Штатахъ частныя лица и комитеты и вырабатываютъ каталоги для вновь открывающихся и часто реорганизуемыхъ библиотекъ.

Библиотеки Соединен. Штатовъ не ограничиваются, однако, дѣятельностью въ ихъ прямой сферѣ, но распространяютъ свое вліяніе далеко за ея предѣлы, входя для этого въ сношенія съ всеми учрежденіями, которымъ они могутъ быть полезны и прежде всего, конечно, онѣ кооперируются съ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «University Extension», съ обществами, распространяющими университетское образованіе, и съ воскресными школами для взрослыхъ. Размѣры статьи позволяютъ намъ лишь указать на эту связь библиотекъ съ народнымъ просвѣщеніемъ въ Соединен. Штатахъ. Статистика д-ра Рейера показываетъ, что желаніе читать наиболѣе сильно выражается въ возрастѣ отъ 15 до 22 лѣтъ и кульминаціоннымъ пунктомъ являются 20 лѣтъ,—10% молодежи этого возраста составляютъ 40% всехъ читающихъ въ Соединен. Штатахъ. Кривая, быстро поднимающаяся къ 20 годамъ, еще быстрѣе затѣмъ падаетъ, и мы видимъ, что послѣ 35 лѣтъ народныя массы почти ничего не читаютъ,—словомъ, кривая падаетъ по мѣрѣ того, какъ необходимость зарабатывать свой хлѣбъ становится настойчивѣе.

Въ виду этого публичныя библиотеки, войдя въ соглашеніе со школами «University Extension» и другими, предоставляютъ молодежи всѣ свои сокровища. Инициатива этого движенія принадлежитъ С. С. Грину. Въ *Library Journal* съ 1880 г. можно найти цѣлую серію его отчетовъ, изъ которыхъ, между прочимъ, видно, что въ 1880—81 г. въ школахъ было прочтено 7,500 книгъ, принадлежащихъ публичной библиотекѣ, и въ 1885—1886 г.—12,511, что равняется 875 книгамъ въ день (книги выдаются на 15 дней). Послѣднія пять лѣтъ апрѣльскія книжки *Library Journal* специально посвящаются обсужденію вопроса коопераціи библиотекъ со школами, которая прогрессируетъ съ каждымъ годомъ.

Среди средствъ, употребляемыхъ для поддержанія прекрасной организаціи библиотекъ, слѣдуетъ назвать слѣдующія: во-первыхъ, курсы для молодыхъ людей и дѣвушекъ, желающихъ быть библиотекарями. Первые такіе курсы основаны были въ 1886 г. въ Нью-Йоркѣ м-ромъ Мельвилъ Дьюи, который управлялъ тогда библиотекой университета Колумбіи. Нынѣ курсы эти, продолжающіеся два года, даются при библиотекѣ штата Нью-Йоркъ, въ Альбани. Аналогичныя курсы имѣются въ Бруклинѣ (Pratt Institute), въ Филадельфіи (Drexel Institute) и въ Лосъ-Ангелосѣ, въ Ка-

чифорни, но чаще устраиваются курсы лѣтніе, въ каникулярное время, изъ которыхъ особенной популярностью пользуются курсы Флетчера въ Амгерстѣ (при университетѣ) и миссъ Е. Шарпъ въ Мадисонѣ, въ штатѣ Висконсинъ. *Во-вторыхъ*, надо упомянуть о значительномъ количествѣ печатныхъ руководствъ, содержащихъ драгоценнѣйшія свѣдѣнія для библиотечарей и всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ. Прежде всего слѣдуетъ назвать Флетчера «Public Libraries in America», о которой мы говорили выше, миссъ Плумеръ — «Hints to Small Libraries», Дана — «Public Library Handbook» и отчеты конгресса библиотечарей, состоявшагося въ Чикаго въ 1893 г. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя брошюры-каталоги, изданныя для руководства при составленіи библиотекъ для дѣтей и воскресныхъ школъ для взрослыхъ, для составленія специальныхъ коллекцій, домашнихъ библиотекъ, небольшихъ публичныхъ и т. д. Имѣется, наприм., чрезвычайно интересный каталогъ образцовой публичной библиотекы въ 5,000 томовъ, фигурировавшей на выставкѣ въ Чикаго и выработанный ассоціаціей американскихъ библиотечарей въ 1893 году.

Весьма полезны также «References Lists», — періодически издаваемые Фостеромъ, библиотечаремъ въ Провиденсѣ, брошюры, рекомендующія новыя книги; брошюры эти, безусловно безпристрастныя, пользуются большою популярностью. Наконецъ, еще разъ назовемъ органъ библиотечарей С. Штатовъ *Library Journal*, въ которомъ для насъ, иностранцевъ, такъ интересны и поразительны отчеты о неисчерпаемыхъ пожертвованіяхъ и постоянныхъ и многочисленныхъ сборахъ въ пользу бѣдныхъ библиотекъ. Библиотечарямъ же принадлежитъ инициатива изданія такого драгоценнаго указателя, какъ *Poole Index for Periodical Literature*, который нынѣ издается Флетчеромъ и который ежегодно даетъ подробный перечень всѣхъ статей, напечатанныхъ за истекшій годъ во всѣхъ американскихъ и англійскихъ журналахъ... *Poole Index* несравненно подробнѣе аналогичнаго *Periodical Index*, издаваемаго въ Лондонѣ В. Стэдомъ, редакторомъ-издателемъ *Review of Reviews*.

Въ-третьихъ, назовемъ учрежденіе, имѣющееся только въ штатѣ Нью-Йоркѣ, при библиотекѣ Альбани, «Департаментъ дублетовъ», куда всѣ библиотекы штата отправляютъ ненужные имъ вторые экземпляры, которые, по оцѣнкѣ ихъ, обмѣниваются на другія книги приблизительно равной стоимости, которыхъ въ этихъ библиотеккахъ нѣтъ. Учрежденіе это чрезвычайно полезно потому, что большинство библиотекъ не покупаются сразу, а составляются изъ пожертвованій частныхъ лицъ, клубовъ, университетовъ, ученыхъ обществъ и т. д., — условіе, при которомъ въ библиотекѣ могутъ собраться десятки экземпляровъ одного и того же сочиненія и не быть вовсе сочиненій, безусловно необходимыхъ въ каждой библиотекѣ.

Намъ остается назвать главный факторъ прогресса библиотекъ С. Штатовъ, извѣстную подъ литерами А. Л. А. (American Librarian Association) ассоціацію американскихъ библиотечарей. Первая попытка организовать эту ассоціацію въ 1853 году потерпѣла поражение, но въ 1876 году, въ сто-

лѣтнюю годовщину американской независимости, благодаря Джостину Уинзору и Мельвилю Дьюи—проектъ ассоціаціи былъ реализованъ, и именно эти два лица и были первыми президентомъ и секретаремъ ассоціаціи.

Для обсужденія вопросовъ административнаго характера ассоціація эта собирается почти каждый годъ и *Library Journal* является ея органомъ. Разбросанные по громадной территоріи С. Штатовъ члены ассоціаціи этой основали въ своихъ штатахъ ея отдѣленія подъ названіемъ, напимѣръ, «New-York Library Club», «Chicago Library Club», «Connecticut Library Association», «Massachusetts Library Club», «New-Hampshire Library Association» и друг.

Каково вліяніе всего этого движенія въ пользу публичныхъ библиотекъ на народную массу С. Штатовъ—видно лучше всего изъ статистическихъ данныхъ. Отчетъ Чикагской «Newberry Library» за 1896 годъ, напимѣръ, говоритъ намъ, что въ 1895 году число читателей мужского пола увеличилось противъ 1894 года на 50%, а женскаго—на 100%. Въ этотъ же періодъ требованія на журналы увеличились на 30%, а книгъ—на 400%. Въ Санъ-Луи съ 1894 года по 1897 годъ, т. е. за три года съ момента преобразованія библиотекъ въ публичную и бесплатную—число читателей увеличилось съ 5,000 на 45,000. Въ Альбани съ 1890 г. по 1893 годъ констатировано увеличеніе числа читателей на 500%. Библиотекой Бостона выдано было въ 1894 году для чтенія свыше 1.500,000 томовъ.

Параллельно съ этимъ баснословнымъ прогрессомъ растутъ и число библиотекъ и число томовъ въ нихъ и по исчисленіямъ Флинта съ 1886 г. по 1893 годъ число библиотекъ увеличилось на 27%, а число томовъ въ библиотекахъ—на 66%. Къ сожалѣнію, Флинтъ не продолжалъ свою «Statistics of Public Libraries in the United States and Canada», иначе мы имѣли бы еще болѣе внушительныя цифры, выражающія прогрессъ послѣднихъ 5—6 лѣтъ.

Поднялся ли, и до какой степени, интеллектуальный уровень въ Америкѣ, благодаря этой колоссальной пропагандѣ книги? Мы не беремъ здѣсь разрѣшить этотъ вопросъ, ибо наша задача—оцѣнка внутренней организаціи библиотекъ, задача, которую мы посильно рѣшаемъ, не затрагивая вопроса объ ихъ цивилизующемъ вліяніи.

Библиотеки С. Штатовъ безусловно могутъ служить примѣромъ для большинства этого рода учрежденій Европы, гдѣ проблема библиотекъ, какъ и по ту сторону океана, является злобою дня для всѣхъ друзей просвѣщенія. Стоитъ лишь вспомнить два послѣдніе конгресса библиотечарей въ Брюсселѣ и Лондонѣ; собраніе швейцарскихъ библиотечарей въ Базелѣ въ іюнѣ 1897 года; проектъ основанія образцовой библиотеки въ Веймарѣ (Sophien-Bibliothek) и таковой же въ Мангеймѣ; перенесеніе королевской библиотеки изъ Берлина въ Шарлотенбургъ; основаніе въ 1896 году органа германскихъ библиотечарей *Anzeige für Bibliographie und Bibliothekswissenschaft*; впервые вышедшій въ свѣтъ въ октябрѣ 1899 г. *Biblio-*

graphisches Hand-und Adress-buch der deutschen Bibliotheken und Bibliotheken in Deutschland, Oesterreich und der Schweiz и, наконецъ, международный органъ—*Welt-Zentralblatt für Wissenschaftliches Bibliotheks-und Archivwesen.*

Такимъ образомъ, очеркъ нашъ, по-французскому выраженію, имѣетъ характеръ d'actualité, отвѣчаетъ минутѣ и съ этой точки зрѣнія, быть можетъ, и не окажется бесполезнымъ.

Очеркомъ этимъ мы не хотимъ сказать, что американскія бібліотеки безупречны,—нѣтъ, недостатки есть, вродѣ того указаннаго нами, что бібліотеками на первомъ планѣ ставится утилитарность, что онѣ прежде думаютъ о читателѣ, а потомъ о книгѣ, забывая, что бібліотека должна быть такой коллекціей книгъ, которая могла бы удовлетворить и бібліофила, и ученаго, и невѣжественнаго читателя. Во всякомъ случаѣ въ бібліотекахъ С. Штатовъ значительно преобладаютъ тѣ стороны, которымъ нужно подражать, надъ тѣми, которыхъ нужно избѣгать, и съ точки зрѣнія каталоговъ, классификаціи и администраціи бібліотеки Америки ушли далеко впередъ отъ европейскихъ, благодаря, прежде всего, практическому уму американцевъ.

Л. А. Б—ичъ.

Бенаресъ *).

III.

Въ первой главѣ было упомянуто вскользь о кострахъ и сжиганіи труповъ. Посмертные обряды имѣютъ такое первостепенное значеніе въ вѣрованіяхъ индусовъ, что необходимо коснуться ихъ подробнѣе, для уясненія многихъ обычаевъ страны, каковы, напримѣръ, обязательные браки, предпочтеніе, воздаваемое сыну передъ дочерью, и т. д.

Ни одинъ народъ не придаетъ такого важнаго религіознаго значенія женитьбѣ и мужскому потомству, какъ индусы. Появленіе сына на свѣтъ—самая большая радость на землѣ для благочестиваго индуса: «сынъ—его свѣтъ въ вышемъ мірѣ». «Съ рожденіемъ сына, отецъ уплачиваетъ долгъ своему отцу и самъ пріобрѣтаетъ безсмертіе,—говорится въ священныхъ книгахъ».

Счастье имѣть сына понимается въ Индіи иначе, чѣмъ въ Европѣ. По понятіямъ индусовъ, сынъ главнымъ образомъ обезпечиваетъ загробную жизнь отца. Благосостояніе души умершаго зависитъ—если не всецѣло, то въ сильной степени—отъ его потомковъ по мужской линіи и отъ правильнаго совершенія ими обрядовъ, какъ сжиганія трупа, такъ и поминовенія души съ жертвоприношеніями. Эти жертвоприношенія спасаютъ душу отца отъ вѣчнаго скитанія на землѣ и въ воздухѣ, въ видѣ безформеннаго духа,—подобное состояніе хуже ада, по мнѣнію индусовъ. Жертвоприношенія сына даютъ силу душѣ умершаго облечься въ извѣстную загробную оболочку и въ такомъ видѣ, смотря по своимъ заслугамъ, или спуститься во временный адъ, или пройти черезъ огонь чистилища, или же прямо подняться къ праотцамъ, во временное небо, гдѣ души добродѣтельныхъ, выжидая свои новыя возрожденія на землѣ, блаженствуютъ въ обществѣ боговъ Явы и Варуны и сами становятся божествами для членовъ своей семьи.

Загробная оболочка души образуется, растетъ и развивается въ продолженіе двѣнадцати дней послѣ сожженія трупа, но формируется она

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1901 г.

только въ томъ случаѣ, если правильно совершаются всѣ посмертные обряды. Душа умершаго можетъ быть унижена до состоянія злого демона—скитальца, или повышена до полубожества—предка; все зависитъ отъ того, совершены ли потомками посмертные обряды. Поэтому наисвященнѣйшій долгъ всякаго индуса не только чтить память умершихъ отца, дѣда и прадѣда, но и периодически справлять по нимъ поминки—«Страда», съ жертвоприношеніями въ видѣ риса и воды, и этимъ поддерживать ихъ, увеличивать ихъ счастье и совершенство въ загробномъ мірѣ. На эту обязанность всякій индусъ смотритъ, какъ на нѣчто достоодложное предкамъ, какъ на необходимую расплату и въ свою очередь спѣшитъ заручиться сыномъ и внукомъ, ожидая отъ нихъ того же усердія послѣ своей смерти.

Не имѣющій потомковъ обреченъ несчастью послѣ смерти и подпадаетъ подъ власть злыхъ духовъ. Вотъ главная причина, почему индусы такъ спѣшатъ женить своихъ сыновей и придаютъ такое значеніе мужскому потомству. Самое слово сынъ—«пут-тра»—означаетъ «избавляющій отъ ада».

Сынъ—первая необходимость для всякаго индуса, и чѣмъ послѣдній набожнѣе, тѣмъ усерднѣе молить онъ боговъ и предковъ дать ему сына. Жена принимаетъ дѣятельное участіе въ этихъ моленіяхъ и, по древнему обычаю, совершаетъ особенный обрядъ для полученія мужского потомства. На третій мѣсяцъ беременности женщина должна соблюсти строгій постъ, по окончаніи котораго мужъ собственноручно кормитъ ее особенной ѣдой, состоящей изъ двухъ бобовъ, зерна ячменя и творога, причемъ жена троекратно произноситъ молитву о сынѣ.

Бракъ обязателенъ въ Индіи; тамъ это религіозный долгъ, и аскетизмъ допускается только послѣ рожденія сына.

Въ одной изъ священныхъ книгъ приводится слѣдующій рассказъ для подтвержденія выше сказаннаго.

Одинъ молодой индусъ, расположенный къ аскетизму, рѣшилъ не вступать въ бракъ, удалился въ лѣсъ, гдѣ сталъ жить отшельникомъ. Однажды, погруженный въ религіозное размышленіе, онъ забрелъ въ дикое мѣсто и увидалъ тамъ необычайное зрѣлище: по крайнѣмъ бездонной пропасти висѣли человѣческія фигуры, а мыши грызли веревки, поддерживавшія этихъ несчастныхъ. Отшельникъ, движимый состраданіемъ, сталъ спрашивать о причинѣ ихъ ужаснаго положенія и узнать, къ своему ужасу, что онъ самъ—причина ихъ несчастія: повѣшенные были его предки, присужденные къ гибели въ безднѣ, если онъ не исполнитъ своего долга, не вернется въ міръ, не женится и не будетъ имѣть сына.

«Человѣкъ достигаетъ совершенства только съ той минуты, какъ начинается состоять изъ трехъ: изъ себя, жены и сына», сказано въ законахъ Ману. «Благосостояніе неба и безсмертіе получаютъ посредствомъ сына, внука и правнука, заботящихся о своихъ предкахъ».

Культъ предковъ такъ тщательно развитъ въ индуизмѣ, что установлено двѣнадцать различныхъ способовъ поминовенія. Совершается оно келейно, однимъ лицомъ или цѣлымъ сингалитомъ жрецовъ, совершается

ежедневно главой семьи и периодически всей родней; поминают предковъ при всякомъ торжественномъ случаѣ, при семейномъ праздникѣ, при бракосочетаніи сына или дочери, при рожденіи внука; наконецъ, взываютъ къ предкамъ для исполненія какого-нибудь желанія, такъ что поминки приносятъ пользу какъ умершимъ, такъ и живымъ. Самыя торжественныя поминки совершаются всей родней, для всѣхъ покойныхъ родственниковъ, какъ по отцовской, такъ и по материнской линіямъ, до третьяго поколѣнія включительно. Эти совмѣстныя возмѣнія воды и приношенія шарообразныхъ комковъ риса *), поддерживаютъ родственныя чувства между живыми и духовную связь между ними и покойными членами семьи, соединяютъ настоящее поколѣніе съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

Семья, говорится въ законахъ Ману, подобна цѣпи о семи звеньяхъ. Глава семьи—среднее звено, соответствующее настоящему; оно съ одной стороны сдѣлано съ прошедшимъ—отцомъ, дѣдомъ и прадѣдомъ; съ другой стороны, къ нему примыкаетъ будущее—сынъ, внукъ и правнукъ. Первые три звена зависятъ отъ средняго, т.-е. отъ главы семьи, который поддерживаетъ ихъ поминками, а послѣ своей смерти онъ въ свою очередь становится въ зависимость отъ слѣдующихъ за нимъ звеньевъ.

Хотя въ законахъ Ману сказано: «Нѣкогда сдѣланное беззаконіе, какъ сѣмя, не преминетъ принести своего плода совершившему его», однако, въ той же книгѣ другое изреченіе гласитъ: «Жертва, принесенная сыномъ съ вѣрою, избавляетъ душу отца отъ ада». Этимъ вѣрованіемъ сильно проникнуты всѣ индусы и считаютъ своимъ священнымъ долгомъ приносить отцу жертвы не только съ вѣрою, но и съ крупными тратами. Индусы тратятъ баснословныя суммы на погребальныя церемоніи и поминки съ обильнымъ угощеніемъ безчисленныхъ гостей и безконечными подарками жрецамъ.

Богатые и знатные раджи расходуютъ до 120,000 фунтовъ золотомъ на посмертныя обряды, причемъ крупнѣйшую часть получаютъ жрецы и нищенствующіе факиры. Бывали случаи, что похороны отца разоряли сына. Многіе компетентные люди утверждаютъ, что эти посмертныя церемоніи даже служатъ преградой къ экономическому процвѣтанію Индіи.

Но не одни только жертвоприношенія сына нужны душѣ умершаго отца: необходимы ей, кромѣ того, какъ правильное сжиганіе трупа, такъ и заботы о ней въ послѣдніе дни ея пребыванія въ тѣлѣ.

Когда индусъ серьезно заболѣваетъ и семья видитъ, что смерть его близка, перестаютъ заботиться о поддержаніи жизни и, не теряя времени, переносятъ больного къ ближайшей священной рѣкѣ—Гангѣ, Нармадѣ, Годовари или Кришнѣ. Счастливъ тотъ больной, которому удастся провести свои послѣдніе дни на берегахъ Ганги, такъ какъ изъ всѣхъ священныхъ рѣкъ она—наисвященнѣйшая, и умирающему достаточно глядѣть на нее

*) Комокъ риса называется „пинда“, а всѣ принимающіе участіе въ поминкахъ называются „сапиндасъ“, и это названіе боже всего подтверждаетъ семейныя права.

во время агоніи, чтобы вполне избавиться отъ злыхъ духовъ, поджидающихъ душу, чтобы мучить ее. Иногда путешествіе къ рѣкѣ совершается за три, за четыре дня до смерти, и все это время больной лежитъ у рѣки и ему усердно вливаютъ въ ротъ ея священную, но часто грязноватую воду. Если нѣтъ никакой возможности перенести больного къ священной рѣкѣ, то употребляютъ другія средства для отстраненія злыхъ духовъ. Кровать больного окружаютъ коровьимъ навозомъ или особенной травой (куза); голову больного обвиваютъ вѣткой священнаго базилика— («Тулази»), а листья этого кустарника вкладываютъ ему въ ротъ; ко лбу прикладываютъ тину изъ священной рѣки и какъ можно чаще вливаютъ ему въ ротъ воду изъ Ганги. Или же къ кровати больного приводятъ корову; умирающій долженъ держаться за хвостъ священнаго животнаго, которое помогаетъ душѣ перейти ужасную рѣку смерти «Валтарини», рѣку, отдѣляющую видимый міръ отъ загробнаго. Корову обязательно отдать потомъ въ даръ жрецамъ, иначе вся процедура будетъ неэффективна. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ существуетъ убѣжденіе, что одни только браманы могутъ помочь душѣ перейти эту рѣку; оттого къ умирающему приглашаютъ нѣсколько жрецовъ, которые за извѣстное вознагражденіе читаютъ отходную. Въ моментъ смерти, душа, по понятіямъ индусовъ, вырывается изъ тѣла черезъ одно изъ отверстій его,—благородная и добродѣтельная душа отлетаетъ черезъ одно изъ верхнихъ отверстій (макушка головы, называемая «отверстіемъ Брамъ», ротъ, глаза, ноздри, уши), злая и низкая душа должна пройти по кишкамъ.

Какъ только настала смерть, тѣло покойнаго готовится сыномъ къ сжиганію—послѣдней жертвѣ, которую въ видѣ своего тѣла умершій приносить богамъ. Прежде всего тѣло должно быть обрито *), затѣмъ омыто священной водой, украшено сандаломъ и гирляндами изъ цвѣтвъ; вмѣсто послѣднихъ часто употребляютъ тину изъ Ганги, обмазывая ею все тѣло, послѣ чего одѣваютъ его въ новое платье и кладутъ умершаго на носилки. Приготовивъ такимъ образомъ тѣло къ сжиганію, сынъ жертвуетъ порцію риса божественнымъ хранителямъ души отца, чтобы они оберегали его тѣло отъ злыхъ духовъ по пути къ костру, затѣмъ громко произносятъ имя и фамилію отца, а женщины повуда почтительно ходятъ вокругъ тѣла и голосать.

Тѣло покойнаго должно быть отнесено къ костру четырьмя родственниками; сынъ предшествуетъ, неся сосудъ съ огнемъ, взятымъ съ домашняго очага.

Въ случаѣ, если родственниковъ нѣтъ налицо, ихъ могутъ замѣнить чужіе, но принадлежащіе къ кастѣ покойника. Это правило можетъ вызвать большое затрудненіе, если почему-либо не найдутся представители требуе-

*) Волосы покойницъ должны быть спалены. Сынъ совершаетъ эту церемонію посредствомъ факела, но при этомъ онъ не смѣетъ смотрѣть на покойницу, а долженъ стоять у ея изголовья, спиной къ ней.

мой касты: браманы не прикасаются обыкновенно къ тѣлу низшаго по кастѣ, а представитель низшей касты наноситъ неизгладимое униженіе семьѣ покойника, если дотронется до тѣла высшаго по кастѣ. Вотъ почему большинство индусовъ такъ неохотно покидаетъ свое мѣсто жительства.

Покуда складывается костеръ, тѣло наполовину погружается въ воду, ногами впередъ. Сваривъ кашу изъ риса, кунжута и подорожника, сынъ бросаетъ въ рѣку эту пищу для загробной оболочки души покойника, затѣмъ, съ помощью родственниковъ, подымаетъ трупъ на костеръ, въ два-три фута вышины. Покойника густо прикрываютъ хворостомъ; сынъ пять разъ обходитъ тѣло и собственноручно зажигаетъ костеръ, произнося гимнъ изъ Ригъ-Ведь: «Да проводитъ тебя божественный хранитель по твоему дальнему пути; да передастъ онъ тебя нашимъ предкамъ, благосклоннымъ къ тебѣ». Въ пылающій костеръ подбрасываютъ еще семь полѣнъ сандаловаго дерева и вливаютъ очищенное масло и эссенціи: это—жертвоприношеніе богу огня, котораго умоляютъ отвести душу на небо. Произносимые гимны при этомъ приблизительно слѣдующаго содержанія: «Возврати небу и землѣ то, что ты имъ долженъ; пусть глазъ твой растворится въ солнцѣ; дыхание твое соединится съ вѣтромъ; отдай водамъ и растеніямъ имъ принадлежащія части твоего тѣла. Но есть въ покойникѣ частица бессмертная... ее, Агни (богъ огня), согрѣй твоими лучами, воспламени твоимъ огнемъ! О, Агни, возсоздай душѣ умершаго прекрасный образъ и перенеси ее въ мѣръ благочестивыхъ предковъ!»

Когда тѣло сожжено наполовину, сынъ долженъ разбить черепъ кускомъ дерева; дѣлается это на всякій случай, чтобы помочь душѣ освободиться изъ тѣла, если она по какой-либо причинѣ не вышла еще изъ него.

Покуда совершается процессъ сгорания, родственники умершаго сидятъ тутъ же на землѣ и выжидаютъ окончанія обряда.

Обрядъ сжиганія мертвецовъ—дѣло совершенно семейное, и жрецы рѣдко участвуютъ въ немъ. Костеръ всегда зажигается сыномъ или его представителемъ. Дрова продаются людьми низшей касты—Домра, специально занимающимися этимъ дѣломъ. Говорятъ, что они наживаютъ большія деньги, такъ какъ богатые люди тратятъ крупныя суммы на дрова изъ дорогаго дерева. До тысячи рупій жертвуется ими на костеръ, не считая расходовъ на покупку драгоценнаго масла и всякихъ эссенцій, вливаемыхъ въ огонь. Люди, не имѣющіе большихъ средствъ, устраиваютъ костры попроче и поменьше, не сжигаютъ покойниковъ вполнѣ, а только поджариваютъ ихъ болѣе или менѣе, смотря по величинѣ вязанки купленныхъ дровъ, и бросаютъ въ рѣку ихъ обугленные трупы. Бѣдные люди иногда обходятся совсѣмъ безъ костровъ и прямо бросаютъ покойниковъ въ рѣку. Однако это строго запрещено правительствомъ. Индусы обязаны сжигать своихъ умершихъ родственниковъ и хотя бы на десять рупій обуглить ихъ тѣло. Если же у какаго-нибудь одинокаго нищаго не найдется родственника для исполненія этой священной обязанности, правительство выдаетъ по 15 рупій на костеръ.

Послѣ окончательнаго сожженія трупѣ всѣ присутствующіе погружаются въ воду или очищаются жертвоприношеніями изъ воды и кунжутovýchъ сѣмянъ. Тѣло умершаго не чисто, душа его также не чиста до совершенія первыхъ поминокъ, и эта нечистота переходитъ на всю родню умершаго, которая и употребляетъ всякія средства для своего очищенія. Поживавъ нѣкоторое время листья «Нимба», всѣ отправляются домой, не дотрогиваясь до останковъ сожженнаго трупѣ.

На четвертый день послѣ сожженія совершается церемонія «собиранія костей». Родственники три раза обходятъ то мѣсто, гдѣ былъ костеръ, произносятъ молитвы, собираютъ кости и пепелъ въ глиняную урну и на половину впаиваютъ ее въ землю. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого урну вынимаютъ изъ земли и останки умершаго бросаютъ въ священную рѣку.

Въ продолженіе двѣнадцати дней послѣ смерти главы семьи всѣ ближайшіе родственники постятся и питаются самой простой пищей—рисомъ, молокомъ, фруктами; всякая роскошь воспрещается имъ: купаясь, они не смѣютъ употреблять полотѣнца, мыла и благовонныхъ маселъ; спать они должны на полу, сидѣть также только на жесткомъ; воспрещается имъ употребленіе обуви и зонтиковъ. Сынъ къ тому же не смѣетъ носить платья, а долженъ препоясать чресла полотнищемъ бѣлага колѣннора. Въ видѣ траура онъ также сбиваетъ волосы и усы. Въ продолженіе десяти дней сынъ каждое утро приноситъ жертвы, которыя должны поддерживать покойнаго.

По окончаніи траура, сынъ обходитъ всю родню и объявляетъ, что въ такой-то день будутъ совершены поминки—страда. Приглашаются также всѣ браманы и всѣ ученые околота.

Въ день поминокъ сынъ рано утромъ отправляется къ рѣкѣ, сопровождаемый жрецомъ, совершаетъ нѣсколько предварительныхъ обрядовъ, для которыхъ требуется: серебряная и мѣдная утварь, шали и серебряныя монеты; все это потомъ отдается жрецу. Въ 8 час. утра начинаютъ собираться гости и разсаживаются по кастамъ, въ 10 часовъ начинается служба: жрецъ произноситъ молитвы и гимны, а сынъ повторяетъ ихъ за нимъ. Тѣмъ временемъ гостямъ раздаются гирлянды изъ цвѣтовъ и тѣсто изъ сандала, а наемныя пѣвицы развлекаютъ ихъ пѣснями. Въ часъ пополудни церемонія заканчивается раздачею денегъ и подарковъ жрецамъ, всѣмъ браманамъ и роднымъ. На слѣдующій день гости опять собираются въ 12 ч., рядами размѣщаются на приготовленныхъ сидѣнїяхъ изъ священной травы «Куза» и угощаются фруктами, сладкимъ печеніемъ и всякими деликатесами. При уходѣ всѣ опять получаютъ подарки. На третій день угощаютъ нищихъ и также раздаютъ имъ деньги. Подобныя поминки устраиваются или на берегу священной рѣки, или у священнаго пруда, или въ коровникѣ. Въ Бенаресѣ самое излюбленное мѣсто для поминокъ—прудъ Манакарника, вблизи отъ мѣста сжиганія.

Въ былыя времена на всѣхъ этихъ мѣстахъ, гдѣ въ Индіи сжигаются трупы, разыгрывались страшныя трагедїи, такъ какъ вдовы принуждены

были слѣдовать за своими покойными мужьями, и ихъ живыми сжигали на кострахъ. Англичанамъ удалось уничтожить этотъ ужасный обычай, хотя индусы сильно противились этому. Съ 1830 года вдовы избавлены отъ мучительной, насильственной смерти. Однако участь ихъ и теперь не завидна: вдова, по понятіямъ индусовъ, позоръ семьи; отъ нея отворачиваются родные и друзья; она—всѣми отверженное существо, лишенное радостей и даже утѣшенія. Вдова не смѣетъ вторично выйти замужъ и, покрытая пепломъ, всю жизнь должна каяться въ какихъ-то неизвѣстныхъ ей прегрѣшеніяхъ. Къ тому же надо прибавить, что вдовой можетъ стать дѣвочка, такъ какъ индусы спѣшатъ какъ можно раньше повѣнчать своихъ дѣтей; родители смотрятъ на это какъ на свою первую обязанность,—это важнѣе всякихъ заботъ о физическомъ, нравственномъ и умственномъ благосостояніи ребенка.

Главная причина обычая раннихъ браковъ была объяснена выше, но къ этому надо прибавить, что по индусскому закону, дѣвушка, достигшая четырнадцати-лѣтняго возраста и не вышедшая замужъ, лишается своихъ кастовыхъ правъ, становится отверженной, внѣ касты. Во избѣжаніе этого изгнанія изъ касты церемонія бракосочетанія совершается значительно раньше назначеннаго закономъ срока.

Пяти лѣтъ дѣвочка обыкновенно уже обручена, восьми лѣтъ она повѣнчана. До двѣнадцати лѣтъ она живетъ при родителяхъ и затѣмъ отдается мужу.

Итакъ, восьми-девятилѣтняя дѣвочка можетъ стать вдовой и не имѣть права вторично выйти замужъ. Англичане стараются измѣнить грустное положеніе вдовъ, но изданный ими законъ о вторичномъ замужествѣ остается мертвой буквой.

Моніэ Вильямсъ, извѣстный знатокъ Индіи, рассказываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1875 году, въ Ахмедабадѣ, одинъ индусскій купецъ рѣшился жениться на вдовѣ. Представители его касты до того возмутились нанесеннымъ имъ оскорбленіемъ, что сочли виновника достойнымъ изгнанія. Они рѣшили не имѣть съ нимъ больше ничего общаго, не говорить, не ѣсть, не торговать съ нимъ, не допускать его присутствія въ храмахъ, а послѣ его смерти не заботиться о сожженіи трупа. Бракосочетаніе съ его дѣтьми было также запрещено. Рѣшеніе касты было сейчасъ же приведено въ исполненіе: несчастный купецъ не могъ найти себѣ помѣщенія, не могъ достать пропитанія, никто не продавалъ ему, никто не покупалъ у него, никто не говорилъ съ нимъ, а должники не отдавали ему долговъ. Совершенно разоренный и презираемый всѣми, онъ долженъ былъ покинуть свой родной городъ и искать занятія у правительства.

IV.

Бенаресу около трехъ тысячъ лѣтъ, но древнѣйшая исторія этого священнѣйшаго города Индіи совсѣмъ неизвѣстна. Мы знаемъ только, что

уже въ IX вѣкѣ до Р. Х. Бенаресъ славился не только храмами, но и глубокой ученостью и многочисленными школами, привлекавшими любознательную молодежь. Тогда уже Бенаресъ былъ центромъ браманизма, былъ переполненъ мудрецами, погруженными въ метафизическое мышленіе и изученіе священныхъ книгъ.

Будда (638—543 до Р. Х.) избралъ Бенаресъ для своей новой проповѣди именно потому, что значительный, цвѣтущій, многолюдный городъ былъ центромъ умственной жизни Индіи, очагомъ браманизма, противъ котораго возсталъ Будда.

Бенаресъ и теперь продолжаетъ быть центромъ индусской культуры, а ученые браманы этого города пользуются репутацией авторитетовъ по всемъ религиознымъ и философскимъ вопросамъ. Изъ многочисленныхъ школъ Бенареса болѣе другихъ выдаются двѣ коллегии: индусская и санскритская. Оба заведенія поддерживаются англійскимъ правительствомъ. Въ одномъ изъ нихъ изучаютъ: индусскій языкъ, священную литературу, санскритскій языкъ и астрономію. Въ другомъ—англійскій языкъ, англійскую литературу, англійскую исторію, математику, политическую экономію и языки: санскритскій, персидскій, индусскій (Hindi).

Но помимо этихъ официальныхъ источниковъ учености, индусы имѣютъ возможность и инымъ способомъ набраться мудрости, такъ какъ многіе ученые браманы частнымъ образомъ объясняютъ своимъ ученикамъ философію священныхъ санскритскихъ книгъ.

Съ древнѣйшихъ временъ выработались въ Индіи шесть знаменитыхъ философскихъ системъ или, правильнѣе, три системы, каждая со своимъ отпрыскомъ: 1) Санхія съ Югой, 2) Веданта съ Мимансой, 3) Ніяя съ Вайшешикой.

Не вдаваясь въ подробное описаніе этихъ системъ, мы слегка коснемся однако нѣкоторыхъ выработанныхъ ими міровоззрѣній: безъ знакомства съ ними невозможно составить себѣ понятія объ индусскомъ мышленіи.

Система, называемая *Ніяя*—анализъ—новѣе остальныхъ и менѣе всего связана съ религіей. Эту систему изучаютъ въ новѣйшихъ санскритскихъ школахъ, она занимается изслѣдованіемъ всѣхъ предметовъ человѣческаго знанія, между прочимъ и разборомъ процесса логическаго мышленія. Система эта, говорятъ, представляетъ нѣкоторыя интересныя параллели съ произведеніями европейскихъ мыслителей.

Душа человѣческая, по понятіямъ этой системы, индивидуальна и вѣчна и представляетъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, чувствъ и разума. Оригинальный догматъ этой системы тотъ, что всякая душа вездѣсуща, что она одновременно можетъ находиться, наприм., въ Бенаресѣ и Петербургѣ; однако проявлять себя она можетъ только въ соединеніи съ тѣломъ.

Разумъ, по этой системѣ, такъ же вѣченъ, какъ душа, но не разсѣянъ всюду, какъ она; онъ атомиченъ, какъ земля или вода, и способенъ одновременно проявлять только одинъ актъ познаванія или воли. Что касается сотворенія міра, то система Ніяя дуалистична: она признаетъ безконечное

число вѣчныхъ атомовъ, рядомъ съ безконечнымъ числомъ вѣчныхъ душъ и не допускаетъ абсолютнаго единства одного всепроникающаго духа.

Система, называемая *Санхья*,—самая древнѣйшая; корни ея въ Ведахъ. Она дуалистична и признаетъ, съ одной стороны, отдѣльное существованіе вѣчнаго духа—Пуруша, мужского рода; съ другой стороны—существованіе вѣчнаго плодоноснаго зародыша или слѣпой производительной силы Праkritи, женскаго рода. Вселенная произошла отъ соединенія Праkritи съ Пурушей. Первоначальное очертаніе теоріи о происхожденіи міра, какъ слѣдствія таинственнаго соединенія мужского и женскаго начала, появляется уже въ Ведическія времена, когда зародилась мысль, что небо и земля произвели весь міръ; поэтому въ Ведическихъ гимнахъ небо называется отцомъ, а земля—матерью.

Дуализмъ божественной природы яснѣ всего выраженъ въ Упанишадахъ (священная книга, трактующая о мистико-философскомъ ученіи, скрытомъ въ Ведахъ), гдѣ сказано: «Единый сущій не былъ счастливъ въ одиночествѣ, онъ пожелалъ второго, раздвоился, сталъ мужемъ и женою, и отъ ихъ соединенія произошли всѣ люди и весь міръ».

Послѣдующая миеологія придала извѣстную степень грубой реальности всѣмъ этимъ древнѣйшимъ метафизическимъ спекуляціямъ, и эта грубость выразилась въ двуполой формѣ бога Шивы (богъ этотъ часто изображается мужчиной съ правой и женщиной съ лѣвой стороны) и поклоненіемъ Линга и Ионисъ—символическимъ изваяніямъ производительной силы,—поклоненіе, которое такъ сильно распространено по всей Индіи.

Понятіе о двойственности божественнаго существа не было уничтожено позднѣйшей теоріей о тройственности его, и въ народныхъ вѣрованіяхъ богъ Шива сталъ представителемъ и той, и другой теоріи.

Итакъ, по системѣ Санхья, испоконъ вѣковъ существовало два начала, двѣ предвѣчныя силы: производительная и одухотворяющая, Праkritи и Пуруша *).

Праkritи (отъ корня кри—производить) сама по себѣ ничего не можетъ произвести; она хотя и дѣятельная, но слѣпая и темная сила.

Пуруша самъ по себѣ тоже ничего не производитъ; это пассивная сила, одухотворяющая и освѣщающая только при соединеніи съ Праkritи. Все существующее произошло отъ соединенія этихъ двухъ предвѣчныхъ силъ. Прежде всего Праkritи произвела 23 продукта, служащихъ матеріальной основой міра. Сама Праkritи состоитъ изъ трехъ первобытныхъ качествъ—Гунасъ **), которыя, какъ веревки, связываютъ Пурушу, скрѣпляють тройственными узлами, а именно:

1) Сатва—т.-е. чистота и доброта.

*) Пуруша есть не одинъ духъ, а соединеніе безчисленнаго числа духовъ.

***) Гунасъ въ сущности еще не качество, а матеріаль, изъ котораго развиваются качества.

Духъ Пуруша до соединенія съ Гунасъ называется Ниргуна, а послѣ соединенія—Сагуна.

2) Раджась—страсть и дѣятельность.

3) Тамась—темнота и апатія.

Эти предвѣчныя качества находятся въ полномъ равновѣсіи, пока Праkriti бездѣйствуетъ; но при каждомъ актѣ творенія Гунась выходитъ изъ этого состоянія равновѣсія, и одно изъ качествъ проявляется сильнѣе другихъ. Вотъ почему рождаются существа то добрыя, чистыя, способныя, то злыя, эгоистичныя, то апатичныя и неспособныя. Все зависитъ отъ того, которое изъ предвѣчныхъ качествъ преобладало при актѣ творенія: Сатва, Раджась или Тамась—чистота, страсть или апатія. Для индусовъ эти качества равносильны счастью, страданію и невѣжеству и обозначаются у нихъ цвѣтами: бѣлымъ, краснымъ и чернымъ.

Въ обыкновенныхъ людяхъ качества эти болѣе или менѣе смѣшаны, но усиліями своей воли человѣкъ можетъ избавиться отъ однихъ и развить въ себѣ другія. Стремленіе всякаго факира, наприм.,—уничтожить въ себѣ «Тамась» и «Раджась» и оставить и развить «Сатва»; эти выраженія общеупотребительны въ Индіи.

Міровоззрѣніе, выработанное философскою системою *Веданта*, самое распространенное въ Индіи. Ведантисты говорятъ: все видимое и невидимое—Брама, духъ единый, чистый, вѣчный, вездѣсущій, безъ начала, безъ конца, безъ формы, безъ сознанія.

Подчиняясь иллюзіи (Майя), Брама проявляетъ себя въ различныхъ формахъ и качествахъ, т.-е., другими словами, создаетъ міръ.

Міръ не что иное, какъ Брама, ограниченный формами, качествами и временемъ.

Значить, міръ въ сущности не реаленъ: это тотъ же Брама; смотрясь въ магическое зеркало Майи, въ зеркало времени и иллюзіи, Брама видитъ самого себя въ движеніи и въ разнообразныхъ формахъ. Но все эти проявленія, формы, качества и движенія скоропреходящи, все это должно исчезнуть и вновь слиться съ Брамой. Весь міръ не что иное, какъ миражъ, обманъ; въ мірѣ все только мнимое, въ дѣйствительности міра нѣтъ, а есть только «То, что есть», о которомъ ничего нельзя сказать иного, какъ «Тотъ»—Оно есть.

Обыкновенные смертные воображаютъ, что все видимое ими и они сами реальны, что они дѣйствительно существуютъ; они не понимаютъ, что весь міръ и они сами—Брама, и покуда они это не поймутъ, они вѣчно будутъ изображать какую-нибудь условную форму, а когда поймутъ, то перестанутъ быть ограниченными и вольются вновь въ источникъ, изъ котораго излились. Какъ все, такъ и душа человѣческая произошла отъ Брамы, и ея главная цѣль—вновь соединиться съ нимъ. Чѣмъ менѣе совершенна душа, тѣмъ дальше она отъ Брамы, тѣмъ длиннѣе и труднѣе ея обратный путь къ нему и тѣмъ многочисленнѣе ея воплощенія. Люди живутъ много разъ. Какъ изношенное платье сбрасывается и замѣняется новымъ, такъ и душа покидаетъ дряхлое тѣло и проникаетъ въ новое. Главная цѣль философіи—разрѣшить задачу, какъ скорѣе избавить человѣческую душу отъ гнета

постоянно повторяющихся воплощений, отъ всѣхъ этихъ 8.400,000 послѣдовательныхъ рожденій и смертей, черезъ которыя должна пройти душа. Не смерть страшна индусскимъ мудрецамъ, а тревожить ихъ безконечность жизней. Какъ освободить душу отъ мучительнаго круговорота рожденій и смертей, какъ избавить ее отъ воплощеній? Что собственно приковываетъ душу къ тѣламъ и къ землѣ? Чувства и дѣйствія, отвѣчаютъ мудрецы. Чувства и дѣйствія—кандалы души. Воплощенная душа дѣйствуетъ; изъ всякаго дѣйствія, хорошаго или дурнаго, вытекаетъ послѣдствіе, а всякое послѣдствіе ведетъ къ соразмѣрному вознагражденію или наказанію. Душа умершаго попадаетъ или во временное небо, или во временный адъ и, получивъ должное, вновь переселяется въ земную форму—высшую, промежуточную или низшую, смотря по степени пріобрѣтенныхъ достоинствъ. Своими дѣйствіями человѣкъ неизбѣжно готовитъ себѣ условія для своего послѣдующаго воплощенія. Это знаменитый законъ «Карма», по которому высшая справедливость управляетъ судьбою существъ.

Добродѣтель, приближая душу къ Брамѣ, не избавляетъ ее отъ возрожденій. Творящій добро, читающій Веды, приносящій жертвы, возвышается послѣ смерти своей до обители боговъ, но черезъ нѣкоторое время опять возвращается на землю, опять живетъ, дѣйствуетъ, мечтаетъ, желаетъ, ибо онъ еще *не знаетъ*, еще не понимаетъ, что онъ самъ, и весь міръ, и Брама—одно и то же; и покуда онъ не пойметъ этого, все будетъ продолжаться воплощенія его души.

Только *знаніе* уничтожаетъ иллюзію; все спасеніе человѣка въ познаніи, что онъ и Брама—одно. Мудрецъ, вполне проникнутый этой мыслью, освобождается отъ земнаго міража и становится независимымъ. Какъ паукъ по своей собственной паутинѣ подымается до свободнаго пространства, такъ и мудрецъ мышленіемъ своимъ достигаетъ свободы, получаетъ возможность навсегда войти въ покой, быть вѣ въ пространства, вѣ въ времени, вѣ въ всякихъ преградъ, возвратиться къ своему началу, слиться во единство Брамой и вновь стать вѣчнымъ и безконечнымъ. Но чтобы достигнуть этого совершенства, надо уничтожить въ сердцѣ своемъ корень всѣхъ желаній, надо смирить свою волю, надо побороть всѣ страсти, отогнать отъ себя любовь, гнѣвъ и страхъ, уничтожить впечатлительность чувствъ, и, какъ черепаха, втягивая въ себя всѣ свои члепы, становится неуязвимой, такъ и мудрецъ долженъ прикрыться непроницаемой броней, стать непоколебимымъ въ несчастіяхъ, равнодушнымъ къ радостямъ и удачамъ, долженъ перестать дѣйствовать и чувствовать и долженъ оставить въ себѣ одну только мысль о Брамѣ. Это состояніе достигается адептами секретнаго ученія «Йога», что значитъ соединеніе со всевышнимъ. Не легко человѣку стать «Йоги»; не всякій мудрецъ, вступивъ на стезю спасенія, достигаетъ этой великой цѣли; на это нехватаетъ усилій одной жизни, говорятъ индусы, нужна цѣлая серія послѣдовательныхъ жизней, въ продолженіе которыхъ душа человѣка, работая надъ собою все въ одномъ направленіи, пріучаясь къ созерцанію и мышленію, постепенно пріобрѣтаетъ все большія и высшія

совершенства, покуда, наконецъ, не дойдетъ до состоянія «логи» и тогда, преодолевъ всѣ препятствія, вполне овладѣвъ собою, очищенная, мудрая, спокойная, неизмѣнная, твердая, безстрастная, она достойна великаго конца—исчезновенія въ Брамѣ.

Мировоззрѣнія философскихъ системъ «Санхья» и «Веданта»—самыя распространенныя въ Индіи; они, въ видѣ особенной смѣси, проникли въ умы даже неграмотныхъ людей и окрашиваютъ мысли, чувства и дѣйствія всѣхъ индусовъ.

У.

«Не желаете ли навѣстить «Святого человѣка?»—предложилъ мнѣ надежды мой слуга, индусъ, по имени Бѣнду.—Теперь какъ разъ его приемные часы, продолжалъ онъ, и мы недалеко отъ сада «Анандбагъ», въ которомъ онъ живетъ». «Что это за человѣкъ?»—спросила я.—«Какъ, вы развѣ ничего не слышали о знаменитомъ «Святомъ человѣкѣ», проживающемъ въ Бенаресѣ, удивлялся слуга; къ нему всѣ стремятся, онъ пользуется всемірной извѣстностью, онъ великій ученый, къ нему обращаются за поученіемъ ученые всѣхъ странъ свѣта, онъ очень знаменитъ, вамъ будетъ интересно посмотрѣть на него».—«Да развѣ эта знаменитость приметъ меня безъ всякихъ рекомендацій?»—спросила я.—«Конечно, отвѣтилъ Бѣнду съ убѣжденіемъ, «Святой человѣкъ» всѣхъ принимаетъ, онъ не обращаетъ вниманія ни на національность, ни на религію, ни на положеніе посѣтителей и одинаково пріятливъ какъ съ раджей, такъ и съ нищимъ, какъ съ мужчиной, такъ и съ женщиной; въ его приемные часы всѣ могутъ войти къ нему, и множество людей бываетъ у него ежедневно: одни приходятъ за совѣтомъ, другіе за благословеніемъ; онъ и поучаетъ, и утѣшаетъ, и наставляетъ, и исцѣляетъ... Онъ очень святой человѣкъ и сила въ немъ большая!»—«Онъ факиръ?»—спросила я.—«О, онъ много выше факира,—отвѣтилъ Бѣнду; поѣдемте къ нему сейчасъ же, ручаюсь, что вы останетесь довольны этимъ знакомствомъ».—Я согласилась, сѣла въ коляску, и мы отправились. Черезъ нѣкоторое время вернули мы въ тѣнистую, глухую улицу, вдоль которой тянулась высокая каменная стѣна, и остановились у запертыхъ воротъ. Бѣнду быстро соскочилъ съ козелъ и очень оживленно объявилъ, что мы пріѣхали и что онъ пойдетъ доложить «Святому чловѣку» о моемъ желаніи видѣть его. «Его надо предупредить, чтобы онъ для васъ одѣлся,—прибавилъ Бѣнду,—вѣдь онъ обыкновенно безъ всякаго одѣянія и прикрываетъ свою наготу, только когда приходятъ къ нему женщины».

Отрывъ калитку, Бѣнду исчезъ за чєю. Минуть черезъ десять появился онъ, весь сіяя.—«Пожалуйте, пожалуйста,—повторялъ онъ, высаживая меня изъ коляски,—«Святой человѣкъ» очень радъ вашему пріѣзду... и какъ мы удачно попали,—продолжалъ мой лакей,—мы сегодня первые гости; кромѣ насъ, нѣтъ постороннихъ, это такая рѣдкость застать «Святого человѣка» только со своими учениками».

Мы вошли во дворъ, длинный и узкій, отдѣленный отъ сада сплошной каменной оградой; по мосткамъ дошли мы до дверей, ведущихъ въ садъ. «Вотъ тутъ живетъ «Святой человѣкъ»,—сказалъ мой слуга, распахнувъ передо мною дверь.—Переступивъ порогъ, я очутилась въ средней аллеѣ довольно большого, тщательно содержимаго сада, симметрично перерѣзаннаго дорожками, окаймленными кустарниками въ цвѣту. Средняя аллея сада, по которой я шла, была приблизительно шаговъ въ триста и заканчивалась передъ открытой верандой одноэтажнаго павильона.

При моемъ вступленіи въ садъ группа мужчинъ отдѣлилась отъ веранды и стала подвигаться мнѣ навстрѣчу. Впереди всѣхъ выступалъ стройный, босоногій мужчина высокаго роста, драпированный въ простыню; непокрытая голова его была совершенно безъ волосъ. «Смотрите,—прошептала мнѣ Кенду, «Святой человѣкъ» идетъ къ вамъ навстрѣчу».—Я ожидала видѣть дряхлаго старика; поэтому меня поразила красивая легкая походка приближающагося человѣка, а чѣмъ меньше становилось расстояние между нами, тѣмъ болѣе поражало меня выраженіе его лица: въ немъ было столько искренняго радушія, глаза глядѣли до того привѣтливо и даже радостно, что мнѣ невольно пришло въ голову: должно быть, за мною идетъ кто-нибудь изъ его самыхъ любимыхъ друзей. Я обернулась, но за мною никого не было. Неужели это выраженіе радости относится ко мнѣ?!... Подъ впечатлѣніемъ этаго взгляда, я остановилась въ какомъ-то пріятномъ недоумѣніи; я почувствовала удовольствіе быть въ этомъ саду, въ присутствіи этого радушнаго хозяина; мнѣ вдругъ все окружающее показалось знакомымъ, близкимъ, симпатичнымъ, и какое-то смутное воспоминаніе шевельнулось въ умѣ... Видѣла ли я что-либо подобное во снѣ?... Мнѣ хотѣлось скорѣе припомнить, но для этого не было времени: «Святой человѣкъ» быстро подошелъ ко мнѣ, быстро протянулъ мнѣ обѣ руки—мы поздоровались какъ старые друзья—и, не выпуская моихъ рукъ, онъ быстро и оживленно сталъ говорить... Словъ его я, конечно, не понимала, но привѣтливая интонація его голоса, радостная, добрая улыбка, свѣтящіеся глаза были выразительнѣе всякихъ словъ, и я не сомнѣвалась, что онъ высказываетъ удовольствіе меня видѣть. Но съ какою искренностью, съ какимъ юношескимъ пыломъ выражалъ онъ свое привѣтствіе! Если перевести интонацію его голоса на нашъ языкъ, то можно было бы замѣнить ее только слѣдующими словами: Наконецъ-то, наконецъ довелось мнѣ видѣть васъ опять послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, какъ я радъ, какъ я счастливъ, что судьба привела васъ сюда!» И меня еще сильнѣе охватило странное полусознаніе, что передо мною давно знакомый, даже очень близкій человѣкъ, что если бы я могла сосредоточиться, то припомнила бы что-то прожитое, но сосредоточиться было труднѣе всего въ данную минуту: мое я—раздваивалось, и покуда туристка во мнѣ наблюдала и осматривала, заинтересованная новизной, другая часть моего я старалась припомнить что-то давно забытое,—но память дразнила и ускользала отъ меня.

Описание беретъ много времени, но въ дѣйствительности все это происходило очень быстро. Сейчасъ же послѣ перваго привѣтствія Кенду сталъ переводить: «Святой человѣкъ» очень радъ видѣть васъ у себя, онъ благодаритъ васъ за посѣщеніе». Освободивъ мои руки, «Святой человѣкъ» быстро повернулся къ моему лакею и сталъ говорить ему что-то, все съ той же живостью, съ убѣдительною.

Кенду широко улыбался, совсѣмъ расплывался отъ удовольствія, съ подобострастіемъ смотрѣлъ на «Святого человѣка», кивалъ головой въ знакъ пониманія, но когда дѣло дошло до перевода, то растерянно повторялъ мнѣ все тѣ же слова: «Святой человѣкъ», очень радъ васъ видѣть, онъ непремѣнно хочетъ, чтобы вы поняли, до чего онъ радъ васъ видѣть». Я же ясно понимала одно, что Кенду не умѣетъ переводить и что я, къ сожалѣнію, не узнаю и пятой части всего сказаннаго.

Никогда не казался мнѣ Кенду такимъ умственно неповоротливымъ, ограниченнымъ человѣкомъ, какъ во время этого визита. Когда я прислушивалась къ красивой, живой, выразительной, звучной и, должно быть, поэтической рѣчи «Святого человѣка», мнѣ казалось, что я слѣжу за граціознымъ порханіемъ красивой бабочки; когда же начинался переводъ— мнѣ преподносили пойманную бабочку съ помятыми, стертými, поблекшими крыльями. Какъ ни досадно, приходилось мириться съ этимъ и, получая остовъ рѣчи, догадываться объ остальномъ по выраженію лица, интонаціямъ и жестамъ. Въ моему счастью, все это было очень выразительно и опредѣленно. Трудно описать ту степень интереса и симпатіи, которую возбуждалъ къ себѣ стоявшій предо мною человѣкъ. Описание наружности не поможетъ выйти изъ затрудненія, потому что не въ ней привлекательная сила «Святого человѣка». Кости, обтянутыя кожей въ видѣ пергамента; голый черепъ, большой беззубый ротъ съ тонкими губами; выдающійся подбородокъ, большія уши, большой, довольно широкій носъ, рѣзкія складки отъ носа къ угламъ рта. Всѣ эти данныя не могутъ, конечно, вызвать представленія очаровательнаго человѣческаго образа. Но вся эта наружность до того одухотворена, чрезъ всю эту внѣшнюю, почти высохшую тѣлесную оболочку сквозитъ такая чудная, живая душа, такой свѣтлый умъ, такая необычная доброта, такое теплое сочувствіе къ людямъ, такая сила воли, что обаяніе получается полное и невозможно видѣть этого человѣка и не преклопиться передъ его рѣдкимъ превосходствомъ. Да, Кенду былъ правъ, утверждая, что «Святой человѣкъ» выше всякаго факира,—неизмѣримо выше; и притомъ онъ такъ просто и естественно себя держитъ, такъ веселъ, такъ чистосердечно смѣется, такъ разговорчивъ, такъ чистъ и опрятенъ, представляя всѣмъ этимъ разительный контрастъ со всѣми факирами, изображающими изъ себя непривѣтливыхъ мучениковъ съ постными, немытыми фізіономіями и всклокоченными волосами. Говорять, глаза—зеркало души. У «Святого человѣка» поразительные глаза; подобныхъ я ни у кого не видала: изъ своихъ глубокихъ впадинъ, насвѣзъ пронизываютъ они васъ умнымъ, свѣтлымъ

взглядомъ, и чувствуется, что ничего для нихъ не скрыто, — они видятъ до глубины чужой души, читаютъ всѣ мысли и вполнѣ понимаютъ людей. Подобный, необычайно пронизательный взглядъ могъ бы смущать людей, но онъ смягченъ добротою, снисходительностью и сочувствіемъ. Эти свѣтлыя, блестящіе глаза поражаютъ еще тѣмъ, что по нимъ нельзя опредѣлить возраста человѣка: чистые, какъ глаза ребенка, то живые, веселые, энергичные, какъ глаза юноши, то спокойные и вдумчивые, какъ глаза зрѣлаго человѣка, глубокіе и ясные, какъ глаза мудреца, они не знаютъ только выраженія старческой усталости и разочарованности.

Однако, возвращаясь къ послѣдовательному разсказу о моемъ визитѣ. Въ самомъ началѣ, сейчасть послѣ перваго привѣтствія, «Святой человѣкъ» разослалъ своихъ учениковъ; черезъ нѣсколько минутъ они вернулись, кто съ цвѣтами, кто съ фруктами. Бросивъ взглядъ на принесенные цвѣты, «Святой человѣкъ» забраковалъ многіе, послалъ за другими и, выбравъ, наконецъ, изъ всей массы нѣсколько цвѣтковъ, подалъ ихъ мнѣ съ особенной граціей. Затѣмъ, собственноручно очистивъ бананъ, онъ подалъ его мнѣ, и покуда я ѣла, онъ предлагалъ разные вопросы: «Нравятся ли мнѣ бананы, растутъ ли они также въ моемъ отечествѣ, изъ какой я страны, къ какому классу я принадлежу, какъ меня зовутъ, есть ли у меня семья, дѣти...»

Узнавъ, что я принадлежу къ классу воиновъ, «Святой человѣкъ» почтительно преклонилъ голову и подалъ мнѣ новый цвѣтокъ—онъ этимъ, должно быть, отдавалъ честь русскому воинству. Затѣмъ онъ попросилъ меня написать ему мое имя и фамилію по-русски. «И припишите, что очень порадовали меня своимъ посѣщеніемъ, — сказалъ онъ, любезно улыбаясь, когда подали мнѣ книжечку и карандашъ, — непременно припишите, я этого требую».

Когда я въ свою очередь начала было разспрашивать «Святого человѣка» о его жизни, онъ остановилъ меня. «Пожалуйста, не предлагайте мнѣ этихъ вопросовъ, — сказалъ онъ, — я вамъ дамъ брошюрку, написанную по-англійски однимъ изъ моихъ учениковъ, въ ней вы найдете все то, что можетъ интересовать васъ изъ моей жизни». Принесли брошюрку; «Святой человѣкъ» взялъ карандашъ, написалъ на оберткѣ свое имя по-санскритски и далъ мнѣ ее. «Посмотрите на мое изображеніе на первой страницѣ, — прибавилъ онъ, — нравится оно вамъ, похоже оно на меня?» Я откровенно отвѣтила, что фотографія плоха. «Не нравится, — воскликнула «Святой человѣкъ», — я дамъ другую!» Онъ поспѣшно послалъ ученика за нею. Принесли довольно объемистую книгу въ желтой оберткѣ съ краснымъ корешкомъ. Приложенный портретъ былъ удачнѣе перваго, и я выразила это. «Очень радъ, что вамъ этотъ портретъ больше нравится, — сказалъ «Святой человѣкъ», — возьмите себѣ и эту книгу. Прочестъ ее вы не можете, но будете знать, что книга эта—мой трудъ: здѣсь часть Упанишадъ, переведенныхъ мною съ санскритскаго на индусскій языкъ, съ прибавленіемъ коментарій. Я это написалъ вотъ для всей этой молоде-

жи», — указавъ онъ на своихъ учениковъ; тѣ хоромъ стали выражать свою благодарность и расхваливать переводъ; «Святой человѣкъ» жестомъ заставилъ ихъ умолкнуть и обратившись снова ко мнѣ: «Вы говорили, что у васъ есть братья, — сказалъ онъ, — я хочу послать имъ мою біографію, пусть они ее прочтутъ, это, можетъ быть, принесетъ имъ пользу». Онъ вновь отправилъ ученика и тотъ быстро вернулся съ брошюрой. Написавъ на оберткѣ что-то по-санскритски, «Святой человѣкъ» протянулъ мнѣ брошюрку. «Вотъ вамъ второй экземпляръ, — сказалъ онъ, — отвезите это вашимъ братьямъ отъ меня; я тутъ написалъ, что это имъ». Я отъ души поблагодарила за милое вниманіе и, взявъ брошюру, сказала: «Постараюсь какъ можно скорѣе прочесть вашу біографію, надѣюсь найти въ ней все, что желала бы знать, но позвольте всетаки, не взирая на запрещеніе, предложить вамъ одинъ вопросъ, мнѣ такъ хочется получить отвѣтъ отъ васъ лично». — «Что же васъ такъ особенно интересуесть?» — спросилъ «Святой человѣкъ». Ободренная этой фразой, я продолжала: «Вы производите на меня впечатлѣніе человѣка очень довольнаго своею жизнью, удовлетвореннаго избраннѣмъ путемъ, — скажите, вы вполнѣ счастливы?» — «Счастливы! — произнесъ «Святой человѣкъ», удивленно-вопросительно, и лицо его стало очень серьезно. — Счастливы!... Какъ я могу быть счастливъ въ этомъ тѣлѣ, — продолжалъ онъ, ударяя себя въ грудь, — въ этомъ соединеніи костей, мускуловъ, крови, нервовъ, слезъ и грязи, въ этомъ тѣлѣ, подверженномъ болѣзнямъ и нравственнымъ страданіямъ... Какъ я могу быть счастливъ здѣсь на землѣ, гдѣ властвуютъ иллюзія, страхъ и тоска; гдѣ люди обуреваемы желаніями и страстями; гдѣ дѣйствуютъ гнѣвъ, зависть, ненависть, ревность!... Какъ я могу быть счастливъ среди этого ограниченнаго существованія, познавъ, что во мнѣ духъ неограниченный и вѣчный!... Душа моя рвется изъ этихъ преградъ, она тоскуесть на землѣ; я желаю, я всѣми силами души своей стремлюсь къ тому великому освобожденію, послѣ котораго я никогда не скажу больше я про себя, и, какъ чистая вода, вливаясь въ чистую воду, окончательно исчезаетъ въ ней, такъ и я желаю вернуться къ источнику своему и окончательно слиться во едино съ Тѣмъ, кто Единъ и Вѣченъ!»

Вся эта тирада, произнесенная съ большой выразительностью, съ необыкновенной теплотою и искренностью, видимо, произвела сильное впечатлѣніе какъ на учениковъ, такъ и на моего лакея, и они всѣ задумались. Я потребовала перевода; бѣдный Бѣнду сконфузился передъ трудной задачей, но, всетаки произнесъ: «Святой человѣкъ говоритъ: какъ онъ можетъ быть счастливъ въ этомъ тѣлѣ и на землѣ? Онъ хочетъ быть съ Брамой».

«Святой человѣкъ», должно быть, понялъ, какіе жалкіе обломки его рѣчи достаются мнѣ, погладилъ Бѣнду по щежѣ съ большой добротою и снисходительностью, затѣмъ выразивъ мимикой и жестомъ: «Оставимъ эти серьезные вопросы», взявъ меня почтительно за руку и повелъ гулять по саду.

Я, конечно, не удовлетворилась короткимъ переводомъ Бёнду и долго доискивалась до полного отвѣта «Святого человѣка». Прочитавъ его біографію, вникнувъ въ философскую систему, которой онъ придерживался, я поняла, что «Святой человѣкъ» не могъ отвѣтить мнѣ иначе, чѣмъ я написала выше.

Мы шли по саду, а ученики попарно слѣдовали за нами. Мы дошли до навѣса, подъ которымъ находилась не вполнѣ еще оконченная фигура изъ бѣлаго мрамора.

«Вотъ я тутъ позирую, каждый день,—сказалъ «Святой человѣкъ» и, быстро опустившись на землю, принялъ изображенную позу,—стереотипную позу всѣхъ святыхъ Индіи, со скрещенными руками надъ плоско сложенными ногами и наружу вывернутыми ступнями.—Какъ вы находите эту работу,—продолжалъ «Святой человѣкъ»,—похожа эта фигура на меня?» Я тоже опустилась на землю и стала внимательно сравнивать фигуру съ оригиналомъ, откровенно выражая свое мнѣніе. Это ужасно забавляло «Святого человѣка», онъ смѣялся добродушнѣйшимъ образомъ и весело защищалъ художника, когда я нападала на него за полнѣйшее отсутствіе выраженія въ мраморѣ. «Это еще будетъ, вѣдь работа не готова»,—сказалъ «Святой человѣкъ» и, поднявъ съ земли осколокъ мрамора, далъ мнѣ его на память. Мы пошли дальше и остановились передъ маленькимъ четырехугольнымъ павильончикомъ, посреди котораго на подставкѣ красовалось еще одно мраморное изображение «Святого человѣка», въ той же сидячей позѣ и еще менѣе похожее на него, чѣмъ первое. Фигура эта—собственность раджи, владѣльца сада «Анандбагъ», предоставленнаго «Святому человѣку». Я потомъ узнала, что многіе изъ почитателей «Святого человѣка» воздвигли его мраморныя изображенія въ своихъ дворцахъ, домашнихъ молельняхъ, часовняхъ и поклоняются имъ, какъ святынь, ежедневно украшая подножіе ихъ свѣжими цвѣтами.

На одной изъ трехъ стѣнъ павильона, передъ которымъ мы остановились, висѣли двѣ европейскія фотографіи: дама среднихъ лѣтъ и германскій императоръ Вильгельмъ, дѣдъ нынѣ царствующаго. Это было столь неожиданное зрѣлище въ этой чисто-индусской обстановкѣ, что я невольно выразила свое удивленіе. «Меня посѣтило однажды высокопоставленное лицо изъ Германіи,—пояснилъ мнѣ «Святой человѣкъ»,—я выразилъ ему желаніе получить его портретъ; онъ обѣщалъ прислать, а потомъ—ужъ не знаю, почему—вмѣсто своего портрета прислалъ мнѣ карточки своей жены и своего императора, которыхъ я не знаю. А у васъ есть ваша фотографія,—спросилъ меня «Святой человѣкъ»,—пришлите мнѣ ее,—продолжалъ онъ,—я ее повѣшу вотъ на эту стѣнку и буду вспоминать васъ». Я поблагодарила за честь и сказала, что сама привезу ему свою карточку. «Нѣтъ,—отвѣтилъ мнѣ на это «Святой человѣкъ» очень положительно и серьезно,—вы больше сюда не пріѣдете, а фотографію свою пришлете».

Эта фраза меня поразила, особенно послѣ оказаннаго мнѣ приема, и я

до сихъ поръ не знаю — означала ли она ясновидѣніе или просто нежеланіе видѣть меня вторично. Въ ту минуту я предполагала еще долго пожить въ Бенаресѣ, но на слѣдующій же день почувствовала себя до того скверно, что боялась слечь и поспѣшила уѣхать въ горы.

Мы дошли до выхода. Моя коляска была подана къ самой садовой двери. На дворѣ стояло нѣсколько женщинъ, ожидавшихъ моего отъѣзда. Одна изъ нихъ протянула руку за подаяніемъ. «Нѣтъ, нѣтъ, не давайте ей ничего, — остановивъ «Святой человѣкъ» мое желаніе достать кошелекъ изъ кармана, — я не хочу, чтобы васъ безпокоили у меня!» — «Развѣ не хорошо давать бѣднымъ?» — спросила я его. — «Не хорошо и не нужно давать тѣмъ, которые сами могутъ зарабатывать свой хлѣбъ», — отвѣтилъ «Святой человѣкъ» серьезно и авторитетно; затѣмъ поспѣшно, пониженнымъ тономъ, точно извиняясь за сказанное, онъ скороговоркой сталъ спрашивать, вѣрно ли это, такъ ли онъ сказалъ, какого я мнѣнія насчетъ этого. Я отвѣтила, что вполнѣ согласна съ нимъ, онъ улыбнулся и дружески закивалъ головой, точно ему доставляло особенное удовольствіе, что я одного мнѣнія съ нимъ.

Я стала прощаться и благодарить за радушный пріемъ. «Очень радъ, что вамъ тутъ понравилось... Вы не забудете меня? — спросилъ онъ очень ласково. — Будете хоть изрѣдка вспоминать меня дома?» — «Никогда не забуду!» — отвѣтила я. — «Я въ восторгѣ, что познакомилась съ вами и часто буду и вспоминать, и рассказывать про васъ». Онъ выразилъ удовольствіе слышать это и снова повторилъ, что радъ былъ видѣть меня. Когда я уже сидѣла въ коляскѣ и книги и цвѣты лежали около меня, и оставалось только Кенду вскочить на козлы, чтобы намъ двинуться, «Святой человѣкъ» сдѣлалъ знакъ моему лакею, и оба вновь вошли въ садъ. Минуты черезъ три они вернулись. Кенду сіялъ пуще прежняго и его добродушная фізіономія выражала такое счастье, такой восторгъ... Я поняла, что «Святой человѣкъ» благословилъ его и, должно быть, снялъ съ него оскверненіе. По народному понятію, индусъ оскверняется, пока находится въ услуженіи у европейца; онъ за это время даже не смѣетъ входить съ другими въ храмъ во время службы, не смѣетъ украшать себя священными знаками; по окончаніи найма жрецы поятъ его какимъ-то зельемъ и этимъ очищаютъ его за извѣстную плату. «Святой человѣкъ» бесплатно внушилъ ему, должно быть, что онъ не оскверненъ мною, и съ этого дня мой слуга сталъ еще усерднѣе и внимательнѣе прежняго радѣть о моемъ благополучіи.

Мы оба съ Кенду нѣсколько дней находились подъ наипрятнѣйшимъ впечатлѣніемъ нашего посѣщенія «Святого человѣка», и навсегда останется у меня отрадное чувство при воспоминаніяхъ объ этомъ чудномъ садѣ Анандбагъ — садѣ счастья.

Во все мое пребываніе въ Индіи я не упустила случая поговорить съ туристами, побывавшими въ Бенаресѣ, въ саду Анандбагъ, и узнать подробности оказаннаго имъ пріема. Мнѣ было чрезвычайно интересно про-

вѣрить свои личныя впечатлѣнія и убѣдиться, что въ этихъ приемахъ не было ничего шаблоннаго, что каждый визитъ носилъ особый отпечатокъ.

Всѣ посѣтители «Святого человѣка», безъ исключенія, были очарованы его любезностью, радушемъ, всѣ съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминали и рассказывали о проведенномъ съ нимъ времени и всѣ находились подъ болѣе или менѣе сильнымъ обаяніемъ его. Но изъ спрошенныхъ мною людей, «Святой человѣкъ» подѣйствовалъ сильнѣе всего на одного молодого нѣмца, принадлежащаго къ типу здоровенныхъ, румяныхъ, самодовольныхъ, не задумывающихся людей. Молодой нѣмецъ хорошо говоритъ по-индусски и, разлетѣвшись къ «Святому человѣку», предложилъ ему съ усмѣшкой развязный вопросъ: «Почему это васъ называютъ святымъ и вы допускаете это? Послѣ этого и я могу провозгласить себя тѣмъ же, потому что не вижу разницы между вами и собой!» «Святой человѣкъ» внимательно взглянулъ на молодого человѣка и необыкновенно скромно отвѣтилъ: «Посмотрите мнѣ въ глаза, можетъ быть, вы поймете». «Я посмотрѣлъ, — рассказывалъ мнѣ нѣмецъ съ волненіемъ, — посмотрѣлъ и былъ уничтоженъ: этотъ чистый, глубокий взглядъ разбудилъ во мнѣ дремавшую совѣсть, я устыдился своего вопроса, устыдился своей жизни и до послѣдней минуты моего существованія не забуду этого тягостнаго впечатлѣнія. Я даже измѣнился съ этого достопамятнаго для меня дня, я увѣровалъ въ святость, которой не допускалъ и надъ которой смѣялся; теперь я одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и искреннихъ поклонниковъ этого замѣчательнаго святого человѣка».

VI.

„Ягиндра Шаритамъ“ или Жизнеописаніе Шри Баскарананда Сарасвати Свами, такъ называемаго „Святого человѣка“ изъ Бенареса, написанное по-англійски его ученикомъ Капал-Шундер-Шатерджи.

Матирамъ Мизра было первоначальное имя «Святого человѣка», проживающаго теперь въ Бенаресѣ, въ саду Анандбагъ. Родился онъ въ селѣ Майтилапуръ, въ провинці Каунпуръ и принадлежалъ къ высокочтимому семейству изъ высшей касты брамановъ. Отецъ его—Мизри-Лал-Мизра—былъ глубоко вѣрующимъ, набожнымъ и весьма добродѣтельнымъ человекомъ, къ тому же отличался основательными знаніями санскритскаго языка. Вообще, всѣ предки Матирама были образованными и необычайно добродѣтельными людьми, а родословная его, за восемь поколѣній, отличается именами даже очень выдающихся ученыхъ. Матирамъ родился въ счастливый часъ полуночи, въ седьмой день полнолунія мѣсяца Асвинъ, въ 1833 г. христіанской эры (1890 г. по индусскому лѣтосчисленію).

Появленіе его на свѣтъ было встрѣчено самымъ восторженнымъ образомъ со стороны отца и родителей Матирама; всю жизнь нѣжно они любили своего единственнаго сына. (У нихъ была еще одна дочь).

Всѣ обряды, сопровождающіе рожденіе индуса и первые годы его жизни, были исполнены надъ Матирамомъ по предписанію закона и традиціямъ семьи. Восьми лѣтъ онъ получилъ священную браманскую нить.

Эта религіозная церемонія, называемая «посвященіемъ», одна изъ самыхъ важныхъ въ жизни индуса. Изъ всѣхъ двѣнадцати очистительныхъ обрядовъ «посвященіе» болѣе всего очищаетъ мальчика отъ грѣха рожденія; получая священную нить, онъ духовно возрождается и причисляется къ «Движа», т.-е. дважды рожденнымъ, какъ называютъ себя въ Индіи представители трехъ первыхъ кастъ. (Крайніе сроки посвященія для брамановъ отъ 8 до 16 лѣтъ, для кшатріевъ—отъ 11 до 21 года, для вайсіевъ—отъ 12 до 24 лѣтъ). До посвященія юный индусъ называется «Випра» и не имѣетъ права ни молиться, ни повторять гимновъ, ни участвовать при жертвоприношеніяхъ, ни совершать обрядовъ. Только послѣ торжественнаго возложенія на него священной нити—мистическаго символа его возрожденія, начинается религіозное обученіе и воспитаніе мальчика. Прежде всего, онъ впервые повторяетъ за наставникомъ замѣчательную ведическую молитву объ озареніи ума, самую древнѣйшую молитву арианъ, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ произносимую ежедневно индусами.

«Поразмыслимъ о славіи божественнаго Оживителя, и да просвѣтитъ Онъ наше пониманіе!»

Затѣмъ вновь посвященному объясняютъ значеніе священнаго слога «омъ» и словъ Буръ, Бува, Сваръ (см. въ 1-й главѣ) и приступаютъ къ изученію Ведъ.

Священная нить всю жизнь носится на шеѣ; она состоитъ изъ трехъ скрученныхъ бѣлыхъ нитокъ, соединенныхъ священнымъ узломъ. Сама по себѣ до посвященія, нить эта не имѣетъ никакого значенія, но во время обряда она освящается молитвами и св. водой.

Послѣ «посвященія» Матирамъ былъ посланъ къ духовному наставнику для изученія священныхъ книгъ, санскритскаго языка, грамматики и риторики.

Матирамъ былъ необычайно умнымъ и способнымъ мальчикомъ; онъ поражалъ всѣхъ своими быстрыми успѣхами. Семнадцати лѣтъ, окончивъ изученіе грамматики, онъ уже приобрѣлъ извѣстность великаго знатока санскритскаго языка и сталъ изучать философію «Веданта».

Матирамъ женился двѣнадцати лѣтъ. Красавица жена его, изъ хорошей браманской семьи, была подходящей для него подружкой, и ее очень скоро полюбила вся родня мужа. Восемнадцати лѣтъ Матирамъ сталъ отцомъ, жена родила ему сына.

Матирамъ обладалъ теперь всѣмъ тѣмъ, къ чему стремится большинство людей: онъ былъ любимъ, уважаемъ, онъ былъ здоровъ, богатъ и красивъ, ничто не омрачало его жизни, родители его были живы, у него была прелестная жена, сынъ, у него было счастье въ свѣтскомъ значеніи этого слова, но Матирамъ стремился къ другому. Несмотря на свою мо-

лодость, онъ понялъ тщету міра сего, понялъ всю суетность его скоро-преходящихъ радостей и наслажденій и ждалъ только удобной минуты, чтобы оставить все мірское, предаться изученію философіи, созерцанію и служенію Богу. Послѣ рожденія сына, Матирамъ рѣшилъ, что долгъ его по отношенію міра сего исполненъ, что онъ свободенъ теперь идти избранной имъ дорогой къ спасенію. Онъ покинулъ домъ отца своего и пѣшкомъ направился въ Ужжайни, — древнюю столицу Раджи Бикрамадітія, поселился тамъ въ храмѣ великаго бога Шивы и сталъ главнымъ образомъ изучать и практиковать «Йога».

Эта секретная наука мало доступна непосвященному; она трактуетъ о великой истинѣ, по которой душа человѣческая не что иное, какъ частица души вселенной, точно также какъ воздухъ, заключенный въ сосудѣ, частица окружающей его атмосферы. «Йога» стремится достигнуть на практикѣ, посредствомъ трудныхъ упражненій, соединенія «Жибатмы» съ «Параматмой», т. е. сліянія человѣческой души съ душой вселенной.

Надо предполагать, что Матирамъ въ своихъ предыдущихъ жизняхъ былъ очень религиознымъ и достойнымъ человѣкомъ, — говоритъ его биографъ и ученикъ; — иначе какъ могъ бы онъ въ такіе юные годы постичь великую истину спасенія, такъ рано отказаться отъ свѣта и всецѣло посвятить себя изученію и созерцанію?

Въ нынѣшнія времена, — продолжаетъ биографъ, — мало кто вѣритъ въ переселеніе душъ, мало кто понимаетъ великую истину, что растенія, звѣри и люди, все — одно.

Тотъ фактъ, что никто изъ насъ не помнитъ своего прежняго состоянія, приводится какъ доказательство неосновательности этой теоріи. Если дѣйствительно каждый изъ насъ жилъ уже нѣсколько разъ, почему мы не помнимъ этого, — восклицаютъ невѣрующіе, — почему полученные уроки не служатъ къ нашему улучшенію въ настоящую минуту? Вдумчивый человѣкъ, — продолжаетъ биографъ, — серьезно вникая въ свое духовное развитіе, въ происхожденіе своихъ склонностей и вкусовъ, можетъ приблизительно догадаться, чѣмъ или кѣмъ онъ былъ раньше. «Скажу даже болѣе: человѣкъ можетъ достигнуть такой высокой степени умственнаго развитія, при которомъ мысленно проникнетъ въ нѣкоторыя особенности и подробности своей прежней жизни; какъ могъ бы Матирамъ такъ скоро понять глубокіе принципы ведантической философіи, какъ могъ бы онъ осуществить эти принципы въ такіе юные годы, если бы онъ уже не былъ Йоги въ предыдущей своей жизни?» По всѣмъ вѣроятіямъ ему приходилось только припоминать знакомое когда-то, и онъ естественно чувствовалъ расположеніе продолжать начатое въ предыдущей жизни. Къ тому же ему посчастливилось родиться въ семьѣ ученыхъ и добродѣтельныхъ брамановъ, и эта наследственность не мало помогла ему.

Пробывъ нѣкоторое время въ Ужжайни, Матирамъ переселился въ Гужратъ, семь лѣтъ занимался тамъ философіей и прочелъ десять Упанишадъ, подъ руководствомъ знаменитаго пандита Анантъ Рамъ. Затѣмъ

опъ опять вернулся въ Ужжайни и постояннымъ созерцаніемъ, молитвами и религиозными упражненіями уничтожилъ въ себѣ «Раджась» и «Тамась» и погрузился въ жизнь, достойную названія «Сатва» (см. гл. IV). Онъ готовился стать «Саннгази» и прошелъ всѣ стадіи, ведущія къ этому. Настоящее знаніе—«Гнанъ»—одарило его умъ. Онъ сталъ смотрѣть поверхъ окружающаго его видимаго міра, вполне проникся брэнностью его и сталъ ясно чувствовать существованіе великой души, переполняющей вселенную.

«Мы всѣ, созданные изъ болѣе грубой глины,—пишетъ біографъ,—мы всѣ любимъ земную жизнь и удовольствія ея, потому что не обладаемъ настоящимъ знаніемъ. Мы принимаемъ тѣнь за сущность. Подъ вліяніемъ иллюзіи человѣкъ можетъ принять веревку за змѣю, и бояться, и волноваться, покуда не разъяснится обманъ. Когда мы спимъ и видимъ сны, то воображаемъ, что они дѣйствительны, пока не проснемся и не разубѣдимся въ этомъ. Точно также спимъ мы подъ снѣю нашего невѣдѣнія, пока настоящее «знаніе» не раскроетъ намъ истины насчетъ міра сего, который въ сущности не существуетъ, который только сонъ и тѣнь, а не реальность. И когда мы проникнемся этимъ знаніемъ, то почувствуемъ вездѣсущность Всемогущаго».

Молодой и прекрасный Матирамъ 27 лѣтъ достигъ той степени совершенства, когда оболоченія міра окончательно перестаютъ смущать людей.

Всѣ навѣщавшіе его въ это время проникались глубокимъ уваженіемъ къ молодому Юги, въ глазахъ котораго было столько благородства. Самые ужасные грѣшники чувствовали въ его присутствіи существованіе чего-то возвышеннаго и уходили отъ него улучшенными.

Одно качество «Сатва» переполняло Матирама, и онъ теперь вполне былъ достоинъ вступить въ орденъ «Санниази». На него обратилъ вниманіе одинъ святой человѣкъ, достигшій высшей степени въ религиозной сферѣ, взялся подготовить его къ вступленію въ орденъ и посвятить.

Матирамъ долженъ былъ отречься отъ всего, что хоть слабо, но связывало его еще съ міромъ. Онъ навѣки отказался отъ дома, отъ семьи, отъ друзей, отказался отъ своего имени и фамиліи, слялъ съ себя свою священную браманскую нить, поставивъ себя выше всякихъ кастъ.

Счастье и несчастье, честь и безчестье, холодъ и жара, все это переносилось имъ съ одинаковымъ равнодушіемъ и совершенно перестало дѣйствовать на него. Онъ искоренилъ въ себѣ всякую чувствительность, которая происходитъ отъ незнанія, гордости и безумія.

Когда онъ былъ посвященъ въ Санниази, его духовный отецъ далъ ему имя и титулъ: Свами Баскаранандъ Сарасвати и вручилъ ему священный посохъ—эмблему ордена. Послѣ посвященія Свами нѣкоторое время еще пожилъ въ Ужжайни, проводя свои дни на берегу рѣки въ созерцаніи и размышленіяхъ. Затѣмъ онъ отправился странствовать по берегу священной Ганги и дошелъ до Бенареса.

Въ началѣ этого странствованія узналъ онъ о смерти своего сына, но это извѣстіе совершенно не затронуло его, и ни единый вздохъ не вы-

рвался изъ груди отца, понимавшаго переходность горя сего міра. Онъ вѣрилъ въ безсмертіе души и понималъ всю неизбѣжность подчиненія каждой отдѣльной души законамъ своей Кармы (судьбы).

Во время странствованія, Свами встрѣтилъ однажды одного благочестиваго брамана, по имени Рамъ Хуранъ, который бросился ему въ ноги и сталъ умолять о позволеніи служить ему. Свами согласился взять его въ ученики. Къ этому присоединились еще двое. Съ ними Свами отправился въ свое родное село.

Тутъ онъ повидался со своими родителями и женой. Односельчане сбѣжались посмотрѣть и послушать его. Каждому въ отдѣльности сказалъ онъ доброе слово и проповѣдовалъ всѣмъ о тщетѣ мірской и о любви Всевышняго. Его обаятельныя рѣчи производили сильное впечатлѣніе на слушателей и внушали всѣмъ благочестивыя мысли. На своихъ Свами подѣйствовалъ такъ сильно, что всѣ они, болѣе или менѣе, послѣдовали его примѣру и отказались отъ свѣтской жизни. Отецъ Свами всегда былъ набожнымъ человѣкомъ, но проповѣдь и, главнымъ образомъ, примѣръ сына дали толчокъ его религіознымъ стремленіямъ: онъ покинулъ домъ, отправился въ Бенаресъ, черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ Санніази и умеръ въ священномъ городѣ. Мать Свами отправилась къ святымъ мѣстамъ и, дойдя до Бадринараяна, въ Гималаяхъ, поклонилась тамъ великому богу Шива и сложила свои кости къ его стопамъ, какъ выражается біографъ. Жена Свами пошла по тому же пути къ спасенію: пилигримкой дошла до Бенареса и тамъ скончалась. Жива еще только одна сестра Свами; она очень добродѣтельная, набожная и занимается благотворительностью.

Посѣявъ добрыя сѣмена, Свами простился навсегда со всѣми своими родными и односельчанами и больше никогда не возвращался въ свое родное село. Онъ предпринялъ великое пилигримство и задался цѣлью посѣтить всѣ священныя мѣста Индіи. Свами побывалъ въ Бенгалѣ, въ Бехарѣ, въ Ориссѣ, въ Мадрасѣ, въ Деканѣ, въ Бомбей, во всей центральной Индіи, наконецъ и въ Гималаяхъ. Можно себя только отчасти представить всѣ трудности подобнаго странствованія пѣшкомъ по всей Индіи, по ея дѣвственнымъ лѣсамъ, пустыннымъ пространствамъ, по ея горамъ и долинамъ, вдоль рѣкъ и озеръ. До начала пилигримства Свами рѣшилъ разстаться со своимъ посохомъ, находя его препятствіемъ къ созерцанію Всевышняго, и бросилъ эту эмблему ордена въ священную Гангу. Также отказался онъ навѣки отъ одѣянія, оставивъ себя только «Вупинъ» — небольшую тряпку, замѣняющую въ Индіи классическій фігивый листъ.

Безъ платья, безъ денегъ, безъ палки, въ полномъ одиночествѣ странствовалъ Свами около тринадцати лѣтъ. Очень часто по цѣлымъ днямъ оставался онъ безъ пищи, подвергался непогодѣ, ночи проводилъ въ пещерахъ и дикихъ лѣсахъ.

Но всѣ опасности и неудобства не отбивали у него охоты продолжать начатое; благоговѣніе такъ сильно поддерживало его настроеніе, что онъ даже съ веселостью переносилъ всѣ лишенія и невзгоды, а богъ, которо-

му онъ служилъ, не оставлялъ его въ опасныя минуты. Такъ, въ Гималаяхъ былъ онъ достигнуть ужасной снѣжной бурей; въ полномъ изнеможеніи отъ усталости и холода, Свами, конечно, погибъ бы въ снѣгахъ, но богатый купецъ съ караваномъ случайно завернулъ въ то же мѣсто и нашелъ его; онъ взялъ его съ собою и неустаннымъ попеченіемъ вернулъ его къ жизни.

Другой разъ, изнемогая отъ двухдневнаго голода, Свами и на третій день ясно видѣлъ, что опять нечѣмъ будетъ подрѣпить свои силы, но вдругъ какой-то незнакомецъ отыскалъ его и принесъ ему чудесную пищу.

Однажды вечеромъ Свами сталъ переходить рѣку, при сліяніи Панди съ Гангой, у Харидвара. Онъ былъ въ водѣ, когда вдругъ разразилась страшнѣйшая гроза съ ливнемъ; наступила полнѣйшая темнота, и не было возможности ни вернуться назадъ, ни двинуться впередъ, а вода все прибывала. Свами всю ночь простоялъ на одномъ мѣстѣ, среди бушующей рѣки и только при разсвѣтѣ могъ продолжать свой путь.

Невозможно описать всѣ перипетіи его пилигримства,—къ тому же это излишне.

Въ Харидвари Свами познакомился съ однимъ Санніази, очень ученымъ Ведантистомъ, по имени Анунтарамъ. Свами былъ очень радъ этому знакомству и, хотя ему поучаться было уже нечему, онъ все же, чтобы доставить удовольствіе Анунтараму, попросилъ принять его въ ученики, и оба Санніази прожили нѣкоторое время вмѣстѣ, дружески обсуждая философскіе вопросы и предаваясь созерцанію Великаго Единого.

Съ этого дня, какъ Свами сталъ Санніази, онъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ, съ большимъ рвеніемъ исполнялъ очень трудную епитимію, днемъ и ночью, во всякую погоду. Эти упражненія довели его волю и мышленіе до такой сильной сосредоточенности, что временами, при созерцаніи Великаго Единого, Свами переставалъ ощущать свое личное существованіе, какъ нѣчто отдѣльное отъ Единого Сущаго. Достигнувъ такого совершенства, Свами прекратилъ хожденіе ко святымъ мѣстамъ,—онъ больше не нуждался въ этой дрессировкѣ ума и тѣла,—и поселился въ Бенаресѣ, въ эрмитажѣ Анандбагъ (садъ счастья), предоставленномъ ему однимъ изъ его поклонниковъ.

Свами минуло тогда сорокъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, онъ проживаетъ все въ томъ же прелестномъ саду. Число учениковъ его громадно, но первый изъ нихъ, Рамъ Хуранъ, до сихъ поръ служитъ ему, заботится о его комфортѣ, хотя Свами почти ничего не нужно. Онъ не носитъ платья, даже отбросилъ «Купинъ», какъ нѣчто лишнее при его святости. Спитъ онъ на цыновкѣ, безъ покрывала какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Онъ почти не чувствуетъ потребности въ пищѣ и довольствуется самымъ малымъ изъ приносимаго учениками или народомъ. Денегъ онъ никогда не принимаетъ.

Какъ только Свами поселился въ Бенаресѣ, народъ сталъ стекаться къ

нему со всѣхъ сторонъ, сначала только изъ любопытства, а затѣмъ, чтобы слушать его.

Для всякаго находилъ онъ доброе слово, добрый совѣтъ и поученіе. Ученые приходили къ нему за объясненіемъ непонятнаго, сомнѣвающимся искали въ немъ поддержки, благочестивые говорили съ нимъ о нравственныхъ обязанностяхъ, со всѣми говорилъ онъ о Богѣ, и всѣ уходили отъ него удовлетворенные и съ повышенными чувствами.

Слава его росла съ каждыиъ днемъ, и къ нему стали приходять и пріѣзжать изъ отдаленнѣйшихъ частей Индіи.

Свами сталъ проводить съ народомъ цѣлые дни и даже часть ночей, стараясь вселить ему правильное понятіе о Всевышнемъ. У него не оставалось свободнаго времени для занятій и для созерцанія. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, но наконецъ Свами пришелъ къ заключенію, что миссія его окончена, что онъ достаточно потрудился для народа, достаточно выяснилъ ему путь къ спасенію и, прекративъ неограниченный доступъ къ себѣ, сталъ принимать посѣтителей только въ назначенные часы дня. Этого заведеннаго порядка Свами придерживается и теперь. Въ остальное время онъ пишетъ о Ведантической философіи или диктуетъ своимъ ученикамъ замѣтки и комментаріи къ нѣкоторымъ своимъ еще неизданнымъ произведеніямъ.

Свами—авторъ многихъ цѣнныхъ книгъ по философіи. Все, что онъ пишетъ, отличается ясностью изложенія, обширностью познаній и глубокою мысли.

Его слава проникла и въ другія части свѣта: президентъ всемірной выставки въ Чикаго, въ 1893 г., приглашалъ Свами принять участіе въ религиозныхъ дебатахъ, но онъ съ благодарностью отклонилъ это предложеніе.

Ученые американцы и европейцы, знающіе санскритскій языкъ, переписываются съ Свами и съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдуютъ съ нимъ, когда пріѣзжаютъ въ Бенаресъ; сидя съ нимъ рядомъ на землѣ, они разбираютъ съ нимъ религиозные и философскіе вопросы. Удивительно, что его отвѣты одинаково удовлетворяютъ какъ индусовъ, такъ и магометанъ, джайновъ и христіанъ.

Въ нему пріѣзжаютъ иностранцы изъ всѣхъ частей свѣта: у него можно встрѣтить и нѣмецкаго ученаго, и русскаго аристократа, и жителя Кабула или центральной Азіи, и американца, и англійскаго лорда, и принцевъ королевской семьи. Всѣхъ привлекаетъ его умъ, его веселый характеръ, его привѣтливость, его сочувствіе къ человѣчеству. Посѣтителей у Свами всегда очень много и онъ всегда одинаково привѣтливъ со всѣми, не взирая на социальное положеніе гостей. Раджи и Махараджи, пріѣзжающіе въ Бенаресъ, спѣшатъ явиться и засвидѣтельствовать Свами свое глубокое уваженіе и, какъ цвѣтисто выражается его биографъ, босыя ноги Свами часто освѣщаются отблескомъ драгоценныхъ камней склоняющихся къ нимъ коронованныхъ головъ. Многие изъ богатыхъ поклонниковъ Сва-

ми воздвигли въ своихъ дворцахъ мраморныя изображенія его и относятъ къ нимъ, какъ къ святыхъ. Многіе поэты написали стихотворенія въ честь его. Простой народъ выражаетъ свое обожаніе приношеніями цвѣтовъ и фруктовъ, и нѣтъ такого человѣка, хоть разъ видѣвшаго Свами и не почувствовавшаго глубокаго уваженія къ нему.

Много добра посѣялъ Свами на землѣ. Много душъ спасъ онъ отъ отчаянія, много жизней отъ смерти. Какъ всякій Юги, Свами обладаетъ чудотворной силой, но онъ очень рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, прибѣгаетъ къ ней. Такъ, онъ вылѣчилъ нѣкоторыхъ больныхъ, приговоренныхъ къ смерти какъ туземными, такъ и англійскими докторами. Одинъ браминъ страдалъ отъ сильной диспепсіи и обратился къ Свами съ мольбою спасти ему жизнь. Свами приказалъ больному сейчасъ же собственноручно сварить какую-нибудь пищу. Больной съ отчаяніемъ сталъ объяснять, что это совершенно бесполезно, такъ какъ организмъ его не удерживаетъ больше никакого питанія; но Свами настоялъ на своемъ, и больной, съ величайшимъ трудомъ, кое-какъ приготовилъ себѣ пищу. Свами отвѣдалъ самъ и приказалъ больному кушать. Тотъ послушался, сейчасъ же почувствовалъ себя лучше и затѣмъ очень скоро совершенно выздоровѣлъ и до сихъ поръ живъ и здоровъ.

Много еще болѣе удивительныхъ фактовъ приводятъ въ доказательство сверхъестественныхъ силъ Свами.

Вся жизнь Свами, полная добра и любви къ ближнему, можетъ служить,—говоритъ его біографъ,—поощреніемъ и живымъ примѣромъ. Въ нынѣшній Каліюгъ—желѣзный вѣкъ,—люди стали и умственно, и нравственно слабы, хилы и трусливы. Страсти и пороки владѣютъ ими, а странный складъ общества повсемѣстно доводитъ даже лучшихъ изъ людей до беззаконій. Въ грустный, нечестивый періодъ, переживаемый нами, одно присутствіе на землѣ такого идеальнаго человѣка, какъ Свами, неоцѣнимый даръ. Предполагающіе, что отшельникъ бесполезенъ обществу, могутъ убѣдиться, насколько они не правы и какое благотворное вліяніе имѣетъ на людей Шри Баскаранандъ Сарасвати Свами.

Несчастливы люди, удалившіеся отъ пути истины, но особенно достойны сожалѣнія тѣ индусы, которые уклоняются отъ изученія догматовъ нашей религіи и увлекаются новыми доктринами, не остерегаясь пагубнаго вліянія безбожной западной цивилизаціи. Внимательное изслѣдованіе основъ нашей религіи, выработанныхъ нашими безкорыстными, ясновидящими Риши (мудрецы-отшельники Ведическихъ временъ), убѣждаетъ, насколько наша религія богата истиной. Цѣль и честолюбіе всѣхъ другихъ религій—небесныя наслажденія. Одни индусы знаютъ, что небо такъ же нереально, какъ и земля, что великій Параматма *) проявляется на землѣ въ видѣ Жибатмы **); что Майя (иллюзія) управляетъ міромъ и, только освободившись отъ ея вліянія, познаешь неизвѣстнаго, который надъ ней.

*) Параматма—душа вселенной.

***) Жибатма—душа всего живого на землѣ.

Цѣль нашихъ индусскихъ религиозныхъ законовъ—смягчить нравы и очистить жизнь человѣка, начиная съ минуты его зачатія и до смерти. Мужу дозволено познавать жену свою только въ благопріятное время, когда и тѣло, и душа обоихъ чисты. Для ребенка еще во чревѣ установлены очистительные обряды, которые исполняются и послѣ его рожденія.

Восьми лѣтъ его очищаютъ священной нитью и посылаютъ къ наставнику, гдѣ онъ ведетъ строгую жизнь студента до своей женитьбы, послѣ которой онъ вступаетъ въ свѣтъ и принимаетъ дозволенное участіе въ жизни, употребляя только нѣкоторые часы на исполненіе религиозныхъ обрядовъ. Индусъ женится не для удовлетворенія своихъ страстей, а для того, чтобы имѣть мужское потомство. Жена становится частью мужа, должна быть вѣрной ему подругой и помощницей во всемъ, особенно же при исполненіи религиозныхъ обрядовъ. Бракъ у насъ—священный союзъ навсегда, а не контрактъ, расторгимый по желанію.

Насладившись жизнью, супруги уступаютъ свое мѣсто взрослому сыну, уединяются и преслѣдуютъ однѣ религиозныя цѣли; они стремятся къ совершенству и стараются, чтобы ко дню смерти преобладала въ нихъ одна Сатва.

Вотъ возвышенныя предписанія нашей религіи, унаслѣдованной нами, несчастными потомками великихъ аріанъ.

«Мы до того потеряли голову, изучая науки и литературу Запада, что не видимъ больше истины въ нашей святой религіи, забыли смыслъ поклоненія символамъ и стали называть это поклоненіемъ идоламъ; относимся къ поминкамъ, какъ къ бесполезнымъ церемоніямъ, и считаемъ обряды—потерей времени. На насъ, индусовъ, затронутыхъ безбожной западной цивилизаціей, благотворнѣ всего отзываются посѣщенія такого Санніази, какъ Шри Баскаранандъ Сарасвати Свами; благотворно, конечно, только въ томъ случаѣ, если мы не утратили способности сознать наше затменіе и склонить къ его ногамъ наши спѣсивыя головы, наполненныя эгоистичными мыслями. Такіе любимцы Бога, какъ Санніази, смотрятъ на насъ съ большимъ состраданіемъ и если видятъ, что мы дѣйствительно раскаиваемся, то принимаютъ насъ подъ свое покровительство, указываютъ намъ наши заблужденія и спасаютъ наши души отъ зла. Много душъ спасъ уже Шри Баскаранандъ Сарасвати Свами. Молю Всевышняго, чтобы Свами подольше жилъ для блага всего человѣчества!»

VII.

Бенаресъ—средоточіе браманизма; это фокусъ, изъ котораго исходятъ лучи учености брамановъ, этихъ посредниковъ между землей и небомъ, по понятіямъ индусовъ, этихъ людей, болѣе другихъ надѣленныхъ чистой эссенціей Брами.

Все видимое, Брама, сущность его, находится во всемъ; но больше всего она въ молитвѣ, въ обрядахъ и въ людяхъ, совершающихъ эти обряды, въ «людяхъ—молитвы», т. е. въ браманахъ.

Изъ всѣхъ людей браманы ближе къ Брамѣ, они первые произошли отъ него, къ тому же прямо изъ его рта. Всѣ остальные люди дальше отъ Брамъ, менѣе чисты, грубѣе и хуже.

Ради своего превосходства, браманы имѣютъ особенныя права на все существующее; остальные смертные зависятъ отъ ихъ великодушія и должны быть безконечно благодарны браманамъ за все, что тѣ предоставляютъ имъ, даже не исключая жизни.

Браманы, по понятіямъ индусовъ, не только выше всего существующаго на землѣ, но они даже пользуются преимуществомъ надъ богами. «Всемирная подвластна богамъ,—говорятъ индусы,—боги подчиняются молитвѣ, молитва во власти брамановъ, стало быть, браманы наши боги». Въ законахъ Ману сказано: «Браманъ—могущественный богъ, будь онъ ученъ или неучъ, занимай онъ самую низшую должность; по рожденію своему, онъ божество даже для боговъ».

Если же браманъ «*Гуру*», т.-е. духовный наставникъ, личность его становится еще священнѣе, и ему воздаютъ божескія почести. «Твой наставникъ—твой богъ, внушаютъ дѣтямъ, ты долженъ всячески стараться отвратить его гнѣвъ и снискать его милость; твой наставникъ—твое спасеніе; если Шива разсердится, наставникъ заступится за тебя, но нѣтъ убѣжища и нѣтъ другого покровителя обидѣвшему наставника своего».

Ученикъ даже не смѣетъ обращаться съ мольбою къ какому-нибудь изъ боговъ, когда наставникъ его налицо.

«Духовный наставникъ имѣетъ божескую власть и, не взирая на то, ученъ онъ или неучъ, хорошъ или дуракъ, онъ единственный вѣрный руководитель, онъ воплощеніе божеской премудрости».

Еще большимъ обоготвореніемъ пользуется «*Санніази*». Это браманъ, отказавшійся отъ всего мірскаго, отъ всякихъ привязанностей и ведущій суровую, самоотверженную жизнь аскета, погруженнаго въ созерцаніе Брамъ. Послѣ смерти такого «святого человѣка» тѣло его хоронятъ, а не сжигаютъ, какъ обыкновенныхъ смертныхъ.

По народному повѣрью Санніази совсѣмъ не умираетъ, а находится въ трансѣ, въ летаргическомъ снѣ, и изъ тѣла его исходитъ святость. Могила Санніази обыкновенно привлекаетъ много поклонниковъ.

Теорія о превосходствѣ брамановъ надъ другими людьми—главная пружина соціальной жизни индусовъ. Браманы—это центръ, вокругъ котораго вертится все остальное.

По теоріи Ману, Брама сотворилъ отдѣльные классы людей, какъ сотворилъ отдѣльныя породы животныхъ и различныя виды растений. Между браманами, кшатріями (воинами), валсіями (земледѣльцами) и судрами (слугами) такая же разница, какъ между слонами, львами, быками и собаками или какъ между кукурузой, овсомъ, рисомъ и бобами. И какъ собака не можетъ превратиться въ слона, а кукуруза въ рисъ, такъ и судра, напримеръ, не можетъ стать браманомъ и не долженъ братья за занятія, не предписанныя его кастѣ.

Брама предписалъ всякой кастѣ свое занятіе и лучше исполнять свое, хотя и низшее назначеніе, чѣмъ высшее, да предписанное другому. Человѣкъ меньше грѣшитъ, говорятъ индусы, когда исполняетъ то, что свойственно его природѣ. Натура брамана требуетъ широкой жизни, погруженія въ науку, познанія всего божественнаго. Кротость, чистота, воздержаніе, терпѣніе, прямота, строгость къ самому себѣ,—врожденные свойства брамана. Природныя наклонности кшатрія: героизмъ, энергія, непоколебимость, ловкость, неустрашимость въ бою, щедрость, великодушіе, благородство чувствъ, вообще всё достоинства вождя-воина. Валсію—естественно заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ, торговлей и ему даны нужныя для этого способности. Судра—слуга по природѣ и ему естественно служить высшимъ кастамъ.

Каста—слово выдуманное португальцами; хотя теперь оно и общеупотребительно, но сами индусы замѣняютъ его словомъ «джат»—рожденіе, это гораздо характернѣе. Всякій индусъ связанъ рожденіемъ, онъ всю жизнь долженъ вращаться въ томъ кругу, гдѣ родился; только послѣ смерти душа его можетъ переселиться въ высшую или низшую форму, при жизни же никто не смѣетъ измѣнять своимъ предкамъ. Соціальное положеніе и занятіе отца вѣками переходятъ въ его потомство: сынъ ламповщика не можетъ стать портнымъ или садовникомъ, сынъ подметальщика всю жизнь обреченъ на подметаніе, а сынъ трубочиста не смѣетъ и мечтать объ учености. Наслѣдственность ставить въ Индіи узкіе предѣлы и строго ограничиваетъ всякія стремленія.

Индусъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ мелочными, традиціонными постановленіями; онъ живетъ, и дышитъ, и ѣстъ, и пьетъ, и работаетъ, и отдыхаетъ сообразно съ древними уставами, точно такъ же, какъ жили его предки за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Этого требуетъ его религія, тѣсно связанная съ общественной и домашней его жизнью.

Часто утверждаютъ, что индусы самый религіозный народъ въ мірѣ. Если строгое исполненіе обрядовъ и подчиненіе обычаямъ страны—религія, то, конечно, индусы религіозны.

Однако правильнѣе было бы сказать,—говоритъ Моніэ-Вильямсъ,—что между всѣми человѣческими расами индусы болѣе всѣхъ рабы традиціи. Нѣтъ болѣе консервативной страны, чѣмъ Индія. Всякій индусъ проникнуть до мозга костей традиціонными кастовыми понятіями, составляющими альфу и омегу его земной жизни.

Кромѣ четырехъ главныхъ кастъ, въ Индіи безчисленное множество другихъ мелкихъ подраздѣленій по занятіямъ, по ремеслу. Обыкновенно, чѣмъ ниже и мельче каста, тѣмъ упорнѣе придерживаются ея представители своихъ особенныхъ правилъ, тѣмъ больше гордятся они строгимъ исполненіемъ ихъ и тѣмъ невозможнѣе отдѣльному члену вырваться изъ подъ деспотизма кастовыхъ понятій. Кастовые законы для индусовъ гораздо важнѣе правительственныхъ, которые просто остаются мертвой буквой, если идутъ вразрѣзъ съ кастовыми требованіями. Чѣмъ выше ка-

ста, тѣмъ больше свободы даетъ она своимъ членамъ. Браманъ, наприм., можетъ заниматься чѣмъ угодно; ему не воспрещается быть хоть поваромъ, водовозомъ, солдатомъ.

Браманы дѣлятся на духовенство и мірянъ. Многіе изъ послѣднихъ воспитываютъ своихъ дѣтей на англійскій ладъ, посылаютъ ихъ въ школы, основанныя правительствомъ, гдѣ они изучаютъ англійскій языкъ, Шекспира, Мильтона, Теннисона и стремятся стать англійскими поэтами.

Духовенство состоитъ изъ жрецовъ, исполняющихъ требы, изъ духовныхъ наставниковъ, «Гуру», которымъ поручаются дѣти, и изъ ученыхъ «Пандитъ» и «Сострисъ», посвящающихъ себя изученію философіи.

По законамъ Ману, жизнь всякаго брамана дѣлится на четыре періода: 1) Неженатый студентъ, изучающій священныя книги. 2) Глава семьи, домохозяинъ. 3) Отшельникъ. 4) Санніази, погинувшій все мірское.

Изъ всѣхъ брамановъ жрецы—самые антипатичные представители этой касты. Невѣжество, алчность, хитрость, проницательность наложили на нихъ свой особый отпечатокъ, смѣняемый у нѣкоторыхъ надменнымъ, апатичнымъ, сытымъ довольствомъ. Почти всѣ жрецы—узкіе формалисты, буквоѣды; весь день у нихъ занятъ безконечными обрядами и бормотаньемъ формулъ, текстовъ, молитвъ, внутренній смыслъ которыхъ часто ускользаетъ отъ ихъ отупѣвшаго пониманія. Безчисленное повтореніе, изо-дня въ день, мелочныхъ упражненій, сложныхъ церемоній, извѣстныхъ словъ, отдѣльныхъ звуковъ и условныхъ знаковъ, требующихъ необыкновенной памяти и сосредоточеннаго вниманія, притупляютъ ихъ умственные способности для всего болѣе возвышеннаго, и между жрецами рѣдко можно найти знаніе, глубину мысли, чистосердечный порывъ души и религіозное воодушевленіе.

Въ одной изъ священныхъ индусскихъ книгъ сказано: «Отдавайте всегда предпочтеніе соблюденію нравственныхъ обязанностей—«Ямасъ»—надъ исполненіемъ обязанностей благочестія—«Нійямасъ». Ямасъ суть: цѣломудріе, состраданіе, терпѣніе, прямота, правдивость, кротость, трезвость, воздержаніе отъ всякаго зла и благоговѣйное созерцаніе. Къ Нійямасъ причисляются: омовеніе, молчаніе, постъ, жертвоприношенія, чистота, хладнокровіе, аккуратность, воздержаніе, послушаніе и изученіе Ведъ.

Жрецы дѣйствуютъ какъ разъ обратно этому мудрому совѣту: всѣ они съ большою аккуратностью исполняютъ всякія омовенія, вдыханія и выдыханія, всякіе приемы со священной нитью, обматывая ею то ухо, то пальцы, перекладывая ее съ одного плеча на другое; всѣ они строго соблюдаютъ посты, молчаніе, хладнокровіе,—словомъ, всѣ предписанныя постановленія Нійямасъ, оставляя Ямасъ почти въ бездѣйствіи, и хотя они и читаютъ Веда, но совсѣмъ не проникаются однимъ изъ важныхъ изреченій Ведъ, а именно: «посвятившіе себя, какъ невѣжды, однимъ церемоніямъ—находятся въ потемкахъ».

Почти всѣ жрецы, за малымъ исключеніемъ, находятся въ умственныхъ потемкахъ, всѣ они очень невѣжественны и поддерживаютъ въ народѣ

самые нелѣпыя предразсудки, суевѣрія, фанатизмъ и умственное оцѣпенѣніе, извлекая изъ всего этого свою выгоду. Система запугиванія народа въ полномъ ходу у жрецовъ; при этомъ, конечно, указывается путь къ спасенію, въ видѣ щедрыхъ жертвоприношеній, доставляющихъ жрецамъ не малую прибыль.

Во всей Индіи жрецы отличаются алчностью; но въ Бенаресѣ, гдѣ ихъ 25,000, нагляднѣе всего видно, какъ они безсовѣстно обольщаютъ, заманиваютъ, сплетаютъ и обираютъ легковѣрную толпу, на которую смотрятъ какъ на свое законное достояніе. Вмѣстительство жрецовъ въ жизнь каждаго индуса начинается съ первой безсознательной минуты его существованія и даже не кончается со смертью его, а только нѣкоторое время спустя. Постоянно взыскивается съ каждаго индуса какая-нибудь плата за безчисленныя священнодѣйствія и требы, отслуженныя жрецами въ его пользу, для его спасенія и очищенія отъ наслѣдственнаго грѣха рожденія.

Такъ какъ Бенаресъ—центръ браманизма, то легко предположить, что въ немъ находится центральное жреческое правленіе, высшая духовная администрація; однако ничего подобнаго не существуетъ не только въ Бенаресѣ, но и во всей Индіи. Индусы раздѣлены на безчисленное множество кастъ, сектъ, волостей; каждая изъ нихъ придерживается своихъ обычаевъ и пользуется самоуправленіемъ, въ видѣ совѣта съ предсѣдательствующимъ. Каста брамановъ тоже распадается на нѣсколько подраздѣленій, каждая со своимъ самоуправленіемъ, но и у нихъ нѣтъ авторитетнаго центра, а между жрецами нѣтъ первожреца. Однако, всѣ касты, всѣ секты и разнообразныя подраздѣленія признаютъ какъ бы съ общаго согласія, по традиціи, превосходство и власть брамановъ и право жрецовъ надзирать за исполненіемъ обрядовъ. Ненужность центрального источника духовной власти обуславливается чрезвычайнымъ, непоколебимымъ уваженіемъ традиціи.

Нѣкоторые жрецы выдають себя за чародѣевъ. Злоупотребляя своимъ знаніемъ священныхъ Ведическихъ текстовъ и молитвъ, они употребляютъ ихъ въ видѣ заклинаній и чаръ. Тайное искусство этихъ «Мантро-Систри», какъ ихъ называютъ, основано на афоризмѣ философской системы Миманса, по которому «звуки существовали испоконъ вѣковъ». Изъ этого выводится заключеніе, что каждая коренная буква, посредствомъ которой можно вызвать первоначальный звукъ, обладаетъ сверхъестественнымъ качествомъ и магическимъ дѣйствіемъ.

Ознакомясь съ правильнымъ произношеніемъ буквъ и примѣняя эти основныя, вѣчныя звуки къ нѣкоторымъ священнымъ Мантрамъ—молитвамъ,—жрецъ пріобрѣтаетъ содѣйствіе тайныхъ силъ и получаетъ власть творить самыя поразительныя чудеса. Онъ,—говорятъ индусы,—не только можетъ предсказать будущее, но посредствомъ чаръ способенъ вдохнуть жизнь въ мертвое тѣло, унижить и даже убить врага, свести съ ума кого бы то ни было, нагнать на всякаго накую угодно болѣзнь, внушить любовь, околдовать оружіе, придать непроницаемость латамъ, превратить молоко въ вино, растеніе въ мясо и наоборотъ, по желанію. Какъ всякій

ядъ имѣть свое противоядіе, такъ и чары могутъ быть уничтожены или ослаблены соответствующими заклинаніями, произнесенными надъ сосудомъ съ молокомъ, которое должно быть потомъ выпито. «Мантра-Сострисъ» долженъ обладать феноменальной памятью, такъ какъ всѣ мантры и при-мѣняемые къ нимъ звуки должны быть выучены имъ наизусть, а ихъ, какъ говорятъ, болѣе милліона. Всомогущество, прибрѣтаемое чародѣемъ, сопряжено, однако, съ большимъ рискомъ: при малѣйшей ошибкѣ въ про-изношеніи или чередованіи звуковъ накликаемая бѣдствія неизбѣжно па-даютъ на самого чародѣя, такъ что, копя яму другимъ, онъ самъ легко можетъ попасть въ нее. Должно быть, по этой причинѣ большинство «Мантра-Сострисъ» довольствуются менѣе опаснымъ предсказаніемъ буду-щаго и изъ сказочныхъ чародѣевъ превращаются прямо въ профессиональ-ныхъ гадальщиковъ. Однако, народъ боится ихъ и всячески старается уго-дить имъ.

Не слѣдуетъ, однако, судить о браманахъ и о браманизмѣ по дѣй-ствіямъ жрецовъ и наружному культу индусовъ. Въ браманизмѣ, какъ во всѣхъ древнихъ религіяхъ, есть два различныхъ ученія: одно, приспособ-ленное для народа, другое сокровенное—для высокоразвитыхъ умовъ. Ни въ одной религіи нѣтъ такой глубокой пропасти, раздѣляющей культур-ныхъ и некультурныхъ представителей ея. Первое ученіе, подъ названіемъ Индуизма, переполнено суевѣрій и всякихъ вымысловъ, чарующихъ или запугивающихъ воображеніе необразованныхъ массъ. Сюда слѣдуетъ от-нести и чрезмѣрную пышность религиозныхъ церемоній, и сложность обря-довъ, и разнообразіе боговъ, и всѣ басни индусской мифологіи, и догматы о переселеніи души грѣшника въ тѣло нечистаго животного или ядовитаго насѣкомаго. Все это—способы порабощенія народа.

Совершенно инымъ представляется браманизмъ въ своемъ сокровенномъ ученіи, открывающемъ далекія умственные перспективы на міровые во-просы, на предсуществованіе души человѣка, на законы правосудія все-мірной справедливости, на причину всѣхъ причинъ—божество.

Браманами не оставлено безъ вниманія ни единой проблемы изъ об-ласти религіи, нравственности и философіи. Все обдуманно ими и объясне-но съ необычайной проницательностью и силой ума, искренностью и тепло-тою чувства.

Благодаря браманамъ, Индія не только колыбель народовъ, но и очагъ высшихъ идеаловъ, великихъ религиозныхъ вдохновеній, поэзіи, глубокой философіи и культуры.

Еще въ тѣ отдаленныя времена, когда аріане жили въ долинѣ Индуса, были пастухами и слагали свои чудные гимны (Веды), нѣкоторые изъ ихъ старцевъ уединялись въ лѣсахъ, предаваясь размышленіямъ, наблюденіямъ и изученіямъ природы. Эти высокочтимые отшельники—Ришисы, обладав-шіе тайнами оккультивныхъ наукъ, были первыми хранителями и толковате-лями Ведъ и создателями основъ будущаго браманизма.

Покуда аріане вели пастушескую жизнь, они не нуждались въ жрецахъ.

Глава семьи, съ помощью жены, поддерживалъ священный огонь на своемъ земляномъ очагѣ и каждое утро на зарѣ приносилъ жертву богамъ и добрымъ геніямъ, вливая въ огонь «Сома»,—опьяняющій напитокъ изъ сока неизвѣстнаго теперь растенія. Этимъ огненнымъ жертвоприношеніемъ обуславливался культъ ведическихъ временъ. Съ яркимъ пламенемъ возносились къ небу молитвы всей собравшейся семьи, причемъ болѣе способный и вдохновенный выражалъ свое религиозное настроеніе въ красивой формѣ. Такъ слагались гимны, которые запоминались присутствующими и передавались изъ рода въ родъ.

Но какъ только ариане перекочевали въ долину Ганга, ихъ простая патриархальная жизнь измѣнилась, стала сложнѣе, горизонтъ ихъ расширился, явились новыя заботы, новыя стремленія: борьба съ мѣстными жителями, побѣда надъ ними развили новыя физическія и нравственныя качества. Покуда одни воевали, побѣждали и защищали завоеванное, другіе—предавались земледѣлію и ремесламъ. Съ осложненіемъ жизни и раздѣленіемъ труда измѣнился обычай утреннихъ жертвоприношеній каждымъ главою семьи. Теперь не всякій даже былъ въ состояніи правильно исполнить этотъ обрядъ: религиозное вдохновеніе не выражалось самопроизвольно, какъ бывало, не слагались уже новыя гимны подъ впечатлѣніемъ минуты, требовалось повтореніе унаслѣдованныхъ молитвъ, а заучиванье ихъ становилось непосильнымъ трудомъ для людей, отвлеченныхъ войной или работой. Къ тому же прежній простой культъ усложнился, оформился, явилась традиція, а прежніе простые обряды постепенно принимали болѣе таинственный характеръ, по мѣрѣ того, какъ забывался ихъ первоначальный смыслъ.

Тогда выдвинулись тѣ люди, которые понимали значеніе традиціонныхъ обрядовъ и сохранили въ своей памяти всѣ древніе гимны. Ихъ стали призывать для совершенія жертвоприношеній богамъ, ихъ присутствіе придавало особенную цѣну и торжественность церемоніямъ, и они стали руководить религиозными стремленіями народа. Молитва была въ ихъ власти, и этимъ они приобрѣли власть надъ людьми, ставъ посредниками между ними и богами. Ихъ стали окружать особеннымъ почетомъ, всѣ матеріальныя заботы были отстранены отъ нихъ, ихъ кормили, одѣвали; начальники и предводители придавали особенное значеніе ихъ совѣтамъ, и такъ мало-по-малу «люди молитвы», какъ ихъ называли, образовали изъ себя сильную корпорацію и стали во главѣ націи.

Короли, князья, войны олицетворяли собою физическую силу народа; «люди молитвы», т.-е. браманы—духовную и умственную его силу.

И надо отдать имъ справедливость, они развили эту силу въ широкихъ размѣрахъ. Смѣлый полетъ ихъ мысли и ихъ воображенія достигъ необычайной высоты; созерцательный умъ ихъ—необыкновенной глубины.

Ихъ нравственныя понятія доразвились до чисто-христіанской добродѣтели. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующія изреченія:

«Слѣдуетъ всегда платить добромъ за зло и брать примѣръ съ санда-

ловаго дерева, которое передаетъ свой аромать даже топору, срубающему его».

«Солнце содѣйствуетъ расцвѣту цвѣтовъ, а туча изливаетъ свою воду на землю, не ожидая просьбъ объ этомъ, такъ и добрый человѣкъ добровольно помогаетъ ближнему».

Расцвѣтъ умственной жизни брамановъ отличался пышностью, блескомъ и плодотворностью. Къ тому же санскритскій языкъ, богатый и чрезвычайно гибкій, служилъ для нихъ замѣчательнымъ подспорьемъ, точно передавая самые тонкіе оттѣнки и изгибы мысли.

На браманизмъ лежитъ отпечатокъ глубины, ширины, благородства, высокой нравственности, безкорыстія, искренности и необыкновенной терпимости.

Слѣдующій отрывокъ изъ рѣчи одного брамана можетъ служить подтвержденіемъ послѣдняго:

«Разнообразіе религій и вѣрованій—источникъ вражды для невѣждъ—явное доказательство могущества Всевышняго. Если художникъ приобретаетъ извѣстность разнообразіемъ своихъ картинъ и красокъ, если садовникъ достоинъ одобренія, выращивая разнообразные цвѣты, то надо быть не логичнымъ и ограниченнымъ, разсуждая иначе по отношенію къ Тому, Кто создалъ и художника, и садовника. Всѣ разнообразныя созданія—лучи славы Создателя, и всѣ даже противоположныя постановленія доказываютъ только чудесныя преимущества Его. Всякому племени опредѣлилъ Всевышній особенную религію, всякой сектѣ далъ особенное вѣрованіе. Богъ любить въ каждой странѣ ту форму культа, который въ ней соблюдается. Онъ слышитъ молитвы, возносящіяся изъ мечети и присутствуетъ въ храмѣ при поклоненіи идоламъ. Богъ такъ же близокъ къ мусульманину, какъ къ индусу, христіанину и еврею» (Code of gentos laws. Halhed, 1777).

Истинная религія возвышается надъ всѣми вѣрованіями и не проклинаетъ ни одного,—говорятъ браманы; различные пути ведутъ къ той же цѣли.

Вѣротерпимость легла въ основаніе браманизма. Всякому индусу дозволено вѣровать во что ему угодно: онъ можетъ выбрать себѣ спеціального бога изъ индускаго пантеона и игнорировать всѣхъ остальныхъ; онъ можетъ поклоняться одновременно и своимъ богамъ и Буддѣ или Магомету, Моисею или Христу, или называть себя теистомъ, деистомъ, теозефистомъ. Въ этомъ ему предоставлена полная свобода, однако, съ условіемъ, чтобы онъ не отвергалъ законовъ о «Кармѣ» *) и о превосходствѣ брамановъ, а главное, исполнялъ традиціонные обряды и подчинялся обычаямъ своей

*) Законъ, объясняющій причину различныхъ условій, въ которыхъ находятся люди на землѣ и кажущуюся несправедливость судьбы.

Съ одной стороны, радости и скорби настоящей жизни только послѣдствія добрыхъ или дурныхъ дѣйствій въ предыдущихъ жизняхъ; съ другой стороны, всѣ дѣйствія человѣка въ настоящей жизни послужатъ къ улучшенію или ухудшенію его судьбы въ будущихъ возрожденіяхъ (см. гл. IV).

касты. Всякое новшество въ общественной или домашней жизни абсолютно отвергается индусами. Однако, придерживаясь съ упорствомъ традиціонныхъ обычаевъ страны, они съ большой легкостью усваиваютъ новыя релігіозныя идеи.

Стоить убѣжденному проповѣднику появиться среди народа и объявить, что онъ посланникъ неба, — говоритъ Моніэ-Вильямсъ, — какъ можно впередъ поручиться за его успѣхъ, если онъ обладаетъ даромъ слова и ведетъ жизнь аскета. Несмотря на то, что семейныя связи тѣснѣе въ Индіи, чѣмъ гдѣ-либо, ни въ одной странѣ міра не воздають такихъ почестей тѣмъ, которые имѣли силу расторгнуть ихъ. Вліяніе проповѣдника становится безграничнымъ, если извѣстно, что онъ ведетъ жизнь полную воздержанія, умерщвляетъ плоть свою и укрощаетъ страсти.

Все духовное имѣтъ особенную притягательную силу для большинства индусовъ, все житейское отступаетъ на задній планъ и не вызываетъ интереса. Къ чему интересоваться мнимымъ, не реальнымъ? Какая польза, наприм., въ исторіи, хронологіи, политической экономіи? Развѣ эти науки могутъ дать «знаніе», ведущее къ исполненію! Все это одно переливаніе изъ пустого въ порожнее, по понятіямъ брамановъ. Способности должны быть направлены къ изученію невидимаго міра; подобное знаніе равняется молитвѣ, присоединенію къ всемірной жизни съ любовью и мудростью.

Въ исторіи развитія мысли, браманизмъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, очень почетное мѣсто, но политическая исторія Индіи доказываетъ, что умственное развитіе и нравственное превосходство высшихъ классовъ недостаточны для поддержанія независимости націи. Распространивъ понятія о нереальности видимаго міра, организовавъ извѣстный строй общества, распредѣливъ всю общественную и домашнюю жизнь націи до мельчайшихъ подробностей, браманы погубили будущность Индіи, не дозволивъ ей свободнаго, всесторонняго развитія. Все приняло извѣстный складъ и застыло въ немъ навѣки.

Народъ, физически слабый, безъ инициативы, безъ энергіи, добродушный и терпѣливый, но неразвитой, неграмотный, коснѣющій въ традиціонныхъ понятіяхъ, раздѣленный на касты, какъ на отдѣльныя народности, равнодушенъ къ національному единенію и умственному прогрессу.

Такимъ онъ въ общей массѣ, и неудивительно, что давно уже сталъ легкой добычей всѣхъ своихъ завоевателей.

Нельзя сказать, чтобы въ Индіи совершенно не было желающихъ возрожденія страны и мечтающихъ о ея политической самостоятельности, но не въ Бенаресѣ мѣсто ихъ: священный городъ — недоступная твердыня браманизма; въ немъ лучшія способности направлены на изученіе невидимаго міра, а энергія и сила воли на самоистязаніе.

А. фонъ-деръ-Лауницъ.

Дьяволъ въ поэзіи *).

КНИГА IV.

Эклектики и новаторы.

Эклектизмъ.—Причины его возникновенія.—Нѣмецкій романтизмъ.—*Штабрианъ*: „Мученики“ и „Начезы“.—*Габбе*: „Донъ-Жуанъ“ и „Фаустъ“.—*Ленау*: „Фаустъ“.—*Мадачъ*: „Человѣческая трагедія“.—*Флоберъ*: „Искушеніе св. Антонія“.—Дьяволъ—синонимъ знанія.—Эпигоны демонической поэзіи Байрона.—*Кардуччи*: „Гимнъ Сатанѣ“.—*Бодлеръ*: „Молитва Дьяволу“.—Демонизмъ у декадентовъ.—Дальнѣйшія модификаціи байроповскаго типа.—*Леконтъ де Лиль*: „Tristesse du diable“.—*Лермонтовъ*: „Демонъ“.—Эротическій дьяволъ.—*Де Виньи*: „Элоа“.—Новаторы.—*Теофиль Готье*: „Lagme du diable“.—*Сумэ*: „La divine eropée“.—*Иммерманъ*: „Мерлинъ“.

Процессъ постепеннаго облагороженія типовъ дьявола въ поэзіи являлся только отраженіемъ общаго умственнаго развитія человѣчества.

Каждый вѣкъ, какъ справедливо говоритъ Брандесъ, рисовалъ Люцифера по своему образу и подобию. Чѣмъ больше въ данной эпохѣ и обществѣ элементъ движенія царилъ надъ элементами безпорядка и мертвенности, тѣмъ изящнѣе становился олицетворенный символъ зла въ поэзіи, перерождаясь, наконецъ, въ остроумнаго представителя, можетъ быть, и односторонней, но мѣткой критики, или въ серьезнаго властителя разума и прогресса.

Такъ какъ Гёте и Байронъ взяли изъ традиціонныхъ элементовъ и поэтически обработали почти все, что могло подвергнуться обработкѣ, то ихъ многочисленные послѣдователи должны были или перерабатывать старые мотивы, или искать новыхъ путей и создавать произведенія, правда, оригинальныя, но совершенно несогласныя съ духомъ истиннаго христіанства.

Новаторовъ, какъ обыкновенно, было немного, эклектиковъ же и эпигоновъ—цѣлый легионъ. Мы выберемъ изъ него нѣсколько славнѣйшихъ солдатъ, произведенія которыхъ по необходимости должны трактовать, какъ

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1901 г.

явленія спорадическія, совершенно чужды другъ другу, или слабо связанная нитью поэтического сродства.

Эклектизмъ въ демонической поэзи—это лишь единичное проявленіе литературнаго эклектизма, который воцарился въ Европѣ съ начала XIX в. и царить до сего дня.

Отцами этого направленія были нѣмецкіе романтики.

Демонизмъ вообще въ высокой степени нравился имъ, и они наплодили множество туманныхъ призраковъ и видѣній, но не создали ни одной сколько-нибудь выдающейся фигуры дьявола. Онъ былъ для нихъ существомъ слишкомъ выразительнымъ, слишкомъ жизненнымъ и осязаемымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ мало воздушнымъ и эфирнымъ.

Художественное безсиліе нѣмецкихъ романтиковъ шло рука объ руку съ ихъ необычайной способностью понимать и проникаться чужими произведеніями, съ тонкой эстетической впечатлительностью къ постороннимъ влияніямъ.

Не создавъ ничего великаго, они обратили вниманіе всего міра на нѣсколько давнымъ-давно похороненныхъ литературъ, а также на сотни забытыхъ, но дивныхъ произведеній, типовъ и легендъ, среди которыхъ находилось множество демоническихъ фигуръ и мотивовъ.

При помощи г-жи де-Сталь («De l'Allemagne») завоеванія и теоріи романтиковъ проникли въ подвижную Францію, чтобы оттуда, подвергнувшись соотвѣтственной передѣлкѣ, разойтись по всему свѣту. Въ этомъ взаимномъ обмѣнѣ литературно-философскихъ идей не малую роль сыграли французскіе эмигранты. Развитію демонической поэзи больше всего содѣйствовалъ Шатобрианъ (1768—1848 гг.), который подвелъ подъ нее теоретическій фундаментъ въ своей знаменитой эстетикѣ католицизма, въ «Духъ христіанства», пытаясь вмѣстѣ съ тѣмъ доказать практически въ своихъ скучныхъ прозаическихъ псевдо-эпопеяхъ («Мученики» и «Наче-вы»), что библійское «чудесное» стоитъ ничуть не ниже миеологическаго «чудеснаго».

Въ «Мученикахъ» авторъ Рене выставляетъ, съ одной стороны, политеизмъ, творецъ и покровитель котораго—Сатана, а съ другой—христіанство, которому покровительствуетъ Провидѣніе. И хотя дѣло происходитъ во времена Діоклетіана, дряхлое язычество тѣмъ не менѣе представляется слишкомъ молодымъ для своихъ лѣтъ, а только-что развивающаяся христіанская религія—слишкомъ старою.

Бенжаменъ Констанъ правильно сказалъ, что въ «Мученикахъ» несуществующая, уже угасшая вѣра Гомера борется съ нерожденнымъ еще католицизмомъ Боссюэта.

Также анахронично трактованъ и самъ дьяволъ, который какъ будто сочетаетъ въ своей особѣ всѣ стремленія и идеалы языческаго классицизма, что не мѣшаетъ ему въ своихъ рѣчахъ подражать демагогамъ великой революціи и не стѣсняться даже заимствованіемъ нѣкоторыхъ строкъ изъ Марсельезы.

Кромѣ того, сатана такъ мало самостоятеленъ, что когда въ аду возникли беспорядки, то не онъ, а Богъ усмиряетъ ихъ тѣнью своей руки. Мѣстами Шатобрианъ впадаетъ въ подражаніе Мильтону, никогда не ставясь въ уровень съ оригиналомъ.

Одинаково плохо и ничтожно появляется дьяволъ въ «Начезахъ», гдѣ, становясь на защиту политеизма американскихъ народовъ, онъ усиливается возбудить всѣхъ язычниковъ Новаго Свѣта къ борьбѣ съ христіанами.

Вообще, произведенія Шатобриана, важныя, какъ реакція противъ доктринъ Буало и Вольтера, не обогатили сатанической литературы ни одной выдающейся фигурой, ни однимъ, хотя бы слабымъ мотивомъ. Авторъ «Мучениковъ» не создавалъ дьяволовъ, а только сшивалъ изъ старыхъ поэтическихъ лоскутковъ демоническія маріонетки.

Такимъ же образомъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, дѣйствовало большинство поэтовъ XIX вѣка, подражающихъ только выдающимся типамъ прошлыхъ столѣтій.

Самымъ многочисленнымъ потомствомъ, весьма понятно, могли гордиться Мефистофель Гёте и Люциферъ Байрона.

Иные поэты, желая избѣжать простаго подражанія, пытались соединить эти два совершенно противоположные демоническіе характера въ одинъ,—но и это давало неблагопріятный результатъ.

Самымъ лучшимъ изъ этихъ незаконнорожденныхъ типовъ является, можетъ быть, Сатана (Рыцарь) въ оригинальной трагедіи эпигона нѣмецкаго романтизма, Христіана Граббе, котораго называли «пьянымъ Шекспиромъ» («Донъ Жуанъ и Фаустъ», 1829 г.). Непреклонность и гордыня Люцифера соединяется въ этой фигурѣ съ хитростью и коварствомъ Мефистофеля.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о себѣ съ преувеличеніемъ, какъ о гигантскомъ духѣ, «который среди вѣковыхъ огней, напрасно притупляющихъ о него свои языки; среди всѣхъ сомнѣній, точно ураганъ испровергающихъ съ основанія всѣ мысли и чувства; среди всей невзгоды паденія съ высотъ небесъ,—не потерялъ отваги и вѣры въ себя, и вѣчно ненавидитъ, вѣчно борется въ надеждѣ на побѣду». (Актъ II, сцена I).

Въ другомъ мѣстѣ онъ, растроганный, вспоминаетъ о своемъ утраченномъ счастьи и любви, а на саркастическій вопросъ Фауста: «Что это? дьяволъ дѣлается сантиментальнымъ?»—отвѣчаетъ съ горечью: «Его знаетъ? можетъ быть, и я былъ такимъ когда-то! Смѣйся надъ тѣмъ, что правда! Но развѣ я могъ бы такъ страшно ненавидѣть, еслибъ раньше не любилъ такъ страстно?»

«Желѣзо смягчается въ огнѣ, прежде чѣмъ преобразится въ мечъ: только счастливаго можетъ постигнуть несчастье».

«Дьяволъ ближе къ Богу, чѣмъ человѣкъ».

На-ряду съ этими сильными и, несмотря на излишнюю реторику, прекрасными взрывами страсти, мы встрѣчаемъ эпизоды слабые, туманные,

даже прямо отвратительные. Гордый за минуту царь пасти ада унижается передъ Фаустомъ, какъ рабъ, цѣлуя его ноги съ притворною покорностью, поднимая лицемѣріе до высоты системы: «ползать и ползать, и всегда ползать; но, однако, только затѣмъ, чтобы позже тѣмъ ужаснѣй возстать изъ земной грязи» *).

Хотя не цѣлостный, сатана Граббе всетаки обладаетъ нѣкоторыми оригинальными чертами, которыхъ почти совершенно нѣтъ у Мефистофеля Ленау («Фаустъ») и Люцифера Мадача («Человѣческая трагедія»).

Дьяволъ Ленау (1829—1859 гг.) вообще только копія своего славнаго тезки, копія, въ которой только одинъ мотивъ заслуживаетъ вниманія.

Желая возбудить страсть Фауста, чортъ ведетъ его не въ студенческую харчевню, какъ Гётевскій Мефистофель, а на крестьянскую свадьбу и тамъ, вырвавъ изъ рукъ деревенскаго музыканта скрипку, начинаетъ играть такъ, что всѣхъ охватываетъ огонь сладострастія.

Здѣсь чувствуется вліяніе атмосферы, среди которой воспитался Ленау, нѣмецъ по языку и имени, но венгръ по происхожденію.

Соотечественникъ его, венгръ по крови и языку, Эмерихъ Мадачъ (1823—1864 гг.), вывелъ въ своей «Человѣческой трагедіи» типъ, въ которомъ нѣтъ даже и этой частицы мадьяризма, и который почти рабски (и, вдобавокъ, очень слабо) подражаетъ нѣмецкому духу отрицанія.

Пространная критика творенія (сцена I) кажется, въ сравненіи съ остроумными словами Мефистофеля, какимъ-то грубымъ гипсовымъ слѣпкомъ на-ряду съ изящно вырѣзанною камеей. Люциферъ Мадача также, какъ и Мефистофель, выдаетъ себя за существо предвѣчное, за «духа, который всегда, съ незапамятныхъ временъ, противорѣчитъ», который тоже принималъ участіе въ процессѣ творчества и требуетъ себѣ награды за это. Получивъ два райскихъ дерева, онъ съ радостью принимаетъ этотъ скромный даръ,—онъ знаетъ, что если «отрицаніе найдетъ даже малѣйшую точку опоры, то оно можетъ сдвинуть міръ съ его основанія»!

Доведя Адама и Еву до грѣхопаденія, злобный бѣсъ старается убить въ нихъ надежду, вѣру и желаніе жить и показываетъ имъ грустныя сцены изъ исторіи человѣчества.

Какъ и вся эта драма, которой ярые венгерскіе патріоты придаютъ чрезмѣрное значеніе, такъ и одно изъ главнѣйшихъ лицъ, принимающихъ въ ней участіе, именно—дьяволъ, не обладаютъ ни тѣнью жизни. Люциферъ—только туба, при помощи которой авторъ провозглашаетъ свои пессимистическія воззрѣнія на прошлое и грядущее, а также и на современное состояніе человѣчества.

*) Очень забавную фигуру дьявола, въ комико-сатирическомъ стилѣ, Граббе выводитъ въ своей критико-историко-литературно-общественной фантазіи „Scherz, Satire, Ironie und Tiefere Bedeutung“. Дьяволъ, придя на землю, мерзнетъ, несмотря на семь мѣховыхъ шубъ; люди спасаютъ его, за что онъ отплачиваетъ имъ неблагодарностью; наконецъ, знаменитая „бабка“ захватываетъ его съ собою на обратномъ пути въ адъ, гдѣ уже окончено „мытье половъ и чистка платья“.

Аналогично, но гораздо оригинальнѣе и глубже понялъ и разработалъ дьявола другой крайній пессимистъ, Флоберъ, въ своемъ прекрасномъ, хотя и слишкомъ пропитанномъ эрудиціей, «Искушеніи св. Антонія».

Не имѣя силы довести пустынноика до грѣха любострастными образами, дьяволъ принимаетъ видъ Иларіона, бывшаго ученика Антонія, и, также, какъ Люциферъ Мадача, начинаетъ развертывать предъ очами святого умственную исторію чловѣчества, воплощенную въ ряды боговъ, ересіарховъ, пророковъ и т. п.

Чѣмъ дальше тянется эта процессія и чѣмъ больше сомнѣній возникаетъ въ сердцѣ святого, тѣмъ больше растетъ ничтожная вначалѣ фигура мнимаго Иларіона, а когда, наконецъ, послѣднія видѣнія и фантомы погружаются въ ничто,—наступаетъ страшное, глубокое, мрачное молчаніе. Святой шепотомъ прерываетъ его:

«Всѣ исчезли!»

«Остался я!»—отвѣчаетъ Иларіонъ, преображаясь въ генія, свѣтлаго и настолько огромнаго, что Антоній долженъ закинуть голову назадъ, чтобъ заглянуть ему въ глаза.

«Кто же ты?»—спрашиваетъ святой.

Иларіонъ гордо отвѣчаетъ:

«Царство мое обширно, какъ вся вселенная, а желаніе мое не знаетъ границъ. Я все шествую, шествую, освобождая духъ изъ узъ; я шествую безъ ненависти, безъ состраданія, безъ любви и Бога. Меня называютъ Знаніе».

И, схвативъ уstraшеннаго пустынноика, онъ показываетъ ему весь небесный механизмъ и таинственную архитектуру творенія, возбуждая, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ умѣ бѣдняка тысячи сомнѣній относительно самаго существованія жизни и требуя дани поклоненія взаимнѣ за рѣшеніе этой загадки.

Символизмъ здѣсь ясенъ: на мѣстѣ идеаловъ, которые низверглись въ пропасть, водворилось знаніе, старающееся сокрушить все, что не согласно съ требованіями разума, и жаждущее такого же поклоненія, которымъ пользовались обитатели разныхъ олимповъ и асгардовъ.

Достаточно ли этого будетъ чловѣчеству? Можетъ ли это успокоить его сомнѣнія и гарантировать счастье?

Поэтъ не даетъ отвѣта на эти вопросы, но въ послѣдней части своей поэмы представляетъ намъ пустынноика, который, съ разсвѣтомъ освободившись отъ терзающихъ его сомнѣній, отъ соблазновъ, искушающихъ тѣло и духъ, возвращается къ обычному порядку жизни и, сотворивъ крестное знаменіе, доканчиваетъ молитву, начатую вчера вечеромъ...

Во всякомъ случаѣ дьяволъ Мадача и Флобера почти совершенно потерялъ личность и переродился въ чистый символъ. У поэтовъ XIX вѣка это встрѣчается очень часто.

Въ поэмахъ, разсматриваемыхъ нами ранѣе, дьяволъ выступаетъ преимущественно, какъ символъ критики и разложенія *),—теперь взгляды въ произведенія, авторы которыхъ, идя по слѣдамъ Байрона, апофеозировали Сатану, какъ свѣтлаго генія разума.

Дальше всѣхъ въ этомъ отношеніи зашелъ Кардуччи въ своемъ знаменитомъ, проклинаемомъ одними, превозносимомъ другими гимнѣ Сатанѣ (A Satana), начинающемся словами:

A te, dell essere
Principio immenso,
Materia e spirito,
Ragione e senso... **).

Кардуччи, какъ члены средневѣковой секты Люциферіанъ, объединяетъ Сатану со всѣмъ, что въ человѣческой натурѣ хорошо, здорово, весело, счастливо (Адонисъ, Астарта, Ариманъ) (?) съ одной стороны, и что мудро, независимо, благородно, съ другой (Виргилій, Горацій, Веклефъ, Гусъ, Саванарола, Лютеръ).

Все это произведеніе, преисполненное реторики и натянутыхъ сопоставленій, кончается нѣсколькими строфами восторга передъ воспѣваемымъ существомъ, изъ которыхъ наибольшую популярность снискала слѣдующая:

Salute, o, Satana,
O, ribellione,
O, forza vindice
Della ragione!

То же самое, но только гораздо прекраснѣе и логичнѣе сказалъ Байронъ, котораго ни одинъ поэтъ не превысилъ въ этомъ отношеніи.

Даже такой странный умъ, какъ знаменитый литературный некрофилъ Бодлеръ (1821—1867 г.), у котораго ненатуральность была истинною натурою, который все видѣлъ навыворотъ, и не ради эффекта и желанія позировать, а потому, что онъ страдалъ нѣкоторымъ моральнымъ дальтонизмомъ и астigmatизмомъ,—даже онъ не подмѣтилъ ничего новаго въ превратномъ зеркалѣ Божества, носящемъ имя сатаны.

Знаменитыя «Litanies de Satan», это лишь прекрасная лирическая парафраза Байроновскихъ мотивовъ, процѣженная сквозь тонкое декадентское ситечко:

O, toi, le plus savant et le plus beau des Anges,
Dieu trahi par le sort et privé de louanges,
O, Satan, prend pitié de ma longue misère!

*) Къ мефистофелевскому типу принадлежитъ еще Люциферъ въ „Золотой легендѣ“ Лонгфелло, а также „Чужой пассажиръ“ и „Фабрикантъ пуговицъ“ въ насквозь символистическомъ „Peer Gynt“ Ибсена.

**) Poesie di Giosue Carducci, Firenze, G. Barbata, 1880. „Гимнъ Сатанѣ“, составляющій до нѣкоторой степени этико-политическое credo, написанъ въ 1863 г., а изданъ впервые въ 1865 г. въ формѣ легучаго листка.

O, Prince de l'exil, à qui l'on a fait tort,
Et qui, vaincu, toujours se redresse plus fort,

O, Satan, etc.

Toi dont l'oeil clair connaît les profonds arsenaux,
Où dort enseveli le peuple des métaux,

O, Satan, etc.

Toi dont la large main cache le précipices,
Au somnambule errant au bord des édifices,

O, Satan, etc.

Toi qui, magiquement, assouplis les vieux os
De l'ivrogne attardé foulé par les chevaux

O, Satan, etc.

Bâton des exilés, lampe des inventeurs,
Confesseur des pendus et des conspirateurs,

O, Satan, etc.

Такимъ же точно представляется дьяволъ въ звучныхъ, но неискреннихъ богохульствахъ атеиста Ришпена, который провозглашаетъ апологию сатанѣ только для того, чтобы имѣть возможность закончить ее заранѣе приготовленнымъ и въдобавокъ еще сомнительнаго достоинства эффектомъ: *Si je croyais à Dieu, je serais pour le diable!*

Кромѣ того, между Бодлеромъ и Ришпеномъ огромная разница: первый—истинный художникъ, второй—только искусный риторъ.

Ришпенъ, нынѣ совершенно обратившійся въ «романически-идеалистическую вѣру», слагалъ свои циническіе сонеты и безбожныя оды холодно, зная, что этимъ способомъ онъ вызоветъ негодованіе и обратитъ на себя вниманіе; Бодлеръ воплощался въ то, что писалъ, потому что писалъ искренне. Крепё издалъ его посмертное произведеніе «*Mon coeur mis à nu*», и мы видимъ, что авторъ «Цвѣтовъ зла», глубоко, хотя странно вѣрующій католикъ, считалъ сатану существомъ совершенно реальнымъ, отъ котораго происходитъ все земное, за исключеніемъ смерти, величайшаго дара Божія.

Бодлеръ въ своихъ произведеніяхъ назначилъ дьяволу почетное мѣсто, и это объясняется парадоксальностью художественной натуры, подчиняющейся противоположнымъ побужденіямъ,—таково мнѣніе Банвиля *). Иначе, и по нашему мнѣнію логичнѣе, разъясняетъ этотъ вопросъ Роденбахъ **), утверждая, что сатана въ поэзіи Бодлера играетъ такую же роль, какъ и въ орнаментахъ собора Нотръ-Дамъ, гдѣ безобразныя фигуры демоновъ составляютъ каменный легионъ, стерегущій зданіе, посвященное Дѣвѣ Маріи.

Какъ извѣстно, Бодлеръ оказалъ немалое вліяніе на французскую поэзію. Теперешніе символисты и декаденты справедливо считаютъ его своимъ предкомъ, и ихъ отношеніе къ демонизму опирается на тѣ же самыя основы, какъ и у Бодлера.

Всѣ натуры, болѣе или менѣе родственныя автору «Искусственныхъ

*) *Revue Contemporaine*, 1885, № 3.

**) *Revue de Paris*, 1894, „Tombeau de Bodelaire“.

Раевъ», какъ, напримѣръ, странный Вилье де-Лиль Аданъ, Барбе д'Орвильи, умершій въ больницѣ поэтъ-бродяга Верленъ, визионеръ Меттерлинкъ и т. п., все это—преимущественно изнервничавшіеся живописцы настроеній, но не демоническихъ фигуръ и характеровъ. Вѣрятъ ли они въ чорта, или притворяются, что вѣрятъ, но вызывать его они уже не умѣютъ.

Для этого нужно имѣть энергію Манфреда, или питать стремленія Фауста!

Гораздо лучше удастся имъ опредѣленіе смерти. Это отрицаніе болѣе абсолютно, болѣе глубоко и ярко, чѣмъ дьяволъ, и поэтому лучше соотвѣтствуетъ мистическому нигилизму горсточки французскихъ поэтовъ, вѣчно колеблющихся между грубымъ натурализмомъ, съ одной стороны, и пантеистически-аскетической экзальтаціей, съ другой.

Сатана для нихъ, какъ нѣкогда для нѣмецкихъ романтиковъ, слишкомъ положителенъ, личенъ и реаленъ; имъ нужно воплощеніе абсолютнаго ничто, небытія; поэтому-то въ «Цвѣтахъ зла» Бодлера смерть занимаетъ не послѣднее мѣсто, а Меттерлинкъ въ своихъ «Слѣзкахъ» потрясающимъ образомъ изобразилъ столкновение олицетворенной смерти съ жизнью.

Оригинальныя видоизмѣненія дьяволовъ, правда, выдержанныхъ въ байроновскомъ стилѣ, но не идущихъ прямо во слѣдъ за произведеніями творца Люцифера, мы встрѣчаемъ въ псэзи современнаго «парнасца», пессимиста Леконта де-Лилля (1818—1894 гг.) и въ популярномъ «Демонѣ» безвременно угасшаго русскаго поэта Лермонтова (1814—1841 гг.).

Демоны обоихъ этихъ писателей страдаютъ, какъ Корсаръ, Лара и Манфредъ Байрона тою характеристическою формою сплина, которая называется «Weltschmerz».

Безмолвный Сатана сидитъ на снѣжной вершинѣ горы и смотритъ кровавыми очами въ пропасть, «гдѣ роится муравейникъ людей и звѣрей, муравейникъ, надъ которымъ проносятся разгнѣванные вѣка». Онъ смотритъ на преступленія и гнусности, слышитъ справедливыя нареканія и на-ряду съ этимъ триумфальныя гимны въ честь тирановъ... Зрѣлище это, всегда то же самое, всегда одинаково противное и глупое, начинаетъ надоѣдать безсмертному свидѣтелю.

«Однообразные дни,—стонетъ онъ,—словно страшныя дождевыя тучи скопляются въ моей вѣчности, но совсѣмъ не заполняютъ ея. Могущество, отчаяніе, гордость,—все это тщета, и гнѣвъ тяготитъ меня и борьба на-скучила мнѣ.

«Ненависть обманула меня почти такъ же, какъ и любовь, я выпилъ цѣлый океанъ безплодныхъ слезъ. Валитесь же на меня и давите меня громы и развалины міровъ! Да поглотитъ меня святой сонъ.

«А негодные счастливыя и проклятыя поколѣнія услышатъ голосъ, вызывающій въ пространствѣ безъ границъ: Сатана умеръ!

«И то будетъ твоимъ концомъ, «Созданіе шести дней» *).

*) Леконтъ де-Лиль: „Poèmes Barbare“, „La Tristesse du diable“.

Лермонтовскій Демонъ имѣеть въ себѣ болѣе байроновскаго Манфредизма, чѣмъ Люцефиризма, если можно такъ выразиться. Онъ также скучаетъ.

Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,
И зло наскучило ему,

— ему, который долженъ былъ «все знать, все чувствовать, все видѣть, все противъ воли ненавидѣть, и все на свѣтѣ презирать».

Правда, въ послѣдствіи, подъ влияніемъ любви, которую онъ почувствовалъ къ прекрасной Тamarѣ, онъ видитъ, какъ въ немъ просыпается прежняя демоническая энергія, къ которой присоединяется доля сентиментализма. «Я тотъ, — отвѣчаетъ онъ своей любимицѣ, —

чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтетъ,
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее кланетъ...
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь, я у ногъ твоихъ.
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первая мой».

Эротическая струна, на которой Лермонтовъ такъ сильно наигрываетъ въ своемъ «Демонѣ», не особенно новый вымыселъ въ сатанической поэзіи. Не говоря уже о байроновскомъ «Небѣ и землѣ», гдѣ любовь является причиною паденія ангеловъ, аналогичный мотивъ мы встрѣчаемъ въ «Элоа» де-Виньи. По мнѣнію Спасовича, эта поэма оказала нѣкоторое влияніе на произведеніе русскаго поэта.

У Лермонтова дьяволъ влюбляется въ обитательницу земли, у де-Виньи Элоа, ангелъ женскаго рода, возродившаяся изъ слезы Христа, пролитой надъ гробомъ Лазаря, жалѣетъ сатану потому, что, какъ «самый виновный, онъ долженъ быть несчастнѣйшимъ изъ несчастнѣйшихъ».

Не будучи въ силахъ подавить въ себѣ чувство, Элоа покидаетъ небо и спускается въ адскія бездны, чтобъ приблизиться къ проклятому архангелу, который ничего не утратилъ изъ своей красоты и говоритъ такими сладкими, упоительными словами, что они, какъ справедливо замѣтилъ Брандесъ, напоминаютъ софокловскій гимнъ Эросу (въ Антигонѣ).

Въ минуту, когда сострадательная Элоа увидала царя бездны, онъ принялъ позу, слегка напоминающую позу байроновскихъ героевъ, и «небрежно прислонился къ волнѣ тумана, исходящаго изъ-подъ его крыль. Глазъ ласкаютъ красновато-опаловые оттѣнки его одежды, то блѣдныя, то ярко

разгорающіеся. Волосы воронова крыла, но охваченные вокруг перевязью, — была ли то корона, или тиски для головы? Ея живое золото — словно мистическій, влоочущій огонь древнихъ треножниковъ. Смѣлыя крылья свернуты, блѣдности ихъ цвѣта подражаютъ сѣрыя сумерки туманнаго вечера, на ногахъ, охваченныхъ золотыми обручами, искрится радуга неисчислимыхъ брилліантовъ, таинственные перстни ослабляютъ глаза чуднымъ блескомъ»...

Въ этомъ описаніи черезчуръ много ювелирныхъ терминовъ и слишкомъ мало грознаго. Положимъ, де-Виньи хотѣлъ представить сатану съ симпатичной, привлекательной, соблазнительной стороны, — иначе Элоа не подалась бы его очарованію; но всетаки яркость и обстоятельность приведеннаго выше описанія сатаны придаютъ ему слишкомъ земную наружность: есть темы, которыя необходимо трактовать нѣсколько туманно, потому что чрезмѣрная пластика отнимаетъ свойственный имъ характеръ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи поэмы де-Виньи попалъ на надлежащій тонъ.

«... На челѣ у него тревога, но глаза скрываются за рѣсницами. Знаетъ ли онъ, какая чародѣйственная мощь исходитъ отъ него? Какъ предразсвѣтный мягкій вѣтеръ среди лѣсныхъ глубинъ начинаетъ свои вздохи невѣрнымъ шепотомъ, пробуждая землю и покрывая зыбью водную поверхность, такъ, постепенно поднимая свой глубокой мягкой голосъ, звучащій скорбью, какъ нота погребальнаго прощанія, онъ обратился къ дочери Божьей такія слова: «Я тотъ, который возбуждаетъ любовь, но меня никто не знаетъ. На человѣкѣ я основалъ мое царство, дышащее огнемъ, на жадѣ его сердца, на свахѣ его духа, на страстяхъ тѣла, на силѣ таинственныхъ влеченій, на сокровищахъ крови, на могуществѣ взглядовъ. Я ночью вызываю страстный шепотъ сонной супруги; дѣвчкѣ учу снова пасмы блаженныхъ, живыхъ мечтаній; я днемъ утѣшаю ее чарами темныхъ ночей; я таинственный царь таинственныхъ блаженствъ. Я соединяю сердца и разрываю крѣпкія цѣпи, какъ мотылекъ съ опыленнымъ крыломъ, который на взволнованныя лица разсѣваетъ міриады цвѣтовъ, неся любовь безъ слезъ, безъ страданій и измѣны. Я изъ рукъ Творца осмѣлился вырвать слабое твореніе помимо Его воли, я подѣлилъ съ нимъ природу. Пусть Онъ, гордый розовымъ днемъ и его шумомъ, скрываетъ золотыя звѣзды подъ солнечнымъ блескомъ; для меня — нѣмая тѣнь; я изъ моей сокровищницы даю землѣ блаженство вечера, благо тайны».

«Природа, охраняющая мои права, въ ночной тишинѣ пріемлетъ меня, съ любовью слушаетъ меня, дышитъ мною; я снова становлюсь ея душой и, чтобы выполнить свои сладкіе планы, я вызываю изъ глубины стихій подвластное мнѣ племя.

«Гимны блаженства потрясаютъ воздухъ; деревья поютъ, каждое свою пѣсню, густые кусты — свой концертъ, а надъ струею, что течетъ непрерывно, слышно жалобное воркованіе ночной голубки».

Нельзя отрицать, что де-Виньи понялъ сатану очень оригинально, соединивъ въ его характерѣ демонизмъ съ сладострастіемъ.

Любовь—дѣло дьявола, не Бога! То же самое утверждали и отцы церкви, считавшіе безбрачіе единственнымъ совершеннымъ состояніемъ, а искусительницу-женщину—союзницею ада.

Къ аналогическимъ выводамъ приходитъ и Шопенгауэръ въ своей «Метафизикѣ любви», доказывая, что любовь существуетъ не затѣмъ, чтобъ осчастливливать насъ, а затѣмъ, чтобъ, обольщая призракомъ счастья, побуждать насъ къ дѣяніямъ, полезнымъ для вида, но убійственнымъ для индивидуума. Пониманіе любви, какъ демоническаго фактора—отличительная черта всей современной литературы: Ибсенъ, Толстой, Ола Гансонъ, Шибышевскій, даже и нашъ Прусь, въ эротизмъ видятъ не идеаль, къ которому нужно стремиться, а космическую силу, дѣлающую изъ людей игрушку для какихъ-то непонятныхъ цѣлей...

Неизвѣстно, имѣлъ ли де-Виньи въ мысли, хотя *безсознательно*, то же самое, что и теперешніе писатели, дѣлая демона представителемъ земной любви; мы знаемъ только, что, какъ крайній пессимистъ, онъ смотрѣлъ на міръ сквозь призму грусти и за красотами жизни замѣчалъ пустоту. Быть можетъ, считая любовь вещью брешною, онъ не лишалъ ея цѣнности наркотика, раздавателемъ котораго былъ демонъ, антитеза Творца.

Развернувъ передъ жительницей неба цѣлый рядъ блаженныхъ картинъ человѣческой любви, Сатана—Эросъ восклицаетъ:

«Вотъ предъ тобою измѣнникъ и грѣхи его дѣлъ! Укоряемый въ злобѣ, онъ является духомъ утѣшенія, который выградываетъ у господина его раба и силою любви освобождаетъ отъ горестей его положенія, даруя ему минуту волшебства, порою минутой забвенія.

Мефистофель возбуждалъ въ Маргаритѣ отвращеніе, Ада жалѣла Люцифера, у Элоа жадность переходитъ въ любовь.

Элоа безъ словъ говорила: «я твоя», а духъ мрака шепталъ ей: «О, будь моею!... Подойди, дотронься до моей руки. Вскорѣ одинаково ты будешь презирать то, что зовется добромъ, и то, что зовется зломъ. Ты до сихъ поръ не знала, что такое значить отдать свое лоно, чтобы кто-нибудь могъ на немъ скрыть источникъ своихъ слезъ: я одинъ укажу тебѣ дорогу новаго счастья»...

Рожденная на землѣ, Маргарита дѣлается причиною спасенія Фауста; дочь Христа, Элоа *), покинувъ навѣки небесныя радости, спускается въ объятія царя мрака, робко спрашивая его при этомъ:

«Куда, прекрасный ангелъ, ты ведешь меня?»—«Иди за мною!»—«Я думала, что спасу тебя».—«Нѣтъ, я уношу тебя въ міръ тьмы».—«Если мы будемъ вмѣстѣ, не все ли равно, гдѣ не быть! Скажи мнѣ еще разъ: сестра! скажи, божество мое!»—«Ты рабыня, жертва, а не путеводная звѣзда!»—«Ты казался мнѣ такимъ добрымъ! Какъ же можно назвать мое дѣяніе?»—«Преступленіемъ!»—«Но ты-то, по крайней мѣрѣ, счастливъ?»

*) Дальнѣйшую судьбу Элоа рассказалъ Словацкій, обращая ее, въ одной изъ своихъ поэмъ, „въ грустную оберегательницу могилъ сѣвера“.

Болѣ примиренъ съ своею судьбою?»—«Я грустенъ, какъ никогда». — «Кто же ты?»—«Я сатана!»

Прекрасная поэма де-Виньи важна для насъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою какъ бы поворотный пунктъ въ трактованіи отношенія сатаны къ небесамъ. Любовь ангела, дочери Христа, къ провлятому отступнику и бунтовщику была прологомъ къ цѣлому ряду произведеній, авторы которыхъ, нарушая порядокъ традиціи, старались, — впрочемъ, не съ особенно удачнымъ результатомъ, — толкнуть демоническую поэзію на новые пути.

Байронъ сдѣлалъ изъ сатаны фигуру, которую поверхностный читатель готовъ назвать Прометеемъ; Кардуччи и Бодлеръ почти обожествовали его. Что же оставалось дѣлать ихъ преемникамъ? Отважиться еще на одинъ шагъ и, наперекоръ догматамъ и легендѣ, ввести падшаго ангела на небо.

Послѣ де Виньи, который послалъ въ бездну небесную утѣшительницу, выступилъ Теофиль Готье. Онъ именно въ своемъ изящномъ фейерверкѣ юмора и ироніи, носящемъ имя «Слеза дьявола» («Larme du diable» 1839), возбудилъ, устами св. Магдалины, вопросъ о возвращеніи сатаны на лоно небеснаго блаженства.

Главнымъ мотивомъ дѣйствія какъ тамъ, такъ и въ книгѣ Іова и въ «Фаустѣ» Гёте, является закладъ между небомъ и адомъ о душѣ двухъ чистыхъ дѣвъ. Сатана утверждаетъ, что доведетъ ихъ до грѣха, но, расстроганный ихъ невинностью, силою и безкорыстіемъ ихъ чувствъ, роняетъ слезу, которую ангелы собираютъ въ брилліантовый кубокъ.

Дьяволъ Готье не безусловно золъ, потому что, условливаясь съ Творцомъ насчетъ заклада, желаетъ, чтобы въ случаѣ его выигрыша извѣстная намъ Элоа получила прощеніе за бѣгство изъ рая. Но влюбленная въ сатану Элоа отвергаетъ помилованіе и восклицаетъ изъ глубинъ бездны:

«Я предпочитаю адъ съ моимъ осужденнымъ—раю съ вами».

Вообще, сатана «Слезы дьявола» производитъ скорѣе впечатлѣніе симпатичнаго добраго малаго, чѣмъ преступника, и потому пользуется проекціею святыхъ женскаго пола, которыя ходатайствуютъ за него предъ Вышнимъ.

Добрый Творецъ въ принципѣ уже готовъ простить падшаго ангела, но, не желая отмѣнять своего приговора, откладываетъ рѣшеніе вопроса на будущее: «Черезъ двѣ тысячи лѣтъ—увидимъ».

Значительно дальше пошелъ Александръ Сумэ въ своей, теперь совершенно забытой «Божественной Эпопеи» («La divine Epopée», 1841). Поэма странная, длинная и скучная, но достойная вниманія въ томъ отношеніи, что поэтъ пробуетъ представить полное сліяніе ада съ небомъ *).

*) Это не было такъ безусловно ново, какъ могло бы казаться. Изъ поэтовъ уже Клопштокъ ввелъ раскаившагося Аббодону въ рай. Въ первыхъ вѣкахъ христіанства возможность спасенія падшихъ ангеловъ допускалъ Оригенъ, а также множество ересіарховъ, впоследствии же славный теологъ Скотъ Эригена (IX в.), который

Дѣйствіе происходитъ въ будущемъ, послѣ конца міра. Все исчезло, остались только небо и пасть ада. Семида, послѣдняя женщина, нынѣ уже спасенная и святая, любитъ, какъ Маргарита Фауста, осужденнаго Идамееля, который при жизни боролся съ Богомъ, а послѣ смерти, попавъ въ адъ, поднялъ бунтъ противъ Люцифера, свергнувъ его съ престола и самъ принялъ бразды правленія адомъ.

Семида плачетъ въ небѣ; Христось и святые жалѣютъ ее. Наконецъ, Сынъ Божій проситъ Предвѣчнаго Отца дозволить Ему искупить адъ. Отецъ соглашается подъ условіемъ новой смерти, новой Голгофы.

Христось снисходитъ въ адъ. Идамеель приказываетъ Его во второй разъ распять и мучить, но каждая новая мука, однако, подвигаетъ впередъ дѣло искупленія. Крестъ все растетъ и растетъ, возноситъ къ небу святую жертву, а вмѣстѣ съ нею и весь адъ. Идамеель, пораженный утратою царства, самъ вонзаетъ копьѣ въ сердце Избавителя, и адъ начинаетъ опускаться внизъ.

Но Предвѣчный Отецъ, не желая, чтобы дѣло Сына было потеряно, наполняетъ весь адъ мистическимъ свѣтомъ, который уничтожаетъ все, что было зломъ въ аду. Только одинъ гордый Идамеель осмѣливается противиться этому вліянію, но и онъ, однако, падаетъ, вмѣстѣ съ раскаявшимся и давно уже оплакивающимъ свои грѣхи Люциферомъ, на колѣна, и, получивъ прощеніе, соединяется въ небѣ съ возлюбленной Семидою навѣки.

Изъ этого изложенія видно, какую малую роль играетъ здѣсь настоящій сатана, свергнутый съ престола обыкновеннымъ смертнымъ, коль скоро онъ получаетъ прощеніе вмѣстѣ съ цѣлымъ адомъ, не столько вслѣдствіе собственнаго раскаянія, сколько вслѣдствіе слезъ, моленій и предстательства женщины. Въ дальнѣйшемъ теченіи поэмы Сумэ показываетъ намъ Люцифера «одѣтымъ въ прирожденный ему блескъ и стоящимъ на сафирахъ, изъ которыхъ сдѣланы ступени ко святому мѣсту» *). Падшій и реабилитированный архангелъ подъ акомпанементъ арфы поетъ похвальные гимны въ честь Егвы:

„Gloire! ma jeune voix n'a plus de chants funèbres;
Je reprends aujourd'hui l'hozanna commencé
Avant que sur mon coeur, épris de ses ténèbres,
L'enfer de dix mille ans jour à jour eût passé“ etc.

выходилъ изъ пантеистическаго принципа, что какъ нѣкогда все находилось въ Богѣ, такъ все и должно возвратиться къ Нему. Какъ мы знаемъ, это воззрѣніе у индуизма составляетъ главный фундаментъ ихъ религіозно-философской системы: зло, какъ переходная форма реализаціи существованія, не можетъ существовать вѣчно, но должно исчезнуть, возвратившись на лоно абсолюта, то-есть предвѣчной причины причинъ. Многіе европейскіе метафизики XIX вѣка приняли это древне-индійское воззрѣніе на природу происхожденія зла. Поэты пошли по ихъ слѣдамъ.

*) Et Lucifer, paré de ses splendeurs natales,
Debout sur les saphirs, qu'on a jeté pour dalles
Au degrés du lieu saint, rend à sa harpe d'or
De ses hymnes perdus l'harmonieux trésor (XII).

И все это въ концѣ концовъ заслуга Семиды, которая, тоскуя объ осужденномъ Идамеелѣ, молила Христа о предстательствѣ и осмѣлилась «изслѣдовать бездну милосердія, кроющуюся въ сердцѣ Христа» (*L'abime de clémence au coeur de Jésus-Christ*).

Первая женщина (Ева) погубила міръ; послѣдняя (Семида) спасла его—

Car, du Dieu créateur doux et puissant bienfait,
La femme a dû guerir le mal qu'elle avait fait.

Однимъ словомъ, поворотъ къ до-христіанскимъ доктринамъ и развитіе католическаго мотива «вѣчной женственности», на ряду съ не особенно счастливыми фантазіями автора, который отстранилъ Люцифера на второй планъ, совершенно испортили оригинальный замыселъ всего произведенія.

Изъ другихъ произведеній, порожденныхъ въ эпоху романтизма, заслуживаетъ вниманія англійскій романъ Роберта Матюрена «Мельмотъ-скиталецъ».

Это исторія человѣка, который продалъ душу дьяволу и, желая избѣжать наказанія, тщетно ищетъ кого-нибудь, чтобы передать свой договоръ со всѣми выгодами и обязательствами. Никто не хочетъ, даже за сверхъестественное могущество, погубить свою душу, и Мельмотъ умираетъ, послѣ долгой жизни, въ страшныхъ мученіяхъ, физическихъ и моральныхъ. Самъ дьяволъ не выступаетъ въ романѣ, но герой, одаренный необычайными особенностями, часто производитъ впечатлѣніе демона. «Новыя скитанія оригинала» Коженевскаго слегка напоминаютъ произведенія Матюрена, и здѣсь, и тамъ выступаетъ человѣкъ, исполняющій функціи сатаны, — «кандидатъ въ дьяволы».

Продолженіе романа Матюрена вышло изъ-подъ пера Балзака («*Melmoth réconcilié*»). Это замѣчательная попытка воспроизведенія психологіи человѣка, превращеннаго въ дьявола. Имѣя возможность сдѣлать все, Кастанье, наслѣдникъ Мельмота, не желаетъ ничего, потому что понялъ все, изслѣдовалъ до глубины и нашелъ недостойнымъ пожеланія. «Зная все, — онъ томился по неизвѣстномъ». «*En voyant les principes et le mécanisme du monde, il n'admirait plus les resultats et manifestait bientôt ce dédain profond qui rend l'homme supérieur semblable à un sphinx qui sait tout, voit tout et garde une silencieuse immobilité. Riche de tout la terre — la richesse et le pouvoir ne signifièrent plus rien pour lui.*» — «*Comédie du diable*» того же автора — только общественно-эстетическая сатира. Дьяволъ устраиваетъ въ аду театръ, разныя школы борются изъ-за него, и т. п.

Романъ Фредерика Сулье «*Mémoires du diable*» не что иное, какъ модернизация мотива, разработаннаго Лесажемъ, съ тою разницею, что дьяволъ Сулье обладаетъ несомнѣнно большимъ количествомъ послѣдовательности, энергіи и злоязычія — однимъ словомъ — демонизма; во всякомъ случаѣ онъ стоитъ выше злого духа въ «Донъ-Хуанѣ де-Маранья» Дюма.

Всѣ перечисленные выше произведенія не вяжутся органически съ эволюціей, которой подвергался дьяволъ въ литературѣ, и потому именно,

что авторы ихъ не интересовались сатанизмомъ самимъ по себѣ, а пользовались имъ только какъ декоративнымъ или психологическимъ мотивомъ въ тѣсномъ, земномъ, человѣческомъ смыслѣ этого слова.

Но зерна, брошенные де-Виньи, Готье и Сумэ, упали не на бесплодную почву.

Къ той же самой цѣли, но только другою, болѣе благодарною и логичною дорогою, чѣмъ та, которую избралъ себѣ Сумэ, пошли два другихъ поэта: нѣмецъ Иммерманъ и французъ Кинэ. Темою для своихъ произведеній они избрали извѣстную уже намъ легенду о волшебникѣ Мерлинѣ, сынѣ инкуба и монахини. Хотя первый изъ нихъ издалъ свое произведение въ 1831 году, а второй тридцатью годами позже, — каждый разработалъ свою тему вполне самостоятельно и оригинально.

Нужно замѣтить, — въ демонической поэзіи XIX вѣка явленіе довольно обыкновенное, — что даже въ произведеніяхъ, основанныхъ на тождественныхъ мотивахъ, трудно подмѣтить какую-нибудь генетическую связь.

Доступъ къ источникамъ теперь настолько легокъ, что всякій предпочитаетъ черпать свѣдѣнія изъ первыхъ, чѣмъ изъ вторыхъ рукъ.

Если же въ группировкѣ разбираемыхъ нами въ настоящую минуту произведеній мы руководствуемся родственностью мотивовъ и содержанія, то эта классификація является чисто внѣшнею, не основанною, какъ въ предыдущихъ главахъ нашего этюда, на законахъ эволюціи.

Богда-то демоническая поэзія была органически связана съ интеллектомъ цѣлыхъ народовъ и эпохъ; теперь же она еле-еле существуетъ, поддерживаемая вкусами или капризами исключительныхъ индивидуумовъ, которые не находя среди дѣйствительности элемента, соответствующаго идеямъ, ферментирующимъ въ ихъ мозгу, ищутъ символовъ вездѣ, не исключая средневѣкового ада и неба.

Иммерманъ слилъ легенду о Мерлинѣ съ пантеистическими мечтаніями гностиковъ.

Дьяволъ его тождественъ съ «Деміургомъ» Валентина, Василида и Маркіона. Только невѣжественная толпа считаетъ его страшилищемъ; посвященные адепты видятъ въ немъ «князя природы, на раменахъ котораго сидятъ соловьи и который, точно богъ весны, несетъ за собою любовь и жизнь».

Ошибка его и вина заключается въ томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы признать благодать Навысшаго Бога и святость Христа, возмущается противъ неба и хочетъ съ нимъ бороться и дальше, при помощи сына, рожденнаго отъ непорочной дѣвы. Мерлинъ, хотя и чтитъ своего адскаго родителя, какъ владыку матеріи, но не оправдываетъ возлагаемыхъ на него надеждъ, и, желая принудить Деміурга къ признанію не только преимущества, но и справедливости Божіей, разверзаетъ передъ нимъ небеса:

Мерлинъ. — Если тебя охватываетъ страхомъ мысль о томъ, что

твоя природа обратится въ ничто потому только, что въ минуту, когда ты создалъ ее—Онъ запечатлѣлъ на ея устахъ святой поцѣлуй, который нарекли Христомъ,—то знай, всемогущій, хотя и ограниченный духъ,—*миръ только теперь началъ жить*, и уже не умереть. Откройте, небеса! Смотри! (Дѣлаетъ движеніе рукой. Облака разступаются. Видно великолѣпіе неба).

Сатана. Что ты сдѣлалъ? Горе мнѣ и тебѣ! Я слѣпну...

Мерлинъ. Приди въ себя!

Сатана. О, Адонаи!... ахъ!...

Мерлинъ. Что ты видишь?

Сатана. Какая мука!... *Я вижу самъ себя... И все, все!...* Правда это или заблужденіе? кто владыка *вещей*? кто владыка *мрака*? я не знаю... Онъ?... я... О, довольно, перестань меня терзать!...

Мерлинъ. Ты *вышелъ изъ него*, вмѣстѣ съ своими легионами. Ты былъ его *слугою*; Онъ *избралъ тебя формою ненависти*, потому что его наполняетъ величайшая любовь... Смотри, смотри, ты могучій *богъ природы*, смотри на *природу, живущую въ лонѣ божьемъ!*

Одинаково оригинальнымъ способомъ могъ понять и представить дьявола развѣ только индусъ *) или соотечественникъ великаго Канта, критицизмъ котораго въ концѣ концовъ переродился въ шопенгауэровскій пантеизмъ, близкій къ «Ведантѣ» и «Санкии» древнихъ индійскихъ философовъ.

Сатана Иммермана царитъ,—но только надъ міромъ, проявляющимся во времени и пространствѣ, надъ міромъ феноменовъ, за которымъ кроется сущность вещи, Кантовское «Das Ding an sich», живущее въ первоначальной причинѣ причинъ,—въ Богѣ.

Можно ли было сильнѣе унижить гордаго князя матеріи, какъ показавъ ему, что все его царство и даже онъ самъ—не что иное, какъ только отдаленная эманация, тѣнь тѣни Вышшаго Существа?

Но какъ человекъ, даже убѣжденный, что все реальное существованіе—только одно заблужденіе, несмотря на то, не перестаетъ жадать жизни и ея радостей, такъ и иммермановскій Деміургъ-Сатана, познавши свое настоящее положеніе, не можетъ примириться съ нимъ и не только попрежнему питаетъ ненависть къ небу, но желаетъ перетянуть на свою сторону изломаннаго жизнью Мерлина, и, не услѣвъ въ этомъ, убиваетъ его могуществомъ своей воли.

Это—картина вѣчнаго процесса борьбы грубыхъ страстей съ идеальными порывами, борьбы, обуславливающей жизнь и развитіе какъ отдѣльныхъ единицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и обществъ.

*) Въ „Бхагаватъ-Гитѣ“ Арджуна, созерцающей великолѣпіе Кришны, восклицаетъ: „О, Боже, я вижу въ твоемъ тѣлѣ всѣхъ боговъ и массы живущихъ существъ—и великаго Брахму, сидящаго на лотосѣ, и всѣхъ змѣевъ небесныхъ“.

II.

Кинэ: „Merlin l'Enchanteur“.—Викторъ Гюго: „La fin de Satan“.—Жюль Буа: „Свадебный пиръ Сатаны“ и „Возвращеніе на небо“.—Будущность демонической поэзіи.—Ренавъ.—Верлеъ: „Crimes amoris“.—Современные сатанисты.—Юисмансъ.—Демонизмъ настроенія.

Иммерманъ истолковалъ фигуру и исторію Мерлина необычайно глубоко, чисто философскимъ способомъ. Символизмъ, проявляющійся въ родственномъ этому произведенію Эдгара Кинэ (Merlin l'Enchanteur), основанъ на историко-политической почвѣ. Кинэ не пытается проникнуть въ глубину источника существованія, но хочетъ найти разгадку общественно-моральныхъ загадокъ.

Мерлинъ Кинэ—это воплощеніе французскаго генія со всеми его достоинствами и недостатками; Вивіана представляетъ природу; Жакъ Бономъ—народъ, и т. п. Сатана олицетворяетъ зло главнымъ образомъ социальнаго свойства.

Подъ влияніемъ уговоровъ и дѣяній Мерлина, которые облагораживаютъ всѣ народы, дряхлый отецъ его, Сатана, утомленный ненавистничествомъ, начинаетъ исправляться и наконецъ собственными руками разрушаетъ столбъ, подпирающій сводъ бездны: души осужденныхъ получаютъ свободу и въ мірѣ воцаряется ничѣмъ ненарушимое счастье.

Аллегорія довольно прозрачная, но холодная и сухая; фигурѣ же сатаны Кинэ, какъ впрочемъ и всей поэмѣ, недостаетъ цѣлостности. Мѣстами она кажется бездушнѣйшей абстракціей, мѣстами же впадаетъ въ тонъ слишкомъ вульгарный, почти тривіальный.

Придя къ сыну, Сатана жалуется на паденіе ада: «Когда-то я царствовалъ среди павшихъ архангеловъ, преступленія которыхъ имѣли нѣкоторое величіе, и это удовлетворяло мою гордость. Теперь они совершаютъ грѣхи такіе мелкіе, преступленія такіа ничтожныя, что возбуждаютъ отвращеніе во мнѣ самомъ. О! этотъ фальшивый адъ отталкиваетъ меня больше, чѣмъ рай: я не для того созданъ, чтобъ властвовать надъ мелкими негодьями!» (Кн. XIII).

Это звучитъ еще довольно сильно.

Потомъ наступаетъ цѣлый рядъ бесѣдъ въ фамиллярномъ тонѣ, бесѣдъ, какія могъ бы вести разсудительный сынъ легитимиста съ отцомъ, который, попавъ въ милость, рассорился съ дворомъ и не хочетъ просить извиненія.

Въ концѣ концовъ Сатана соглашается совершить актъ покаянія, выговаривая себѣ, однако, чтобы при этомъ было не болѣе двухъ свидѣтелей, умѣющихъ хранить молчаніе. Эта торговля и уступки носятъ страшно мѣщанскій колоритъ. Здѣсь не чувствуется истиннаго величія характера, который какъ въ прегрѣшеніи, такъ и въ покаяніи долженъ быть одинаково возвышеннымъ.

Сатана Кинэ раскаивается потому только, что у него уже нѣтъ силъ творить зло на свѣтѣ, который совершенно измѣнился подѣ влияніемъ его собственнаго сына, рожденнаго отъ святой монахини. Въ этомъ есть туманный исторіософическій символизмъ, но нѣтъ художественности, нѣтъ психологіи падшаго полубога.

Политико-общественные намеки вообще составляютъ слабую сторону французскихъ гомеровъ ада. У Шатобриана дьяволъ, какъ революционеръ, декламировалъ строфы изъ Марсельезы, у Кинэ же *) и у Виктора Гюго онъ сталъ представителемъ обратнаго теченія. Викторъ Гюго пытался поставить свою поэму (*La Fin de Satan*) на философскую почву.

Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по предисловію къ «Легендѣ вѣковъ» (1857 г.), которая должна была быть посредствующимъ звеномъ трилогіи, воспѣвающей «Естество» подѣ его тремя ипостасями. Эти три ипостаси—безконечность, человѣчество и зло, или—абсолютъ, прогрессъ и относительность, а соответственныя имъ поэмы—«Богъ», «Легенда вѣковъ» и «Конецъ сатаны».

Первое изъ этихъ произведеній осталось только въ замыслѣ, послѣднее же, несмотря на множество недостатковъ, принадлежитъ къ выдающимся и самымъ характернымъ произведеніямъ современной демонической поэзи. Появилось оно уже послѣ смерти поэта **). Несмотря на эпическую форму, «Конецъ сатаны» вовсе не эпопея въ точномъ значеніи этого слова, а произведеніе философско-символистическое.

Дѣйствіе поэмы, продолжающееся миллионы лѣтъ, разыгрывается послѣдовательно въ пространствѣ, *«hors de la terre»*, и на поверхности земного шара. Въ прологѣ, озаглавленномъ *«Et nox facta est»*, поэтъ описываетъ паденіе Сатаны съ небесныхъ высотъ. Паденіе это продолжается уже цѣлыя вѣка, Сатана погружается все глубже и глубже въ неизмѣримую бездну, не находя никакой точки опоры. Наконецъ, онъ ударяется рукою о какую-то массу гранита, хватается за скалу и встаетъ на ноги, обративъ лицо къ небу. Такъ онъ стоялъ тысячу лѣтъ, смотря на лучи солнца, вращающагося въ пространствѣ. Вдругъ раздается сильный ударъ грома; Сатана разразился дикимъ смѣхомъ и плюнулъ вверхъ—слона эта впоследствии обратилась въ Варавву. Тогда сильный порывъ вѣтра сталкиваетъ богохульника въ пропасть, Сатана летитъ, летитъ—и послѣ долгаго промежутка времени, снова задерживается въ своемъ полетѣ.

Въ пространствахъ эира угадали все солнца, за исключеніемъ трехъ,

*) Кинэ выводитъ нѣсколько блѣдныхъ дьяволовъ, критикующихъ твореніе въ первой интермедіи своей мистеріи „Агасферъ“.

***) Вышла въ свѣтъ въ 1886 году. Кромѣ того, Викторъ Гюго вводитъ дьявола, выдержаннаго въ средневѣковомъ стилѣ, въ „Легенду вѣковъ“, въ прекрасную басню „Le beau Resorin et la belle Bauldour“, а также въ нѣсколько мелкихъ произведеній, среди которыхъ заслуживаетъ вниманіе сатирико-политическая басенка о дьяволѣ, играющемъ съ небомъ въ карты на Луи Наполеона и графа Ферретти.

но и тѣ гаснуть поочередно. Когда послѣднее начало утрачивать свой блескъ, Сатана задрожалъ; его поразила мысль о вѣчномъ мрагѣ и одиночествѣ. Онъ развернулъ свои огромныя крылья, напоминающія крылья летучей мыши, и полетѣлъ вверху, къ гаснущему свѣтилу, съ крикомъ: «Золотая звѣзда! братъ! не угасай, не оставляй меня одного!» Звѣзда все уменьшалась, становилась мало-по-малу искоркой, маленькой красной точкой на черномъ фонѣ небесъ. Сатана черезъ десять тысячъ лѣтъ долетѣлъ до нея въ ту минуту, когда послѣдній блескъ свѣтила уже умиралъ.

Этотъ взлетъ Сатаны къ угасающей звѣздѣ, это описаніе солнца, умирающаго въ пространствѣ, принадлежать къ великолѣпнѣйшимъ эпизодамъ, не только поэмы Гюго, но и вообще современной поэзіи, и его смѣло можно поставить на-ряду съ знаменитымъ блужданіемъ Сатаны по хаосу «Потеряннаго Рая» Мильтона.

Наконецъ, солнце угасло; Сатана остался во мрагѣ одинъ. Тѣмъ временемъ въ небѣ ангелы замѣтили на краю бездны перо, вырванное изъ крыла низверженнаго ангела. На вопросъ: не нужно ли и его столкнуть въ пропасть? Богъ отвѣчаетъ: «Не бросайте того, что само упало».

Потомъ поэтъ переноситъ насъ на землю. Человѣческое племя тонетъ въ грѣхѣ; Богъ рѣшилъ уничтожить его. Когда потопъ залилъ все, Богъ обращается къ Хаосу, чтобъ тотъ взялъ назадъ этотъ міръ. Хаосъ поднимаетъ свою голову «слѣпую, гигантскую, страшную, съ двумя черными пропастями на мѣстѣ глазъ» и отвѣчаетъ, что не хочетъ брать назадъ того, что у него отняли однажды. Наконецъ Богъ соглашается, чтобы міръ ожилъ вновь. Волны опускаются; въ грязи, оставшейся послѣ наводненія, издыхаютъ допотопныя чудовища; Ной выходитъ изъ ковчега и люди принимаютъ власть надъ землею.

Тогда появляется призракъ, окутанный пеленою. То Изида-Лилить, дочь Сатаны и Мрака. До сотворенія Евы она была женою Адама, но потомъ отвергнута имъ. Допотопныя люди поклонялись ей, какъ божеству. Лилить приходитъ, чтобы во имя отца-Сатаны посѣять зерно зла въ новомъ, возрожденномъ мірѣ. Зерно это—три орудія, какими Каинъ убилъ Авеля, а именно: кусокъ желѣза, деревянная палица и камень. Желѣзо преобразилось въ мечъ, дерево—въ висѣлицу, а камень—въ тюрму.

На этомъ прологъ кончается. Первая книга поэмы носитъ названіе «Мечъ» и описываетъ исторію Немврода, великаго охотника и воина. Онъ нашелъ въ допотопномъ илѣ кусокъ желѣза, на которомъ остались кровавыя слѣды перваго преступленія, и выковалъ изъ него мечъ. Мечомъ этимъ онъ покоряетъ всю землю и жаждетъ даже, на подобіе Кай Бавуса изъ «Шахнама», дойти до самого Бога въ небѣ, за что его поражаетъ громъ.

На этомъ кончается первая книга, и дѣйствіе снова на время переноситъ насъ въ неземныя пространства. Выше мы уже упоминали, что на краю пропасти осталось перо изъ крыла Сатаны:

«Имѣло ли это перо душу? Кто можетъ знать это? Станнымъ оно ка-

залось на видъ; лежа, оно свѣтилось какимъ-то мрачнымъ блескомъ... Порою по бѣлоспѣжному пуху пробѣгалъ огонь, свидѣтельствуя, что это перо, дрожащее надъ пропастью, было когда-то частицею крыла мятежника. Днемъ и ночью—трогательная вѣра, и безбожная смѣлость, и адская пытливость, и безмѣрное желаніе, презирающее судьбу, и вихри, и волны, благородныя, мудрыя мысли, и бѣшеное безуміе—все это дрожало, жило въ этомъ гигантскомъ перѣ... Но больше любви, чѣмъ угрозы чувствовалось въ движеніи пера, которое колебали поочередно то небесный вѣтеръ, то дыханіе бездны. Тутъ наль на него божественный взглядъ Того, Кто сотворилъ небо, землю и свѣтъ. И подъ этимъ лучомъ перо дрогнуло—и начало яснѣть и расти, принимая формы и жизнь: блескъ сталъ *женщиною*.

Женщина поднялась, освѣщая безконечность своею невинною улыбкою. Ангелы, серафимы, херувимы съ изумленіемъ смотрѣли на свою сестру, *«которую породило небо и пастъ ада»*.

Болѣе прекрасной небеса не видали никогда. Она была горда и чиста; ея лицо свѣтилось мягкимъ блескомъ и дышало жаромъ, а во взглядѣ утраченная заря, казалось, сливалась съ молніями.

На вопросъ ангеловъ: какое имя будетъ носить новорожденная?—изъ глубинъ безконечности загремѣло: «Свобода».

Тутъ въ игру начинаетъ входить уже политика: изъ пера возмутившагося небожителя Господь Богъ творить ангела свободы.

Книга вторая «Висѣлица» описываетъ жизнь и муки Христа. Смерть Праведника не исправила міра. Изида-Лилить, фатальность, дочь и исполнительница намѣреній Сатаны, нисходитъ въ бездну, чтобы отдать отцу отчетъ въ томъ, что она совершила на землѣ. Зло торжествуетъ, добро погибаетъ! Сѣмя Каина принесло плодъ: люди ненавидятъ и убиваютъ другъ друга; камень, орудіе братоубійства, разросся въ гигантскую темницу—Бастилію.

Но Сатана не слушаетъ Лилить. Еще до переселенія въ бездну онъ плакалъ надъ своимъ несчастіемъ. Сатана, свергнутый, оскорбленный, презираемый, любитъ Бога и тоскуетъ по утраченному имъ сіянію небесъ. Если онъ насылаетъ зло на людей, то вовсе не изъ любви ко злу, а ради мести, ради зависти, потому что самъ не знаетъ покоя и счастья. Каждое проявленіе зла только увеличиваетъ моральныя муки осужденнаго архангела. Каждое, вызванное имъ страданіе, отражается на немъ самомъ.

Стоны и рыданія Сатаны дошли до небесъ, и другая дочь его, Свобода, проситъ Всевышняго дозволить ей снизойти въ адъ.

Богъ разрѣшаетъ, и ангелъ появляется въ темной безднѣ почти одновременно съ Лилить. Изида-Лилить, или фатальность, пораженная лучами, льющимися съ чела Свободы, расплывается во мракъ, а Сатана, въ первый разъ за длинный рядъ вѣровъ, засыпаетъ, потому что только во снѣ можетъ видѣть посланниковъ рая.

Свобода преклоняетъ передъ нимъ колѣна и говоритъ: «Отецъ, дозволю мнѣ избавить добрыхъ, чистыхъ и невинныхъ! Смотри, слушай, я плачу надъ ними и надъ тобою, о, склонись на мою просьбу! Богъ создалъ меня «Свободою», сдѣлай меня «Освободительницею міра». На челѣ спящаго Сатаны на минуту появился блескъ, подобный тому, который когда-то украшалъ главу архангела, и съвозъ его стиснутыя уста вылетѣло слово: «Иди»!

Изъ третьей книги, носящей наименованіе «Темницы», осталось нѣсколько мелкихъ фрагментовъ, а также названія отдѣльныхъ главъ. Последняя должна была заключать описаніе разрушенія Бастиліи.

Эпизодъ опять разыгрывается въ земныхъ пространствахъ. «Во мракѣ раздаются несмолкаемыя рыданія Сатаны... Я люблю Его, — восклицаетъ падшій архангелъ, — а Онъ меня ненавидитъ!» Въ это время раздался голосъ Предвѣчнаго:

«О, нѣтъ, Я тебя не ненавижу! Между нами появился ангелъ, который заглядилъ твой грѣхъ: ты связалъ человѣка, Свобода избавила его отъ узъ. Она моя дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ твоя, и это возвышенное отцовство снова объединяетъ насъ. Воскресни, Архангелъ, да помилуетъ демонъ! Я разсѣиваю мракъ ночи: Сатана уже не существуетъ, возрождается архангелъ, небесный Люциферъ».

Этими словами заканчивается поэма, руководящую идею которой можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ: Мечъ, висѣлица, темница, — суть три символа матеріальнаго насилія, или зла; претерпѣвая насиліе, мы испытываемъ зло.

Всѣ ли виды зла, однако? Это вопросъ.

Субъективно зло проявляется въ видѣ страданія, а развѣ всякое страданіе имѣетъ своимъ источникомъ насиліе человѣка надъ человѣкомъ?

Не говоря уже о томъ, что мечъ, висѣлица и тюрьма не исчерпываютъ всѣхъ проявленій матеріальнаго насилія, самая идея выведенія зла единственно изъ злоупотребленія силою кажется чрезчуръ узкой. Если мы допустимъ даже, что насиліе совершенно исчезнетъ, что сильный развѣ навсегда перестанетъ эксплуатировать и обижать слабого, неужели тогда счастье станетъ удѣломъ всего міра, а всякое зло прекратится навсегда?

Не заходя такъ далеко, какъ пессимисты, которые самое «существованіе» признаютъ страданіемъ, трудно не признать, что очень часто адъ пылаетъ не только внѣ, но и внутри человѣка, что въ немъ самомъ часто кроется причина страданія.

Если бы это было иначе, такіе типы, какъ Гамлетъ, Фаустъ и Манфредъ, могли ли бы появиться въ поэзіи и сыграть такую огромную роль въ духовной жизни человѣчества?

На эту форму страданія, или, смотря на вещь шире, зла, Гюго въ своемъ произведеніи не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека. Должно быть, вслѣдствіе этого, и самая фигура, олицетворяющая зло — Сатана, вышла чрезвычайно блѣдною и безцвѣтною.

Сатана хотѣлъ сравняться съ своимъ Творцомъ и за это былъ низ-

вергнуть въ бездну. Тутъ мятежный архангелъ, словно малый ребенокъ, боясь остаться одинъ въ темной комнатѣ, дрожитъ при мысли, что солнца померкнуть на небесномъ сводѣ и что вѣчная ночь покроетъ адъ. Это опасеніе подавляетъ его до такой степени, что онъ въ теченіе десяти тысячъ лѣтъ даже и не пытается возобновлять борьбу, ограничиваясь тривиальнымъ плачемъ и проклятіями... А кромѣ этого онъ не дѣлаетъ ничего.

Да и позже онъ дѣлаетъ не много, довольствуясь услугами своей дочери, Изиды-Лилитъ. Она-то именно и наталкиваетъ людей на преступленія, она подготавливаетъ торжество зла на землѣ; Сатана же страдаетъ и плачетъ (плачущій Сатана—великолѣпная антитеза, и трудно было воздержаться отъ искушенія воспользоваться ею!), страдаетъ, но почему? Потому ли, что онъ не достигъ цѣли своихъ стремленій, что оказался униженнымъ? Ничуть. Онъ плачетъ потому, что ему скучно одному во мракѣ, а на небѣ было веселѣй и свѣтлѣе.

Однимъ словомъ, онъ страдаетъ скорѣе отъ внѣшнихъ, чѣмъ отъ внутреннихъ причинъ, потому что отъ мечтаній о величіи отрекся навсегда. Все ничтожество этой фигуры дѣлается еще болѣе рельефнымъ, если мы сравнимъ ее съ твореніемъ другого великаго республиканца и поэта—Мильтона.

Какъ убого звучать жалобы Сатаны, который умоляетъ адъ, чтобы тотъ проливалъ надъ нимъ слезы:

„Ayez de la pitié, gouffre, prison, géhenne,
Sépulcre, chaos, nuit, désolation, haine,
Ayez de la pitié, si le ciel n'en a pas,
Sur Satan, de si haut précipité si bas!
O voûtes de l'enfer, laissez tomber des larmes!“

Неужели это слова гордаго архангела, который смѣлъ мѣряться съ Богомъ?

„ pleure,
Sanglote, implore, écume, aime! et sois rebuté!
Aimé! refais toujours la même lacheté!
Chien Satan, vautre-toi toujours dans la bassesse!“

Да: «люби, плачь и унижайся, погрязай въ подлости». Вотъ квинтэссенція характера полубога, титана, мятежника! Ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь могущества духа. Даже чувствительный, sentimentalный Аббадона, падшій и раскаивающійся серафимъ въ «Мессиадѣ» Клопштока, обладаетъ большимъ достоинствомъ.

Вообще, мотивъ компромисса между адомъ и небомъ закончился въ поэтическомъ отношеніи невыгодною для сатаны нотой и, ослабивъ индивидуальность этого лица, превратилъ его въ безкровный символъ.

Но зато съ философской точки мы должны признать этотъ фактъ логическимъ и естественнымъ послѣдствіемъ процесса развитія. Выражаясь фигурально, можно сказать, что поэтический характеръ дьявола до нѣкоторой степени закончилъ цѣль своего индивидуальнаго существованія, или

прошелъ всё ступени лѣстницы, по которой, согласно мнѣнію индійскихъ мыслителей, а также и многихъ европейскихъ пантеистовъ, нисходитъ и восходитъ всякая монада предвѣчной субстанціи существованія.

Прежде всего онъ съ инволюціоннымъ теченіемъ спустился отъ Абсолюта до матеріи, или съ неба на землю (паденіе), гдѣ былъ приравненъ къ низшимъ твореніямъ и долженъ былъ, по словамъ Евангелія, вступать въ тѣла нечистыхъ животныхъ.

Потомъ, мѣняя рядъ формъ, все болѣе и болѣе благородныхъ, онъ совершенно дематеріализовался въ произведеніяхъ бардовъ нашей эпохи и, завоевавъ вновь свои архангельскіе атрибуты, возвратился на лоно безконечности (искупленіе).

Но ни Сумэ, ни Кинэ, ни даже Викторъ Гюго не поставили вопросъ ясно и выразительно на такую почву. Иммерманъ сдѣлалъ это, но, изображая средину эволюціоннаго процесса, не могъ представить конечнаго момента реабилитаціи дьявола.

И только въ послѣднее время оккультистъ Жюль Буа, въ драмѣ «Свадебный ширъ Сатаны» (*Les Noces de Satan, drame ésoterique*), воспѣваетъ въ звучныхъ, хотя и туманныхъ стихахъ до нѣкоторой степени окончательное возвращеніе временно униженнаго ангела въ состояніе первобытной чистоты и покоя; обязательную роль избавительницы играетъ здѣсь символъ интуиціи и женственности, Психея, которая своимъ мистическимъ поцѣлуемъ превращаетъ уже истомленнаго зломъ Сатану—человѣчество въ благородный духъ небесъ, говорящій о себѣ и своей задачѣ:

*„Je suis sorti du fond du Mal et de l'Abime
Comme l'Autre *) est sorti du fond des puretés,
Mais je purifierai mon noir Père l'Abime;
Les pierres du Mal construiront la Vérité!“*

Собственно говоря, Сатана здѣсь—только символъ мужскаго неистовства, гордости, страстности («*les révoltes, les désirs, l'orgueil de l'homme*»); Психея же олицетворяетъ порывы сердца, слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ силу женщины, посредницы и утѣшительницы.

Сатана, спасенный, приноситъ своей супругѣ признательность за то, что она своею ласкою преобразила и спасла его:

*Le miracle de la caresse
A transfiguré mon tourment;
Moi qui croyais par ta faiblesse
Couronner le mal triomphant,
Je sens le bien et son ivresse
Ensorceler mon front tremblant,
Et me voici tout chancelant
Comme un enfant qu'un baiser blesse.*

И ангелы увѣнчиваютъ головы мистическихъ супруговъ красными лиліями...

*) Христосъ.

Такъ узко понятыя и туманно истолкованныя символы не производятъ никакого демоническаго впечатлѣнія: въ нихъ есть «фирма» сатаны, но сущности его нѣтъ.

Вообще, новыя попытки, все болѣе и болѣе отдаляющіяся отъ чистой христіанской традиціи и растворяющія твердую фигуру чорта въ блѣдныхъ туманахъ символизма, свидѣтельствуютъ, что истинная демоническая поэзія уже сказала Европѣ свое послѣднее слово. Подъ словомъ «истинная» мы подразумѣваемъ такую поэзію, которая считается съ историческимъ развитіемъ сатанинскаго типа и, вводя въ него новые элементы, сливается органически съ прежними, а обращая христіанскаго дьявола въ символъ, не лишаетъ его личности.

Поэтамъ «милостію Божіею» предѣлы, установленныя традиціею, не мѣшали создавать великолѣпныя и оригинальныя фигуры: примѣромъ этому могутъ служить могучія творенія Гёте и Байрона. Тамъ нѣтъ недостатка и въ символизмѣ, но прежде всего есть то, что составляетъ ядро сатанинскаго типа, а именно—индивидуальность, характеръ и демоническая сила.

Символистическіе дьяволы XIX столѣтія не только не имѣютъ ничего общаго, кромѣ имени, съ традиционнымъ княземъ ада, но, что еще печальнѣе, имъ часто недостаетъ пластики и характера.

Будетъ ли такъ всегда? Неужели не народится поэтъ, который сумѣлъ бы оживить эту полусонную и затуманенную фигуру и сдѣлать изъ нея существо, равное Мефистофелю и Люциферу? Предвидѣть это невозможно.

Какъ общественныя литературныя направленія, такъ и общее философское настроеніе эпохи, кажется, неблагопріятствуютъ этому. Современная поэзія, какъ мы знаемъ, или крѣпко держится земли, или расплывается въ волнахъ субъективизма, настроенія; философія же давно покончила съ дуалистическими теченіями и сильно клонится къ монизму *).

И вотъ, возьмемъ ли мы уже догорающій матеріализмъ, или народившійся,—вѣрнѣе, нарождающійся спиритуалистическій пантеизмъ,—въ объѣихъ этихъ системахъ, безъ сомнѣнія, найдется мѣсто для злобныхъ чортиковъ, но ни одинъ геній слова и мысли не сумѣетъ даже и въ подобной атмосферѣ воспитать фигуру мрачнаго и непримиримаго Аримана, который, какъ мы это показали въ первой части нашего этюда, можетъ развиваться и удерживаться только на дуалистической почвѣ.

Правда, остаются еще антагонизмъ и общественная борьба, для поэтическаго возстановленія которыхъ могутъ пригодиться старыя, классическіе символы, какъ это намъ доказываетъ «Прометей и Сизифъ» Бюнопицкой.

Однако и на эти диссонансы социологи смотрятъ теперь какъ на конечныя фазы естественнаго историческаго процесса: Сатану и здѣсь, вѣроятно, встрѣтитъ судьба, которую напророчилъ ему Врхлицкій въ своемъ «Духъ и свѣтъ»:

*) L'être absolu est au-dessus du bien et du mal et est à la fois le bien et le mal (Mystyk Coulomb „Secret de l'Absolu“).

«Чувство любви распѣтало въ сердцѣ человѣка такимъ роскошнымъ бѣлымъ кустомъ, что сатана, ослѣпленный блескомъ свѣта, завылъ и безславно умеръ. Мiромъ стали управлять покой и счастье, поля красовались въ колосистомъ нарядѣ... Провидѣніе уже забыло, что сатана когда-то существовалъ въ сіяніи своей славы. Только Богъ вѣрилъ, что то была мглистая тѣнь, которая падала на землю...»

Возрѣнія ученыхъ подтверждаютъ наше предположеніе. Вотъ что писалъ Ренанъ по вопросу о демонизмѣ въ настоящую эпоху:

«Изъ всѣхъ существъ, проклятыхъ когда-то, съ которыхъ терпимость нашего столѣтія сняла проклятіе, Сатана, безспорно, выигралъ больше всѣхъ вслѣдствіе прогресса просвѣщенія и всеобщей цивилизаціи.

«Средніе вѣка, которые не знали терпимости, сдѣлали дьявола омерзительнымъ, злобнымъ, измученнымъ, а самое худшее—смѣшнымъ. Мильтонъ первый началъ метаморфозу, которую высокая безпристрастность нашихъ временъ должна была закончить. Эпоха, реабилитировавшая столько неправильно обвиненныхъ понятій, не могла не найти аргументовъ для оправданія несчастнаго мятежника, который, палимый жаждою дѣла, ринулся въ сомнительную борьбу.

«Если мы стали снисходительными къ сатанѣ, то это отчасти происходитъ и отъ того, что владыка ада утратилъ свою прежнюю злобу. Зло теперь слабѣе, чѣмъ было раньше.

«Среднимъ вѣкамъ дозволялось ненавидѣть дьявола; мы, почитающіе искру Божью всюду, гдѣ только она ни блеснетъ, опасаемся издавать рѣшительный приговоръ, боясь, чтобъ наше осужденіе не пало на какой-нибудь атомъ прекраснаго».

Дѣйствительно, таково настроеніе большинства умовъ нынѣшнихъ поэтовъ и философовъ; но бываютъ и исключенія.

Извѣстный авторъ многихъ произведеній объ оккультизмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ въ стилѣ Бодлера, Станиславъ де Гуайта (Guaita) въ своемъ сборникѣ «La muse poire» (1883) посвящаетъ сатанѣ сонетъ, въ которомъ, трактую князя ада какъ своего «завтрашняго палача», не щадитъ ему однако похвалъ и благодарностей за то, что чрезъ него онъ «узналъ обаяніе ада, гдѣ страдаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радуются,—потому что тамъ свободно могутъ плевать желчью на все».

Quant à toi, Lucifer, astre tombé des cieux,
Splendeur intelligente aux ténèbres jetée,
Ange qui portes haut la colère indomptée
Et gonfles tous les seins de cris séditeux—
Par toi seul j'ai connu le mépris oublieux
Du seigneur et de sa puissance détestée;
J'ai senti—sceptique et railleur, presque athée—
Les plaisirs inouis de l'amour radieux;
Tu m'ovris l'océan des voluptés profondes,
Dont nul n'a su tarir les délirantes ondes;
Tu m'appris à goûter les charmes de l'Enfer.
On y souffre, il est vrai, on y jouit quand même,

Puisqu'on y peut baver sa bile.—O, Lucifer
 Mon bourreau de demain, je l'honore—je l'aime!

Такъ какъ Гуайта въ своихъ позднѣйшихъ философско - мистическихъ произведеніяхъ стоитъ на почвѣ чистаго пантеизма и вѣрить, что зло—только форма проявленія наивысшаго добра (абсолюта), съ которымъ оно когда-нибудь, по прошествіи ряда эволюціонныхъ процессовъ, сольется, то приведенный сонетъ нельзя считать за какое-нибудь *credo*, а просто за поэтическую вариацию на тему сатанизма.

Немного иначе представляется дьяволъ у самаго даровитаго изъ французскихъ декантентовъ, у Поля Верлена.

Въ «*Crimes amovis*» поэтъ описываетъ пиръ демоновъ. Одинъ изъ нихъ, прекрасный и молодой, не принимаетъ участія въ вѣсельѣ, а взойдя на высокую башню, поднимаетъ кверху руку, въ которой держитъ горящій факелъ, и восклицаетъ:

«Довольно этой борьбы между «Худшимъ и Лучшимъ»; нужно соединить семь главныхъ грѣховъ съ тремя евангельскими добродѣтелями: за самопожертвованіе Испытателя я возлагаю адъ на алтарь всеобщей любви».

И, проговоривъ эти слова, демонъ бросилъ факелъ, отъ котораго адскій дворецъ загорѣлся. Огонь взвивается кверху, все валится, а черти, постигнувъ цѣль этой жертвы, поютъ гимны и погибаютъ.

Дальше поэтъ какъ будто намѣревается подойти къ такой же развязкѣ, какъ Сумэ, Бинэ, Иммерманъ, Викторъ Гюго и другіе, то-есть къ примиренію ада съ небомъ, но окончаніе поэмы однако отдалается отъ постулатовъ пантеистически-эволюціонной метафизики и опирается на догматъ, гласящій, что сатана осужденъ навѣки.

И вотъ, въ минуту, когда демонъ, который принесъ жертву, стоитъ съ очами, устремленными въ небо, и шепчетъ молитву, рассчитывая на награду за свое дѣяніе, раздается страшный громъ въ знакъ того, что жертва его признана самонадѣяннымъ намѣреніемъ злого духа и отвергнута:

On n'avait pas agréé le sacrifié;
 Quelqu'un de fort et de juste assurément,
 Sans peine avait su démêler la malice
 Et l'artifice en un orgueil qui se ment.

Почему Верленъ не послѣдовалъ за общимъ теченіемъ? Потому, что онъ былъ не философомъ, а только глубоко вѣрующимъ католикомъ, который если и грѣшилъ, то и молился много и писалъ дивные стихи въ честь Дѣвы Маріи, заступницы и утѣшительницы скорбящихъ:

Simplement, comme on verse un parfum sur une flamme,
 Et comme un soldat répand son sang pour la patrie,
 Je voudrais pouvoir mettre mon coeur avec mon âme
 Dans un beau cantique à la sainte Vierge Marie.
 Mais je suis, hélas! un pauvre pécheur trop indigne;
 Ma voix hurlerait parmi le choeur des voix des justes:
 Ivre encore du vin amer de la terrestre vigne
 Elle pourrait offenser des oreilles augustes (Amour).

Бто съ такою покорностью и простотою отдаеть свое сердце Матери Божьей, тотъ, понятно, не можетъ, подобно Сумэ, забавляться передѣлкою догматовъ вѣры на свой ладъ и реабилитациею духа, который съ испоконъ вѣка былъ врагомъ «Жены».

Впрочемъ, Верленъ не только не имѣлъ влеченія къ рѣшенію подобныхъ проблемъ, но даже не зналъ и не понималъ ихъ,—это былъ большой талантъ, но умъ простой и необразованный. Причислили его къ декадентамъ потому, что онъ вращался среди нихъ и точно также, какъ они, воспитывался на Бодлерѣ. Но въ дѣлѣ вѣры или искусства онъ шелъ за бессознательнымъ голосомъ собственнаго сердца, а не за тончайшими эстетическими теоріями своихъ товарищей.

Если подѣ названіемъ «декадента» мы будемъ подразумѣвать слишкомъ уточненнаго художника, то-есть такого, который, превосходно зная всѣ тайны своего искусства, сознательно старается придать своимъ произведеніямъ черты оригинальности и странности, то декадентомъ Верленъ не былъ. Его поэзія и взгляды вообще, а интересующіе насъ въ особенности, не даютъ возможности слить его имя съ общимъ литературнымъ теченіемъ конца прошлаго вѣка.

Сатанистовъ въ современной поэзіи много, но большинство изъ нихъ трактуетъ демоническіе мотивы поистинѣ «декадентски», то-есть изъ любви къ парадоксальности. Такъ какъ рационалистически-позитивное настроеніе умовъ не благопріятствовало ничему, что отзывалось бы сверхъестественнымъ, а довольные самими собою и свѣтомъ филистеры подсмѣивались надъ униженнымъ и забытымъ дьяволомъ,—то было рѣшено, на зло духу времени, вновь вывести его на сцену поэзіи и литературы.

А такъ какъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ группахъ и сферахъ интеллигенціи почти наступилъ замѣтный поворотъ къ религіозности, съ одной стороны, и къ мистико-метафизическимъ изслѣдованіямъ, съ другой; такъ какъ, кромѣ того, новыя открытія въ области психологіи (гипнотизмъ, медиумизмъ, телепатія и т. п.), а также и пересмотръ пренебреженныхъ наукою историческихъ источниковъ, дали оккультистическимъ гипотезамъ нѣкоторое фактическое основаніе,—то все это, взятое вмѣстѣ, образовало почву, на которой демонизмъ могъ превосходно развиваться.

И дѣйствительно, онъ развился почти съ такою же силою, съ какою выступалъ когда-то въ римскомъ государствѣ подѣ вліяніемъ неоплатонизма, и въ XVIII вѣкѣ, благодаря иллюминатамъ, мартинистамъ и цѣлой фалангѣ загадочныхъ личностей, вродѣ Каліостро.

Если мистификаторскій фабрикатъ, какъ компиляціи псевдо-Баталя («Le diable au XIX siècle»), въ которомъ рассказывались несмысланныя вещи о культѣ Люцифера въ манихейско-гностиическихъ ложахъ масоновъ, могъ въ теченіе двухъ лѣтъ занимать почти всю Европу, не исключая сановниковъ церкви,—то это служить лучшимъ доказательствомъ, насколько мало при-
тупилась у насъ впечатлительность къ мистическому демонизму.

Благодаря этому, въ беллетристикѣ теперь нѣтъ недостатка въ произведеніяхъ, въ которыхъ дьяволъ, или, по крайней мѣрѣ, его вліяніе, играли бы большую роль.

Мы упоминали, говоря о Бодлерѣ и его преемникахъ, что литература конца XIX вѣка рѣдко занимается самою фигурою царя ада, но зато очень часто описываетъ судьбу и чувства людей, преслѣдуемыхъ темными и злыми силами, поглоняющихся аду, ведущихъ съ нимъ борьбу при помощи магическихъ пріемовъ и заклинаній и т. п.

Сатана, какъ личность, почти никогда не выступаетъ, но наполняетъ атмосферу своими эманациями; вмѣсто объективированнаго демона писатели показываютъ намъ субъективныя проявленія психической болѣзни, принимающей форму демонологіи или демонофобіи.

Самымъ выдающимся изъ писателей, приверженныхъ сатанизму, является безъ сомнѣнія Юисмансъ, авторъ *La bas* (1900 г.), гдѣ онъ съ неслышанной пластикой воспроизвелъ истерическое безуміе новыхъ демономановъ, совершающихъ модернизированную «черную обѣдню» въ честь злого духа.

Сколько въ этомъ описаніи правды и сколько фантазіи, — мы добиваться не станемъ, а замѣтимъ только, что авторъ стоитъ на католической почвѣ и въ двухъ слѣдующихъ книжкахъ *En Rout* и *La cathédrale* (героемъ которыхъ выводится тотъ самый Дюрля, литераторъ, который изслѣдовалъ сатанизмъ въ *La bas*), изображаетъ даже умиротворяющее вліяніе церковнаго искусства и религіозныхъ занятій на разстроенные нервы современнаго декадента, въ концѣ-концовъ скрывающагося подъ кровъ монастыря, чтобы избѣжать искушеній и терзаній дьявола.

За католика же, какъ и его учителя, Барбе д'Орвилли и Вилье де-Лилль Аданъ, выдаетъ себя и извѣстный романистъ Саръ Пеладанъ, у котораго главную роль играютъ суккубы, инкубы и т. п. сатанинскія и полусатанинскія фигуры.

Не на религіозной, а на общественно-психологической почвѣ строятъ свои произведенія демоническія скандинавскіе авторы Стриндбергъ (*Inferno* 1897 г.) и Ола Гансонъ, а также и полякъ Пшибышевскій, авторъ *De Profundis*, гдѣ суккубатъ составляетъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ повѣствованія. Пшибышевскій, который сначала прославился въ Германіи и только въ послѣднее время съ успѣхомъ началъ писать по-польски, работаетъ теперь надъ теоретическимъ сочиненіемъ о магіи и сатанизмѣ. Появленіе большого количества произведеній подобнаго рода — явленіе, заслуживающее вниманія.

Въ классическомъ отечествѣ спиритовъ, въ Америкѣ, и родственной ей по духу и языку Англіи, также нѣтъ недостатка въ произведеніяхъ мистико-демоническаго содержанія; но среди нихъ трудно найти что-нибудь выдающееся. Пользующіеся популярностью романы Маріи Корелли въ литературномъ и въ философскомъ отношеніи — ничего не стоящій хламъ. Можно остановиться развѣ только на однѣхъ «Заботахъ Сатаны», потому что авторъ пытался въ этомъ романѣ вывести дьявола не въ качествѣ

мистико-психологического фактора, а въ качествѣ живого лица. Но, увы, подъ перомъ приторной британки мильтоновскій Сатана и байроновскій Люциферъ преобразились въ сентиментальнаго дэнди и льва лондонскихъ салоновъ. *Sic transit gloria...*

Шербюлье вѣрно сказалъ: «Если въ мирѣ искусства есть что-нибудь болѣе грустное, чѣмъ содержаніе, которое не нашло соотвѣтственнаго символа,—такъ это символъ, который утратилъ свое значеніе» *).

Демонизмъ вообще не пересталъ и не перестанетъ никогда быть благодарнымъ и глубокимъ мотивомъ поэзіи, а теперешняя эпоха, воспользовавшись имъ для побочныхъ цѣлей, достигла, однако, важныхъ эстетическихъ результатовъ. Демонъ, трактованный индивидуально, въ концѣ XIX вѣка не нашелъ достойнаго себѣ цѣвца. Почему? Потому что олицетворенное зло можетъ быть только тогда интересно, когда оно представляется чѣмъ-то неизбѣжнымъ, вѣчнымъ. Отнимемъ у дьявола безсмертіе,—и вся его поэтическая цѣнность пропадетъ.

И вотъ современная философія, развертывая контуры сатаны на фонѣ пантеистическихъ системъ, лишаетъ его индивидуальнаго безсмертія и этимъ дѣлаетъ мало податливымъ для поэтической разработки, въ особенности въ эпопеѣ или въ драмѣ, гдѣ лирико-демоническаго настроенія недостаточно, гдѣ необходимы опредѣленные и духовно-сконцентрированныя личности.

В. Л.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) „Rien n'est plus triste dans le monde de l'art, qu'un sens qui n'a pas trouvé son signe, si ce n'est un signe qui a perdu son sens“.

Поэтому современные авторы и мучаются, чтобы придумать что-нибудь оригинальное. Такъ, напримѣръ, Реми де-Гурмонъ въ философско-порнографической поэмѣ „Лилията“ представляетъ героиню и ея супруга, Сатану, какъ инициаторовъ эротическаго распутства, которое должно погубить челоувѣчество, доведя его до безплодія. Это насковозъ модернистически-декадентское произведеніе написано остроумно, съ ироніей и рисуетъ символическое развитіе порчи челоувѣчества.

Не такъ понялъ дьявола ученикъ Ренана, спокойный, но абсолютный скептикъ Анатолий Франсъ въ „L'humaine tragédie“. Сатана искушаетъ богобоязненнаго, чистаго и простаго монаха францисканца. Прекрасный и черный, какъ „молодой египтянинъ“, царь ада рѣшаетъ искушать брата Джованни правдою „безъ любви и ненависти“. Появляясь предъ нимъ то подъ видомъ вдовы, то подъ видомъ епископа, онъ объясняетъ ему, что состраданіе часто приводитъ къ неожиданнымъ и нежелательнымъ результатамъ; но когда смущаетъ покой бѣднаго монаха и видитъ слезы въ его глазахъ, то онъ ласково говоритъ ему: „Не огорчайся тѣмъ, что я говорилъ: я злой духъ“.

Сатана, понятый такимъ образомъ,—вѣрный образъ самого автора, который, разбивши одинъ за другимъ догматы и идеалы челоувѣка, въ концѣ заявляетъ: „Утѣштесь, я, должно быть, не правъ“.

Потомъ Сатана, продолжая искушать монаха, доводитъ его до любви къ жизни и до ея страданій, до природы и ея красоты, и фра-Джованни, очарованный тѣмъ, чего до сихъ поръ не зналъ, восклицаетъ: „Я знаю, вижу, хочу, страдаю. Я люблю тебя за зло, которое ты причинилъ мнѣ, люблю тебя, ибо ты погубилъ меня! И челоувѣкъ (не монахъ) опершись о плечо ангела, заплакалъ“...

Н. И. Стороженко.

(По поводу тридцатилѣтія научно-литературной дѣятельности.)

I.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ интеллигентная Москва празднуетъ одинъ изъ тѣхъ юбилеевъ, которые не только даютъ возможность обществу заявить юбиляру о своихъ симпатіяхъ, но и позволяютъ подвести итоги болѣе широкаго значенія.

Н. И. Стороженко не принадлежитъ къ числу ученыхъ, которые, замкнувшись въ сферу своей спеціальности, не выходили изъ очерченнаго узкаго круга, не заботились о томъ, что творится за окружающей ихъ перегородкой. Каждая эпоха имѣетъ свои преобладающіе идеалы, которые накладываютъ своеобразный отпечатокъ и на общественную жизнь, и на литературу, и на науку. Высотой этихъ идеаловъ опредѣляется роль эпохи въ общемъ ходѣ прогресса, преданностью этимъ идеаламъ—значеніе дѣтелей, стоящихъ у вершины современной общественной и умственной жизни.

И въ той, и въ другой сферѣ Н. И. всегда являлся поборникомъ прекраснѣйшихъ идеаловъ нашего времени. Рѣдкое культурное начинаніе обходилось безъ того, чтобы общество не вспомнило объ отзывчивомъ профессорѣ, у котораго, при всѣхъ его многочисленныхъ и сложныхъ занятіяхъ, всегда находилось время для поддержки всего, что служило добрымъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Жертвуя своимъ временемъ, Н. И. являлся по первому зову, и его участіе въ томъ или другомъ общественномъ начинаніи въ глазахъ интеллигентной Москвы служило гарантіей безупречности цѣлей самаго начинанія.

Но, принимая болѣе или менѣе активное участіе въ многочисленныхъ московскихъ обществахъ, Н. И. съ гордостью можетъ назвать своимъ по преимуществу одно общество, которое играло такую крупную роль въ духовной жизни Москвы и Россіи. «Общество любителей россійской словесности» на протяженіи десятилѣтій объединяло главныя силы русской литературы и критики. Періодъ предсѣдательства Н. И. отмѣченъ крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ сближенія «любителей россійской словесности» съ московскимъ

обществомъ. Интересные вечера «Общества любителей россійской словесности», на которыхъ научные доклады иллюстрировались декламацией, инструментальнымъ и вокальнымъ исполненіемъ, привлекали въ аудиторію Историческаго музея многочисленную публику и создали «Обществу» громкую популярность.

Отзывчивость, которая служить главной отличительной чертой общественной дѣятельности Н. И., не покидаетъ его и въ болѣе тѣсныхъ сферахъ, и на университетской кафедрѣ, и въ библиотекѣ Румянцевскаго музея. Ученики юбиляра хорошо знаютъ, какъ легко можно найти у него поддержку, совѣтъ и книги, знаютъ, кто всегда готовъ выступить ихъ ревностнымъ ходатаемъ. Его университетскіе курсы свидѣлствуютъ о широтѣ и разносторонности научныхъ интересовъ Н. И. Чуть ли не каждый годъ Н. И. объявлялъ новый курсъ, и его ученикамъ открывалась возможность познакомиться, подъ его руководствомъ, и съ исторіей романа и съ эволюціей критики, съ испанской драмой и американской литературой, съ твореніями Данте и Шекспира, съ французскими просвѣтителями XVIII в. и съ англійскими поэтами XIX столѣтія. Но не только какъ руководитель въ научныхъ занятіяхъ, Н. И. является представителемъ славныхъ традицій Московскаго университета. Всякій, кому приходилось сталкиваться съ Н. И. на жизненномъ пути, знаетъ, какой неизсякаемый родникъ доброты и сердечности—его сердце, какъ охотно выдвигаетъ онъ на первый планъ своихъ товарищей и учениковъ, какъ скромно молчитъ о своихъ собственнымъ заслугахъ. Посѣтителямъ румянцевской библиотеки прекрасно извѣстно, какъ много облегчается пользованіе ея сокровищами благодаря отношенію Н. И., благодаря отсутствію въ немъ всякаго формализма и готовности всегда помочь своими указаніями.

Комитетъ грамотности, литературно-театральный комитетъ, да и не мало всякихъ другихъ обществъ, учреждений и лицъ могли бы пополнить списокъ общественныхъ заслугъ юбиляра. Но въ нашу задачу не входитъ полная характеристика его общественной дѣятельности. Отзывчивый и разносторонній дѣятель, Н. И. остается прежде всего ученымъ. Такіе ученые, которые не прониклись схоластическимъ духомъ, въ трудахъ которыхъ чувствуется біеніе жизни и могучій общественный интересъ, воздвигаютъ себѣ лучшій памятникъ именно этими трудами. Только внимательно вдумавшись въ эти послѣдніе, можно понять общій смыслъ основной идеи, согрѣвавшей и вдохновлявшей ихъ автора, можно опредѣлить его роль въ исторіи развитія современнаго ему общества.

II.

«Факты прошлаго,—говоритъ Гизо,—заклѣпываютъ въ себѣ безчисленныя тайны, которыя раскрываются человѣку лишь, когда онъ способенъ познать ихъ... Такъ какъ все въ самомъ человѣкѣ и вокругъ него, точка зрѣнія, съ которой онъ изучаетъ факты, и настроеніе, которое онъ вноситъ въ

это изучение, непрерывно мѣняются, то можно бы сказать, что прошлое мѣняется вмѣстѣ съ настоящимъ... Факты открываются наблюдателю неизвѣстной дотолѣ стороной и говорятъ съ нимъ на другомъ языкѣ. Онъ самъ примѣняетъ въ изслѣдованіи ихъ другіе принципы, наблюденія и сужденія. Зрѣлище осталось то же; но зритель—другой, и онъ занимаетъ другое мѣсто; въ его глазахъ все измѣнилось».

Какъ бы ни былъ объективенъ историкъ, въ его оцѣнкѣ историческихъ явленій обрисовывается его собственное міровоззрѣніе. Если это приложимо къ историку вообще, то еще справедливѣе оказывается та же мысль по отношенію къ историку литературы. Имѣя дѣло съ произведеніями художественнаго творчества, съ произведеніями, которыя не только отражаютъ жизнь современной имъ эпохи, но и облекаютъ въ конкретную форму вѣчныя думы человѣчества, историкъ литературы скорѣе раскрываетъ свои вкусы и симпатіи. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ твореніяхъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на занимающіе его современниковъ вопросы, онъ невольно группируетъ произведенія художественнаго творчества съ точки зрѣнія своего пониманія прогресса.

Въ этомъ отношеніи къ литературнымъ произведеніямъ чрезвычайно трудно удержаться на высотѣ научнаго безпристрастія. Если историкъ можетъ стать на точку зрѣнія извѣстной эпохи, то при чтеніи художественнаго творенія отдаленной эпохи, не утратившаго своего обаянія, труднѣе не замѣтить тѣхъ его сторонъ, которыя не утратили жгучаго интереса для современности. Таково уже свойство истинно-художественныхъ созданій человѣчества, что каждая эпоха находитъ въ нихъ отвѣтъ на волнующіе ее вопросы.

Н. И. удалось въ своихъ историко-литературныхъ трудахъ счастливо пройти между Сциллой и Харибдой. Тщательное изслѣдованіе изучаемаго художественнаго творенія, проникновеніе въ смыслъ породившей его эпохи Н. И. умѣлъ сочетать съ живой вѣрой въ прогрессъ, съ просвѣщенными взглядами человѣка, стоящаго на высотѣ гуманныхъ идеаловъ XIX вѣка.

Но изучая литературныя явленія, устанавливая связь между твореніемъ и эпохой, Н. И. никогда не упускаетъ изъ виду, что произведеніе художественнаго творчества остается наиболѣе капризнымъ продуктомъ человеческого духа, что нигдѣ съ такой яркостью не сказываются индивидуальныя особенности творца и что для полнаго пониманія творенія необходимо проникнуть не только въ смыслъ эпохи, но и во внутренней міръ автора, необходимо понять въ цѣломъ тотъ творческій духъ, которому міръ обязанъ тѣмъ или другимъ произведеніемъ.

Въ литературномъ творествѣ существенную роль играетъ форма. Незабразлично, какъ сумѣлъ авторъ справиться съ требованіями, которыя предъявляются къ той или другой формѣ. Драматургъ, не удовлетворяющій требованіямъ драматической техники, никогда не тронетъ сердца зрителя, какъ бы ни были благородны мотивы, побудившіе его взяться за перо. Развитие литературныхъ формъ, измѣненія въ стилѣ автора въ зависимости

отъ тѣхъ или другихъ причинъ, всегда составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ вниманія Н. И. При этомъ онъ тщательно выдѣляетъ элементы, составляющіе оригинальныя свойства автора, и такъ же тщательно опредѣляетъ участіе въ каждомъ произведеніи литературной традиціи *).

Свое изученіе литературныхъ произведеній Н. И. всегда сопровождаетъ тонкой критической оцѣнкой своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Н. И. сливается и кропотливый изслѣдователь, и просвѣщенный человѣкъ XIX вѣка, и историкъ, и психологъ, и эстетикъ. Можно смѣло сказать, что тѣ художественныя творенія, которыя стали предметомъ изученія Н. И., объяснены и рассмотрѣны со всѣхъ точекъ зрѣнія, установленныхъ современной наукой такъ тщательно, что въ дѣлѣ ихъ пониманія едва ли возможно будетъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги впередъ, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ.

Тѣ приемы, которые Н. И. считалъ необходимыми при изученіи литературныхъ произведеній, выясняются съ особенной полнотой въ его статьѣ «Шекспировская критика въ Германіи». Шекспиръ, какъ извѣстно, является любимѣйшимъ писателемъ Н. И. и своими трудами, посвященными великому англійскому поэту и его предшественникамъ, Н. И. завоевалъ себѣ громкую извѣстность не только въ русской, но и въ европейской наукѣ. Родина Шекспира, какъ извѣстно, почтила заслуги Н. И. по изученію ея величайшаго писателя: Н. И. былъ избранъ въ Англіи однимъ изъ президентовъ Шекспировскаго общества. Въ извѣстномъ трудѣ Боаса о предшественникахъ Шекспира находится лестный отзывъ о диссертацияхъ Н. И. Упомянутая статья выясняетъ могучее вліяніе, которое оказывалъ авторъ «Гамлета» въ теченіе полутора столѣтій на критическіе вкусы германскаго общества. Нѣмецкой критикѣ принадлежитъ заслуга выясненія великаго значенія шекспировскихъ созданій; она ввела его произведенія на континентъ и сдѣлала ихъ достояніемъ всей европейской литературы. Пониманіе Шекспира пережило въ Германіи своеобразную эволюцію. Въ 1740 г. Эліасъ Шлегель доказывалъ, что Шекспиръ былъ человѣкъ безъ всякаго вкуса и образованія. Готтшедь, сковавшій нѣмецкую литературу мертвыми оковами ложно-классической французской трагедіи, не могъ, конечно, понять великаго драматурга. Страстный поклонникъ Расина и Корнеля отнесся съ пренебреженіемъ къ Шекспиру, и только Лессингъ, носившій въ себѣ идеалъ самобытнаго театра, стремившійся создать изъ него великую нравственную школу для народа, усмотрѣлъ въ твореніяхъ Шекспира естественность и свободу, бьющую ключомъ самобытную народную жизнь.

Шекспиръ становится въ Германіи знаменемъ, подъ которое собираются противники Готтшеда и французской придворной трагедіи. «Обрати-

*) „По нашему глубокому убѣжденію, — говоритъ Н. И., — критика не выйдетъ изъ сферы общихъ мѣстъ и субъективныхъ впечатлѣній, пока не станетъ твердой ногой на почву сравнительно-историческаго изученія, которое одно въ состояніи дать ей надежную точку отправленія для всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній“. „Прототипы Фольстафа“.

тесъ къ Шекспиру и его современникамъ и они укажутъ вамъ настоящую дорогу!»—восклицаетъ Лессингъ, обращаясь къ нѣмецкимъ драматургамъ. Лессингъ впервые опредѣлилъ художественное значеніе Шекспира, подмѣтилъ главныя свойства его драмъ, яркую характеристику дѣйствующихъ лицъ и единство драматическаго интереса. Лессингъ доказалъ, что этому коренному закону драматическаго творчества, такъ настоятельно требуемому Аристотелемъ, Шекспиръ былъ вѣренъ гораздо въ большей степени, чѣмъ французскіе классики. Творенія Шекспира, этотъ живой источникъ драматической правды, оказали не малую помощь Лессингу при выполнении его скучной и тяжелой работы, очищенія литературныхъ понятій отъ накопившагося на нихъ въ теченіе вѣковъ сора.

Знакомство съ здоровымъ міросозерцаніемъ Шекспира имѣло громадное вліяніе на Виланда. Онъ понемногу началъ отрѣшаться отъ сентиментальнаго идеализма и выработывать себѣ болѣе здоровый взглядъ на жизнь, отражающійся уже въ его «Оберонъ», гдѣ ясно слышны отголоски «Сна въ лѣтнюю ночь». Гердеръ, внесшій цѣльность въ пониманіе искусства, цѣнившій его поскольку оно отражало въ себѣ народную жизнь, былъ восторженнымъ поклонникомъ Шекспира. Романтики восхищались возвышеннымъ и фантастическимъ у Шекспира, но «яркій солнечный свѣтъ шекспировскаго реализма рѣзалъ глаза, привыкшіе къ таинственному полусвѣту готическаго собора».

Въ тридцатыхъ годахъ господствующую роль въ критикѣ играетъ философское направленіе. Гегель не признавалъ искусства самостоятельной отраслью дѣятельности человѣческаго духа, но одной изъ формъ проявленія абсолютнаго. Религія, искусство и наука, по мнѣнію Гегеля, суть только моменты сознанія самопознающаго духа. Сущность драматическаго предполагаетъ борьбу великихъ нравственныхъ началъ: религіи, семьи, любви, отечества и т. д. Задача драматурга состоитъ, съ одной стороны, въ умѣньи живо изобразить природу человѣческаго паюса, одушевленнаго одной изъ этихъ идей, съ другой стороны—въ умѣньи усмотрѣть въ драмѣ присутствіе великихъ началъ разума и справедливости, управляющихъ міромъ. Развязка трагедіи имѣетъ цѣлью утвердить гармонию нравственныхъ началъ, потрясенныхъ борьбою исключительныхъ притязаній. Обнаруженіе этой гармоніи есть самая существенная задача трагедіи, сообщающая ей внутреннее единство.

Главнѣйшіе представители шекспировской критики, создавшейся подъ вліяніемъ гегелевской философіи, Ульрици и Ретшеръ сводили весь интересъ шекспировскихъ драмъ на борьбу идей, изъ которыхъ каждая желаетъ своего исключительнаго господства во внѣшнемъ мірѣ, но подобное исключительное стремленіе могло бы нарушить гармонию нравственнаго міра, и на этомъ основаніи Ульрици, наприм., приписываетъ Шекспиру желаніе окончить драму такъ, чтобы зритель вышелъ изъ театра окончательно успокоенный насчетъ незыблемости гармоніи нравственнаго міра. Такъ въ трагедіи «Ромео и Юлія» происходитъ столкновеніе двухъ великихъ нрав-

ственныхъ началъ: съ одной стороны, права любви, съ другой—законнаго права родителей, священной грани семейныхъ началъ, преступить которой никто не можетъ безнаказанно.

Н. И. Стороженко раскрываетъ односторонность философско-моральной критики. «Не говоря уже о томъ,—замѣчаетъ авторъ,—что подобное воззрѣніе лишаетъ искусство его самостоятельнаго значенія, переводя его изъ сферы живого и индивидуальнаго въ сферу логическихъ отвлеченій, самый нравственный вопросъ понять Ульрици слишкомъ абстрактно, а потому невѣрно... Нужно отличать истинную нравственность отъ условной морали, которая принимаетъ различныя формы у различныхъ народовъ и постоянно мѣняется подъ вліяніемъ духа времени. Истинная же нравственность должна удовлетворять въ одно и то же время требованіямъ разума и совѣсти, которыя въ одинъ голосъ повторяютъ, что всякій человѣкъ не только имѣетъ право, но и обязанность дѣйствовать согласно своему внутреннему убѣжденію».

Ульрици доказываетъ, что развязка «Ромео и Юліи» есть примиреніе трагическихъ коллизій, разрѣшеніе противорѣчій въ сферѣ нравственныхъ началъ. Любовь Ромео и Юліи находитъ признаніе своихъ правъ въ смерти обоихъ любовниковъ; любовники соединяются навѣки въ могилѣ съ согласія своихъ родителей. Съ другой стороны, та же сила любви, столько же связывающая, сколько и разрѣшающая, расплавляетъ ледяную стѣну, отдѣлявшую другъ отъ друга сердца Монтеки и Капулетти: на могилѣ Ромео и Юліи засыпаетъ ихъ старинная вражда и даже переходитъ въ любовь.

Г. Стороженко остроумно доказываетъ всю ненаучность подобной критики. «Итакъ, Ромео и Юлія могутъ утѣшиться въ своей безвременной могилѣ тѣмъ, что ихъ родители жалились надъ ними и дали, наконецъ, свое согласіе на ихъ загробный союзъ и что самая смерть принесла пользу человечеству, примиривъ между собою веронскихъ Ивановъ Иванычей съ веронскими Иванами Никифоровичами! Вотъ какого рода размышленія внушаетъ нашему автору трогательная повѣсть о любви Ромео и Юліи, пробуждающая въ каждой живой душѣ тотъ сочувственный отголосокъ, который, по прекрасному выраженію Шлегеля, можно сравнить съ однимъ долгимъ безконечнымъ вздохомъ. Ульрици видитъ въ мірѣ не людей, а ходячія олицетворенія нравственныхъ понятій и смотритъ на ихъ борьбу и страданія съ такимъ же безучастіемъ, съ какимъ астрономъ изучаетъ движеніе небесныхъ свѣтилъ».

Н. И. указываетъ на ошибочный взглядъ философской критики, которая вѣритъ въ существованіе ненарушимой гармоніи между зломъ и наказаніемъ, добродѣтелью и наградой, и не можетъ допустить, чтобы въ драмѣ, которая считается отраженіемъ жизни, могло быть допущено даже временное торжество зла и неправды. Г. Стороженко опредѣляетъ ту роль, которую долженъ играть нравственный элементъ въ глазахъ истинно-научной критики. Въ концѣ концовъ, говоритъ онъ, торжество добра и истины несомнѣнно, ибо имъ условливается прогрессъ человечества, но изъ

этого не слѣдуетъ, чтобы каждое событіе могло быть истолковано въ смыслѣ этого торжества; извѣстно, что идея прогресса часто избираетъ извилистыя дороги, требуетъ себѣ мучениковъ и жертвъ. «Чье сердце не обливалось кровью при видѣ торжества зла, деспотизма и невѣжества, надъ поправленнымъ правомъ, надъ униженной личностью человѣка? Даже увѣренность, что это торжество временное, не всегда можетъ насъ утѣшить». Такъ примирялись въ нашемъ ученомъ вѣра въ торжество прогресса съ широкимъ взглядомъ на литературныя произведенія. Онъ горячо возсталъ противъ попытки философской критики заковать кипучую, безконечно разнообразную жизнь произведеній Шекспира въ формулы гегелевской философіи, или, говоря словами Гёте, нанизать ее на тонкіе шнуры различныхъ идей.

Анализируя далѣе философское направленіе въ шекспировской критикѣ, г. Стороженко выясняетъ постепенно свои взгляды на задачи научной критики. Онъ упрекаетъ философскую критику въ томъ, что, занятая своими отвлеченными построениями, она не удѣляетъ вниманія историческому изученію. Между тѣмъ знакомство съ драмой, современной Шекспиру, могло бы показать представителямъ философской критики, насколько далеки были драматурги XVI вѣка отъ отвлеченныхъ соображеній, навязываемыхъ имъ послѣдователями Гегеля. Ретшеръ даже не позаботился изучить новеллу, послужившую источникомъ Шекспиру при созданіи «Ромео и Юлія», а между тѣмъ даже поверхностный взглядъ на эту новеллу могъ бы опрокинуть всѣ построенія философа. Г. Стороженко приходитъ къ заключенію, что истинный поэтъ, задумавшій создать извѣстный характеръ, становится самъ какъ бы невольникомъ своего произведенія. Задуманный характеръ развивается по своимъ собственнымъ законамъ, диктуетъ поэту свои мысли и поступки. По мнѣнію Н. И., драмы Шиллера пострадали въ своемъ драматическомъ достоинствѣ благодаря тому, что поэтъ внесъ въ свои изображенія весь лиризмъ и всю поэзію своего собственного сердца. Шекспиръ не нашептывалъ своимъ героямъ своихъ собственныхъ убѣжденій, а внимательно слѣдилъ за таинственнымъ процессомъ образованія ихъ характеровъ и наклонностей, и произведенія Шекспира могутъ считаться по справедливости недосыгаемыми образцами глубоко-объективной поэзіи. Тѣмъ не менѣе родство героевъ съ поэтомъ несомнѣнно. Великая душа Шекспира смотрится сквозь ихъ души, присутствіе ея чувствуется всюду.

Какъ раньше г. Стороженко выяснилъ соотношеніе между нравственнымъ и психологическимъ элементомъ въ поэзіи, такъ теперь въ простой формѣ онъ опредѣляетъ роль объективнаго и субъективнаго элементовъ въ поэтическомъ творествѣ.

Внимательное изученіе шекспировской критики въ Германіи привело г. Стороженку не только къ признанію величія поэта, который до сихъ поръ остается «безраздѣльнымъ властелиномъ германскаго сознанія», но и выяснило, какъ слѣдуетъ изучать великаго англійскаго драматурга. Шекспиръ

прежде всего драматургъ, и истинная оцѣнка его должна начаться именно съ этой стороны. Не рѣшивши вопроса о томъ, насколько поэтическое вдохновеніе Шекспира было связано съ законами драматическаго искусства, нельзя твердымъ шагомъ подвигаться впередъ въ изученіи другихъ сторонъ его генія. Но высказывая свой взглядъ о важности изученія техники и художественной постройки шекспировской драмы, г. Стороженко «далекъ отъ безразсудной мысли» видѣть въ Шекспирѣ только великаго драматическихъ дѣлъ мастера: Шекспиръ поражаетъ глубиной своихъ мыслей, зоркостью взгляда, проникающаго въ самые затаенные уголки чело-вѣческаго сердца, наконецъ, поэзіей своего языка.

Такъ разрѣшаетъ г. Стороженко третій спорный вопросъ, возникающій при изученіи художественныхъ произведеній, именно вопросъ о сравнительномъ значеніи ихъ формы и содержанія.

Съ этими приѣмами, свидѣтельствующими о широтѣ и разносторонности пониманія своей задачи, Н. И. приступилъ къ изученію многочисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ литературной дѣятельностью Шекспира.

III.

Шекспиръ представляетъ собою такую непримѣрную по своему необъятному значенію фигуру въ исторіи литературы, что охватить сразу его всего представляется невозможной задачей. Г. Стороженко началъ съ того, что должно всегда служить первымъ шагомъ при изученіи писателя, именно съ изученія драматической литературы, предшествующей Шекспиру *).

Борьба двухъ стихій—церковно-литургической и народно-бытовой,—которыя то расходятся, то сливаются между собою, пока одна изъ нихъ не беретъ окончательнаго перевѣса надъ другой, составляютъ главное содержаніе исторіи средневѣковой драмы. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за усиленіемъ второго элемента. Въ третьемъ періодѣ своего развитія (XIV—XVI вв.) мистерія окончательно порываетъ связь съ богослуженіемъ. Дѣйствіе ея переносится на улицу, площадь, ярмарку, а завѣдываніе ея постановкой мало-по-малу переходитъ изъ рукъ духовенства въ руки свѣтскихъ любителей.

Национальный элементъ сказывается очень рано въ мистеріяхъ. Каинъ мистерій, — говоритъ Стороженко, — нисколько не похожъ на библейское олицетвореніе зависти и злобы; это — воплощеніе скарднаго бранчливаго іоркширскаго поселяннина, раздосадованнаго неурожаемъ, скотскими надеждами и другими невзгодами. Въ мистеріяхъ слышенъ голосъ народнаго

*) „Предшественники Шекспира. Эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елизаветы. Соч. Николая Стороженка. Т. I. Лилли и Марло. Спб., 1872 г.“. Таково полное заглавіе первой диссертациі Н. И., въ настоящее время вышедшей изъ продажи. Вторая диссертациа, если не ошибаемся, тоже не существующая уже въ продажѣ, озаглавлена: „Робертъ Гринъ. Его жизнь и произведенія. Критич. изслѣдованіе Николая Стороженка. Москва, 1878 г.“.

горя, слышатся слезы простых людей, угнетаемых знатными и сильными. Въ нихъ замѣтна потребность выводить дѣйствіе изъ внутреннихъ причинъ, чувствуется попытка создать цѣльные драматическіе характеры. Словомъ, англійскія мистеріи заключаютъ въ себѣ зародыши тѣхъ качествъ, которыя прославили впоследствии англійскую драму.

Какъ только англійская драма стала освобождаться отъ церковной опеки, не только языкъ мистерій сталъ измѣняться и носить въ себѣ слѣды различныхъ говоровъ, но самое изображеніе приобрѣло народный колоритъ. Чтобы удовлетворить вкусамъ простаго народа, въ рамки священнаго сюжета начинаетъ вторгаться фарсъ. Мистеріи начинаютъ отражать сочувствіе къ народной массѣ и приобретаютъ демократическую окраску.

Изображая эту чисто-литературную эволюцію мистерій, г. Стороженко обнаруживаетъ основное свойство своего научнаго метода, именно сложность. У него литературная эволюція не является чѣмъ-то обособленнымъ, стоящимъ внѣ жизни и исторіи народа. У него она органически срастается съ этой жизнью. Измѣненія въ самой композиціи произведеній, роль, которую приобрѣла личность автора, раньше исчезавшая за сюжетомъ, а теперь заявлявшая о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, пресловутое смѣшеніе высоко-патетическаго и грубо-комическаго, смѣшеніе, которое въ извѣстномъ смыслѣ вошло и въ шекспировскую драму, — все это не случайныя явленія, все это тѣсно связано съ природными склонностями и историческимъ развитіемъ англійскаго народа.

Авторъ дѣлаетъ такой окончательный выводъ о средневѣковомъ театрѣ. «Сущность развитія этого театра состояла въ постепенномъ освобожденіи его изъ-подъ церковной опеки, въ возрастающемъ преобладаніи свѣтскихъ, реальныхъ, человѣческихъ интересовъ надъ интересами церкви и ея теологической морали. Въ этой многовѣковой борьбѣ условныхъ идеаловъ драмы съ ея постепенно выясняющимися вѣчными задачами, большое значеніе принадлежитъ народно-бытовому элементу, въ природѣ котораго искони лежало инстинктивное стремленіе, исконная потребность правдиваго изображенія дѣйствительности. Живая, народно-бытовая струйка, просачивающаяся, подобно подпочвенной водѣ, то тамъ, то здѣсь въ мистеріяхъ, въ концѣ концовъ не только помутила кристальную гладь ихъ этическаго міросозерцанія, но измѣнила самыя задачи драмы и, разрушивъ китайскую стѣну, отдѣлявшую столько вѣковъ драму отъ окружающей дѣйствительности, въ интерлюдіяхъ Гейвуда и его послѣдователей сама превратилась въ широкую и свѣтлую рѣку, отражающую въ себѣ всѣ существенные вопросы, всѣ животрепещущія явленія современной жизни».

Авторъ не покидаетъ этого сложнаго метода и въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Выдвигая на первый планъ литературную эволюцію, онъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду историческихъ условій. Объясняя вліяніе реформаціи на искусство и литературу Англии, г. Стороженко подробно устанавливается на тенденціозной литературѣ, которая, хотя и не обладаетъ художественными достоинствами, но «чрезвычайно характерна» для

XVI вѣка. На почвѣ, застѣваемой въ теченіе столѣтій сѣменами фанатизма и невѣжества, не могли тотчасъ же взойти чистыя ученія терпимости и свободы. Напротивъ того, на первыхъ порахъ они были заглушены старыми плеведами. Старое теологическое направленіе встрѣтило гуманистовъ упорнымъ противоудѣйствіемъ и во многихъ мѣстахъ успѣло довести до упадка классическія знанія, насажденные гуманистами. Всѣ пьесы этой эпохи получили тенденціозный характеръ.

Однако, въ концѣ концовъ драма окончательно сбрасываетъ съ себя теологическія оковы и, подѣ влияніемъ пробужденнаго историческаго интереса, подѣ влияніемъ народныхъ сказаній, литературныхъ памятниковъ, вродѣ Гризельды, а также античныхъ знаній, обнаруживаетъ явное стремленіе выработаться въ свѣтское представленіе.

Комедія къ началу античнаго вліянія достигла уже такого развитія на національной почвѣ, что классическое вліяніе не могло лишить ее самостоятельности. Трагедія это вліяніе коснулось въ болѣе сильной степени, но и трагедія въ Англіи никогда не сдѣлалась слѣпкомъ съ античной, какъ это случилось во Франціи. Это объясняется тѣмъ, что античная трагедія была противна духу англійской публики, предпочитавшей свободу творчества дисциплинѣ и причудливую оригинальность бездушно-симметрической правильности. И здѣсь народныя начала взяли постепенно верхъ, и реформа Саквилля, желавшаго преобразовать англійскую трагедію въ стилѣ античной, потерпѣла фіаско.

Трагедія въ античномъ стилѣ имѣла успѣхъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, трагедіи, хранившія народныя начала, привлекали народную массу. Придворное общество подвергалось также итальянскому вліянію, стремилось осуществить тотъ идеалъ, который былъ нарисованъ графомъ Кастильоне въ его «Il libro del Cortegiano».

Изобразивъ такимъ образомъ состояніе литературы и литературныхъ вкусовъ общества наканунѣ появленія Шекспира, г. Стороженко выводитъ на сцену перваго изъ крупныхъ предшественниковъ Шекспира—Джона Лилли. Въ характеристикѣ этого писателя снова тѣсно сливаются и чисто-литературный элементъ, и психологическій, и общественно-историческій. Лилли былъ придворнымъ поэтомъ и почтительно слѣдовалъ за своей аудиторіей; онъ былъ яркимъ представителемъ того цвѣтистаго, манернаго, уснащеннаго всякими побрякушками стилия, который по имени одного изъ его героевъ получилъ названіе «эвфуизма». Но, скованный требованіями придворнаго вкуса, Лилли умѣлъ болѣть, тѣмъ не менѣе, большими вопросами современности. Онъ жилъ въ эпоху крупнаго общественнаго перелома, но въ тотъ моментъ ея, когда общественная мысль, уставъ отъ постоянной погони за новизной, почувствовала потребность остановиться, отдохнуть и, такъ сказать, подвести итоги своимъ пріобрѣтеніямъ.

Этимъ объясняются противорѣчія въ литературной дѣятельности Лилли. Какъ драматургъ, онъ—послушный ученикъ итальянскихъ мастеровъ, какъ гражданинъ, онъ громитъ итальянскую культуру и ея пагубное вліяніе на

англійскую жизнь. Онъ усвоилъ лучшія идеи вѣка, онъ ратуетъ за правильное гармоническое воспитаніе, требуетъ мягкаго и гуманнаго обращенія съ дѣтьми, онъ—врагъ схоластики, но онъ какъ бы пугается самъ рѣшительнаго освобожденія отъ старыхъ традицій и кончаетъ тѣмъ, что подчиняетъ всѣ науки теологіи и заставляетъ своего героя, отложивъ въ сторону дальнѣйшія старанія объ усовершенствованіи себя въ философіи, предаться изученію богословія, «считая всѣ другія вещи презрѣнными и ничтожными». Тѣмъ не менѣе, въ общемъ Лилли честно послужилъ дѣлу освобожденія человѣческой мысли, осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ общественные предрасудки и суевѣрія, имѣвшіе въ то время ревностныхъ защитниковъ во всѣхъ классахъ общества.

Съ такой же тщательностью авторъ отнесся и къ другому знаменитому предшественнику Шекспира—Кристофера Марло. Характеристикъ поэта предшествуетъ блестящая характеристика эпохи Елизаветы. За долго до повѣйшихъ ученій, выдвигающихъ на первый планъ экономической факторъ при изученіи историческихъ явленій, г. Стороженко удѣлилъ большое вниманіе экономическому положенію Англіи въ эпоху Елизаветы. Указавъ на блестящее состояніе англійскихъ финансовъ, на процвѣтаніе земледѣлія и промышленности, авторъ особенно подробно останавливается на громадномъ вліяніи, которое оказалъ на всѣ стороны англійской жизни ростъ торговли. Авторъ перечисляетъ главные торговые договоры, заключенные Англіей въ семидесятыхъ годахъ XVI вѣка, и отмѣчаетъ значеніе самаго грандіознаго предпріятія временъ Елизаветы, именно основанія знаменитой остъ-индской компаніи, получившей въ 1600 году официальное утвержденіе правительства. Съ этихъ поръ торговля съ отдаленнымъ востокомъ получаетъ прочное основаніе и приноситъ огромные барыши. Ближайшимъ слѣдствіемъ быстрого возрастанія народнаго богатства было улучшеніе матеріальныхъ условій жизни и домашняго комфорта. «Прежніе угрюмые, закопѣлые замки съ подъемными мостами и узко-прорѣзанными, на подобіе бойницъ, окнами уступаютъ мѣсто изящнымъ свѣтлымъ постройкамъ въ стилѣ Возрожденія, съ тѣпистыми парками, фонтанами и статуями; стѣны ихъ украшаются мягкими цвѣтными коврами арраской работы, напоминающими позднѣйшіе гобелены. Въ эти-то очаровательныя убѣжища любятъ пріѣзжать потомки прежней воинственной аристократіи, теперь превратившіеся въ придворныхъ, чтобы отдохнуть отъ шумно-проведенной зимы при дворѣ».

Современные писатели горько жалуются на безумную роскошь этого общества, но историкъ культуры не безъ основанія видѣлъ въ ней «нѣчто болѣе бессмысленной забавы». «Здѣсь, — говоритъ г. Стороженко, вслѣдъ за Тэнномъ, — сказывается избытокъ внутреннихъ силъ, радость жизни, сродное артистической натурѣ желаніе любоваться зрѣлищемъ прекрасныхъ формъ и яркихъ цвѣтовъ». Вѣнцомъ пышнаго развитія соціальной жизни англійскаго народа была богатая и оригинальная литература. При

этих условіяхъ появляются два драматурга, стоящихъ во главѣ заключительнаго и наиболѣе интереснаго періода до-шекспировской драмы.

Таковъ научный методъ и отношеніе къ литературнымъ явленіямъ нашего ученаго. Чуждый монистическому пониманію исторіи, не стремясь къ отысканію одного фактора, лежащаго въ основѣ коллективной духовной жизни народа, г. Стороженко съ одинаковой тщательностью изучаетъ всю жизнь, во всей полнотѣ. Онъ убѣжденъ, что художественная литература, подобно чувствительному барометру, отражаетъ всѣ колебанія жизни. Въ ней можно усмотрѣть и гулъ миллионовъ голосовъ той толпы, которая рукоплескала ея авторамъ, и узнать личность самого автора, и открыть законы измѣненія литературныхъ формъ. Сообразно съ особенностями того или другого произведенія, Н. И. выдвигаетъ на первый планъ тотъ или другой факторъ (экономическое благосостояніе, демократическіе инстинкты, живущіе въ душѣ англійскаго народа и т. п.), который нашелъ свое наилучшее выраженіе въ данномъ произведеніи.

IV.

Но если, при группировкѣ литературныхъ явленій дѣлаго періода, Н. И. остается на строго-исторической почвѣ, то въ его отношеніи къ отдѣльнымъ писателямъ не трудно уловить общественное и нравственное міровоззрѣніе самого критика. Характеризуя Лилли, онъ не забудетъ упомянуть, что въ конечномъ выводѣ дѣятельность Лилли была, при всѣхъ его противорѣчіяхъ, всетаки плюсомъ въ дѣлѣ освобожденія человѣческой мысли. Каждый писатель, содѣйствовавшій торжеству завѣтныхъ идеаловъ свободы и равенства, является новой положительной вѣхой въ ходѣ человѣческаго прогресса.

Перечтите многочисленныя статьи *) Н. И., и вы увидите, куда склоняются личныя симпатіи Н. И. Это не случайныя характеристики, это не случайный подборъ поэтовъ и писателей. Въ этомъ подборѣ скрытъ если не заранѣе обдуманнй планъ, то благородный инстинктъ идеалиста, влекущій автора къ поборникамъ добра и правды. Цѣлая вереница славныхъ образовъ, мучениковъ честной и свободной мысли, пѣвцовъ горя и труда, борцовъ за права униженныхъ и оскорбленныхъ проносится передъ нами въ этихъ блестящихъ характеристикахъ. «Не лавры и триумфы выпадали на долю этихъ людей, а гоненія и преслѣдованія, но это не смущало ихъ».

Здѣсь и «вольнодумецъ эпохи Возрожденія», Этьенъ Доле, этотъ неподкупный и грозный врагъ религіознаго фанатизма, гонимый, преслѣдуемый, но и среди лишеній и мукъ не теряющій вѣры въ то, что борьба съ варварствомъ

*) Ко времени юбилея статьи Н. И. собрали въ два сборника, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ статьи, касающіяся Шекспира, другой—всѣ остальные статьи.

и тьмой окончится въ пользу свѣта и прогресса. Брошенный въ тюрьму, онъ продолжалъ вѣрить въ торжество правды и свободной научной мысли. Покинутый всѣми, въ то время, когда дикій фанатизмъ уже готовилъ ему костеръ, который долженъ былъ не въ первый разъ озарить физическую побѣду тьмы надъ свѣтомъ, Этьенъ Доле не переставалъ вѣрить, что «если этотъ міръ надъ плотью власть имѣетъ, то надъ тобой, о духъ, ничто не тяготѣетъ».

Вмѣстѣ съ Этьеномъ Доле Н. И. заплатилъ долгъ русской науки передъ другой свѣтлой личностью, «апостоломъ гуманности и свободы», Теодоромъ Паркеромъ. Въ Америкѣ, которая пользуется въ Европѣ неслестной репутацией, считается страной рекламы, конкуренціи, наживы, Н. И. находитъ людей мысли, писателей, исполненныхъ самыхъ возвышенныхъ идеальныхъ стремлений, писателей, которые мучаются надъ вѣчными проблемами человѣческаго бытія. «Теодоръ Паркеръ, — говоритъ г. Стороженко, — принадлежитъ къ тѣмъ исключительнымъ, можно сказать, провиденціальнымъ натурамъ, которыя отъ поры до времени появляются въ исторіи, чтобы освѣжить нравственную атмосферу человѣчества, поддержать въ насъ вѣру въ достоинство человѣческой природы и указать сбившимся съ пути людямъ истинный путь, ведущій къ правдѣ и свободѣ.

Характеристикѣ великаго поборника гуманности Н. И. предпосылаетъ картину освободительнаго движенія въ Америкѣ, движенія, приведшаго къ уничтоженію рабства, этого позорнаго пережитка варварскаго прошлаго. Съ теплотой и любовью изображаетъ Н. И. эту великую нравственную побѣду человѣчества, нашедшую свое воплощеніе въ типичнѣйшемъ и величайшемъ представителѣ американскаго проповѣднаго слова. Когда Паркера обвинили въ укрывательствѣ бѣжавшей четы негровъ, онъ отвѣчалъ: «Предки мои принесли себя въ жертву за святые права человѣчества. Кровь ихъ течетъ въ моихъ жилахъ. И послѣ этого вы хотите, чтобы я заперъ мою дверь беззащитнымъ и несчастнымъ». Освобожденіе рабовъ — эту цѣль начерталъ Паркеръ на своемъ знамени, которому не измѣнялъ всю жизнь.

Чего бы ни коснулся Н. И., какое бы литературное явленіе ни привлекло его взора, въ его отношеніи къ затронутымъ вопросамъ всегда чувствуется бѣніе пульса современности, горячая вѣра въ побѣду мысли, могучій общественный интересъ. Рисуетъ ли онъ предъ нами образы поэтовъ міровой скорби, онъ заканчиваетъ статью бодрящей вѣрой въ прогрессъ, въ бесплодность и ненормальность пессимистическаго міросозерцанія; касается ли педагогическихъ теорій эпохи Возрожденія, онъ не позабудетъ извлечь оттуда поучительные уроки для нашего современнаго воспитанія.

Мы далеко не исчерпали богатаго идейнаго содержанія научно-литературныхъ трудовъ Н. И. Но намъ, кажется, удалось уловить основныя черты этой литературной дѣятельности. Это — горячая преданность лучшимъ

духовнымъ завоеваніямъ нашего времени, соединенная съ вдумчивымъ, осторожнымъ анализомъ прошлаго и широтою научнаго пониманія. Москва празднуетъ юбилей человѣка, въ которомъ счастливо сочетались просвѣщенный, гуманный человѣкъ конца XIX вѣка съ отзывчивымъ общественнымъ дѣятелемъ; русская наука празднуетъ юбилей объективнаго и строгаго представителя научной мысли, умѣвшаго согрѣть кропотливую научную работу горячей преданностью завѣтнымъ идеаламъ человѣчества; ученики празднуютъ юбилей дорогаго учителя, свято хранящаго лучшія традиціи Московскаго университета, профессора, учившаго безкорыстно любить науку и свято относиться къ печатному слову.

П. Коганъ.

Педагогическія идеи Гербарта *).

I.

Вниманіе французскаго общества къ вопросамъ народнаго образованія за послѣднее время сильно возросло. Этому способствовало отчасти признаніе того факта, что удачная конкуренція нѣмцевъ на всѣхъ почти рынкахъ является въ значительной степени результатомъ высокаго уровня образованія въ Германіи; отчасти же убѣжденіе, что клерикальная школа, до послѣдняго времени господствовавшая во Франціи, носитъ противообщественный и даже противонаучный характеръ; наконецъ, беспокойство за будущее, находящееся въ рукахъ подрастающихъ поколѣній, беспокойство вполне законное въ виду усилій реакціи повернуть назадъ колесо исторіи.

Французы начинаютъ заботливѣе присматриваться къ постановкѣ школьнаго дѣла у своихъ сосѣдей и прислушиваться къ голосамъ великихъ педагоговъ Англіи, Германіи и Швейцаріи. Плодомъ такого изученія иностранной педагогики является и книжка проф. Моксіона «L'éducation par l'instruction», заключающая въ себѣ поистинѣ блестящее изложеніе идей одного изъ самыхъ крупныхъ педагоговъ Германіи, Іоганна-Фридриха Гербарта.

Педагогическія идеи этого мыслителя, въ томъ сконцентрированномъ и ясномъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ Моксіонъ, представляются намъ заслуживающими вниманія русской публики **).

Гербартъ родился въ 1776 году, а въ 1841 году его не стало. Но хотя его дѣятельность относится такимъ образомъ къ началу столѣтія, — педагогика его сохранила свою свѣжесть. Нельзя сказать того же о его

*) *Maucion*: „L'éducation par l'instruction et les théories pédagogiques de Herbart“.

**) Въ прежніе годы о Гербартѣ писалось кое-что и въ нашихъ педагогическихъ журналахъ; вотъ статьи, излагающія его педагогическіе взгляды: „Очеркъ лекцій по педагогикѣ Гербарта“—Дебольскаго, *Педагог. Сборн.* 1875 г., №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7; „Гербартъ, какъ педагогъ“—Николаевскаго, *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1876 г.; „Мысли Гербарта о значеніи и преподаваніи древнихъ языковъ“—С. Любомудрова, *Филологическое Обзорніе* 1891 г., т. I.

метафизикъ и психологъ. Въ свое время философія Гербарта была огромнымъ шагомъ впередъ, по крайней мѣрѣ для Германіи. Гербартъ былъ убѣжденнымъ реалистомъ и ожесточеннымъ врагомъ идеалистическихъ фантастовъ, безраздѣльно царившихъ въ то время въ нѣмецкихъ университетахъ. Какъ психологъ, онъ прямой родоначальникъ научной психологіи Беннеке, Фехнера, наконецъ, Вундта. Однако, собственная его точка зрѣнія не выдерживаетъ критики, и рядомъ съ плодотворными идеями въ ней встрѣчаются послышки и выводы, поражающіе своею произвольностью. Впрочемъ, недостатки философскихъ концепцій Гербарта не отразились на его педагогическихъ трудахъ, напротивъ, его реалистическое чутье и критическое отношеніе къ психологіи метафизиковъ дали въ этой области богатые результаты. Но особенно важнымъ основаніемъ для педагогики Гербарта послужила его этика, весьма интересная и глубокая, не потерявшая своего значенія и въ наше время.

Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ дать очерка педагогическихъ идей Гербарта, не бросивъ взгляда на его метафизику, психологію и этику.

Предметъ *метафизики* Гербартъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: обыденное, а также и научное наблюденіе надъ явленіями міра приводитъ насъ къ ряду противорѣчій; для разрѣшенія ихъ намъ приходится строить гипотезы, которыя сгладили бы въ нашихъ глазахъ противорѣчія эмпирической дѣйствительности: система такихъ гипотезъ и есть метафизика.

Основная метафизическая проблема заключается въ разрѣшеніи противорѣчія, заключающагося въ понятіи бытія вещей. Предметы даны намъ, какъ нѣчто реальное, отрицать ихъ реальность фактически невозможно; между тѣмъ всѣ *качества* предметовъ, составляющія въ совокупности всю его сущность: 1) измѣнчивы, 2) субъективны, такъ какъ доступны намъ лишь какъ ощущенія. Такимъ образомъ міръ вещей *и существуетъ, и не существуетъ*, такъ какъ вѣчно измѣняется, т. е. постоянно перестаетъ быть самимъ собою; онъ *и объективенъ*, потому что *практически* мы не можемъ отрицать его объективности, *и субъективенъ*, какъ этому учитъ насъ самая азбука теоріи познанія.

Какъ выйти изъ этого затрудненія? Для того, чтобы не заключать въ себѣ противорѣчій, бытіе должно быть простымъ и неизмѣннымъ. Предположимъ, что вещь въ себѣ или объективная реальность именно такова, предположимъ, что это вѣчная и неизмѣнная сущность элеатовъ. Но что мѣшаетъ намъ допустить множество такихъ «реальностей», допустить существованіе безконечнаго числа абсолютно-простыхъ и неизмѣнныхъ «вещей» въ пространствѣ. Тогда эти *реальности* могли бы входить въ разнородныя соединенія между собою и такимъ образомъ порождать все разнообразіе чувственнаго міра.

Метафизика Гербарта далека, однако, отъ атомизма. Демокритъ и его школа тоже объясняли *явленія* комбинаціей простыхъ и неизмѣнныхъ «вещей», но эти вещи были просто очень маленькія тѣла въ реальномъ пространствѣ. «Вещи въ себѣ» Гербарта — непространственны, это простыя «качества», соединенія которыхъ воспринимается нами пространственно

лишь въ силу своеобразной организаціи нашей психики. Метафизика Гербарта скорѣе напоминаетъ ученіе Анаксагора.

Но есть ли у насъ какое-нибудь основаніе предполагать, что предметы порождены именно *взаимпроникновеніемъ реальностей*? Конечно, наблюденіе внѣшняго міра не даетъ и не можетъ дать такого основанія; но его даетъ наблюденіе міра внутренняго, такъ какъ душа наша есть такая же простая и неразрушимая реальность. Эмпирически она всегда представляется въ видѣ сложнаго цѣлаго, состоящаго изъ ощущеній, чувствъ, идей и желаній. Но все это можетъ въ ней зародиться *лишь* подѣ влияніемъ воздѣйствія со стороны другихъ реальностей. Надо замѣтить, что къ идеѣ апіорности—хотя бы только *формъ* психической жизни—Гербартъ относился съ величайшимъ осужденіемъ и считалъ ее «смертью и науки, и метафизики».

Неразрушимая реальность—душа входитъ въ сопригосновеніе съ другими реальностями, которыя стараются проникнуть ея существо и ослабить его. Но душа *сопротивляется* этимъ вторженіямъ. Различныя такого рода сопротивленія мы и испытываемъ, какъ ощущенія и идеи, чувства и стремленія.

Мы не можемъ входить въ детальное изложеніе метафизики Гербарта. Нечего и говорить, что она лишена всякой цѣнности, кромѣ исторической. Достаточно указать на то, что выдвинутое Гербартомъ на первый планъ противорѣчіе между неизмѣннымъ бытіемъ и измѣняющимися качествами имъ совершенно не устранено. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ «различныя состоянія сопротивленія души», порождающія все разнообразіе нашего субъективнаго міра, не суть ея *измѣненія*? Тутъ просто пустая замѣна одного слова другимъ. Кромѣ того, и проблемы-то въ сущности здѣсь никакой нѣтъ. Современная наука выбросила за бортъ понятіе неизмѣннаго бытія, она признала природу за процессъ, а все неизмѣнное въ ней лишь за видимость, за частный случай этого процесса *).

Тѣмъ не менѣе на устояхъ своей метафизики Гербартъ воздвигъ зданіе психологіи. И въ этой области у него рядомъ съ массой произвольнаго и устарѣлаго, встрѣчаются идеи глубокія и правильныя, и какъ разъ онѣ-то больше всего отразились на его педагогическихъ трудахъ.

Въ основу *психологіи* Гербартъ кладетъ свое метафизическое представленіе абсолютно простыхъ реальностей, борющихся между собою. Душа, по его мнѣнію, первоначально есть *tabula rasa*. Но вотъ на нее начинаютъ воздѣйствовать другія реальности и она сопротивляется имъ. Состоянія сознанія не что иное, какъ такія сопротивленія души.

Въ томъ случаѣ, когда воздѣйствующія реальности не являются силами другъ другу противоположными (наприм., свѣтъ и звукъ и т. п.), онѣ дѣйствуютъ на душу и, связываясь ея единствомъ, порождаютъ *комплексы*

*) См. объ этомъ любопытную книгу А. Богданова „Основные элементы историческаго позарѣнія на природу“.

реальностей. Звукъ не ограничиваетъ воспріятіе свѣта, теплота—воспріятіе окраски и т. п. Но иногда реальности оказываются силами, противорѣчащими другъ другу. Тогда онѣ вступаютъ въ борьбу на аренѣ души за преобладаніе. Очевидно, наприм., что два звука, двѣ свѣтовые поверхности и т. п. должны *ограничить* другъ друга. Случается, что силы эти такъ неравномѣрны, что слабѣйшая реальность совсѣмъ исчезаетъ съ поля сознанія или, вѣрнѣе, понижается ниже *порога сознанія* (терминъ этотъ, сыгравшій такую большую роль въ психофизикѣ Фехнера, былъ впервые употребленъ Гербартомъ).

Бываетъ, однако, что борьба заканчивается своего рода естественнымъ компромиссомъ, и борющіяся реальности, взаимно ослабивъ другъ друга, сливаются въ одно представленіе. Каждый данный моментъ нашей психической жизни есть результатъ сложенія разнородныхъ и потому не противоположныхъ реальностей и слиянія однородныхъ и противоположныхъ, причемъ послѣднія взаимно ослабляютъ и ограничиваютъ другъ друга.

Весь механизмъ борьбы реальностей въ человѣческой душѣ Гербартъ пытался конструировать съ помощью точныхъ математическихъ формулъ. Намъ нѣтъ надобности касаться этой стороны его психологіи *).

Равновѣсіе реальностей, порождающее то или иное состояніе нашего сознанія, само собою разумѣется, подвижно уже по одному тому, что душа постоянно входитъ въ контактъ все съ новыми реальностями. Каждый такой контактъ вызываетъ пертурбацію въ подвижномъ равновѣсіи души. Новое впечатлѣніе a окажетъ поддержку родственнымъ впечатлѣніямъ a_1 , a_2 и т. д., ослабивъ враждебныя имъ реальности; первыя всплывутъ тогда надъ порогомъ сознанія. Это то явленіе, которое англійская психологія называетъ ассоціаціей по сходству. Но поднятыя вмѣшательствомъ a реальности a_1 , a_2 и т. д., слились прежде въ опредѣленные комплексы съ непротивоположными имъ реальностями, съ c , d и т. д.; очевидно усиленіе ихъ вызоветъ появленіе въ сознаніи этихъ комплексовъ цѣликомъ, чѣмъ и объясняется ассоціація по одновременности, смежности и т. п.

Такимъ образомъ, память всецѣло объясняется изъ механизма взаимодѣйствія реальностей.

Не трудно вывести изъ него и другую основную способность души, способность абстрагировать.

Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что такъ называемые общіе признаки предметовъ, заставляющіе признавать предметъ въ разные моменты его существованія за одинъ и тотъ же, или относить рядъ предметовъ къ одному роду,—являются не чѣмъ инымъ, какъ постояннымъ присутствіемъ извѣстныхъ реальностей при измѣнчивомъ участіи остальныхъ. Эти постоянныя реальности чаще всего вызываются совмѣстно въ памяти и, наконецъ, соста-

*) Интересующіеся этимъ вопросомъ могутъ найти свѣдѣнія въ статьѣ Н. Шинкина „О детерминизмѣ въ связи съ математической психологіей“. Вопр. филос. и психологіи, 1891 г., кн. 8.

вляють одинъ самостоятельный комплексъ, который мы называемъ понятіемъ.

Гербартъ осмѣивалъ теорію душевныхъ способностей и называлъ ее «психологической мифологіей». Онъ первый въ Германіи подвергъ анализу эти, якобы неразложимыя, способности и открылъ ту истину, что въ основѣ ихъ лежитъ одинъ и тотъ же процессъ, «напоминающій собою процессы фізіологическіе». Въ этомъ заслуга Гербарта. Онъ стремился объяснить всѣ психическія явленія изъ одного принципа и ясно сознавалъ всю важность единства метода. Поэтому онъ отнюдь не отводилъ особаго мѣста эмоціямъ и волѣ. У него онѣ находили себѣ объясненіе, исходя изъ тѣхъ же принциповъ. Подъ эмоціями онъ разумѣлъ исключительно удовольствіе и неудовольствіе. На примѣрѣ музыки онъ доказывалъ, что пріятными впечатлѣніями являются тѣ, которыя представляютъ изъ себя гармоничные комплексы, чуждые внутренней борьбы, неприятными—наоборотъ. Что касается радости и страданія, какъ чувствъ, то они объясняются ассоціаціями противорѣчивыхъ реальностей, наприм., представленіемъ о дорогомъ другѣ и о его смерти и т. п. Словомъ, эмоциональная сторона человѣческой психики объясняется гармоніей или дисгармоніей реальностей и ихъ сложныхъ комплексовъ.

Гербартъ совершенно отрицалъ свободу воли. Желаніе, какъ чувство, есть лишь субъективное отраженіе необходимаго факта въ психическомъ механизмѣ. Желаніе отмѣчаетъ процессъ усиленія какихъ-нибудь реальностей въ душѣ и побѣду ихъ надъ противоположными силами.

Воля есть, такимъ образомъ, субъективное отраженіе объективнаго факта побѣды одной реальности надъ другой, эмоція—отраженіе факта гармоніи или дисгармоніи реальностей, а самое ощущеніе—факта наличности реальности, достаточно сильной, чтобы обезпечить за собою мѣсто надъ порогомъ сознанія.

Припомните пресловутый афоризмъ Фейербаха «*der Mensch ist, was er isst*» («человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ»). Гербартъ могъ бы сказать о душѣ, что она есть то, что она воспринимаетъ. Въ и до воспріятія она—пустое мѣсто, идеальное пространство и ничего болѣе. Ясно, какой выводъ отсюда долженъ былъ сдѣлать Гербартъ-педагогъ. Если душа есть система реальностей, узелъ взаимно-пересѣкающихся силъ,—то, очевидно, мы можемъ формировать душу, подбирая опредѣленные впечатлѣнія.

Но въ Гербартѣ поражаетъ то обстоятельство, что, обладая громаднымъ абстрагирующимъ и математическимъ умомъ, онъ былъ одаренъ въ то же время удивительной наблюдательностью. Эта наблюдательность заставила его сдѣлать весьма важныя ограниченія вышеприведеннаго вывода, придавшаго его психологіи значительно больше конкретности.

Душа получаетъ впечатлѣнія черезъ посредство тѣла. Это значитъ, что тѣло есть тотъ комплексъ реальностей, который находится въ душѣ, такъ сказать, на первомъ планѣ. Душа безъ тѣла—*talula rasa*, душа въ тѣлѣ уже опредѣленная индивидуальная душа, ибо она заключаетъ въ себѣ от-

раженіе этого тѣла, оно всегда находится надъ порогомъ сознанія, все окружающее проникаетъ въ душу, лишь присоединяясь къ той массѣ комплексовъ, которою является тѣло. Одна и та же реальность будетъ потому совершенно разнѣ дѣйствовать на разныхъ людей, потому что ей придется проникать сквозь разное тѣло. Точно также различныя состоянія тѣла самымъ могучимъ образомъ вліяютъ на судьбу каждой новой реальности, начинающей дѣйствовать на душу.

Герbartъ выдѣляетъ троякое воздѣйствіе тѣла на душу: 1) тѣло по своимъ физиологическимъ особенностямъ можетъ вліять на степень чувствительности, подвижности и т. д. Герbartъ называетъ эти особенности темпераментомъ; такія особенности даны отъ природы и сильно ограничиваютъ власть педагога формировать душу, такъ какъ онѣ съ трудомъ поддаются передѣлкѣ. 2) Тѣло можетъ быть хилымъ и больнымъ или отъ рожденія или временно. Это опять-таки препятствіе для педагога. Борьба съ этимъ препятствіемъ относится къ области гигиены и врачебнаго искусства. 3) Тѣло временно переживаетъ острые кризисы, которые со стихійной силою отражаются въ душѣ. Это аффекты: страхъ, гнѣвъ, половыя страсти и т. п. Педагогъ можетъ ввести ихъ въ русло, но здѣсь недостаточно простого подбора впечатлѣній.

Такимъ образомъ, Герbartъ кромѣ общей педагогики, науки о воспитаніи, такъ сказать, абстрактной души, считалъ своею цѣлью указать на конкретныя типы воспитанниковъ, на тѣ частныя препятствія, на которыя можетъ натолкнуться педагогъ, и на тѣ частныя средства, которыми онъ можетъ съ ними бороться.

Но наше краткое изложеніе поневолѣ должно ограничиться лишь общою педагогикой.

Сначала, однако, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ этики Герbartа, знакомство съ которой совершенно необходимо для пониманія его педагогики.

Обычными базисами *морали* служатъ понятія «свободы воли» и «долга». Герbartъ считалъ свободу воли чистѣйшей фикціей; мало того, онъ полагалъ, что никакая мораль не была бы возможна при существованіи этой «свободной воли». Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя предполагаетъ совершенно неправильное, капризное, ничѣмъ не обусловленное реагированіе на разныя явленія. Но моральнымъ человѣкомъ мы можемъ назвать лишь того, чьи поступки строго соотвѣтствуютъ принципамъ и чьи принципы обусловлены существеннѣйшими чертами его характера, т.-е. чья воля детерминирована всѣмъ его существомъ. Но разъ не существуетъ свободы воли, не можетъ существовать и долга.

Нравственность вытекаетъ необходимо изъ психо-физическаго склада человѣка, она есть результатъ механизма хотя болѣе сложнаго, но не менѣе опредѣленнаго, чѣмъ механизмъ часовъ.

Однакоже, Герbartъ придавалъ морали величайшее значеніе и перѣдко повторялъ, что «достоинство человѣка опредѣляется не его знаніями, а его стремленіями». И въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія. Только

тотъ, кто смѣшиваетъ понятіе детерминизма съ понятіями фатализма, можетъ заподозрить такую непослѣдовательность. Этика Гербарта очень поучительна для разсѣянія предубѣжденій противъ «морали детерминистовъ».

Полярными понятіями морали являются понятія добра и зла. Гербартъ считаетъ добро и зло понятіями, родственными понятіямъ о красотѣ и безобразіи. Общимъ признакомъ добра и красоты служить одобреніе, удовольствіе, которое мы испытываемъ, встрѣчаясь съ ними, общимъ признакомъ зла и безобразія, наоборотъ—неодобреніе и неудовольствіе. Обыкновенно говорятъ, что вкусы людей слишкомъ разнообразны: красивое для одного—безобразно для другого, добро для одного—для другого зло. Но это разнообразіе сужденій доказываетъ только сложность оцѣниваемыхъ явленій.

Въ болѣе простыхъ случаяхъ сомнѣнія невозможны: кто при сравненіи дуги, кривой и очерченной дрожащей рукой, съ геометрически-правильною, или аккорда съ диссонансомъ усомнится, гдѣ красота и гдѣ безобразіе? Кто можетъ предпочесть трусость мужеству?

Этика есть въ сущности часть эстетики, если подъ послѣдней разумѣютъ науку объ одобреніи и неодобреніи. Этика—наука объ одобреніи и неодобреніи, поскольку они вызываются различными проявленіями воли.

Гербартъ съ большимъ остроуміемъ строитъ систему основныхъ моральныхъ «идеаловъ», приближеніе къ которымъ мы испытываемъ, какъ «красоту воли», какъ «нравственную красоту». Такъ какъ эти «идеалы» играютъ огромную роль въ педагогикѣ, то мы должны хотя бы коротко охарактеризовать ихъ.

1 идеаль. Внутренняя свобода. Внутренне свободнымъ является тотъ, чьи желанія не встрѣчаютъ въ немъ самомъ неодобренія, тотъ, кому нравятся его собственные поступки, кто хвалилъ бы ихъ, если бы ихъ совершилъ и кто-либо другой. Человѣкъ, которому кажется негоднымъ и недостойнымъ то, что онъ дѣлаетъ—внутренне рабъ.

Video meliora proboque
Deteriora sequor...

Мы не можемъ не одобрить внутренне свободнаго человѣка, однако этотъ идеаль далеко не исчерпываетъ собою морали. Поступокъ индивидуума, отнюдь не противорѣча его собственнымъ воззрѣніямъ, можетъ быть совершенно безнравственнымъ въ глазахъ другихъ.

2 идеаль. Совершенство. Идеаль совершенства воли самый важный. Онъ предполагаетъ: а) интенсивность воли, б) разнообразіе желаній, с) ихъ организованность. Коротко говоря, онъ предполагаетъ максимальную полную жизнь.

Эти два идеала касаются лишь достоинства индивидуума, остальные—взаимоотношенія людей.

3 идеаль. Благорасположеніе. Воля, направленная къ доставленію удовольствія другимъ лицамъ, есть воля *благорасположенная*. Что касается

симпатии, то она не относится къ области морали, такъ какъ она есть лишь пассивное состраданіе или сорадованіе, и не включаетъ въ свое понятіе активнаго дѣйствія благорасположенной воли.

4 *идеаль. Право.* Всякій конфликтъ тягостенъ. Онъ долженъ быть устраненъ путемъ добровольнаго договора. Такой договоръ не долженъ быть нарушаемъ, такъ какъ это снова вызвало бы моральный диссонансъ.

5 *идеаль. Справедливость.* Если какая-либо личность наноситъ другой ущербъ или, напротивъ, оказываетъ услугу, то это порождаетъ нарушение гармоніи воли и должно вызвать соответствующее отвѣтное дѣйствіе. Воздаяніе (разумѣемъ разумное, правильное) всегда вызываетъ одобреніе.

На этой послѣдней идеѣ должна основываться *система вознагражденій*. Общество должно вознаграждать каждаго члена соразмѣрно его трудамъ. Равнымъ образомъ и каждая личность за блага, получаемыя ею отъ общества, должна воздавать ему добросовѣстнымъ трудомъ. Общество, нарушающее первое право, несправедливо. Личности, нарушающія второе право—паразиты.

На идеѣ права строится *правовая система*, регулирующая взаимоотношеніе гражданъ не путемъ принужденія, а путемъ прочныхъ добросовѣстныхъ договоровъ.

На идеѣ благорасположенія зиждется *система административная*, такъ какъ администрація есть органъ общества, на который возлагается забота блюсти интересъ всѣхъ и каждаго. Администрація, преслѣдующая какія-либо другія, корыстныя цѣли—безнравственна.

На идеѣ совершенства строится *культурная система* съ ея наукой, искусствомъ, техникой и педагогикой, а потому именно эти культурныя блага и являются слѣдствіемъ и причиной совершенствованія воли въ смыслѣ ея углубленія, разнообразія и организаци.

Если мы вообразимъ себѣ общество, въ которомъ высоко-культурные, въ нашемъ смыслѣ, люди живутъ, подчиняясь заботливой и безкорыстной администраціи, соблюдая лишь тѣ обязательства, которыя ими добровольно на себя взяты, если мы прибавимъ къ этому, что въ немъ распредѣленіе благъ совершается по заслугамъ, — то мы поймемъ, что въ немъ осуществился и идеаль внутренней свободы, такъ какъ должное и общественно необходимое будетъ въ немъ совпадать съ естественнымъ чувствомъ его гражданъ.

Не сомнѣваемся, что врядъ ли кто, кромѣ некультурныхъ мракобѣсовъ, станетъ оспаривать широту и возвышенность морали Гербарта.

Конечно, моральные идеалы вырабатывались человѣчествомъ лишь исподволь, они *открывались* людьми точно такъ же, какъ условія музыкальной или архитектурной красоты.

Но какимъ образомъ становятся они движущими силами человѣческой морали? Первоначально человѣкъ руководится въ своемъ поведеніи *страстями*. Но наблюденіе надъ собою и особенно надъ другими постѣпенно учить его связывать представленія о страсти съ представленіями о ея го-

рестныхъ послѣдствіяхъ. Это ослабляетъ страсти и даетъ побѣду надъ ними трезвому практическому смыслу: торжествуетъ *эдемонизмъ*. Однако, умѣренное наслажденіе, провозглашенное цѣлью жизни, скоро начинаетъ связываться съ представленіями о его эфемерности и суетности, между тѣмъ какъ человѣкъ уясняетъ себѣ, что нѣтъ страданія, котораго нельзя бы было перенести во имя возвышенныхъ идеаловъ. Словомъ, идеалы въ этой борьбѣ импульсовъ оказываются самыми прочными, непреходящими, надежными и порождающими счастье; они начинаютъ руководить человѣкомъ не при помощи жестокаго «императива», а «своею сладостною привлекательностью», какъ выражался Гербартъ.

Такова мораль Гербарта. Несмотря на свой детерминизмъ, она не только допускаетъ, но доказываетъ необходимость и неизбежность прогресса. Психика и общественная жизнь—вотъ арена борьбы разныхъ реальностей въ многоразличныхъ комплексахъ. Борются впечатлѣнія, идеи, люди, классы, національности и расы, борются, воздѣйствуя другъ на друга, а побѣждаетъ всегда самое гармоничное, потому что гармонія есть и счастье и сила, тогда какъ дисгармонія неприятна и, страдая внутреннимъ противорѣчіемъ, слаба.

Педагогика есть тоже одна изъ формъ такого воздѣйствія. Ея цѣль способствовать прогрессу въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Гербартъ.

II.

Воспитанію Гербартъ отводилъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ своемъ философскомъ міросозерцаніи. Отвергая идею трансформизма, далеко тогда еще не зрѣлую, онъ разсматривалъ однако исторію человѣчества, какъ процессъ, постоянно измѣняющійся и при томъ прогрессирующій. Къ этому его приводило, повидимому, не только научное изслѣдованіе, но и глубокая потребность чувства, сказавшаяся между прочимъ въ слѣдующемъ выразительномъ афоризмѣ: «безъ надежды на юношество человѣкомъ овладѣлъ бы леденящій ужасъ при мысли, что міръ останется навѣки такимъ, каковъ онъ есть».

Какъ детерминистъ, онъ отвергалъ то фаталистическое представленіе о прогрессѣ, согласно которому наши усилія совершенно бесплодны въ борьбѣ съ силами какого-то рока, внѣ насъ находящагося; отвергалъ также и свободу воли, которая, будучи независима отъ эмпирическаго міра, могла бы неожиданно разрушать наши лучшія и наиболее обоснованныя надежды. Детерминизмъ же даетъ возможность болѣе или менѣе планомерно воздѣйствовать на дѣйствительность и отъ опредѣленныхъ дѣйствій ждать опредѣленныхъ результатовъ.

По мнѣнію Гербарта, продолжительный періодъ дѣтства выдѣляетъ человѣка изъ міра животнаго, а продолжительность періода воспитанія отличаетъ культурныя расы отъ некультурныхъ. Въ теченіе подготовитель-

наго періода человѣкъ пріобрѣтаетъ результаты тысячелѣтняго опыта человечества. Передать планомерно и съ наименьшею затратою силъ этотъ общечеловѣческій опытъ есть дѣло воспитанія.

Мы уже говорили, что Гербартъ, какъ реалистъ, не могъ однако ограничить могущества воспитанія, т.-е. не видѣтъ, что многое на дѣлѣ остается недостижимымъ. Прежде всего, воспитатель самъ—дитя вѣка и не можетъ передать больше знаній и болѣе высонихъ принциповъ, чѣмъ тѣ, которые созрѣли къ его времени: воспитаніе въ лучшемъ случаѣ идетъ въ ногу съ прогрессомъ, но не можетъ обогнать его. Кромѣ того умъ и характеръ ребенка складываются подъ влияніемъ среды и всѣхъ впечатлѣній, которыя ежедневно воздѣйствуютъ на него помимо, а можетъ быть и вопреки желанію воспитателя. Наконецъ, надо принять въ соображеніе тѣ индивидуальныя особенности, которыя нами упомянуты при выясненіи связи между душой и тѣломъ.

Значеніе воспитанія не надо ни уменьшать, ни преувеличивать. Но что такое собственно воспитаніе? Это—искусство формировать человѣческую душу. Искусство безконечно сложное и тонкое. Оно предполагаетъ со стороны воспитателя умѣніе ясно читать въ душѣ воспитанника, что возможно лишь для души необыкновенно отзывчивой. Отзывчивость, по мнѣнію Гербарта, слабѣетъ съ годами, потому онъ полагаетъ, что воспитаніе дѣтей должно быть поручено преимущественно молодымъ людямъ.

Преданность дѣлу, энтузіазмъ и впечатлительность—вотъ качества, необходимыя для воспитателя.

Но онъ долженъ быть кромѣ того уменъ и образованъ. Его образованіе должно охватывать всѣ науки, онъ непремѣнно долженъ быть энциклопедистомъ, отдавать себѣ точный отчетъ во взаимной связи наукъ и умѣть «разсматривать ближайшія явленія, какъ части мірового цѣлаго». Онъ долженъ обладать всѣми реальными, философскими и филологическими знаніями, чтобы передать ихъ, и *обладать педагогіей* для себя лично.

Нечего и говорить, что педагогъ долженъ быть наблюдателемъ: иначе онъ не пойметъ тѣхъ конкретныхъ, индивидуальныхъ условій, съ которыми имѣетъ дѣло, и превратится въ педанта, всюду лѣзущаго со своими шаблонами. Но едва ли не хуже, если педагогъ задумаетъ основываться на однихъ наблюденіяхъ, не руководимыхъ теоріей: онъ неминуемо начнетъ принимать частный случай за общее правило, маловажное за самое важное и въ концѣ концовъ создастъ собственную теорію, ограниченную, узкую, имѣющую въ основаніи только жалкій кругъ единоличныхъ наблюденій. Наблюденіе и теорія должны сливаться въ одно и порождать тотъ *педагогическій тактъ*, который заключается въ умѣніи быстро и вѣрно приспособлять принципы къ частнымъ условіямъ.

Педагогическая наука, обладаніе которой столь необходимо для воспитателя, можетъ быть построена двоякимъ способомъ: она можетъ исходить изъ понятія конечной цѣли воспитанія, или излагать приемы, при помощи которыхъ можно формировать душу, независимо отъ цѣлей. По

первому плану построено главное педагогическое сочиненіе Гербарта «Общая педагогика, выведенная изъ цѣли воспитанія». По второму плану его неоконченная работа: «О взаимоотношеніи психологій и педагогій».

Что же является цѣлью воспитанія? И прежде всего, ради чего нужно воспитывать индивидуумъ—ради него самого, или ради государства?

Болосальный успѣхъ «Рѣчей къ нѣмецкому народу» Фихте старшаго предрѣшалъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, но Гербартъ этому противился. На патриотизмъ онъ смотрѣлъ, какъ на явленіе преходящее: любовь индивидуума должна охватить все человѣчество, — въ этомъ естественное стремленіе гуманизма. Человѣкъ и человѣчество—вотъ понятія, наиболѣе дорогія для нашего философа. Поэтому естественно, что цѣлью воспитанія онъ считалъ созданіе наиболѣе совершеннаго, наиболѣе нравственнаго *индивидуума*. Всѣ общественныя качества его должны были естественно вытекать изъ его нравственности.

Осуществленіе нравственныхъ идеаловъ, перечисленныхъ нами въ первой главѣ—вотъ конечная цѣль воспитанія.

Однако, и здѣсь реализмъ Гербарта ограничиваетъ это общее положеніе къ великой выгодѣ для его педагогій.

Боже сохрани, если нравственные люди, поднявъ взоры къ высотамъ морали, упустятъ изъ виду реальныя силы и оставятъ ихъ въ рукахъ невѣрныхъ. Человѣкъ рожденъ для жизни въ обществѣ и будетъ выполнять ту или другую общественную обязанность: надо подготовить его къ этому.

Но какъ опредѣлить, къ какой профессіи нужно подготовить ребенка? Не говоря уже о томъ, что при преждевременномъ рѣшеніи этого вопроса возможны горестныя ошибки, но вѣдь опаснѣе всего сдѣлать изъ человѣка узкаго специалиста.

Общество специалистовъ—это нѣчто ненавистное для Гербарта. «Когда интересы каждой личности,—говоритъ онъ,—такъ же многообразны, какъ труды всѣхъ членовъ общества, ихъ соединяетъ тѣсною связью счастливая необходимость. Наоборотъ, когда каждый любитъ лишь собственное свое дѣло и на все остальное смотритъ какъ на средство для достиженія своихъ исключительныхъ цѣлей, общество становится какимъ-то мертвымъ механизмомъ; каждый грѣбется у одной искры, которая того и гляди погаснетъ, и тогда останется лишь—мрачный холодъ, утомленіе и разочарованіе».

Приготовлять юношей исключительно къ одной какой-нибудь профессіи значитъ, по мнѣнію Гербарта, плодить «толпу всякаго рода калѣкъ и горбыхъ, кое-какъ толкающихся бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ; что же другое представляетъ изъ себя общество людей, чувства которыхъ разрознены, гдѣ каждый гордится своею оригинальностью и не въ состояніи понять сосѣда».

Итакъ, выходъ одинъ: надо готовить дѣтей по возможности ко всѣмъ профессіямъ, развивая въ нихъ *многосторонній интересъ*.

Позднѣе, въ специальныхъ заведеніяхъ, а больше всего на практикѣ, способный человѣкъ, конечно, станетъ виртуозомъ въ своей области,—пер-

воначальное же образование должно заботиться о томъ, чтобы ни одна область не была ему совершенно чужда.

Но, быть можетъ, въ погонѣ за тѣмъ блестящимъ образованіемъ, которое предполагаетъ *многосторонній интересъ*, мы упустимъ простую и величавую цѣль, намѣченную Гербартомъ раньше—нравственность?

Ни въ какомъ случаѣ!

Стѣбитъ только вспомнить, какую огромную роль среди другихъ нравственныхъ идеаловъ играетъ идеаль *совершенства воли*. Припомнимъ, въ въ чемъ онъ заключается. Прежде всего въ энергіи или интенсивности воли, что можетъ быть достигнуто лишь усиленіемъ интереса; во-вторыхъ, въ экстенсивности или разнообразіи желаній, предполагающемъ умѣніе обращаться со множествомъ предметовъ; но это какъ разъ и дается развитіемъ многосторонности интересовъ; наконецъ, въ организованности воли: ее можно достигнуть, приведя возбуждаемые воспитателемъ интересы въ стройную систему.

Мало того, истинная нравственность вообще немыслима для людей съ умомъ узкимъ и одностороннимъ. «Узость ума дѣлаетъ самую добродѣтельную ничтожной и сухой или угрюмой и жестокой,—справедливо говоритъ Моксіонъ,—порою она способна вызвать смѣхъ, но чаще ужасъ, потому что она въ состояніи причинить больше зла, чѣмъ самый извращенный порокъ. Не она ли порождаетъ суевѣріе и фанатизмъ, сектантство и нетерпимость, не она ли воздвигаетъ костры и эшафоты и влагаетъ кинжалъ въ руки убійцы?» Итакъ, развивая въ ребенкѣ многосторонній интересъ, мы ни на мигъ не уклоняемся отъ достиженія конечной цѣли — истинной нравственности.

Всякій воспитатель сразу замѣчаетъ, что передъ нимъ двоякая задача: 1) *нравственно воспитать* ребенка и 2) *обучить* его.

Обученіе есть обогащеніе ума идеями и организація этихъ идей, приобрѣтаемыхъ ребенкомъ. Нравственное воспитаніе воздѣйствуетъ на чувство путемъ увѣщаній, порицаній и наказаній, путемъ похвалъ и наградъ, путемъ укрѣпленія чести и стыда за дурные поступки.

Обученіе въ сущности преслѣдуетъ ту же цѣль—нравственность; обученіе, не являющееся въ то же время нравственнымъ воспитаніемъ, есть средство безъ цѣли. Но нѣтъ сомнѣнія, что нравственное воспитаніе безъ обученія есть цѣль безъ средствъ.

Конечно, нельзя отрицать временной необходимости прямого воздѣйствія на чувства воспитанника, но одно оно совершенно бесплодно. Если бы даже въ томъ или другомъ случаѣ воспитателю и удалось вызвать въ душѣ ребенка сильный порывъ, то, по прошествіи небольшого промежутка времени, душа эта пришла бы въ прежнее состояніе, и вызванный воспитателемъ аффектъ не оставилъ бы по себѣ никакого прочнаго слѣда.

Въ самомъ дѣлѣ, нравственность есть не что иное, какъ направленіе воли, постоянство воли въ выборѣ опредѣленныхъ поступковъ. Но воля

не есть какая-то внѣшняя, обособленная сила, это просто результатъ борьбы реальностей. Отраженіемъ этихъ реальностей въ душѣ являются идеи, стало быть, воля цѣликомъ опредѣляется количествомъ, качествомъ и взаимоотношеніемъ идей, составляющихъ реальное содержаніе души.

Кто хочетъ достигнуть прочныхъ воспитательныхъ результатовъ, тотъ долженъ твердо помнить, что для этого въ душѣ воспитанника должна быть создана основная масса идей, сплоченная и систематизированная, которая могла бы успѣшно выдержать борьбу со всѣмъ вреднымъ и дурнымъ, входящимъ извнѣ, а все доброе воспринимать, т.-е. *аптерципировать* съ наибольшею легкостью.

Создать такой сложный и стройный міръ идей въ умѣ подрастающаго, значить дать ему *міросозерцаніе*, которое станетъ опредѣлять собою все его поведеніе *). Разумѣется, для этого нужно, чтобы міросозерцаніе было настоящимъ психическимъ центромъ личности, а не пристройкой, чуждой органической связи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ души.

Въ виду всего вышесказаннаго понятно, что дидактика (искусство обученія) занимаетъ въ педагогіи самое важное мѣсто.

Однако не только не слѣдуетъ игнорировать пріемовъ моральнаго воспитанія въ узкомъ смыслѣ слова, но двѣ эти функціи воспитанія приходится дополнить третьей — управленіемъ дѣтьми. Надо только помнить, что властное управленіе дѣтьми должно постепенно уступать мѣсто моральному воздѣйствію на ихъ чувства, которое должно исчезнуть въ свою очередь задолго до окончанія обученія. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, требовать чтобы почти взрослый юноша безъ досады переносилъ вторженія учителя въ дѣла своей совѣсти.

Слѣдуя за изложеніемъ Моксіона, мы постепенно рассмотримъ идеи Гербарта относительно всѣхъ трехъ функцій воспитателя.

Управленіе дѣтьми. Въ первые годы дѣтства воля, собственно говоря, отсутствуетъ. Тѣ капризы и порывы, которые проявляются у дѣтей, такъ беспорядочны, что могутъ совершенно испортить существованіе взрослыхъ людей, живущихъ бокъ-о-бокъ съ ними.

Задача управленія дѣтьми сводится къ тому, чтобы сдерживать ихъ порывы и направлять ихъ естественную живость въ надлежащее русло.

Сдерживать—значить запрещать дѣтямъ тѣ или иные поступки. Но запреты эти должны быть строго опредѣленны и по возможности немногочисленны. Если воспитатель, уступая крикамъ или слезамъ ребенка, покажетъ, что запретъ его не носитъ характера совершенной необходимости, онъ докажетъ этимъ полную свою неспособность къ управленію дѣтьми.

Направлять поведеніе дѣтей, значить придумывать имъ занятія и игры. Гербартъ, повидимому, недостаточно цѣнилъ воспитательное значеніе игръ. Онъ думаетъ, что дѣтямъ слѣдуетъ предоставить полную свободу играть,

*) Ограниченіе этого положенія смотри ниже, объ объективномъ и субъективномъ характерѣ.

какъ имъ заблагоразсудится, лишь бы они не дѣлали вредныхъ шалостей. Легкій ручной трудъ Гербартъ усиленно рекомендуетъ.

Но каковы тѣ приемы, при помощи которыхъ воспитатель можетъ дисциплинировать дѣтей? Быть можетъ, нельзя обойтись въ этомъ случаѣ безъ *угрозъ*, хотя, по мнѣнію Гербарта, это самое худшее средство. Они, такъ сказать, дразнятъ наиболѣе смѣлыя и сильныя дѣтскія души, а у дѣтей слабохарактерныхъ соображенія о послѣдствіяхъ никогда не въ состояніи бороться съ наличнымъ капризомъ. Нельзя назвать удовлетворительнымъ и другое средство—*надзоръ*. Прежде всего надзоръ необыкновенно тягостенъ для самого воспитателя, а затѣмъ и для воспитанника. Вскорѣ оба начинаютъ хитрить, съ цѣлью сбросить съ себя эту обузу. А что можетъ вреднѣе отозваться на характерѣ ребенка, а прежде всего на его отношеніи къ воспитателю, какъ не стремленіе перехитрить надзоръ послѣдняго? Наконецъ, надзоръ слишкомъ ограничиваетъ самостоятельность дѣтей и не даетъ окрѣпнуть ихъ волѣ. Поэтому надзоръ надо ограничивать, такъ сказать, неожиданными ревизіями, причежъ, однако, и этотъ контроль не долженъ поселять въ ученикѣ мысли, что къ нему относятся съ недовѣріемъ.

Но самыми могучими опорами воспитателя въ дѣлѣ управленія дѣтьми служатъ авторитетъ и любовь.

Для приобрѣтенія авторитета требуются качества частью природныя, частью достигаемыя путемъ труда: внушительная виѣшность, ровность обращенія, постоянное умственное и нравственное превосходство. Воспитатель ни на минуту не долженъ казаться смѣшнымъ, жалкимъ или слабымъ.

Любовь можно приобрѣсти или нѣжнымъ отношеніемъ ко всѣмъ душевнымъ движеніямъ ребенка, или внушеніемъ къ себѣ симпатіи. Но никогда нельзя покупать любовь цѣною слабости и потворства дѣтскимъ капризамъ.

Что касается наказаній, то Гербартъ признавалъ ихъ необходимость въ исключительныхъ случаяхъ. Однако онъ относился недоброжелательно къ тѣлеснымъ наказаніямъ и рекомендовалъ прибѣгать лучше къ лишенію свободы или какихъ-либо обычныхъ удовольствій.

Обученіе. Обученіе состоитъ, по Гербарту, изъ трехъ элементовъ: 1) возбужденія интереса, 2) его многосторонняго развитія, 3) поддержанія единства и послѣдовательности въ массѣ приобрѣтаемыхъ знаній.

Гербартъ считаетъ за неизмѣнное правило, что «преподаваніе должно быть всегда *интереснымъ*, доставлять ученикамъ удовольствіе, и отнюдь не стоять имъ слезъ».

Только то запечатлѣется въ умѣ ребенка, что онъ воспринялъ *со вниманіемъ*. Конечно, *вниманіе можно возбудить* въ ребенкѣ похвалами и порицаніями, наградами и наказаніями; юноша *заставляетъ себя быть внимательнымъ* передъ экзаменами въ виду соображеній о будущности, но это *произвольное вниманіе* никогда не можетъ сравниться съ *вниманіемъ непроизвольнымъ*, возникающимъ въ силу непосредственнаго интереса къ новымъ предметамъ и свѣдѣніямъ. Безъ произвольнаго вниманія въ нѣкоторыхъ случаяхъ обойтись невозможно, но хорошій преподаватель въ боль-

шинствѣ случаевъ съѣтъ свои сѣмена на плодотворной почвѣ произвольнаго вниманія.

Но и самое произвольное вниманіе бываетъ двухъ родовъ—*первоначальное и апперцептивное*.

Первоначальное вниманіе возбуждается яркостью, необычностью и неожиданностью впечатлѣній. Указывая все новыя явленія или демонстрируя новые предметы и искусно варьируя ихъ, можно поддерживать неослабное вниманіе этого рода. Но его достаточно развѣ только на первыхъ ступеняхъ обученія. Надо, чтобы вниманіе вело къ *разсмотрѣнію* и *ислѣдованію*, и наконецъ, къ *усвоенію* новаго объекта. Подъ словомъ апперцепція Гербартъ понимаетъ усвоеніе умомъ человѣка новаго явленія или понятія; а такъ какъ умъ есть не что иное, какъ система раньше воспринятыхъ впечатлѣній, то апперцептивное вниманіе заключается въ связываніи всего новаго со всею массою прежде извѣстныхъ знаній путемъ разнообразныхъ ассоціацій. Апперцепируя, умъ идетъ навстрѣчу воспріятію, ищетъ въ немъ сходствъ или различій съ раньше познаннымъ. Разница между этими двумя родами вниманія очевидна: въ то время какъ первое *пассивно связывается* особенно выдающимися явленіями, второе можетъ быть *активно направлено* на детали любого явленія, и возбуждается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе подмѣтить искомыя черты, которыя дали бы возможность *понять* т.-е. апперципировать воспринимаемый объектъ.

Само собою разумѣется, что нельзя злоупотреблять напряженіемъ вниманія, особенно у ребенка. Беспорядочное преподаваніе тѣмъ и отличается отъ систематическаго, что ставитъ слишкомъ трудныя задачи, заставляетъ разсматривать явленія, апперцепція которыхъ неподготовлена. Между тѣмъ рѣшительно всѣ предметы преподаванія могутъ быть расположены такъ, чтобы каждый послѣдующій шагъ былъ подготовленъ предыдущими.

Бъ произвольному вниманію и косвенному интересу приходится прибѣгать лишь въ одной области: при заучиваніи наизусть правилъ, словъ, оборотовъ и текстовъ. Но Гербартъ полагалъ, что заучиваніе наизусть должно быть сведено къ минимуму.

Интересы, которые должны быть вызваны и развиты въ ученикѣ, можно классифицировать слѣдующимъ образомъ: 1) *интересъ эмпирической* или интересъ къ воспріятію и ближайшему разсмотрѣнію явленій природы; 2) *интересъ симпатическій*, т.-е. интересъ къ людямъ и ихъ внутренней жизни, зарождающійся при общеніи съ ними; 3) *спекулятивный интересъ*, къ которому приводитъ болѣе глубокое разсмотрѣніе явленій и законовъ, по которымъ они происходятъ; 4) *соціальный интересъ*, возникающій вслѣдствіе наблюденія и размышленія надъ взаимными отношеніями людей въ обществѣ и надъ ихъ эволюціей и 5) *эстетическій интересъ*, который зарождается въ душѣ при спокойномъ разсмотрѣніи природы, какъ цѣлаго.

Само собою разумѣется, что источникомъ эмпирическаго и симпатическаго интересовъ является среда, непосредственно окружающая ребенка.

Стараться изгнать эту естественную среду и замѣнить ее искусственной, специально приуроченной къ цѣлямъ воспитателя, было бы, по словамъ Гербарта, такъ же нелѣпо, «какъ стараться замѣнить лучи солнца свѣтомъ свѣчи». Конечно, среда, въ которой живетъ ребенокъ, не всегда удобна для его воспитанія и иногда включаетъ въ себя вредные и даже развращающіе элементы. Гербартъ считаетъ счастливыми деревенскихъ дѣтей, которымъ не приходится жить среди тѣхъ условностей, той лжи и тѣхъ пороковъ, среди которыхъ волей-неволей приходится вести воспитаніе дѣтей богатыхъ горожанъ.

Тѣмъ не менѣе окружающее (природа и люди) даетъ ребенку богатѣйшій матеріалъ для наблюденія и размышленія. Но, разумѣется, эта среда представляетъ изъ себя лишь ничтожную часть цѣлаго, да къ тому же наблюденія ребенка всегда совершенно неорганизованы и непослѣдовательны. Пополнить и организовать опытъ ребенка—задача обученія. Односторонность и узость дѣтскаго опыта должна быть пополнена естествознаніемъ и математикой; еще важнѣе борьба съ исключительностью симпатій, возникающихъ у ребенка вслѣдствіе жизни въ опредѣленномъ кругу близкихъ людей; расширить симпатіи ребенка — дѣло наукъ историческихъ и филологическихъ.

Естествознаніе и математика не могутъ не возбудить въ ребенкѣ спекулятивного интереса, исторія же и словесность не только расширяютъ симпатіи ребенка, но развиваютъ эстетическій интересъ, знакомя дѣтскую душу съ самымъ прекраснымъ въ области человѣческаго прошлаго и человѣческаго вымысла, въ то время какъ разсмотрѣніе судебъ человѣчества и пестрой картины развитія человѣческихъ обществъ возбуждаетъ интересъ социальный.

Главная цѣль, ради которой возбуждаются и систематически удовлетворяются эти интересы, та, чтобы воспитанникъ проникся любовнымъ интересомъ къ тому необъятному и неисчерпаемому міру, въ которомъ онъ живетъ, чтобы онъ постоянно чувствовалъ себя скромнымъ элементомъ «великаго всего» и звеномъ грандіозной цѣпи историческаго человѣчества. «Эстетическая концепція міра», гармоничное представленіе о всѣхъ явленіяхъ природы и исторіи, какъ объ одной величавой системѣ — вотъ цѣль обученія. Такое представленіе должно быть названо эстетическимъ потому, что огромное разнообразіе вселенной, сведенное къ единству черезъ посредство научнаго пониманія ея явленій, не можетъ не производить впечатлѣнія наивысшей красоты и величественности. Постоянное проникновеніе души идеей величія и прелести міра является силой, гармонирующей человѣческую волю и мощно содѣйствующей осуществленію этическихъ идеаловъ.

Мы сдѣлаемъ выписку изъ «Общей педагогіи» Гербарта, указывающую границы, въ которыхъ возможно преподаваніе той массы разнообразныхъ знаній, которыя онъ считаетъ необходимыми для достиженія цѣли: «Можно сильно сократить количество преподаваемаго, — говоритъ онъ, — но Боже

сохрани обезформивать его. Пусть вся система знаній будетъ представлена, какъ предметъ подъ уменьшительнымъ стекломъ, въ болѣе живыхъ краскахъ, съ болѣе яркими контрастами, но съ строгимъ сохраненіемъ пропорціональности, хотя, конечно, избыткомъ и законченностью деталей придется пожертвовать. Пусть исчезнетъ масса языковъ, можно читать немного и притомъ въ выдержкахъ и переводахъ, но надо настаивать на главныхъ чертахъ и идеяхъ прочитаннаго, тѣмъ болѣе, что онѣ не выдѣляются сами собою путемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ чтеній. Въ математикѣ нужно оставить въ сторонѣ ту массу тонкостей, которыя она въ себѣ заключаетъ; достаточно ограничиться самыми важными теоремами и основными способами вычисления, но преподаваніе должно быть энциклопедическимъ и идти съ самыхъ низовъ и до самыхъ вершинъ математики, тѣмъ болѣе, что самое высокое не есть въ то же время и самое трудное. Все должно преподаваться со строгою опредѣленностью и отчетливо запечатлѣваться въ юныхъ умахъ. Въ естествознаніи, географіи и исторіи не надо загромождать головъ названіями и датами, а заботиться лишь о томъ, чтобы міръ и человѣчество выступали хотя въ небольшой, но яркой картинѣ».

Какъ мы уже сказали, дѣло обученія—пополнить и организовать тотъ опытъ, который даетъ ребенку не естественная среда. При этомъ обученіе послѣдовательно проходитъ три стадіи: 1) обученія *описательнаго*, 2) *аналитическаго* и 3) *синтетическаго*.

Описательное обученіе даетъ возможность не считаться съ условіями мѣста и времени: оно расширяетъ кругозоръ ребенка почти безгранично. Умѣлые, яркіе рассказы о явленіяхъ природы и событіяхъ исторіи, хорошо подобранное чтеніе—вотъ первая стадія обученія.

Но при этомъ не надо увлекаться и, въ погонѣ за живописностью разсказа, забывать, что ребенокъ можетъ представить себѣ картину лишь тогда, когда она не заключаетъ въ себѣ элементовъ, совершенно ему неизвѣстныхъ. Языкъ повѣствованій долженъ быть простъ, а предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, лучше показывать ребенку въ натурѣ или въ изображеніяхъ.

Описательное обученіе расширяетъ кругъ опыта ребенка, но не упорядочиваетъ и не организуетъ его. Между тѣмъ опытъ ребенка весьма нуждается въ упорядоченіи. Ребенокъ не умѣетъ правильно находить сходства и различія, онъ соединяетъ въ одно многое, на дѣлѣ не имѣющее ничего общаго, строить совершенно фантастическіе выводы на недостаточныхъ основаніяхъ и приходитъ къ причудливому міросозерцанію почти ни въ чемъ не отвѣчающему дѣйствительности. Упорядочить опытъ ребенка дѣло прежде всего *аналитическаго* обученія. Аналитическое обученіе должно состоять, во-первыхъ, въ томъ, чтобы заставлять ребенка перечислять всѣ предметы, или виды, принадлежащіе къ одному роду, и отличать отъ нихъ тѣ, которые кажутся похожими, не будучи таковыми на дѣлѣ. Перечислить птицъ. Почему летучая мышь не птица? Перечислить рыбъ. Почему ракъ не рыба? и т. д. Такъ подготавливается классификація явленій и

вносится первоначальная система въ область составленія абстрактныхъ понятій.

Далѣе, каждый сложный объектъ долженъ быть расчлененъ на составныя части, причемъ нужно по возможности указывать значеніе каждаго органа или каждаго элемента разбираемаго объекта.

Потомъ ребенокъ долженъ перечислять качества предмета и находить ихъ въ другихъ предметахъ. Напр., пуля кругла, тяжела, плавится въ огнѣ, обладаетъ металлическимъ блескомъ. Какіе предметы раздѣляютъ съ нею каждое изъ этихъ качествъ? Этимъ путемъ ребенокъ пріучается понимать абстракцію качествъ или свойствъ предметовъ.

Рядомъ съ анализомъ все время должно идти описаніе. О каждомъ анализируемомъ предметѣ необходимо рассказать, каково его происхожденіе, развитіе, каково его воздѣйствіе на окружающее, польза или вредъ для человѣка. Словомъ, предметы должны являться ребенку не изолированными, а частью вселенной, находящейся въ живомъ общеніи со средою.

На почвѣ обученій описательнаго и аналитическаго уже нетрудно построить зданіе *синтетическаго* обученія. Синтетическое обученіе приводитъ въ стройную связь всю массу накопленныхъ знаній. Оно даетъ послѣдовательныя серіи физическихъ и химическихъ опытовъ, наблюденій и небольшихъ изслѣдованій изъ области минералогіи, ботаники и зоологіи, и все это должно вести къ пониманію существеннѣйшихъ законовъ явленій природы и главнѣйшихъ принциповъ ихъ классификаціи. Оно даетъ послѣдовательное описаніе вселенной и земного шара и связанное изложеніе культурной исторіи человѣчества. Во всѣхъ этихъ наукахъ придется имѣть дѣло съ тѣми конкретными свѣдѣніями, которыя уже пріобрѣтены и усвоены въ предыдущіе періоды.

Нѣсколько труднѣе обстоитъ дѣло съ математикой. Но Гербартъ считаетъ большою ошибкой абстрактное преподаваніе математики. Онъ совѣтуетъ начинать съ того, чтобы давать дѣтямъ упражняться въ измѣреніяхъ величины, вѣса и температуры различныхъ предметовъ, въ денежныхъ расчетахъ и т. п. До начала преподаванія геометрическихъ теоремъ дѣти должны умѣть не только правильно чертить, но постоянно имѣть въ рукахъ геометрическія фигуры и тѣла изъ дерева и картона, а также привыкнуть къ измѣренію всевозможныхъ угловъ. Такимъ путемъ можно сдѣлать математику наукой въ значительной мѣрѣ эмпирической и придать ей новый интересъ конкретныхъ наукъ.

Но самая трудная часть синтетическаго обученія—это обученіе языкамъ.

Тутъ ужъ нѣтъ возможности держаться въ предѣлахъ естественнаго интереса и вниманія. Заучиваніе грамматическихъ правилъ, словъ, оборотовъ и текстовъ всегда представляетъ изъ себя вещь скучную и сухую. Лучше всего начинать изученіе языковъ въ тотъ періодъ, когда память ребенка особенно сильна, а именно въ 7—8 лѣтъ. Какъ только пріобрѣтены элементарныя познанія въ томъ или другомъ языкѣ, тотчасъ же слѣдуетъ связать его обученіе съ предметами непосредственно интересными,

подбирая удачные тексты для чтенія, знакомя съ культурой и исторіей даннаго народа.

Никто не станетъ спорить противъ необходимости изученія новыхъ языковъ; напротивъ того, необходимость изученія мертвыхъ языковъ представляется спорной. Вотъ что говорить о нихъ Гербартъ: «если тяжелая и разрушительная тиранія латынщины была бы присуща школьному образованію какъ таковому, то надо бы его спрятать въ какой-нибудь отдаленный уголь, какъ тѣ яды, къ которымъ медицина прибѣгаетъ лишь изрѣдка и которые тщательно закупориваются въ аптечныхъ банкахъ». И еще: «Работа, которая требуетъ основательнаго изученія древнихъ языковъ, окупается лишь въ томъ случаѣ, когда талантъ лингвиста встрѣчается съ серьезнымъ намѣреніемъ специализироваться въ изученіи древностей».

Если литературу и культуру античнаго міра можно изучить безъ знанія латинскаго и греческаго языковъ, то этихъ языковъ не слѣдуетъ изучать, но изученіе античнаго міра всегда останется важнымъ элементомъ образованія. Гербартъ полагаетъ, что античный міръ наиболѣе близокъ пониманію дѣтей, и что такія книги какъ, напр., Одиссея, на вѣки вѣчные останутся самымъ подходящимъ чтеніемъ для дѣтскаго возраста. Искусственно создать дѣтскую литературу страшно трудно, почти невозможно, но греки близки ребенку по свѣжести чувствъ и впечатлѣній, по простотѣ слога и наивности идей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, они такъ чело- вѣчны и благородны, что чтеніе классическихъ произведеній всегда будетъ и увлекать дѣтей и расширять ихъ симпатическій интересъ.

Особенно же въ сферѣ эстетическаго воспитанія становится яснымъ, что ребенокъ проходитъ послѣдовательно стадіи развитія чело- вѣчества. Сначала его, какъ и дикаря, больше всего поражаетъ яркость окраски, потомъ величина и вычурность формъ (Индія, Египеть), наконецъ, тотъ эстетическій порядокъ, та гармонія частей, которая у грековъ проявилась въ самой прозрачной чистотѣ и разнообразіи и усложняется въ новомъ и новѣйшемъ искусствѣ. Поэтому изученіе искусства должно начинаться съ греческихъ образцовъ. Но конечно ни симпатическій, ни эстетическій интересъ не можетъ быть замкнутъ въ кругу классицизма. Это было бы такъ же нелѣпо, какъ преподавать философію или космографію по Фалесу или Анаксимандру.

Греки должны быть этапомъ въ воспитаніи, какъ они были этапомъ въ развитіи культуры чело- вѣчества.

Мы полагаемъ, что никто не станетъ спорить противъ такого рода классицизма, такъ какъ отрицать значеніе античной культуры невозможно, но всѣмъ извѣстно, что царившая до сихъ поръ въ школахъ греко-латинская схоластика служила главнымъ препятствіемъ, а отнюдь не подспорьемъ къ изученію культуры грековъ и римлянъ, и невѣжество гимназистовъ по вопросамъ греческой и римской литературы, общественной жизни и искусству ничуть не уступало ихъ невѣчеству относительно природы или жизни сосѣднихъ народовъ.

Моральное воспитаніе и образованіе характера. Моральное воспитаніе имѣетъ свою цѣль образованіе характера, опредѣленіе воли, или постоянства въ выборѣ поступковъ.

Всякій актъ воли долженъ быть прежде всего энергиченъ и настойчивъ, потому что только при этихъ условіяхъ возможенъ его успѣхъ. Энергія воли зависитъ отъ того, многое ли человѣкъ считаетъ для себя доступнымъ и достижимымъ, т.-е. отъ довѣрія къ своимъ силамъ и отъ умѣнія сразу находить, — предварительно въ воображеніи, — правильный путь къ достиженію своей цѣли. Очевидно энергичною волей болѣе всего будутъ обладать люди физически сильные и ловкіе, обладающіе живымъ умомъ. Живость ума есть не что иное, какъ обиліе идей, разнообразіе и богатство ассоціацій между ними. Всего этого въ значительной степени можетъ достигнуть правильное воспитаніе.

Но достоинство характера не исчерпывается энергіей и настойчивостью. Рядомъ съ героями добродѣтели существуютъ и герои порока. Важнѣе всего, чтобы воля была направлена къ добру.

Вообще говоря, приходится различать въ человѣкѣ два характера: *субъективный* и *объективный*.

Субъективный, сознательный характеръ созрѣваетъ лишь къ концу опыта: это тѣ правила и чувства, которыя царятъ въ человѣкѣ, когда онъ оглядывается на свои поступки, подвергаетъ ихъ суду, когда онъ размышляетъ о себѣ и своихъ идеалахъ, когда онъ бесѣдуетъ наединѣ съ собою о смыслѣ своего существованія или, по крайней мѣрѣ, о правильности своего поведенія съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ.

Но къ тому времени, какъ слагается субъективный характеръ, онъ уже застаётъ готовымъ характеръ *объективный*: систему инстинктовъ, влеченій и привычекъ, частью наслѣдственныхъ, частью возникшихъ совершенно помимо сознанія и помимо воздѣйствія воспитателя.

Борьба обоихъ характеровъ—это фактъ наиболѣе содѣйствовавшій зарожденію иллюзіи свободной воли. На дѣлѣ побѣда того или другого опредѣляется ихъ силою. Если субъективный характеръ цѣлостенъ и гармониченъ, если идеалы человѣка опредѣленны и взаимно поддерживаютъ другъ друга, то это даетъ большой шансъ на побѣду въ борьбѣ съ характеромъ объективнымъ, въ которомъ нѣтъ согласованія отдѣльныхъ инстинктовъ и страстей.

Но если кромѣ того въ объективномъ характерѣ человѣка имѣются элементы, родственные характеру субъективному, то побѣда послѣдняго почти обезпечена.

Зарождавать и развивать эти благородные инстинкты дѣло того же обученія, которое играетъ главную роль въ выраженіи характера субъективнаго. Естественно, что, усиливая интересъ къ знанію и искусству, развивая его до степени естественной потребности, мы обогащаемъ объективный характеръ чертами, находящимися въ полномъ соотвѣтствіи съ моралью, — руко-

водящей звѣздой субъективнаго характера—и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваемъ область чисто животныхъ влеченій.

Но объективный характеръ можно формировать, также и непосредственно дѣйствуя на чувства, пресѣкая въ самомъ началѣ все, что ведетъ къ усвоенію дурныхъ привычекъ и поощряя развитіе привычекъ полезныхъ. Здѣсь особенно важно выяснять, частью на дѣлѣ, частью путемъ предсказаній относительно будущаго, тѣ *естественныя наказанія и награды*, которыя вытекаютъ изъ порочныхъ и дурныхъ поступковъ. Важнѣйшимъ элементомъ нравственнаго воспитанія нужно признать заботливое развитіе естественнаго стремленія къ похвалѣ, дружбѣ и любви людей, естественный страхъ огорчить ихъ и оттолкнуть отъ себя. Воспитатель, сумѣвшій стать въ глазахъ воспитанника авторитетомъ, сумѣвшій заслужить его любовь, можетъ добиться такимъ образомъ крупныхъ перемѣнъ въ объективномъ характерѣ воспитанника. Характеръ же субъективный создается, какъ мы уже говорили, широкимъ и систематическимъ образованіемъ, дающимъ возможность правильно оцѣнивать различныя блага и находить вѣрнѣйшіе пути къ ихъ достиженію.

Таковы педагогическія идеи Гербарта въ самыхъ общихъ чертахъ. Надѣюсь, что читатель не найдетъ ихъ устарѣлыми, сравнивъ съ тѣми, которыя примѣняются въ подавляющемъ большинствѣ школъ.

Въ такое время, какъ наше, когда вопросы воспитанія самою жизнью выдвигаются на первый планъ, нельзя не пожелать полнаго перевода по крайней мѣрѣ «Общей педагогикъ», содержаніе которой, конечно, далеко не исчерпано ни Моксіономъ, ни тѣмъ менѣе нами. Это сочиненіе Гербарта замѣтно обогатило бы нашу поразительно бѣдную педагогическую литературу.

А. Л—скій.

Обрывки прошлаго.

(Изъ исторіи русской литературы и культуры XIX вѣка).

I.

Къ исторіи распространенія сочиненій Бѣлинскаго въ нашей средней школѣ.

Попытки педагогическихъ примѣненій идей Бѣлинскаго начинаются еще съ конца 40-хъ годовъ, если не раньше.

Воспоминанія и отзывы современниковъ давно уже установили тотъ фактъ, что многіе преподаватели русскаго языка и словесности этой эпохи основывали все свое преподаваніе на сочиненіяхъ великаго критика, читали отрывки изъ нихъ въ классѣ или заставляли учениковъ читать дома, вносили идеи Виссаріона Григорьевича въ учебныя руководства и пособія (напр., извѣстная книга А. Милюкова) и т. д.

Г. Потанинъ, напр., окончившій Омскій корпусъ въ 1852 г., вспоминаетъ *): «третій учитель, имѣвшій вліяніе на формированіе нашихъ убѣжденій и правилъ жизни, былъ Костылецкій, преподаватель русскаго языка и исторіи русской словесности... Въ классахъ онъ самъ ничего не рассказывалъ и не читалъ изъ курса, а къ концу года приносилъ записки по исторіи русской литературы, по которымъ мы должны были готовиться къ экзамену. Впослѣдствіи, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, мы узнали, что эти записки Костылецкій составлялъ по критическимъ статьямъ Бѣлинскаго, тайнымъ поклонникомъ котораго онъ былъ».

Въ этомъ отношеніи особенно характерны отзывы И. С. Аксакова **).

Въ 1856 г. онъ пишетъ брату К. С. изъ Николаева: «нѣтъ ни одного учителя гимназіи, ни одного уѣзднаго учителя, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю, и подъ руководствомъ ихъ воспитываются новыя поколѣнія».

Это вліяніе очень не по душѣ убѣжденному славянофилу.

*) „На славномъ посту“. Спб., 1901 г., стр. 257.

***) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. III, М., 1892 г., стр. 281.

«И Полевой и Бѣлинскій (ib., стр. 290—1, письмо къ родителямъ изъ Екатеринослава) имѣли огромное вліяніе на общество, вредное, дурное, все же громадное вліяніе. Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые бы не знали наявусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое.

«Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ», говорятъ мнѣ вездѣ молодые люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете встрѣтить два класса людей: съ одной стороны—взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ,—привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эманципаціи и всякаго простора, съ идеями гуманности. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ логически оканчивается подлостью петербургскаго практицизма, но порицаніе и отрицаніе ихъ понятны. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу, ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго». Отзывы Аксакова приобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что они съ Бѣлинскимъ были принципиальные противники. Въ одномъ письмѣ 1840 г. (Письмо, т. I, стр. 338) И. С. даже заявляетъ: «я не люблю Бѣлинскаго, но надо быть безпристрастнымъ».

Эти отзывы вполне подтверждаются воспоминаніями В. П. Острогорскаго *).

«Особенно же важное мѣсто въ исторіи моего развитія, какъ учителя словесности и писателя, имѣлъ Бѣлинскій, нѣкоторыя статьи котораго, но безъ подписи, читывалъ я еще въ гимназіи... Бѣлинскій составлялъ для меня цѣлый основной капиталъ, такъ сказать, прочный фундаментъ всего моего литературнаго знанія и развитія. Въ Бѣлинскомъ я, юноша, пережилъ за три-четыре года, послѣдовательно, разные періоды умственнаго роста; онъ, великій русскій энциклопедистъ-популяризаторъ, далъ мнѣ цѣлую массу понятій эстетическихъ, философскихъ, нравственныхъ, которыя потомъ только болѣе опредѣлялись, оформливались и расширялись чтеніемъ. Своею горячею, ясною и образною рѣчью онъ былъ моею школою литературнаго стиля и формы... Не говорю уже о томъ, какъ благотворно

*) „Изъ исторіи моего учительства“, Слб., 1895 г., стр. 99—101.

подѣйствовала на меня, вообще, честная личность этого писателя, никогда не отдѣляющаяся отъ его сочиненій. Но помимо этихъ вліяній, которыя имѣли на меня Бѣлинскій, вліяніе его было еще на меня и специально педагогическое».

Конечно подобное вліяніе всегда было подспуднымъ, считалось запретнымъ плодомъ. За Бѣлинскимъ еще съ половины 40-хъ годовъ прочно установилась репутація неблагонадежности и неблагонамѣренности, и самое имя его въ школѣ произносилось подъ сурдинкой, а то и совсѣмъ замалчивалось, что, однако, не мѣшало распространенію его *идей*. Г. Потанинъ только черезъ 10 лѣтъ узналъ, чьими идеями его напитывали, а многие, можетъ быть, не догадались относительно этого и до конца своихъ дней...

Какъ культурное переживаніе, ужасъ передъ именемъ Бѣлинскаго сохранился въ средней школѣ чуть ли не до нашихъ дней. Только въ самое послѣднее время добились допущенія нѣкоторыхъ его сочиненій въ бібліотеки средне-учебныхъ заведеній и заговорили о включеніи его, какъ писателя, въ гимназическую программу. Особенно сильны были преслѣдованія сочиненій «неистоваго Виссаріона» въ эпоху наибольшаго развитія нашего школьнаго «псевдо-классицизма»: и въ самомъ дѣлѣ, между свѣтлымъ міромъ его идей и мертвечиной «Толстовской» (гр. Д. А.) школы должна была начаться борьба не на животь, а на смерть.

Официально побѣдила «толстовщина», но Бѣлинскій наносилъ ей неуловимыя, «неотразимыя обиды»...

Бажется, вся школа была скована и окована циркулярами, распоряженіями, предписаніями, но преподаваніе—слишкомъ живое и почти не поддающееся контролю дѣло, чтобы можно было затиснуть его въ строго опредѣленныя рамки. Отдѣльныя личности уличались и искоренялись, идеи гнали въ одно окно—и онѣ влетали въ другое.

Характеристика этой трагикомической борьбы составитъ когда-нибудь прелюбопытную страницу въ исторіи нашего просвѣщенія...

Насколько бессильно было стремленіе «пымать» и «не пуцать», можно видѣть изъ одного очень любопытнаго факта.

Въ 1880 г. въ Новочеркасскѣ была издана не поступавшая въ продажу и совсѣмъ не отмѣченная нашею печатью книга: «Гимназическій сборникъ. Работы воспитанниковъ Новочеркасской гимназіи». Въ виду рѣдкости этого провинціального изданія и его большого педагогическаго интереса (не только по отношенію къ Бѣлинскому, но и какъ попытка возобновить старый и хорошей обычай печатать ученическія сочиненія), мы рѣшаемся въ короткихъ словахъ отмѣтить его содержаніе и общій характеръ. Всѣхъ работъ напечатано 15; 10 изъ нихъ посвящено Бѣлинскому. Ученикъ VII класса Поповъ переложилъ стихами (довольно топорными) «Азовское сидѣніе», его товарищъ Купріяновъ далъ «систематическій сводъ практическо-философскихъ положеній Смайльса» (видъ хрестоматіи). Инициалами И. П. отмѣченъ маленкій рассказъ: «Донцы передъ походомъ». Воспитанникамъ Кирсанову и Ежову принадлежать стихи: «На смерть И. А. Витова» и «Отрывокъ»

изъ перевода второй пѣсни Энеиды». Большая часть книги занята систематическими выборками изъ сочиненій Бѣлинскаго, съ вступительной статьей воспитанника VII класса Туркина: «Просвѣтительныя идеи Бѣлинскаго». Выборки охватываютъ слѣдующіе вопросы: взгляды Бѣлинскаго на литературу, писателей и художественныя произведенія; взглядъ Бѣлинскаго на историческіе романы; мысли Бѣлинскаго о переводахъ и переводчикахъ; мнѣніе Бѣлинскаго объ иностранныхъ словахъ, вводимыхъ въ русскій языкъ, о человѣкѣ вообще и о нравственномъ и эстетическомъ чувствѣ; мысли Бѣлинскаго о воспитаніи дѣтей и о дѣтской литературѣ; о любви и ревности вообще и о женщинѣ въ особенности; о народѣ и его поэзіи; взглядъ Бѣлинскаго на критику и критика. Произведены эти выборки очень внимательно; матеріалъ недурно систематизированъ, изъ отдѣльныхъ цитатъ складывается довольно рельефная общая картина. На первомъ планѣ выдвинуты мнѣнія Бѣлинскаго—послѣдняго періода.

Вступительная статья начинается цитатой изъ Некрасова: «Молясь твоей многострадальной тѣни»...

«Въ этихъ чудныхъ стихахъ Некрасова, проникнутыхъ такою теплотою и задушевностью, выказывается самое родственное, самое кровное чувство любви и глубокаго уваженія къ гениальному критику. И кто же изъ насъ не питаетъ этого глубокаго уваженія къ Бѣлинскому, безмѣрно великое и безмѣрно благотѣльное вліяніе котораго до сихъ поръ еще ясно чувствуется во всемъ, что только появляется у насъ истинно прекраснаго и благороднаго! И чье же сердце не бьется пламенно живою любовью къ тому, чей подвигъ такъ неизмѣримъ, чье значеніе такъ необъятно велико? И всѣ мы сознаемъ, что въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, что Бѣлинскій—гордость и украшеніе нашей родной литературы, что его имя славно и почтенно, что его дѣло—величайшій подвигъ, вполне достойный того, чтобы наше время обезсмертило его монументомъ... Бѣлинскій передъ современнымъ ему обществомъ является дѣйствительно передовымъ человѣкомъ, могучимъ вождемъ прогресса, страстнымъ поклонникомъ всего эстетически-прекраснаго, нравственнаго и высокаго».

«Самый энергическій и самый пламенный приверженецъ и защитникъ новыхъ идей, онъ неутомимо и безпощадно преслѣдовалъ всѣхъ поборниковъ застоя и рутины, всѣхъ противниковъ знанія и прогресса и упорно боролся съ застарѣлыми предрассудками и фальшивыми тенденціями. Не обращая вниманія на ожесточенную ненависть и вражду своихъ безчисленныхъ противниковъ, не слушая громкихъ криковъ и нападокъ, направленныхъ противъ величія и красоты тѣхъ идей, за воплощеніе которыхъ онъ боролся, Бѣлинскій неустанно шелъ къ своей завѣтной цѣли, неутомимо дѣлалъ свое задушевное дѣло. Онъ весь, открыто и увѣренно, со всей страстностью энергической природы, предавался любимымъ идеямъ, сливался съ нами душой, воспламенялся ими, страдалъ и бился за нихъ, словно за свою жизнь, за свою радость, за свое счастье... Каждое выраженіе, каждое слово его полны отваги, трепета, горячаго дыханія жизни, которые

сообщаютъ имъ невыразимую силу, невольно покоряющую васъ. Тагъ свѣтлый лучъ солнца, радостно играя въ воздухѣ, на голубыхъ водахъ рѣки, на листьяхъ деревь, отражаясь алмазами въ капляхъ росы и отражая всюду краски, тѣни, неуловимые переливы, придаетъ природѣ красоту, блескъ, жизнь и неотразимую силу обаянiя»...

Мы нарочно привели эту длинную выписку: она очень характерна для настроенiя юнаго автора и тона всего сборника.

Въ старину у насъ часто издавали сборники ученическихъ произведенiй *). Этотъ богатый и цѣнный материалъ еще ждетъ своего историка **). Насколько мы знаемъ, съ 40-хъ годовъ этотъ полезный обычай прекращается.

Новочеркасскiй «гимназическiй сборникъ» — единственный извѣстный намъ за послѣднiя десятилѣтiя случай подобныхъ изданiй, не считая двухъ петербургскихъ и одного кievскаго студенческихъ сборникъ (также сборникъ стиховъ витебскихъ гимназистовъ), преслѣдовавшихъ, впрочемъ, совсѣмъ другiя цѣли: они имѣли претензiю печатать *настоящiе* ученые труды и *настоящiя* литературныя произведенiя...

Онъ даетъ очень любопытную страницу изъ исторiи нашей провинциальной гимназической жизни начала 80-хъ годовъ. Характерно въ немъ все—самыя темы и ихъ постановки, цитаты изъ Смайльса и Бѣлинскаго, ссылки на Некрасова, самый тонъ сочиненiй. Его изданiе—конечно, откровенность исключительная и неожиданная. Самый фактъ стоитъ особнякомъ: онъ важенъ, какъ симптомъ школьнаго настроенiя, но было бы неправильно считать его доказательствомъ официальнаго допущенiя сочиненiй Бѣлинскаго въ среднюю школу.

Любопытно было бы знать, при какихъ условiяхъ состоялось изданiе этого сборника (предисловія къ нему нѣтъ), и какъ вообще было поставлено въ пору его появленiя дѣло преподаванiя русской словесности въ Новочеркасской гимназiи.

Въ послѣднее время часто повторяютъ избитую фразу, что Бѣлинскiй цѣлыхъ 50 лѣтъ былъ почти совершенно чуждъ нашей средней школѣ.

«Гимназическiй сборникъ», да и не одинъ онъ, совершенно ясно доказываетъ, насколько далеко отъ истины это голословное утвержденiе... Великiй критикъ сразу, чуть ли еще не при жизни, занялъ прочную позицію въ нашемъ школьномъ преподаванiи. Его идеи долго были контрабан-

*) Напр., «Рѣчи и отчеты Моск. универ. Благородн. пансіона»; «Опытъ сочиненiй воспитанниковъ Московской духовной академiи», М., 1822 г.; «Каліопа»; «Утренняя Заря»; «Въ удовольствiе и пользу»; «Распускающійся цвѣтокъ»; «Опытъ» воспитанниковъ бѣлорусскихъ гимназiй и Харьковскаго пансіона Коваленкова; «Сочиненiя студентовъ и вольнослушающихъ Харьк. университета», Харьковъ, 1817 г. и проч.

**) Въ послѣднее время имъ занялся С. Г. Смирновъ, сдѣлавшій докладъ о немъ въ Моск. педаг. обществѣ.

дой, которая свободно проходила через заставы тогдашняго обскурантизма, канцелярщины и рутины. Онъ незамѣтно и неуловимо проскальзывали въ среднюю и высшую школу даже въ самыя мрачныя эпохи гоненія на мысль и свободное слово.

Повидимому, недалеко время, когда великій критикъ дождется полного и безусловнаго официальнаго признанія, и его сочиненія открыто сдѣлаются лучшимъ средствомъ воспитанія молодыхъ поколѣній.

Учебники ближайшаго будущаго введутъ на свои страницы особую рубрику—«періодъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго»...

II.

Кн. П. И. Шаликовъ и С. А. Соболевскій.

(Къ характеристикѣ литературныхъ нравовъ 20-хъ и 30-хъ гг. XIX в.)

Культурность обществъ измѣряется прежде всего и больше всего удѣльнымъ вѣсомъ всякой человѣческой личности и всякаго человѣческаго достоинства, независимо отъ общественнаго, служебнаго и матеріальнаго положенія даннаго лица.

Приниженіе личности всегда идетъ объ руку съ раболѣпствомъ и шутковствомъ, какъ *общественнымъ учрежденіемъ*. Обратная сторона медали—хлестаковщина и самозванство, какъ минутныя выпрямленія, если можно такъ выразиться, сдавленной и поруганной личности.

Все это въ широкой степени знала и знаетъ русская жизнь. До новѣйшихъ временъ «шуты и шутихи», «дураки и дуры» были необходимою принадлежностью нашего придворнаго и общественнаго быта; однихъ на это поприще гнала нужда, другихъ—прирожденное «пылкое раболѣпство», по характерному выраженію Грибоѣдова. Стремленіе найти шута, безобидную мишень для всякихъ надругательствъ и издѣвательствъ, поставить ближняго въ положеніе «дурацкой персоны»—одна изъ очень характерныхъ чертъ нашей общественной фізіономіи.

Не заходя слишкомъ далеко въ глубь вѣковъ, обратимся хотя бы къ XVIII в.

Кн. Куракинъ такъ рассказываетъ о забавахъ Петра Великаго: «отъ того начала ругательство началось знатымъ персонамъ и великимъ домою, а особливо княжескимъ домою многихъ и старыхъ бояръ; людей полныхъ протаскивали сквозь стула, гдѣ невозможно статья, на многихъ платье дирали и оставляли нагишомъ (на морозѣ)... отчего единъ Мясной, думной дворянинъ, умеръ. Инымъ многія другія ругательства чинили. И сія потѣха святковъ такъ происходила трудная, что многія къ тѣмъ днямъ приготавливались, какъ бы къ смерти» *).

*) „Архивъ кн. Куракина“, томъ I, Спб., 1890, стр. 74.

При Аннѣ Иоанновнѣ кн. Голицына заставляли кудахтать курицей и садиться надъ лукошкомъ съ яйцами, а Третьяковскій долженъ былъ ползати по полу, кривляться для общей потѣхи и получать удары палками— въ благодарность. Даже при Екатеринѣ II Фонвизинъ задаетъ свой горькій и ядовитый вопросъ: «Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?», на что Императрица только и нашлась отвѣчать: «Предки наши не всё грамотѣ умѣли. Сей вопросъ родился отъ *свободозычія*, котораго предки наши не имѣли».

Грибоѣдовъ по «свѣжимъ преданіямъ» описывалъ случаи добыванія карьеры затылкомъ—припомнимъ куртаги Екатерины и «случай» знаменитаго Максима Петровича.

Въ дворянскомъ быту шутовство и другія проявленія грубаго неуваженія къ чужой личности сохранились до самаго послѣдняго времени, несмотря на всё перемѣны въ общественной жизни. Вообще, это одинъ изъ основныхъ элементовъ нашей народной психологіи.

Не могъ онъ, конечно, не отразиться и на учено-литературной средѣ.

Такъ, общимъ посмѣшищемъ былъ когда то Третьяковскій; наиболѣе культурный человѣкъ XVIII в., основатель Московскаго университета, Шуваловъ, забавлялся тѣмъ, что стравливалъ Ломоносова съ Сумароковымъ; Державинъ съ друзьями увеселялся выходками сумасшедшаго Чупятова; 20 и 30-е годы имѣли своихъ шутовъ въ лицѣ А. А. Орлова (увѣковѣченнаго Пушкинымъ) и кн. П. И. Шаликова.

Печатныя и непечатныя издѣвательства надъ послѣднимъ не знали никакой мѣры и настолько переходили границы всякихъ приличій, что о многомъ до сихъ поръ еще совсѣмъ нельзя писать. Конечно, самъ Шаликовъ часто давалъ поводы для злостныхъ шутокъ.

Плохой поэтъ и пылкій журналистъ, онъ былъ очень претенціозенъ и постоянно лѣзъ въ первые ряды русской литературы. Наивный, доврчивый и недалекій человѣкъ, онъ охотно шелъ на удочку и постоянно попадалъ впросакъ, одинъ забавнѣе другого. Его слезливость и жеманность носили совершенно комическій характеръ.

Извѣстный дѣятель III Отдѣленія Николаевскихъ временъ, фонъ-Фокъ, писалъ въ 1827 году въ официальномъ донесеніи Дибичу («Русская Старица», 1901, I, 99): извѣстный князь Шаликовъ... съ давняго времени служить предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ занимающихся литературою. Въ 50 лѣтъ онъ молодится, пишетъ любовные стихи, влюбляется и принимаетъ эпиграммы за похвалы. Мѣсто редактора получилъ онъ по протекціи И. И. Дмитріева, которому онъ служитъ пластрономъ (предметомъ насмѣшекъ) подъ веселый часъ. Этотъ князь Шаликовъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній для издаванія политической газеты и даже лишень природной смѣтливости.» Дальше фонъ-Фокъ упоминаетъ объ его «глупости и неспособности».

Кто бы могъ, кромѣ него, написать, положимъ, такую рецензію о «*Наложницѣ*» *) Баратынскаго: «*Новое сочиненіе Баратынскаго, въ стихахъ М. Въ типографіи Семена. 1831, на зеленой бумагѣ; цѣна 10 руб. 80 коп.*» Странное положеніе журналиста: вышло новое сочиненіе на отечественномъ языкѣ, и журналистъ не можетъ говорить о семъ сочиненіи, не можетъ даже наименовать его!.. По книжнымъ объявленіямъ многіе догадаются, о какомъ сочиненіи идетъ рѣчь; что же касается до насъ, то мы, уважая, будучи обязаны болѣе дружить журналистовъ **) уважать благоприличіе, скажемъ со всею искренностію, что мы... не читали сего новаго сочиненія, *новаго* даже и по самому заглавію своему и, слѣдовательно, не знаемъ, возлагаетъ ли оно на главу сочинителя новый вѣнокъ — конечно, не вѣнокъ *Грацій*, но по крайней мѣрѣ... свитый изъ рокового платка, столь важнаго для героини одного имени съ героинею *сочиненія Баратынскаго*, въ стихахъ?»

Воейковъ засадилъ его въ свой «Домъ сумасшедшихъ» въ слѣдующемъ видѣ:

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненный въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,—
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій адъшнихъ мѣсть
И, мяуча сладострастно,
Размазну безъ масла ѣсть.

Бн. Вяземскій прозвалъ его «Вздохаловымъ» и такъ изображалъ его «первый выходъ» ***):

Съ собачкой, съ посохомъ, съ хорнеткой,
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И съ чуть звенящимъ кошелькомъ
По свѣту бѣлому Вздохаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ.
„Прости, жестокая Аглая!“
Онъ говоритъ въ послѣдній разъ,
И вздохъ за вздохомъ, грудь вздымая,
Его перерываютъ гласъ.
„Прости, Макаровъ, другъ любимый,
И ты, о Бланкъ неистощимый ****),
Единственный читатель мой!
Вотъ вамъ мое благословеніе!

*) *Дамскій Журналъ* 1831, томъ XX, стр. 111.

**) Намекъ на *Дамскій журналъ*.

***) Соч., томъ III, стр. 275.

****) Сотрудники Шаликова.

Кроплю васъ тихою слезою“...
 И, прочной дружбы въ увѣренъе,
 Кольнувъ булавкой палець свой,
 Онъ по тафтицѣ пишетъ кровью:
 „Дышу до гроба къ вамъ любовью,
 До гроба, или я не Стернь,
 Или по крайности не Вернь“ *).
 Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,
 Еще вздохнуть—еще—и скрылся...

Въ 1824 г. С. А. Соболевскій, пріятель Пушкина, извѣстный острякъ эпиграмматистъ, сыгралъ съ нимъ жестокою шутку **).

Подъ псевдонимомъ И. Кіевскаго онъ прислалъ Шаликову невинную съ перваго взгляда шараду (кстати, необходимый отдѣлъ тогдашнихъ журналовъ), искусно поддѣлавшись подъ общій тонъ Шаликовскихъ шарадъ. Довѣрчивый редакторъ поспѣшилъ ее напечатать.

„Шарады трудно сочинять!“
 Лизета мнѣ вчера сказала—
 И что жъ? Сама же приказала
 Какъ можно поскорѣй шараду написать.
 „Однако жъ“, я сказалъ... „Не слушаю ни слова!“
 „Вотъ вамъ, сударыня, шарада и готова.“
 „Готова? Такъ извольте прочитать!“
 „Любимецъ юга и природы
 Ужъ вѣрно бѣ два мои вамъ первые сказалъ;
 Повѣрите ль, что то же за народы,
 Карая ихъ, Всесильный насылалъ;
 А чтобъ конецъ вамъ изъяснить скорѣе,—
 Когда ложусь я спать, чтобъ было мнѣ теплѣе,
 Какъ чепчикъ, я его изволю надѣвать.
 Теперь лишь цѣлое осталось:
 Легко его на картѣ приискать;
 Оно—тогда, что въ Азіи скиталась.

*) Сантиментальные писатели.

***) Мы узнали о ней слѣдующимъ образомъ.

Въ Румянцевскомъ музеѣ хранится теперь бібліотека извѣстнаго бібліографа Потторацкаго. Прекрасный подборъ книгъ, обиліе бібліографическихъ рѣдкостей, удивительная сохранность экземпляровъ дѣлаютъ ее драгоцѣннымъ украшеніемъ музея. Пересматривая ее, мы натолкнулись на очень любопытный фактъ: на многихъ книгахъ сохранились бібліографическія помѣтки прежняго владѣльца, иногда представляющія большой историко-литературный и бібліографическій интересъ.

На экземплярѣ *Дамскаго Журнала* кн. Шаликова 1824 г. мы нашли такую надпись: „часть 7, № 17, стр. 164—165. Шарада (анаграмма противъ кн. Шаликова) Кіевскаго (псевдонимъ С. А. Соболевскаго), надѣлавшая въ то время много шума. Разгадка на стр. 209, въ № 18“.

Шарада оказалась акростихомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ бѣдный Шаликовъ наивно помѣстилъ разгадку: „Каракалпакъ“. Нужныя для другой разгадки буквы мы обозначаемъ курсивомъ.

Довольно! думайте—чтобъ не пришлось сказать:
А крышка ларчика вѣдь просто открывалась!

О настоящей разгадкѣ: «Шаликовъ глупъ, какъ на (о) лода» бѣдный журналистъ узналъ, вѣроятно, слишкомъ поздно...

При всей своей смѣхотворности, Шаликовъ былъ очень добръ и отводилъ въ своемъ журналѣ много мѣста дѣлу благотворенія: призывалъ общество на помощь бѣднымъ, изображалъ весь ужасъ ихъ положенія, благодарилъ за оказанную поддержку и довѣріе къ себѣ и пр. Все это довольно патриархально и наивно, но въ общемъ производитъ даже умиленное впечатлѣніе.

Вл. Каллашъ.

Алессандро Манцони.

(Новѣйшая итальянская литература о Манцони) *).

IV.

Подъ религіознымъ руководствомъ епископа Този, Манцони-католикъ, какъ мы уже говорили, написалъ съ 1810 по 1818 г. всего лишь пять священныхъ гимновъ и трактатъ «*Morale cattolica*». Въ произведеніяхъ этихъ мало новаго, своего, нѣтъ ничего сильнаго и блестящаго. Но лишь только поэтъ сбросилъ съ себя связывавшія его путы, тотчасъ же сказалась вся оригинальная мощь его дарованія. Съ 1818 года до конца 1824 г., т. е. въ теченіе шести драгоцѣнныхъ лѣтъ, ярко горѣлъ поэтический талантъ Манцони. Это былъ самый лихорадочный, производительный, блестящій періодъ его литературной дѣятельности.

Написалъ онъ за это время двѣ историческія трагедіи—«*Карманьола*» и «*Адельки*», извѣстныя двѣ политическія оды, «*Marzo 1821 г.*» и «*Cinque Maggio*», и романъ «*Promessi Sposi*».

Со времени женитьбы Манцони и до появленія двухъ его трагедій, «*Карманьола*» и «*Адельки*», биографическія свѣдѣнія о немъ какъ нельзя болѣе скудны. Предположеніе де-Губернатиса, что поэтъ за эти годы пережилъ какое-нибудь сильное душевное горе, весьма вѣроятно. Не лишена также основанія и другая догадка того же де-Губернатиса—будто бы Манцони, который сначала выразилъ готовность совместно съ своими друзьями принять участіе въ политическомъ заговорѣ, затѣмъ отступилъ отъ своего намѣренія, изъ опасенія за спокойствіе и благоденствіе своей семьи, и такимъ образомъ навлекъ на себя укоры и обвиненія въ малодушіи и трусости. Такъ ли было дѣло, или иначе, но фактъ тотъ—какъ видно изъ писемъ матери Манцони и его собственныхъ,—что въ 1818 г. поэтъ страдалъ сильнымъ нервнымъ расстройствомъ. Около того же времени, къ великому огорченію его, обстоятельства заставили его продать домъ и помѣстье отца, близъ Лекко, гдѣ онъ провелъ свое дѣт-

*) *Русская Мысль*, 1901 г., кн. IX.

ство. Въ виду ли этихъ экономическихъ неудачъ, или же новыхъ сплетенъ и клеветъ, которыя теперь опять стали распускаться о немъ въ Миланѣ, какъ въ 1805 г., до напечатанія имъ оды «На смерть Имбонати»,—только въ 1819 г. Манцони съ женой и матерью счелъ за лучшее снова удалиться на время въ Парижъ.

Въ личнымъ неудачамъ и огорченіямъ, обрушившимся на поэта, несомнѣнно присоединялась и волновавшая душу его мысль о великомъ горѣ отечества, униженнаго и угнетеннаго позоромъ чужеземнаго ига.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставляло поэта искать отдыха въ искусствѣ и уходить въ созданный имъ поэтической, идеальной міръ, гдѣ онъ могъ дать свободный просторъ своимъ чувствамъ.

Для первой своей трагедіи Манцони избралъ сюжетомъ драматическій эпизодъ изъ исторіи Венеціи,—повѣствующій о грустной судьбѣ славнаго кондотьера, графа Барманьола.

Изъ устъ графа Барманьола часто слышатся рѣчи, скорѣе характеризующія самого Манцони, чѣмъ средневѣковаго кондотьера,—рѣчи, представляющія собою отраженія чувствъ, мыслей, сомнѣній, внутренней борьбы поэта, дорожащаго доброй своей славой, смѣлаго въ замыслахъ, но робкаго, лишь только дѣло коснется осуществленія этихъ замысловъ—религіознаго, мягкаго, горячо преданнаго семьѣ и родицѣ...

Трагедія «Conte di Carmagnola», которую авторъ посвятилъ Форіэлю въ знакъ искренней и преданной дружбы, отличается многими драматическими и лирическими красотоми и умѣньемъ возвысить историческую правду до поэтическаго идеала; она страдаетъ однимъ лишь недостаткомъ—преобладаніемъ личнаго, семейнаго чувства надъ чувствомъ общественнаго долга. Въ душѣ кондотьера чувства отца и мужа берутъ верхъ, вслѣдствіе чего и трагедія низводится къ драмѣ.

Въ этой трагедіи, переведенной на русскій языкъ впервые въ 1888 г. и, замѣтимъ мимоходомъ, переведенной далеко не удовлетворительно,—нѣтъ собственно любви; женщины являются здѣсь лишь эпизодически. Тѣмъ не менѣ возбужденіе и интересъ поддерживаются и растутъ съ каждымъ дѣйствіемъ. Тема, прежде всего, выбрана очень удачно: кондотьерь Барманьола одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ авантюристовъ, судьба которыхъ прекрасно поддается драматическимъ комбинаціямъ, а Манцони сумѣлъ отлично воспользоваться всѣми инцидентами бурной жизни своего героя. Благородная фигура Барманьола освѣщена самыми яркими красками. Его великодушный, но гордый характеръ, не способный примѣниться къ низменному времени и капризамъ лицъ, стоящихъ у власти, составляетъ удивительный контрастъ съ завистливыми его врагами, желающими его погубить, а также и съ немногочисленными друзьями, тщетно старающимися спасти его. Кондотьерь, столь искусный въ военномъ дѣлѣ, но столь наивный въ дипломатіи, съ самаго своего появленія на сценѣ поставленъ на путь, который неизбежно приведетъ его къ гибели. Между прочимъ

хорошо очерчена и фигура сенатора Марко, единственного друга Барманьолы, который тоже под конец вынужденъ измѣнить ему.

Удивительной лирической силой и красотой отличается хоръ, вставленный авторомъ послѣ второго акта, — рѣчь идетъ о сраженіи при Маклодѣ. Братоубійственная война, — это великое проклятіе народовъ, — вызываетъ въ душѣ поэта негодование патріота. Вдохновеннымъ языкомъ Саванаролы, предрекавшаго развратнымъ согражданамъ кару Господню, — разражается и Манцони въ нижеслѣдующемъ лирическомъ изліяніи:

„Tu che angusta a tuoi figli parevi,
 „Tu che in pace nutrirli non sai
 „Fatal terra, gli estrani ricevi
 „Tal guidizio, comincia per te“...

(«Злополучная страна, ты, казавшаяся столь тѣсной твоимъ сынамъ; ты, въ мирные дни не сумѣвшая прокормить ихъ, склонись теперь подѣ его чужестранцевъ, — вотъ кара, предназначенная тебѣ»).

Ненавистному угнетателю родины поэтъ бросаетъ слѣдующее патріотическое проклятіе:

„Stolto auch'esso! Beata fu mai
 „Gente alcuna per sangue edoltraggio?
 „Solo al vinto non toccano i guai,
 „Torna in pianto dell'empio il guor...“

(«Безразсуденъ и онъ! Не быть счастливымъ тому, кто угнетаетъ и проливаетъ кровь. Только побѣжденному не грозятъ превратности судьбы, а ликованья жестокаго побѣдителя обратятся скоро въ горе и плач!»)

Вложивъ всю душу въ эти пятнадцать строфъ краснорѣчиваго обращенія къ Италіи, Манцони заканчиваетъ грандіозный свой гимнъ трогательнымъ призывомъ къ единодушію и согласію:

„Siam fratelli, siam stretti adun patto:
 „Maladetto colui che lo infrange,
 „Che s'innalza sul fiacco che piange,
 „Che contrista uno spirito immortall...“

(«Будемте братьями, заключимъ тѣсный союзъ, и пусть будетъ проклять тотъ, кто его нарушитъ, кто возстанетъ противъ слабого и проливающаго слезы, кто огорчитъ чей-либо безсмертный духъ»).

Трагедія Манцони случайно попала на глаза Гёте и очень ему понравилась. Горячая симпатія нѣмецкаго поэта къ итальянскому объясняется отчасти и нѣкоторыми сходными чертами ихъ натуръ, нѣкоторымъ душевнымъ сродствомъ ихъ. Хотя Манцони болѣе сдержанъ, менѣе предается страстямъ, но подѣ этимъ кажущимся спокойствіемъ, этой удивительной умѣренностью рѣчи, все же слышна буря взволнованной души, и нескончаемая внутренняя борьба между долгомъ къ отечеству и любовью къ семьѣ, между свободой мысли и слѣпой вѣрой. Гёте такъ же, какъ и Манцони, стремился къ совершенству, но скорѣе къ умственному совершенству; итальянскій же поэтъ ищетъ нравственнаго совершенства. Въ

1821 г. въ журналѣ *Annalen ueber Kunst und Alterthum*, упомянувъ объ «Ильдегондѣ» Гросси, Гёте пишетъ: «Тѣмъ интереснѣе показался мнѣ «Графъ Карманьола», трагедія Манцони, истиннаго, искренняго поэта, задумывающаго всегда ясно, идущаго въ глубь вещей и чувствующаго человѣчно». Далѣе Гёте прибавляетъ: «Мы не нашли во всей трагедіи ни одного мѣста, гдѣ бы пожелали исключить или вставить какое-либо слово. Простота, сила, ясность,—всюду неразлучные спутники его, и въ этомъ отношеніи мы не побоимся назвать его трагедію классической». И затѣмъ Гёте указываетъ, сцена за сценой, ходъ пьесы и въ заключеніе говоритъ: «Что особенно характеризуетъ прекрасный талантъ Манцони—это присущій ему взглядъ на нравственный міръ, взглядъ простой, откровенный и широкій, которому легко, безъ усилія, подчиняются и зритель, и читатель. По аналогіи и языкъ его простъ, благороденъ и звученъ, безъ всякихъ дидактическихъ сентенцій. Только путемъ живыхъ и глубокихъ мыслей, вытекающихъ изъ положенія дѣйствующихъ лицъ, плѣняетъ и увлекаетъ онъ за собой воображеніе. Заключительное впечатлѣніе, которое выносите изъ чтенія трагедіи—впечатлѣніе правды и искренности, т.-е. то впечатлѣніе, которое всегда оставляютъ послѣ себя великія картины человѣческой души».

Другая трагедія Манцони «Адельки» («Adelchi»), напечатанная въ 1822 г., превосходитъ «Conte di Carmagnola» какъ грандіозностью сюжета, такъ и выполненіемъ. Въ «Карманьолѣ» Манцони возстановляетъ память славнаго кондотьера, жертвы зависти и собственной неосторожности. Въ «Адельки» онъ изображаетъ борьбу лангобардовъ съ франками и тяжелыя страданія, и горькое разочарованіе побѣжденныхъ. Тутъ дѣйствіе поставлено на удивительную почву: мы видимъ передъ собой картину—полную намековъ на современность—паденія лангобардскаго владычества, паденія, вызваннаго внутренними неурядицами. Передъ нами три ступени народной жизни, стоящія другъ противъ друга: старое варварство, олицетворенное въ образѣ Деизеріо; новое поколѣніе побѣдителей, подчинившееся вліянію побѣжденныхъ,—и, наконецъ, побѣжденные, ненавидящіе и даже болѣе того, чувствующіе презрѣніе къ своимъ побѣдителямъ.

Собираясь писать «Карманьолу», Манцони добросовѣстно и основательно ознакомился съ исторіей Венеціи. Въ «Адельки» же онъ подготовился еще болѣе продолжительнымъ и глубокимъ изученіемъ исторіи лангобардовъ въ Италіи. Онъ не дѣлаетъ этого поверхностно, чтобы только дать своему произведенію мѣстный колоритъ, средневѣковый оттѣнокъ,—но старается добраться до самой сути, изучаетъ въ полномъ смыслѣ все, такъ или иначе касающееся избранной имъ темы. Результатомъ этой долгой и серьезной подготовки явилась, между прочимъ, и его статья «Discorso sulla storia Longobarda in Italia», которая считается въ Италіи доказательствомъ блестящей исторической проницательности Манцони.

Критики «Адельки»—Гёте и Бузень—обращаютъ особенное вниманіе на величіе сюжета, избраннаго Манцони. И дѣйствительно, тутъ рѣчь идетъ

уже не о мелочных расприхъ двухъ маленькихъ итальянскихъ государствъ и не о препирательствахъ кондотьера съ нанявшими его на свою службу правителями страны, какъ въ «Барманьолѣ»,—здѣсь на первомъ планѣ стоитъ выдающееся событіе среднихъ вѣковъ, паденіе лангобардской монархіи, на развалинахъ которой суждено было расцвѣсть колоссальному могуществу римскихъ папъ, пользовавшихся въ теченіе пяти вѣковъ неограниченной властью надъ всей Европой.

Въ «Адельки» Манцони еще болѣе, чѣмъ въ «Барманьолѣ», старается подойти къ исторической правдѣ и до мельчайшихъ подробностей вырисовываетъ извѣстныя историческія фигуры Карла великаго и Децидеріо. Относительно личностей же «Адельки», Эрменгарды и нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ, поэтъ даетъ больше простора своей фантазіи.

Самъ «Адельки», какъ мы только что говорили, не представляетъ собой исторически вѣрнаго лица, но, по мнѣнію Гёте, это не бѣда, такъ какъ интересъ въ насъ можетъ возбудить лишь то, что нѣсколько ближе подходитъ къ намъ, а «не ломбарды или лангобарды и дворъ Карла великаго». А, по мнѣнію Кузена, «чувства умирающаго Адельки—личныя чувства самого автора; Манцони всюду поэтъ-лирикъ и въ «Адельки» тоже изобразилъ самого себя».

Вообще же говоря, въ «Адельки» индивидуальное чувство автора проглядываетъ уже меньше, чѣмъ въ «Conte di Carmagnola». Но и тутъ въ рѣчахъ юнаго лангобардскаго героя слышится кой-гдѣ отголосокъ чувствъ и взглядовъ самого Манцони; такъ, напримѣръ, когда Адельки говоритъ: «Сердце болитъ у меня, Анфридо,—оно повелѣваетъ мнѣ совершать великіе, благородные подвиги,—судьба же осудила на поступки позорные. Противъ воли иду по дорогѣ, которую не самъ я избралъ, но дорогѣ безъ цѣли, покрытой мракомъ, и сердце мое сохнетъ, какъ сѣмя, попавшее въ бесплодную землю и развѣянное вѣтромъ въ полѣ».

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Манцони былъ скорѣе всего республиканцемъ. Между прочимъ, на это жалуются Джусти и Дазельо въ 1848 году, видя, что поэтъ не очень-то довѣряетъ обѣщаніямъ короля Карла Альберта. И вотъ съ весьма малой исторической правдоподобностью заставляетъ авторъ умирающаго Адельки излагать отцу своему, Децидеріо, слѣдующія свои воззрѣнія:

«Жизнь—великая тайна, и только смерть открываетъ намъ ее. Тебя, отецъ, лишили царства; о, вѣрь мнѣ, не грусти объ этомъ. На смертномъ одрѣ своемъ ты самъ благословишь тѣ годы, которые ты проведешь вдали отъ престола, то время, когда противъ тебя въ небесахъ не зачтется ни единой слезы и не подымется къ нимъ твое имя одновременно съ проклятіями угнетенныхъ. Радуйся, что ты уже не король, что тебѣ закрыть путь къ безграничной власти: нѣтъ, не источникъ она невинныхъ, добрыхъ поступковъ—съ нею одно лишь возможно: или другимъ наносить зло, или же самому претерпѣвать его».

Заключительныя слова умирающаго Адельки звучать торжественно, точно отголосокъ жалобы всѣхъ угнетенныхъ въ мірѣ:

«Жестокая сила властвуетъ надъ міромъ, присвоивъ себѣ названіе «права». Окровавленная рука предковъ посѣяла несправедливость; отцы наши взросили ее кровью,—и теперь земля не даетъ уже другой жатвы».

Весьма трогательную и поэтическую личность представляетъ собой Эрменгарда, этотъ типъ идеальной жены, внушенный, повидимому, поэту личностью его собственной жены, которой онъ послѣ 12-лѣтней счастливой совмѣстной жизни и посвятилъ въ трогательныхъ выраженіяхъ свою трагедію.

И въ «Адельки» есть хоръ или собственно два хора—въ 3 и 4 дѣйствіяхъ. Хотя они по красотѣ и лирическому подъему и уступаютъ единственному хору «Карманьола», но все же въ своемъ родѣ они весьма замѣчательны. Въ первомъ изъ нихъ Манцони изображаетъ волнующую душу картину великаго національнаго несчастья, а во второмъ—картину безвыходнаго личнаго горя. Здѣсь-то, въ двадцати строфахъ, передается вся исторія несчастной Эрменгарды.

Авторъ «Адельки» собирался написать еще одну трагедію «Спартакъ», но не привелъ въ исполненіе своего намѣренія, и отъ «Спартака» остался всего лишь небольшой отрывокъ.

Собственно говоря, Манцони не удалось основать въ Италіи драматической школы, и двѣ его трагедіи, по выраженію Сенъ-Бѣва, остались одинокими, «какъ двѣ громадныя колонны, предназначенныя поддерживать портикъ храма, который не былъ построенъ». Но допустимъ, что какъ историческія трагедіи—оба произведенія Манцони, «Карманьола» и «Адельки», несмотря на всѣ свои литературныя достоинства, не достигли своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, для итальянской драмы онѣ имѣли выдающееся значеніе: Манцони является въ нихъ новаторомъ. У него дѣйствующія лица впервые говорятъ простымъ, человѣческимъ языкомъ, и дѣйствіе не подчинено аристотелевскому правилу единства времени и мѣста.

Въ 1821 г. Манцони написалъ два прекраснѣйшихъ лирическихъ стихотворенія—первое, вызванное политическими событіями того времени и извѣстное подъ заглавіемъ: «Marzo 21» (21 марта) и второе—навѣянное поэту смертью Наполеона, «Cinque Maggio» (5 мая). Это двѣ самыя цѣнныя жемчужины среди лирическихъ произведеній Манцони. Въ первомъ изъ нихъ поэтъ становится отголоскомъ горя цѣлаго народа, во второмъ—выражаетъ индивидуальное мнѣніе, личное чувство. Въ одѣ «Marzo 1821», посвященной авторомъ Теодору Кернеру,—пылъ вдохновеннаго поэта равенъ великодушному волненію патріота. Манцони стоитъ здѣсь не только на одномъ уровнѣ съ наиболѣе извѣстными патріотическими поэтами другихъ странъ, но даже превосходитъ ихъ. Въ то время, какъ у Кернера, Петефи и др. любовь къ родинѣ, угрожающая и высокомерная, переходитъ часто въ гнѣвъ и презрѣніе къ другимъ народамъ,—вдохновеніе Манцони, облагороженное любовью, подымается въ область болѣе возвы-

шенную и чистую. Провозглашая права родины, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашаетъ великій принципъ братства и равенства всѣхъ народовъ. Онъ не угрожаетъ притѣснителямъ, но напоминаетъ имъ, что великія несправедливости не могутъ остаться безнаказанными. Политическая итальянская поэзія никогда еще не поднималась на такую высоту.

Все стихотвореніе дышитъ великою ясностью и спокойствіемъ. Вотъ какъ отзывается объ одѣ «*Marzo 1821 г.*» извѣстный итальянскій критикъ Франческо де-Санктисъ: «Это не марсельеза и не стихотвореніе Берше, одного изъ самыхъ горячихъ нашихъ патріотическихъ поэтовъ. Въ поэзіи этого послѣдняго чувствуется устрашающая глубина ненависти, звучитъ горе изгнанія, нетерпѣніе увидѣть, наконецъ, день избавленія, и такое жгучее стремленіе дѣйствовать, что по временамъ кажется, будто ощущаешь запахъ порохового дыма и слышишь громъ выстрѣловъ,—въ этомъ сила таланта Берше. Ода же Манцони—не только военный итальянскій гимнъ, а призывъ ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ,—слова его одновременно обращены къ итальянцамъ и къ нѣмцамъ. Среди общаго возбужденнаго состоянія умовъ, поэтъ не произноситъ ни единого слова ненависти, злобы или мести; онъ одинаково далекъ отъ хвастовства и отъ разнузданнаго гнѣва, вся сила въ спокойной увѣренности мужественной души».

Но этому прекраснѣйшему изъ лирическихъ стихотвореній Манцони не посчастливилось. Написанное въ мартѣ 1821 г. при самомъ началѣ туринской революціи, имѣвшей, какъ извѣстно, несчастный исходъ и еще ухудшившей положеніе Италіи,—ода «*Marzo 1821 г.*» была скрыта отъ читателей самимъ авторомъ. Опасность, угрожавшая Австріи, еще болѣе возбудила въ ней страхъ и желаніе мести, и тутъ-то начался длинный рядъ жестокихъ и тайныхъ процессовъ, вслѣдствіе которыхъ лучшіе итальянскіе патріоты были схоронены на много лѣтъ въ Шпильбергѣ. Въ эти-то дни, когда царили подозрѣнія и доносы, Манцони, сильно огорченный несчастіями родины и арестами друзей, удалился изъ Милана на свою виллу Брузульо, гдѣ и оставался все время, пока продолжались политическіе процессы, не безъ нѣкотораго страха и за самого себя. Одинъ изъ замѣшанныхъ политическихъ дѣятелей тѣхъ временъ, Ганфолоньери, зналъ наизусть оду Манцони, и если бы онъ проговорился о ней, Манцони погибъ бы. Переставъ вѣрить въ немедленный успѣхъ революціи, поэтъ не рѣшился обнародовать свою оду, прибегая ея для болѣе благоприятнаго времени. Піэмонтская революція не удалась. Но горячо вѣря во всепобѣждающее дѣйствіе времени, Манцони, даже въ самые черные дни, продолжалъ писать, не теряя надежды. Онъ хорошо зналъ и вполнѣ убѣдился въ томъ, что самъ онъ не созданъ для политики и что даже самое незначительное участіе въ ней не соотвѣтствуетъ ни его натурѣ, ни его темпераменту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что какъ писатель, онъ всетаки принесетъ посильную пользу обществу.

Ода «*Marzo 1821 г.*» стала извѣстной и начала ходить по рукамъ

только въ июнѣ 1848 г., въ самый пылъ ломбардскаго возстанія и борьбы итальянцевъ съ австрійцами. Но и въ этотъ разъ рушились надежды, и стихотвореніе Манцони появилось въ печати уже въ 1856 г. въ *Rivista Contemporanea*.

Въ одѣ «Maggo 1821 г.» въ горячихъ строфахъ поэта слышится чувство, волновавшее цѣлый народъ. Стихотвореніе переноситъ насъ въ тѣ годы, когда въ обществѣ, подѣ наружной маской покорности, скрывалась непоборимая надежда на избавленіе, сказавшаяся, наконецъ, въ неудавшихся революціонныхъ попыткахъ Неаполя и Турина.

Начинается ода тѣмъ, что благородные юноши, переправившіеся черезъ рѣку Тичино, даютъ великодушную клятву посвятить себя всецѣло освобожденію Италіи.

«Они клялись: пусть отнынѣ и до вѣка никогда эти волны не текутъ болѣе между двумя чужеземными берегами; пусть отнынѣ и до вѣка никогда не будетъ мѣстности, гдѣ заставы раздѣляли бы Италію отъ Италіи,—никогда болѣе! Они клялись и клятвѣ ихъ вторятъ другіе удалыцы изъ родственныхъ странъ, натовчивъ въ тишинѣ сталь, сверкающую теперь на солнцѣ въ ихъ поднятыхъ десницахъ. Уже братскія рукижимаютъ протянутыя имъ руки, уже раздаются священныя слова: «Будемъ другъ другу или товарищами на смертномъ одрѣ, или братьями въ свободной отчизнѣ!»

Кончается могучая ода Манцони слѣдующими вдохновенными строками:

«О, свѣтлые дни нашего спасенія! Горе навѣки тому, кто подобно иностранцу, услышитъ разсказъ о нихъ изъ чужихъ устъ, на дальнемъ берегу, и повѣствуя когда-нибудь о свѣтлыхъ этихъ дняхъ сыну своему, долженъ будетъ со вздохомъ сказать: меня не было тамъ, и не удалось мнѣ въ великій тотъ день привѣствовать святое побѣдное знамя свободы!»

Когда 5 мая 1821 г. умеръ Наполеонъ, Манцони былъ въ Брузульо. Вѣсть эта сильно взволновала его; задумчиво заперся онъ въ своемъ кабинетѣ и въ три дня ода была написана, исправлена, переписана и отослана въ цензуру.

Ода «Cinque Maggio», какъ видно изъ письма Эмилио Брльо, слѣдующимъ образомъ попала въ руки публики. Зная, что печатаніе стихотворенія ни за что не будетъ ему разрѣшено цензурою, Манцони придумалъ довольно сложную комбинацію. Въмѣсто одного экземпляра, какъ тогда было принято, онъ представилъ въ цензуру два, рассчитавъ—какъ онъ разсказывалъ впоследствии самъ съ тонкой улыбкой,—что, по всей вѣроятности, кто-нибудь изъ полицейскихъ чиновниковъ поддастся искушенію и стащитъ второй экземпляръ. Такъ и случилось. Цензура запретила стихотвореніе Манцони, но на другой же день ода распространилась по городу и ходила по всѣмъ рукамъ, благодаря самой полиціи и безо всякаго риска для автора.

«Cinque Maggio»—достойный поэтическій эпилогъ великой исторической

эпопей въ устахъ того поэта, который съ справедливой гордостью могъ начертать слѣдующіе два прекрасные стиха, вѣрно характеризующіе его музу:

„Vergin di servo encomio
E di codardo oltraggio...“

(Муза, не запятнанная ни рабскою лестью, ни нанесеніемъ трусливаго оскорбленія).

Поэтъ въ нѣсколькихъ строфахъ, съ неподражаемымъ пыломъ, но удивительно кратко и сжато, описываетъ и быстрыя, блестящія побѣды, и безграничное несчастье великаго полководца, который ставилъ на карту и будущность Европы, и существованіе миллионовъ людей, и котораго въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ видѣли

„Due volte nella polve,
Due volte su gli altar...“

(Два раза въ пыли, два раза на altarѣ).

Во второй половинѣ оды поэтъ нѣсколькими стихами съ рѣдкой силой изображаетъ душевныя муки Наполеона, терзанія долгой его агоніи на островѣ св. Елены: «О, сколько разъ при нѣмомъ закатѣ свѣтлаго дня, опустивъ молніеносные взоры, стоялъ онъ, скрестивъ руки на груди и имъ овладѣвало воспоминаніе прошлыхъ дней».

Объ одѣ «Cinque Maggio», прославившейся въ Италіи и сдѣлавшейся извѣстной въ Европѣ, благодаря превосходному переводу Гёте, де-Санктисъ пишетъ слѣдующее: «Каждыя нѣсколько строфъ по обширности перспективы представляютъ собою точно маленькій міръ и производятъ, если можно такъ выразиться, впечатлѣніе пирамиды. Здѣсь эпическими штрихами; оригинальными синтезами, неожиданными сравненіями и образами удивительно кратко и сжато отчеканена, такъ сказать, жизнь великаго полководца. Онъ стоитъ передъ нами во весь ростъ, какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и во внутренней жизни своей, въ своихъ несчастіяхъ, паденіи и смерти». Это стихотвореніе проникнуто такимъ могучимъ талантомъ, и исторія Наполеона, переведенная на поэтическій языкъ Манцони, до такой степени запечатлѣвается въ умѣ, что даже лучшіе поэты Франціи, воспѣвая своего императора, какъ-то невольнo подражали и заимствовали образы у итальянскаго лирика. Такъ, напримѣръ, Ламартинъ въ своей «Méditation», озаглавленной: «Bonaparte», явно подражаетъ Манцони и беретъ у него цѣликомъ поэтическіе образы и сравненія. Даже самъ Викторъ Гюго, воспѣвая Наполеона, тоже мѣстами вдохновляется Манцони, — онъ, который на вопросъ, нравятся ли ему Леопарди, отвѣчалъ, что ему не особенно симпатичны «ces poètes, qui terminent en i» (поэты, фамилія которыхъ кончается на букву и).

Во всякомъ случаѣ «Cinque Maggio», прозванная «одой вѣка» (l'ode del secolo) по высотѣ замысла, безпристрастности сужденія и лирическому порыву, по смѣлому полету фантазіи, красотѣ формы, образности и сжа-

тости изложенія, — и главное по глубоко-человѣчному чувству, которымъ проникнуто все стихотвореніе — останется навсегда однимъ изъ наиболѣ блестящихъ лирическихъ *chef d'oeuvre* итальянской поэзіи.

V.

Въ 1827 г. появилось въ свѣтъ наиболѣ популярное изъ всѣхъ произведеній Манцони, то, на которомъ главнымъ образомъ зиждется его слава — историческій романъ «I Promessi Sposi» (Обрученные). Фактъ появленія этого романа кажется чѣмъ-то неожиданнымъ и страннымъ въ жизни Манцони. Авторъ «Juni Sacri» и «Morale Cattolica» создаетъ типы донъ-Аббондіо и Монасса ді Моназа, донья-Праседы, фра-Фаціо и т. д. И кромѣ того, у него кое-гдѣ въ «Promessi Sposi» прорывается улыбка, повидимому, настолько ироническая, что если бы авторъ не былъ столь неизмѣнно-рвностнымъ католикомъ, его можно было бы заподозрить въ сатирическомъ намѣреніи, направленномъ противъ легкомысленнаго католическаго шлебса.

По сюжету романъ весьма незатѣйливъ. Это простое повѣствованіе о двухъ обрученныхъ изъ крестьянъ, современниковъ Оливареса и Рипелье. Уже со второй главы передъ нами обѣ центральныя фигуры — и Ренцо, и Лучія. Они собираются ѣхать въ церковь вѣнчаться. Но донъ-Родриго, — одинъ изъ тѣхъ мелкихъ тирановъ, которые безчинствовали тогда въ Ломбардіи, — имѣетъ виды на молодую крестьянку: онъ держалъ пари, что отобьетъ ее отъ жениха. Съ помощью одного мужественнаго францисканскаго монаха молодымъ людямъ удается спастись бѣгствомъ отъ преслѣдованій донъ-Родриго, и они живутъ въ изгнаніи до того дня, пока гнѣвъ Божій не настагаетъ, наконецъ, ихъ притѣснителей.

Особенно удались поэту изображенія народныхъ сценъ и мастерская отдѣлка фигуръ, напр., донъ-Аббондіо, этого священника, вѣчно опасавшагося за свое драгоценное я и заботящагося только о себѣ.

Въ числѣ многихъ другихъ прекрасныхъ страницъ укажемъ между прочимъ на прощаніе Лучіи со своими горами. Нужно было быть великимъ поэтомъ и патриотомъ, чтобы сдѣлать это прощаніе бѣдной крестьянки со своимъ селомъ такимъ трогательнымъ и превратить эту страницу въ настоящій гимнъ итальянскаго изгнанника къ родинѣ. Конечно, все обаяніе великаго произведенія Манцони заключается не въ простой фабулѣ романа. Самый рассказъ, быть можетъ, даже нѣсколько растянутъ, интересъ далеко не захватывающій, встрѣчаются утомительныя описанія и вводные эпизоды. Но, не говоря уже о цѣломъ рядѣ неподражаемыхъ типовъ, романъ отличается необычайной широтой и глубиной замысла. Авторъ, дѣлая насъ свидѣтелями кары, обрушивающейся на испорченную до тла, развращенную миланскую аристократію XVIII вѣка, безповоротно компрометировавшую себя долгимъ и гнуснымъ потворствомъ чужеземнымъ угнетателямъ отечества, — указываетъ намъ также, съ точностью анатома, сколько живучей энергіи

сохранилось еще въ низшихъ слояхъ общества. Его крестьянинъ Ренцо является наивнымъ истолкователемъ будущихъ національныхъ стремленийъ Италіи. Въ простой исторіи страданія двухъ обрученныхъ изъ народа, составляющей фонъ разсказа, проходятъ передъ нашими глазами всѣ сословія, всѣ слои общества. Авторъ пользуется незначительнымъ фактомъ—эпизодомъ Ренцо и Лучіи съ донъ-Родриго, — чтобы изобразить вѣчную борьбу угнетателей и угнетаемыхъ, господъ и слугъ, группируя вокругъ этой борьбы нѣкоторые серьезные социальные вопросы.

Донъ-Родриго—первое звено цѣлой цѣпи угнетателей; Ренцо и Лучія—угнетаемыхъ.

У Лучіи нѣтъ другой защиты, кромѣ ея чистоты и простодушія; силы Ренцо—въ его твердомъ и непоколебимомъ сознаніи своей правоты: онъ не можетъ понять, почему его невѣста не должна быть его невѣстой.

Отецъ Христофоръ, донъ-Родриго и донъ-Аббондіо—три главныхъ дѣствующихъ лица, въ которыхъ Манцони воплотилъ нравственный міръ той эпохи, причѣмъ идеальныя силы общества, еще сохранившіяся въ изображаемомъ авторомъ вѣкѣ раболѣпства, разложенія и насилія, встрѣтившись на пути съ Ренцо и Лучіей, конечно, должны стать на ихъ сторону.

Патріотическое и религіозное содержаніе романа замѣтно проникнуто демократическимъ дыханіемъ, выразившимся, впрочемъ, не въ изображеніи борьбы классовъ между собой, что было бы анахронизмомъ въ тотъ вѣкъ, когда еще отсутствовало понятіе о социальной равноправности и индивидуальныхъ правахъ личности. Здѣсь демократизмъ Манцони имѣетъ болѣе широкій смыслъ. Эстетическій интересъ, возбуждаемый Лучіей и Ренцо, зиждется на нравственной ихъ красотѣ, а нравственная красота, это—отрицаніе всякой условной аристократіи, это всѣмъ доступный, демократическій идеаль.

По мнѣнію Франческо де-Санктиса, «Promessi Sposi», съ извѣстной точки зрѣнія,—цѣлый поэтический міръ съ примѣсю тенденціи и пропаганды въ пользу распространенія нравственныхъ и религіозныхъ взглядовъ автора. Оригинальность романа въ томъ, что основой его служитъ не фантастическое происшествіе, а реальный жизненный фактъ, по поводу котораго естественно развивается серія идей, составляющихъ нравственное міровоззрѣніе поэта. Манцони долгимъ трудомъ и серьезнымъ изученіемъ исторіи подготовился къ тому, чтобы реально описать общественный строй миланскаго герцогства въ 1627 г., подъ владычествомъ чужеземцевъ. Такъ поступалъ онъ, когда писалъ «Карманьолу» и «Адельки»; и тѣмъ болѣе, когда онъ задумалъ писать свой романъ, Манцони, ненавидя даже тѣнь риторическаго преувеличенія въ чемъ бы то ни было, искалъ историческаго фундамента для характеристики даже болѣе второстепенныхъ лицъ своихъ Promessi Sposi.

Мотивомъ зарожденія исторической поэзіи въ Италіи было, конечно, не желаніе узнать исторію путемъ поэзіи, а живая потребность чего-либо болѣе реальнаго въ поэзіи. Воображеніе, утомленное фантастическимъ и отвлеченнымъ, искало себѣ новой пищи въ исторіи.

Исторія отвлекала фантазію отъ абстрактныхъ, суетныхъ мыслей, безплодныхъ идеаловъ, и освободивъ ее отъ старыхъ заѣзженныхъ темъ, снабдила новымъ, болѣе конкретнымъ и положительнымъ содержаніемъ. Манцони былъ, собственно говоря, идеалистомъ, какъ всѣ писатели того вѣка волненій и социальныхъ преобразованій. Задачей всей его жизни было осуществить свой идеалъ на исторической почвѣ, дать ему всѣ условія реального существованія. Низвести поэзію къ исторіи, поднять исторію до поэзіи, создать въ Италіи историческую трагедію и историческій романъ, сдѣлать такъ, чтобы произведеніе имѣло двойной интересъ—историческій и поэтический, было мечтой Манцони. Его романъ написанъ съ такимъ знаніемъ исторіи, съ такою историческою точностью, какъ ни одинъ другой въ Италіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поражаетъ удивительно тонкимъ анализомъ и пониманіемъ человѣческаго сердца.

Въ числѣ многихъ другихъ достоинствъ «Promessi Sposi» нельзя не отмѣтить удивительной способности автора создавать живые народные типы, а также богатство и разнообразіе тѣхъ его картинъ и фигуръ, которыя идутъ у него параллельно, не впадая въ монотонность и повторенія. Каждую маленькую черточку проводитъ онъ такою твердой рукой, что даже его второстепенныя дѣйствующія лица становятся народными типами, не исключая и того добраго, деревенскаго портного, который считаетъ себя литераторомъ потому только, что онъ знаетъ грамоту и могъ читать принадлежавшую ему единственную книгу: «Reali di Francie», ставшей его евангеліемъ. Даже Кардуччи, какъ извѣстно не особенный поклонникъ Манцони, называетъ его «творцомъ трепещущихъ жизнью типовъ». А по выраженію де-Санктиса, авторъ «Promessi Sposi»—«могучій создатель индивидуумовъ».

Этотъ самъ по себѣ рѣдкій даръ еще болѣе рѣдко встрѣчается въ итальянской литературѣ и ставитъ Манцони настолько высоко, что ему въ этомъ отношеніи можно отвести мѣсто возлѣ Данте. Авторъ «Божественной комедіи» нѣсколькими штрихами рисовалъ фигуры, полныя жизни и правды, наприм., Фрапчески да Римини, Фарината, Сорделло, Стаціо и другихъ, которыя не могутъ не врѣзаться въ память. Но Данте въ этомъ смыслѣ такъ и остался одинокимъ въ итальянской литературѣ, не говоря уже о томъ, что и самъ онъ не даетъ настоящихъ драматическихъ типовъ, а только съ изумительной быстротой, въ нѣсколькихъ описываемыхъ имъ поступкахъ и словахъ выводимыхъ имъ фигуръ, обнажаетъ самую сокровенную глубину ихъ души. Такихъ же драматическихъ типовъ, какъ, наприм., у англичанъ—Отелло, Яго, Гамлетъ; у испанцевъ—Донъ Кихотъ, Санхо, Сидъ; у французовъ—Тартюфъ, Мизантропъ и т. д., не было въ Италіи. Здѣсь, собственно говоря, не было и національнаго театра. Альфиери велъ на сценѣ борьбу противъ тирановъ, и съ нервною страстностью драматизировалъ жестокость притѣснителей и злобу притѣсненныхъ; но дѣйствующія лица его—не живые типы, они преувеличены и однообразны. Гольдони—истинный комикъ, но слишкомъ скованъ узкими рамками венеціанской жизни, а какъ только онъ выходитъ изъ нихъ, то сейчасъ же по своей на-

ивной, почти дѣтской манерѣ является скорѣе каррикатуристомъ, чѣмъ живописцемъ. Бокаччіо и Аріосто, одинъ — съ граціозной расточительностью, другой — съ изящной сдержанностью, художественно воспроизвели всевозможные чувства, страсти, нравы, происшествія, которые и изобразили живыми красками, тонко и разнообразно. Но за исключеніемъ нѣсколькихъ фигуръ, выступающихъ болѣе или менѣе рельефно изъ ихъ грандіозныхъ картинъ, ни одно живое лицо не выдѣляется настолько, чтобы стать продолжительнымъ, общимъ воспоминаніемъ, настоящимъ типомъ. Этого, впрочемъ, и не могло быть: имъ не доставало глубины замысла, отличавшаго Данте или Сервантеса. Одинъ неаполитанскій критикъ сравниваетъ Аріосто съ Россини, заставляющаго измученныхъ или умирающихъ героевъ выдѣлывать трели и фіоритуръ: такъ и Бокаччіо и Аріосто даже горестныя чувства передаютъ въ поверхностномъ, болтливомъ тонѣ. Въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» мы видимъ передъ собой или какихъ-то абстрактныхъ, безупречныхъ, идеальныхъ героевъ, наприм., Гоффридо, или идиллическія и элегическія фигуры, отражающія собою меланхолическую чувствительность больной души автора. Отъ лириковъ, начиная съ Петрарки и Леонарди, конечно, нельзя было и ждать драматическихъ типовъ. Что же касается Парини, то и его сатира скорѣе характеризуетъ цѣликомъ все общество, а не даетъ отдѣльныхъ фигуръ.

И вотъ, въ литературѣ, столь богатой прекрасными произведеніями и столь бѣдной художественными типами, является писатель, дающій въ одномъ романѣ цѣлый рядъ талантливо задуманныхъ, жизненныхъ фигуръ. Донъ Аббондіо, Перпетуя, фра Гальдино, Ренцо, Агнесса, донъ Феранте, донья Праседе, Гризо, Бартоло, донъ Родриго, Гертруда и т. д., — все это такіе живые народные типы, ставшіе до того близкими итальянскому обществу, что каждый итальянецъ могъ бы съ точностью угадать, какъ бы они поступили и что бы сказали, если бъ поставлены были въ другія обстоятельства, чѣмъ тѣ, которыя выведены авторомъ въ романѣ.

Нѣкоторые критики упрекаютъ Манцони за пессимизмъ и расслабляющую проповѣдь безропотной покорности судьбѣ. Описавъ зло вторженія иноземнаго ига и указавъ на деспотизмъ немногихъ и проститекающія отъ этого страданія большинства, Манцони будто бы признаетъ средствомъ къ исцѣленію лишь два фактора: время и покорность судьбѣ. Но это не совсѣмъ такъ, и если романъ, съ одной стороны, дѣйствительно кажется иллюстраціей народной поговорки: «Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ», то, съ другой стороны, онъ ясно подтверждаетъ и столь же извѣстное изреченіе народной мудрости: «береженого и Богъ бережетъ», и въ этомъ смыслѣ направляетъ къ «самопомощи» (selfhelp). Тутъ нѣтъ и тѣни пресловутаго «непротивленія злу»: напротивъ, духовное лицо, фра Кристофоро, всячески, словомъ и дѣломъ, помогаетъ нашимъ бѣднымъ обрученнымъ и становится на ихъ сторону въ борьбѣ ихъ противъ донъ-Родриго, отъ преслѣдованія котораго онъ спасаетъ молодыхъ людей, оберегая ихъ отъ еще худшаго, по мнѣнію фра Кристофора, несчастія — отъ

убійства. А Фредерико Боромео, упрекающій дона Аббондіо, въ томъ, что онъ не имѣлъ мужества, исполняя свой долгъ, пренебречь всякими угрозами и даже самою смертью? Вообще, дѣятельныхъ, героическихъ натуръ въ романѣ сравнительно много (Кристофоро, Федерико, фра Феличе, Лучія и др.). Проповѣдь же Манцони, вложенная имъ въ уста фра Кристофоро о томъ, чтобы «прощать всегда и вездѣ», не есть трусость или слабость, а гуманное отношеніе къ жизни въ томъ именно смыслѣ, какъ и извѣстное: «все понять значить все простить». Если же Манцони въ своихъ «*Promessi Sposi*» и зараженъ нѣкоторой долей пессимизма, то это тотъ пессимизмъ, который проистекаетъ лишь изъ неудовлетвореннаго жизнью чувства добра. Возставая противъ кровавой мести и проповѣдая нѣкоторую покорность Провидѣнію, Манцони все же, по производимому его романомъ впечатлѣнію, пожалуй, уже самымъ выборомъ сюжета—мрачнымъ описаніемъ испанскаго владычества въ Ломбардіи, какъ бы давая аллегорію австрійскаго гнета, вполне оправдываетъ слова Уго Фосколо, что поэты, даже когда они проповѣдуютъ преданность волѣ Божьей, расстриваютъ раны сердца, всегда слишкомъ сильно волнуя его. Сисмонди, литературный противникъ Манцони, для опроверженія котораго авторъ «*Cinque Maggio*» написалъ свою «*Morale cattolica*», такъ отзывается о немъ: «Манцони—человѣкъ выдающагося таланта и возвышеннаго характера. Въ его «Обрученныхъ» виденъ гений, и въ то же время это образецъ того рода чтенія, которое, несмотря на цензуру, можетъ повліять наиболѣе желательнымъ и благотворнымъ на итальянскую публику».

И Прина, одинъ изъ біографовъ Манцони, тоже утверждаетъ, что ненависть къ чужеземному игу возбудили въ итальянскомъ обществѣ болѣе всего двѣ книги, именно: «*I miei Prigioni*» Сильвіо Пелико и «*Promessi Sposi*». Такого же мнѣнія держится и ломбардецъ Сайлеръ. По его словамъ, о дѣйствиіи романа Манцони въ политическомъ смыслѣ могутъ наиболѣе правильно судить лишь ломбардцы той эпохи. Пусть самъ авторъ и не имѣлъ въ виду намекать на австрійское правительство, изображая испанское иго 1630 г., но дѣло въ томъ, что ломбардцы увидѣли въ этомъ намекъ. Историческія изслѣдованія Манцони казались тогда лишь предлогомъ для отвода глазъ кому слѣдовало. Романъ его, хотѣлъ или не хотѣлъ того самъ авторъ, окончательно дискредитировалъ въ общественномъ мнѣніи австрійское владычество. Берше, Гверацци, Мадзини дѣйствовали увлекающе и неотразимо на юношей; романъ Манцони съ его высокохудожественной исторической картиной чужеземнаго владычества, уронилъ это владычество во мнѣніи болѣе положительныхъ, спокойныхъ людей, недоступныхъ пламеннымъ писаніямъ названныхъ бурныхъ литераторовъ и расположилъ ихъ въ пользу борьбы противъ чужеземцевъ. Несомнѣнная заслуга Манцони въ томъ, что предводители итальянскаго возстанія, благодаря «Обрученнымъ», увидѣли въ своихъ рядахъ большее число сторонниковъ, чѣмъ они могли рассчитывать.

На Манцони и его школу австрійцы всегда смотрѣли подозрительно и

всегда преслѣдовали ихъ, гдѣ могли, хотя и неявно. Профессора, хвалившіе на лекціяхъ ихъ произведенія, впадали въ немилость, а тѣ, которые порицали ихъ, пользовались австрійскимъ покровительствомъ. Эти порицатели на всѣхъ перекресткахъ кричали противъ дурного вкуса романтической школы и старались уронить Манцони въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что предлагали ему разные знаки отличія и ордена, отъ которыхъ онъ, конечно, отказывался.

Нѣкоторые критики видѣли въ Манцони подражателя Сервантеса и въ подтвержденіе своего мнѣнія указывали на сходство иныхъ сценъ «Promessi Sposi» со сценами «Донъ-Кихота». Другіе критики еще съ меньшею основательностью считаютъ итальянскаго поэта подражателемъ Вальтеръ-Скотта, сильно подчеркивая между прочимъ сходство «Пертской красавицы» съ «Promessi Sposi». Но если уже кто позаимствовалъ другъ у друга въ данномъ случаѣ, то очевидно англійскій романистъ у итальянскаго, такъ какъ «Promessi Sposi», написанные еще въ 1824 г., появились въ печати въ 1827 г.; «Пертская же красавица» была напечатана лишь въ концѣ 1828 года. Да и кромѣ того, между обоими писателями—цѣлая пропасть: Вальтеръ-Скоттъ, этотъ отецъ историческаго романа, на который, быть можетъ, натолкнулъ его Гёцц фонъ-Берлихингенъ Гёте, переведенный имъ въ молодости,—романистъ крайне плодовитый и въ нѣкоторомъ смыслѣ предтеча многихъ современныхъ беллетристовъ, которые насилуютъ естественную свою плодовитость поспѣшнымъ творчествомъ и выпускаютъ въ свѣтъ много болѣе или менѣе незрѣлыхъ произведеній. Тѣмъ въ «Histoire de la littérature anglaise» такъ характеризуетъ Вальтеръ-Скотта: «Онъ останавливается на порогѣ души и въ предверіи исторіи». И дѣйствительно, авторъ «Айвено»—писатель поверхностный, скорѣе всего импровизаторъ, не соблюдающій ни исторической, ни психологической тонкости, берущій сюжеты романческіе, необычайные; Манцони же, наоборотъ, глубокій мыслитель, придерживающійся исторической и психологической правды, выбирающій предметомъ своего повѣствованія реальное и правдоподобное, не успокоивающійся до тѣхъ поръ, пока ему не удастся вполне развить свою мысль и передать ее въ возможно ясномъ и точномъ изложеніи.

При своемъ появленіи романъ Манцони вызвалъ въ литературѣ самыя разнорѣчивыя предположенія и всевозможныя попытки выяснить его происхожденіе, т.-е. указать, что собственно натолкнуло итальянскаго поэта на мысль написать «Promessi Sposi». Говорили, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить эпизодъ изъ собственной жизни — обращеніе «Неизвѣстнаго» («Innoménato») въ католическую вѣру. Сенъ-Бёвъ утверждалъ, что Манцони рѣшилъ написать историческій романъ, узнавъ отъ Форіэля о его намѣреніи приступить къ написанію таковаго. Камило Угони въ своей біографіи Филанжіери сообщаетъ, что Манцони началъ писать своихъ «Обрученныхъ», вычитавъ въ «Scienza della Legislazione» Филанжіери совѣтъ давать дѣтямъ, начиная съ 10 лѣтъ, историческіе романы, какъ лучшее воспитательное чтеніе,—а у Манцони какъ разъ дочь и сынъ достигли именно этого возраста.

Но всё эти предположенія оказываются несостоятельными въ виду сообщенія профессора Джіовани Рицци, почерпнутаго изъ его письма. Онъ рассказываетъ, что Манцони, прочитавъ статью нѣмецкаго критика Зауера, распространявшагося объ эстетическихъ, политическихъ и иныхъ побужденіяхъ, руководившихъ авторомъ «Promessi Sposi» при написаніи имъ своего романа, всплеснулъ руками и сопровождая слова свои улыбкой, воскликнулъ: «Господи Боже мой, что за великій ученый долженъ быть этотъ сеньоръ, если ему о моихъ намѣреніяхъ и мысляхъ больше извѣстно, чѣмъ мнѣ самому!» И тогда же онъ повторилъ, чуть ли не въ двадцатый разъ, присутствующему пріятелю, какъ на мысль написать «Promessi Sposi» его навели собственно двѣ книги: «Storia milanese» Рипамонти и сочиненіе Джоя «Economia e Statistica». Сообщение профессора Рицци подтверждается и слѣдующими строками Бучеллази: «Огорченный политическими невзгодами 1821 г., смертью и арестомъ нѣкоторыхъ друзей, Манцони съ семьей и пріятелемъ своимъ, поэтомъ Толлазо Гросси, удалился на виллу Брузульо. Въ числѣ книгъ, взятыхъ имъ изъ Милана, была «Storia» Рипамонти, написанная по-латыни, и «Economia e Statistica» Джоя. «О, что за времена, — говорилъ Манцони другу своему Гросси, указывая на страницы Рипамонти, въ которыхъ шла рѣчь о «Неизвѣстномъ», — какъ хорошо было бы ярко и рельефно изобразить всю эту исторію».

Кончивъ свои «Promessi Sposi», Манцони замолкъ надолго или, вѣрнѣе, совсѣмъ, такъ какъ, собственно, циклъ поэтическихъ его твореній заключился навсегда его романомъ, и затѣмъ только изрѣдка онъ выступалъ еще передъ публикой съ научными трудами по исторіи и языкознанію.

VI.

Года, послѣдовавшіе за напечатаніемъ «Promessi Sposi» были наиболѣе свѣтлыми и спокойными годами въ жизни Манцони. Успѣхъ и популярность его романа, восторженные похвалы Гёте, слава, семейныя радости и дружба украшали въ это время его существованіе. Во время своей поѣздки во Флоренцію и четырехмѣсячнаго пребыванія тамъ, онъ приобрѣлъ еще новыхъ преданныхъ друзей. Тутъ онъ близко сошелся съ Джино Капони, Леонарди и Никколини. Послѣдній только что приобрѣлъ громкую извѣстность въ 1827 г. послѣ представленія «Antonio Foscarini». Оба стали искренними его почитателями, хотя сильно расходились съ авторомъ «Promessi Sposi» по вопросамъ искусства, а еще болѣе философіи и религіи.

Въ 1833 г. Манцони испыталъ величайшее горе въ своей жизни: онъ потерялъ горячо любимую имъ жену. Когда первое безумное отчаяніе утихло, поэтъ снова всецѣло погрузился въ свои занятія по языку, которыми онъ въ то время очень увлекался. Въ 1840 г. вышло новое, исправленное, въ смыслѣ языка, и иллюстрированное изданіе «Promessi Sposi», и въ видѣ приложенія къ нимъ очеркъ, озаглавленный «Storia della Colonna infame», заключающій въ себѣ изложеніе извѣстнаго процесса объ отра-

вителяхъ во время чумы («*untori*»). Трудъ этотъ, представляющій собою смѣсь *suī generis*, историческую монографію съ приобщеніемъ къ ней психологическаго этюда о мотивахъ, побудившихъ судей произнести обвинительный приговоръ, а обвиненныхъ взять на себя вину, былъ принятъ очень холодно публикой, разочарованной въ ожиданіи новаго художественнаго произведенія Манцони. Многіе критики, между прочимъ, Боргоньони, отнеслись тоже очень пренебрежительно къ этому историческому трактату Манцони. Хотя этотъ трактатъ грѣшитъ многими ошибочными приемами, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать за нимъ и большихъ достоинствъ. И во всякомъ случаѣ «*Colonna Infame*» свидѣтельствуетъ, что если бы Манцони занялся юриспруденціей, онъ сдѣлался бы, вѣроятно, однимъ изъ лучшихъ криминалистовъ Италіи. Сколько свѣжести и оригинальности, честности и глубины мысли въ этомъ его критическомъ изслѣдованіи, главное достоинство котораго—бьющее въ немъ струей глубокочеловѣчное чувство!

Въ письмѣ объ итальянскомъ языкѣ къ Джацинто Варена, Манцони развиваетъ лингвистическую теорію, примѣненную имъ такъ строго и последовательно ко второму изданію «*Promessi Sposi*». Вообще же вопросъ о языкѣ былъ всегда его страстью. Послѣ объединенія отечества въ политическомъ смыслѣ стремленіемъ наиболѣе близкимъ сердцу его была забота о единствѣ литературнаго языка. Долго и упорно изучая и обдумывая занимавшій его предметъ, Манцони многіе годы своей жизни посвятилъ исправленію «*Promessi Sposi*» по отношенію къ языку; онъ, по его выраженію, «обмылъ одежду своихъ «Обрученныхъ» въ водахъ Арно» («*la vesta dei P. S. fu lavata nell' Arno*»). Словабулы и фразы, казавшіяся ему не вполне умѣстными и точными, и въ особенности ломбардскіе обороты рѣчи, были имъ совершенно отброшены и замѣнены флорентійскими. За лингвистическіе труды Манцони его выбрали почетнымъ членомъ академіи «*della Crusca*».

Вопросами языка Манцони интересовался до послѣднихъ дней своей жизни, онъ говорилъ объ этомъ сколько могъ и со всѣми. Повидимому, онъ носился съ неосуществившимся, впрочемъ, предположеніемъ изложить подробно, въ объемистомъ трудѣ, всѣ свои взгляды по вопросамъ языка и дать имъ такимъ образомъ наиболѣе широкое распространеніе. И литература и публика ждали этого отъ него. Между прочимъ и Джусти пишетъ ему въ 1850 г.: «Вѣроятно, ты теперь уже окончилъ свой трудъ о вопросахъ языка, гдѣ—если мнѣ не измѣняетъ память—ты хотѣлъ установить его единство, очистить его отъ излишнихъ наносовъ и придать ему болѣе простоты, правильности и чистоты, что было достигнуто, наприм., французами по отношенію къ ихъ языку». Но ожидаемаго труда не появилось, и только когда министръ Бралья (декретомъ отъ 14 января 1868 г.) назначилъ Манцони предсѣдателемъ комиссіи для распространенія въ народѣ свѣдѣній о правильномъ и чистомъ языкѣ и произношеніи, восьмидесятилѣтній поэтъ напечаталъ отчетъ свой: «*Dell' unita della lingua e dei mezzi*

di diffonderla» (о единствѣ языка и о средствахъ его распространенія) и затѣмъ въ защиту своихъ тезисовъ написалъ еще два письма къ Бонги и дополнение къ первому отчету. Это дополнение, напечатанное въ 1869 г., представляетъ собою какъ бы литературное завѣщаніе престарѣлаго писателя и кончается слѣдующими строками: «Двадцать одинъ годъ тому назадъ, среди различныхъ мнѣній (единогласія не могло тогда и быть) по вопросу о политическомъ строѣ, который бы лучше всего подошелъ къ Испаніи, выдѣлялось одно, именуемое большинствомъ «утопій». Будемъ надѣяться, что объединеніе языка въ Италіи окажется таковой же «утопій», какъ и политическое объединеніе страны».

Еще раньше письма къ Карена о вопросахъ языка, вызвавшего въ тогдашней литературѣ живую полемику, появилась статья Манцони объ историческомъ романѣ, возбудившая всеобщее изумленіе. Поэтъ, незадолго передъ тѣмъ написавшій своихъ «Обрученныхъ», со всей присущей ему могучей силой діалектики возстаетъ противъ произведеній, представляющихъ собою смѣсь исторіи съ вымысломъ, и доказываетъ, или старается доказать, что этого рода произведенія не имѣютъ подъ собою твердой почвы.

Заключительныя свѣдѣнія о жизни Манцони перескажемъ въ краткихъ словахъ. Еще въ 1837 г. онъ женился во второй разъ—на вдовѣ графа Стампи, Терезѣ Борри, въ 1841 г. потерялъ мать, а въ послѣдующіе годы выдалъ замужъ дочерей, изъ которыхъ младшая сдѣлалась женой Джорджини, близкаго друга Джусти, а старшая—женой маркиза д'Азелло, извѣстнаго итальянскаго патріота-солдата, живописца и литератора, прославившагося своимъ романомъ «Ettore Tiegamasco, отличающимся ярко выраженной политической тенденціей».

Знакомство Манцони съ Джусти, знаменитѣйшимъ авторомъ «Brindise di Girella»,—сатиры, въ которой поэтъ изслѣдуетъ одну изъ самыхъ позорныхъ язвъ современнаго общества—отреченіе отъ политической совѣсти,—относится именно къ этому времени, т. е. къ 1843 году. Манцони восхищался стихотвореніями талантливаго сатирика, хотя, вообще говоря, расходился съ нимъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Но особенно высоко цѣнилъ онъ его за чистоту языка; извѣстна сказанная имъ по этому поводу острота: «Если бы въ нашемъ отечествѣ нашлось десять «giusti» (праведныхъ), Италія была бы спасена».

Умеръ Манцони въ 1873 году, 88 лѣтъ отъ роду. Хотя онъ пережилъ на многіе годы самого себя и сошелъ въ могилу въ такое время, которое мало благопріятствовало его религіознымъ взглядамъ и нѣкоторому политическому квіетизму, тѣмъ не менѣе его хоронили съ торжествомъ, которое, по единодушію, можно назвать національнымъ.

VII.

Подробно сказавъ о Манцони какъ о реформаторѣ итальянской прозы и итальянскаго поэтическаго стиля, какъ о религіозномъ писателѣ и о

прославленномъ авторѣ «Promessi Sposi» и историческихъ трагедій «Карманьола» и «Адельги»,—въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о немъ, какъ о человѣкѣ и о политическомъ писателѣ.

Съ пятнадцати лѣтъ Манцони началъ воспѣвать «Торжество свободы», и уже съ самой ранней юности задушевной мечтой его было увидѣть объединеніе Италіи. Мадзини и авторъ «Promessi Sposi» могли по праву называть себя настоящими «unitari», всею душой вѣровавшими въ возможность объединенія страны и упрямо проповѣдовавшими это объединеніе, къ которому они горячо стремились тогда, когда болѣе крайніе либералы мечтали лишь о федераціи. Профессоръ де-Бенедетти сообщаетъ слѣдующій разговоръ Мадзини съ Манцони при ихъ свиданіи въ 1860 г. «Помните, какъ долго вы да я, лишь мы вдвоемъ, вѣрили въ объединеніе Италіи», съ этими будто бы словами обратился къ автору «Promessi Sposi» Мадзини,—«зато теперь мы можемъ смѣло сказать, что были правы». Въ отвѣтъ ему Манцони,—желая подчеркнуть знаменитому своему единомышленнику, что объединеніе Италіи было во всякомъ случаѣ неизбежно,—съ обычной для него тонкой улыбкой проговорилъ: «Отецъ нашего друга Торти, страшно зябкій, уже при первыхъ сентябрьскихъ холодахъ обыкновенно начиналъ увѣрять: «вотъ увидите, пойдетъ снѣгъ». Въ октябрѣ и ноябрѣ холода возрастали и онъ повторялъ: «навѣрное пойдетъ снѣгъ». Наконецъ, въ январѣ или въ февралѣ снѣгъ дѣйствительно выпадалъ, и добрый Торти побѣдоносно восклицалъ: «вѣдь говорилъ же я, что снѣгъ долженъ выпасть». Но Манцони въ свою очередь, какъ и отецъ Торти, былъ все же доволенъ, что угадалъ вѣрно, увлекаясь излюбленной своей мечтой. Своей вѣрѣ въ объединеніе Италіи,—говорилъ онъ,—я принесъ величайшую жертву, какую только могъ принести поэтъ — сознательно написавъ плохой стихъ». Этотъ плохой стихъ: «Liberi non salem se non salemo uni» (мы не будемъ свободны, если не будемъ едины), встрѣчается въ прекрасномъ отрывкѣ стихотворенія, начатаго Манцони въ 1815 г., когда Мюратъ издалъ извѣстную свою прокламацію въ Римини, призывавшую итальянцевъ къ оружію во имя единства Италіи. Начатое стихотвореніе такъ и осталось неоконченнымъ, и перо выпало изъ рукъ поэта послѣ пораженія при Толентино, когда всѣ честолюбивые замысли Мюрата безвозвратно рушились. Во имя того же, столь страстно желаемаго имъ единства Италіи,—Манцони имѣлъ даже мужество открыто выступить противъ свѣтской власти папы, хотя искренно поклонялся папѣ, какъ духовному главѣ церкви. Въ періодъ такъ называемыхъ «пяти дней Милана», авторъ «Promessi Sposi» не только отнесся одобрительно къ двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, бросившимся изъ первыхъ на баррикады, но и уговорилъ младшаго,—взятаго затѣмъ въ плѣнъ австрійцами,—идти туда же. На третій день возстанія Манцони, не колеблясь, подписалъ петицію, посланную лучшими гражданами Милана Барлу Альберту съ просьбой о военной помощи.

Въ послѣдніе годы своей жизни Манцони приступилъ къ весьма инте-

ресному, къ сожалѣнію, такъ и оставшемуся далеко неконченнымъ труду: «Saggio comparativo fra la Rivoluzione francese del 1789, e la Rivoluzione italiana del 1859» (Опытъ сравненія французской революціи 1789 г. съ итальянской революціей 1859 г.). Тутъ Манцони, между прочимъ, высказываетъ свой взглядъ на объединительныя мечты, съ которыми носился авторъ «Божественной комедіи».

Манцони очень восхищался Піэмонтомъ, возлагалъ на него большія надежды, но всегда мечталъ о слитіи его со всей остальной Италіей. Когда Піэмонтъ съ Сардиніей составляли отдѣльное маленькое государство, тамошняя академія наукъ, избиравшая въ свои почетныя члены знаменитыхъ итальянцевъ другихъ государствъ, избрала въ 1853 г. Манцони въ качествѣ иностраннаго почетнаго члена. Авторъ «Карманьола» отказался отъ предложенной ему чести. Отказъ свой онъ мотивировалъ президенту академіи, графу Просперо Бальбо, слѣдующими строками: «Предложенная мнѣ честь была бы слишкомъ дорого оплачена, еслибъ я могъ воспользоваться ею только при условіи считаться «иностраннымъ членомъ» академіи. Сознаніе, что я вашъ соотечественникъ, какъ и соотечественникъ другихъ извѣстныхъ членовъ, которыми академія въ правѣ гордиться, — ближе моему сердцу, чѣмъ еслибъ я сдѣлался вашимъ коллегой при вышеупомянутомъ условіи. Коллегой вашимъ могъ бы я сдѣлаться только благодаря вашей снисходительности ко мнѣ, соотечественникомъ же вашимъ состою я по милости Божіей, родившись, также какъ и вы всѣ, — въ нашей прекрасной Италиі».

Манцони не отрицалъ значенія помощи Франціи въ итальянской войнѣ 1859 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ твердо увѣренъ, что Италія добилась своей цѣли главнымъ образомъ, лишь благодаря собственнымъ усиліямъ. «Самостоятельное существованіе націи не можетъ быть подаркомъ изъ чужихъ рукъ, — говорилъ онъ. — Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что нація, раздробленная на множество мелкихъ государствъ, по большей части незначительныхъ, слабыхъ и угнетаемыхъ могущественной, благоустроенной и бдительной чужеземной силой — не могла бы одна, безъ дружеской помощи, отвоевать себѣ свое право существованія. Въ этомъ ея несчастье и урокъ не заноситься тщеславно и въ будущемъ. Но также не подлежитъ сомнѣнію и то, что она никогда не могла бы достигнуть желаемой цѣли и при помощи какой бы то ни было могучей, внѣшней силы, безъ участія собственной упорной воли и соответствующихъ усилій съ своей стороны. Сильная рука, пожалуй, сумѣетъ поднять съ одра болѣзни парализованнаго, но удастся ли ей одарить его способностью встать на ноги и ходить?»

По характеру Манцони былъ мягкимъ, кроткимъ, спокойнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Религіозность его носила искренній и глубокій характеръ, но не отличалась отгалкивающей узостью, столь свойственной католическому фанатизму. Въ долгой жизни Манцони его католицизмъ никогда не становился поперекъ дороги его патріотизму. Доказательство тому —

недовѣріе его къ папѣ Пію IX въ 1848 г., его публичное участіе въ провозглашеніи Рима столицей Италіи и т. п.

Будучи убѣжденнымъ католикомъ, старикъ Манцони тѣмъ не менѣе возставалъ противъ догмата непогрѣшимости папы, да и католицизмъ его, какъ мы уже не разъ говорили, имѣлъ, главнымъ образомъ, основой любовь къ ближнему и къ свободѣ; его религія согласовала гуманитарные принципы французской революціи съ гуманитарными принципами Евангелія. Манцони стоялъ за прогрессъ всюду и вездѣ, даже въ мелочахъ, наприм., въ одеждѣ, и до послѣднихъ дней ни въ чемъ не желалъ отставать отъ вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда держался непоколебимо и твердо своихъ убѣжденій и взглядовъ. Такъ напримѣръ, никакіе уговоры и краснорѣчивые доводы графа Андреа Цитаделла и Александра Гумбольдта не могли склонить его принять предложенные ему отъ имени австрійскаго императора и прусскаго короля ордена и знаки отличія. Но зато пожатіе руки Виктора Эммануила, розу, данную ему генераломъ Гарибальди, и тонкій комплиментъ одного изъ ученѣйшихъ коронованныхъ лицъ, — бывшаго бразильскаго императора дона Педро д'Алькантара, авторъ «*Promessi Sposi*» считалъ для себя величайшею честью. Когда «Обрученные» вышли въ свѣтъ, восторгъ великаго герцога Тосканскаго, ласки и почетъ, которые онъ оказывалъ поэту, доставили послѣднему тоже не мало удовольствія. Правда, случилось все это въ то славное десятилѣтіе, когда во Флоренціи проживали изгнанники изъ другихъ государствъ Италіи, напримѣръ, Пепе, Колетта, Поэріо, Джордано, Томмазо и др. Всѣ они набирались надеждъ и энергіи и разжигали свой пылъ около самаго смѣлаго и значительнаго тогдашняго литературнаго органа *Antologia*, а также и въ литературномъ кружкѣ женеваца Виёса (*Vieusseux*). Манцони всегда глубоко читилъ этихъ своихъ соотечественниковъ, не только писавшихъ, но и страдавшихъ и сражавшихся за Италію. Самъ же онъ по своему темпераменту не былъ созданъ для активнаго участія въ подвигахъ, да и вообще ни для какихъ дѣловыхъ отношеній, и отлично понималъ это. Видно это изъ необычайно искренняго письма, написаннаго имъ Джорджіо Бриано съ цѣлью извиниться за свой отказъ отъ предложеннаго ему званія депутата. «Практически примѣниться къ случаю, — пишетъ Манцони, — или попасть въ точку, гдѣ желаемое встрѣчалось бы съ исполнимымъ, — даръ, котораго я совершенно лишень. Смѣлый въ разговорахъ съ друзьями и въ своихъ мнѣніяхъ, кажущихся и, быть можетъ, дѣйствительно оказывающихся парадоксами, упорный въ защитѣ своихъ мнѣній, лишь только слова должны повести къ какому-нибудь рѣшенію или перейти въ дѣло, тотчасъ же становлюсь нерѣшительнымъ, и все дѣлается для меня сомнительнымъ, темнымъ и сложнымъ. И утопистъ и нерѣшительный человекъ — они оба, по меньшей мѣрѣ, излишни въ собраніи, гдѣ говорятъ, чтобы придти къ рѣшенію, — а я былъ бы одновременно и тѣмъ и другимъ. То, что исполнимо, въ большинствѣ случаевъ, не нравится мнѣ... даже болѣе того — отталкиваетъ меня. То, что мнѣ нравится, не

только показалось бы другимъ неисполнимымъ и несвоевременнымъ,—но испугало бы и меня самого, если бы рѣчь шла не просто о томъ, чтобы восторгаться и расхваливать, а о томъ, чтобы привести слова въ исполненіе и имѣть затѣмъ на своей совѣсти какую-нибудь долю послѣдствій. Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ, а именно въ самыхъ важныхъ изъ нихъ, смыслъ моихъ рѣчей могъ бы быть только одинъ: «Отрицаю все и ничего не предлагаю». Если человѣкъ самъ о себѣ такого мнѣнія, то, очевидно, даже наиболѣе расположенные къ нему люди невольно принуждены будутъ сказать ему: «Вѣдь вы же не положительный человѣкъ, не практикъ, какъ же вы не знали самого себя? Вы должны были знать себя,—а если дѣло обстояло такъ, то, конечно, вы были обязаны отказать отъ предложеннаго вамъ активнаго участія въ чемъ бы то ни было? Повѣрьте, грустно и обидно мнѣ сознавать свою бесполезность въ дѣлѣ, бывшемъ столь страстнымъ, задушевымъ стремленіемъ всей моей жизни!»

Впрочемъ, извѣстно, что такихъ людей, у которыхъ мысль и дѣйствіе въ постоянной гармоніи, крайне мало на свѣтѣ. Большинство же распадается на двѣ категоріи: тѣ, которые много мыслятъ и мало дѣйствуютъ, и тѣ, которые много дѣйствуютъ и мало мыслятъ, причемъ еще большое счастье, если послѣдніе дають первымъ руководить собой. Сократъ и Данте философствовали и участвовали въ сраженіяхъ; однако, и безъ нихъ битвы при Понтидеѣ и Кампандино были бы выиграны, но безъ нихъ мы не имѣли бы древней мудрости и «Божественной комедіи».

Въ настоящее время, когда кончилась борьба и утихли страсти, Италия видитъ въ Манцони человѣка, умѣвшаго лучше другихъ понять ее, не въ разнообразіи переходящихъ партій, а въ универсальности тѣхъ традицій и стремленій, которыя составляютъ основаніе національной жизни и которыя соединили итальянцевъ въ моментъ дѣйствія, какъ онѣ же соединяють ихъ въ поклоненіи и чтеніи славныхъ именъ родины.

М. Ватсонъ.

Добрый починъ.

Въ послѣдніе годы, отчасти подъ вліяніемъ неустанной пропаганды такихъ газетъ, какъ *Новое Время* или *Московский Листокъ*, повидимому, выросло въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества враждебное отношеніе къ евреямъ. Подъ лживымъ знаменемъ національной идеи попирались и священные завѣты христіанства, для котораго нѣтъ ни еллина, ни іудей, и гуманныя идеи европейскаго просвѣщенія, и лучшія преданія русскаго народа, въ числѣ которыхъ вѣротерпимость и равноправность племенъ занимаютъ главныя мѣста. Грѣхъ печати должна была искупить печать же. Но, къ сожалѣнію, защита еврейства велась далеко не такъ настойчиво и горячо, какъ озлобленная проповѣдь антисемитизма. Зато въ рядахъ защитниковъ вѣротерпимости и національной равноправности есть такіа прославленные имена, какъ В. С. Соловьевъ и Б. Н. Чичеринъ.

Въ 1899 году тяжелый неурожай постигъ, между прочимъ, и южныя губерніи Россіи, гдѣ значительная часть населенія—евреи. Весною 1900 г., по инициативѣ христіанъ, преимущественно православныхъ, возникла мысль издать въ пользу пострадавшихъ отъ стихійнаго бѣдствія евреевъ литературно-художественный сборникъ. По разнымъ причинамъ онъ запоздалъ и появился только нынѣшнимъ лѣтомъ. Но *помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая*, и теперь необходима.

Г. Владиміръ Потемкинъ говоритъ въ предисловіи къ сборнику, что «его появленіе есть одна изъ попытокъ изгладить исконную несправедливость нашу по отношенію къ евреямъ и вмѣстѣ искупить, хотя сколько-нибудь, великую нравственную вину, тяготящую надъ христіанскимъ міромъ». Г. Потемкинъ пишетъ въ заключеніе своего предисловія: «Пусть угѣшеніе и миръ прольетъ единокрушіе отылигнувшихся на призывъ въ душу пострадавшихъ. Дѣло братской любви побѣждаетъ неизмѣнно, себялюбіе и злоба блѣднѣютъ передъ его зарею,—и въ близкомъ торжествѣ лучезарнаго свѣта сгинетъ, исчезнетъ, какъ тѣнь, мрачное наслѣдіе вѣковъ».

Б. Н. Чичеринъ въ статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ, развиваетъ свои свѣтлыя идеи объ еврействѣ и евреяхъ. Опровергая возраженія Н. Е. Рен-

ненгампфа, знаменитый мыслитель говоритъ: «Вы повторяете ходячую фразу о преобладаніи Талмуда надъ Библіей, но, признаюсь, мнѣ еще не удалось встрѣтить какихъ-нибудь доказательства въ подтвержденіе этого взгляда. О Талмудѣ нерѣдко говорятъ тѣ, которые менѣе всего съ нимъ знакомы» *).

По мнѣнію Чичерина, то еврейство, которое породило христіанство, во все не исчезло. Наоборотъ, «своимъ духомъ и своей культурой оно сближилось съ христіанскими народами».

«Вы говорите, — пишетъ Чичеринъ, — что евреи энергичны, предприимчивы, культурны, а потому могутъ быть опасными соперниками для русскихъ. Въ первый разъ слышу, что энергія, предприимчивость и культурность суть преступленія, за которыя человѣкъ подлежитъ ограниченію правъ». Чичеринъ указываетъ на то, что опасенія насчетъ равноправности евреевъ во многомъ напоминаютъ тѣ опасенія, которыя высказывались передъ освобожденіемъ крестьянъ. «Надобно дать людямъ тотъ просторъ и тѣ права, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка, и безъ которыхъ нѣтъ ни благоустроеннаго гражданскаго быта, ни плодотворнаго общественнаго развитія».

Защитѣ вѣротерпимости посвящена и превосходная статья *В. И. Герье*: «Изъ исторіи вѣротерпимости». Ея духъ характеризуется слѣдующими словами: «Не устарѣютъ и вѣчно будутъ сиять, какъ звѣзда на отдаленномъ небосклонѣ, слова Локка: безусловная свобода совѣсти, справедливая и настоящая, равная и безпристрастная свобода совѣсти, — вотъ въ чемъ мы нуждаемся».

Очень интересна статья *М. В. Никольскаго*: «Иудеи при Маккавеехъ и Асмонеяхъ». *Эмиль Золя* предоставилъ для перевода свою статью «Въ защиту евреевъ». Въ письмѣ въ редакцію сборника онъ говоритъ: «Эта книга, издаваемая въ пользу южныхъ евреевъ, такъ сильно пострадавшихъ отъ голода, являетъ собой прекрасный и трогательный примѣръ человѣческой солидарности, великое доброе дѣло, и я благодаренъ вамъ за то, что вы меня къ нему приобщили. Нужно, чтобы со всѣхъ концовъ земли протягивались руки для братскаго пожатія, если мы хотимъ облегчить людское горе. Только тогда наступитъ царство мира».

Максъ Нордау далъ статью «О сіонизмѣ». *Н. Гаринъ*, *М. Горькій*, *С. Юшкевичъ* въ беллетристической формѣ ярко рисуютъ страданія еврейскаго населенія. Въ короткой, но сильной статьѣ г. *А. Субботина*: «Настоящее положеніе еврейскаго вопроса» доказывается, что въ русскихъ интересахъ, въ интересахъ всего государства — необходимо перемѣнить политику по отношенію къ евреямъ.

Значительная часть сборника посвящена статьямъ, не имѣющимъ отношенія къ еврейскому вопросу. Отмѣтимъ среди нихъ очеркъ *А. М. Чу-*

* Въ сборникѣ перепечатана (изъ *Русской Мысли*) превосходная статья покойнаго *В. С. Соловьева*: «Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ въ Австріи и Германіи».

прова: «Общество взаимопомощи въ Итали». Продолжительное пребываніе въ этой странѣ дало автору возможность близко изучить предметъ. Затѣмъ идутъ статьи *К. А. Тимирязева* («Творчество природы и творчество человѣка»), *М. М. Ковалевскаго* («Новыя данныя о Ж. Ж. Руссо»), *П. Струве* («Къ литературно-общественной исторіи крестьянскаго вопроса»), *И. М. Съченова* («Участіе органовъ чувствъ въ работѣ рукъ у зрячаго и слѣпого»), *Н. И. Стороженка* («Философія Донъ-Кихота») и мн. др. Къ большому, изящно изданному тому приложены факсимиле писемъ Золя, Тургенева, Герцена, рисунки гг. Архипова, Иванова, Левитана, Пастернака, Переплетчикова, Полѣнова, Рѣпина, Сѣрова.

Прежде чѣмъ разстаться съ *Помощью свреямъ, пострадавшимъ отъ неурожаа*, скажy нѣсколько словъ о статьѣ извѣстнаго публициста П. Н. Обнинскаго, напечатанной въ сборникѣ. Эта остроумная и горячая статья называется «Ограбленныя слова». Авторъ имѣетъ въ виду печальную эволюцію большихъ, вѣщихъ словъ. Онъ останавливается на слѣдующихъ изъ нихъ: *благонамѣренный, патриотъ, либераль, консерваторъ, гражданинъ*. Нѣкогда у насъ *благонамѣренность* и *либерализмъ* были синонимами; теперь первое слово ограблено и приняло полицейское значеніе. *Патріотъ-гражданинъ* превратился въ *ретрограда* и *шовиниста*. Слово *либерализмъ* систематически запутывалось новоявленными *патріотами*; нынѣшній *консерваторъ* «*охраняетъ*» народное невѣжество, тѣлесныя наказанія, тайное судоговореніе, административный произволъ и т. п. *). *Гражданинъ* выродился или въ почетнаго гражданина, или въ *Гражданина* кн. Мещерскаго. Статья г. Обнинскаго звучитъ пессимистически. Онъ утверждаетъ, что о большихъ, вѣщихъ словахъ никто теперь не говоритъ, ни средняя школа, ни кафедра со времени Грановскаго. Дѣло не такъ плохо, какъ думать почтенный и стойкій публицистъ, и, повидимому, наступаетъ даже въ обществѣ знаменательный переломъ. Однимъ изъ признаковъ обновленія духа служить и сборникъ, о которомъ идетъ рѣчь. Общественное мнѣніе нарождается у насъ.

В. Гольцевъ.

*) Кстати: П. Н. Обнинскій приписываетъ составленіе адреса московскихъ старообрядцевъ Александру II, съ знаменитою фразою: „въ новшествахъ твоихъ старина наша намъ сказывается“,—И. С. Аксакову. Одинъ изъ современниковъ Каткова говорилъ мнѣ, что адресъ составленъ Катковымъ.

Еще нѣсколько замѣчаній по поводу винной монополіи.

Недавно вышли «Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей» начальниковъ губерній, военныхъ губернаторовъ, градоначальниковъ, архіереевъ, предводителей дворянства, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ (Петерб., 1901 г.). Такихъ отзывовъ у насъ уже много появилось. Мнѣ пришло въ голову, воспользовавшись совѣщаніями рабочихъ механическаго производства для устройства кассы взаимопомощи ¹⁾, затронуть и этотъ вопросъ: какъ рабочіе относятся къ винной монополіи? Мнѣ уже приходилось касаться этого вопроса на страницахъ *Р. М.* и отмѣчать, что въ значительной степени недовольство винной монополіей объясняется затронутыми интересами. Тема моихъ совѣщаній о разумномъ проведеніи рабочими ихъ досуга, какъ нельзя болѣе кстати, давала мнѣ поводъ затронуть вопросъ о винной монополіи; въ самомъ дѣлѣ, съ введеніемъ ея тѣсно связанъ вопросъ о созданіи разнаго рода учрежденій для разумнаго проведенія населеніемъ досуга, именно: народныхъ театровъ, увеселеній, народныхъ гуляній. Я просилъ рабочихъ высказаться, какъ они проводятъ время, свободное отъ работы, что оказываетъ вліяніе на это времяпрепровожденіе и т. д., и въ концѣ-концовъ имъ предложилъ вопросъ и объ ихъ отношеніи къ винной монополіи, какія сильныя и слабыя стороны они видятъ въ ней. Много было высказано рабочими очень дѣльнаго во время самаго совѣщанія, а затѣмъ вопросы были гектографированы и розданы рабочимъ,

¹⁾ Рабочіе механическаго производства г. Москвы подали нынѣшней весной ходатайство объ утвержденіи устава кассы взаимопомощи. Въ дѣляхъ лучшей организаціи этой послѣдней, съ разрѣшенія г. оберъ-полицеймейстера, въ Москвѣ были организованы съ конца мая, по воскреснымъ днямъ, особыя совѣщанія по вопросамъ кассы взаимопомощи, страхованія рабочихъ, рабочихъ жилищъ и т. д. Совѣщанія продолжаются и въ настоящее время. Въ нихъ принимаетъ участіе по 500—600 человекъ заразъ. Руководятъ совѣщаніями проф. И. Озеровъ, В. Денъ, А. Мануиловъ, прис. пов. В. Виленецъ, А. Ворысь, В. Анофріевъ, Н. Еверскій. См. Отчеты о нихъ въ *Русск. Вѣд.* и *Торгово-Промыш. Газетт*; предложено въ скоромъ времени выдать эти отчеты).

и имъ было предложено давать на эти вопросы письменные отвѣты. Вотъ эти вопросы: 1) Какъ проводите праздники и ихъ кануны (отъ утра до вечера)? 2) Посѣщеніе трактировъ, театровъ, чайныхъ и пр. 3) Гулянья, осмотръ картинныхъ галлерей, достопримѣчательностей города (нужно ли и желательно ли при этомъ руководство). 4) Собранія холостыми кружками, семейныя—по буднямъ и праздникамъ (танцы). 5) Чтеніе газетъ (какія и почему), книгъ (какія), гдѣ онѣ достаются, сколько тратите на покупку? Посѣщеніе городскихъ читаленъ. 6) Какъ отозвалась винная монополія? Пивныя и чайныя? Желательныя измѣненія въ ихъ устройствѣ. Желательный типъ чайной. Распитіе дома—прежде и со введеніемъ монополіи. 7) Жилищныя условія. Плата за квартиру: отношеніе къ хозяевамъ. Обстановка жилищъ не побуждаетъ ли уходить изъ дома? 8) Отсутствіе общества не побуждаетъ ли къ посѣщенію трактировъ? Расходы на водку, средніе въ годъ? 9) Поздній шабашъ и его вліяніе на времяпрепровожденіе. 10) Продолжительность рабочаго дня и его вліяніе на послѣдующее времяпрепровожденіе (утомленность организма не требуетъ ли болѣе сильныхъ ощущеній, наприм., выпить, или хочется выспаться)? 11) Какъ желали бы проводить время? Опишите подробно. Читальня, чтенія, танцы, пѣніе? 12) Существуютъ ли кружки пѣнія? 13) На какихъ фабрикахъ существуютъ театры? 14) Сочувствуете ли казенной винной монополіи? Желательныя измѣненія въ ней?—Мною было получено около 40 отвѣтовъ. Нѣкоторые отвѣты очень обстоятельны, а нѣкоторые составлены даже цѣлыми группами рабочихъ и, какъ можно видѣть изъ формулировки текста, достаточно взвѣшены и обдуманы. Въ этихъ отвѣтахъ даются отвѣты и о винной монополіи, и освѣщаются тѣ условія, которыя порождаютъ въ данное время посѣщеніе трактировъ въ цѣляхъ потребленія алкоголя. Надо замѣтить, что картина получается довольно яркая. Здѣсь видно, какую роль въ этомъ играютъ жилищныя условія, продолжительность рабочаго дня, крайняя утомленность организма, требующая сильныхъ ощущеній, отсутствіе общенія на другой почвѣ, кромѣ какъ въ трактирѣ съ водкой.

Мы пока дѣлаемъ лишь предварительную сводку этихъ данныхъ, замѣтивъ, что нѣкоторые отвѣты очень подробны, полагая, что, быть можетъ, она не безынтересна будетъ для Москвы въ данный моментъ, когда вводится винная монополія и организуется попечительство трезвости, — другими словами, когда объявляется борьба алкоголизму.

Я дамъ сначала краткую характеристику того, какъ рабочіе проводятъ свой досугъ и какъ желали бы его проводить.

«По окончаніи работъ свободнаго времени у насъ такъ мало, что его хватаетъ только на самое необходимое убранство, какъ-то: сходить въ баню и послѣ нея исполнить свои житейскія потребности» (35),—это обычное начало отвѣтовъ; затѣмъ идутъ сѣтованія на продолжительность рабочаго дня и пожеланія кончать работу наканунѣ праздниковъ съ обѣда. Прочтя нѣсколько десятковъ отвѣтовъ, поданныхъ мнѣ рабочими, я почувствовалъ большую неловкость: я бесѣдовалъ съ ними о разумномъ проведеніи сво-

боднаго времени, а оказывается свободнаго-то времени нѣтъ или его очень мало. Я совѣтовалъ имъ и танцы, концерты, посѣщать библіотеки, читать, но продолжительность рабочаго дня, крайнее напряженіе такъ изнашиваетъ организмъ, что онъ дѣлается неспособнымъ на умственную работу, хочется забыться!—вотъ крикъ... Жилищныя условія гонятъ изъ дому... Куда же? Въ чайныя—но тамъ грязь, мало газетъ, да и не дають сосредоточиться надъ ними: то и дѣло будутъ требовать ее, такъ какъ другіе посѣтителы просятъ (35). Однимъ словомъ, я очутился въ положеніи лица, совѣтующаго нищему помѣстить свои деньги на пріобрѣтеніе каменнаго дома: онъ смотритъ на меня и не понимаетъ, да вѣдь прежде деньги-то нужно имѣть,—шепчуть его губы.

«Денегъ не хватаетъ на самое необходимое: ложимся безъ ужина, а не о газетѣ думать», пишетъ другой.

«Получше книги покупать,—пишетъ кружокъ рабочихъ фабрики Бромлея,—денегъ нѣтъ, а отъ дешевыхъ мы съ мѣста не двигаемся, и сидимъ, какъ раки на мели» (35).

«Общества нѣтъ, сидимъ въ одиночку, квартирныя условія таковы, что, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ возможности собираться на квартирѣ»—и рабочіе въ одномъ письмѣ рассказываютъ печальную исторію, какъ они устроили у себя маленькую вечеринку съ танцами и какъ хозяйка на другой же день велѣла очистить квартиру, такъ какъ она нашла такихъ жильцовъ очень безпокойными для себя.

Дурныя жилищныя условія—одна изъ причинъ пьянства: «рабочій цѣлый день на работѣ, приходитъ домой, его окружаетъ всюду пицета, сырныя стѣны, и эти стѣны поѣдаютъ все его состояніе своей дороговизной, только и живи въ квартиру да въ харчи: бьется, бьется, да и выпьетъ съ горя. Если бы бѣдному человѣку было бы тепло и уютно дома, зачѣмъ бы ему идти въ трактиръ и скитаться по пивнымъ. Поработавшему человѣку нуженъ покой и отдыхъ... и этотъ «цеховой слесарь», недоучившійся грамотѣ, какъ онъ про себя говоритъ, благодаря недостатку, но послѣ пріучившій себя къ занятіямъ», замѣчаетъ: пріятно бы прежде судьбу человѣческую устроить, а потомъ все остальное, которое служить для человѣческаго развлеченія.

Обстановка квартиръ тоже гонитъ изъ дома, пишетъ другой авторъ. «Представьте себѣ такую квартиру, гдѣ въ сравнительно небольшомъ помѣщеніи живутъ 15—20 человѣкъ, тутъ духота, сырость, со стѣнъ течетъ, клоповъ какъ въ муравейникѣ, такъ поневолѣ убѣжишь куда-нибудь».

Тяжелыя картины развертываются иногда передъ нашими глазами въ этихъ простыхъ описаніяхъ квартирныхъ условий рабочихъ; такъ (4) *) «рабочій болѣетъ, ходитъ къ доктору, тотъ даетъ капли, микстуру, зачѣмъ спрашиваетъ, гдѣ кліентъ живетъ, и обѣщаетъ навѣстить»; вотъ заводскій докторъ приходитъ, означенный рабочій встрѣчаетъ его съ радостью: «г. док-

*) Нумерація писемъ сдѣлана мною ради удобства цитирования.

торъ пожалуйте сюда, вотъ по лѣсенкѣ внизъ»; докторъ спустился внизъ на 7 ступенекъ, повернулъ налѣво, а потомъ опять налѣво. Докторъ спрашивается у провожатаго: куда ведешь? «Сюда, я здѣсь живу»; потомъ рабочій отворилъ дверь направо, доктора обдало сыростью въ полумракѣ; «пожалуйте, пожалуйте», говорилъ рабочій, а доктора и слѣдъ простылъ, онъ быстро повернулъ назадъ и ушелъ; вотъ видите, прибавляетъ рабочій, московскія трущобы и доктора не желаютъ посѣщать, почему мы часто и боѣмъ. Докторъ предложилъ выбраться, но у рабочаго средствъ нѣтъ, такъ и по сіе время онъ живетъ въ своей трущобѣ».

Характерно пишетъ одинъ рабочій: выпить хочется отъ усталости, а во-вторыхъ, чтобы не такъ ощутительно было отъ укусовъ клоповъ, «такъ какъ въ нашихъ жилыхъ помѣщеніяхъ ихъ очень много»... потому что, гдѣ почище, тамъ насъ не пускаютъ, относятся къ намъ не какъ къ людямъ...

«Квартирныя условія въ нашемъ быту прямо можно назвать ужасными, — читаемъ въ одномъ отвѣтѣ, — плата за квартиры черезчуръ высокая, не по заработкамъ и притомъ при квартирѣ удобствъ никакихъ, домовые хозяева представляютъ относительно жильцовъ требованія прямо эфіопскія, помой нельзя вылить безъ того, чтобы не получить выговора, что очистка стоитъ больше, чѣмъ вы платите... и если я плачу 15 руб. въ мѣсяцъ, то меня не считаютъ за квартиранта и даже за человѣка: дворники грубы съ тобой, санитарныхъ условій не признаютъ хозяева (5). Желательно имѣть квартиры маленькія въ 2—3 комнаты съ кухнями и даже въ одну комнату, цѣной въ 8—10—15 руб.; этотъ вопросъ въ нашемъ быту самый существенный и жгучій».

Жилищныя условія самыя худшія. Приведу примѣръ: квартира 18 аршинъ длины и 9 ширины — платимъ 28 руб. въ мѣсяцъ. Она раздѣлена на 4 комнаты и живутъ въ ней 4 семейства. Надо еще ее отопить и освѣтить. Въ зимнее время холодно, лѣтомъ протекаетъ дождь. Это безъ сомнѣнія побуждаетъ уходить изъ дому, когда въ маленькой душной комнатѣ живетъ 6 человѣкъ (10 и 12). Воздухъ очень дурень, форточекъ не велятъ отворять ради сохраненія тепла.

«Въ квартирѣ за 17 руб. надо сидѣть въ шубѣ, смотришь въ уголь, тамъ сосульки выросли, а на стѣны взглянешь, тамъ грибы выросли» (28).

«Жилища безусловно заставляютъ другой разъ бѣжать. Для примѣра приведу изъ жизни моей. Приѣхалъ въ Москву на работу, за недостаткомъ комнаты пришлось нанять уголь — изба размѣръ 9 арш., грязьца непомерная, такъ что для меня, рабочаго, становилось тошно; встаю утромъ — люди, вечеромъ прихожу — другіе, спрашиваю хозяйку, что это — знакомые? получаю отвѣтъ — жильцы; сколько же всѣхъ? отвѣтъ получаю, что 36 человѣкъ: одна смѣна уходитъ, другая приходитъ въ полномъ смыслѣ этого слова; бѣгу на другую квартиру, здѣсь живетъ человѣкъ 20, съ 12 ночи до 4 утра собираются буквально всѣ, — кто разваливается на печкѣ, кто на полатахъ, а кто и прямо въ повалку на полу, безъ различій пола и воз-

раста: тутъ спитъ дѣвушка въ непринужденной позѣ, разметавшаяся во снѣ, не далеко парень, а тутъ же почти такъ называемые парные (мужъ и жена); представьте, какое имѣютъ вліяніе на нравственность такія условія жизни. Когда мы смотримъ на картины художника Верещагина, изображающія ужасы войны, мы содрогаемся ея разрушеніемъ и послѣдствіемъ (sic). Если бы нашелся такой художникъ изобразить это, по-истинѣ можно называть, *стадо*, то общественное мнѣніе содрогнулось бы и заставило бы покраснѣть» (30).

«Чтобы дать ясное понятіе о жизни рабочихъ въ тѣхъ *конурахъ*, которыя по злой ироніи называются *квартирами*, жилищами человѣческими и изобразить дикій произволъ владѣльцевъ ихъ по отношенію къ рабочимъ, надо написать если не нѣсколько томовъ, то много страницъ, обладая при этомъ талантомъ графа Л. Н. Толстого. Скажу только, что рабочіе живутъ въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ. Помѣщенія рабочихъ имѣютъ все, кромѣ того, что требуется человѣку. Въ лѣтнее время рабочій, утомленный дневнымъ трудомъ, тщетно ищетъ себѣ ночью успокоенія и отдыха. Сонъ отъ него бѣжитъ прочь, случается, что бѣдный труженикъ промучается всю ночь, не смыкая глазъ. Его осаждаютъ цѣлые легионы насѣкомыхъ, влоповъ, блохъ, которые огнемъ жгутъ его измученное тѣло, ни на минуту не давая забыться сладкими грезами; подъ утро уже несчастный забывается, но тутъ на него налетаетъ цѣлый рой мухъ, которыя своимъ жужжаньемъ и назойливостью прогоняютъ послѣдній остатокъ сна, притомъ воздухъ въ большинствѣ случаевъ испорченъ вредными испареніями отъ ретирадъ и другихъ источниковъ зловоній, отъ которыхъ въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ зеленѣетъ мѣдная посуда. Зимой квартиры рабочихъ напоминаютъ собой сѣверный полюсъ. Сколько дѣтскихъ жизней приносится въ жертву квартирнымъ условіямъ. Сколько болѣзней таятъ въ этихъ помѣщеніяхъ! Скоро ли наступитъ то время, когда рабочій будетъ жить по-человѣчески! И за всѣ эти муки адскія, испытываемыя бѣдными тружениками, приходится отдавать $\frac{1}{2}$ своего жалованья. Не надо удивляться тому, что рабочіе уходятъ изъ квартиры въ трактиры! Всѣ эти неудобства заставляютъ рабочихъ прибѣгать къ родимой сивухѣ, чтобы хоть на короткій мигъ забыть всѣ эти муки, испытываемыя во всю свою жизнь» (стр. 38).

Всѣ письма наполнены горькими жалобами на антисанитарныя условія жилищъ, на дороговизну ихъ, на отсутствіе самыхъ элементарныхъ удобствъ. Я не буду увеличивать цитатъ, вездѣ указывается, что жилищныя условія—одна изъ причинъ посѣщенія трактировъ съ цѣлью выпить, чтобы забыться... И потому, если желательно бороться съ алкоголизмомъ, то надо направить дѣятельность и городовъ, и попечительствъ, и частныхъ лицъ на улучшеніе жилищныхъ условій рабочаго люда. Недавно въ газетахъ сообщалось, что петербургское попечительство народной трезвости рѣшило построить дешевую гостиницу для рабочаго люда. Этотъ шагъ нельзя не привѣтствовать, но надо смѣло пойти съ реформами въ этой области.

Почти всё въ своихъ отвѣтахъ отмѣчаютъ отсутствіе бібліотекъ, гдѣ бы можно было получать бесплатно книги на домъ; вотъ пишетъ одинъ: «человѣкъ простой, не видя для себя полезнаго ничего, волей-неволей долженъ быть покоренъ судьбѣ, къ чему она его приведетъ вечеромъ», т.-е. въ трактиръ, и авторъ очень рекомендуетъ разрѣшить выдачу книгъ на домъ изъ существующихъ городскихъ бібліотекъ. Итакъ, жилища—плохи, отъ нихъ хочется бѣжать, да и скучно, дѣлать нечего дома, нечего читать... Нѣтъ общества, неприглядная обстановка не располагаетъ къ приглашенію къ себѣ гостей. Рабочіе жалуются на плохое сообщеніе въ Москвѣ: будь сообщеніе лучше, нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что они охотно съ своими семьями переселились бы за городъ, такъ какъ тамъ можно было бы и лучше, и дешевле устроиться.

Существующія бібліотеки мало посѣщаются вслѣдствіе дальности расположенія (14—19). Высказываются пожеланія объ устройствѣ бесѣдъ по механическому производству (13).

Читаютъ рабочіе *Русскій Листокъ*, *Русское Слово*, нѣкоторые *Курьеръ*, *Русскія Вѣдомости*, *Журналъ для всѣхъ* (15). Жалуются рабочіе на то, что въ пивныхъ нѣтъ теперь *Русскихъ Вѣдомостей*, *Курьера* (15).

«Желательно бы имѣть, — пишетъ одинъ, — журналъ еженедѣльный, въ которомъ бы за всю недѣлю сообщались всѣ важнѣйшія событія, журналъ недорогой» (25).

Съ большой признательностью нѣкоторые отзываются о московскомъ обществѣ народныхъ развлеченій и выражаютъ пожеланіе, чтобы и касса взаимопомощи взяла на себя роль содѣйствовать устройству народныхъ гуляній (26).

Любопытно, что нерѣдко мы находимъ въ отвѣтахъ указанія на желательность устройства танцевальныхъ вечеровъ и даже устройства особыхъ классовъ для изученія танцевъ (26).

«Долженъ замѣтить, — пишетъ одинъ рабочій, — что изъ всѣхъ журналовъ первое мѣсто занимаютъ *Общедоступный Техникъ*. Конечно, желательно такихъ побольше журналовъ» (27). Много высказывается пожеланій объ организациі руководства при посѣщеніи рабочими картинныхъ галлерей, музеевъ.

«Въ картинныхъ галлерейхъ необходимо руководство: въ изданныхъ каталогахъ, кромѣ названій ничего нѣтъ; затѣмъ они дороги и потому мало исполняютъ свое назначеніе» (27).

«Галлерей и музеи плохо посѣщаются, потому что мы плохо понимаемъ. Если бы человѣкъ былъ съ нами свѣдущій и могъ бы намъ растолковать, тогда бы эти посѣщенія были бы очень полезны для насъ. Хотъ бы одна добрая душа открыла намъ глаза. Я тогда завѣщаль бы дѣтямъ и внукамъ вѣчно благодарить того человѣка»...

«Относительно желательности руководства мы бы считали себя счастливыми, если бы могли посмотреть картинныя галлерей; мы бывали и въ Третьяковской, и въ Румянцевскомъ музеѣ, но что называется пѣшгами;

мы бы не нашли словъ, какъ благодарить за это великое дѣло руководства при осмотрѣ» (29).

«Гулянье наше плохое,—пишетъ одинъ,—пойдешь въ картинную галерею и смотришь въ ней куски красокъ, сзади стоятъ и разговариваютъ: «какая прекрасная картина!» Я оборачиваюсь къ нимъ и говорю: «тутъ, молъ, одни куски красокъ, у насъ вагоны лучше раскрашены». Дѣйствительно, если бы былъ руководитель, какъ это у классныхъ ученицъ, что желательно и намъ; тогда бы я, можетъ, и не сказалъ этого; что касается достопримѣчательностей города, то мы не знаемъ, гдѣ и что смотрѣть, тоже желали бы руководителя» (34).

«Однажды былъ я въ Историческомъ музеѣ подъ руководствомъ учителя воскресной школы, лучшаго пожелать нельзя; если бы я одинъ ходилъ и 10 разъ и то того бы не узналъ, что съ руководителемъ въ одинъ разъ. Еще разъ повторяю, что руководство для осмотра галлерей очень и очень желательно» (24).

«Хорошо, если бы можно было устроить библіотеку для самообразованія, гдѣ бы по желаемому предмету давали указанія, какъ и что читать, и послѣ прочтенія дѣлали бы вопросы устно и письменно. Хорошо бы при библіотекѣ имѣть книжную торговлю: если какой книги не окажется въ библіотекѣ, чтобы можно было ее приобрести» (24).

«Въ помощь самообразованію слѣдовало бы открыть бюро, гдѣ имѣлась бы библіотека по разнымъ отраслямъ, давались бы указанія систематическаго чтенія, имѣлись бы словари иностранныхъ словъ и, что самое главное, давались бы объясненія непонятныхъ мѣстъ въ прочитанныхъ книгахъ и письменные отвѣты на предложенные вопросы по поводу данной книги. Открытіе рабочихъ курсовъ способствовало бы поднятію умственнаго горизонта рабочаго, такъ какъ домашнее чтеніе серьезныхъ книгъ не подъ силу нашему брату. Кромѣ общеобразовательныхъ, желательны и профессиональные предметы, какъ-то: черченіе, технология металла, дерева и пр. Курсы должны быть вечерніе и праздничные. Желательно устройство книжныхъ складовъ, гдѣ можно было бы купить книгу дешевле или въ разсрочку» (31. Группа рабочихъ Казанской жел. дороги).

Одинъ рабочій состоитъ подписчикомъ *Русскихъ Вѣдомостей* и хвалитъ газету за ширину взглядовъ, отсутствіе узкаго патриотизма, за дѣйствительно хорошо написанныя статьи (32). «Хорошо, говоритъ онъ, если бы касса взаимопомощи создала свой органъ, это было бы лучшей пропагандой общества».

Другой рабочій хвалитъ *Курьеръ* за то, что онъ показываетъ общественные недостатки и показываетъ средства, какъ ихъ исправить (24).

Жажда, неподдѣльная жажда разумнаго препровожденія досуга въ чтеніи, въ осмотрѣ музеевъ, галлерей звучитъ въ поданныхъ отвѣтахъ. Правда, досуга мало, но и эти свободные часы, которые выпадаютъ на ихъ долю, многіе желали бы проводить разумно. Но въ Москвѣ сдѣлать это трудно: публичныхъ библіотекъ мало, да и очень далеко онѣ отстоятъ отъ фабрикъ

и заводовъ, да и не знаютъ рабочіе, что и какъ читать. Картинныя галлерей для нихъ непонятны безъ объясненія. Хотя и покупаютъ нѣкоторые изъ нихъ газеты, но жалуются, что это не всегда имъ по карману, и вотъ безъ книгъ, безъ газетъ бѣгутъ они изъ своихъ конуръ въ трактиръ забыться... А чайныя? Вотъ что находимъ по этому поводу въ отвѣтахъ.

«Негдѣ проводить свободное время: чайныя грязны» (33).

Чайныя у насъ очень грязныя и насъ не удовлетворяютъ; желательно, чтобы при чайныхъ были всѣ журналы и газеты, а также словари иностранныхъ словъ (34). Также было высказано пожеланіе, чтобы чайныя были снабжены географическими картами, глобусами, такъ какъ рабочіе, читая газеты, нерѣдко не знаютъ, гдѣ лежитъ данная мѣстность, и возможность сдѣлать такую справку сдѣлало бы чтеніе газетъ болѣе интереснымъ и полезнымъ (34).

У всѣхъ проглядываетъ страстное желаніе разумно проводить свой досугъ, но какъ,—вотъ страшный вопросъ: въ чайныхъ, по описанію нѣкоторыхъ, можно встрѣтиться съ такими людьми, что самое ихъ посѣщеніе мало пріятно (26).

Вотъ какъ рисуютъ рабочіе желательный типъ устройства чайныхъ: «я представляю себѣ такую чайную, куда мнѣ не стыдно было бы привести жену и дѣтей. Хорошо было бы, если бы по окончаніи работы, если хочешь разсѣяться, отправиться съ семействомъ въ эту чайную; тамъ я встрѣчу товарищей, съ которыми можно поговорить или даже можно сыграть въ кегли, или другія упражненія, а жена встрѣтитъ тамъ подругъ, у которыхъ тоже найдутся и разговоры, и развлеченія, и для дѣтей были бы игры, карусель, гимнастическія упражненія. Можно бы даже допустить тутъ пиво и прохладительныя напитки. Желательно осмотрѣть галлерей, но непременно съ руководствомъ».

«Въ виду неимѣнія въ Москвѣ порядочныхъ чистыхъ чаенъ, мы бываемъ часто вынуждены идти въ какой-нибудь тоже, хотя немного почище, но все же грязный трактиръ, для того, чтобы тамъ побесѣдовать или обсудить какія-либо касающія насъ дѣла. Приходя въ трактиръ, мы вовсе не имѣемъ цѣли напиться тамъ, но за чаемъ сидѣть намъ долго не даютъ, и мы бываемъ вынужденными покупать водки, при всемъ своемъ нежеланіи ее пить. Вотъ поэтому-то намъ очень было желательно имѣть такія помѣщенія, гдѣ мы могли бы собираться безъ матеріальнаго для насъ ущерба, а подѣ часъ и здоровья, но гдѣ мы могли бы проводить время съ пользой для себя, читая что-нибудь или играя во что-нибудь безъ расходовъ, которые мы теперь тратимъ въ трактирахъ за водку. Но что намъ сдѣлать, спрашиваетъ авторъ письма, съ нашимъ горемъ, мы не знаемъ: чайныя ли, которыя могли бы насъ удовлетворить, или влуды» (23).

Попечительство народной трезвости доброе дѣло сдѣлаетъ, если создастъ въ Москвѣ хорошій типъ чайной съ газетами, книгами, съ библіотеками съ выдачей книгъ на домъ. Въ этомъ ощущается глубокая потребность у населенія.

Много мѣстъ удѣляется въ отвѣтахъ посѣщенію театровъ, и много слышится здѣсь справедливыхъ жалобъ на недоступность населенію театра, на дороговизну цѣнъ, на трудность полученія билетовъ. Но лучше послушаемъ эти простые безхитростные отвѣты.

«Если не больше, то двѣ трети изъ насъ театровъ не посѣщаетъ совсѣмъ. Кромѣ поздняго окончанія спектаклей и дальности разстоянія, посѣщеніе послѣднихъ является рѣдкимъ за недоступностью мѣстъ. Дешевыхъ мѣстъ мало, да и тѣ разбираются досужими людьми. Можетъ быть, недостижимо, но мнѣ думается, было бы желательно просить хотя бы дирекцію художественнаго театра уступить намъ дешевые билеты денного по удешевленнымъ цѣнамъ спектакля» (3).

Это общія жалобы на отсутствіе возможности посѣщать театры: нѣкоторые отмѣчаютъ важное образовательное значеніе театра, но дальность разстоянія (едва ли можно скоро добраться до центра), невозможность достать дешевые билеты (5—6) затрудняютъ посѣщеніе.

Препятствіемъ къ посѣщенію театровъ рабочими служить и необходимость давать на чай камердинерамъ за храненіе платья, которые, пишеть одинъ рабочій, силой выпрашиваютъ (7).

«Еще Шиллеръ называлъ театръ нравственнымъ учрежденіемъ, — пишеть одинъ рабочій, — но, къ сожалѣнію, театръ недоступенъ рабочему: прежде всего у него нѣтъ времени, чтобы достать себѣ билетъ, потому что дешевые билеты расходятся быстро среди публики и барышниковъ и потому, чтобы достать билетъ въ 30 коп., рабочій долженъ взять отпускъ на полдня, что ему обойдется вдвое дороже билета; вечерніе же спектакли ему недоступны, такъ какъ они кончаются обыкновенно не ранѣе 12 ч. ночи, а рабочій въ 5—6 час. утра долженъ быть уже на ногахъ» (16).

«Трактиръ посѣщаю рѣдко. Но къ великому сожалѣнію, театръ еще рѣже, хотя имѣю пристрастіе къ театру; получая въ немъ духовную пищу, забываюсь на время отъ тѣхъ сѣрыхъ будничныхъ дней, но въ то же время театръ для меня школа. И первый театръ, который меня толкнулъ на эту дорогу и который оставилъ во мнѣ самыя горячія воспоминанія — театръ народный города Саратова, гдѣ разнообразіе пьесъ можетъ послужить примѣромъ для прочихъ народныхъ театровъ, начиная съ русскихъ писателей: Толстого, Гоголя, Достоевскаго, Островскаго и проч., и кончая иностранными: Шекспира, Шиллера, Мольера, Гауптмана и проч.; дешевизна платы отъ 7 к. до 1 р. позволяла ходить чуть не каждую недѣлю, а на болѣе интересныя пьесы и два раза въ недѣлю и мнѣ въ продолженіе 2 лѣтъ пребыванія въ Саратовѣ такъ пришлось привязаться къ театру, что, пріѣхавши въ другой городъ, гдѣ не было театра, я будто что-то потерялъ. Въ сожалѣнію, Москва въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторыя неудобства: 1) отдаленность отъ заводовъ, 2) дороговизна платы. Народный театръ въ Сокольникахъ тоже имѣетъ неудобства: проработавъ день, приходится опять стоять, мѣсто сидѣть рѣшительно добыть очень трудно. Многіе жалуются на слишкомъ продолжительный рабочій день, особенно,

если принять во вниманіе, что рабочіе нерѣдко живутъ далеко отъ фабрики и, слѣдовательно, много теряютъ времени на ходьбу и высказываютъ пожеланія о сокращеніи рабочаго времени наканунѣ праздниковъ: «продолжительный рабочій день не позволяетъ намъ развиваться духовно», «мы не въ состояніи избавиться отъ того невѣжества, которое заставляетъ насъ идти въ трактиръ» (3). Многие жалуются на большую усталость, препятствующую имъ разумно проводить свободное время, «хочется болѣе сильныхъ ощущеній—выпить или просто выспаться; объ умственной пищѣ не приходится думать, когда организмъ усталъ: вѣдь умственная пища тогда только и полезна, когда человѣкъ имѣетъ время на это» (6). «Продолжительность рабочаго дня отнимаетъ у рабочаго всякую охоту къ чтенію».

«Я думаю, что развитіе и образованіе современнаго рабочаго находится въ немалой зависимости какъ отъ праздничной, такъ и будничной чрезмѣрной работы. Не работая въ праздники и кончая ранѣе въ будни, рабочій могъ бы удѣлить время для развитія своихъ умственныхъ способностей, и въ этомъ отношеніи онъ не отсталъ бы отъ своихъ товарищей на Западѣ и онъ сумѣлъ бы провести свое свободное время» (16). (21).

«Поздній шабашъ—самый пагубный для насъ, потому что поздно кончить, куда же броситься? прямо въ трактиръ или кабакъ: такъ у насъ голова вѣчно одурманенная» (22).

Если бы рабочій день сократить, то хватило бы времени на все: сходить въ читальню, въ клубъ потанцовать. Мы очень желаемъ, чтобы у насъ были танцевальные вечера, лекціи, концерты (28), а то намъ теперь доступны одинъ трактиръ да портерныя.

«Вопросъ о продолжительности рабочаго дня и его вліяніи на послѣдующее времяпровожденіе,—вопросъ очень важный; я бы желалъ вамъ отвѣтить обстоятельно и пространно, но не могу. Но скажу такъ: представьте себѣ, 11-ти часовой день въ большинствѣ случаевъ тяжелой и грязной, и вредной чѣмъ-либо для здоровья человѣка работы, я не знаю, какой сильный и здоровый человѣкъ останется послѣ сего трудового дня не утомленнымъ и не измученнымъ физически и умственно и останется бодрымъ и свѣжимъ, и годнымъ еще на что-нибудь, кромѣ того, чтобы спать и запасаться снова силой на будущій такой же день, и эти дни безъ конца,—и такъ всю жизнь. Поневолѣ человѣкъ дѣлается идиотомъ или ищетъ сильныхъ ощущеній, о которыхъ вы спрашиваете, т.-е. выпить и, какъ онъ думаетъ, этимъ возстановить свои прежнія силы».

«Основными тормозами разумнаго времяпрепровожденія являются, конечно, какъ это можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ замѣчаній слушателей, во-первыхъ, слишкомъ продолжительный рабочій день, который одуряетъ человѣка и отнимаетъ у него массу силъ и энергіи, такъ что рабочему только впору поѣсть и спать лечь, если онъ не хочетъ изнурять себя долгимъ бдѣніемъ и малымъ сномъ. Во-вторыхъ, низкая заработная плата заставляетъ его ютиться по вонючимъ и многолюднымъ квартирамъ, гдѣ не только читать, но и мыслей-то собрать съ трудомъ можно, питаться скудной пищей и т. п.» (31).

Необходимо измѣнить жизненныя условія, путемъ организациі дешевыхъ квартиръ, удобныхъ въ санитарномъ отношеніи, гдѣ каждая семья жила бы обособленно (группа рабочихъ Казанской желѣзной дороги).

Итакъ, для дѣйствительной борьбы съ алкоголизмомъ нужно улучшить экономическое положеніе рабочихъ, создать для нихъ извѣстную степень обезпеченности существованія, а то часто у него опускаются руки и закрадывается въ душу горькое чувство отчаянія, и съ горя онъ пьетъ. Нужно улучшить жилищныя условія, чтобы видъ этихъ «конуръ» не гналъ въ трактиры; рабочіе довольно много платятъ за квартиры—по 15—20 р. за семейныя квартиры изъ 3—4 маленькихъ комнатъ, и улучшенія жилищъ рабочихъ можно было бы достигнуть на чисто-коммерческихъ основаніяхъ просто, путемъ устройства акціонерныхъ обществъ для постройки рабочихъ жилищъ. Предприниматели должны бы чувствовать себя заинтересованными въ этомъ вопросѣ, и не грѣхъ было бы имъ взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ: вѣдь на такихъ основаніяхъ рѣшено теперь приступить къ перестройкѣ Хитрова рынка, и, какъ оказывается, при прежней же платѣ за койку, ночлежники получаютъ хорошее, теплое помѣщеніе; нѣтъ сомнѣнія, что при посредствѣ акціонернаго строительнаго общества можно было бы сдѣлать многое, въ смыслѣ улучшенія жилищъ рабочихъ, и въ то же время капиталъ получилъ бы 5—6%. Несомнѣнно, и производительность труда тогда поднялась бы; рабочіе нерѣдко говорятъ, что отъ дурныхъ жилищныхъ условій, отъ массы насѣкомыхъ, отъ необходимости проводить время внѣ дома, въ трактирѣ, гдѣ соблазнъ такъ великъ выпить, они не отдыхаютъ, дурно спятъ, организмъ изнашивается, ночь проводятъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и затѣмъ работаютъ нехотя, чувствуютъ себя разбитыми, и, конечно, это отражается на качествѣ труда.

Необходимо создать большее количество библіотекъ съ выдачей книгъ на домъ, хорошія чайныя, съ альбомами, атласами, словарями, газетами и журналами, куда бы можно было для рабочаго привести и свою семью—жену и дѣтей. Должны быть устроены гимнастическія залы.

Картинныя галлерей и музеи теперь—закрытая книга для рабочихъ; здѣсь необходимо руководство. Вѣдь, право, не много бы стоило осуществленіе такого, наприм., плана: пригласить опытнаго знатока исторіи искусства, который бы прочелъ курсъ лекцій по исторіи искусства и особенно объяснилъ бы картины, которыя находятся въ нашихъ музеяхъ. Аудиторию для этихъ курсовъ могли бы составить учительницы и учителя городскихъ школъ и другія лица, и затѣмъ изъ нихъ уже можно было бы по воскресеньямъ организовать дежурство при главнѣйшихъ нашихъ галлерей; конечно, за труды дежурнымъ должно быть положено небольшое вознагражденіе; тогда рабочіе, приходя въ картинную галлерей, по мѣрѣ накопленія группъ, допустимъ въ 30—40 чел., получали бы руководителя изъ числа этихъ дежурныхъ, которые бы водили ихъ по галлерей и давали нужныя объясненія.

Мнѣ думается, въ этомъ добромъ дѣлѣ и городская дума могла бы при-

нять участіе, такъ какъ вѣдъ безъ такой организаціи польза отъ картинныхъ галлерей пропадаетъ: это все равно вѣдъ, что держать богатую бібліотеку для безграмотныхъ. Вѣроятно, и фабриканты не отказали бы въ пособіи такой организаціи, а между тѣмъ на сравнительно ничтожную сумму здѣсь можно было бы сдѣлать весьма благое дѣло. Быть можетъ, попечительство народной трезвости въ Москвѣ обратитъ вниманіе на это. За границей такіе осмотры картинныхъ галлерей, музеевъ съ руководителями давно уже существуютъ и пользуются большимъ успѣхомъ у той публики, для которой они назначаются.

Одинъ изъ рабочихъ предлагаетъ слѣдующій планъ (39). Каждому осмотру того или другого музея должна предшествовать лекція о томъ, что будетъ предметомъ осмотра. Чтобы этихъ лекцій не повторять, ихъ лучше всего издать отдѣльными выпусками по цѣнѣ отъ 2 до 5 коп. за выпускъ.

Дешевый театръ—общее желаніе, проходящее красной нитью чрезъ всѣ отвѣты.

Такъ какъ съ введеніемъ винной монополіи попечительства о народной трезвости ставятъ себѣ осуществленіе нѣкоторыхъ пожеланій изъ выше указанныхъ и вообще стремятся создать условія, благоприятныя для разумнаго проведенія досуга, то нѣтъ ничего удивительнаго, что винная монополія пользуется у нихъ несомнѣнной симпатіей,—почти всѣ рабочіе сочувственно относятся къ винной монополіи и указываютъ какъ хорошія стороны ея: прекращеніе отпуска вина въ кредитъ, опредѣленность цѣнъ, болѣе позднее открытіе казенныхъ лавокъ по праздникамъ, вслѣдствіе чего сокращается пьянство (5).

«Что касается винной монополіи, то между рабочими за ея устройство кромѣ благодарности нечего больше и сказать», и авторъ предлагаетъ еще болѣе позднее открытіе казенныхъ лавокъ въ будни (8 ч. утра), а то, идя на заводъ, рабочіе соблазняются и успѣваютъ выпить.

Высказываютъ пожеланія, чтобы чайныя были открыты и послѣ 10 часовъ, потому что негдѣ тогда закусить: дома все остыло уже въ нашихъ печахъ (9) и это заставляетъ идти въ трактиры.

«Винная монополія отозвалась очень хорошо. Желательно, чтобы чайныя были почище и чтобы были газеты и журналы» (10).

«Всѣ рабочіе, кромѣ самыхъ горькихъ пьяницъ, винной монополіи сочувствуютъ, и нѣкоторые выражаютъ желаніе, чтобы торговля производилась въ будни не съ семи утра, а позднѣе, а то нѣкоторые рабочіе успѣваютъ выпить до начала работы, а это имъ вредитъ» (20).

«Желательно наканунѣ праздниковъ закрывать казенныя лавки въ 5—6 часовъ вечера».

Въ своихъ отвѣтахъ рабочіе отиѣчаютъ факты распитія дома съ введеніемъ винной монополіи, распитіе на дворахъ, нѣкоторые видятъ въ этомъ дурную сторону монополіи, такъ какъ это дѣлается на глазахъ дѣтей, стороннихъ лицъ и вводитъ ихъ въ соблазнъ; но другіе прибавляютъ, что

такое распятіе, совершаясь на глазахъ жены, создаетъ въ лицѣ послѣдней контроль надъ тѣмъ, сколько мужъ пропиваетъ.

Очень многіе говорятъ въ своихъ отвѣтахъ, что желательно было бы изъять изъ продажи мелкую посуду, такъ какъ возможность за нѣсколько копеекъ приобрести водку является соблазномъ, а разъ человекъ выпилъ немного, онъ уже выпьетъ и еще... и нѣкоторые рекомендуютъ продавать только цѣльными бутылками. Доля правды есть въ этомъ, но если бы министерство финансовъ стало продавать водку только цѣлыми бутылками, не стали ли бы его обвинять въ навязываніи покупателямъ водку бутылками, когда публика желала бы приобрести лишь «жулика». Здѣсь мнѣ вспоминается сказка про отца съ сыномъ, которые вели осла на рынокъ. Отецъ ѣхалъ, сынъ шелъ.

— Какой дурной отецъ!—сказали люди.—Не жалѣть своего ребенка! Отецъ посадилъ сына, а самъ пошелъ.

— Какой дурной сынъ!—сказали люди.—Заставляетъ идти пѣшкомъ старика!

Сѣлъ и отецъ,—поѣхали оба.

— Злые люди!—говорила толпа.—Мучаютъ несчастное животное!

Наконецъ, бѣдняги взвалили осла на плечи и понесли. Но тогда всѣ стали указывать на нихъ пальцами и громко издѣваться: «Да это сумасшедшіе! На цѣль ихъ надо!»

Одинъ рабочій пишетъ:

«Казенной винной монополіи очень сочувствуемъ. Измѣнять въ ней кажется нечего: если одни рабочіе желаютъ упразднить мелкую посуду, то другіе не раздѣляютъ ихъ желанія» (7).

«За монополію спасибо» (21).

Итакъ, попечительства могли бы много сдѣлать для успѣшной борьбы съ алкоголизмомъ, но для этого необходимы дѣйствительное, а не бумажное только выполненіе той программы, которая такъ широко и смѣло задумана министромъ финансовъ, а для этого нуженъ, думается намъ, нѣсколько другой составъ попечительствъ: попечительства построены исключительно на бюрократическомъ началѣ, участіе общества въ нихъ черезчуръ слабо, а между тѣмъ нельзя вливать новое вино въ старые мѣхи, и необходимо для успѣшности работы попечительствъ болѣе широко привлечь само общество. Привлеченіе представителей общества можетъ очень усилить дѣятельность попечительствъ, и тогда они сумѣютъ широко поставить дѣло. Такъ, попечительствъ, широко понимая свою задачу во всемъ ея объемѣ и, привлеки въ свою среду капиталистовъ, легко могли бы взять на себя инициативу по организаціи выше отмѣченныхъ строительныхъ обществъ для улучшенія жизненныхъ условий въ городахъ.

Кромѣ того и самыя средства для борьбы съ алкоголизмомъ слѣдовало бы увеличить. По закону о винной монополіи, въ Швейцаріи 10% съ дохода идутъ на борьбу съ алкоголизмомъ. Отъ спиртныхъ напитковъ Россія получаетъ чистаго дохода свыше 300 м., слѣдовательно 10% составили

бы 30 мил., а съ этой суммой и съ привлеченіемъ самого общества къ работѣ въ попечительствахъ можно было бы сдѣлать великое дѣло, за которое русское общество сказало бы большое спасибо министерству финансовъ. Съ такими средствами попечительства многое могли бы сдѣлать и для улучшенія квартирныхъ условий въ городахъ, а пока эта борьба съ алкоголизмомъ имѣетъ характеръ пробы.

Для успѣшности той же борьбы съ алкоголизмомъ необходимы развитіе большаго образованія въ населеніи, облегченіе формальностей по устройству чтеній, устройство библиотекъ съ выдачей книгъ на дома, книжныхъ складовъ. Пора перестать смотрѣть на нашъ народъ, какъ на ребенка, пора перестать ставить его въ какое-то обособленное положеніе, — надо дать ему въ руки всякую книгу, изданную общей цензурой, дать больше простора къ развитію интереса къ общему дѣлу, а не подавлять въ немъ этотъ интересъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ настоящее время (*Русское Богатство*, январь, 1901 г. «Деревенскія консультаціи»). И надо отдать честь, что министерство финансовъ стремится снять нѣкоторыя изъ путъ, тяготящихъ, напримѣръ, на народныхъ чтеніяхъ, но при этомъ иногда не только не встрѣчало содѣйствія, а даже противодѣйствіе.

Какъ бы то ни было, хотя попечительства, благодаря своему бюрократическому составу и малымъ средствамъ, которыя отпускаются въ ихъ распоряженіе, не могутъ выполнять въ достаточной степени своихъ задачъ, но тѣмъ не менѣе и теперь уже ихъ заслуга велика, а въ дальнѣйшемъ можно надѣяться, они сыграютъ роль крупнаго образовательнаго элемента въ русской жизни. Они выдвинули идею народныхъ развлеченій, создали народные клубы, дали имъ право гражданства въ нашемъ обществѣ, хотя еще не такъ давно народные клубы были чуть ли не забытой идеей, о чемъ говорилось только тайкомъ. Попечительства воздвигли себѣ памятники народными домами, тамъ и сямъ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, возникающими за послѣднее время. Въ этомъ — заслуга винной монополіи. Эта же винная монополія не только привила намъ эти идеи, не только вдохнула въ общество надежду на лучшее будущее въ сферѣ народнаго образованія, но и дала толчокъ къ облегченію формальностей по устройству народныхъ чтеній, за что нельзя не быть признательнымъ.

Винная монополія, хотя и не лишена нѣкоторыхъ дефектовъ, несомнѣнно является крупнымъ шагомъ, и въ общемъ благотѣльнымъ, для населенія, такъ какъ она устранила изъ деревни типъ кабачика, уничтожила продажу водки въ кредитъ, но пока это вліяніе нельзя учесть въ цифрахъ, всякія такія попытки преждевременны и могутъ только дискредитировать дѣло. Возраженіе противъ винной монополіи, что она переноситъ пьянство изъ закрытаго отдѣльнаго помѣщенія на улицу и — что еще хуже — въ семью, конечно, до извѣстной степени имѣетъ свое основаніе, но это еще вопросъ, насколько это явленіе распространено, а, во-вторыхъ, дѣйствительное выполненіе программы, намѣченной министерствомъ финансовъ, т.-е. созданіе чайныхъ, читаленъ, клубовъ, народныхъ домовъ, спектаклей,

концертовъ, несомнѣнно доставить это явленіе въ болѣе узкія рамки, потому мы особенно и подчеркиваемъ, что если желательна дѣйствительная борьба съ алкоголизмомъ, то необходимо самое широкое выполненіе намѣченной программы.

Запрещено отпускать вино пьянымъ и малолѣтнимъ, но пьяные посылаютъ вмѣсто себя трезвыхъ, которые за рюмку водки это охотно дѣлаютъ и, слѣдовательно, это парализуетъ благія пожеланія правительства. Въ праздники поздно открываютъ винныя лавки, но желающіе выпить утромъ дѣлаютъ запасъ наканунѣ или идутъ опохмѣлиться на вокзалъ (по сообщеніямъ рабочихъ на совѣщаніи). Несомнѣнно, эти факты и другіе, подобные имъ, имѣютъ мѣсто въ жизни, но придать этимъ фактамъ количественный учетъ нѣтъ возможности; нѣкоторые говорятъ о нихъ, какъ объ исключеніи, другіе—какъ объ общемъ явленіи. Но несомнѣнно то, что одними механическими средствами, запретами разнаго рода нельзя бороться съ алкоголизмомъ—очень сложнымъ явленіемъ. И министерство финансовъ, конечно, вовсе не хочетъ преувеличивать значеніе такихъ чисто-механическихъ средствъ и мѣропріятій, оно только удѣляетъ имъ извѣстное мѣсто, и, повидимому, совершенно вѣрно, какъ это отмѣчаютъ опрошенные рабочіе. Наша предшествующая исторія воспитывала алкоголизмъ въ населеніи, создавала благоприятную почву для него и теперь трудно бороться съ этимъ тяжелымъ наслѣдіемъ прошлаго. Направленіе, въ которомъ должна вестись борьба съ алкоголизмомъ, достаточно рельефно намѣчаютъ цитированные мною отвѣты. Для правильной оцѣнки размѣра и характера борьбы, нужно принять во вниманіе общую обстановку, среди которой приходится дѣйствовать: изъ одного и того же зерна вырастаютъ два совершенно равныхъ экземпляра: одно пышное, горделивое, ласкаемое горячими лучами южнаго солнца, раскинувшееся подъ синимъ небомъ юга, другое—хилое, чахлое, возросшее подъ сѣвернымъ небомъ. Мнѣ кажется, что слишкомъ ярые критики казенной винной монополіи забываютъ эти общія условія нашей общественной жизни (наприм., общее недовѣріе къ частной инициативѣ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется извѣстный составъ попечительствъ, трудность до самаго послѣдняго времени получить разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній и т. д.), и предшествующую исторію, шедшую въ діаметрально противоположномъ направленіи тѣмъ цѣлямъ, которыя намѣчены теперешней реформой казенной продажи питей. Вѣдь еще въ 50—60 годахъ министерство финансовъ, какъ ранѣе было указано, громило общества трезвости, отбирало изъ типографій брошюры съ пропагандой трезвости, а уже въ 1894 г. министерство финансовъ категорически объявляетъ войну алкоголизму, само создаетъ попечительства о народной трезвости, само стремится распространять литературу о трезвости и т. д.

Ив. Озеровъ.

Эволюція французскаго романа.

Первая половина XIX столѣтія,—говоритъ Жоржъ Пеллиссе въ своей книгѣ: «Современное литературное движеніе»*),—принадлежитъ романтизму, но съ 1850 и по 1880 годъ въ литературѣ преобладаетъ реализмъ или натурализмъ. Каждая изъ этихъ двухъ школъ поочередно накладывала свою печать на современную литературу. Въ первой половинѣ XIX в. романтизмъ своей эстетикой, моралью, своимъ пониманіемъ жизни и міра обновляетъ всѣ роды художественныхъ произведеній,—не только поэзія романтична, но также и театръ, романъ, критика и даже исторія. Во второй половинѣ мы видимъ совершенно обратную эволюцію: натурализмъ подчиняетъ и преобразовываетъ не только исторію и критику, но также романъ, театръ и даже поэзію. Такимъ образомъ, этюду о французской литературѣ должны предшествовать двѣ общія главы, одна о школѣ романтической, а другая о школѣ натуралистической, съ обозначеніемъ тенденцій обѣихъ школъ и стремленій и теорій, въ силу которыхъ каждая изъ нихъ измѣнила литературу во всѣхъ ея формахъ. Но прежде чѣмъ указать, какъ проявилось вліяніе романтизма во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, нужно опредѣлить романтизмъ самъ по себѣ, который цѣликомъ сводится къ торжеству воображенія и чувства, иссушенныхъ раціонализмомъ, точно также, прежде чѣмъ указать, какимъ образомъ пятьдесятъ лѣтъ спустя возможно было вліяніе натурализма, нужно опредѣлить натурализмъ, какъ естественную реакцію научнаго духа противъ господства чувства и воображенія.

Въ послѣднюю четверть вѣка во французской литературѣ нѣтъ единства. Эти двадцать или двадцать пять лѣтъ, даже когда въ теченіе ихъ появлялись и крупныя произведенія, представляютъ во всѣхъ родахъ литературы періодъ кризиса. Въ наше время много школъ: это доказываетъ, что ни одна изъ нихъ не могла взять верхъ надъ другими. Во всякомъ случаѣ, ни одна школа—ни психологическая, ни символистическая—не простерла своего вліянія на всю литературу цѣликомъ, и даже въ романѣ, который былъ достояніемъ первой школы, и въ поэзіи, принадлежащей къ области другой школы

*) *Georges Pellissier: Le mouvement littéraire contemporain.*

психологизмъ и символизмъ никогда не овладѣвали вполне тѣмъ родомъ литературы, въ которомъ они собственно отражались.

Характеристичной чертой современнаго періода является реакція противъ натурализма. Конечно, романъ, поэзія, критика блестяще доказываютъ эту реакцію. Кажется, однако, что не только исторія, сдѣлавшаяся объективной и научной, но и театръ почти до конца вѣка находились подъ вліяніемъ натурализма. Но когда говорятъ, что натурализмъ обанкротился, то это справедливо, если при этомъ подразумѣваютъ натурализмъ доктринерскій и схоластическій, и невѣрно, если при этомъ имѣютъ въ виду то пониманіе искусства здороваго, трезваго, которое выражается въ воспроизведеніи природы съ наибольшей правдивостью.

Двадцать лѣтъ тому назадъ натурализмъ господствовалъ во французской беллетристикѣ. Эмиль Зола считался его главнымъ представителемъ, хотя въ сущности онъ не заслуживалъ никогда названія натуралиста, такъ какъ особенности его генія отталкивали его отъ того натурализма, формулу котораго онъ далъ.

Даже въ своихъ первыхъ произведеніяхъ Эмиль Зола опровергаетъ свои теоріи. Это сдѣлается яснымъ, если мы сравнимъ методъ отдѣлки и композиціи, примѣняемый романистомъ, съ тѣмъ методомъ, который рекомендуется критикомъ.

Эмиль Зола дѣлаетъ свои наблюденія не такъ, какъ подобаетъ истинному натуралисту. Большая часть произведеній Эмиля Зола доказываетъ его большую начитанность. Но что же это за натуралистъ, который получаетъ свои свѣдѣнія изъ библиотекъ? Замѣтимъ кстати, что самые его сюжеты заставляютъ его собирать матеріалъ изъ книгъ или газетъ. Естественная и социальная исторія «Ругонъ Макаровъ», начатая въ 1871 г., была окончена только въ 1893 году. Послѣдніе томы серіи «Ругонъ Макаровъ» принадлежать уже къ историческимъ романамъ.

Главный принципъ натуралистовъ состоитъ въ томъ, чтобы изображать изъ современной жизни только видѣнное собственными глазами. Конечно, и въ «Ругонъ Макарахъ» есть масса вещей, которыя авторъ могъ самъ видѣть. Извѣстно, что Эмиль Зола для полученія матеріаловъ проводилъ нѣкоторое время въ тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ описывалъ въ своихъ романахъ. Тѣмъ не менѣе онъ заранѣе дѣлалъ свой эскизъ и готовилъ планъ. Большая разница между наблюденіемъ, можетъ быть, и очень добросовѣстнымъ, но сдѣланнымъ авторомъ въ виду того или другого романа, уже обдуманнаго, и наблюденіемъ безъ всякаго, заранѣе составленнаго, плана, — наблюденіемъ, изъ котораго самостоятельно рождается цѣлое произведеніе. Даже планъ «Ругонъ Макаровъ», детально разработанный Эмилемъ Зола, доказываетъ въ авторѣ умъ систематическій, логическій и геометрический, — умъ, находящійся въ полномъ противорѣчій съ натурализмомъ.

Тотъ же самый умъ сказывается и въ его литературной манерѣ. Въ какой-нибудь статѣ о Гонкурахъ Зола можетъ восхищаться тѣмъ, что въ нашемъ современномъ романѣ природа беретъ верхъ надъ искусствомъ, что отвер-

гается всякое старательное выписыванье, всякій механизм и воспроизводится то, что есть въ жизни сложнаго, разбросаннаго; но самъ онъ не слѣдуетъ ихъ примѣру. Его сочиненія изобилуютъ событіями и дѣйствующими лицами, а въ большихъ его произведеніяхъ особенно сказывается забота объ единствѣ и пропорциональности. Въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго. Художникъ дѣлаетъ строгій выборъ между матеріаломъ, которымъ его снабжаетъ природа. Онъ ее исправляетъ, организуетъ и вводитъ въ нее порядокъ, связь и содержаніе.

Если такимъ путемъ авторъ «Ругонъ Макаровъ» примыкаетъ къ классицизму, то присущій ему романтизмъ ставитъ его въ прямое противорѣчіе съ доктринами, которыя онъ проповѣдуетъ. Эмиль Зола былъ всегда романтикомъ, и онъ самъ сознаетъ это. «Иногда, — говоритъ онъ, — я возмущаюсь противъ романтизма, я его ненавижу за ложное воспитаніе, которое онъ мнѣ далъ. Онъ во мнѣ есть и это меня злитъ». Но Эмиль Зола—романтикъ не только по воспитанію, но и по темпераменту. Темпераментъ его менѣе всего натуралистическій. Развѣ натурализмъ не состоитъ въ примѣненіи къ искусству научныхъ выводовъ? Потому Эмиль Зола, конечно, считаетъ себя ученымъ, заботящимся прежде всего о документальной точности. Какъ критикъ и теоретикъ, онъ примѣняетъ къ роману методъ, изложенный Клодомъ Бернаромъ въ «L'Introduction à l'étude de la médecine expérimentale»; но какъ только онъ принимается за «Ругонъ Макаровъ», его романтизмъ беретъ верхъ. Преобладающая способность Эмиля Зола—воображеніе, пополняющее всякій предметъ. Вещи и лица принимаютъ у него ненормальныя формы. Ни одинъ писатель, даже между самыми «идеалистическими», не преувеличивалъ и не видоизмѣнялъ такъ дѣйствительность. Дѣйствующія лица, выводимыя Эмилемъ Зола, въ большинствѣ случаевъ не индивидуумы, а типичныя фигуры. Романтикъ, который всегда былъ въ авторѣ «Ругонъ Макаровъ», все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ натурализмомъ, такъ что его послѣднія произведенія: «*Lourdes*», «*Rome et Paris*», «*Fécondité*» и три еще не вышедшія тома «*Quatre évangiles*»—совершенныя поэмы, то эпическія, то лирическія. Материализмъ и пессимизмъ Зола давно уже уступили мѣсто совершенно иной концепціи челоѣчества. Послѣдніе томы «Ругонъ Макаровъ» въ этомъ отношеніи очень многозначительны. Къ какимъ заключеніямъ приводятъ двадцать томовъ «Ругонъ Макаровъ»? Предоставимъ природѣ выполнять свою эволюцію; будемъ вѣрить въ жизнь и развивать насколько возможно лучше наши способности. «Нужно жить»—вотъ вся философія доктора Паскаля и вся философія Эмиля Зола. Нельзя быть болѣе оптимистомъ. И этотъ оптимизмъ сквозитъ во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ. Трилогія «*Trois villes*» заканчивается гимномъ въ честь челоѣчества. Но философія Зола остается всегда научной. Чтобы обезпечить людямъ будущность мира и любви, которую онъ предсказываетъ въ «*Quatre évangiles*», онъ прибѣгаетъ только къ наукѣ. Но тотъ самый художникъ, который рисовалъ намъ прежде челоѣва-звѣря, воспѣваетъ теперь достоинства, при помощи которыхъ наша раса,

работая надъ своимъ прогрессомъ, моральнымъ и матеріальнымъ, приготовляетъ торжество добра надъ зломъ. Такимъ образомъ Зола отделяется отъ натурализма. Всѣ факты, добываемые имъ, онъ приспособляетъ и подчиняетъ социальной философіи. Натуралистическій романъ долженъ быть безличнымъ, документальнымъ и научнымъ, а послѣдніе романы Зола—продукты вдохновенія, энтузіазма и вѣры. Культъ науки—вотъ все, что ему остается отъ прежняго натурализма. Но даже этой самой наукой онъ пользуется не какъ натуралистъ,—онъ воспѣваетъ ее, какъ лирикъ, привѣтствуетъ, какъ освободительницу и благодѣтельницу человѣческаго рода.

Изъ всѣхъ французскихъ романистовъ Гюи де-Мопассанъ болѣе всѣхъ заслуживаетъ названія натуралиста. Несмотря на то, что въ началѣ онъ находился подъ нѣкоторымъ влияніемъ Эмиля Зола, настоящимъ его учителемъ былъ Густавъ Флоберъ. А Флоберъ безспорно гораздо вѣрнѣе изображаетъ природу, чѣмъ Зола. Онъ далъ молодому человѣку воспитаніе чисто-натуралистическое. Флоберъ совѣтовалъ Мопассану только хорошо смотрѣть. «Поди прогуляйся,—часто говорилъ онъ ему,—а потомъ въ строчкахъ расскажешь, что видѣлъ».

По мнѣнію автора *madame Bovary*, хорошо смотрѣть—это все.

«Установивъ истину, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ двухъ совершенно сходныхъ песчинокъ,—разсказываетъ самъ Мопассанъ,—онъ заставлялъ меня въ двухъ словахъ ясно очерчивать предметъ». Дисциплина Флобера состояла въ точности, а его риторика сводилась къ единственному принципу, что слогъ есть ясное и точное выраженіе того, что ты видѣлъ.

Тѣмъ не менѣе Густавъ Флоберъ не былъ истиннымъ натуралистомъ. Прекрасный учитель натурализма, въ свое искусство онъ вносилъ слишкомъ много старанія, что отвергается натурализмомъ. Это же самое излишнее стараніе дѣлало его слогъ, превосходный по точности, выразительности и гармоніи, натянутымъ и жесткимъ. Кромѣ того Флоберъ не могъ освободиться отъ романтизма. Онъ романтикъ въ *Salambo* и въ *Tentation de saint Antoine*, гдѣ его воображеніе рисуетъ пышныя и блестящія сцены; но онъ не менѣе романтикъ и въ *Madame Bovary* и въ *Education sentimentale*, потому что если онъ и выводитъ здѣсь заурядное ничтожество нравовъ и современныхъ фигуръ, то иронія его ясно доказываетъ, что онъ инстинктивно ненавидитъ и презираетъ это.

Въ Гюи де-Мопассанѣ нѣтъ и слѣда романтизма. Какъ чистый натуралистъ, онъ, такъ сказать, отражаетъ природу. Онъ рисуетъ самого себя въ одномъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, романистѣ Ламартѣ, который былъ «вооруженъ глазомъ, собиравшемъ образы, положенія, движенія съ точностью фотографическаго аппарата».

Мопассанъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ натурализма болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ. Никакая теорія, никакая система, никакія побужденія не видоизмѣняютъ въ его «я» образовъ дѣйствительности.

У Мопассана нѣтъ никакой философіи; или вѣрнѣе его философія,

чисто-натуралистическая, не занимается тѣмъ, что выходитъ изъ міра чувствъ. Зачѣмъ думать? Мысль человѣческая «вертится какъ муха въ бутылкѣ» и констатируетъ явленія, сущность которыхъ всетаки исчезаетъ отъ насъ. Нельзя ничего знать, ничего объяснить. Такой интеллектуальный нигилизмъ нисколько не беспокоитъ Мопассана. Если его произведенія, рисуя передъ нами грубую сторону человѣка, производятъ на насъ грустное впечатлѣніе, то въ самомъ Мопассанѣ нѣтъ никакой грусти. Онъ противопоставляетъ здоровый, твердый инстинктъ колеблющемуся, невѣрному разсудку. Нашу животную сторону онъ считаетъ какъ бы основаніемъ нашего существа, основаніемъ прочнымъ, которое одно можетъ насъ поддержать противъ капризовъ воображенія и заблужденій разума.

Мопассанъ совершенно не заботится о морали. У него нѣтъ никакой соціальной нравственности. Какъ и его учитель Флоберъ, Мопассанъ относится безразлично къ тому, что интересуетъ цивилизацію, къ человѣческому прогрессу, къ стремленіямъ нашей націи къ счастью, справедливости, братству. У него нѣтъ и индивидуальной морали: не только онъ не судитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, но даже, повидимому, не дѣлаетъ никакой разницы между добромъ и зломъ. Морали онъ противопоставляетъ природу. Изъ дѣйствующихъ лицъ онъ охотнѣе всего рисуетъ существа простые и сильные, дѣятельность которыхъ ограничивается упражненіемъ ихъ органовъ и утоленіемъ ихъ аппетитовъ. Все, что стѣсняетъ человѣка природы, кажется ему несноснымъ принужденіемъ. Любовь въ его обрисовкѣ не что иное, какъ половой инстинктъ. Онъ ее рисуетъ, какъ чувствуетъ, лишенную всякой искусственной экзальтаціи и сведенную къ естественной потребности.

Если Густавъ Флоберъ не интересовался философіей, политикой и моралью, то это потому, что онъ исключительное вниманіе обращалъ на искусство. Но Мопассанъ не чувствителенъ и къ искусству. По крайней мѣрѣ, онъ не любилъ говорить о литературѣ и уклонялся отъ всякихъ эстетическихъ споровъ. Однажды въ предисловіи къ *Pierre et Jean* онъ написалъ нѣчто вродѣ воззванія, изъ котораго мы прежде всего видимъ, съ какимъ презрѣніемъ относился онъ къ критикѣ; мы видимъ, кромѣ того, что его литературная доктрина состоитъ въ совершенномъ изгнаніи теоріи. Мопассанъ никогда не писалъ, какъ Флоберъ, съ цѣлью реализовать тотъ или другой идеалъ. У истиннаго натурализма нѣтъ никакой школы, потому что всякая школа предполагаетъ какую-нибудь систему, какой-нибудь обдуманнѣйшій планъ, какую-нибудь болѣе или менѣе специальную точку зрѣнія, а истинный натурализмъ требуетъ совершенной свободы. И вотъ въ этомъ отношеніи Гюи де-Мопассанъ болѣе всѣхъ своихъ современниковъ заслуживаетъ названія натуралиста.

Какъ и другіе натуралисты, Мопассанъ рисуетъ всегда то, что онъ видѣлъ. Прежде всего—свою родную Нормандію, затѣмъ Парижъ, министерскихъ чиновниковъ, міръ литературный, наконецъ, высшій свѣтъ. При этомъ онъ почти ничего не выдумываетъ, онъ только переводитъ. Извѣстны на-

стоящія имена тѣхъ или другихъ изъ его дѣйствующихъ лицъ, мѣсто, гдѣ происходили описываемыя имъ событія. Что его отличаетъ въ его описаніяхъ съ натуры отъ Гонкуровъ, Альфонса Додэ и въ особенности отъ Зола, — такъ это то, что его наблюденіе свободно. Наблюдая, онъ не имѣетъ никакого заранѣе обдуманнаго плана. Онъ предоставляетъ своимъ чувствамъ «собирать» картины жизни, которыя онъ затѣмъ изобразитъ безъ малѣйшаго измѣненія.

Если въ его произведеніяхъ мы и знакомимся съ разнообразными условіями, съ которыми сталкивался Мопассанъ, то мы всетаки не находимъ при этомъ ни малѣйшаго указанія на его собственные вкусы, страсти, на интимную жизнь его души. Мопассанъ совершенно безличенъ. Не будемъ его сравнивать ни съ Гонкурами и Альфонсомъ Додэ, природная нервозность которыхъ не позволяла имъ быть безличными, ни съ Эмилемъ Зола, лиризмъ котораго все болѣе и болѣе бралъ верхъ. Но самъ Густавъ Флоберъ? Флоберъ остается безличнымъ, потому что онъ постоянно наблюдаетъ за собой, чтобы ничѣмъ не выдать своего «я». Безличность Мопассана, такъ сказать, ничего ему не стоила, тогда какъ Флоберу не всегда удавалось справиться съ собою. Хотя Флоберъ никогда не показывался на сценѣ и не говорилъ отъ своего имени, тѣмъ не менѣе мы его видимъ за дѣйствующими лицами. Мы чувствуемъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ жалѣетъ, а большинство презираетъ. Онъ достаточно владѣетъ собою, чтобы удержать свой гнѣвъ противъ «буржуа»; но если онъ не проявляетъ своего гнѣва, то иронія выдаетъ его. Что же касается Мопассана, то у него нѣтъ иного чувства, кромѣ желанія изобразить то, что онъ видитъ. И онъ рисуетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, чуждый любви и ненависти, съ совершенно объективнымъ сходствомъ, причѣмъ ихъ горе и радость нисколько не волнуетъ его, а низость не возмущаетъ. Безъ сомнѣнія, очень впечатлительный, Мопассанъ воспринимаетъ впечатлѣнія на подобіе пластинки изъ фотографическаго аппарата. Его обвиняютъ въ пессимизмѣ и мизантропіи. Это совершенно невѣрно. Онъ рисуетъ человѣчество такимъ, какъ оно есть, а приписываемые ему пессимизмъ и мизантропія не что иное, какъ его безразличіе, его «безчеловѣчность».

Стиль Мопассана — само совершенство, и это совершенство въ немъ вполне естественно, свободно. Читая Флобера, мы восхищаемся его искусствомъ. Что же касается Мопассана, то онъ никогда не заставляетъ насъ думать о немъ самомъ, онъ рисуетъ такія яркія картины, что намъ кажется, будто мы ихъ видимъ собственными глазами, и мы забываемъ о ихъ авторѣ. Имѣть свой собственный стиль — это значитъ выдать свое «я». Мопассанъ избѣгаетъ натянутости Гонкуровъ и тщательной симетріи Флобера. Все его искусство ограничивается воспроизведеніемъ природы. У него общія достоинства стиля: точность, ясность, полное соотвѣтствіе формы съ содержаніемъ.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, Мопассанъ потерялъ разумъ. Мы же говоримъ о Мопассанѣ до его болѣзни. Чтобы быть натуралистомъ,

нужно быть здоровымъ. Какъ только Мопассанъ почувствовалъ приступы болѣзни, которая свела потомъ его въ могилу, натурализмъ его измѣнился. Въ послѣднихъ своихъ романахъ Мопассанъ перестаетъ быть самимъ собой. Онъ грустенъ, нѣженъ, мысль его безпокойна, онъ интересуется моралью. Хотя и романы его имѣютъ большое значеніе, но главную цѣнность представляютъ его рассказы. Оригинальность ихъ заключается главнымъ образомъ въ точности, съ которой онъ воспроизводитъ природу. Его способность создавать образы такъ велика, что она восполняетъ психологическій анализъ. Внутренняя жизнь проявляется внѣшними знаками. Эти знаки—движенія, выраженіе глазъ, слова—онъ передаетъ неподобно. Мопассанъ не то, что принято называть психологомъ; но если мы согласны съ нимъ, что «въ физическомъ аппаратѣ заключается вся моральная природа», то мы должны признать его способность поразительно вѣрно воспроизводить внутреннюю сторону человѣческаго существа посредствомъ внѣшнихъ признаковъ.

Фердинандъ Фабръ самъ описалъ намъ свою молодость, начиная съ дѣтства вплоть до выхода изъ семинаріи. Для насъ его молодость особенно интересна, такъ какъ къ этому періоду относится большая часть его произведеній. Что касается долгихъ лѣтъ его литературнаго искуса, то мы о нихъ знаемъ еще очень мало. Онъ упоминаетъ о нихъ въ одномъ или двухъ изъ своихъ романовъ. Мы знаемъ всетаки, что онъ все свое время посвящалъ наукѣ и размышленію. Фердинандъ Фабръ самъ образовалъ себя. Онъ не участвовалъ ни въ какихъ полемикахъ того времени и не подчинялся дисциплинѣ никакой школы. И вотъ почему никакое названіе не подходитъ къ нему больше, чѣмъ названіе натуралиста,—конечно, устраняя изъ послѣдняго схоластическій смыслъ и подразумѣвая искренняго и тонкаго наблюдателя, который вѣрно воспроизводитъ дѣйствительность.

Сенъ-Бѣвъ, отмѣтившій Фабра тотчасъ по выходѣ его перваго романа, называетъ его «хорошимъ ученикомъ Бальзака». Это выраженіе невѣрно даже по отношенію къ тому времени, когда Фабромъ были написаны еще только одни *Courbezon*, потому что единственнымъ его учителемъ была природа. Конечно, нельзя отрицать совсѣмъ вліянія Бальзака на Фабра. Менѣе разнообразный и гораздо менѣе плодовитый, чѣмъ Бальзакъ, Фабръ во всякомъ случаѣ не менѣе его силенъ и правдивъ. По складу своего ума Фабръ былъ наклоненъ изображать изъ дѣйствительной жизни то, что находилось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Сообразно съ этою врожденной склонностью онъ и образовывалъ себя. Такъ, онъ прослушалъ курсъ медицины, посѣщалъ клиники, чтобы имѣть возможность, по его выраженію, ставить психологическій діагнозъ человѣческими страстями.

Мѣстности, описываемыя въ романахъ Фабра, большею частью его родныя Севены, а дѣйствующія лица—священники и крестьяне. Дѣтство его прошло въ тѣхъ же Севенахъ, въ которыхъ онъ родился. Сколько разъ взбирался онъ по крутымъ тропинкамъ, карабкался со скалы на скалу, пилъ прозрачную воду источниковъ! Онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей

жизнь людей, среди которых выросъ. Онъ былъ племянникомъ сельскаго священника, и потому духовныя лица и крестьяне примѣшиваются ко всѣмъ его воспоминаніямъ и даже иногда составляютъ ихъ единственную тему. Онъ прислуживалъ за обѣдней, украшалъ алтарь, помогалъ своему дядѣ готовить просфоры, а въ свободное время ходилъ съ пастухами на охоту за куропатками и дроздами. Двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ спустя, когда Фердинандъ Фабръ началъ писать романы, онъ только возобновилъ въ своей памяти знакомыя ему сцены и картины, стараясь при этомъ говорить о нихъ какъ можно проще.

Такъ какъ Фабръ раскрылъ въ своихъ романахъ нѣкоторые слабости и пороки священниковъ, то его обвинили въ скрытомъ недоброжелательствѣ противъ духовенства. Это обвиненіе лишено всякаго основанія. Фабръ оставилъ семинарію, потому что не чувствовалъ склонности къ духовной жизни; но тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ уваженіе къ церкви. Къ тому же въ его сочиненіяхъ выводятся многіе талантливые и добродѣтельные священники, какъ, напримѣръ, дядя Фулькранъ и добрый аббатъ Целестинъ съ ихъ душевной простотой, добродушіемъ, ясной и патриархальной важностью, съ ихъ проповѣдями, спусходительными и въ то же время торжественными. Правда, Фабръ указываетъ на то, что постриженіе не застраховываетъ отъ общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ. Нѣкоторыя изъ выводимыхъ имъ духовныхъ лицъ отличаются душевной низостью, злословіемъ, завистью; другіе—гордостью и честолюбіемъ. Этимъ и объясняется негодованіе нѣкоторыхъ ханжей. Но если романистъ можетъ изображать духовенство наравнѣ съ чиновниками и докторами, то какъ же запретить ему изображать ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ? А до тѣхъ поръ ни одинъ писатель не рисовалъ нравы духовенства такъ вѣрно, какъ онъ.

Такою же близостью къ жизни вноситъ Фабръ и въ изображеніе крестьянъ. До Фабра мы видѣли крестьянъ Жоржъ Зандъ,—очень правдиво обрисованныхъ, конечно, но съ нѣкоторой идеализаціей, такъ какъ вообще Жоржъ Зандъ была склонна прикрашивать все, что описывала; а кромѣ того въ своихъ повѣстяхъ изъ деревенской жизни ей хотѣлось противопоставить порокамъ общества деревенскую невинность. Послѣ Фабра, въ силу неизбежной реакціи противъ романтическаго идеализма, натуралисты изображали крестьянъ похожими на гориллъ, безнравственныхъ и жестокихъ. Авторъ *Chevrier* и *Mon oncle Célestin* одинаково далеки отъ обѣихъ крайностей. Рисуя сельскую жизнь, онъ не проводитъ никакой тенденціи и заботится только о вѣрной передачѣ ея. Между его крестьянами есть отвратительные люди, но худшіе изъ нихъ всетаки не животныя. Есть у него и крестьяне съ душами благородными и возвышенными; но лучшимъ изъ нихъ въ его описаніи свойственна грубость примитивныхъ натуръ.

Фердинандъ Фабръ—натуралистъ и по своей литературной манерѣ. У него нѣтъ слишкомъ строгаго единства, слишкомъ быстрого и логическаго дѣйствія. Почти всѣ его романы старательно выписаны, съ медленно-раз-

вивающимся дѣйствиємъ. Событія въ нихъ не описываются коротко и сухо, а жизнь воспроизводится въ ея послѣдовательности. Содержаніемъ трагическихъ сценъ служатъ всегда простыя ежедневныя событія. Описанія изобилуютъ мельчайшими подробностями. Мѣсто дѣйствія, священнической домикъ, ферма, такъ сказать, приобщаются къ существованію дѣйствующихъ лицъ.

Если Фердинандъ Фабръ не натуралистъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, то, во-первыхъ, потому, что изображаемыя имъ событія онъ видитъ издали, черезъ призму воспоминаній своей молодости, а во-вторыхъ, потому, что, чувствительный отъ природы, онъ не можетъ оставаться безразличнымъ. Иногда онъ высказываетъ свое собственное мнѣніе о томъ или другомъ героѣ; такъ, о Панколѣ Фабръ говоритъ, что онъ заставляетъ его «содрогаться отъ ужаса». Впрочемъ, это случается съ нимъ довольно рѣдко; тѣмъ не менѣе мы вездѣ чувствуемъ его симпатію или антипатію. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія, что романистъ долженъ оставаться безстрастнымъ.

Но Фабръ не только художникъ, онъ и поэтъ, что особенно сказывается въ немъ при описаніи его родныхъ Севенъ. Это не только вѣрная и красивая картина той или другой мѣстности. Изображаемая имъ природа имѣетъ душу, потому что душа Фабра передаетъ имъ свою нѣжность и теплоту. «Природа,—говоритъ онъ,—овладѣваетъ мною, какъ только я вижу ее». И онъ съ волненіемъ и чувствомъ описываетъ ее, то мягкую и красивую, то дикую и величественную.

Кромѣ поэзіи природы, Фердинандъ Фабръ вдохновляется и любовью. Романисты натуралистической школы сводятъ любовь изображаемыхъ ими крестьянъ къ животному инстинкту. Фабръ, наоборотъ, рисуетъ свѣжую и чистую любовь простыхъ душъ, которая, благодаря уединенію и отсутствію разнообразія, получаетъ преобладающее значеніе въ жизни.

Слава Фердинанда Фабра не соотвѣтствуетъ его значенію. Это объясняется отчасти его скромнымъ, замкнутымъ образомъ жизни, отчасти специальнымъ, мѣстнымъ характеромъ его сюжетовъ. Тѣмъ не менѣе, хотя онъ и ограничивается небольшимъ угломъ Севенъ и изображаетъ почти всегда духовенство и крестьянъ, но въ его сочиненіяхъ больше жизненной правды, чѣмъ у многихъ свѣтскихъ романистовъ, которые изощряются надъ психологическими случаями. Кромѣ того, обстановка и выводимыя имъ лица достаточно разнообразны, чтобы выказать всѣ достоинства таланта автора, соединяющаго въ себѣ нѣжность и силу, наивность и глубину, здравый смыслъ и поэзію. Безъ сомнѣнія, Фердинандъ Фабръ займетъ современемъ подобающее ему мѣсто между современными романистами, ибо, если нѣкоторые изъ нихъ и превосходятъ его, какъ художники, то онъ никому не уступитъ по оригинальности, силѣ и естественности.

Гюи де-Мопассанъ и Фердинандъ Фабръ, натуралисты по инстинкту, не принадлежатъ къ натуралистической школѣ. Нужно отличать отъ натурализма школы тотъ естественный натурализмъ, который безъ всякой системы, безо всякаго заранѣе обдуманнаго плана, изображаетъ то, что видитъ.

Такой натурализмъ не поддается реакціи, но другой родъ натурализма, натурализмъ сектантскій, который самъ не что иное какъ систематизированная реакція и который, подъ предлогомъ точнаго изображенія, искажаетъ природу и жизнь, изгоняя изъ нея всякій элементъ красоты, добра, величія, — такой натурализмъ долженъ былъ неминуемо погибнуть. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ новыя поколѣнія, враждебныя ему, стали искать новыхъ путей. Натурализмъ, какъ любилъ выражаться, обанкротился. Его главный теоретикъ и знаменитый представитель самъ повернулся къ тому символическому идеализму, которымъ проникнуты послѣдніе томы Ругонъ Макаровъ. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, — пишетъ Зола въ 1888 году, — что съ новой философіей расцвѣтетъ и новая литература, а натурализмъ останется за флагомъ» *). А три-четыре года спустя онъ пишетъ: «Будущее принадлежитъ тому, кто, уловивъ душу современнаго общества и отказавшись отъ слишкомъ строгихъ теорій, придетъ къ болѣе мягкому пониманію жизни... Я вѣрю въ изображеніе правды, болѣе широкое, болѣе сложное и, если у меня будетъ время, я сдѣлаю то, что они (молодые) хотятъ» **).

На сценѣ натурализмъ, въ силу предрассудковъ, держался прочнѣе, а во всѣхъ остальныхъ сферахъ молодые писатели открыто выражали свое враждебное отношеніе къ нему. За нихъ къ тому же была и критика во главѣ съ Фердинандомъ Брюнетьеромъ, Жюлемъ Леметромъ, Анатолемъ Франсомъ. Брюнетьеръ съ самаго начала ведетъ кампанію противъ Эмиля Зола, которому онъ даже отказываетъ въ названіи романиста. Леметръ признаетъ гениальность автора Ругонъ Макаровъ, но его похвалы относятся, главнымъ образомъ, къ мощи, съ которой Зола искажаетъ природу. Что касается до Анатоля Франса, то онъ высказываетъ инстинктивное отвращеніе къ натурализму. По его мнѣнію, натуралистическое искусство не болѣе истинно, чѣмъ искусство идеалистическое. Но если картины, рисуемыя ими, одинаково фальшивы, то онъ предпочитаетъ тѣ изъ нихъ, которыя пріятны для глазъ. Искусству, которое дѣлаетъ намъ жизнь ненавистной, онъ предпочитаетъ искусство, которое заставляетъ насъ любить ее.

Прежде всего реакція отразилась въ поэзіи. Въ этой области создалась школа, которая, возставая противъ Парнасса, въ то же время совершенно отрицаетъ натурализмъ. Новая школа не описываетъ внѣшнихъ вещей, а вызываетъ скрытую въ нихъ душу. Она не анализируетъ, а символизировать.

Но знаменательнѣе всего сказывается реакція въ романѣ, задача котораго состоитъ въ воспроизведеніи окружающей дѣйствительности. Въ этой области натурализмъ когда-то одержалъ побѣду и въ ней же особенно сказалось его паденіе.

Многіе изъ молодыхъ писателей, которые прежде по своимъ произве-

*) *Figaro*, 22 марта 1888 года.

**) „Enquête sur l'évolution littéraire“ par J. Huret, p. 173.

деніямъ считались натуралистами, теперь отдѣляются отъ Зола, или даже возстаютъ противъ него. Таковы Гюисманъ, Родъ, Рони, Поль Маргеритъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Анатоль Франсъ, Лоти, Бурже, державшіеся прежде въ сторонѣ, занимаютъ теперь въ литературѣ все болѣе и болѣе выдающееся положеніе.

Нѣкоторые, наконецъ, позднѣйшіе, начали писать въ то время, когда школъ уже грозило распаденіе; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что въ ихъ произведеніяхъ высказываются взгляды, противные натурализму.

Гюисманъ, начавшій съ *Sac au dos*, *Soeurs Vatarde*, *Marthe*, *En ménage*, *A van-l'eau*, романовъ насколько лишь возможно натуралистическихъ, въ которыхъ онъ изобразилъ все, что въ жизни есть самаго низкаго и отталкивающаго, переходитъ потомъ къ декадентству въ *A Rebours*, а затѣмъ къ мистицизму въ *En route*. Правда, что и въ его первыхъ романахъ проскальзываетъ отрицательное отношеніе къ пошлости жизни; но натурализмъ былъ еще въ такой силѣ, что увлекалъ даже писателей, которые по темпераменту и складу ума были менѣе всего натуралистами; а какъ только натуралистическое направленіе стало ослабѣвать, они пошли своей дорогой, сообразно своимъ склонностямъ. Въ частности Гюисманъ дѣлается подъ именемъ Des Esseintes крайнимъ въ декадентствѣ, а подъ именемъ Durtal—оккультистомъ *).

Въ 1879 году Эдуардъ Родъ напечаталъ брошюру *A propos de l'Asso-moir*, въ которой онъ восхищался Эмилемъ Зола. Пять или шесть слабыхъ романовъ, появившихся потомъ, написаны въ духѣ натурализма; но затѣмъ авторъ *Palmyre Veulard* отдѣляется отъ школы, которая его отталкиваетъ и своей эстетикой, и своей философійей. Онъ самъ рассказываетъ **), какія вліянія способствовали его эволюціи. Эти вліянія, впрочемъ, только пробудили его собственные инстинкты и стремленія. Онъ рѣзко порвалъ съ натурализмомъ и вступилъ на другую дорогу, противопоставляя изученію темпераментовъ изученію души и методу психологическому—методъ интуитивизма.

Нѣсколько позднѣе, въ 1887 году, пять молодыхъ писателей, принадлежавшихъ до тѣхъ поръ къ натуралистической школѣ, выпустили нѣчто вродѣ воззванія, въ которомъ отказывались отъ Эмиля Зола. Двое изъ этихъ пяти, Рони и Поль Маргеритъ, стали во главѣ своего поколѣнія.

Первый романъ Рони *Nell Horn*—совершенно натуралистическій. Онъ отличается старательной выпиской мельчайшихъ подробностей и многими грубыми и циничными сценами; а между тѣмъ Рони упрекалъ автора *Terre* въ грубости и цинизмѣ, и редактировалъ протестъ пяти. Два или три года спустя, нападая въ *Termite* уже не на безправственность натуралистовъ, а на ихъ жалкую эстетику, онъ намъ даетъ, какъ «книгу—типъ» школы, романъ, въ которомъ его герой Noël Servaise выписываетъ съ не-

*) Sur M. Huysmans, п. 67.

**) Préface des *Trois coeurs*.

обычайнымъ стараніемъ самыя незначительныя «замѣтки изъ дѣйствительной жизни», какъ будто искусство состоитъ въ составленіи инвентаря.

Поль Маргеритъ началъ тоже съ натуралистическаго романа *Tous quatre*. Романъ этотъ еще болѣе изобилуетъ мельчайшими подробностями, чѣмъ *Nell Horn*. Ни одинъ предметъ, хотя бы самый ничтожный, не остается неопи- саннымъ самымъ подробнымъ образомъ. Въ началѣ романа Поль Маргеритъ посвящаетъ цѣлыхъ двѣ страницы отправкѣ своего героя на омнибусъ. Кроме того, по циничности *Tous quatre* не уступаетъ ни одному натуралистиче- скому роману, и это не потому, чтобы Маргеритъ любилъ все грубое, а потому, что онъ считалъ измѣной реализму не описывать самыя рискован- ныхъ сценъ; но какъ только онъ освобождается отъ традиціи натуралисти- ческой школы, онъ пишетъ *Jours d'épreuve*. Въ этомъ романѣ не только нѣтъ ничего натуралистическаго въ схоластическомъ смыслѣ слова; но авторъ высказываетъ даже симпатію къ человѣчеству и бодрю въру въ жизнь. Съ тѣхъ поръ Поль Маргеритъ дѣлается самимъ собой. Онъ окончателно порываетъ съ прежними учителями и въ *Pascal Géfosse* устами своего героя говорить, что «натурализмъ есть форма вульгарнаго и низкаго де- кадентства».

Но нѣкоторые романисты никогда не принадлежали къ натуралистиче- ской школѣ. Анатолий Франсъ съ самаго начала заявилъ себя писателемъ, влюбленнымъ въ чистыя формы и изящные образы. Въ своихъ разсказахъ онъ отворачивается отъ банальныхъ сценъ обыденной жизни. Онъ или вы- думываетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, или беретъ ихъ то изъ старыхъ легендъ, то изъ воспоминаній своей юности. Для Анатолия Франса плоды воображенія привлекательнѣе «сухой точности документовъ». Подлинная дѣйствительность, по его мнѣнію, не стоитъ воображаемой красоты; иначе говоря, онъ считаетъ красоту болѣе истинной, чѣмъ самую истину. Въ его романахъ, персонажи которыхъ онъ беретъ изъ современной жизни, тоже нѣтъ ничего натуралистическаго: его *Le lys rouge*—произведеніе по- этическое и художественное, а въ *L'histoire contemporaine* онъ самыя гру- быя вещи облекаетъ въ изящную форму, и тонкій писатель и усердный поклонникъ Аттики и александрійцевъ сказывается даже въ описаніяхъ мясной и кухни.

На Пьера Лоти натурализмъ также не оказалъ никакого вліянія. Можно даже сказать, что нѣкоторыми своими особенностями онъ находится въ полномъ противорѣчій съ натурализмомъ,—прежде всего своею любовью къ экзотическому, а затѣмъ своею необыкновенной субъективностью. Этими чертами онъ приближается къ романтикамъ и напоминаетъ то Шатобріана, хотя онъ уже его, то Альфреда Мюссе, но съ меньшимъ краснорѣчіемъ, патетичностью и съ болѣе обостренной нервозностью. Въ то время, какъ натуралисты изображаютъ грубую дѣйствительность, Лоти уноситъ насъ въ далекія страны, не описывая ихъ какъ натуралистъ, имѣющій цѣлью опре- дѣлить краски и контуры и воспроизвести «обстановку», а находить въ нихъ отраженіе своей души. Погруженный всецѣло въ ощущенія своего

«я», онъ совершенно не способенъ къ объективности, которой требуетъ натурализмъ, и, объѣзжая свѣтъ съ одного конца до другого, онъ всегда и вездѣ прежде всего видитъ свой собственный образъ.

Поль Бурже съ первыхъ своихъ шаговъ создалъ школу, совершенно противоположную натурализму. Установивъ въ критикѣ психологическій методъ, какъ романистъ, онъ замѣнилъ «физиологическаго человѣка» натуралистовъ «психологическимъ человѣкомъ». Нисколько не интересуясь фигурами, которыя особенно любили изображать Зола и его послѣдователи, онъ беретъ своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ тагъ называемаго свѣта и возобновляетъ жанръ Октава Феллье, столь презираемаго натуралистами, — но съ меньшимъ изяществомъ и съ большей силой.

Что касается до новѣйшихъ писателей послѣдующихъ годовъ, то они вступили на литературное поприще уже во время паденія натурализма. Такъ, наприм., Марсель Прево, который въ громкомъ предисловіи къ своему второму роману *) говоритъ, что публика устала отъ неподвижной формулы, теперь уже безплодной, и что будущность принадлежитъ роману романтическому. Поль Эрвье, начавъ съ изученія исключительныхъ положеній, сдѣлался исторіографомъ свѣтской жизни. Альфредъ Капю — моралистъ и юмористъ. Морисъ Барресь, отдаляясь, насколько возможно, отъ окружающей дѣйствительности, занимается анализомъ своего хитраго, изворотливаго «я». Эдуардъ Эстонье, — внѣ всякой школы, но до нѣкоторой степени приближается къ натурализму, благодаря своей необыкновенной искренности.

С. Л.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) *Chonchette*, 1888.

Памяти Николая Васильевича Шелгунова.

Вяло тянутся въ нашей общественной жизни года за годами. Въ однозвучномъ жизни шумѣ теряются разстоянія, забывается время. И вдругъ воспоминаніе отмѣчаетъ, что времени прошло уже много. Больше десяти лѣтъ тому назадъ скончался Шелгуновъ. Какъ живой встаетъ онъ въ моемъ воображеніи...

Близкій другъ покойнаго, Н. К. Михайловскій, посвятилъ ему три прекрасныя статьи: предисловіе къ собранію сочиненій Шелгунова и двѣ по-смертныя характеристика (въ *Русской Мысли* и въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*,—онѣ перепечатаны въ *Собраніи сочиненій Н. К. Михайловскаго*).

«Судьба,—писалъ г. Михайловскій,—не баловала Шелгунова и мужественнѣе, чѣмъ онъ, нельзя было, я думаю, переносить ея иногда жесточайшіе удары». Шелгуновъ говаривалъ, что настоящіе люди совмѣщаютъ въ себѣ черты мужского и женскаго характеровъ. Такое сочетаніе истинно женской нѣжности и деликатности съ непреклоннымъ мужествомъ отмѣчаетъ г. Михайловскій въ своемъ покойномъ другѣ.

Съ годами энергія и литературное вліяніе Шелгунова все возрастали. Своими *Очерками русской жизни*, которые онъ печаталъ въ *Русской Мысли* до самой кончины, Шелгуновъ занималъ едва ли не первенствующее мѣсто въ нашей публицистикѣ. Г. Струве (*На разныя темы, Миръ Божій*, июнь) говоритъ, что «въ писаніяхъ старика Шелгунова пробиваются уже съ стихійной силой ростки новыхъ думъ и настроеній, окончательно созрѣвшихъ въ поколѣніи девяностыхъ годовъ». Я не вижу только основанія считать стихійнымъ развитіе идей, которыя популяризировалъ Шелгуновъ, и называть эти идеи лишь ростками.

Съ редакціей *Русской Мысли* (въ ней участвовали тогда В. М. Лавровъ, М. Н. Ремезовъ и пишущій эти строки) Н. В. Шелгунова познакомилъ профессоръ И. И. Иванововъ. Съ закрытіемъ *Дѣла* Шелгуновъ былъ безъ дѣла и безъ средствъ къ существованію. Мы немедленно дали ему небольшую работу, а затѣмъ пригласили вести *Очерки русской жизни* *). Ни-

* Первая статья Н. В. Шелгунова въ *Русской Мысли* была о Тюрго (1885 г., кн. VIII). *Очерки русской жизни* онъ началъ съ января 1886 года и продолжалъ до кончины.

колай Васильевичъ, повидавшись съ нами, уѣхалъ въ Смоленскъ (въ столицахъ ему нельзя было жить), и съ этихъ поръ, съ января 1885 года, у меня завязалась съ нимъ оживленная переписка, не прерывавшаяся до смерти Николая Васильевича (онъ скончался 12 апрѣля 1891 г., а 31 марта отправлено имъ ко мнѣ послѣднее письмо, наполовину продиктованное).

Я приведу выдержки изъ писемъ Шелгунова, которыя ярко характеризуютъ этого благороднаго человѣка и честнѣйшаго писателя. Испытываю при этомъ неловкость: въ письмахъ все болѣе и болѣе накоплялась нѣжность ко мнѣ и похвалы, которыя я считаю весьма преувеличенными, но которыя, конечно, были безусловно искренни. Я постараюсь возможно ограничить подобныя выдержки.

22 января 1885 года Шелгуновъ пишетъ: «Подавляетъ меня немножко провинціальная хроника, во-первыхъ, массою газетъ и механическаго труда, а во-вторыхъ, требовательнымъ заглавіемъ этого отдѣла *Очерки*. Вѣдь тутъ нужно писать не только *цѣльное*, но и *литературное*. Справляюсь ли я?» Но самая работа сразу понравилась Николаю Васильевичу, хотя онъ и опасался разногласій съ тогдашнимъ внутреннимъ обозрѣвателемъ *Русской Мысли*. Скромность не покидала Шелгунова, и онъ часто выражалъ недовольство своими *Очерками*. Смущали его и цензурныя препятствія. Въ письмѣ отъ 22 февраля 1890 г. Шелгуновъ писалъ: «Павленковъ хочетъ издавать мои сочиненія или, какъ онъ выражается, «представить въ концентрированномъ фокусѣ (мои) сочиненія». Думаю, для «концентрированнаго фокуса» дать статьи историческія, социальна-экономическія, бытовыя, критическія и воспоминанія (*Изъ прошлаго и настоящаго*). Ну, а *Очерки*? Какъ твое мнѣніе? Если дать и ихъ, то я все равно ни одного изъ нихъ не помню, да если бы и помнилъ, то сомнѣваюсь, чтобы сумѣлъ сдѣлать выборъ. Можетъ быть ты помнишь? *Очерковъ* 6—10, конечно, лучшихъ и между которыми была бы связь, такъ что получалось бы цѣльное впечатлѣніе, т.-е. опять *концентрированный фокусъ* общей идеи *Очерковъ*». 5 ноября того же года, упомянувъ о болѣзни, объ упадкѣ силъ, Шелгуновъ говоритъ: «А тутъ одолеваютъ письмами и толстовцы, и не толстовцы, и всякіе. Надо отвѣчать. Однимъ отвѣчаю письмами, другимъ въ *Очеркахъ*. Все накутерилъ августовскій очеркъ. *Совѣтъ не важный*, а вотъ поди!»

Подъ конецъ болѣзни истрадавшемуся старику иногда измѣняло перо, и одинъ разъ пришлось, съ должнымъ объясненіемъ, вернуть Шелгунову грани его *Очерка* для исправленія. Вотъ какъ отвѣтилъ на это Шелгуновъ (18 февраля 1891 года): «Ужъ и не знаю, какъ благодарить, что вы не напечатали мой очеркъ, дорогой мой Викторъ Александровичъ. Какъ прочелъ его въ корректурахъ, даже ужаснулся,—такъ онъ написанъ пусто и безпорядочно. Еще разъ благодарю, благодарю тебя, что спасъ меня отъ стыда». Конечно, очеркъ вовсе не былъ такъ плохъ, и Шелгуновъ далъ еще двѣ прекрасныя, живыя статьи. Третью онъ уже не дописалъ... Мы ещѣ постараемся напечатать.

Извѣстно, что *Очерки русской жизни* вызвали нападенія и опроверженія, въ особенности со стороны *Недѣли*. Вотъ что писалъ мнѣ Шелгуновъ 21 іюля 1888 г.: «Такъ какъ *Недѣля* меня выбрала и, вѣроятно, поведетъ атаку и впередъ (строчить, кажется, А—въ), то мнѣ хотѣлось бы знать твое мнѣніе о моихъ очеркахъ вообще (*Недѣля* говоритъ, что я изображаю только мрачныя стороны, а есть у жизни и свѣтлыя, наприм., въ Петербургѣ дѣлается хорошая вакса, въ Смоленскѣ на земскій счетъ похоронили учителя и т. д.) и въ особенности объ очеркѣ выслаемомъ, который я и поручаю твоему опытному глазу и опытному перу». 25 іюля того же года Николай Васильевичъ сообщаетъ мнѣ, что получилъ отъ Гайдебурова письмо и сообщаетъ его копію. «Въ послѣднемъ № *Недѣли* напечатана полемическая противъ васъ статья,—говоритъ Гайдебуровъ,—въ которой есть два-три выраженія, совершенно неудобныхъ въ газетѣ, связанной съ вами не только литературнымъ, но и личнымъ отношеніемъ. Поэтому я спѣшу сообщить вамъ, что статья эта напечатана въ мое отсутствіе (Гайдебуровъ пишетъ изъ Старой Руссы) и что, хоть отъ нея я не отказываюсь, но объ употребленныхъ въ ней выраженіяхъ крайне сожалѣю, да и весь тонъ ея нахожу *неподходящимъ*». Шелгуновъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Для меня очень тяжелы всякія шершавости и всякое личное царапанье. А между тѣмъ мнѣ нельзя оставить статью безъ отвѣта уже потому, что у *Русской Мысли* есть общіе читатели съ *Недѣлей*. Конечно, въ личности я вдаваться не стану. Для меня это частію *петербургскій вопросъ*, частію *иллюстрація* къ нашимъ литературнымъ нравамъ... Вѣдь если бы автору былъ дорогъ вопросъ, онъ только бы вопроса и касался. Ну, что онъ дѣлаетъ изъ меня предметъ передовой статьи? По нынѣшнимъ временамъ это неблаговидная инсинуація».

Сторону *Недѣли* принимали, между прочимъ, *Екатеринбургская Недѣля* и *Новое Обозрѣніе* (тифлисское). «Все думаютъ, — писалъ мнѣ по этому поводу Шелгуновъ 29 января 1889 г., — что я стою только за шестидесятые годы и за тогдашнюю молодежь. Господи, Господи! да неужели я не говорю ясно, что стою за идейные верхи и за преемственность идей».

По поводу *шестидесятихъ годовъ* расскажу о шубѣ Шелгунова. Онъ надѣялся зимою 1890 года пріѣхать въ Москву, но для этого ему необходимо было исправить старую шубу, о чемъ онъ и написалъ мнѣ. Въ отвѣтъ на мое письмо, Шелгуновъ пишетъ: «Твоя ядовитость насчетъ моей шубы шестидесятихъ годовъ и реставраціи ея на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ, конечно, смѣнится горькимъ сознаніемъ своей несправедливости, когда ты эту шубу увидишь. Она, какъ и люди шестидесятихъ годовъ, хорошо выдублена. Бросить ее нельзя, потому что она хочетъ еще служить и, какъ рассчитываю, будетъ меня грѣть въ морозы до самой смерти (предполагаю прожить еще двадцать лѣтъ). А посему, дорогой Викторъ Александровичъ, поручи честному мѣховому магазину или честному портному сдѣлать съ

шубой то, что обозначено на оборотѣ. Работа должна быть готова 10 января и тогда же отправлена ко мнѣ, чтобы 15 января шуба была уже у меня (иначе я замерзну и на вашъ или нашъ праздникъ *) не попаду).

Николай Васильевичъ прїѣзжалъ на нѣсколько дней въ Москву, и вотъ что писалъ онъ мнѣ потомъ, 31 января 1890 года, изъ Смоленска: «Дорогой Викторъ Александровичъ, ахъ, какъ мнѣ было хорошо въ Москвѣ! Но не слишкомъ ли было много вниманія, ласки и похвалы? Вѣдь это уже было баловство **).

А смертельный недугъ продолжалъ свою разрушительную работу. Н. К. Михайловскій вполне правъ: мужественнѣе нельзя было переносить нужду, физическія муки, нравственныя страданія. «Я до того боленъ и слабъ, — пишетъ онъ отъ 9 октября 1889 г., — что почти постоянно въ обморочномъ состояніи», и въ томъ же письмѣ заботливо говорить о предстоящемъ юбилеѣ В. П. Острогорскаго. Николай Васильевичъ лѣчился на Кавказѣ, но «прїѣхалъ домой въ такомъ видѣ, что всё испугался». 26 марта 1890 г., жалуясь на болѣзнь, Шелгуновъ пишетъ: «Такъ нельзя. Пропаду, чувствую, что пропаду». «Ай, какъ грустно писать», восклицаетъ онъ въ письмѣ изъ Петербурга 10 февраля 1891 г. И среди этихъ мукъ и этихъ стонновъ постоянная нѣжность къ другимъ, трогательная заботливость о сынѣ, бодрый откликъ на общественные вопросы, непрерывный трудъ!

Молодежь чувствовала, съ какою вѣрою любилъ ее Шелгуновъ, и часто обращалась къ нему съ запросами, на которые онъ всегда отзывался. Въ тяжелые дни Николай Васильевичъ нерѣдко обращался ко мнѣ, и это составляетъ мою гордость. «Въ трудныя минуты утомленія, — писалъ онъ 4 декабря 1890 года, — я всегда вспоминаю о двухъ людяхъ: о тебѣ и Михайловскомъ. И съ тобой, и съ нимъ всегда встрепенешься, оживешь и отдохнешь. Мнѣ, по моему складу, деревня чистый ядъ, если она въ большомъ количествѣ».

Появились въ газетахъ извѣстія о тяжелой болѣзни Шелгунова, и вотъ со всѣхъ концовъ Россіи, прямо къ нему и въ особенности черезъ редакцію *Русской Мысли* стали получаться выраженія горячаго сочувствія и глубокаго уваженія, пожеланія выздоровленія и долгой работы на общественную пользу. Незадолго до кончины Николая Васильевича я съѣздили къ нему въ Петербургъ, и онъ передалъ мнѣ полученные имъ адреса и привѣтствія. Преобладаетъ, конечно, учащаяся молодежь. Адреса были присланы студентами петербургскаго, московскаго, казанскаго университетовъ, петербургскаго и харьковскаго технологическихкихъ институтовъ, института инженеровъ путей сообщенія, горнаго института, петербургскими студентами-медиками и т. д. Въ адресѣ группы студентовъ петербургской духовной

*) Десятилѣтіе *Русской Мысли*.

***) Перваго февраля Шелгуновъ пишетъ опять: „Совсѣмъ я во власти московскихъ впечатлѣній, дорогой мой Викторъ Александровичъ“.

академіи было между прочимъ сказано: «Позвольте намъ, пользуясь случаемъ вашего настоящаго пребыванія въ Петербургъ, выразить чувство глубокаго сыновняго къ вамъ уваженія, именно сыновняго: въ вашей личности и вашей дѣятельности нѣтъ мѣста старому конфликту *отцовъ и дтей*». Адресъ кончается словами: «Пусть еще долго-долго юношеская свѣжесть и бодрость вашего духа будетъ для насъ образцомъ того, какъ нужно жить и работать, какъ можно въ старые годы быть молодымъ и энергичнымъ». Не сбылись эти благородныя пожеланія, но живъ образъ Шелгунова, этого рыцаря духа.

В. Гольцевъ.

Первый съездъ народныхъ учителей и учительницъ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“.

Н. Некрасовъ.

Какъ извѣстно, учительскіе съезды, польза которыхъ для школьнаго дѣла всегда признавалась самими учащими и лучшей частью общества и печати, съ изданіемъ циркуляра министерства народнаго просвѣщенія, въ 1885 году, прекратились повсемѣстно въ нашемъ отечествѣ на неопредѣленное время. Этимъ циркуляромъ окончательно было запрещено устройство съездовъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Съ большими ограниченіями и стѣсненіями были оставлены учительскіе курсы, цѣлью которыхъ было указано ознакомленіе учащихся съ методами преподаванія. Приходилось довольствоваться хоть этимъ,—хоть здѣсь и предоставлялось учащимъ возможность «послушать» о томъ, «чему учить» и «какъ учить». Обсуждать на курсахъ какіе-либо вопросы нельзя, и народнымъ учителямъ и учительницамъ, подчасъ самимъ отличнымъ педагогамъ, приходилось довольствоваться хоть этимъ безмолвнымъ видомъ общенія со своими товарищами на почвѣ выслушиванія лекцій о разныхъ методахъ преподаванія, про которые говорили посторонніе люди. И не могли лучшіе и передовые изъ нихъ проявить и свою инициативу въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ вопросовъ школьнаго дѣла, не могли подѣлиться съ товарищами своимъ солиднымъ опытомъ и знаніями въ интересующихъ ихъ вопросахъ ихъ просвѣтительной дѣятельности. А другіе, молодые, менѣе опытные, не имѣли возможности слушать ихъ и учиться у нихъ, и укрѣпляться въ вѣрѣ въ свое трудное дѣло.

Жизнь не могла долго мириться съ такимъ положеніемъ; голосъ учителя нуженъ, необходимъ для усовершенствованій во вѣренномъ ему дѣлѣ. И вотъ въ 1899 году, наконецъ, были изданы министромъ народнаго просвѣщенія «временныя правила о сѣздахъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ».

Можно утвердительно сказать, что эти «временныя» правила не отвѣ-

чаютъ своему назначенію. Ихъ непригодность какъ разъ доказалъ бывшій въ августѣ съездъ народныхъ учителей и учительницъ Московскаго уѣзда.

Прежде всего неудовлетворительность этихъ правилъ заключается въ слишкомъ сложной процедурѣ открытія съездовъ и ограниченіи программы только вопросами, не выходящими изъ круга дѣятельности и вѣдѣнія учащихся, какъ преподавателей, воспитателей и распорядителей каждаго въ своей школѣ. Въ программу «не должны быть включаемы вопросы и темы, относящіяся къ предметамъ вѣдѣнія училищной администраціи или другихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений и лицъ». Между тѣмъ, часто очень трудно разграничить сферу дѣятельности учителей и тѣхъ или иныхъ лицъ, вѣдающихъ то же дѣло (напримѣръ, въ вопросѣ объ уничтоженіи экзаменовъ, уменьшеніи программъ, увеличеніи курса обученія до четырехъ лѣтъ и т. п.). Стѣснительно и ограниченіе съездовъ участіемъ въ нихъ учащихся лишь одного района, подчиненнаго одному инспектору народныхъ училищъ *). Нельзя не признать слабой стороной временныхъ правилъ и негласность засѣданій съездовъ. Продолжительность съездовъ «по возможности короткое время и во всякомъ случаѣ не свыше семи дней», рекомендуемая временными правилами, совершенно непонятна; «по возможности короткое время и во всякомъ случаѣ не свыше семи дней» можетъ только повредить успѣху съезда той спѣшкой и комканьемъ вопросовъ, какія, несомнѣнно, произойдутъ при такой торопливости. Страннымъ кажется и правило о результатахъ обсужденія возникшихъ на съѣздѣ вопросовъ, состоящее въ томъ, что «голосованія мнѣніямъ не бываетъ и никакихъ постановленій съездъ не дѣлаетъ».

Таковы «временныя правила», на основаніи которыхъ въ августѣ настоящаго года, по почину московскаго земства, открылся съездъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ Московскаго уѣзда. Съездъ продолжался съ 18 по 24 (ровно семь дней съ исключеніемъ воскресенья). Собралось 224 учительницы и учителя. Изъ нихъ—приблизительно 200 учительницъ, такъ что съездъ скорѣе можно было бы назвать съездомъ учительницъ,—преимущественно молодыхъ дѣвушекъ съ среднимъ образованіемъ, изъ семинарій, гимназій и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ, прежде чѣмъ отправиться на учительство въ деревню, слушали предварительно лекціи на педагогическихъ курсахъ или нынѣ закрытыхъ коллективныхъ урокахъ Общества учительницъ и воспитательницъ. На-ряду съ ними было много уже давно подвизающихся на поприщѣ учительства въ земскихъ школахъ старшихъ, болѣе опытныхъ и вполне образованныхъ товарищей—учительницъ, выступившихъ на съѣздѣ со множествомъ докладовъ, дѣльно и интересно составленныхъ и возбуждавшихъ оживленныя пренія. Учителя—преимущественно пожилой народъ, многіе семейные; нѣкоторые изъ нихъ внесли оживленіе въ съездъ,—они участвовали на прежнихъ съездахъ.

*) Правда, для бывшаго въ августѣ настоящаго года съезда учащихся Московскаго у. было сдѣлано исключеніе, въ видѣ допущенія учительницъ и учителей еще двухъ, ходатайствовавшихъ о томъ, уѣздовъ, Серпуховскаго и Подольскаго.

Что касается отношенія участницъ и участниковъ, учительницъ и учителей, къ дѣлу съѣзда, то оно не оставляло желать ничего большаго. Это было полное увлеченіе дѣломъ школы, дѣломъ просвѣщенія народа, свидѣтельствовавшее о горячей и твердой любви къ просвѣтительной работѣ учителя. Докладчицы и докладчики показали себя людьми, находящимися «въ курсѣ» задачъ народнаго образованія, солидно подготовленными теоретически по возбужденнымъ ими на съѣздѣ вопросамъ и практически проверившими свои положенія и выводы. И нужно отнестись съ глубокимъ вниманіемъ къ голосу съѣзда, какъ бы къ голосу самихъ учащихся. Давая въ своей заключительной рѣчи характеристику съѣзда, председатель его, директоръ народныхъ училищъ г. Новицкій, «отмѣтилъ, что всѣ доклады и обмѣны мыслей на съѣздѣ свидѣтельствовали о серьезномъ отношеніи къ дѣлу со стороны преподавателей и преподавательницъ, объ ихъ полномъ знакомствѣ съ дѣломъ и горячей къ нему любви. Съѣздъ доказалъ, — говорилъ председатель, — необходимость нѣкоторыхъ исправленій, хотя далеко не всѣ они въ нашихъ силахъ. Съѣздъ не имѣлъ права дѣлать постановленій и рѣшеній; онъ лишь выражалъ пожеланія по разнымъ сторонамъ учебнаго дѣла. По всѣмъ этимъ вопросамъ остается ожидать дальнейшихъ распоряженій начальства» (*Русск. Вѣд.*).

Такимъ образомъ, относительное разнообразіе и полнота обсуждавшихся на съѣздѣ вопросовъ, опредѣленность выводовъ докладовъ и ихъ теоретическая и практическая обоснованность вполне свидѣлствуютъ о томъ, что современный народный учитель не ремесленникъ въ своемъ дѣлѣ, но такой же вполне подготовленный общественный дѣятель, какъ и представители другихъ профессій, врачи, агрономы, адвокаты и т. п.; и не нуждается онъ въ той опеке и попечительствѣ, которыми онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; съѣздъ показалъ, что нужно учителю «довѣріе», больше самостоятельности и не за что его подозрѣвать и такъ недовѣрчиво слѣдить за нимъ.

Ограничимся рассмотрѣніемъ только самаго главнаго изъ того, что обсуждалось на московскомъ съѣздѣ.

Здѣсь были затронуты почти всѣ существенные вопросы, настоятельно требующіе въ настоящее время своего разрѣшенія въ жизни начальной народной школы. Обсуждались и учебныя, и воспитательныя стороны школьной жизни. Касались и внѣшкольнаго образованія народа (въ деревнѣ), и связи учителя съ населеніемъ. Былъ возбужденъ вопросъ и о мѣрахъ къ большому матеріальному обезпеченію школы, путемъ учрежденія школьныхъ коллегіальныхъ попечительствъ изъ представителей мѣстнаго населенія и лицъ педагогическаго персонала. Не забыли поговорить и о санитарно-гигіеническихъ условіяхъ школьной жизни. Кромѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, касающихся собственно школы и учащихся, подробно были разработаны вопросы и о правахъ и обязанностяхъ учащихся, о нѣкоторыхъ отношеніяхъ учащихся къ ревизующимъ школы и отчасти о взаимоотношеніяхъ учащихся въ одной школѣ между собой. Кромѣ того,

особая «комmissiя» изъ 12-ти лицъ, участвовавшихъ въ създѣ, выработала проектъ желательныхъ измѣненій примѣняемой въ настоящее время въ школъ примѣрной программы министерства народнаго просвѣщенiя.

Что касается учебной части, то наиболѣе существенное, что было высказано, можно свести къ слѣдующему.

По вопросу о «грамматикѣ и правописанiи» народные учителя и учительницы также, какъ и преподаватели среднихъ учебныхъ заведенiй и вообще педагогическiй мiръ, пришли къ отрицательнымъ выводамъ по отношенiю къ преподаванiю этихъ предметовъ въ народной школъ. На създѣ обсуждался вопросъ (пунктъ 6-й программы създа) объ «отвлеченности грамматическихъ занятiй и трудности усвоенiя этихъ знанiй и навыковъ правописанiя», о «минимальной программѣ грамматическихъ знанiй, необходимыхъ для правильного изложенiя мыслей»; были представлены три доклада—учительницы Черногубовой и учителей Милюдова и Игнатъева, и «всѣ докладчики пришли къ тому выводу, что великимъ зломъ нашей народной школы является грамматика» и предлагали «не считать въ ученическихъ работахъ ошибокъ на буквы *ъ, з, е, ѣ* (яжица), а учительница Черногубова даже настаивала на полномъ удаленiи изъ русскаго алфавита буквы «ѣ» (*Русскiя Вѣдомости*). Большинство участниковъ създа признало цѣлесообразнымъ перенести ознакомленiе съ грамматическими терминами въ послѣднее отдѣленiе начальной школы. Относительно сокращенiя курса грамматик и упрощенiя орфографiи създъ высказался въ положительномъ смыслѣ, т.-е. призналъ желательными эти сокращенiя постольку, поскольку это допускаетъ официальная программа требованiемъ «письма безъ искаженiя словъ». «По вопросу о диктантѣ, большинство членовъ отдало предпочтенiе зрительному (т.-е. списыванью) и предупредительному диктанту передъ повѣрочнымъ» (*Русскiя Вѣдомости*).

Особое мѣсто въ занятiяхъ създа было отведено «обзору» программъ, изданныхъ министромъ народнаго просвѣщенiя въ 1897 году. Докладчикъ по этому вопросу (учитель Шухвастовъ) указывалъ на то, что «требованiя программы слишкомъ велики». И это—голосъ вообще всѣхъ учителей и учительницъ, бывшихъ на създѣ. Въ виду того, что «обзоръ» признавалъ необходимость болѣе детальнаго и болѣе определеннаго требованiй по каждому предмету и въ каждомъ отдѣленiи начальной школы—эта работа была поручена работавшей при създѣ «комmissiи». Къ концу създа «комmissiя», прислушивавшаяся все время къ голосу общихъ собранiй създа, выработала проектъ желательныхъ измѣненiй программы министерства народнаго просвѣщенiя. Участникамъ създа были розданы гектографированные экземпляры программы, видоизмѣненной «комmissiей». Създъ сочувственно отнесся къ работѣ «комmissiи», и остается только ждать одобренiя новой программы для примѣненiя въ начальной школъ—свыше.

Въ дополненiе къ программѣ «комmissiя» выработала слѣдующiя «дидактическiя указанiя учащимъ», которыя създъ одобрилъ.

I. По церковно-славянскому чтенію все начальное обученіе необходимо перенести изъ 1-го отдѣленія во 2-е. II) По русскому языку: при употребленіи *и*, *і* въ словахъ *міръ* и производныхъ оставить одно начертаніе съ буквою *и* (восьмиричное). Заучиваніе наизусть ограничить только стихотвореніями и баснями. Въ родительномъ падежѣ единственнаго числа мужского и средняго рода имепъ прилагательныхъ окончанія *аю* и *ою* считать безразличными; во множественномъ числѣ прилагательныхъ оставить одно окончаніе *ые*, *іе* для всѣхъ родовъ. Отвѣтственный диктантъ долженъ быть только въ учебное время; на экзаменахъ же его отмѣнить и замѣнить на выпускныхъ экзаменахъ письменнымъ изложеніемъ. Грамматическаго разбора не предлагать. III) По арифметикѣ: Задачи на экзаменахъ по трудности должны подходить къ среднимъ способностямъ ученика и условія задачъ не должны требовать особой догадливости: «проще говоря, онѣ не должны быть такъ называемыми «фокусными, задачами-загадками». IV) По чистописанію. Не нужно торопиться переходить отъ крупнаго къ мелкому письму и въ 3-мъ отдѣленіи не увлекаться такъ называемымъ «бисернымъ» письмомъ. Учащимъ самимъ представляется выборъ прямого или косого письма. V) По тѣнію. Наравнѣ съ простѣйшими молитвами, желательно ознакомленіе дѣтей съ хорошими народными пѣснями въ противовѣсъ распространяющимся «бездарнымъ» фабричнымъ пѣснямъ (*Курьеръ*).

Нельзя не отнестись сочувственно ко всѣмъ этимъ измѣненіямъ, намѣченнымъ въ существующей программѣ начальной школы. Слишкомъ много мы слышимъ со всѣхъ сторонъ, что программа велика, она отнимаетъ очень много времени для того, чтобы пройти ее всю; учащій торопится выполнить всѣ требованія программы къ экзамену, онъ нервничаетъ въ теченіе года, и работа его терлетъ въ своей продуктивности. И ужъ куда тутъ думать объ общемъ развитіи учениковъ—неогда ни почитать что-либо развивающее, ни поговорить о чемъ-нибудь по исторіи, географіи, естествознанію; нужно спѣшить заучить грамматическія правила, внѣдрить въ сознаніе мысль о различіи неразличимыхъ по звуку буквъ *ъ* и *е*, заучить всѣ премудрые корни словъ съ буквою *ъ*... И вотъ на сѣздѣ раздается непрерывно голосъ всѣхъ учительницъ и учителей о несообразности съ 3-лѣтнимъ курсомъ обученія современной министерской программы, о необходимости многое выбросить изъ нея и измѣнить, а если требуется отъ учениковъ общее развитіе, сообщеніе имъ свѣдѣній по географіи, естествознанію, исторіи и отечествовѣдѣнію (противъ чего безъ сомнѣнія никто не выскажется), то настоятельно необходимо увеличить курсъ обученія въ начальной школѣ еще на одинъ годъ, т.е. сдѣлать его *четырёхлѣтнимъ обязательнымъ*. Только тогда учитель будетъ спокойно и плодотворно работать, а ученики, окончивъ школу, унесутъ изъ нея знаніе и развитіе, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, но достаточное для того, чтобы запавшій въ нихъ свѣтъ и жажда къ знанію не заглохли въ житейской обстановкѣ, а вѣчно тянули къ дальнѣйшей

духовной пищѣ, къ книгѣ и просвѣщенію; только при этомъ условіи возможно и воспитательное воздѣйствіе школы. Тогда и связь со школой не такъ скоро будетъ порвана, какъ это наблюдается теперъ среди окончившихъ школу.

Можно сказать, главное вниманіе и работы съѣзда были посвящены именно этому вопросу о сокращеніи требованій министерской программы по грамматикѣ, правописанію и отчасти ариѳметикѣ и параллельно съ этимъ о введеніи 4-лѣтняго образовательнаго курса обученія съ цѣлью сообщенія свѣдѣній по естествознанію, географіи, исторіи и отечествовѣднію. Изъ опыта введенія въ двухъ школахъ московскаго уѣзда (въ сс. Красковѣ и Вѣхсвятскомѣ) 4-лѣтняго курса, пока при 3-хъ обязательныхъ и 4-мъ необязательномъ отдѣленіяхъ, можно сдѣлать, по словамъ учительницъ этихъ школъ, тотъ выводъ, что польза 4-го года огромная, въ смыслѣ «закрѣпленія знаній, полученныхъ ранѣе, приобрѣтенія вновь цѣлага ряда полезныхъ свѣдѣній и пробужденія интереса къ книгѣ (стали чаще обращаться въ бібліотеку)». Кромѣ того, многіе изъ окончившихъ 4-е отдѣленіе, по словамъ учительницы красковскаго училища Черногубовой, пошли учиться дальше, преимущественно въ профессиональныя школы, наприм., въ училище Лепешкиной, въ школу садоводства и др. Учительницы признавали, что 4-й годъ, пока необязательный, необходимо сдѣлать обязательнымъ: отъ этого выиграетъ аккуратность посѣщенія школы.

Завлюченія наиболѣе обстоятельнаго доклада, по данному вопросу, учительницы Черногубовой сводились къ слѣдующему:

«Программа министерства народнаго просвѣщенія велика для 3-го-дичнаго курса обученія въ школѣ при двухъ, а иногда и одномъ учащемъ, причѣмъ дополнительныя свѣдѣнія (по русской исторіи, географіи и пр.) проходятся слишкомъ поспѣшно; 4-е дополнительное отдѣленіе полезно для учениковъ народной школы, но болѣе желательно введеніе *обязательнаго* 4-го-дичнаго курса обученія при сохраненіи существующей программы, *но съ сокращеніемъ нѣкоторыхъ правилъ по грамматикѣ и правописанію*; настоятельно необходимо устройство *сверхъ того особыхъ, преимущественно профессиональныхъ*, училищъ съ интернатами и болѣе подробной программой общеобразовательныхъ предметовъ, чѣмъ въ начальной школѣ. Въ виду потребности населенія въ продолженіи образованія необходимо ходатайствовать передъ земствомъ объ устройствѣ этого рода школъ» (*Русскія Вѣдомости*, № 232).

Только при условіи сокращенія министерской программы въ указанныхъ выше размѣрахъ и, параллельно съ этимъ, введенія 4-го-дичнаго курса обученія учащіе рассчитываютъ и на возможность воспитательнаго вліянія школы, такъ какъ у учителя только тогда будетъ время для сооувѣтствующаго воздѣйствія на учениковъ и въ этомъ смыслѣ.

Въ числу практическихъ способовъ поддержанія школьной дисциплины и воспитанія товарищескаго духа были отнесены тагъ называемыя «школьныя товарищества» и «товарищескія кассы». Относительно этихъ учре-

ждений были представлены двумя учительницами, устроившими их при своих школахъ, два доклада. Цѣль учрежденія «школьныхъ товариществъ» — рѣшеніе вопросовъ дисциплинарнаго характера самими учащимися. «Товарищество», подъ руководствомъ учителя, само судить провинившагося. «Товарищескія кассы» — кассы взаимопомощи между самими учащимися (платьемъ, обувью, деньгами и др.). Нѣкоторыми участниками съѣзда выражалось сомнѣніе въ пользѣ этихъ учрежденій, другіе указывали на прямой вредъ, который они могутъ принести (развитіе духа сутяжничества, наущничества учителю на провинившихся товарищѣй—въ «товариществахъ»); неблаговидные способы добыванія средствъ для пожертвованій изъ соревнованія и т. п.—при «кассахъ»); но въ общемъ съѣздъ высказался за желательность детальной разработки этихъ вопросовъ и практическаго осуществленія лежащей въ основѣ ихъ идеи—солидарности.

По вопросу о нравственной связи учителя съ населеніемъ было сказано, что желательно большее, чѣмъ въ настоящее время, участіе учителя въ жизни мѣстнаго населенія, участіе, которое выражалось бы въ подачѣ различныхъ совѣтовъ по разнымъ вопросамъ, сельскому хозяйству и др. Кроме того, признано желательнымъ активное участіе учителя въ рѣшеніи населеніемъ различныхъ общественныхъ вопросовъ. Съ этой цѣлью необходимо предоставить учителю право голоса на сельскомъ сходѣ при рѣшеніи различныхъ дѣлъ.

Что касается внѣшкольнаго образованія народа, то хотя въ программѣ съѣзда было упомянуто о вечернихъ классахъ для взрослыхъ и о воскресныхъ классахъ, но докладовъ по этимъ вопросамъ представлено не было. Вотъ почему эти существенные вопросы прошли на съѣздѣ незамѣтно и не были детально разработаны. Въ общемъ изъ преній выяснилось, что принципиально съѣздъ относится сочувственно къ этимъ учрежденіямъ; но потребности въ нихъ пока въ уѣздѣ не ощущается, такъ какъ ихъ отчасти будто бы замѣняютъ народныя чтенія. Между тѣмъ намъ кажется, что организаторы съѣзда сдѣлали большую ошибку, не позаботившись о томъ, чтобы на съѣздѣ были представлены детально разработанные доклады по этимъ вопросамъ. Во время преній указывалось на то, что учителю не под силу брать еще на себя занятія со взрослыми въ вечернихъ или воскресныхъ классахъ. Съ этимъ нельзя отчасти не согласиться, хотя могутъ найтись желающіе преподавать и изъ учащихся въ начальной школѣ, что намъ пришлось слышать и отъ нихъ самихъ послѣ обсужденія этихъ вопросовъ на съѣздѣ. Но есть еще и другое рѣшеніе вопроса: вѣдь въ сотрудничествѣ съ учащими въ начальныхъ школахъ могли бы принять на себя, съ особаго разрѣшенія, трудъ обученія взрослыхъ и лица постороннія изъ мѣстной интеллигенціи и даже изъ города (что особенно возможно въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ городамъ, особенно къ Москвѣ). Организаторамъ съѣзда можно было бы указать на много примѣровъ учрежденія вечернихъ и воскресныхъ классовъ въ деревнѣ (въ Курской губ., наприм., въ 1897—98 учебномъ году вечерне-повторительныя занятія происходили

въ 80 школахъ, на что уѣздныя земства затрачивали до 5 тыс. р. *). Много поучительнаго можно найти въ извѣстномъ изслѣдованіи г. Вахтерова: «Воскресныя школы и повторительные классы». Указавъ на устранимость условій, якобы препятствующихъ устройству воскресныхъ школъ и повторительныхъ классовъ въ деревнѣ,—отсутствія помѣщеній, средствъ и недостатка въ учителяхъ-добровольцахъ, г. Вахтеровъ заключаетъ: «почти всё затрудненія легко одолеваются, если въ обществѣ широко будетъ распространена мысль о необходимости воскресныхъ школъ для народа, объ огромномъ значеніи, какое онѣ имѣютъ». Устроителямъ съезда не мѣшало бы воспользоваться опытомъ устройства воскресныхъ школъ и вечерне-повторительныхъ классовъ и ознакомиться съ положительными и отрицательными сторонами этого дѣла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были произведены эти попытки. Если мы и увидимъ, что онѣ не всегда были успѣшны, то это еще не доказываетъ, что въ нихъ «нѣтъ потребности». Какъ разъ изъ опыта видно, что тутъ все дѣло именно въ организаціи, въ привлеченіи къ этому дѣлу въ помощь учащимъ въ начальныхъ школахъ, у которыхъ, понятно, и своего труда слишкомъ много,—постороннихъ лицъ, интересующихся этимъ благимъ дѣломъ и желающихъ посвятить ему часть своего досуга. Намъ думается, нельзя такъ сказать, что «народныя чтенія замѣняютъ вечерніе и воскресные классы обученія взрослыхъ». Они должны не замѣнять, а только дополнять классы,—отъ этого выиграли бы безусловно и самыя чтенія. И намъ хотѣлось бы вѣрить, что слѣдующій съездъ отнесется къ этому вопросу болѣе внимательно и серьезно.

Что касается воскресныхъ народныхъ чтеній, которыя практикуются въ уѣздѣ, то было высказано пожеланіе, чтобы на эти чтенія были допущены произведенія, одобренныя общей цензурой, и, кромя того, чтобы чтенія могли вести и лица, не принадлежащія къ составу мѣстныхъ учащихся. Предсѣдатель съезда, директоръ народныхъ училищъ В. С. Новицкій, по этому поводу далъ разъясненіе, что теперь, съ изданіемъ новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ, вопросъ упрощается, такъ какъ то и другое—допущеніе одобренныхъ общей цензурой произведеній и, въ качествѣ чтецовъ, лицъ постороннихъ—вполнѣ зависитъ отъ директора народныхъ училищъ.

Наконецъ, съездъ высказался за желательность устройства коллегіальныхъ школьныхъ попечительствъ изъ представителей мѣстнаго населенія и лицъ педагогическаго персонала, «какъ одного изъ надежныхъ средствъ привлеченія въ школу дѣтей мѣстнаго населенія, еще ея не посѣщающихъ».

Но вопросу о санитарно-гигіеническихъ условіяхъ школьной жизни высказывалось пожеланіе о томъ, «чтобы въ жизни школы принималъ дѣятельное участіе врачъ специалистъ по школьной гигиенѣ», и поэтому предлагалось пригласить по нѣскольку такихъ врачей на уѣздъ, предоставивъ имъ

*) См. *Вѣстникъ Воспитанія*, 1898 г., № 7. *Е. Заглицевъ*: «Вечерне-повторительные классы въ земскихъ школахъ Курской губ.»

право голоса въ училищномъ совѣтѣ наравнѣ съ его членами. Что касается «поголовныхъ медицинскихъ осмотровъ», то изъ преній по этому пункту программы съѣзда выяснилось, что цѣль поголовнаго медицинскаго осмотра—предупредительная, санитарная. Поэтому съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы осмотры производились участковыми земскими врачами съ самаго начала года и по возможности чаще.

Все изложенное выше относится къ жизни самой школы, ея учебно-воспитательнаго назначенія и вліянія ея, въ этомъ смыслѣ, на учащихся. Кромѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, представляющихъ обильный матеріалъ, на съѣздѣ горячо и много говорилось и «о правахъ и обязанностяхъ учащихся по существующимъ законоположеніямъ». Въ общемъ констатировалось безправное положеніе учащихся, указывалось на избытокъ начальствующихъ лицъ, на неопредѣленность и обширность программы занятій, на институтъ ревизоровъ, чуждыхъ школѣ, на то «недовѣріе» къ учителю, которое тяготѣетъ надъ нимъ до настоящаго времени. Учителя и учительницы указывали на необходимость улучшенія ихъ положенія въ юридическомъ отношеніи, ихъ матеріальныхъ средствъ, и высказали много пожеланій о предоставленіи имъ возможности дальнѣйшаго самообразованія путемъ устройства библиотекъ, курсовъ, съѣздовъ. По этимъ вопросамъ было представлено нѣсколько докладовъ. Наиболѣе обстоятельный докладъ, вызвавшій шумные знаки одобренія всего съѣзда, представила учительница Соколова. «Она указала на существующее безправное положеніе учащаго, назначеніе и перемѣщенія котораго слишкомъ подвержены всякимъ случайностямъ въ зависимости отъ взглядовъ нѣкоторыхъ членовъ училищнаго совѣта, инспекціи, ревизоровъ и т. п. Въ виду этого докладчица признавала необходимымъ, чтобы учащимъ было предоставлено право самимъ, при помощи учрежденія особой комиссіи, намѣчать кандидатовъ на учительскія должности и производить перемѣщенія, вызываемыя недоразумѣніями между самими учащими и по другимъ поводамъ. Кромѣ того, она предложила ходатайствовать: о предоставленіи учащимъ самимъ назначать день экзамена и производить самостоятельно экзаменъ; о предоставленіи учащимъ права бесплатнаго обученія своихъ дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ безъ ограниченія (какъ это дѣлаетъ циркуляръ мин. народ. просвѣщенія) 10-тилѣтнимъ срокомъ службы; объ устройствѣ товарищескихъ судовъ и собраній; объ уравниеніи матеріальнаго положенія «вторыхъ» учащихся; помимо эмеритальной кассы, которая уже существуетъ для поддержки учителя на случай безпомощности, старости,—объ устройствѣ домовъ призрѣнія, а въ виду распространенности среди учащихся грудныхъ и горловыхъ болѣзней (чахотка)—санаторій; объ устройствѣ курсовъ самообразованія; объ устройствѣ земствомъ, по возможности при каждой школѣ, учительскихъ библиотекъ изъ книгъ популярныхъ и педагогическаго и гигиеническаго содержанія и выпискѣ хотя бы одного педагогическаго журнала. Кромѣ всего этого, желательно, чтобы земство въ вакаціонное время давало возможность и средства на различ-

ныя командировки и поѣздки, даже за границу, съ образовательными цѣлями». (*Курьеръ*, 23 авг.).

Въ заключеніе указывалось на необходимость устройства съѣздовъ черезъ каждые 2—3 года.

Такимъ образомъ, вся программа, намѣченная съѣздомъ, была обсуждена на немъ, насколько это было въ силахъ въ теченіе 7 дней, какъ ограничиваютъ «временныя правила». Нельзя не пожалѣть о такой непродолжительности съѣзда. Безъ сомнѣнія, при большемъ запасѣ времени и вообще при болѣе благоприятныхъ правилахъ устройства съѣзда, съѣздъ затронулъ бы еще многіе вопросы, теперь оставшіеся совершенно не затронутыми, и отнесся бы внимательнѣе къ нѣкоторымъ пунктамъ, слишкомъ бѣгло разработаннымъ. Можно относительно сказать, что съѣздъ удался и справился со своей задачей; въ виду стѣснительности «временныхъ правилъ» только случайно, благодаря личнымъ качествамъ предсѣдателя, директора народныхъ училищъ г. Новицкаго, въ преніяхъ горячее участіе принимали, помимо «начальства», инспекціи и членовъ училищнаго совѣта, сами учителя и учительницы: обѣ стороны высказывались свободно и непринужденно и много выяснили другъ другу по поводу насущныхъ нуждъ учащихся и учащихся; молодыя участницы съѣзда, учительницы, все время внимательно прислушивавшіяся ко всему, что говорилось и о чемъ спорили болѣе опытные ихъ товарищи, получили много матеріала для уясненія смутно представлявшихся имъ дотогѣ вопросовъ школьной жизни; онѣ запаслись и свѣжими, бодрящими впечатлѣніями и шире и увѣреннѣе стали смотрѣть на то живое общественное дѣло, дѣло просвѣщенія народа, которому онѣ отдали свои молодыя силы, способности и душу. Съѣздъ для этихъ еще складывающихся живыхъ силъ имѣлъ нѣкоторое воспитательное значеніе. Это видно было по ихъ оживленнымъ лицамъ, разговорамъ, по тому, какъ онѣ, уже безъ всякихъ колебаній и проволочекъ, сейчасъ же, послѣ съѣзда спѣшили разѣхаться по своимъ школамъ, въ медвѣжьи углы, на работу, приемъ ребятъ и занятія. И на вопросы: «что далъ вамъ съѣздъ?»—нѣкоторыя изъ нимъ отвѣчали: «такъ много, такъ много, что и разобраться еще вполне не могу. Пріѣду къ себѣ, въ школу, тамъ подумаю, разберусь!»

Такимъ образомъ значеніе съѣзда, какъ воспитательно-образовательнаго средства для самихъ учащихся, вполне несомнѣнно.

Нужно надѣяться, что министерство народнаго просвѣщенія, убѣдившись въ томъ образцовомъ отношеніи къ дѣлу, какое проявили учителя и учительницы на данномъ съѣздѣ, признаетъ ненужность многихъ стѣснительныхъ условій «временныхъ правилъ» и озаботится выработкой постоянныхъ, болѣе отвѣчающихъ своему назначенію; причемъ желательно участіе представителей отъ земства и учащихся, при выработкѣ этихъ правилъ. Нужно думать, что московскій съѣздъ побудитъ къ устройству съѣздовъ и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, но только при изданіи министерствомъ болѣе подходящихъ, чѣмъ «временныя», правилъ. При этомъ

желательно, чтобы съезды не ограничивались только однимъ уѣздомъ, тѣмъ болѣе, что прецедентомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить участие на съѣздѣ учащихся московскаго уѣзда также и учащихся серпуховскаго и подольскаго уѣздовъ. Было бы важно устройство областныхъ и губернскихъ съездовъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Кажется, въ московскомъ губернскомъ земствѣ уже возникъ вопросъ объ устройствѣ подобнаго съѣзда.

Пожелаемъ же, чтобы идея съездовъ народныхъ учителей и учительницъ привилась на всей территоріи нашего отечества и чтобы явленіе это не оказалось исключительнымъ, а стало обыденнымъ и необходимымъ условіемъ школьной жизни.

С. Волковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько замѣчаній о попечительствахъ о бѣдныхъ.—Необходимость изслѣдованія жизни бѣдныхъ въ Москвѣ.—Постройка ночлежныхъ домовъ.—Предписаніе городамъ производить свои заказы въ Россіи.—Реформа городского самоуправления.—Предстоящая продовольственная кампанія.—Земско-статистическіе конфликты.—Изъ жизни провинціи.

. Предъ нами лежатъ отчеты попечительствъ города Москвы за 1900 г., и намъ бы хотѣлось поговорить по поводу нихъ. Много жалобъ въ этихъ отчетахъ на недостатокъ средствъ; съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и труднѣе собирать пожертвованія, взносы членовъ-жертвователей сокращаются, а число лицъ, принимающихъ участіе въ дѣлахъ попечительства, далеко не соответствуетъ той работѣ, которая необходима на этомъ богатомъ поприщѣ дѣятельности (Отчетъ Срѣтенской части за 1900 годъ, стр. 4). Въ другомъ отчетѣ (Пятницкой части за тотъ же годъ) читаемъ, что попытка обхода участка для сбора пожертвованій дала ничтожную сумму, обращенія къ фабрикантамъ остались, за исключеніемъ одного, безъ отвѣта. Въ отчетѣ попечительства Пречистенской части говорится: «дѣятельность его не получаетъ того развитія, какое было бы желательно: масса нужды остается неудовлетворенною, учрежденія попечительства настоятельно нуждаются въ расширеніи, но на все это у попечительства не хватаетъ средствъ и причина такого неудовлетворительнаго состоянія заключается въ томъ, что попечительство не встрѣчаетъ достаточной поддержки у общества». Въ попечительствѣ Пречистенской части перевѣсъ расходовъ надъ доходами въ 1900 г. уже превысилъ 2,000 р., а сборы всякаго рода съ каждымъ годомъ поступаютъ все слабѣе... (Отчетъ за 1900 г.). Итакъ, средствъ мало. По своднымъ даннымъ за послѣдній годъ, какой имѣется, 1898 г., оказывается, что членскіе взносы и пожертвованія въ общемъ доходномъ бюджетѣ попечительствъ играли очень крупную роль: именно они дали 56% всего дохода или 142 тыс. руб. (здѣсь исключены пожертвованія въ неприкосновенный капиталъ). Мелкія пожертвованія играютъ ничтожную роль: рублевья составляютъ всего 0,2% размѣра пожертвованной суммы, пожертвованія отъ одного до 3 руб.—1,5%, отъ 3 до 5 р.—1,6%, отъ 5 до 10 р.—2,9%, отъ 10 до 25 р.—6%, отъ 25 до 100 р.—

11,1%, отъ 100 до 500 р.—19,7%, отъ 300 до 1,000 р.—7,6%, отъ 1,000 и болѣе—21,3%. Такимъ образомъ, отсюда выясняется очень любопытный фактъ, что пожертвованія составляютъ преимущественно изъ крупныхъ суммъ и, слѣдовательно, бюджетъ того или иного попечительства въ сильной степени зависитъ отъ того, живетъ ли данное богатое лицо въ известномъ районѣ, или оно переѣхало въ другой. Переѣздъ такихъ лицъ, богатыхъ жертвователей, можетъ поставить то или иное попечительство въ очень затруднительное положеніе. Мелкія пожертвованія по самому своему характеру обладаютъ болѣею устойчивостью, крупныя же не создаютъ бюджету попечительства устойчивости. Между тѣмъ еще въ сводномъ отчетѣ о дѣятельности попечительства за 1897 г. составителемъ его было подмѣчено стремленіе попечительства расширять свою дѣятельность по содержанію собственныхъ благотворительныхъ учреждений: «сумма, расходуемая на вспомошествованіе бѣднымъ на дому годъ отъ году остается приблизительно одинаковою (около 100,000 р.) и весь приростъ средствъ идетъ на расширеніе дѣятельности по закрытому призрѣнію: въ 1895 г. на эту цѣль было израсходовано около 38 тыс. р., въ 1896 г.—87 т. р. и въ 1897 г.—112 тыс. р.», а въ 1898 г.—уже 131 т. руб. Расходы по призрѣнію на дому въ 1897 г. поглощали 45,7% всего бюджета попечительства, въ 1898 г.—39,3%, а расходы по призрѣнію въ заведеніяхъ въ 1897 г.—50,7%, а въ 1898 г.—56,5%. Уже отсюда видно, какое направленіе принимаетъ дѣятельность попечительства. Итакъ, что же отсюда вытекаетъ? А вотъ что: попечительства устраиваютъ богадѣльни, пріюты,—слѣдовательно, вовлекаются въ расходы болѣе или менѣе постояннаго характера; между тѣмъ значительная доля бюджета попечительства обладаетъ крайнею неустойчивостью, такъ какъ выѣздъ крупнаго жертвователя изъ района попечительства можетъ очень чувствительно отразиться на бюджетѣ; это уже ставитъ вопросъ о приданіи бюджету попечительства болѣе солидности, болѣе устойчивости, т.-е. возвращаетъ насъ къ вопросу объ установленіи налога въ пользу бѣдныхъ. Потребность въ такомъ налогѣ подтверждается теперь самымъ характеромъ, который принимаетъ развитіе попечительства. Можно сказать, что съ точки зрѣнія характера расходованія средствъ, необходимо созданіе въ пользу попечительства болѣе устойчиваго источника. Въ самомъ дѣлѣ: финансисты-теоретики не рекомендуютъ мелкимъ общинамъ подоходнаго налога въ качествѣ главнаго базиса для общиннаго бюджета, потому что такое построеніе бюджета могло бы внести большую неустойчивость въ бюджетъ: стоитъ выѣхать изъ общины одному очень богатому человѣку, и съ перемѣной имъ мѣста жительства въ бюджетѣ образуется крупная брешь. Неустойчивость же бюджетовъ попечительства осложняется еще добровольностью пожертвованій: попечительство можетъ быть поставлено въ необходимость закрыть пріютъ или богадѣльню и выгнать призрѣваемыхъ въ этихъ учрежденіяхъ лицъ только потому, что богатый жертвователь почему-либо разсердится на попечительство и откажетъ ему въ своемъ приношеніи.

Попечительства устраиваютъ приюты для дѣтей. «Въ устройствѣ приутовъ для дѣтей, — пишетъ одно попечительство, — больше чѣмъ гдѣ-либо выступаетъ наша отвѣтственность предъ будущими поколѣніями». «Если брошенный умирающій, дряхлый старикъ лишень всякой возможности причинить вредъ обществу и можетъ быть только нѣкоторою неприятною обузою для него, то брошенный на произволъ судьбы ребенокъ, ставъ испорченнымъ взрослымъ, можетъ явиться сущимъ несчастіемъ для этого общества». «И поднимется ли справедливая рука, чтобы карать такого человѣка, когда онъ, быть можетъ, самый естественный плодъ нашего безучастнаго и равнодушнаго отношенія къ нему въ важное для человѣка время дѣтства»... Въ тѣхъ же соображеніяхъ попечительства устраиваютъ бесплатныя квартиры для семейныхъ въ убѣжищѣ попечительствъ. Организуется подача юридическихъ совѣтовъ, устраиваются мастерскія для раздачи работы бѣднымъ женщинамъ, бюро присканія работы, и однимъ попечительствомъ даже возбужденъ вопросъ объ учрежденіи общаго для всѣхъ попечительствъ рекомендательнаго бюро (Мѣщанской части, 3-го участка).

Помимо недостатка въ средствахъ, попечительства страдаютъ и отъ недостатка въ сотрудникахъ, «вслѣдствіе чего, — по словамъ одного отчета, — нѣтъ возможности поставить наблюденіе за бѣдными болѣе рациональнымъ образомъ и приходится отказываться отъ многихъ благихъ начинаній: сбора пожертвованій, помощи натурою, дѣтскихъ игръ... Пособія приходится выдавать въ канцеляріи, что, конечно, сопряжено со многими затрудненіями для получающихъ его, такъ какъ приходится отрывать отъ работы и идти далеко»...

Въ виду этого недостатка въ сотрудникахъ попечительство Пречистенской части обращается ко всѣмъ, кому только не чуждо сочувствіе къ обдѣленнымъ въ жизни людямъ, ко всѣмъ, у кого есть свободная копѣйка или свободный часъ времени, съ просьбой не отказать ему въ своей поддержкѣ. «Личное участіе, — совершенно вѣрно замѣчаетъ отчетъ, — въ попечительствѣ вознаградитъ сотрудника сознаніемъ живого и полезнаго дѣла, массой новыхъ впечатлѣній и наблюденій надъ такою жизнью, съ которой онъ иначе никогда бы не столкнулся».

Люди занимаютъ гимнастикой, чтобы развить свои мускулы; такъ же нужна и практическая дѣятельность на пользу ближняго, чтобы развить въ себѣ сердце. Мы слишкомъ черствуемъ въ жизненной сутолокѣ и скоро начинаемъ страдать нравственной анеміей сердца, и чтобы избѣгнуть этого, нуженъ курортъ: такимъ этическимъ курортомъ и является въ нашихъ глазахъ хотя бы кратковременное пребываніе сотрудникомъ попечительства — это даетъ возможность воочию столкнуться съ нуждой, убѣдиться въ ея настоятельности: здѣсь нуждающійся предстаетъ передъ нами въ плоти и крови, а не въ видѣ абстрактной фигуры, не въ видѣ счетной единицы. «Я не могу равнодушно говорить объ этой дѣятельности, — справедливо пишетъ г-жа М. Сабашникова, — потому что я считаю ее одной изъ тѣхъ, которыя захватываютъ всю душу человѣка. Кто разъ позна-

комился съ тѣмъ чувствомъ удовлетворенія, которое выпадаетъ на долю сотрудника при удачѣ въ дѣлѣ, тотъ забываетъ всю трудность этого дѣла. Ему кажется, что отъ этой удачи у него и силъ стало больше, и дѣло стало легче»... (Отчетъ Пречистенской части за 1900 г.).

Сколько въ Москвѣ лицъ, которыя не знаютъ, какъ убить время, которыя просто умираютъ отъ скуки, а между тѣмъ такъ близокъ источникъ живой радости—возможность плодотворной работы!

У кого не повернется отъ жалости сердце, кто не поставитъ себѣ вопроса: такъ ли я живу?—когда воочию увидить тѣ ужасы, которые описаны, на примѣръ, въ *Восходѣ* (май): «Еврейская нищета въ Одессѣ». Эти ужасные факты вскрыты комиссiей по раздачѣ нособiй бѣднымъ евреямъ въ Одессѣ, состоящей при Одесской городской управѣ. Комиссiя привлекла къ участию по обследованiю бѣдности студентовъ университета, и нельзя не признать эту мысль крайне удачной. Знакомая съ нуждой, студенты получаютъ импульсъ къ своей университетской работѣ: предъ ними открывается обширное поле дѣятельности; въ то же время они получаютъ возможность воспитывать свое сердце. «Молодежь выполняла порученную ей работу съ какимъ-то особымъ самоотверженiемъ и горячей любовью»,— читаемъ мы въ упомянутой статьѣ. Жалко, что въ отчетахъ нашихъ московскихъ попечительствъ мы находимъ мало указанiй на составъ сотрудниковъ: привлеченiе въ ихъ число студентовъ и вообще учащихся могло бы имѣть огромное значенiе: это подняло бы нравственный обликъ растущаго поколѣнiя, это было бы школой любви... «Для многихъ изъ этой молодежи,—читаемъ мы дальше въ той же статьѣ,— послѣ перваго обхода своихъ участковъ открывался цѣлый новый мiръ ужасающей бѣдности, близки которой живутъ спокойно въ полномъ невѣдѣнiи десятки тысячъ обезпеченныхъ людей. Многихъ просто ошеломило то, что они видѣли,—они какъ-то смирились духомъ. Мы никогда не забудемъ того подавленнаго голоса и горькой улыбки на устахъ, съ которыми одинъ студентъ передавалъ намъ свои впечатлѣнiя». И несомнѣнно, эти впечатлѣнiя врѣжутся въ молодые души студентовъ сильнѣе всякихъ лекцiй, и сердце, однажды открывшись для добра, уже не закроется... А сколько добра и счастья внесутъ они тогда въ жизнь, сколькихъ холодныхъ согрѣютъ, сколькихъ голодныхъ накормятъ... Въ Лондонѣ ежегодно публикуется списокъ лицъ, умершихъ отъ голода или отъ истощенiя вслѣдствiе недостаточнаго питанiя. Сколько умираетъ и у насъ отъ этой причины, и съ этимъ наслѣдiемъ мы переходимъ въ XX вѣкъ... Что умираютъ отъ голода—это фактъ! Въ упомянутой уже статьѣ, при чтенiи которой у читателя волосы поднимаются дыбомъ, разсказывается случай, какъ контролеръ попечительства, побѣжавъ домой за хлѣбомъ, чаемъ и сахаромъ, спасъ чуть ли не отъ голодной смерти въ одномъ подвалѣ какого-то больнаго старика. «Но послѣднiяго, говорится здѣсь далѣе, не столько оживила принесенная пища, сколько то, что нашелся человекъ, который принялъ въ немъ участiе, прислалъ врача, утѣшилъ»... По даннымъ, собраннымъ комиссiей, оказывается, что

дѣвушки работаютъ за 3—5 руб. въ мѣсяцъ. Можете ли вы повѣрить, что есть люди, которые живутъ работой, за шитье пары кальсонъ получая 2 коп., а рубашки—4 к.! Въ одной семьѣ три дочери работали на такихъ условіяхъ. «Въ одномъ глухомъ подвалѣ двѣ сестры шили дамскія кофточкі для галантерейныхъ магазиновъ, расположенныхъ на шикарнѣйшей Дерибасовской улицѣ. За каждую сшитую кофточку онѣ получали 10 коп. и, приготовляя вмѣстѣ 4 кофточки въ день, онѣ вдвоемъ зарабатывали 40 коп. Подозрѣваютъ ли тѣ дамы, которыя покупаютъ на Дерибасовской улицѣ легкія и изящныя кофточки, говорится въ этой статьѣ, что эти послѣднія сшиты гдѣ-нибудь на Молдаванкѣ, въ какомъ-нибудь грязномъ подвалѣ, среди самой антисанитарной обстановки, кишашей міазмами и микробами. Знаютъ ли онѣ, что за шитье этой красивой и воздушной кофточки уплачено какой-нибудь блѣдной, чахоточной модисткѣ всего только 10 коп. А поденщицы... Одна изъ нихъ вполне серьезно и искренно заявила: если бы я могла ежедневно зарабатывать 20 коп., то была бы довольна жизнью»... «А заворачиваютъ конфеты въ бумажки и этикетки. Заворачиваютъ по 25 и по 30 к. съ пуда конфетъ. Въ пудѣ, смотря по сорту, можетъ быть до 2,400 шт. конфетъ, и только очень опытные и ловкія дѣвушки могутъ справиться съ полутора пудами за день. Многія изъ нихъ берутъ эту работу на домъ, и тогда старшей уже помогаетъ вся семья. И вотъ, какъ сейчасъ вижу предъ собой,—пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ,—низкій, темный подвалъ: съ позелѣвшихъ отъ сырости стѣнъ тоненькими струйками стекаетъ вода и крупными каплями медленно, точно нехотя, падаетъ на земляной полъ. Посреди подвала, на грязномъ полу, стоитъ грубая, плетеная корзина и въ ней нѣсколько пудовъ конфетъ. Кругомъ, на корточкахъ, усѣлась вся семья: мать, взрослая дочь и четверо малыхъ дѣтей. У каждаго въ рукѣ пачка бумажекъ и этикетокъ. Быстро работаютъ худенькія дѣтскія ручки и не по дѣтски серьезно глядятъ блѣдныя личики. Еще быстрѣе работаютъ мать и дочь, но конфетъ въ корзинѣ еще много и не одну ихъ тысячу придется еще завернуть, пока корзина будетъ очищена и можно будетъ разогнуть уставшую отъ напряженія спину».

«Но есть такая работа, гдѣ трудъ дѣтей не только оплачивается самымъ мизернымъ вознагражденіемъ, но гдѣ у нихъ отнимается самое драгоценное въ жизни—зрѣніе. Это—тѣ несчастныя дѣти въ возрастѣ отъ 5 до 12 лѣтъ, которымъ нуждающіеся родители приносятъ работу съ фабрикъ, приготовляющихъ мелкія кожаныя пуговицы. Тоненькими, бѣлыми нитками заставляютъ ихъ нашивать эти пуговицы на картонки. Работа крайне мелкая и кропотливая—тонкая игла ежеминутно выпадаетъ изъ неопытныхъ рукъ, голова постоянно наклонена надъ картонкой, а глаза, эти слабыя дѣтскія глаза, быстро устаютъ отъ непосильной для нихъ работы. Результатъ ея—слезящіеся, воспаленные глаза и преждевременное ослабленіе зрѣнія. Что же получаютъ дѣти за эту работу? По 2 копейки за 4 гросса. А каждый гроссъ содержитъ 12 дюжинъ пуговицъ. За цѣлый день

усидчиваго труда ребенокъ можетъ выработать 7 коп. И не одну сотню пуговицъ пришьетъ онъ, пока сумѣетъ вручить эти 7 копѣекъ своей бѣдной матери. Но прежде чѣмъ пришивать къ картонкамъ, необходимо тѣ 10 фунтовъ пуговицъ, которые обыкновенно получаютъ съ фабрики и за которые оставляется залогъ въ 1 руб. 50 коп., еще распредѣлить по сортамъ и отдѣлить бракъ. На это уходитъ почти цѣлый день неоплачиваемой работы. Передъ нами сейчасъ лежатъ три такія бѣлыя пуговицы, которыя мы просили отобрать въ одномъ мѣстѣ изъ цѣлой кучи подобныхъ. На видъ онѣ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, и только опытный глазъ привыкшей къ этой работѣ дѣвушки сразу замѣтитъ нѣкоторую разницу въ бѣлизнѣ. Намъ приходилось видѣть 5—6 дѣвочекъ въ темныхъ помѣщеніяхъ за столами, уложенными горами картонокъ. Сколько здѣсь потрачено дѣтскаго здоровья? Сколько слезинокъ пролито надъ этой неблагоприятной работой? А кто сосчитаетъ эти невинныя дѣтскія слезы?

«Казалось бы, что дальше идти, въ смыслѣ мизерности оплачиваемаго труда за пришиваніе пуговицъ, уже некуда. Однако, есть еще одно подобное занятіе, которое вознаграждается еще хуже. Это—пришиваніе портняжныхъ крючковъ къ особымъ карточкамъ. За 72 карточки (на карточкѣ умѣщается 24 крючка и 24 петли), т.-е. за пришивку 3,456 крючковъ и петель, платятъ 10 коп. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили двухъ женщинъ за этой работой: одна изъ нихъ, старуха, зарабатывала въ день 4 коп., другая болѣе опытная—10 коп.»

«Работницы на гильзовыхъ фабрикахъ, работая поштучно, получаютъ по 9 и 8 коп. съ каждой тысячи папирсъ. Не всякая работница успѣетъ съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера приготовить три тысячи гильзъ. Мы встрѣтили семью изъ слѣпой матери, двухъ дѣтей и дочери-работницы, которыя проживали на эти 27 коп., ежедневно вырабатываемыя дочерью. Но чтобы сдѣлать полныхъ три тысячи, послѣдней приходилось еще брать работу на домъ и здѣсь при тускломъ свѣтѣ коптящей лампы засиживаться поздней ночью надъ послѣдней тысячей, отказывая себѣ въ необходимомъ снѣ. Красивое лицо ея, преждевременно увядшее, показывало ясно, насколько эта работа отзывалась на ея здоровьи. Но плату въ 9 и 8 коп. съ тысячи получаютъ только искусныя работницы, находящіяся на фабрикахъ. Значительное же количество дѣвушекъ беретъ эту работу на домъ, и тогда онѣ получаютъ только 7, 6 и даже 5 коп. съ тысячи. При чемъ и здѣсь наблюдается то же выше отмѣченное явленіе: наиболѣе нуждающіяся, не могущія внести залога на фабрику, получаютъ гильзы изъ вторыхъ рукъ и довольствуются меньшей заработной платой».

«Шапочники, приготовляющіе для Толкучаго рынка картузы и дешевыя барашковыя шапки, носимыя простымъ народомъ, получаютъ за шитье сотни лѣтнихъ картузовъ или зимнихъ шапокъ (при хозяйскомъ матеріалѣ) 5—6 руб., т.-е. 5 или 6 коп. за штуку. Сотню картузовъ шапочникъ можетъ сшить въ недѣлю, работая ежедневно съ 5 часовъ утра до 9 вечера. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили такого шапочника, по болѣзни не рабо-

тавшаго уже нѣсколько недѣль. Съ блѣднымъ, покрытымъ потомъ, лицомъ, онъ, въ послѣднихъ градусахъ горловой чахотки, валялся на сыромъ земляномъ полу, а рядомъ съ нимъ въ кровати лежала его жена въ родахъ. Дрожащимъ голосомъ, ежеминутно прерываемымъ глухимъ кашлемъ и приступами одышки, онъ сообщилъ намъ, что изъ 6 р., прежде зарабатываемыхъ имъ въ недѣлю, рубль уходитъ на питки, керосинъ и уголь для утюговъ, рубль онъ еженедѣльно уплачивалъ за купленную въ разсрочку швейную машину, а на жизнь оставалось только 4 рубля. Кромѣ того, хозяева будоки на Толкучемъ рынкѣ, на которыхъ исключительно работаютъ эти шапочники, три года тому назадъ установили правило, по которому всѣ шапочники, берущіе у нихъ работу, обязаны по субботамъ и воскресеньямъ—въ дни наиболѣе оживленной торговли—находиться при будкахъ въ качествѣ приказчиковъ, не получая за это никакой дополнительной платы. Шапочники вынуждены были покориться этому нововведенію и пестуютъ эту подневольную службу по настоящее время». (*Восходъ*, май, *И. Бродовскій*: «Еврейская нищета въ Одессѣ»).

Чье сердце не дрогнетъ предъ фактами, только что приведенными?

Жалко, что отчеты нашихъ московскихъ попечительствъ почти ничего не говорятъ о тѣхъ фактахъ, съ которыми ихъ сотрудникамъ приходится встрѣчаться, а между тѣмъ эти факты ударили бы по нервамъ и многихъ могли бы пробудить отъ спячки. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, попечительствамъ, въ собственномъ интересѣ привлеченія и лицъ, и средствъ, не заняться работой по описанію жизни бѣдныхъ въ Москвѣ? Вѣдь мы очень мало знаемъ въ этомъ отношеніи Москву, и картины, нарисованныя талантливейшей рукой, сдѣлали бы свое дѣло въ смыслѣ пробужденія симпатіи къ дѣлу попечительствъ въ московскомъ обществѣ. Такія описанія, напримѣръ, въ англійскомъ обществѣ были чреваты крупными послѣдствіями; кто въ Англійи не знаетъ описаній Мэгью и того вліянія, какое они имѣли на англійское общество?... Помимо описанія отдѣльныхъ фактовъ бѣдности слѣдовало бы обратить особое вниманіе на описаніе условій труда по производству готоваго платья на дому, починки старья (вѣдь сколько, вѣроятнo, заболѣваній вносится чрезъ него въ семьи) и т. д. Эти свѣдѣнія могли бы быть собраны по особымъ программамъ, систематизированы, и будучи выпущены въ свѣтъ, они не только пробудили бы къ дѣлу попечительствъ болѣе болѣе интересъ, но и могли бы явиться матеріаломъ для принятія тѣхъ или другихъ санитарныхъ мѣръ со стороны города.

На попечительства, быть можетъ, выпадетъ счастливая доля освобожденія Москвы отъ язвы — Хитрова рынка; честь въ этомъ отношеніи принадлежитъ попечительству о бѣдныхъ 2 и 3 участка Мясницкой части. Въ отчетѣ этого попечительства, вышедшемъ въ этомъ году, приводится проектъ учрежденія акціонернаго общества для постройки гигиенически благоустроенныхъ ночлежныхъ домовъ на 10,000 человѣкъ, вмѣсто нездоровыхъ трущобъ Хитрова рынка. Хитровъ рынокъ является «неугасимымъ очагомъ тифа и другихъ заразныхъ болѣзней, которыя отсюда идутъ по

всему городу». Населеніе рынка живетъ въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ, дурно питаясь, нравственно развращаясь,—однимъ словомъ, это какая-то школа деморализаціи. Дѣтей, попадающихъ туда, пріучаютъ къ воровству и разнымъ другимъ порокамъ; очевидна отсюда вся общепасность этого учрежденія. Труды упомянутого попечительства показали возможность переустройства Хитрова рынка путемъ образованія особаго акціонернаго общества, причемъ акціонеры будутъ получать проценты на затраченный капиталъ («пятипроцентная благотворительность», какъ называютъ ее американцы). Ночлежные дома новаго типа должны быть построены въ разныхъ частяхъ города, по возможности, ближе къ центрамъ прибытія рабочаго люда и мѣстамъ, гдѣ постоянно требуется въ большомъ количествѣ поденная работа (товарныя станціи желѣзныхъ дорогъ). На каждаго ночлежника должно приходиться не менѣ одной кубической сажени воздуха въ спальномъ помѣщеніи. Дома должны быть сухи, свѣтлы и хорошо вентилируемы. При каждомъ ночлежномъ домѣ должно быть устроено теплое помѣщеніе, гдѣ бы рабочіе могли ожидать найма на работу. Въ этихъ же крытыхъ рынкахъ должны быть устроены чайныя, столовыя, а также весьма желательнаго устройства со стороны города бюро для найма и пріисканія труда. Всего для постройки требуется 1,300 тыс. руб., а собрать нужно 550,000 тыс., такъ какъ остальную сумму представляется возможнымъ получить въ видѣ ссуды подъ строящіеся дома. Акціонеры получаютъ на свой капиталъ 6%,—и это при той же платѣ за койку, что и теперь на Хитровомъ рынкѣ, т.-е. по 5 коп. Нельзя не сочувствовать скорѣйшему осуществленію этого плана; замѣтимъ только, что часть расходовъ можно было бы разложить на домовладѣльцевъ, прилегающихъ къ Хитрову рынку, такъ какъ съ очисткой его, несомнѣнно, стоимость земли и домовъ около Хитрова рынка значительно поднимется: теперь едва ли пріятно жить по сосѣдству съ этимъ очагомъ заразы, да и не безопасно вслѣдствіе скопленія въ большомъ количествѣ весьма подозрительнаго элемента.

Министръ финансовъ обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о содѣйствіи въ томъ смыслѣ, чтобы въ интересахъ отечественной промышленности и въ цѣляхъ сокращенія переплатъ нашихъ денегъ за границу заказы необходимыхъ предметовъ для городскихъ и общественныхъ управленій производились по возможности въ Россіи. Министерство внутреннихъ дѣлъ разослало по этому предмету соответственное циркулярное распоряженіе начальникамъ губерній (*Промышленный Миръ*). Итакъ, принимается новая мѣра въ интересахъ нашей промышленности и сохраненія золота въ странѣ. Но есть основаніе полагать, что интересы городскихъ и общественныхъ управленій затрогиваются въ неблагоприятную для нихъ сторону: вѣдь извѣстно, что многіе предметы русскаго производства и дороже въ цѣнѣ, и хуже по качеству; извѣстно также, что наши города средствами не располагаютъ, еле-еле сводятъ концы съ концами, причемъ самыя насущныя потребности остаются безъ удовлетво-

ренія. Удорожая этимъ циркуляромъ производство работъ для общественныхъ управленій, министерство не задается вопросомъ о предоставленіи большихъ средствъ городамъ, чтобы они были въ состояніи выполнять новую возлагаемую на нихъ функцію—поощреніе русской промышленности. Эта новая задача потребуетъ новыхъ и крупныхъ затратъ со стороны городскихъ управленій. Что это такъ, мы можемъ привести доказательства:

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ управленіе рязанско-уральской желѣзной дороги обратилось въ министерство путей сообщенія и финансовъ за разрѣшеніемъ приобрести изъ - за границы станки новѣйшей американской конструкціи для желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Свое ходатайство управленіе мотивировало тѣмъ, что многіе русскіе заводы или совсѣмъ отказывались отъ выполненія заказа, или же предлагали станки, вышедшіе изъ употребленія и притомъ по цѣнѣ на 40—50% выше заграничныхъ, включая и пошлину съ провозомъ. Министерства отвѣтили, что они не находятъ возможнымъ разрѣшить управленію покупку станковъ американской конструкціи» (№ 264 *Курьера*). А въ официальной *Торгово-Промышленной Газетѣ* читаемъ слѣдующее: «Паровозы, изготовленные на русскихъ заводахъ, не хуже иностранныхъ. Иностранные паровозы превосходятъ русскіе дешевизной. Хотя, конечно, сравнивать цѣны паровозовъ, при разнообразіи ихъ типовъ, нѣсколько затруднительно, однако, есть нѣсколько примѣровъ, гдѣ разница въ цѣнахъ становится несомнѣнной. Такъ, на рязанско-уральской дорогѣ въ 1894 г. было заказано 28 товарныхъ паровозовъ Брянскому заводу и 10 точно такихъ же паровозовъ—заводу Зигля въ Вѣнѣ. Брянскіе обошлись по 32,5 тыс. руб., а зиглевскіе—по 27,5 тыс. руб. со штуки. Юго-восточными дорогами было заказано въ 1896 г. 8 пассажирскихъ паровозовъ заводу Струве, въ 1897 г.—3 паровоза заводу Бальдина въ Филадельфіи и въ 1899 г.—еще 7 паровозовъ заводу Струве. Всѣ паровозы одинаковы и составили одну серію. Паровозы Бальдина обошлись по 39,3 тыс. руб. штука, а паровозы Струве перваго заказа по 42,5 тыс. руб., а втораго—даже по 43,6 тыс. руб. со штуки».

Итакъ, упомянутымъ циркуляромъ на города возлагается новая задача—воспособленіе русской промышленности путемъ приобретенія всѣхъ нужныхъ предметовъ только отечественнаго производства; но не указывается, повторяемъ, источникъ средствъ для этого. По сообщенію *Русскихъ Вѣдомостей*, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ губернаторамъ повторный циркуляръ, въ которомъ предлагается слѣдить за тѣмъ, чтобы различныя предпріятія въ городахъ, могущія приносить доходъ городской казнѣ, не были отдаваемы концессионерамъ, а по возможности эксплуатировались городскими общественными управленіями (за 1901 г., № 98). Наши города и такъ уже составляютъ европейскую достопримѣчательность по своей некультурности, массѣ пыли, дурнымъ мостовымъ, дурному освѣщенію, отсутствію канализаціи,—а между тѣмъ вздорожаніе работъ хотя бы по проведенію канализаціи, конечно, еще болѣе задержать развитіе улучшеній въ городахъ.

Въ то время какъ ревниво стараются забить ту щель, чрезъ которую русское золото можетъ течь за границу, на другомъ концѣ дѣлаютъ глубокую брешь, чрезъ которую проскочатъ всѣ ожидаемыя сбереженія да еще съ большимъ плюсомъ; мы имѣемъ въ виду закрытіе учебныхъ заведеній для нѣкоторыхъ категорій русскихъ гражданъ, а затѣмъ крайнюю недостаточность вообще учебныхъ заведеній въ Россіи, вслѣдствіе чего многимъ приходится для полученія образованія ѣхать за границу. Право, вѣдь такой порядокъ очень убыточенъ для Россіи: дремлющія силы нашего отечества нуждаются для своего пробужденія въ людяхъ, обладающихъ хорошимъ техническимъ образованіемъ, и казалось, намъ бы слѣдовало широко открыть двери для всѣхъ желающихъ учиться: вѣдь расходы на постройку новыхъ и расширение старыхъ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеній—самые производительные расходы для современной Россіи.

И. О.

Газеты принесли важное извѣстіе о предстоящей реформѣ петербургскаго городского самоуправления. По Высочайшему повелѣнію приостановлены имѣвшіе начаться 26 ноября выборы гласныхъ петербургской думы, продолжены полномочія нынѣшняго состава думы и управы впредь до введенія новаго положенія и образована коммиссія для разработки проекта реформы. По слухамъ главныя основанія предстоящаго преобразования таковы. Предполагается расширить кругъ избирателей, допустить къ участию въ выборахъ гласныхъ квартиранимателей, уплачивающихъ не менѣе 2,000 руб. въ годъ за квартиру; для гласныхъ устанавливается образовательный цензъ не ниже средняго; городской голова назначается правительствомъ и имѣетъ право доклада у министра внутреннихъ дѣлъ; члены управы, по однимъ извѣстіямъ, избираются, а по другимъ—въ половинномъ количествѣ избираются и въ половинномъ назначаются.

Приведенное извѣстіе тѣмъ болѣе важно, что преобразование столичнаго городского самоуправления, безспорно, послужитъ лишь первымъ шагомъ къ общему преобразованію Городоваго Положенія. Если реформа начата съ Петербурга, то это объясняется какъ виднымъ положеніемъ столичной думы, такъ и тѣми неурядицами, какими ознаменовался послѣдній «мелановскій» періодъ дѣятельности петербургскаго городского самоуправления.

Недостатки дѣйствующаго Городоваго Положенія со времени его введенія успѣли выясниться съ достаточной яркостью. Установивъ для права участія въ выборахъ высокой имущественный цензъ, оно повсюду передало городскія дѣла въ руки богатыхъ домовладѣльцевъ и представителей торгово-промышленнаго класса. Классъ этотъ, привыкшій въ своей частной дѣятельности къ преслѣдованію узкихъ, чисто-эгоистическихъ интересовъ, внесъ тѣ же черты и въ свою общественную дѣятельность. За періодъ хозяйничанья купеческихъ думъ многіе города наши украсились въ центрѣ электрическимъ освѣщеніемъ, роскошными городскими театрами, щедро

субсидируемыми изъ городскихъ средствъ, хорошими мостовыми и всякими другими затѣями,—въ то время какъ окраины, гдѣ ютится бѣдное населеніе, оставались безъ всякаго освѣщенія, лѣтомъ задыхались отъ зловонія и пыли, а весной и осенью утопали въ грязи. Думы охотно открывали гимназіи и реальныя училища для дѣтей состоятельныхъ горожанъ, но, въ большинствѣ городовъ, оставляли въ полномъ пренебреженіи нужды народнаго просвѣщенія. Всякія просвѣтительныя начинанія въ пользу народа, устройство народныхъ чтеній, народные дома, народные театры всегда встрѣчали дружную оппозицію въ купеческихъ думахъ. Даже такая часть городского хозяйства, какъ организація санитарнаго надзора и медицинской помощи населенію, неправильная постановка которой угрожала и состоятельному классу въ видѣ распространенія въ городѣ всякаго рода заразъ и эпидемическихъ болѣзней, и та находилась въ полномъ пренебреженіи. Недостаточность, неблагоустройство и антисанитарное состояніе больницъ въ большинствѣ нашихъ городовъ доходятъ до крайней степени.

Относился совершенно индифферентно къ интересамъ несостоятельныхъ классовъ населенія, гласные-купцы старались извлечь изъ общественной дѣятельности всяческія выгоды лично для себя. При нынѣшнемъ Городовомъ Положеніи, какъ извѣстно, получила широкое распространеніе система отдачи городскихъ подрядовъ и поставокъ въ руки гласныхъ.

Само собою разумѣется, что ни при сдачѣ подряда, ни при приѣмѣ предметовъ его городскія думы не проявляли излишней экономіи и придиричivosti, памятуя старинную поговорку: «рука руку моетъ».

Результатомъ этой системы являлись непродуманная трата городскихъ средствъ, постоянные перерасходы противъ смѣты, дурно исполненныя сооруженія, требовавшія ремонта чуть ли не сейчасъ послѣ постройки, и тому подобныя неурядицы. На вредъ совмѣстительства въ городскихъ дѣлахъ, т.-е. совмѣщенія въ одномъ лицѣ гласнаго и контрагента городского самоуправления, обратило вниманіе и министерство внутреннихъ дѣлъ и лишь недавно предложило городскимъ думахъ высказаться о томъ, не желательно ли установить въ законодательномъ порядкѣ воспрещеніе гласнымъ участвовать въ городскихъ подрядахъ. И что же? Многія думы высказались противъ этого предложенія, откровенно обнаруживъ тѣмъ самымъ, что общественныя дѣла онѣ отождествляютъ съ общественнымъ пирогомъ, на который они имѣютъ неотъемлемыя права.

Новгородская дума, наприм., *всѣ*, за исключеніемъ одного лишь голоса, высказалась противъ проекта министерства, найдя, что при воспрещеніи гласнымъ принимать городскіе подряды большинству гласныхъ придется выйти изъ состава думы, а замѣнить ихъ, при дѣйствіи нынѣшняго Городоваго Положенія, будетъ некъмъ. Установленіе же такого воспрещенія поведетъ къ тому, что гласные и управцы будутъ принимать городскіе подряды черезъ своихъ родственниковъ.

Таковъ же отзывъ и многихъ другихъ думъ. Да и трудно было ожидать иного отношенія къ вопросу со стороны людей, лично заинтересован-

ныхъ въ сохраненіи *status quo* и только этими личными интересами привыкшихъ руководиться въ своей дѣятельности.

Въ виду этихъ недостатковъ настоящаго Городоваго Положенія въ печати въ послѣдніе годы настойчиво проводилась мысль о необходимости привлечь къ участию въ городскихъ дѣлахъ интеллигенцію въ лицѣ квартиранимателей. Вопросъ этотъ разсматривался даже офиціально въ особой комиссіи, образованной въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подѣ председательствомъ товарища министра кн. Оболенскаго. Какъ сообщалось въ свое время въ газетахъ, комиссія высказалась въ пользу этого предположенія. И дѣйствительно, привлеченіе интеллигентныхъ лицъ къ участию въ городскомъ самоуправленіи, безъ сомнѣнія, принесло бы огромную пользу городскому хозяйству. Лица эти—врачи, адвокаты, литераторы, чиновники,—и вслѣдствіе своихъ специальныхъ знаній и образованія, и вслѣдствіе болѣе высокаго развитія въ нихъ сознанія общественнаго долга и, наконецъ, по самому характеру своей дѣятельности, конечно, окажутся болѣе способны къ правильному веденію городскихъ дѣлъ, чѣмъ купцы, заводчики и трактирщики, всѣ заслуги и достоинства которыхъ исчерпываются содержаніемъ соответствующихъ торгово-промышленныхъ заведеній. Изъ интеллигентныхъ лицъ многія и теперь занимаются общественной дѣятельностью, участвуя въ разнаго рода благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ; но здѣсь они не находятъ ни того простора, ни того удовлетворенія, какое могли бы найти въ фактическомъ вліяніи на веденіе городскихъ дѣлъ. Мы не говоримъ, что слѣдуетъ исключить изъ нашихъ городскихъ думъ представителей торгово-промышленнаго класса—нѣтъ, эти лица своею опытностью, своею практичностью могутъ быть очень полезны въ сферѣ доступныхъ ихъ пониманію дѣлъ,—но нѣтъ никакого основанія всецѣло отдавать въ ихъ руки городскія дѣла и держать въ отдаленіи отъ этихъ дѣлъ наиболѣе интеллигентныя, энергичныя и трудоспособныя силы страны.

Въ настоящее время часто жалуются на отсутствіе силъ для работы въ разныхъ специальныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ при городскихъ думахъ. Въ комиссіяхъ этихъ, вѣдающихъ тѣ или иныя отрасли городского хозяйства, медицинскую часть, строительную и т. д., очень часто сидятъ люди, не имѣющіе никакихъ свѣдѣній по данной специальности; вслѣдствіе чего они не въ состояніи исполнять надлежащимъ образомъ тѣ обязанности, какія на нихъ возлагаются. На этой почвѣ нерѣдко возникаютъ конфликты между городскими самоуправлениями и специалистами-служащими, отказывающимися исполнять неправильныя распоряженія той или иной комиссіи или членовъ управы. Съ привлеченіемъ же къ городскому самоуправленію интеллигентныхъ силъ явится полная возможность поставить у каждаго дѣла, дѣйствительно, компетентныхъ въ немъ людей. Тогда же легко можно будетъ разрѣшить и вопросъ о совмѣстительствѣ. Разъ большинство въ думахъ будутъ составлять представители интеллигентныхъ

профессій, воспрещеніе совмѣстительства весьма мало сузить кругъ лицъ, которымъ могутъ быть отданы городскіе подряды.

Однако, выгоды привлеченія квартиронаимателей къ участію въ дѣлахъ городского самоуправленія будутъ въ значительной степени парализованы, если для этого привлеченія будетъ установленъ такой высокій цензъ, какъ плата 2,000 р. въ годъ за квартиру. 2,000 р. за квартиру, даже въ Петербургѣ, платятъ тѣ же купцы, фабриканты и заводчики, которые и теперь доминируютъ въ думѣ, а изъ интеллигентовъ—сравнительно ничтожное число лицъ съ солиднымъ и прочнымъ заработкомъ. Въ это число войдутъ врачи и адвокаты съ большой, крупной практикой, инженеры, занимающіе видныя должности, и часть чиновничества, находящаяся на самыхъ верхнихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Ни врачъ и адвокатъ съ обыкновенной практикой, ни средній по должности чиновникъ, ни тѣмъ паче литераторъ, хотя бы и наиболѣе блестящій и талантливый, подъ проектируемый цензъ не подойдутъ. Между тѣмъ, говоря о пользѣ привлеченія къ городскимъ дѣламъ интеллигентныхъ силъ, мы имѣли въ виду именно эту среднюю по матеріальному положенію интеллигенцію, въ которой еще сильны идейныя стремленія и которой близки интересы среднихъ и бѣдныхъ классовъ населенія. А та сытая и довольная интеллигенція, которая занимаетъ дорогія квартиры и бюджетъ которой во много разъ превосходитъ бюджетъ скромнаго интеллигента-работника, въ большинствѣ случаевъ давно растеряла всѣ идейныя стремленія и по нравственному своему облику вполне примыкаетъ къ тому буржуазному классу, интересамъ которыхъ она и служить.

Такая интеллигенція существенной пользы въ дѣлѣ городского самоуправления не принесетъ, да не ради общественныхъ интересовъ она сюда и пойдетъ. Адвокатъ или врачъ съ богатой практикой и инженеръ, получающій большое содержаніе, пойдутъ въ думу отчасти изъ тщеславія, а отчасти ради расширенія дѣловыхъ и полезныхъ связей. И будутъ они удѣлять общественному дѣлу лишь ничтожный свободный досугъ, который остается у нихъ отъ собственныхъ сложныхъ и разнообразныхъ дѣлъ.

Что касается проектируемаго замѣщенія должности городского головы по назначенію, то это нововведеніе едва ли можетъ быть признано желательнымъ. По идеѣ городского самоуправления городской голова является излюбленнымъ человѣкомъ думы, выразителемъ и исполнителемъ ея желаній и рѣшеній. Назначенный же голова, независимый отъ думы, уже не будетъ ея излюбленнымъ человѣкомъ и будетъ играть въ ней роль проводника постороннихъ вліяній и внушеній. Отсюда неизбежны въ думѣ конфликты, которые, конечно, отразятся на правильномъ веденіи городского хозяйства. Опытъ назначенія предсѣдателей въ нѣкоторые земскія управы наглядно доказалъ, какъ трудно совмѣстить въ одномъ и томъ же дѣлѣ два противоположныхъ элемента—бюрократическое и выборное начало. Пусть же этотъ опытъ послужитъ предостерегающимъ урокомъ противъ подобныхъ же экспериментовъ въ дѣлѣ городского самоуправления.

Въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностямъ, списокъ которыхъ обнародованъ былъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа и приведенъ нами въ прошломъ «обозрѣніи», нынѣ прибавилось еще 5 губерній и 2 области: Орловская и Тамбовская губерніи въ Европейской Россіи, Тобольская, Томская и Енисейская губ. и Акмолинская и Семипалатинская области въ Азіатской Россіи. Всего, слѣдовательно, недородъ охватилъ районъ въ 17 губерній и 2 области, не считая области Войска Донского, подвѣдомственной военному министерству.

Изъ правительственныхъ сообщеній видно, что предстоящая правительственная кампанія должна принять весьма внушительные размѣры. Такъ, по расчету министерства внутреннихъ дѣлъ, 16 пострадавшихъ губерній (за исключеніемъ Пермской, не нуждающейся въ правительственной помощи, и Орловской, Енисейской, еще не представившихъ необходимыхъ свѣдѣній) потребуютъ въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ 10.925,000 пудовъ ржи и 3.347,000 руб. деньгами. Въ виду этого общій имперскій правительственный капиталъ, составлявшій къ 15 августа лишь 530,000 р., уже увеличенъ отпускомъ изъ казны 14.000,000 руб.

Важное значеніе въ ближайшей продовольственной кампаніи должна получить организація общественныхъ работъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ призывалъ земства къ устройству общественныхъ работъ еще въ первомъ циркулярѣ отъ 17 августа. 7 сентября опубликованъ былъ новый циркуляръ, приглашающій губернаторовъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, предложить земствамъ *немедленно* же организовать общественныя работы и выяснить размѣръ необходимыхъ для нихъ средствъ, которыя и будутъ отпущены земствамъ изъ казны въ видѣ ссуды. Кромѣ плана работъ, которыя можно было бы немедленно предпринять, земства должны выработать общій планъ работъ для данной мѣстности, который могъ бы всегда служить средствомъ для предоставленія населенію значительныхъ заработковъ въ случаѣ новаго недорода.

Надо надѣяться, что земства отнесутся къ этому призыву сочувственно и энергично возьмутся за организацію общественныхъ работъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ, нѣкоторыя земства уже приступили къ такой организаціи. Для успѣха дѣла необходимо, чтобы предпринимаемыя работы не требовали никакихъ спеціальныхъ знаній и отличались простотой и доступностью для всѣхъ. Въ этомъ отношеніи поучителенъ опытъ 1890 г., когда впервые были организованы общественныя работы въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Тогда были предприняты сложныя и дорого стоящія работы, потребовавшія приглашенія специалистовъ-руководителей, техниковъ и подрядчиковъ. Въ руки этихъ техниковъ и подрядчиковъ и ушла большая часть ассигнованныхъ денегъ, а дорого стоявшія сооруженія, поспѣшно возведенныя, очень скоро потребовали ремонта и, наконецъ, со всѣмъ развалились.

Кромѣ простоты и доступности, работы должны отличаться цѣлесообразностью. Если крестьяне замѣтятъ, что работы устроены только для того,

чтобы доставить имъ заработокъ, а сами по себѣ смысла не имѣютъ, то можно быть увѣреннымъ, что дѣло кончится неудачей. Наоборотъ, если работы будутъ вполне цѣлесообразны, онѣ будутъ встрѣчены общимъ сочувствіемъ населенія. Наиболѣе цѣлесообразными работами были бы тѣ, которыя направлены къ улучшенію мѣстныхъ условій: устройство дорогъ, борьба съ оврагами, сыпучими песками, устройство колодцевъ, осушеніе болотъ, возведеніе школьныхъ и общественныхъ зданій и т. д. Такого именно рода работы устраивалъ въ 1899 г. отрядъ попечительства о домахъ трудолюбія въ Вятской, Казанской и Симбирской губ., причемъ, по свидѣтельству уполномоченнаго отряда д. т. с. Галкина-Врасскаго, крестьяне относились къ работамъ очень сочувственно, никогда не отказывались отъ нихъ и никогда не запрашивали высокихъ цѣнъ. Были даже случаи, что крестьяне нѣкоторыя работы, имѣвшія значеніе для улучшенія мѣстныхъ условій, производили бесплатно.

Бъ сожалѣнію, не всѣ земства располагаютъ достаточными средствами для широкой организаціи работъ. Правда, министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ мы видѣли, готово имъ предоставить необходимый кредитъ; но и съ кредитомъ земства, въ виду закона о предѣльности обложенія, сократившаго ихъ ресурсы, должны обращаться осторожно. Поэтому, министерству, заинтересованному въ вопросѣ о возможно болѣе широкой организаціи общественныхъ работъ, слѣдовало бы придти на помощь земствамъ отпускомъ извѣстныхъ суммъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

Весьма серьезной заботой ближайшаго будущаго является и то, въ какой мѣрѣ созданные послѣднимъ закономъ новые продовольственные органы сумѣютъ справиться съ возложенными на нихъ сложными и отвѣтственными обязанностями. Какъ извѣстно, главное завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ въ каждой губерніи возложено на губернаторовъ; а ближайшими на мѣстѣ исполнителями предначертаній губернской администраціи являются земскіе начальники. Но послѣдніе и безъ того обременены множествомъ обязанностей, и непосредственное завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ положительно непосильно для нихъ. Даже *Московскія Ведомости*, такъ горячо привѣтствовавшія новый продовольственный законъ, и тѣ смущены непомѣрнымъ усложненіемъ обязанностей земскихъ начальниковъ.

«Если ограничиться даже тѣми обязанностями земскихъ начальниковъ въ предстоящей продовольственной кампаніи, которыя упомянуты въ циркулярѣ отъ 17 августа, — говоритъ московская газета, — то и въ этомъ случаѣ станетъ ясною вся затруднительность для этихъ должностныхъ лицъ управиться и со своими текущими обязанностями, и съ усиленною дѣятельностью по продовольственной части. Исслѣдованія участка, для признанія его неблагополучнымъ въ отношеніи урожая, предварительное опредѣленіе размѣровъ продовольственной и сѣменной помощи, затѣмъ проверка списковъ нуждающихся, наблюденіе за дѣятельностью продовольственныхъ попечителей, организація мелкихъ общественныхъ работъ, наконецъ, пе-

риодическая правильная отчетность по ходу продовольственного дѣла по всему участку и т. д., и т. д.,—вотъ многосложныя обязанности земскихъ начальниковъ, которые имъ придется нести въ предстоящую зиму *сверхъ* своей обычной дѣятельности».

Для устраненія затрудненія газета рекомендуетъ учрежденіе почетныхъ земскихъ начальниковъ, которые могли бы принять на себя завѣдываніе обычными дѣлами земскихъ начальниковъ въ то время, какъ послѣдніе посвящали бы всецѣло свое время продовольственному дѣлу.

Но вѣдь почетныхъ земскихъ начальниковъ пока еще нѣтъ,—да и будутъ ли они когда-нибудь?—а продовольственное дѣло не ждетъ. Такимъ образомъ серьезный вопросъ о томъ, чьими силами будутъ осуществлены предположенія и мѣропріятія министерства по продовольственному дѣлу, остается до настоящаго времени открытымъ.

Земско-статистическіе конфликты принимаютъ характеръ серьезнаго общественнаго явленія. Въ конфликтамъ, имѣвшимъ мѣсто въ екатеринославскомъ, харьковскомъ и таврическомъ земствѣ, присоединились еще конфликты въ Нижегородской и Олонецкой губ.; возникли также недоразумѣнія и въ Черниговской губерніи.

Такая распространенность явленія указываетъ на то, что, оно, очевидно, вызывается какими-то общими причинами. Въ печати были попытки свалить всю вину на статистиковъ, которые будто бы недостаточно знакомы съ дѣломъ и не совсѣмъ добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ. Такъ, въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 222) появилась статья подъ заглавіемъ «Недоразумѣнія со статистиками», авторъ которой, относясь съ осужденіемъ къ статистикамъ, указывалъ, между прочимъ, на то, что, наприм., въ Харьковской губерніи они ничего ощутительнаго не сдѣлали. «Второй или третій годъ, — писалъ онъ, — они что-то дѣлаютъ въ Зміевскомъ уѣздѣ, но результатовъ ихъ трудовъ не обнаруживается ни на территоріи этого уѣзда, ни въ какомъ другомъ пунктѣ губерніи: имущества, подлежація земскому обложенію, въ своей оцѣнкѣ не претерпѣли никакихъ измѣненій со времени учрежденія земствъ».

Однако, эти упреки встрѣтили компетентное возраженіе со стороны члена харьковской губернской земской управы г. Линтварева. «Здѣсь все отъ начала до конца невѣрно,—писалъ г. Линтваревъ по поводу приведенной статьи петербургской газеты.—Невѣрно, во-первыхъ, то, что статистики работали въ Зміевскомъ уѣздѣ два или три года. Они начали описаніе Зміевского уѣзда съ августа мѣсяца прошлаго года и къ апрѣлю с. г. почти всѣ вернулись въ Харьковъ для обработки собраннаго матеріала. Съ тѣхъ поръ въ Зміевскій уѣздъ были посылаемы по одному, по два человека для окончанія кое-какихъ начатыхъ, но недоконченныхъ описаній. Такимъ образомъ, съ начала работъ въ уѣздѣ до момента конфликта не исполнилось еще круглаго года, а въ Зміевскомъ уѣздѣ статистики работали всего восемь мѣсяцевъ. Во-вторыхъ, невѣрно, что статистики

до сихъ поръ ничего ошутительнаго не сдѣлали. Въ харьковской управѣ находится до 24 тысячъ карточекъ подворнаго описанія, такъ называемые «поселенные бланки», заполненные описаніемъ общихъ хозяйственныхъ условій каждаго изъ селеній уѣзда, и, наконецъ, описанія всѣхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ на той же территоріи. Кромѣ того, главная масса этого матеріала (подворныя карточки) сведена въ табличную форму и сдана въ печать. Въ настоящее время уже отпечатаны 366 стр. групповаго подсчета и 80 стр. комбинаціоннаго. Въ непродолжительномъ времени будутъ отпечатаны еще до трехъ листовъ перваго и шестидесяти страницъ втораго подсчетовъ. Самое «ошутительное» для сужденій о количествѣ работъ, произведенныхъ статистиками, это—таблицы. О качествѣ этихъ таблицъ, вѣроятно, не откажутъ дать свой отзывъ спеціалисты.

Поэтому авторъ могъ поставить въ зависимость отъ дѣятельности харьковскихъ статистиковъ то, что будто бы въ Харьковской губерніи съ начала земства имущества въ своей оцѣнкѣ не претерпѣли никакихъ измѣненій,—можно объяснить только желаніемъ его оставить во чтѣ бы то ни стало въ читателѣ невыгодное для харьковскихъ статистиковъ впечатлѣніе. Вѣдь статистическое бюро при харьковской губернской управѣ не существуетъ еще полныхъ двухъ лѣтъ, да и роль, собственно, статистиковъ въ дѣлѣ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ кончается выработкой проектовъ оцѣночныхъ районовъ и оцѣночныхъ нормъ. И эта работа была бы выполнена непременно къ предстоящему губернскому земскому собранію для Зміевского уѣзда, «если бы не произошелъ случай, не позволившій закончить ее».

Г. Линтваревъ протестуетъ и противъ ссылки на невѣжество статистиковъ, причемъ указываетъ на то, что уже послѣ инцидента харьковская управа единогласно уполномочила его войти въ переговоры съ бывшимъ завѣдывавшимъ бюро, г. Арнольдомъ, объ окончаніи имъ работъ по Зміевскому уѣзду за издѣльное вознагражденіе.

По поводу той же статьи *Пет. Вѣд.* указано было и на то, что, несмотря на неблагопріятныя условія работы, статистиками изданъ былъ за послѣдніе годы цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ, какъ-то: сборники матеріаловъ по уѣздамъ: Орловскому, Фатежскому, Котельскому, Муромскому, Оханскому, Мышкинскому, Владимірскому, Меленковскому, Кунгурскому, Воронежскому, Острогжскому, шести уѣздамъ Уфимской губерніи.

Попытка отчасти свалить вину на статистиковъ была сдѣлана и симферопольскимъ корреспондентомъ *Русскихъ Вѣдомостей*: по его словамъ, статистики вызвали справедливыя нареканія тѣмъ, что при собираніи статистическихъ матеріаловъ, особенно въ разгаръ полевыхъ работъ, они обременяютъ крестьянъ, подолгу удерживаютъ ихъ въ сельскихъ управленіяхъ и вызываютъ среди населенія ропотъ и враждебное отношеніе. Корреспондентъ писалъ, что статистики сами знаютъ, что тутъ они неправы.

Но статистики не только не знаютъ сами, что они неправы, но и продолжаютъ во всемъ винить управу. Въ тѣхъ же *Русскихъ Вѣдомостяхъ*

помѣщено письмо бывшего завѣдующаго таврическимъ бюро г. Блеклова, который весь инцидентъ объясняетъ некорректнымъ отношеніемъ управы къ статистикамъ. Дѣло было такъ. По донесенію днѣпровскаго исправника губернаторъ сообщилъ управѣ, что статистики слишкомъ задерживаютъ крестьянъ во время опроса, причемъ въ видѣ примѣра приводилось, какъ въ с. Збурьевкѣ крестьянинъ ждалъ своей очереди цѣлый день, вызванъ былъ и на слѣдующій, а когда заявилъ противъ этого протестъ, то одинъ изъ статистиковъ приказалъ старостѣ посадить его подъ арестъ, что и было приведено въ исполненіе. Управа, не выслушавъ обвиненнаго статистика и не входя въ разсмотрѣніе дѣла, направила къ г. Блеклову предложеніе, написанное въ рѣзкой формѣ и содержавшее порицаніе какъ ему, такъ и всему статистическому бюро. Произведя разслѣдованіе факта, г. Блекловъ убѣдился, что ни крестьянинъ цѣлый день не ждалъ, ни статистикомъ приказаніе объ его арестѣ не отдавалось. Такое отношеніе управы оскорбило статистиковъ, которые заявили, что они могутъ продолжать службу лишь при полученіи гарантій, что на будущее время такія распоряженія будутъ издаваться управой только по разсмотрѣніи дѣла. Послѣ этого между управой и статистиками возникли переговоры, закончившіеся тѣмъ, что бюро подало коллективное заявленіе объ отставкѣ. Любопытно слѣдующее: предсѣдатель управы согласился, что редакція управской бумаги была неудачна и ручался, что управа считаетъ долгомъ не дѣлать какихъ-либо замѣчаній относительно личностей безъ достаточнаго разслѣдованія фактовъ. Тѣмъ не менѣе статистики должны были выйти въ отставку въ виду того, что заявленіе, поданное ими о намѣреніи продолжать, послѣ этихъ разъясненій предсѣдателя, службу не соответствовало по своей редакціи желаніямъ управы.

Отсюда видно, что вина въ симферопольскомъ инцидентѣ едва ли падаетъ на статистиковъ и что, наоборотъ, сама управа сознавала, что она отнеслась къ статистикамъ несправедливо.

А по поводу обвиненія въ томъ, что статистическія изслѣдованія производились въ разгаръ полевыхъ работъ, то г. Блекловъ пишетъ:

«Полевая работа въ этомъ году въ Днѣпровскомъ уѣздѣ вслѣдствіе сильной весенней засухи началась необыкновенно рано (недѣли на двѣ-три раньше обычнаго), чего до выѣзда въ уѣздъ предвидѣть нельзя было; вслѣдствіе этого оказалось невозможнымъ окончить къ началу работъ статистическія изслѣдованія, какъ это предполагалось. Подворная перепись продолжалась дѣйствительно и въ періодъ полевыхъ работъ, но необходимо принять во вниманіе слѣдующее. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ—много селеній, занимающихся промыслами (рыболовство и служба на судахъ); въ этихъ промысловыхъ селеніяхъ вполне возможно было заниматься подворною переписью, не обременяя населенія. Затѣмъ, въ значительной части уѣзда,—именно земледѣльской,—былъ полный неурожай, убирать было нечего, почему опять-таки возможно было производить статистическія изслѣдованія, которыя въ случаѣ хорошаго урожая, конечно, пришлось бы

прервать. Масса населенія хлынула въ разныя стороны на заработки, и статистикамъ необходимо было спѣшить съ подворною переписью, иначе потомъ большинства домохозяевъ можно было не застать. Далѣе, во многихъ случаяхъ статистики, наведя справки, можно ли въ данномъ селеніи произвести перепись, рѣшали вопросъ отрицательно и уѣзжали въ другое. Наконецъ, при производствѣ переписи практиковались тѣ или другіе приемы работы, при помощи которыхъ у домохозяевъ отнималось на опросъ возможно меньше времени; такъ, напримѣръ, поселяне приглашались для опроса не въ порядкѣ мѣстожителства, какъ это обыкновенно дѣлается, а тѣ изъ нихъ, кто въ данный моментъ былъ въ селѣ; при громадной же величинѣ селеній уѣзда всегда находилось достаточное число свободныхъ домохозяевъ. Весьма часто наибольшее количество работы по переписи производилось въ праздничные дни, и тогда статистикамъ приходилось работать часовъ по 17—18-ти въ сутки. Давали возможность переписывать также частые проливные дожди въ іюнѣ, не позволявшіе населенію заниматься уборкою хлѣба. Такимъ образомъ, одно только сообщеніе о томъ, что перепись производилась въ періодъ полевыхъ работъ, ничего еще не говорить; важно знать, *какъ* производилась перепись, и если г. корреспонденту это было извѣстно, то онъ напрасно выступилъ со своимъ обвиненіемъ».

Такимъ образомъ, все, что намъ извѣстно о харьковскомъ, таврическомъ и екатеринославскомъ инцидентахъ, заставляетъ искать причины земско-статистическихъ конфликтовъ не въ невѣжествѣ статистиковъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ работѣ—да и странно было бы цѣлый разрядъ служащихъ въ *разныхъ* земствахъ заподозрить въ поголовной недобросовѣстности, точно они сговорились въ этомъ,—а въ тѣхъ новыхъ теченіяхъ, которыя поставили во главѣ нѣкоторыхъ земствъ лицъ, обнаруживающихъ наклонность къ внесенію въ живое земское дѣло бюрократическихъ замашекъ. Вспомнимъ, наприм., рѣчи предсѣдателей управъ, не постѣснявшихся даже публично заявить о своей антипатіи къ земству. Не всѣ, конечно, обнаруживаютъ такую откровенность, но, несомнѣнно, что среди руководителей земствъ, рядомъ со старыми убѣжденными земцами, можно найти теперь не мало дѣятелей новѣйшей формации, которые на свою дѣятельность смотрятъ лишь какъ на бюрократическую *службу*. Вотъ эти-то дѣятели и любятъ проявлять при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ личное усмотрѣніе и начальническую строгость, чѣмъ и оскорбляютъ людей, которые не только служатъ, но и работаютъ для земства.

Могутъ спросить, почему же, однако, бюрократическія тенденціи нѣкоторыхъ земскихъ заправилъ вызываютъ конфликты именно со статистиками. Но, во-первыхъ, случаи увольненія служащихъ и проявленія со стороны предсѣдателей земскихъ управъ начальническаго усмотрѣнія въ последнее время часто имѣли мѣсто и по отношенію къ другимъ служащимъ, кромѣ статистиковъ; въ прошломъ «обозрѣніи» мы привели цѣлый рядъ такихъ примѣровъ; во-вторыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что статистики за-

нимаютъ среди земскихъ служащихъ особенно неблагопріятное положеніе. За ними издавна утвердилась почему-то репутація людей «неблагонадежныхъ», репутація, которая ставитъ ихъ нерѣдко въ весьма сомнительное положеніе. Такъ, тотъ же г. Блекловъ, завѣдывавшій таврическимъ бюро, рассказываетъ, что работы, производившіяся въ маѣ и іюнѣ этого года въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, сопровождались небывалыми ранѣ условіями; хотя и допущенные къ исполненію своихъ обязанностей губернаторомъ, снабженные надлежащими документами и имѣвшіе, на основаніи распоряженія губернскаго начальства, право на содѣйствіе мѣстныхъ властей, изслѣдователи были окружены крайней подозрительностью уѣздной полиціи, слѣдившей за ними по пятамъ, выразившей свое недовѣріе въ самой грубой формѣ, дошедшей до того, что, по словамъ одного крестьянина, вслѣдъ за статистиками ѣхалъ урядникъ и спрашивалъ крестьянъ, «не пропагандируютъ ли статистики вредныхъ идей противъ государства и отечества». Статистикамъ приходилось, по словамъ г. Блеклова, «наталкиваться на разныя препятствія и затрудненія, которыя не только мѣшали работѣ, но и глубоко затрогивали чувство собственного достоинства... Часто статистики оказывались въ положеніи какихъ-то подслѣдственныхъ лицъ, о которыхъ производилось тайное дознаніе, всѣмъ, впрочемъ, хорошо извѣстное, и относительно котораго считалось необходимымъ предупредить. Отсюда каждому можетъ быть понятно, какое невыносимо тяжелое нравственное состояніе приходилось нерѣдко имъ переживать».

Если такія условія имѣли мѣсто и въ другихъ земствахъ, то неудивительно, что это, съ одной стороны, вызвало въ статистикахъ настроеніе, мало благопріятствовавшее спокойному отношенію къ дѣлу, а съ другой стороны, можетъ быть, даже невольно вызывало къ нимъ недовѣріе и въ ихъ непосредственномъ начальствѣ. Такъ или иначе, но такія условія, несомнѣнно, представляли удобную почву для всякаго рода недоразумѣній.

Статистическіе конфликты выдвигаютъ и общій вопросъ о положеніи наемныхъ служащихъ въ земствѣ. Съ усложненіемъ и развитіемъ земскаго дѣла классъ лицъ, служащихъ въ земствѣ по найму, чрезвычайно увеличился. Можно смѣло сказать, что почти все земское хозяйство находится въ рукахъ этихъ служащихъ, — врачей, техниковъ, архитекторовъ, агрономовъ, статистиковъ и т. д., а за выборными лицами остается лишь общее руководство дѣломъ. Многіе находятъ это явленіе нежелательнымъ и называютъ классъ земскихъ служащихъ — земской бюрократіей. Но такое положеніе вещей вызывается самой жизнью. Можетъ быть, идея самоуправленія больше соотвѣтствовала бы порядку замѣщенія всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностей по выборамъ; но это невозможно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время: немногія земства имѣли бы возможность избирать изъ мѣстныхъ жителей врачей, агрономовъ, техниковъ и другихъ служащихъ. Волей-неволей приходится приглашать этихъ лицъ на службу по найму, что, надо признаться, имѣетъ и свою выгодную сторону, давая возможность выбирать наиболѣе подходящихъ и способныхъ кандидатовъ.

Что касается упрека въ бюрократическомъ характерѣ службы этихъ дѣятелей, то отъ земства зависитъ, поставить ли своихъ служащихъ въ положеніе чиновниковъ, формально исполняющихъ свои обязанности, или сдѣлать изъ нихъ живыхъ общественныхъ работниковъ. Тонъ и направленіе, господствующіе въ земскомъ собраніи и управѣ, дадутъ тонъ и направленіе и служащимъ въ земствѣ.

Но если ничего нельзя имѣть противъ приглашенія земствомъ служащихъ по найму, если такая организація земской службы естественно вызывается самой жизнью, то положеніе этихъ служащихъ въ земствѣ нельзя признать нормальнымъ. Весь этотъ обширный классъ служащихъ, который, главнымъ образомъ, и выноситъ на своихъ плечахъ всю тяжесть земскаго хозяйства и которому земство обязано огромными услугами, является совершенно безправнымъ. Земское Положеніе не предоставляетъ имъ никакихъ правъ, и отношенія между ними и земствомъ регулируются исключительно отношеніями личнаго найма. Вся эта армія интеллигентныхъ работниковъ стоитъ внѣ общей земской организаціи и такъ или иначе является чуждымъ и постороннимъ для нея элементомъ.

И въ этомъ нельзя не усмотрѣть одной изъ слабыхъ сторонъ дѣйствующаго Положенія. Разъ земство не можетъ обойтись безъ наемныхъ интеллигентныхъ рабочихъ силъ, то нужно эти силы связать съ общей земской организаціей, нужно дать этимъ интеллигентнымъ служащимъ извѣстные права по службѣ, упрочить ихъ положеніе, дать имъ увѣренность, что они не случайные наемники, которыхъ завтра же можно замѣнить другими наемниками, а необходимые и желанные члены общей земской семьи. Словомъ, надо исключительно-матеріальныя узы, которыми они связаны съ земствомъ, усилить нравственной связью, чтобы всѣ эти люди, отдающіе земству за ничтожное вознагражденіе свои лучшія силы и идущіе на земскую службу чаще всего изъ идейныхъ соображеній, почувствовали, что они такъ же тѣсно и неразрывно связаны съ земствомъ, какъ и коренные земцы. Тогда исчезнетъ или, во всякомъ случаѣ, значительно уменьшится возможность всякаго рода конфликтовъ и недоразумѣній.

Въ частности для урегулированія положенія статистиковъ можно было бы рекомендовать въ видѣ полезной мѣры и сейчасъ устройство при управахъ экономическихъ бюро, въ которыя входили бы и статистики. Конфликты, съ массовымъ уходомъ служащихъ въ отставку, не первый разъ встрѣчаются въ земской жизни. Раньше такіе конфликты происходили съ врачами. Теперь съ утвержденіемъ при управахъ особыхъ бюро для завѣдыванія врачебнымъ дѣломъ они прекратились. Въ бюро эти входятъ и врачи, которымъ принадлежитъ совѣщательный голосъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся постановки медицинской части въ земствѣ. Такія же бюро слѣдовало бы учредить и для завѣдыванія статистическими работами. Совмѣстное обсужденіе членами управы и представителями статистиковъ хода и направленія статистическихъ работъ и вообще всѣхъ связанныхъ съ ними вопросовъ, несомнѣнно, создастъ почву для сближенія обѣихъ сторонъ и взаимнаго довѣрія.

Читатель уже знакомъ съ крестьянскимъ начальникомъ с. Рождественскаго, Канскаго уѣзда. Это тотъ самый начальникъ, который вмѣстѣ съ лошадьми запрягъ въ свою повозку подвѣдомственныхъ ему сельчанъ. Въ *Сибирской Жизни* находимъ сообщенія о новыхъ подвигахъ этого начальника. (Фамилія его—Юрьевичъ). «При волостномъ правленіи с. Рождественскаго, Канскаго уѣзда, расширили зданіе «чижовки». Начальникъ распорядился огородить волость палисадомъ хозяйственнымъ способомъ. Отслужили молебень, поставили ведро вина, и «опростившійся» баринъ лично угощалъ мужиковъ. Вышло и прилично, и экономично».

Это бы еще, конечно, ничего. Самоличное угощеніе «начальникомъ» крестьянъ напоминаетъ даже нѣсколько идиллію. Но дальше слѣдуютъ факты ужъ далеко не такого невиннаго свойства.

«Сельское общество обложило всѣхъ вольнопроживающихъ лицъ, имѣющихъ оѣдность и хозяйство въ с. Рождественскомъ, денежнымъ оброкомъ въ пользу общества. Дѣвицѣ, дворянкѣ Аграфейѣ Заблоцкой, объявили, что по приговору съ нея слѣдуетъ взыскать 27 р. 11 к. Обиженная несоразмѣрно высокимъ размѣромъ оброка, Заблоцкая, служившая у торговца И—ва въ качествѣ экономки, потребовала копію съ приговора. После долгихъ мытарствъ и хлопотъ, ей удалось получить копію съ приговора, по которому налогъ немедленно сократился до 7 руб.

6 мая въ четыре часа утра созванъ былъ сельскій сходъ. Сельскій староста объявилъ, что крестьянскій начальникъ нанимать сельскаго писаря не велитъ, и жалованье, по раскладкѣ слѣдующее писарю, приказываетъ выдать своему письмоводителю Клевцову. «Я,—говоритъ староста,—отъ этого отказался, и начальникъ отправилъ меня сейчасъ на трехдневный арестъ въ «чижовку» при полиціи: сходъ будетъ при моемъ замѣстителѣ». Является помощникъ старосты съ письмоводителемъ начальника, который поясняетъ, что хорошо сознаетъ, что онъ—не сельскій писарь, но совѣтуетъ исполнить приказаніе начальства—выдать жалованье. Лакей г. Юрьевича объявляетъ о роспускѣ схода до двухъ часовъ дня. Сходъ собирается снова. Мимо ѣдетъ «баринъ» и приглашаетъ всѣхъ посмотреть свадьбу,—на хорошенькаго жениха и невѣсту. Раздается вскорѣ команда «взойти въ волостное присутствіе», а затѣмъ, другая: «рождественскіе направо, денисовскіе налево, а ребята молодые съ кудрявыми волосами въ срединѣ»; командуетъ самъ «баринъ». Начальникъ обращается къ сходу съ рѣчью о крестьянинахъ Сѣровѣ, что онъ двадцать рублей на лапоть мѣняетъ, а шестьдесятъ съ дѣвицами прогуляетъ, что живутъ на свѣтѣ хорошія стряпки, что для кудрявыхъ ребятъ есть много невѣстъ хорошихъ и т. д., включительно до момента, когда рождественскій батюшка, покачивая головой, выходитъ изъ волости. Прошло часа три. Мужики не выдерживаютъ и осмѣливаются: «Ваше выс-діе, пошто насъ собирали?» Въ отвѣтъ послышалось такое предложеніе: «Если хотите нанять моего письмоводителя писаремъ,—платите ему 540 р., которые онъ у меня получаетъ». (Клевцовъ—малограмотный писецъ). Сходъ отказывается, и слѣду-

еть объявленіе, что черезъ недѣлю общество будетъ имѣть писаря. Вечеромъ разошлись».

25 мая староста получаетъ приказаніе, чтобы деньги, слѣдующія въ жалованье сельскому писарю за весь годъ, вносились бы въ кассу волостного правленія. Изъ данныхъ денегъ 50 руб. на первый разъ получилъ письмоводитель.

Любопытенъ еще такой фактъ:

Квартирная хозяйка крестьянскаго начальника С—ская пожаловалась «барину» на двухъ крестьянскихъ дѣвицъ, что онѣ болтаютъ о какомъ-то массажѣ со сметаной. Баринъ распорядился отправить Дарью Кузовину съ товаркой къ священнику для назиданія, разъяснивъ батюшкѣ про массажъ и сметану. Дѣвицы просидѣли сутки въ «чижовкѣ».

Что болѣе всего интересно въ г. Юрьевичѣ,—это соединеніе незнающаго себѣ границъ начальнскаго «нрава» съ простодушной веселостью характера. Это не Угрюмъ-Бурчеевъ какой-нибудь, а веселый, простодушный обыватель, которому судьба дала возможность проявлять свое усмотрѣніе хотя бы въ самыхъ фантастическихъ формахъ. И вотъ онъ, съ одной стороны, впрягаетъ людей въ свою повозку и сажаетъ дѣвицъ въ чижовку за «массажъ со сметаной», а съ другой стороны, самолично угощаетъ крестьянъ водкой и держитъ имъ рѣчи про «хорошихъ стряпокъ». Насколько, однако, такая веселость смягчаетъ для крестьянъ горечь начальнскихъ распоряженій, остается сомнительнымъ.

О веселомъ земскомъ начальникѣ рассказываетъ и *Приднѣпровскій Край* въ корреспонденціи изъ Ставрополя-Кавказскаго. Начальникъ этотъ вздумалъ устроить танцевальный вечеръ и мѣстомъ для этого избралъ помѣщеніе министерскаго училища.

«Завѣдующій этимъ училищемъ учитель, конечно, не перечилъ, и вечеръ, къ общему удовольствію, состоялся бы въ назначенной школѣ, если бы земскому начальнику не вздумалось за нѣсколько дней до вечера поссориться съ учителемъ. Учитель попалъ въ немилость, и танцы были назначены въ другой министерской школѣ, которой завѣдывала учительница. Учительница, узнавши отъ знакомыхъ, что помѣщеніе ея школы абонировано земскимъ начальникомъ для вечера,—тутъ же заявила, что своей комнаты для гостей, по нѣкоторымъ причинамъ, дать не можетъ. Земскій начальникъ, не зная ли о такомъ заявленіи, или не желая обращать на него вниманія, пригласилъ гостей на вечеръ во 2-ю школу. Классное помѣщеніе было обращено въ танцевальный залъ, а одна изъ свободныхъ комнатъ учительницы въ буфетную, и гости были бы довольны, если бы нѣкоторые папаши не загорѣлись желаніемъ подъ шумокъ танцевъ заложить пулечку. Къ тому же сводились желанія и гостепріимнаго хозяина, земскаго начальника. Собралась теплая компанія, но въ данномъ случаѣ «благимъ» начинаніямъ, какъ всегда, встрѣтилось препятствіе. Хорошо поиграть, да гдѣ засѣсть? Въ залѣ—бѣшеные танцы, а въ буфетѣ—масса любителей побесѣдовать съ рюмочкой... Эта остановка за укромнымъ угломъ

комъ «гостепріимнаго хозяина» довела до невмѣняемости. Онъ поминутно подбѣгалъ къ запертой двери сосѣдней комнаты и разгорался все больше и больше начальническимъ гнѣвомъ, который, наконецъ, излился на «виновницу» въ слѣдующихъ словахъ: «Всякой с...и, господа, извольте одолжаться—просить!» Гости, стоявшіе вблизи разсерженнаго «хозяина», частью хихикали, частью молчаливо негодовали. Бывшій тутъ же учитель, однако, осмѣлился замѣтить «хозяину», что учительница—не всякая с...ь, и вообще выражаться такъ не слѣдуетъ. Такое справедливое замѣчаніе вызвало крики земскаго начальника, что учитель нарушаетъ спокойствіе, грубитъ «своему начальнику», по приказанію котораго его могутъ сейчасъ же вывести. При этомъ земскій начальникъ заявилъ учителю, что ему въ этомъ селѣ все равно не служить. Какъ-какъ удалось гостямъ успокоить расхоловавшегося «хозяина», и дѣло этимъ бы и окончилось, если бы земскій начальникъ былъ незлопамятнымъ, способнымъ перемѣнять зло на милость... Не тутъ-то было! Черезъ нѣсколько дней послѣ инцидента на вечерѣ, къ начальству учителя поступила отъ земскаго начальника официальная бумага, въ которой послѣдній обвиняетъ учителя въ тяжкихъ преступленіяхъ. Учитель оказывается на бумагѣ горькимъ пьяницей и крайне небрежнымъ къ своему дѣлу; онъ и садъ запустилъ, и чтеній съ туманными картинами не ведетъ, и такъ далѣе. Учитель долженъ былъ писать оправдательные пункты, собирать свидѣтелей, ѣздить нѣсколько разъ версты за 100 для объясненій, чтобы опровергнуть обвиненіе—слѣдствіе столкновенія на личной почвѣ. Онъ испугался не на шутку, какъ бы слова земскаго начальника «ему больше здѣсь не служить» не оказались пророческими... Однако, начальство учителя не уволило, а предложило ему «помириться» съ земскимъ начальникомъ.

Вотъ къ какимъ результатамъ можетъ привести начальническая веселость. Хорошо еще, что дѣло кончилось благополучно: учитель «помирится», т.-е. попроситъ у земскаго начальника извиненія, пообѣщаетъ впредь «не грубить» и останется на мѣстѣ. А, вѣдь, могло выйти иначе, и учитель за грубость лишился бы мѣста. Нѣтъ, какъ хотите, а невеселое начальство лучше веселаго. Веселость только развиваетъ игривость фантазіи и подвергаетъ обывателя опаснымъ испытаніямъ.

Оставимъ, однако, крестьянскихъ и земскихъ начальниковъ и перейдемъ къ темъ, сильно занимающей въ данный моментъ вниманіе провинціи. Мы говоримъ о винной монополіи и связанныхъ съ нею явленіяхъ.

Московскія газеты, сейчасъ по открытіи казенныхъ лавокъ, помѣстили не мало статей, посвященныхъ описанію новаго порядка вещей, созданнаго монополій. Особенно печальныхъ ноть въ этихъ статьяхъ не слышно было. Напротивъ, «монополію» въ общемъ приняли сочувственно. Не то въ провинціи. Монополія припласъ ей совсѣмъ не по душѣ.

Въ Нижнемъ дума посвятила цѣлое засѣданіе вопросу объ отрицательныхъ явленіяхъ, вызванныхъ введеніемъ монополіи.

«Въ засѣданіи гласными были сдѣланы слѣдующія указанія: съ введе

ніемъ казенной винной монополіи пьянство вылилось на улицы; помимо безобразій, въ смыслѣ нарушенія общественнаго приличія, даже сравнительно далеко не поздними вечерами стали наблюдаться случаи ограбленія женщинъ пьянствующими на окраинныхъ улицахъ группами; эти же группы распивающаго на улицахъ люда вовлекаютъ въ свою компанію подростковъ и угощаютъ ихъ водкой; вышивка безъ закуски искусственно создаетъ опьяненіе, увеличивая такимъ образомъ обычное количество пьяныхъ; послѣдніе валяются и засыпаютъ во всякую погоду прямо на землѣ, что влечетъ вслѣдъ за собой повышеніе числа остро-простудныхъ заболѣваній, увеличеніе количества больныхъ въ городскихъ больницахъ и лѣчебницахъ и, слѣдовательно, обремененіе городского бюджета; скандалы и буйства потребовали перевода полицейскихъ постовъ, содержимыхъ за счетъ города, къ казеннымъ виннымъ лавкамъ».

Но этого мало. Тема настолько увлекла гг. гласныхъ, что они выбрали еще особую комиссію для подробнаго изслѣдованія отрицательныхъ явленій, вызванныхъ монополіей, и выработки мѣръ для борьбы съ ними. Очевидно, вопросъ, что называется, наболѣлъ.

Горько жалуются на послѣдствія монополіи и ставропольцы. Потребители казенной лавки цѣлыми кучами рассаживаются на улицахъ и площадяхъ около лавокъ, пьютъ, поютъ пьяныя пѣсни, сквернословятъ, поднимаютъ невообразимый крикъ, чинятъ безобразія и вообще всячески отравляютъ существованіе обывателей, имѣющихъ несчастье жить поблизости. Нѣкоторыя улицы и площади прямо превратились въ одинъ огромный публичный кабакъ, мимо котораго проходить далеко не безопасно.

Изъ Балахны пишутъ:

«Ежедневно съ открытіемъ казенныхъ винныхъ лавокъ городскіе и припшлые обыватели составляютъ возлѣ винныхъ лавокъ кружки, распивая водку. Въ 10 час. утра вся компанія напивается до состоянія невмѣняемости и производитъ дебоши. Главнымъ образомъ большія группы пьянаго люда приходится встрѣчать на углу городского бульвара: здѣсь въ базарные дни трудно пройти и даже опасно. Приходится наблюдать здѣсь куплю и продажу собственного платья между захмелѣвшими. Безъ стѣсненія одурманенные люди снимаютъ съ себя сапоги, ниджаки, сорочки и проч. платье, продаютъ случайнымъ гешефтмахерамъ и на вырученные деньги угощаются около казенной лавки и тутъ же сваливаются на землю. А тамъ вдали слышится печальный вопль жены, либо голодныхъ дѣтей».

Какъ видите, положеніе винной монополіи въ столицѣ даетъ очень слабое представленіе о положеніи ея въ провинціи. Если безобразія чинятся въ такихъ сравнительно большихъ городахъ, какъ Нижній, то можно себѣ представить, что творится въ небольшихъ городахъ, мѣстечкахъ, весяхъ и селахъ нашего обширнаго отечества.

Министерство финансовъ неоднократно заявляло, что главной задачей казенной монополіи является уменьшеніе пьянства, а не увеличеніе дохо-

довъ казны. Надо поэтому надѣяться, что оно обратитъ самое серьезное вниманіе на вызванное въ провинціи монополіей уличное пьянство.

Бстати, по поводу винной монополіи. На последнемъ экстренномъ собраніи саратовскаго губернскаго земства, при обсужденіи доклада объ общественныхъ работахъ, однимъ изъ гласныхъ сдѣлано было предложеніе о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства о закрытіи на время всѣхъ казенныхъ винныхъ лавокъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ недородомъ. Предложеніе это встрѣтило общее сочувствіе. «Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ, между прочимъ, хвалынский предводитель дворянства, — одной рукой кормить голодающаго, а другой подносить ему соблазнъ въ видѣ кабака».

21-го сентября скончался въ Москвѣ членъ государственнаго совѣта Николай Саввичъ Абаза. Покойный, занимая въ 1870 году должность херсонскаго, а съ 1874 до 1880 г. рязанскаго губернатора, проявилъ себя какъ гуманный и просвѣщенный администраторъ и искренній другъ земскихъ учреждений. Отношеніе его къ земству характеризуется, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что когда губернское земское собраніе образовало особую комиссію для выработки мѣръ борьбы съ ожидавшеюся эпидеміей, то онъ предложилъ комиссіи свои услуги какъ врачъ. По переходѣ на службу въ Петербургъ, покойный принималъ и личное участіе въ земскихъ дѣлахъ Рязанской губ. въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго.

Въ 1880 г., при гр. Лорисъ-Меликовѣ, Н. С. Абаза занималъ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, а въ 1890 г. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кабинетъ Вальдека-Руссо благополучно доживаетъ до открытія парламента и является самымъ прочнымъ изъ министерствъ третьей республики. Всѣ оппозиціонныя группы приготовляются къ натиску на него въ палатѣ депутатовъ. Клерикалы выступаютъ, конечно, съ запросомъ о католическихъ конгрегаціяхъ, многія изъ которыхъ отказались подчиниться новому закону, передаютъ свои школы и имущество другимъ учрежденіямъ и лицамъ, выселяются изъ Франціи. Но въ Италиі, Бельгіи и Испаніи, куда направляются не подчинившіяся государству конгрегаціи, встрѣчаютъ ихъ не особенно дружелюбно, и весьма вѣроятно, что и тамъ они подвергнутся значительнымъ ограниченіямъ.

Итакъ, первымъ результатомъ закона Вальдека-Руссо является сокращеніе числа и значенія религиозныхъ конгрегацій во Франціи. Крайнія партіи недовольны правительствомъ, но есть основанія думать, что республиканское большинство поддержитъ его, несмотря на усиленное противодействие той группы, во главѣ которой стоитъ Мелінь.

Парламенту предстоитъ обсудить бюджетъ на 1902 годъ. Въ теченіе семи первыхъ мѣсяцевъ нынѣшняго года поступленіе государственныхъ доходовъ было ниже поступленій прошлаго года. Это обезпечило общественное мнѣніе, но подробный анализъ фактовъ даетъ относительно успокоительные для Франціи результаты. Прямые подати дали болѣе, чѣмъ въ 1900 г. Уменьшились нѣсколько пошлыны съ наслѣдствъ, но это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ семь мѣсяцевъ нынѣшняго года умерло меньше, чѣмъ въ семь мѣсяцевъ прошлаго. Налогъ на биржевыя операціи также не достигъ цифры 1900 года, что объясняется относительною вялостью рынка.

Таможенныя пошлыны упали значительно: меньше предполагаемаго на 13.285,000 франковъ. Больше половины этой суммы не собрано съ вина, привозимаго во Францію, спросъ же на него уменьшился потому, что въ самой Франціи за послѣдніе годы были отличные урожаи винограда. Косвенные налоги дали на 31.283,000 франковъ меньше смѣтнаго. Но и эта цифра имѣетъ утѣшительное значеніе,—не въ чисто финансовомъ отношеніи, разумѣется: уменьшился на 12.043,500 фр. доходъ съ алкоголя, сократилось, стало быть, его потребленіе. Сильный урожай свекловицы уменьшилъ доходъ съ колониальнаго и иностраннаго сахара. Но въ общемъ поступленій на 53.999,000 франковъ менѣе, и министръ финансовъ, Бальо, въ одной изъ недавнихъ рѣчей намекнулъ на необходимость сбереженій въ

бюджетъ. Большимъ шагомъ впередъ было бы введеніе подоходнаго налога. Правительство обѣщаетъ внести на обсужденіе парламента подробно разработанный проектъ такого налога, но—на будущій годъ, послѣ того, какъ пройдетъ законопроектъ о рабочихъ пенсіонныхъ кассахъ.

Политическіе круги Франціи сильно занимаютъ и мысль о введеніи въ избирательную систему пропорціональнаго представительства. Въ послѣдней книгѣ *Политическаго и парламентскаго обозрѣнія* напечатана посвященная этому вопросу статья Северенъ де-ла-Шапелля, который изучаетъ его въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ *).

Бельгійскій законъ о пропорціональномъ представительствѣ (29 декабря 1899 года), послѣ двадцатилѣтней борьбы, прошелъ большинствомъ семи голосовъ. Въ принципѣ за него высказалось 110 депутатовъ изъ ста пятидесяти, но это большинство почти исчезло при обсужденіи подробностей. Бельгійскій законъ является компромиссомъ и довольно неудачнымъ (множественность вотовъ у лицъ въ извѣстныхъ привилегированныхъ положеніяхъ, и т. д.).

Северенъ де-ла-Шапелль высказывается и противъ швейцарской системы; Швейцарія—федеративное государство. Центральное правленіе поддерживаетъ единство и неразрывность союза; отдѣльные штаты и ихъ подраздѣленія соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ, разнообразясь въ значительной степени. Федеральнй совѣтъ составленъ не на основѣ пропорціональнаго населенію избирательства, а на принципѣ равенства всѣхъ штатовъ,—и самый маленькій, какъ Цугъ, и самый большой (Бернъ) имѣютъ по два представителя въ федеральномъ совѣтѣ.

Изъ 42 штатовъ швейцарской конфедераціи только пять ввели у себя до сихъ поръ систему пропорціональнаго представительства. Бернъ ввелъ ее только для муниципальныхъ выборовъ.

Северенъ де-ла-Шапелль выработалъ свой проектъ пропорціональнаго представительства, имѣя въ виду унитарный духъ французскаго народа. Выборы, по его предложенію, должны образоватьъ большинство и выдѣлять болѣе или менѣе значительныя группы меньшинства, въ каждомъ избирательномъ участкѣ. Выборы происходятъ по спискамъ относительнымъ большинствомъ. При первой подачѣ голосовъ выбранными считаются лишь тѣ кандидаты, которые получаютъ четверть всѣхъ голосовъ + одинъ; на перебаллотировкѣ достаточно простого относительнаго большинства. Въ парламентѣ выборы должны производиться по департаментамъ.

Бельгійская и швейцарская системы имѣютъ въ виду дать странѣ представительство, пропорціональное числу сторонниковъ существующихъ въ ней политическихъ партій. Не такова цѣль проекта французскаго публициста. Онъ возстаетъ противъ этой просто численной пропорціональности и считаетъ ее несовмѣстимой съ современнымъ французскимъ правомъ. Баллотировка только одного кандидата повела бы къ искаженію всеобщей по-

*) *Séverin de la Chapelle: „Le Problème de la vraie Représentation Politique“.* *Revue Pol. et Parl.*, 10 Septembre 1901.

дачи голосовъ; баллотировка по групповому листу (*liste fractionnaire*) возстановитъ чистоту всеобщаго голосованія. Необходимымъ условіемъ является при этомъ требованіе вносить въ листъ половину + одно имя всѣхъ кандидатовъ на избраніе. Северенъ де-ла-Шапелль приводитъ примѣры. Возьмемъ округъ съ 120,000 избирателей, который долженъ послать въ парламентъ двѣнадцать депутатовъ. 60,000 + 1 изъ внесенныхъ въ списки избирателей не могутъ имѣть болѣе (6 + 1) семи депутатовъ, и т. д.

Система, предложенная авторомъ статьи «Задача истиннаго политическаго представительства», представляется мнѣ довольно запутанною. Северенъ де-ла-Шапелль предлагаетъ политической печати обсудить его проектъ.

Война англичанъ съ несчастными бурами продолжается, — впрочемъ, это уже не война, а безпощадное истребленіе и разореніе племени. Но буры умираютъ, но не сдаются, и общественное мнѣніе Англійи смущено. Даже либералы, — за исключеніемъ немногихъ мужественныхъ и благородныхъ людей, — требуютъ побѣдоноснаго окончанія войны, то-есть присоединенія южно-африканскихъ республикъ къ англійскимъ владѣніямъ; но они горько упрекаютъ правительство за неумѣлое веденіе войны.

Temps въ статьѣ «Избіеніе невинныхъ» передаетъ ужасающія свѣдѣнія о томъ, что творится въ лагеряхъ, гдѣ англичане *концентрируютъ* бурскихъ женщинъ и дѣтей. По официальнымъ даннымъ, изъ 85,410 *концентрированныхъ* въ іюнѣ умерло 777 чел.; въ іюлѣ на 93,940 умерло 1,412; въ августѣ на 105,347 чел. умерло 1,878... Смертность непрерывно возрастаетъ (съ 109 на тысячу уже до 214). Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ генераловъ, сэръ Невилль-Чемберленъ (какое прискорбное совпаденіе имени!) призываетъ проклятіе на такой способъ веденія войны.

Чѣмъ правительство Салисбюри-Чемберлена поступаетъ лучше турецкаго, избивающаго армянъ? Въ сентябрѣ въ Мушѣ (близъ озера Ванъ) опять произошли злодѣйства. Десятый международный конгрессъ мира, собиравшійся въ Глазговѣ, въ нынѣшнемъ сентябрѣ, сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: рассмотрѣвъ докладъ международнаго бюро мира въ Бернѣ и докладъ Аракелиана о современномъ положеніи армянъ въ Турціи, принимая во вниманіе, что прискорбная участь армянъ въ Турціи нисколько не улучшается, что жестокости и звѣрства надъ этимъ несчастнымъ народомъ продолжаются и что европейскія державы до сихъ поръ не сдѣлали никакого коллективнаго усилія, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ армянъ, конгрессъ постановляетъ: представить предложеніе европейскимъ государствамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, созвать официальную конференцію для разрѣшенія армянскаго вопроса путемъ исполненія проекта реформъ, выработаннаго въ маѣ 1895 года правительствами французскимъ, русскимъ и англійскимъ.

Чемберлену мудрено согласиться на такое предложеніе.

Въ газетѣ *Pro Armenia* появились изъ Муша ужасающія подробности турецкихъ звѣрствъ. Въ горячихъ статьяхъ такая сдержанная и умѣрен-

ная газета, какъ *Temps*, рѣзко обвиняетъ правительство султана за эти *армянскія вечерни*.

Интересно въ *Temps* и письмо изъ Ирландіи. Населеніе уменьшается (выселяется) и бѣдствуетъ. Парламентская коммиссія признала, что Ирландія не можетъ выносить безъ разоренія падающіе на нее налоги (изъ нихъ пятьдесятъ милліоновъ франковъ идутъ на *имперскіе* расходы, на войну съ бурами, напримѣръ). Въ 1836 г. населеніе Ирландіи равнялось восьми милліонамъ и платило податей 125 милліоновъ франковъ (16 франковъ съ человѣка). Въ нынѣшнемъ году ирландцевъ считается только 4,456,000 ч. На нихъ падаетъ налоговъ 240 милліоновъ франковъ. т.-е. 50 франковъ на человѣка!

Въ Германіи,—не первый уже разъ,—возникъ конфликтъ между берлинскимъ самоуправленіемъ и королемъ. Столичная дума выбрала вторымъ бургомейстеромъ (товарищемъ головы) Кауфмана. Императоръ не утвердилъ избранія, потому что когда-то, за свои либеральныя убѣжденія, тотъ былъ лишень мундира лейтенанта запаса. Дума вторично и единогласно выбрала Кауфмана. Отвѣтъ на этотъ разъ получился отъ оберъ-президента Бранденбурга. Онъ сообщаетъ думѣ, что не можетъ представить Кауфмана къ утвержденію и предлагаетъ указать лицо, которое могло бы быть назначено замѣнъ товарища головы правительственнымъ комиссаромъ. Магистратъ отвѣтилъ, что въ такомъ назначеніи не видитъ надобности.

Другое столкновеніе города Берлина съ королемъ вызвано желаніемъ муниципалитета связать трамваемъ черезъ знаменитый бульваръ *Подъ липами* (*Unter den Linden*) двѣ сѣти этихъ трамваевъ кратчайшимъ путемъ. Вопросъ о быстромъ и удобномъ передвиженіи для массъ въ такомъ громадномъ и оживленномъ городѣ, какъ Берлинъ, имѣетъ существенно важное значеніе. Этого трамвая не желаетъ императоръ Вильгельмъ II (на бульварѣ *Unter den Linden* находится императорскій дворецъ).

Русская Мысль сообщала своевременно о гигантской борьбѣ рабочихъ съ трестомъ стальныхъ заводчиковъ. Теперь приходится, къ сожалѣнію, отмѣтить побѣду этого треста. Стачники потерпѣли полное пораженіе, небывалое и жестокое. Рабочіе, съ Шафферомъ во главѣ, должны были согласиться на уничтоженіе обязательнаго ежегоднаго совѣщанія между патронами и представителями рабочаго союза, т.-е. отъ крупнѣйшаго изъ своихъ завоеваній, достигнутаго было цѣною долгой и тяжелой борьбы. Трестъ возвращаетъ себѣ право имѣть дѣло съ рабочими, не принадлежащими къ синдикату. Пвернонъ-Марганъ и его союзники празднуютъ побѣду.

Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, когда онъ былъ на неотвѣтственномъ посту вице-президента республики, многократно заявлялъ, что колоссальное развитіе капиталистическихъ трестовъ представляетъ серьезную опасность для демократіи. Независимая часть печати также встревожена этими вопросамъ. Но Рузвельтъ—президентъ бу-

детъ ли крѣпко держаться убѣжденій Рузвельта—вице-президента? *That is the question.*

Rossia отмѣчаетъ, что на первыхъ же порахъ Рузвельтъ совершаетъ чуть ли не революцію въ политической жизни великой заатлантической республики: онъ не желаетъ быть партійнымъ президентомъ.

«По его мнѣнію, онъ былъ человѣкомъ партіи, пока не сталъ президентомъ, а теперь онъ долженъ стоять выше партійныхъ счетовъ и партійныхъ программъ.

Такая точка зрѣнія приводитъ въ крайнее смущеніе американскихъ политиковъ. Они признаютъ его планы революционными. Но Рузвельтъ скоро имъ показалъ, что такія обвиненія его нисколько не смущаютъ, а побуждаютъ поскорѣе браться за дѣло. Не долго думая, онъ взялъ да и назначилъ чиновниками нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ партіи, враждебной той партіи, которая одержала верхъ на послѣднихъ президентскихъ выборахъ, и къ которой онъ самъ принадлежалъ. Это уже настоящій скандалъ въ благородномъ семействѣ. До сихъ поръ свято соблюдался обычай: добыча принадлежитъ побѣдителю! При побѣдѣ, одержанной какой-нибудь партіей, смѣщались всѣ прежніе чиновники и замѣщались приверженцами партіи, одержавшей верхъ. Многіе увѣрены, что это требуется самой конституціей, и глубоко убѣждены, что правило: «добыча принадлежитъ побѣдителямъ»—должно составлять первый параграфъ американскаго устава о службѣ гражданской.

До сихъ поръ такъ и было, что добыча принадлежала побѣдителямъ, и, конечно, чиновники всецѣло считались съ тѣмъ обстоятельствомъ, что они являются калифами на часъ. Они себя не забывали и потому смотрѣли на полученное мѣсто, какъ на источникъ наживы. Смѣна служащихъ, вмѣстѣ съ переменной партійнаго счастья, являлась основой деморализаціи американскаго чиновничества».

Выборы президента республики сопровождались подкупамъ и самъ президентъ долженъ былъ управлять страной въ интересахъ выбравшей его партіи.

«Рузвельтъ призналъ такіе порядки вредными, онъ желаетъ быть независимымъ президентомъ. Онъ не желаетъ быть пѣшкой въ рукахъ той или иной клики, составленной изъ главарей партіи, одержавшей верхъ на послѣднихъ выборахъ. Это уже чисто революціонная ломка всего режима. Съ какой стати та или иная партія будетъ добиваться того, чтобы въ президенты попалъ одинъ изъ ея сторонниковъ? Нѣтъ никакого смысла вести партійную борьбу при президентскихъ выборахъ, если избранный, въ силу самаго избранія, долженъ стать человѣкомъ внѣпартійнымъ. Теперь та или иная партія, проводя своего кандидата, учитываетъ будущія выгоды направленія внутренней политики, согласно ея взглядамъ и интересамъ. Но если президентъ послѣ избранія будетъ выходить изъ рядовъ партіи, то на своемъ вліятельномъ посту онъ окажется, пожалуй, властнымъ врагомъ интересовъ той партіи, которая поставила его у власти... Всей своей

дѣятельностью онъ можетъ такъ дискредитировать программу партіи, что она на слѣдующихъ выборахъ обязательно будетъ разбита и уничтожена.

«Всѣ эти предостереженія, жалобы и указанія нисколько не смущаютъ Рузевельта. Онъ твердо стоитъ на своемъ, не обращая вниманія на тѣ послѣдствія, которыя могутъ вредно отозваться на его политической карьерѣ. Рузевельтъ говоритъ, что будетъ радъ, если его внѣпартійная дѣятельность будетъ одобрена вторичнымъ избраніемъ, но онъ не желаетъ быть вторично президентомъ, если ему поставятъ условіемъ быть послушнымъ членомъ партіи» *).

Выборы въ венгерскій парламентъ окончились побѣдою либеральной правительственной партіи. На этотъ разъ администрація воздерживалась отъ давленія на избирателей, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всетаки происходили серьезные беспорядки, причемъ вмѣшивались войска, были убиты и ранены.

Очень усилилась партія Кошута, стремящаяся къ полному разрыву съ Цислейтаніей. Потерпѣлъ поражение бывший министр-президентъ, одинъ изъ главныхъ вождей либеральной партіи, Коломанъ Тисса. Его противники разоблачили множество злоупотребленій, совершенныхъ имъ тогда, когда онъ стоялъ у власти.

За исходомъ мадьярскихъ выборовъ съ понятнымъ интересомъ слѣдили и въ Австріи, и въ Германіи. Нѣмецкая печать весьма довольна побѣдою правительства, потому что считаетъ ее побѣдою и тройственного союза. Газета *Россия* говоритъ, что съ такимъ предположеніемъ нельзя согласиться. «Выборы въ парламентъ нельзя смѣшивать съ плебисцитомъ за или противъ тройственного союза. Если бы венгерскій народъ былъ призванъ высказаться за или противъ принадлежности къ тройственному союзу, причемъ голосованіе было бы вполнѣ «чистымъ», то, навѣрно, нашлось бы громадное большинство противъ тройственного союза. На выборахъ же вопросъ о тройственномъ союзѣ въ большинствѣ случаевъ замалчивался. Рѣдко кто изъ депутатовъ подымалъ этотъ вопросъ въ своей рѣчи передъ избирателями. Но кто его подымалъ, тотъ потомъ не могъ похвастаться своей тактичностью. Вспомнимъ, что Тисса провалился на выборахъ потому, что его по заслугамъ объявили завзятымъ австрійцемъ и другомъ нѣмцевъ. Гр. Аппоньи въ теченіе 20 лѣтъ не зналъ ни одного конкурента въ своемъ родномъ избирательномъ округѣ. Теперь ему пришлось считаться съ конкурентомъ и получить такое скромное большинство, которое для него является кровной обидой. Если бы онъ не сказалъ, что онъ сторонникъ мирнаго единства съ Австріей и поклонникъ тройственного союза, то навѣрно онъ прошелъ бы на выборахъ единогласно, какъ онъ проходилъ въ теченіе 20 лѣтъ. За него прежде подавали голоса всѣ потому, что онъ—націоналистъ, а теперь онъ самъ сказалъ, что онъ націоналистъ съ такими большими примѣсями, которыя не нравятся венгерскому народу».

*) *Россия*, 4 октября.

И дѣйствительно, сильный ростъ партіи Комюта—плохое предзнаменованіе для тройственного союза.

15 сентября н. с. въ Ноганѣ, гдѣ похоронена Жоржъ Зандъ, торжественно открыли памятникъ ей, работы Милле *). Брестьяне, которые хорошо помнятъ «добрую ноганскую барыню», приняли живое участіе въ этомъ торжествѣ. Изъ Парижа пріѣхали Анри Фулье, вице-президентъ общества писателей, сенаторъ Форишонъ, извѣстная писательница Северинъ, Бушаръ и мн. др. Артистами *Французской комедіи* былъ разыгранъ *François le Champi*, произнесено много рѣчей. Фулье напомнилъ слова Гюго, сказанныя имъ при погребеніи Жоржъ-Зандъ: «Я оплакиваю мертвую, я привѣтствую безсмертную». Славная память о Жоржъ-Зандъ дѣйствительно жива, и однимъ изъ доказательствъ этого является памятникъ знаменитой романисткѣ въ такъ любимомъ ею Ноганѣ. Если велика честь, — сказала Фулье, — когда человѣка славятъ въ отечествѣ, въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова, то сладко, когда человѣка любятъ и почитаютъ на родинѣ. Кто остается великимъ французскимъ писателемъ четверть вѣка послѣ смерти, тотъ останется имъ навсегда, какъ Жоржъ-Зандъ.

Северинъ въ пылкой рѣчи воздала хвалу Жоржъ-Зандъ отъ глубоко благодарныхъ, такъ много ей обязанныхъ, созданныхъ ею французскихъ писательницъ.

Была аллегорическая процессія, была музыка, вечеромъ зажглась иллюминація. Праздникъ прошелъ оживленно, искренне, красиво. Напомню, что въ комитетѣ по сооруженію статуи Жоржъ-Зандъ участвовалъ нашъ великій Тургеневъ. У насъ теперь мало читаютъ Жоржъ-Зандъ, и это жаль. Такія произведенія какъ *Mauprat*, *Compagnon du Tour de France*, *Mare au diable*, *François le Champi* читаются съ наслажденіемъ.

Въ иностранномъ обзорѣннн какъ будто странно читать о литературномъ праздникѣ. Но я не ограничиваю своихъ обзоровъ только политической жизнью иностранныхъ государствъ и международными (правильнѣе, междугосударственными) отношеніями. Если отъ времени до времени не всматриваться въ явленія экономической и духовной жизни страны, трудно не избѣжать ошибочной оцѣнки и ея политической жизни. Въ то время, какъ на политической авансенѣ главными мотивами и героями являются опредѣленные побужденія и лица, въ странѣ могутъ уже зарождаться новыя теченія, и наоборотъ: то, что сдвинуто съ авансены и считается похороненнымъ, можетъ въ дѣйствительности жить и развиваться. Праздникъ въ Шатрѣ я считаю однимъ изъ признаковъ того благороднаго идеализма, которымъ славна Франція. Холодный расчетъ изгоняетъ этотъ идеализмъ изъ иностранной политики, но душа націи, судя по приведенному и многимъ другимъ примѣрамъ, жива въ третьей республикѣ.

В. Г.

*) Памятникъ поставленъ на площади мѣстечка Шатрѣ.

Письма о современном искусствѣ.

XVI.

„Дикая утка“, драма Г. Ибсена (Художественный театр).—„Разрывъ-трава“, фантастическая сказка Е. П. Гославскаго (Новый театр).

Въ дружеской бесѣдѣ, за стаканомъ вина, Генрихъ Ибсенъ какъ-то высказалъ ту мысль, что человѣчество сдѣлаетъ только тогда шагъ впередъ, когда каждый отдѣльный человѣкъ сумѣетъ проявить во всей силѣ свою индивидуальность. «Въ такомъ случаѣ, вашимъ идеаломъ человѣка, — замѣтилъ поэту одинъ изъ собесѣдниковъ, — долженъ быть Бисмаркъ». — «Нѣтъ, — отвѣчалъ Ибсенъ, — Бисмаркъ является самъ порабителемъ каждой индивидуальности». — «Но развѣ въ этихъ словахъ нѣтъ противорѣчія вашей основной мысли?» — замѣтили поэту. Ибсенъ усмѣхнулся и задалъ вопросъ: «А были ли вы въ состояніи додумать какую-нибудь мысль до самаго конца и не натолкнуться на какое-либо противорѣчье?» Разговоръ этотъ приведенъ въ изданіи «Freie Bühne», посвященномъ Г. Ибсену ко дню его литературнаго юбилея 20 марта 1898 года. Послѣдняя фраза этого небольшого разговора можетъ служить эпиграфомъ къ драмѣ Г. Ибсена «Дикая утка». Когда поэтъ окончилъ своего «Доктора Штокмана», котораго онъ заставилъ высказать горделивую мысль, что «самымъ сильнымъ человѣкомъ будетъ тотъ, кто стоитъ одинокимъ», что наступитъ время, когда сыновья доктора Штокмана подрастутъ и общими усилиями съ ихъ сверстниками, воспитанными, какъ и они, въ принципахъ свободы и правды, выметутъ дочиста всю ложь, окутывающую человѣчество, — поэтъ-драматургъ долженъ былъ глубоко задуматься надъ возможностью появленія такого «рыцаря духа», истиннаго сына идеалиста доктора Штокмана. И вотъ, задумавъ такой образъ, онъ мысленно довелъ его до конца и... натолкнулся на противорѣчье. Результатомъ этой думы явился Грегерсъ Верле, «выродокъ» доктора Штокмана, вся жизнь котораго сложилась въ концѣ-концовъ такъ, что, предъявляя человѣчеству свои «идеальныя требованія» жизни въ правдѣ, онъ всю жизнь свою былъ только тѣмъ тринадцатымъ гостемъ, одно появленіе котораго вноситъ смятеніе въ мирную обстановку

домашняго очага. На ряду съ Грегерсомъ Верле, неудавшимся апостоломъ *правды въ жизни*, Ибсенъ могучимъ инстинктомъ протѣиворѣчія набросалъ фигуру доктора Реллинга, возведшаго *ложь въ жизни* въ дѣятельный факторъ счастья и благополучія всего современнаго общества. И настолько эта борьба двухъ противоположныхъ теченій захватила поэта, что читатель «Дикой утки», или зритель, которому пришлось видѣть эту драму на сценѣ, не въ состояніи опредѣлить, на чьей же сторонѣ лежатъ симпатіи Ибсена, кому онъ вѣрить самъ, проповѣднику ли царства правды—Грегерсу Верле, или же проповѣднику царства лжи—доктору Реллингу. Вопросъ о торжествѣ пераго или втораго начала такъ и остается вопросомъ и въ концѣ драмы: Грегерсъ Верле и Реллингъ расходятся каждый своей дорожкой, каждый изъ нихъ остается убѣжденнымъ въ правотѣ исповѣдуемой имъ догмы, несмотря на то, что между ними лежитъ бездыханное тѣло маленькой Эдвиги, погибшей безцѣльной жертвой этой безрезультатной борьбы. Уходитъ ли Грегерсъ Верле съ цѣлью кончить жизнь самоубійствомъ, или же онъ захочетъ и дальше продолжать свое «привзаніе» — быть тринадцатымъ за столомъ,—по существу безразлично для зрителя. Смерть Эдвиги не убѣдила мечтателя, да и не могла убѣдить въ банкротствѣ его «идеальныхъ требованій» къ человѣчеству: она могла лишь убѣдить его въ томъ, что онъ ошибочно считалъ своего друга Яльмара способнымъ на проникновеніе идеальнымъ принципомъ правды въ жизни.

Такова основная идея драмы «Дикая утка». По своей художественной разработкѣ драма эта является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ *символистическаго реализма*. Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу передъ вѣчно возбуждающимся, при каждой театральной постановкѣ драмы Ибсена, вопросомъ о художественномъ значеніи символа въ драмѣ. Къ чему символъ, къ чему эта туманная исторія о дикой уткѣ, подстрѣленной охотникомъ, старикомъ Верле, упавшей на самое дно болота и вытащенной оттуда собакой охотника, затѣмъ попавшей въ жилище Экдалей и тамъ ожирѣвшей, ставшей ручной на чердакѣ, который замѣнилъ ей былую свободу? Къ чему вся эта исторія, коль скоро драма семьи Экдалей можетъ быть рассказана и изображена помимо этого «символа»? Мнѣ кажется такой пріемъ критики нѣсколько страннымъ. Къ чему то или другое эпизодическое лицо въ драмѣ? Къ чему изображены авторомъ въ драмѣ военные, а не штатскіе, или наоборотъ? Къ чему? Такихъ вопросовъ можно поставить великое множество. Символизмъ драмы Ибсена отрицать нельзя, нельзя слѣдовательно, не нарушая *художественности* картины, и произвольно выбрасывать его. Дѣйствительно, идею, положенную въ основу «Дикой утки», можно было бы разработать и иначе, чѣмъ разработалъ ее Г. Ибсенъ; но тогда бы эта драма или романъ были написаны не Ибсеномъ, а кѣмъ-либо другимъ. Вопросъ о символизмѣ въ драмѣ сводится, слѣдовательно, не къ произвольному отрицанію значенія символа, а къ выясненію его *художественнаго* значенія. Если критика докажетъ, что символизмъ «Дикой утки» не художественъ, что, благодаря ему, основная идея драмы затем-

няется или извращается, о, тогда казните автора, господа критики! Но если символъ въ драмѣ усиливаетъ только художественное *настроenie* или благодаря символу дѣйствіе драмы объединяется, становится болѣе выпуклымъ, болѣе реальнымъ, то нужно быть лишеннымъ всякаго художественнаго чутья, чтобы *ad majorem gloriam* бытового реализма отвергать то, что составляетъ художественную красоту произведенія! А символизмъ Ибсена именно тѣмъ и увлекаетъ, что благодаря ему зрителя охватываетъ то *настроenie*, которое должно будетъ царить во всей драмѣ, съ первыхъ же словъ дѣйствующихъ лицъ въ первомъ актѣ.

Вы въ домѣ богатаго коммерсанта Верле. Никто еще ни слова не проронилъ о «дикой уткѣ», передъ глазами зрителей еще не развернулась картина жизни Яльмара Экдала, того чердака, въ которомъ ютится подстрѣленная дивая утка; но вотъ вы слышите слова старика Верле въ разговорѣ съ его сыномъ Грегерсомъ: «Бываютъ люди на этомъ свѣтѣ, которые опускаются на самое дно, если только въ нихъ попадетъ нѣсколько дробинокъ, и затѣмъ они уже никогда не могутъ опять подняться вверхъ». Въ этихъ словахъ передъ нами прошелъ образъ «дикой» утки, живущей въ семьѣ Экдалей. И дѣйствительно, какъ только драматургъ вводитъ насъ въ эту семью (во второмъ дѣйствіи), съ первыхъ шаговъ нашего знакомства съ отдѣльными членами этой семьи, образъ дикой утки, подстрѣленной, утратившей воспоминаніе о когда-то свободной жизни въ воздушномъ привольѣ, неотступно преслѣдуетъ насъ. Предъ нами Экдаль—отецъ, старецъ «съ серебряными кудрями», по напыщенному выраженію его сына Яльмара, когда-то неукротимый охотникъ на медвѣдей, блестящій офицеръ, а теперь бѣдный, выжившій изъ ума старикъ, просидѣвшій нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ за грѣхи своего бывшего компаньона богача Верле. Онъ весь—живое изображеніе подстрѣленной, живущей въ полутьмѣ чердака, дикой утки. И онъ когда-то свободно царилъ въ свободныхъ лѣсахъ и горныхъ высотахъ, но выстрѣлъ судьбы сразилъ эту свободолюбивую натуру; онъ, подобно дикой уткѣ, упалъ на дно и былъ вытащенъ оттуда смѣлой охотничьей собакой. Теперь онъ доживаетъ свои дни, охотясь на чердакѣ на кроликовъ и голубей, въ полной увѣренности, что живетъ настоящей охотой въ свободныхъ пространствахъ. За Экдалемъ-отцомъ проходитъ передъ нами Экдаль-сынъ. Онъ весь съ головой ушелъ въ ложъ жизни, слѣпо увѣровалъ въ нее. Ударъ, поразившій отца, поразилъ и сына. Охотникъ, подстрѣлившій его отца, старый Верле, подстрѣлилъ тѣмъ же выстрѣломъ и сына. Онъ долженъ былъ отказаться отъ свободнаго выбора карьеры. Позоръ, наложившій пятно на имя отца, отразился и на Яльмарѣ. По указанію стараго Верле, онъ сталъ фотографомъ. Тотъ ему помогъ устроить фотографическое заведеніе и въ довершеніе благодѣянія женилъ на своей бывшей любовницѣ Гинѣ. И Яльмаръ, когда-то красавецъ-юноша, подававшій большія надежды, забросилъ всѣ свои свободолюбивыя мечты, помирился съ той ложью жизни, которой окуталъ его старый Верле, и съ подстрѣленнымъ крыломъ, весь ушелъ въ царство «дикой утки». «А тамъ, на чердакѣ, она

чувствуетъ себя вполне счастливою?»—спрашиваетъ Грегерсъ у Яльмара про дикую утку.—«Она тамъ живетъ такъ давно—отвѣчаетъ Яльмаръ,—что ужъ успѣла и забыть про свою прежнюю жизнь на свободѣ. *А въдь это самое главное*».

А маленькая Эдвигъ, мнимая дочь Яльмара Экдаля, а на самомъ дѣлѣ дочь Гины и старика Верле, развѣ она не является полнымъ олицетвореніемъ ея любимицы «дикой утки»? Какъ та, такъ и Эдвигъ живетъ на чердакѣ, въ тѣсной скудной обстановкѣ лжи и самообмана; она искренно вѣритъ, что домъ ея отца есть домъ свободной, истинной жизни, что ея «дикая» утка, хромяя, ожирѣвшая въ полутьмѣ чердака, есть олицетвореніе этой свободной жизни. Прислушайтесь къ разговору маленькой Эдвигъ съ Грегерсомъ Верле, когда она съ чарующей наивностью рассказываетъ о своемъ жить-бытьѣ, о томъ чудесномъ для нея мірѣ, въ которомъ живетъ ея любимица дикая утка. Тамъ стоитъ шкапъ со старинными книгами, въ которыхъ такъ много чудесныхъ *изображеній* церквей, замковъ, улицъ, кораблей, плывущихъ въ свободное море; тамъ стоятъ старинные часы съ башней, съ фигурами людей, которые *могутъ* выходить изъ башни... «Но часы эти больше не ходятъ»,—говоритъ Эдвигъ.—«Такъ, значить, время остановилось въ царствѣ дикой утки»,—замѣчаетъ Грегерсъ.—«Да,—просто-душно отвѣчаетъ маленькая Эдвигъ.—*Да, время остановилось въ царствѣ дикой утки*». И вотъ это-то царство сѣа во лжи хочетъ пробудить живымъ словомъ правды мечтатель «идеальныхъ требованій» Грегерсъ Верле. Онъ хочетъ открыть глаза своему другу Яльмару, онъ не вѣритъ, чтобы Яльмаръ могъ сознательно примириться съ ложью въ жизни, онъ думаетъ, что въ Яльмарѣ онъ встрѣтитъ того человѣка, который, познавъ истину, станетъ «рыцаремъ духа» и сумѣетъ поднять до себя въ этой правдѣ и свою жену Гину. Увы, Грегерсъ глубоко ошибался въ своемъ другѣ. Царство лжи и самообмана окончательно засосало его, въ его характерѣ не осталось и тѣни тѣхъ основныхъ элементовъ, которые рождаютъ если не пасторовъ Росмеровъ, то хотя бы Грегерсовъ Верле. Бѣдный фотографъ, которому циникъ докторъ Реллингъ успѣлъ привить еще одну ложь, что Грегерсъ великій изобрѣтатель и подаритъ міру какое-то великое изобрѣтеніе въ области фотографіи, оказывается совершенно неподходящимъ субъектомъ для испытанія надъ нимъ благодѣтельной силы правды.

Правда, сказанная ему Грегерсомъ, выбиваетъ его изъ колеи, онъ не знаетъ, что дѣлать съ этой правдой, какъ ему быть съ Гиной, какъ ему поступить съ маленькой Эдвигъ; правда давить его, и онъ не можетъ найти иного исхода, какъ всей силой своего эгоизма обрушиться на самое беззащитное существо—на маленькую Эдвигъ, онъ сомнѣвается въ ея любви къ нему, онъ требуетъ доказательства этой любви. И бѣдная дѣвочка, рѣшившаяся, по совѣту Грегерса, принести, какъ доказательство любви къ отцу, въ жертву свою любимую «дикую утку», приноситъ въ жертву себя, когда она слышитъ, что отецъ ея сомнѣвается даже въ томъ, что она его дочь.

Смерть Эдвигъ развязала мученія Яльмара Экдала. Истинный порывъ горя быстро смѣнился обычной ему позой самообмана. Не пройдетъ еще и года, не успѣетъ засохнуть на могилѣ Эдвигъ первая травка, и мы услышимъ Яльмара, въ высокопарныхъ фразахъ изливающего свое горе «по дочери, которая слишкомъ рано была оторвана отъ его отцовскаго сердца». Тогда вы увидите,—говоритъ докторъ Реллингъ своему антагонисту Грегерсу,—какъ онъ задрапируется въ мантию трогательнаго горя, сожалѣнія къ самому себѣ, поклоненія самому себѣ.

Такъ плачевно кончилась попытка проповѣдника идеальныхъ требованій, Грегерса Верле, предъявить эти требованія будничнымъ людямъ, которыхъ онъ ошибочно считалъ за людей, отмѣченныхъ силой духа, способныхъ воспринять правду жизни и жить въ этой правдѣ. А рядомъ съ этимъ, въ то время какъ правда для Яльмара и Гины оказывается недоступнымъ благомъ, старый Верле женится на своей эконоимѣ Сѣрби, и бракъ ихъ будетъ счастливымъ бракомъ, такъ какъ Верле и Сѣрби соединяютъ свою жизнь въ одну, очистивъ ее отъ всякой лжи другъ передъ другомъ.

Не величайшая ли это иронія судьбы? Не должна ли окончательно рушиться, благодаря ей, слѣпая вѣра Грегерса въ силу его идеальныхъ требованій? Какъ мы указали уже раньше, вѣра эта продолжаетъ жить въ сердцѣ упрямаго идеалиста, и онъ уходитъ изъ дома Экдалей, съ непоколебимой рѣшимостью такъ или иначе продолжать свое *призваніе*—быть тринадцатымъ за столомъ.

Читатели простятъ мнѣ, надѣюсь, то, что я не пересказалъ актъ за актѣмъ содержаніе «Дикой утки». Драма эта написана еще въ 1884 году. Я убѣжденъ, что многіе прочли, и не разъ, это произведеніе Ибсена, а тѣмъ, которые *не успѣли* еще прочитать ее, я могу лишь посовѣтовать прочесть ее теперь, а затѣмъ ужъ посмотрѣть ее въ исполненіи артистовъ нашего Художественнаго театра.

Успѣхъ «Дикой утки» долженъ быть названъ успѣхомъ очень спорнымъ. Много недоумѣнія вызвали и исполненіе драмы, и ея постановка.

Между тѣмъ труда, вдумчивой работы въ отдѣлѣ каждого слова, каждой детали роли было вложено каждымъ артистомъ удивительно много.

Въ чемъ же загадка неуспѣха? Мнѣ кажется прежде всего въ неправильномъ, слишкомъ—скажу прямо—тенденціозномъ, толкованіи драмы. Художественный театръ боится символизма. Какъ изображать символъ? задаютъ себѣ вопросъ артисты театра, и, конечно, весьма резонно отвѣчаютъ: символъ изобразить нельзя. И тѣмъ не менѣе они его изображаютъ! Да, именно изображаютъ, и въ этомъ основная ошибка постановки. Символомъ драмы «Дикая утка» является, какъ мы видѣли, неодушевленный предметъ. Казалось бы, чего проще обратиться къ изученію ролей драмы, поскольку онѣ освѣщены этимъ символомъ? Онъ только помогъ бы разобраться въ характеристикѣ каждой роли, въ ея идейномъ значеніи. Но символа артисты боятся, и вотъ они задаются весьма обидной для Ибсена задачей: уничтожить символъ и устроить изъ него лишь *аксессуаръ постановки*.

Такимъ образомъ, исходя изъ вполне правильнаго положенія, что символъ изображать вовсе не слѣдуетъ, они не находятъ ничего лучшаго, какъ символъ облечь въ реальныя формы. И если зрители въ постановкѣ Художественнаго театра не видали реального изображенія дикой утки, то изображеніе освѣжеваннаго кролика, въ формѣ удивительно неэстетичной, имъ преподнесли. Всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ о дикой уткѣ,—а этихъ разговоровъ въ драмѣ очень много,—велись артистами въ такомъ тонѣ, что зрителямъ какъ бы намѣренно внушалось, что вся эта исторія съ дикой уткой только такъ, дѣтская забава маленькой Эдвигъ. И весьма понятно послѣ этого, что одинъ изъ газетныхъ критиковъ настолько проникся убѣжденіемъ, что всѣ эти разговоры о дикой уткѣ—пустые разговоры, что не постѣснился привести отрывокъ разговора Грегерса Верле съ маленькой Эдвигъ, отрывокъ, выхваченный совершенно нелѣпо изъ общей нити разговора, и воскликнуть что-то вродѣ: ну, не дикая ли дичь *весь* этотъ разговор!

Въ такихъ «дикихъ» отзывкахъ о «Дикой уткѣ», мнѣ кажется, повиненъ во многомъ Художественный театръ. Благодаря необыкновенно обдуманному постановкѣ, игрѣ артистовъ, зритель, не знакомый съ изображаемымъ произведеніемъ, подвергается полному гипнозу сцены. И если къ тому же при постановкѣ допущены произвольныя купюры, выпущены нѣкоторыя сцены, имѣющія значеніе для выясненія идеи драмы (такъ было, напр., именно въ «Дикой уткѣ», гдѣ выброшена была, ради экономіи времени, сцена 4-го дѣйствія: приходъ госпожи Сѣрби къ Эдалямъ, ея разговоръ съ Гиной, Яльмаромъ, Грегерсомъ и Реллингомъ, въ которомъ она объявляетъ о своемъ замужествѣ съ старымъ Верле, и весь послѣдній діалогъ Грегерса съ Яльмаромъ), тогда понятно, что зрители окончательно теряютъ нить самостоятельной оцѣнки произведенія и готовы вѣрить всему тому, что даетъ имъ сцена.

Подводя итогъ сказанному о постановкѣ «Дикой Утки» на сценѣ Художественнаго театра, приходится замѣтить слѣдующее. Принявъ въ основу исполненія неосуществимую, безъ ущерба для идеи драмы, задачу *реального* изображенія символа, увлекшись стремленіемъ изобразить на сценѣ исключительно *бытовую* драму, артисты, каждый въ предѣлахъ своей роли, передалъ только *внѣшній* обликъ, крайне односторонній, изображаемаго имъ лица. Объ отдѣльныхъ исполнителяхъ я воздержусь упоминать, такъ какъ всѣ они играли очень талантливо, но къ сожалѣнію не тѣхъ лицъ, которыя рисуются намъ въ ибсеновской драмѣ. Исключеніе составлялъ женскій персоналъ. Г-жа Муратова была истинной ибсеновской Гиной и г-жа Гельцеръ была искренней маленькой Эдвигъ; г-жа Раевская, по волѣ дирекціи театра, сыграла лишь часть госпожи Сѣрби, такъ какъ сцена ея въ 4-мъ дѣйствіи была выпущена.

Обстановка драмы отдѣлана артистически, но чересчуръ манерно. Чердакъ, въ которомъ живетъ «дикая утка», построенъ *надъ* жильемъ Эдалей, на него ведетъ весьма крутая и опасная для восхожденія лѣстница,

тогда какъ, по мысли Ибсена, чердакъ долженъ быть *на уровнѣ* жилья Эйкалей. Повидимому, и здѣсь театромъ руководило желаніе запрятать символъ подалеже отъ зрителей.

Кромѣ «Дикой Утки» изъ театральныхъ новинокъ въ истекшемъ мѣсяцѣ были поставлены: въ Маломъ театрѣ комедія Брие «Замѣстительницы» (Les remplacements), въ Новомъ театрѣ—«Воспитатель Фракманъ», новая комедія Эрнста, и наконецъ, въ Новомъ же театрѣ—фантастическая сказка въ стихахъ Е. П. Гославскаго «Разрывъ-трава». Объ этой послѣдней мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ.

Насколько мнѣ извѣстно, сказка эта написана Е. П. Гославскимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по заказу дирекціи Императорскихъ театровъ и въ первоначальной редакціи имѣла характеръ фееріи. Предполагались въ ней и пѣніе, и балетъ, и мелодекламация. Постановка фееріи не состоялась, и вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ «Разрывъ-Трава» увидала, какъ принято выражаться, «свѣтъ ramпы», но уже въ переработанной формѣ, въ формѣ чисто-драматическаго произведенія. Мнѣ кажется, на достоинствѣ сказки Е. П. Гославскаго, какъ драматическаго произведенія,—и сказалась переработка ея изъ фееріи въ драму. Многое, что было уместно въ фееріи, осталось въ драмѣ только потому, что ужъ было написано, написано талантливо,—такъ жаль выбрасывать... Такимъ излишнимъ элементомъ въ драмѣ является чрезмѣрное нагроможденіе отдѣльныхъ фигуръ обитателей земного, воднаго и воздушнаго міровъ. При непосредственной разработкѣ сюжета въ драму, авторъ навѣрное и не задумалъ бы такого количества фигуръ. Кого здѣсь только нѣтъ: и Кощей-безсмертный, и Баба-Яга, и Смерть-поѣдучая, и русалки, и лѣшіе, и водяные, и вѣдьмы, и просто черти... Слишкомъ много чертей! А жаль. Въ общемъ, по своему основному замыслу, сказка Е. П. Гославскаго очень симпатична и отдѣльныя сцены разработаны прямо талантливо. Поставлена сказка, подъ режиссерствомъ А. П. Ленскаго, очень живописно. Нѣкоторыя сцены, какъ, напр., появленіе домового, появленіе русалокъ въ рѣчной заводѣ—производятъ чарующее впечатлѣніе настоящей русской сказки. Играютъ артисты Новаго театра «Разрывъ-Траву» прекрасно.

Я. А. Ф—инъ.

Печатается и въ половинѣ октября выйдетъ въ свѣтъ литературно-художественный сборникъ

НА ТРУДОВОМЪ ПУТИ.

(Чистый сбѣръ отъ продажи этого сборника назначается НА СТИПЕНДИИ для дѣтей-сиротъ учителей народныхъ школъ имени ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА ТИХОМИРОВА въ виду исполнившагося ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ его литературно - педагогической дѣятельности).

Въ составъ сборника «На трудовомъ пути» входятъ рассказы: Вас. Ив. Немировича-Данченко, М. Н. Альбова, Ант. П. Чехова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, М. В. Крестовской, Н. Н. Златовратскаго, К. С. Баранцевича, И. Н. Погаленка, С. Я. Елпатьевского, П. А. Сергѣенка, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, Д. Л. Мордовцева, Г. А. Мачтега, В. М. Михеева, В. П. Острогорскаго, Н. Д. Телешова, Е. П. Гославскаго, В. А. Гиляровскаго, В. М. Лаврова, М. А. Козырева, П. М. Невъжина, К. Д. Носилова, С. В. Зенченка, А. К. Сизовой, М. Н. Слѣпцовой, Сергѣя Глаголя (псевдонимъ), Е. П. Муратовой, С. Т. Семенова А. Д. Солодовникова, Ѳ. Ѳ. Тищенко, Е. Н. Опочинина, К. В. Лукашевичъ, П. А. Левицкаго, І. Любича-Кошурова, С. Н. Бродовича, Н. А. Соловьева-Несмѣлова; стихотворенія: Д. Л. Михаловскаго, Ив. А. Бунина, Вл. Н. Ладыженскаго, П. А. Тулуба, Н. И. Познякава, Вл. А. Гиляровскаго, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, В. П. Лебедева, Р. И. Сементковскаго, В. П. Острогорскаго, С. Д. Дрожжина, А. А. Ѳедорова-Давыдова, И. А. Бѣлоусова, Е. А. Буланиной, А. А. Монастырскаго (псевдонимъ), Ѳ. Гаврилова, Е. Нечаева; научные и біографическіе очерки: Н. И. Стороженка, А. М. Скабичевскаго, Ив. Ив. Иванова, В. П. Авенариуса, Д. А. Коропчевскаго, В. А. Вагнера, А. А. Слѣпцова, Н. А. Рубакина, д-ра Н. Я. Пясковскаго, В. А. Гольцева, Д. Д. Солодовникова, В. Е. Ермилова, А. А. Чеглока (псевдонимъ), Н. А. Зимченка (псевдонимъ); оригинальные рисунки художниковъ: В. В. Васнецова, В. Сурикова, Кл. Лебедева, Богатова, Архипова, П. Васнецова, Соколова, Виноградова, Иванова, Пастернака, Досѣкина, Тишина, Андреева, Нордберга, Телешовой, Чичагова, Кучеренка, Спасскаго, Боровкова, Гугунавы, Литвиненка; музыкальный отдѣлъ: колыбельная пѣсня—Р. И. Сементковскаго, хоръ на слова Жуковскаго, муз. Слонова и друг.

Сборникъ печатается въ объемѣ тридцати печатныхъ листовъ на лучшей специально-заказанной бумагѣ, съ портретами и факсимиле всѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ входятъ въ составъ его, съ портретами художниковъ, давшихъ свои рисунки, и портретомъ-фотогипию Д. И. Тихомирова.

Цѣна сборника послѣ пятнадцатаго октября два руб.; на веленовой бумагѣ—три руб.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
„РУССКОЙ МЫСЛИ“

ПРОДАЮТСЯ ПО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Бальзакъ. Собраніе сочиненій. 14 томовъ. Ц. 5 р.
Брегъ-Гартъ. Собраніе сочиненій. 8 томовъ. Ц. 3 р.
Вальтеръ-Скоттъ. Собраніе сочиненій. 13 томовъ. Ц. 5 р.
Гофманъ. Собраніе сочиненій. 6 томовъ. Ц. 2 р.
Жоржъ-Зандъ. Собраніе сочиненій. 15 томовъ. Ц. 4 р.
Диккенсъ. Собраніе сочиненій. 26 томовъ. Ц. 8 р.
Зола. Собраніе сочиненій. 23 тома. Ц. 7 р.
Шпильгагенъ. Собраніе сочиненій. 15 томовъ. Ц. 5 р.
Флоберъ. Собраніе сочиненій. 4 тома. Ц. 1 р. 50 к.
Эберсъ. Собраніе сочиненій. 10 томовъ. Ц. 3 р.
Поэ. Собраніе сочиненій. 2 тома. Ц. 75 к.

Приобрѣтающіе полный комплектъ пользуются за счетъ книжнаго магазина пересылкой на разстояніе не болѣе 1,000 верстъ.

Со скидкою 30%, слѣдующія книги:

- Вѣтринскій, Т. Н. Грановскій и его время. Ц. 1 р. 60 к.
Токвиль. Старый порядокъ и революція. Подъ ред. П. Г. Виноградова.
Изд. 2-е. Ц. 50 к.
Вѣщій Боянъ. Возрожденіе идейнаго искусства. Гергартъ Гауптманъ. Ц. 40 к.
Album illustré. La Russie et les russes. Ц. 30 к.
» Universel. Ц. 30 к.
» La France aquarelles. Ц. 30 к.
» Autour du monde. Ц. 30 к.
Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускъ. Ц. 2 р.
Тьерри, Огюстенъ. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія.
Подъ ред. Р. Ю. Вишпера. Ц. 60 к.
Романесъ. Теорія Дарвина. Перев. М. А. Мензбира. Ц. 70 к.
Киддъ Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к.
Янсенъ, I. Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. Ц. 1 р. 25 к.
Легурно, Ш. Эволюція рабства. Ц. 1 р. 50 к.
Гиршъ. Преступленіе и проституція. Ц. 30 к.
Бэрдъ, I. Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Ц. 1 р. 25 к.
Дюрингъ, Е. Великіе люди въ литературѣ. Ред. Антоновскаго. Ц. 3 р. 50 к.
Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Ц. 1 р. 20 к.
Зиберъ, Н. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ. Ц. 2 р. 25 к.
Драперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. (Въ перепл.). Ц. 2 р. 25 к.
Эменъ, А. Общія основанія конституціоннаго права. Ц. 1 р. 75 к.
Григоровичъ, Д. В. Переселенцы. Ц. 2 р. 50 к.
Сергѣенко, П. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Ц. 2 р. 50 к.
Дарвинъ. Собраніе сочиненій. Изд. О. Н. Поповой. Т. I—II. Ц. 3 р.

Москва, Леонтьевскій переулокъ, домъ Халатова.

Пересылка по разстоянію.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

15 Jul 63 DW	
REC'D LD	
JUL 3 1963	
JAN 14 1983	16
RECEIVED BY	
AUG 11 1982	
CIRCULATION DEPT.	
JUL 5 1984	16
rec'd circ. APR 24 1984	
LIBRARY USE APR 11 1986	

LD 21A-50m-11,'62
(D3279a10)476B

General Library
University of California
Berkeley

C008719300

